История Балкан

Век восемнадцатый

НАУКА

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

История Балкан

Век восемнадцатый

МОСКВА НАУКА 2004

inslav

УДК 94(4)''654''
ББК 63.3(4)
И 90

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.Н. ВИНОГРАДОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.В. ГОРИНА,
доктор исторических наук И.В. ЧУРКИНА

История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. — М.: Наука, 2004. — 546 с. — ISBN 5-02-010261-X (в пер.).

Впервые в отечественной историографии представлена в систематическом виде история балканских народов в XVIII столетии в связи с ситуацией в Европе. Христиане стали стороной наступающей, мусульмане — обороняющейся и отступающей. Родилось балканское направление во внешней политике России, определилась ее решающая роль в процессе освобождения региона. В книге проведен анализ всех компонентов Восточного вопроса, развития освободительного движения христианских народов, эволюции политики держав. Издание содержит характеристику экономического, социального, политического и духовного развития народов Балкан.

Для историков, политологов, широкого круга читателей.

ТП-2005-I-№ 319

ISBN 5-02-010261-X

© Коллектив авторов, 2004
© Российская академия наук, 2004
© Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2004

inslav

Предисловие

Настоящая книга — первая в России, посвященная истории Балкан в комплексе и на протяжении длительного и судьбоносного для региона периода, века XVIII, когда Балканы вернулись в лоно Европы. Османское нашествие XIV—XVI столетий практически вырвало балканские народы из европейской истории; кое-какие связи, конечно же, сохранялись в контактной зоне по порубежью. Далматинское побережье Адриатики принадлежало Венецианской республике; богатая греческая диаспора учредила свои торговые дома по всему континенту, от Лондона до Нежина; в Московию регулярно приезжали монахи с просьбами о помощи страдающей православной церкви. Но не это определяло строй жизни сербов, черногорцев, болгар, греков, молдаван и валахов, а пребывание в составе Османской империи с ее иерархией ценностей и подразделением жителей на правоверных мусульман и "неверных" и бесправных христиан.

Затянувшаяся на 17 лет (1683—1699) война Священной лиги (Австрия, Польша, Россия, Венеция) против Высокой Порты ознаменовалась крутой переменой в раскладе и расстановке сил, христиане стали стороной наступающей, мусульмане —обороняющейся и отступающей. Значительные территории, населенные сербами и греками, оказались временно занятыми войсками лиги. В 1690 г. состоялся великий исход сербского народа во главе с патриархом Арсением Черноевичем из Старой Сербии в австрийские владения.

Роли переменились. Теперь уже христианские страны не оставляли в покое переживавшую глубокий кризис османскую державу. XVIII столетие знает четыре войны с нею России, три — Австрии (из которых две в союзе с Петербургом), две — Венеции. Сформировалось балканское направление внешней политики Австрии и России, регион вошел в систему международных отношений Европы.

И все это происходило на фоне первых ростков балканского Возрождения. Корифеи Ренессанса на Западе мечтали вырваться из мрака Средневековья к светлым далям культуры и искусства античного мира. У балканцев идея получила иное преломление. Предки славян и румын во времена Древней Греции вели племенное существование. Их вдохновляли другие воспоминания, образы сравнительно развитых и независимых государств — королевства Неманей в Сербии, двух Болгарских царств, кня-

inslav

жеств Штефана Великого в Молдавии и Мирчи Старого в Валахии. У греков память об Элладе заслонялась величественным видением могущественной Византийской империи. Весь накопленный историей опыт учил — вырваться из османской темницы можно, опираясь лишь на христианские державы.

Связи с ними после войны Священной лиги приняли иной масштаб и характер. Торговые и религиозные отношения не исчезли, а дополнились новым содержанием, конечная же цель определялась как освобождение. Образовалось два центра сербизма — во владениях Высокой Порты и в Габсбургской монархии, складывавшиеся в сфере языка, религии и культуры как единое целое. Румынский этнос формировался в трех княжествах — Молдавии, Валахии и входившей в состав земель австрийского дома Трансильвании. Многочисленное славяноязычное и латиноязычное население развивалось в хозяйственной, политической и духовной атмосфере Центральной Европы, и значение связей с ним "турецких" сербов, молдаван и валахов чрезвычайно велико, о чем свидетельствует так называемая трансильванская школа у румын и величественная фигура будителя Досифея Обрадовича, выходца из Австрии, у сербов. Иные соки питали возрожденческий процесс у болгар, населявших земли у жизненных центров империи, а потому находившихся под особо пристальным надзором власть предержащих, скорых на расправу. В памяти народной, в песнях, легендах и летописях сохранялись воспоминания о временах, когда Болгария соперничала с Византией. В плане внешнем болгары не знали альтернативы ориентации на Россию, которая постепенно, по мере выявления экспансионистских замыслов Габсбургской монархии, становилась господствующей у сербов и румын. Даже трагический исход прутского похода Петра I (1711 г.) не изменил эту тенденцию. Царь в прихотливом народном воображении превратился в легендарного освободителя, а поход, несмотря на неудачу, способствовал национальному пробуждению балканских христиан.

Внешний фактор оказывал значительное, а подчас решающее влияние на все стороны жизни Юго-Восточной Европы, в том числе и духовной. Существование под турецкой крышей означало прозябание. Перспективу развития и реформ без разрыва с деградирующей османской махиной мыслящая элита балканского общества не допускала, и будущее связывала с освобождением.

По всем этим причинам целостное изучение эпохи на Балканах немыслимо без учета нараставшего давления держав на Турцию. Первый раздел книги озаглавлен "Европейская панорама". Здесь на арене выступали две силы: Австрия и Россия — в первой половине столетия, Россия и Австрия — во второй половине в сложных взаимоотношениях сотрудничества (как-никак — две войны в союзе) и соперничества. Обе державы боролись за влияние в регионе, но стремились к цели в разной форме: Габсбурги — при помощи прямого присоединения территорий, т.е. аннексии, самодержавие — путем образования на южном порубежье автономных христианских княжеств под своей протекцией. Последнее означало возрождение (в иных случаях — упрочение) национальной государственности молдаван, валахов, сербов, черногорцев, болгар и греков, что отвечало их сокровенным чаяниям. Устремления российской дипломатии и интере-

inslav

сы балканских народов смыкались, что и определило в конечном счете победу ориентации на Россию в их освободительном движении.

Сознание православной общности являлось мощным фактором в складывании российско-балканских отношений. Но все же надо иметь в виду, что балканское направление внешней политики выросло из южного, а появление последнего диктовалось логикой государственных интересов, в повестке дня стояло обретение массива плодородных земель Причерноморья, их хозяйственное освоение, ликвидация постоянной угрозы опустошений со стороны крымского войска, обеспечение безопасности державы на юге. Но Черное море — почти замкнутый водный бассейн. Развитие же всего юга в перспективе требовало выхода на внешние рынки. Прорубить окно в Европу через Босфор и Дарданеллы было не менее важно, чем в Балтику. А на страже Черноморских проливов стояла Турция. Столкновение с нею становилось неотвратимым.

Жизнь являла картину бесконечно более сложную, чем изложенная выше схема. И у России, и у Австрии балканское направление представляло одну из составляющих их внешней политики; понять конкретные проявления игры на Балканах нельзя без учета важнейших событий бурного XVIII в.: войн — Северной, за Испанское и Австрийское наследство и Семилетней, конфигурации сил на европейской арене. Помимо основных игроков на балканской сцене, России и Австрии, здесь интриговала Франция как традиционный друг и покровитель Высокой Порты, проявляла активность Великобритания, считавшая султана стражем Черноморских проливов, действовали Швеция, Пруссия и в начале столетия Венеция. К концу же его, ввиду триумфальных успехов России на пути укрепления на Балканах, предпосылки для ее сотрудничества с Австрией исчезли и последняя стала переходить на позиции статус-кво — сохранения целостности владений и власти Высокой Порты на Балканах.

Великая французская революция смешала все карты в балканской колоде, сплотила монархов в противодействии "революционной гидре" и смягчила их соперничество в Юго-Восточной Европе. Австрия, Пруссия, Великобритания, Россия и даже Турция выступили в рамках антифранцузской коалиции.

Судьбам сербов, черногорцев, болгар, греков, албанцев, валахов и молдаван в Турции посвящены страноведческие главы раздела "Балканская панорама". Поскольку развитие этих народов проходило в условиях глубочайшего системного кризиса, охватившего владения султана, необходимо дать представление об общих его чертах, показать, что же, почему и как развалилось. Этой цели служит вводная глава "Османская империя — от величия к упадку".

В страноведческих главах освещаются такие вопросы, как статус того или иного этноса в державе, конкретные проявления системы турецкого господства и управления, социальная структура общества, состояние экономики (сельского хозяйства, ремесла, торговли), развитие городов, роль церкви в духовной жизни, появление и развитие ростков возрожденческого процесса, становление национальной культуры, зарождение и эволюция идеологии освобождения, участие жителей в сотрясавших регион войнах на стороне Австрии и России.

В эпоху Екатерины II Россия превратилась в силу, от которой в значительной степени зависело будущее балканских народов. Ее политика оп-

inslav

ределялась не только государственными интересами, но и мотивами духовного, даже душевного свойства, сознанием православной солидарности. Освобождение Балкан воспринималось как миссия, возложенная на Россию провидением.

Итоги XVIII столетия выглядят впечатляюще: начало века — пробуждение народов, усиление контактов с Европой; его конец — готовность к открытой, широкомасштабной, вооруженной освободительной борьбе, нашедшей свое выражение уже в следующем веке в двух сербских восстаниях — 1804—1813 и 1815—1817 гг., валашском 1821 г. и греческой национальной революции 1821—1829 гг.

Работа над многоплановым коллективным трудом неизбежно связана с определенными сложностями структурного порядка. Так, общая канва международных отношений обрисована в разделе "Европейская панорама". Необходимо, однако, дать специфику складывания этой обстановки для каждого народа в отдельности, показать ее воздействие на освободительный процесс, дать картину его участия в войнах, проанализировать зарождение и развитие той или иной внешнеполитической ориентации и причины ее изменения, разобраться в сложных маневрах общественной элиты, объяснявшихся опасением, что открытый переход на сторону противников Высокой порты ей даром не пройдет. Все это сделано в страноведческих главах. Авторский коллектив полагает, что нельзя требовать, чтобы каждый читатель знакомился с подобной книгой "от доски до доски"; отдельные страноведческие главы должны иметь и самостоятельное значение и содержать необходимый материал для всестороннего представления о болгарских, сербских и прочих землях в XVIII столетии. По этим причинам мы считаем неизбежными отдельные тематические повторения.

Существуют и некоторые терминологические трудности. В многоликой и разноязыковой державе одни и те же должности, звания, меры, денежные единицы, налоги именовались различно (скажем: бей — бек — бег). В страноведческих главах они называются в соответствии со сложившейся практикой, а в конце книги помещен небольшой терминологический словарь.

Следующий том "Истории Балкан" будет посвящен XIX в. — до Крымской войны включительно.

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 01-01-00256а).

inslav

Османская империя: от величия к упадку

К числу загадок мировой истории можно отнести сказочное вознесение турок-османов на ее вершину. Как могло неведомое в Европе племя, занимавшее к началу XIV в. крошечный участок земли по азиатскому берегу Черноморских проливов, за каких-нибудь два века создать великую империю?

Уже современники предавались размышлению. Мудрецу из Остравицы Константину Михайловичу (XV в.) принадлежат слова: "Знайте, что все эти неверные такие смелые и отважные не сами по себе, а из-за наших разногласий. Наша взаимная ненависть и неприязнь приносили им победы"[1]. Ответ лежит на поверхности и объясняет многое, хотя и не все. Османы появились на Балканах в разгар феодального развала, нескончаемых междоусобиц и кровавых военных разборок. И что самое главное — османы не вторглись в Европу, а их пригласили, причем сразу, обе враждовавшие стороны в Византии. В 1320 г. престарелый император Андроник II отстранил своего внука, тоже Андроника, от престолонаследия, обвинив его в убийстве брата. Византийская знать раскололась, оробевший старец отказался от дискриминации внука, но тайно продолжал свои интриги. При этом дед опирался на помощь сербов, а внук — болгар. Молодой Андроник занял Константинополь, вынудил деда к пострижению, и тот скончался под именем монаха Антония. Богатая, плодородная Фракия была ограблена и опустошена, по ней гуляли и сербы, и болгары, и отряды турок-сельджуков. А в Малой Азии набирал силы прежде незаметный Османский эмират, и попытка Андроника III его усмирить окончилась провалом, а сам он согласился платить ему дань. Османские владения распространились до берега Мраморного моря, оставалось — перейти через него.

В 1330 г. вспыхнула война между Сербией и Болгарией. Царь последней — Михаил Шишман — потерпел поражение, был ранен, пленен и впоследствии скончался. Его судьбу разделил победитель, король Стефан Дечанский, свергнутый с престола собственным сыном Стефаном Душаном и убитый в тюрьме. Душан (1331—1355), личность незаурядная, распространил свою власть на Македонию, Албанию, Эпир и Фессалию. Под конец жизни он именовал себя владыкой сербов, греков, болгар и албанцев. Но это был лишь призрак величия. Сербская держава рухнула после его смерти даже без вмешательства османов.

inslav

В 1341 г. Андроник III скончался, оставив восьмилетнего сына Иоанна на попечении матери, Анны Савойской. Междоусобица в Византии вспыхнула с новой силой, продолжалась 13 лет и переросла на этот раз в гражданскую войну — народные массы выступили против феодальной знати, а соседи вмешивались в надежде на византийское наследство. Реальная власть сосредоточилась в руках регента Иоанна Кантакузина, который выступил с претензией на престол и был провозглашен императором Иоанном VI. Правящая элита раскололась, в спор вмешались сербы, болгары, турки-сельджуки, венецианцы, генуэзцы. Обе стороны — и Анна Савойская, и Кантакузин — обратились за защитой к османам. Кантакузину "повезло", так как ему удалось заключить союз с эмиром Орханом (1345 г.), пожертвовав ради этого своей дочерью: юная Феодора отправилась в гарем мусульманина. Казна опустела, Анна Савойская заложила даже драгоценные камни императорского венца, заменив их стекляшками, а узурпатор оплачивал службу османов деньгами, присланными московским князем Симеоном Гордым для ремонта храма Святой Софии. В 1348 г. на Византию обрушилась эпидемия чумы, страна изнемогала под бременем междоусобиц, разуверилась в узурпаторе. Провалилась его ставка на турок-османов, действовавших вполне самостоятельно и закрепившихся в крепости Цимпе на полуострове Галлиполи. Спохватившийся Кантакузин предложил значительную сумму, лишь бы турки оттуда убрались, отправился на поклон к зятю Орхану, но тот не допустил к себе тестя. Стихийное бедствие помогло туркам еще больше укрепить свое положение: в 1354 г. землетрясение разрушило город Галлиполи, османы заняли развалины и приступили к восстановлению стен; в город хлынул поток колонистов из Малой Азии. Константинополь охватила паника, горожане восстали против узурпатора. Кантакузин отрекся от престола и окончил дни свои монахом Иоасафом[2].

Болгария и Сербия разваливались на куски: Тырновское и Видинское царства, Добруджанская деспотия; в Восточной Македонии — княжество братьев Драгошей, в Западной — король Марко, в Скопле — владение Вука Бранковича. От Сербии фактически отделились Босния и Косово. Османы продвигались: в 1362 г. они заняли Адрианополь, который стал их столицей. В 1364 г. произошло очередное столкновение Византии и Болгарии. Византийский натиск удалось отбить при помощи наемного турецкого отряда. А с севера наступало Венгерское королевство, захватывая болгарские земли. Между тем именно в Венгрию отправился император Иоанн V в надежде заручиться поддержкой против "варваров". На обратном пути его пленил и на время заключил под стражу царь Иван Александр. Последний монарх второго Болгарского царства Иван Шишман (1371—1393) был таковым лишь по имени, его столкновения с видинским царем Иваном Страцимиром и добруджанским князем Добротицей не прекращались. Шишман признал сюзеренитет султана и отдал в гарем свою сестру Керу Тамару[3].

В 1369 г. император Иоанн V отправился в Рим. Он был готов принять церковную унию, подчиниться папе римскому, лишь бы получить помощь против пришельцев. Дело ограничилось переходом самого Иоанна в католичество — православное духовенство воспротивилось унии.

Турки громили славян поодиночке. Сентябрь 1371 г. — битва на реке Марице, у местечка Черномен. Рать правителей Македонии братьев Вука-

inslav

шина и Углеши потерпела поражение. Оба они были убиты в бою, воды Марицы обагрились кровью. Никто не поддержал их, и турки заняли Македонию.

В 1373 г. император Иоанн V, уже как вассал османов, принял участие в походе Мурада I против мятежных сельджукских феодалов в Малой Азии. Тем временем его сын Андроник при содействии генуэзцев, сербского королевича Марко и султанского отпрыска Санджи Челеби захватил власть в Константинополе, был коронован, а возвратившегося из похода отца и брата Мануила заточил в темницу, где они провели три года (1376 – 1379). Выручил их султан Мурад I, изгнавший узурпатора из столицы. Со своим сыном султан обошелся жестоко, приказав его ослепить[4].

Замирив малоазиатских эмиров, Мурад I перебросил свою армию на Балканы. В 1385 г. после двух лет осады он взял Софию и вбил клин между болгарскими и сербскими землями; некоторые крепости, такие, как Никополь, Варна, ему не подчинились. Предстояло великое сражение на Косовом поле.

* * *

В исторической литературе, когда речь заходит о турках, встречаются выражения "нашествие", "полчища", "орда". Встает вопрос: откуда крошечный эмират мог набрать столько воинов?

Сухой анализ предостерегает от слепой веры в ошеломляющие цифры, между тем они встречаются даже в солидных энциклопедических изданиях. Так, Советская историческая энциклопедия (СИЭ. Т. 10. Столб. 228) приводит такие данные об участниках Никопольского сражения (25 сентября 1396 г.): "У султана Баязида — от 200 тысяч; у крестоносцев — около 70 тысяч". Военный энциклопедический словарь (М., 1986. Столб. 488) представляет совершенно иную картину (на наш взгляд, гораздо более правдоподобную): "Султанская армия — 11 – 12 тыс., у венгерского короля Жигмонда — около 10 тыс. человек".

В то время османское войско состояло из пешего (яя) и конного (мюсселимы) ополчения, набиравшегося из общинников, которым на время похода выплачивалось содержание. Хотя в Малую Азию в XIII – XVI вв. шла эмиграция тюркских племен из Средней Азии, захваченной монголами, и выходцы оттуда пополняли войско Орхана и Мурада I, вряд ли их число было слишком велико. Введенная османами варварская система девширме — налога мальчиками из христианских семей, по-видимому, свидетельствует об этом. Получив воспитание в мусульманской среде, хорошую военную подготовку, они составили янычарский корпус, элиту османской армии. Но сил "на все про все" не хватало — на подавление эмиров в Малой Азии и на захват и колонизацию Балкан. Заимствованная у европейцев система вассалитета, частичного и не полного владычества, в какой-то степени была вынужденной.

Цивилизационная роль кочевого общества глубоко и документально исследована в отечественной литературе. Его экспансионистская суть и преимущества перед земледельческим в военной сфере очевидны. Погоня за пастбищами устремляла кочевников вперед, на неведомые ранее земли. Каждый мужчина с юных лет до седых волос — конный воин, он не был привязан к сохе. Малочисленные половцы терзали Русь, и управы на

inslav

них не находилось. Кочевники сражались отважно, их сплачивала преданность вождю и племени. Рядом рубились кровные родичи; дрогни, побеги один — позор падал на весь род.

История знает десятки примеров соприкосновения кочевой и земледельческой цивилизации. И все же известны лишь три империи, основанные номадами, — Арабская, Монгольская, Османская, и все три сцементировала исламская идеология, выросшая в кочевом обществе на стадии его перехода к феодализму, способствовавшая его сплоченности и жизнестойкости. Верность вождю органически переросла в преданность эмиру — султану — падишаху. Держава — богоспасаемый предел, владение дома Османов, потомков Магомета. Его глава — верховный владетель всего: земли, вод, людей, все они — рабы султана, обязанные ему абсолютным повиновением. Династический переворот невозможен, с гибелью рода прекращает существование страна. Властям нужно повиноваться постольку, поскольку они уполномочены управлять небесным владыкой. Европейская феодальная иерархия — рыцарь — барон — граф — герцог — король — отсутствует вместе со свойственным ей на каждой ступени своеволием. Каждый конный воин-сипахи — вассал непосредственно падишаха.

В Коране содержатся заповеди Аллаха, подлежащие не обсуждению, а повиновению. И главная из них — священный долг каждого мусульманина — распространение ислама. За пределами дар-уль-ислама лежит дар-уль-харб, зона войны. Каждый павший в бою за святое дело переселяется в райские кущи.

Мусульманская община, по Корану, одна семья, каждый ее член — часть общего организма, сплоченного верой в истинного Бога. Последователи ислама обязаны поддерживать и спасать друг друга. Обязательной считалась щедрая помощь бедным. Коран предусматривал особую милостыню-зякат — в пользу сирых, убогих, рабов[5].

Но было бы грубейшей и непростительной ошибкой приписывать Корану проповедь безоглядной войны с "неверными". На деле его положения отличаются известной размытостью, позволяющей трактовать их по-разному, в зависимости от случаев жизни. Суры (главы) сгруппированы не по тематическому признаку, а по длине: чем ближе к началу — тем больше они содержат строк (аятов). Один и тот же сюжет затрагивается в разных местах; это в определенной степени отвлекает внимание верующего от того, что предписания Корана по одному и тому же вопросу неоднозначны, а порой и противоречивы, что в полной мере относится и к позиции в отношении "неверных". В способах осуществления джихада допускался широкий диапазон, от непримиримо-воинственного: "Да погибнет народ, который не верует" до гораздо более неопределенного: "И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте — поистине, Аллах не любит преступающих!" "И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убиение! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!" "И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды кроме как неправедным!"

inslav

Это — аяты в наиболее точном переводе академика И.Ю. Крачковского. Не нам и не здесь проникать в потаенный смысл приведенных положений. Этим занимается сонм исследователей — от правоверных мусульман до убежденных атеистов. Однако прямолинейное их толкование как оправдывающих агрессию против "неверных" всегда и везде затруднительно. И совсем примирительно звучат аяты: "Кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует" (сура 18); "Нет принуждения в религии" (сура 18); "У вас — ваша вера, и у меня — моя вера!" (сура 109)[6].

В способах осуществления джихада допускался широкий диапазон — от широкомасштабной войны до длительного мирного сосуществования при относительной религиозной терпимости — все освящались соответствующими аятами великой книги.

Завоевание Балкан происходило в условиях специфической демографической и социально-политической ситуации. Выжить в чуждой и враждебной славянской и христианской среде сравнительно немногочисленные османы могли только, сплотившись вокруг султана-халифа и проявляя по отношению к нему неколебимую верность. А условием упрочения их власти являлось утверждение их на земле, выработка такой системы хозяйствования, которая позволила бы содержать большое боеспособное войско. Таковая была обретена в захвате Высокой Портой основного фонда сельскохозяйственных угодий в свои руки, в разделе ее на тимары и зеаметы и передаче ее в условное владение воинам[7]. Поэтому институт вассалитета явился для османов лишь промежуточной формой установления своего прямого и прочного господства в регионе. Видимо, сербские, болгарские и греческие властители не уловили этой особенности и оказались в ловушке. За соблазнительно легкой первоначальной данью следовал приказ — отправить к султанскому двору своих сыновей в качестве заложников и ежегодно приносить присягу верности, а затем — требование участвовать в походах османской армии. Славянские рати, полки некогда гордого Византийского василевса оказывались в Малой Азии, помогая подавлять сельджукские эмираты и приближая кончину собственной государственности. В случае непокорности следовала расправа.

Не пренебрегали османы и брачной дипломатией в восточном варианте. Своих дочерей в гаремы султанов отдали императоры Иоанн VI Кантакузин, Иоанн V Палеолог (даже двух), сербские владыки — Стефан IV Урош, Лазарь I, Георгий Бранкович, болгарский царь Иван Александр Шишман, знаменитый трансильванский воевода Янош Хуньяди[8]. В Европе того времени династические связи являлись важным звеном международных отношений. За Элеонорой Аквитанской, в приданом которой числилась половина Франции, могущественные монархи устраивали подлинную охоту. Такого значения матримониальные связи на Востоке не имели. И все же отправка девицы в гарем оставляла след на международном горизонте, обеспечивая лояльность, пусть временную, вассала. Здесь матримониальные дела имели и побочный эффект. История без личности бесцветна и безлика. В первые два столетия Османскую империю олицетворяли султаны, в жилах которых текла тюркская, славянская и греческая кровь. Они обладали великолепным генетическим кодом — сильной волей, властным характером, большими организационными способностями. Свирепый Баязид (1389—1402), внук, сын и супруг христианских принцесс, — живой тому пример.

inslav

Никакого порядка престолонаследия не существовало, султан считался избранником Бога, а не людей. На практике выбор Аллаха падал на самого предприимчивого и жестокого из претендентов. Достигнув власти, новый божий избранник расправлялся с возможными соперниками, предавал казни собственных братьев. Султан Мехмед II Завоеватель (середина XV в.) объяснял этот варварский обычай нуждами государства: "Во имя блага державы, тот из моих сыновей, кому Господь дарует султанство, может вполне законно предать смерти своих братьев"[9]. "Шейх-уль-ислам выдавал фетву на расправу даже с детьми. "Рекордсменом" выступил Мехмед III (1595—1603), по приказу которого палачи задушили 19 (!!) его братьев! Происходил жестокий и противоестественный отбор, оставлявший во главе завоевателей людей беспощадных, не останавливавшихся ни перед чем.

Но главным фактором подчинения явилось утверждение тимарной системы землевладения. Земля предоставлялась в пользование воинам, которые должны были выступать в поход на коне, в боевом снаряжении (пика, лук со стрелами, сабля, щит) по первому зову султана. Зажиточным полагалось носить доспехи, богатым — приводить с собою слуг. Формально надел представлялся лишь на срок службы (допускался семилетний перерыв). Фактически тимаристы передавали землю сыновьям или, при отсутствии оных — зятю. Не существовало наказания страшнее, чем лишиться тимара и перейти в податное сословие — райю. Тимаристы находились постоянно в христианском окружении, и верность суверену являлась для них залогом сохранения имущества и жизни. Они считались вассалами непосредственно султана-халифа, а не какого-нибудь своевольничающего барона или графа. Все нити власти сходились в руках падишаха-халифа, верховного владыки всех мусульман. Долг перед Аллахом — расширение богоспасаемого предела, совпадал с земными интересами. Даже через 100 лет после приглашения османов в Европу они составляли едва 1/10 часть жителей покоренной территории. Только сплочение вокруг зеленого знамени пророка могло обеспечить им успех.

* * *

День Св. Витта (Видов дан) 15 июня 1389 г. памятен всем сербам. На Косовом поле сошлись две армии. Сербскую возглавлял князь Лазарь и местный властитель Вук Бранкович. Правитель Боснии Стефан Твртко прислал воеводу В. Вуковича. Прибыл и небольшой валашский отряд.

Центром османской позиции командовал султан Мурад, флангами — его сыновья Баязид и Якуб.

Косовское сражение окружено легендами. Народ воспел битву в песнях, вошедших в золотой фонд эпической поэзии всех времен и народов. Но истина в прихотливой памяти народной порой получает причудливое преломление:

Вот выходит против турок Лазарь,
За собою сербский князь выводит
Семьдесят семь тысяч храброй рати,
Разогнал по Косову он турок,

inslav

Не дает и оглянуться туркам,
А не только в битве с ним схватиться.
Поразил бы Лазарь войско турок.
Бранковича покарай, о Боже!
Предал Вук государя и тестя,
Одолели проклятые турки.
Сербские дружины в битве пали —
Семьдесят семь тысяч храброй рати,
И погиб князь Лазарь вместе с ними.
Был их подвиг хваленья достоин.
Все случилось по воле Господней[10].

Песня передает накал великого сражения. Что же касается деталей...

Югославская энциклопедия признает: "Косовская битва покрыта густым мраком неизвестности"[11]. Суждения современников крайне пристрастны, подсчеты ими численности турецкой армии — 300 тыс., сербской — 100 тыс., доверия не внушают. Наиболее правдоподобные цифры — 27—30 тыс. у турок, 17—20 тыс. — у сербов. Не находит подтверждения и версия о предательстве Вука Бранковича: черная измена — излюбленный способ объяснения причины неудач в народном творчестве. Об упорстве, с которым сражались сербы, подтверждает тот факт, что герой Милош Обилич пробрался в султанский шатер и поразил мечом Мурада I.

Баллада, отрывок из которой мы приводили, называется "Гибель Сербии". В действительности государство в ослабленном виде просуществовало еще 70 лет, так что полного разгрома на Косовом поле не произошло. Наследник павшего на поле боя владетеля Стефан Лазаревич проявил себя искусным дипломатом. Но его деятельность однозначной оценке не поддается: не раз сербские воины выступали в сражениях вместе с турками. Судьба Стефана трагична — продлевая жизнь своего государства, он поневоле способствовал укреплению власти Турецкой державы.

Ближайшей жертвой Косовской битвы явилась Болгария, точнее — ее разрозненные части. Летом 1393 г. султан Баязид, прозванный Молниеносным, обрушился на Тырновское царство, при помощи предательства захватил столицу, а затем и крепость Никополь. Царь Иван Шишман попал в плен и был казнен за связь с сербами. Пало Добруджанское княжество. Владетель Видинского царства Иван Страцимир вел себя смирно, но и его судьба была предрешена[12]. Его выслали в Малую Азию.

Опасность со стороны Османской империи грозила уже центру Европы, и папа Бонифаций IX объявил крестовый поход. В Буду съезжались рыцари со всего континента — французские, немецкие, бургундские, итальянские, даже английские. Среди них преобладали настроения, которые позднее стали называть шапкозакидайскими: освободим Гроб Господень. Валашский воевода Мирча Старый прислал отряд. Венеция и византийский император Мануил II обещали помощь кораблями.

Поход начался в августе 1396 г., крестоносцы переправились через Дунай и подошли к Видину. Болгарское население и царь Иван Страцимир встретили их сочувственно.

А навстречу двигался Баязид Молниеносный. К нему присоединился сербский отряд под начальством Стефана Лазаревича — сын героя Косовской битвы выступал в ином амплуа[13].

inslav

26 сентября у Никополя произошло генеральное сражение. Предводителю похода, венгерскому королю Жигмонду не удалось обеспечить единое руководство. Накануне боя в его шатре до глубокой ночи шел спор, но о тактике действий договориться так и не удалось. Утром французы двинулись самовольно в лобовую атаку, рассеяли легкую турецкую кавалерию и добрались до редута, за которым стояли янычары, привычные к рукопашному бою. С флангов ударила тяжелая сипахийская конница. Жигмонд ввел в бой остальные войска, но поздно — их громили по частям[14].

А у османов приказы Баязида выполнялись беспрекословно. Они умело использовали месторасположение. Битва завершилась полным торжеством полумесяца. Пленных приводили к шатру султана и здесь же отсекали им головы. В живых оставили только самых знатных и богатых рыцарей. Во Францию отправился гонец с требованием выплатить за них 200 тыс. флоринов. Король Жигмонд возвращался домой водным путем. А по берегам Дарданелл Баязид велел выстроить пленных для вящего позора христиан.

Луч надежды мелькнул после того, как в 1402 г. грозный Тимур в битве под Анкарой разбил османское войско и пленил Баязида. Показательный штрих: в разгар сражения на сторону неприятеля перешли дружины эмиров-сельджуков, что и предопределило судьбу боя, а отряды христианских вассалов, сербов сохранили верность султану, так как плен означал рабство или смерть.

Между четырьмя баязидовыми сыновьями началась кровавая разборка, продолжавшаяся десять лет. Подняли головы еще не смирившиеся перед властью султана тюркские владетели в Малой Азии. Мехмеду I пришлось столкнуться с широким народным движением утомленных бесконечными войнами, набегами и поборами крестьян, ремесленников и даже мелких феодалов под лозунгом равенства людей и общности имущества, пищи, одежды, упряжки и пашни, всего, кроме жен. Мехмед свирепо расправился с восставшими, но вынужден был умерить завоевательный пыл[15].

Как же повели себя христианские правители? Воспользовались ли они османским междуцарствием для сплочения сил?

Летопись тех дней знает немало примеров народных выступлений против завоевателей и попыток последних представителей правящих династий Болгарии и Сербии использовать турецкую междоусобицу. Так, болгары поддерживали то принца Сулеймана, то Мусу. Византийские монархи на какое-то время укрепили свои позиции в Морее. Византия и Сербия, еще сохранившие остатки своей государственности, помогли Мехмеду разгромить войско Мусы и утвердиться на престоле. Все это походило на поиски меньшего зла. Но в в 1421 г. душа "миролюбивого" Мехмеда, прозванного Челеби (Благородный), отлетела к Аллаху, и на смену ему пришел свирепый Мурад II.

Устои османского владычества на Балканах в годы междуцарствия пошатнулись, в турецкой историографии говорится о втором завоевании полуострова, быстро осуществленном, ибо сплочения христианских сил не произошло. Мурад четверть века своего правления провел в походах: войны с Венецианской республикой и Венгерским королевством, неудачная осада Константинополя, подавление малоазиатских феода-

inslav

лов, борьба с дядей и братом (оба носили имя Мустафа) и сыном Тимура Шахрухом. Султан обладал неистощимой энергией и большим полководческим дарованием. Ему удалось взять Салоники и укрепиться в Македонии, Сербии и Боснии. Но успех представлялся зыбким и преходящим, пока над ним висела угроза крестового похода. Спасла его рознь между христианами.

Лишь в 40-х годах XV в. Европа собралась с силами, чтобы бросить османам вызов. Папа Евгений IV в своей энциклике призвал освободить Восток от ига неверных и ввел крестоносную десятину (налог). Душой и организатором выступил талантливый воевода Трансильвании Янош Хуньяди (в румынской историографии — Янку Хунедоарский, он происходил из валашского рода). Собрались венгры, поляки, чехи, немецкие и итальянские рыцари, прибыл сербский деспот Георгий Бранкович с отрядом.

Хуньяди разработал дерзкий план рывка к Адрианополю (Эдирне), месту сбора османской армии, с тем чтобы упредить турок. В октябре 1443 г. крестоносцы выступили в поход, нанесли неприятелю поражение под Нишем, заняли Софию, их остановили морозы и нехватка продовольствия и фуража. Трава лежала под снегом, кормить лошадей стало нечем, воевать зимой тогда не умели, и Хуньяди повернул назад, нанеся туркам еще одно поражение под Софией. Буда, тогдашняя венгерская столица, стала свидетелем невиданного зрелища; по улицам города провели закованных в цепи иленных пашей.

Именно во время этого "долгого похода" от турок отложился Георгий Кастриоти, будущий великий воин Албании Скандербег. Он покинул османский лагерь под Нишем и с отрядом в 300 всадников вернулся в Албанию, в Дрину, где поднял знамя восстания[16].

А Мурад II запросил мира. Он согласился освободить пленных, выплатить контрибуцию в 100 тыс. флоринов и даже предоставить королю Владиславу III Ягелло (он же — венгерский король Уласло I) вспомогательное войско. В Адрианополе был подписан мирный договор на десять лет[17].

Но в среде крестоносцев согласия не существовало. Против "партии мира" выступили тогдашние "ястребы", окрыленные успехом "долгого похода". Крупный тактический успех они склонны были считать переломом стратегического значения, рыцарская кровь бурлила, и они рвались в бой, одолев в совете оппонентов. Смущало одно — приходилось идти на клятвопреступление, нарушать мирный договор. Папа Евгений IV отпустил грех Уласло Владиславу, сочтя данное "безбожнику" слово не связывающим монарха. Влиятельные польские магнаты уговаривали 19-летнего короля отказаться от похода, считая его авантюрой. В результате в экспедиции приняли участие всего 500 польских рыцарей. Георгий Бранкович, полагая условия мира весьма выгодными, протестовал против его нарушения. Возможно, на него оказывали воздействие письма дочери Мары из султанского гарема. Участвовать в походе Бранкович отказался[18]. Но в лагерь крестоносцев прибыл с тысячным отрядом валашский князь Влад Цепеш, жестокий человек, прообраз популярного Дракулы.

10 ноября 1444 г. 20-тысячное войско крестоносцев сошлось на поле под Варной с 40-тысячной турецкой армией (цифры приблизительные). Бой завязали османы. Их конница атаковала правое крыло крестоносцев.

inslav

Два "знамени" немецких и итальянских рыцарей дрогнули, хорваты бана Талочи отступили в вагенбург. Янош Хуньяди поспешил им на выручку. Валашская конница пробилась к турецкому обозу, больше ее на поле боя не видели.

На левом фланге христиан схватка шла с переменным успехом. Хуньяди переместился туда.

Юный Владислав не стал ждать перелома в ходе боя; обуреваемый жаждой славы, он двинул польских рыцарей в атаку на янычар, каре которых выстроилось за невысоким земляным валом. Потеряв многих людей в вырытых на поле "волчьих ямах", поляки ворвались во вражеские ряды. Янычары несли потери, но не отступали. Один всадник за другим падал с коня. Наконец, исчез из виду и плюмаж, украшавший шлем короля. Лишь одиночным рыцарям удалось вырваться из гущи сражения. Весть о смерти монарха смутила войско, оно стало отходить. Янош Хуньяди с трудом отвел остатки армии в Венгрию[19]. Следующего вызова со стороны объединенных христианских сил пришлось ждать почти два с половиной века, на Балканы на 400 лет опустилась ночь османского господства.

А туркам оставалось покорить то, что сохранилось от некогда великой и гордой Византийской империи — Константинополь с окрестностями. Императоры с отчаянием взывали к папе о помощи. Тот непременным условием ставил согласие византийцев на унию, т.е. на подчинение себе православной церкви. Ему удалось заручиться согласием Василевса и части духовенства, и в 1454 г. кардинал Исидор отслужил мессу в храме Св. Софии. Но ни народ, ни большинство священнослужителей не восприняли унии. В Константинополе произошли волнения, а уважаемый богослов Геннадий Сколарий в знак протеста принял схиму[20]. Однако, и отрешаясь от религиозных споров, было понятно, что после катастрофы под Варной организовать массовый крестовый поход не удастся.

Способных носить оружие в Царьграде насчитывалось 5 тыс. человек, да еще 2 тыс. наемников, у осаждающих — в 10 раз больше, и полное превосходство в артиллерии. Левый фланг их занимали отряды христианских вассалов из Сербии, Болгарии и Греции. 7 апреля 1453 г. началась осада, затянувшаяся почти на два месяца, что свидетельствовало о героизме защитников города. Флоту византийцев и генуэзцев удалось одолеть турецкий в морском сражении. Но и измена вершила свое черное дело: немало нотаблей и церковных иерархов склонялось к капитуляции[21].

На 19 мая Мехмед II назначил общий штурм. Муллы и дервиши воодушевляли воинов, суля павшим блаженства мусульманского рая. Султан обещал предоставить им город на три дня на поток и разграбление и двойное жалованье до конца жизни.

Защитники сражались до последнего вздоха. Мехмед гнал своих воинов вперед, не считаясь с потерями. Первую волну атакующих составляли новобранцы, гвардию янычар берегли до решающего момента. Сражение переместилось на улицы, даже женщины и дети швыряли из окон камни и черепицу. Император Константин XI искал смерти в бою. Его тело нашли под грудой трупов и опознали только по красным сафьяновым сапожкам. Султан велел отрубить голову своего главного врага и водрузить ее на шесте в центре города.

inslav

Через три дня Мехмед Завоеватель приказал прекратить грабежи и на белом коне въехал в город, восторженно приветствуемый войсками. Храм Св. Софии, символ Византии, он приказал превратить в мечеть, а город переименовать в Истанбул.

* * *

В отечественной литературе с высокой степенью компетентности проанализирована османская система управления и угнетения: с христиан, в дополнение к общей подушной подати, хараджу, взымался джизье и девширме — налог мальчиками для их отуречивания и службы в армии. Всякая живность крестьянина облагалась поборами — от тяглового скота до пчел. Особый платеж шел на содержание боевого коня сипахи. Крестьяне должны были поддерживать в порядке дороги и мосты и обеспечивать проходимость горных перевалов. На них же перекладывалось содержание османских войск во время походов. Запрещалось строительство звонниц в церквах, христиане не могли ездить верхом, носить некоторые виды одежды, зато обязаны были "проявлять уважение" ко всякому турку. Словом, попирались не только их материальные интересы, но и религиозное и связанное с ним национальное самолюбие.

Все это — правда; но все это ни на шаг не приближает нас к ответу на вопрос — а чем же можно объяснить длительность и прочность османского господства? Чтобы прояснить истину, следует подойти к учрежденной системе с иной стороны.

Ни одна власть, желающая утвердиться всерьез и надолго, не может бесконечно продолжать насилия, угон в рабство и истребление подданных. Для Мехмеда II завоевание Константинополя означало не просто утверждение в Европе, а унаследование прерогатив Римского императора. Его титул гласил — "суверен двух стран", Румелии и Анатолии, "и двух морей", Средиземного и Черного. Европейская Турция всегда именовалась Румелией, т.е. страной ромеев-византийцев. От такого наследия Мехмед не отказывался. Султан сознавал, что навязать христианскому большинству населения мусульманскую веру и образ жизни невозможно. Он давал себе отчет о влиянии и роли православия, не собирался вступать с ним в единоборство, а, напротив, стремился использовать его в своих целях.

Прошло несколько дней после кровавого штурма, и падишах призвал к себе видного церковного иерарха Геннадия Сколария и окружил его почестями. В январе 1454 г. Геннадий был избран патриархом. Церковь признала турецкую власть, отказалась от конфронтации с нею, вступила на путь сотрудничества с завоевателями. Патриарх получил чин трехбунчужного паши (по европейским меркам полный генерал), звание везира и даже почетную стражу из янычар.

Политика султана представляется продуманной и целеустремленной. Его выбор пал не случайно на Сколария, уважаемого теолога и убежденного противника унии (а ведь император Иоанн VII на Флорентийском соборе 1439 г. принял униатство!) Мехмеду нужна была авторитетная у народа церковь. Султан проследил, чтобы интронизация Геннадия прошла со всей торжественностью и пышностью. А затем патриарху вручили берат о на-

inslav

значении его миллет-баши, главой православной общины всей Османской империи[22]. Тем самым признавалось ее существование, а на патриарха возлагалась ответственность за лояльность христиан. Глава церкви получал все права в области экклезиастики и юрисдикции над единоверцами, духовенство ведало бракосочетаниями, разводами, наследственными делами, сбором церковных податей, судебными тяжбами между христианами. Патриарх отвечал за состояние миллета — сбор налогов, проведение массы работ по строительству дорог, мостов, по снабжению армии, чем практически занимались сельские старосты и прочие местные власти, сохранившиеся в прежнем состоянии. Зримым признаком наличия у патриарха не только церковной власти явилось появление в Стамбуле особой тюрьмы.

Проанализировав эти прерогативы, Питер Щугар пришел к выводу, что православная церковь превратилась в "государство в государстве", а ее иерархи стали считать себя де-факто правителями и покровителями христианского населения, и единственным органом для сношений с центральной властью: "Жизнь балканских христиан в столь же большой степени зависела от эффективности церковных властей, как и от османов". Щугар пришел к выводу: "Церковь, сумевшая пережить крах государства, должна была превратиться в институт, сделавший возможным возрождение балканской государственности".

В то же время патриархат стал частью системы управления и в этом смысле способствовал ее функционированию, а стало быть, и укреплению.

Но деревья не должны заслонять от нашего взора леса. Великая заслуга православной церкви заключается в том, что она способствовала сохранению языка, культуры, этнического лица сербов, болгар, черногорцев, греков. Они слышали в храмах проповеди и молитвы на родном языке. Они жили в окружении икон и крестов. В монастырях составлялись летописи, напоминавшие о прошлой самостоятельности и величии. Османы ввели систему, которая ныне именуется апартеидом — народы в государстве жили порознь, каждый по своим обычаям и законам. Православная церковь обратила дискриминацию себе на пользу. Славяне и греки продолжали руководствоваться своим обычным правом и жить при своих традиционных местных властях. Церковь духовно не подчинялась захватчикам. Завоевание объяснялось допущенными грехами, правление "неверных" представлялось эфемерным. Униженные в повседневной жизни, христиане внутренне возвышались в храме, считая себя последователями истинной веры. И когда наступил час освобождения, пастыри шли впереди с крестом в руке.

Это стало возможно на основе сохранения прежнего строя жизни, верования и идеалов. Элита общества не утратила ценностей византийского культурного наследства. В 1935 г. известный румынский ученый Николае Йорга опубликовал книгу под красноречивым заголовком "Византия после Византии"[23], в которой проследил судьбу этого наследства через его носителей — церковь (при особой роли Константинопольской патриархии), таких ее очагов, как Святая Афонская гора и гора Синай, греческой аристократии, фанариотов*, занимавших важное место в системе осман-

*Фанариоты — представители аристократических греческих семей, традиционно проживавшие в стамбульском квартале Фанар. Занимали важные должности в турецкой администрации, играли видную роль в тогдашнем деловом мире.

inslav

ского правления, воевод и кнезов у славян, богатого купечества, осуществлявшего заморскую торговлю.

Основой аграрного и в то же время военного строя империи являлась тимарная система: земля делилась на участки, которые предоставлялись кавалеристам — сипахи — за службу и на ее срок. Крестьян с земли не сгоняли, они оставались ее наследственными владельцами. Их обязанности по отношению к тимариоту были строго регламентированы и лимитированы: ни на акче больше положенного! Тимариот не имел права посягать на имущество селян — на хату, скот, инвентарь. Трудовую повинность — три дня в год — язык не поворачивается назвать барщиной. При приезде "хозяина" в деревню община содержала его, а также боевого коня (но не слуг!) в течение трех дней, дальше он должен был обеспечивать себя сам. Назвать тимариота помещиком нельзя, он был своего рода уполномоченным Высокой Порты по сбору налогов и платежей, часть коих реализовал в свою пользу, и по соблюдению порядка и спокойствия, неся, таким образом, и полицейские функции. "Сипахи, — отмечает Б. Елавич, — был уполномочен лишь на сбор некоторых специальных налогов, как правило в натуре, и осуществление трудовых повинностей. Поскольку платежи регулировались, крестьянин обычно жил лучше, чем под владетелями при прежних феодальных режимах"[24]. Последняя фраза заслуживает внимания, хотя относится лишь к "классическому периоду", до конца XVI в., после чего начался произвол, охвативший все стороны экономики.

Наряду с шариатом для мусульман в империи действовал канун-наме, свод законов, основанный на султанских указах, затрагивавший почти исключительно податные и уголовные дела и обязательный для всех подданных. Преступникам со средневековой жестокостью отрубали головы за крупные (или считавшиеся таковыми) преступления, за мелкие деликты рубили руки и ноги, независимо от веры пороли или подвергали подданных штрафу. За винопитие наказывали только последователей ислама. Самым суровым ревнителем трезвости выступал султан Мурад IV (1623—1640), горький пьяница, предававшийся пороку в обществе одалисок и наложниц. Налоги канун-наме существовали разные для правоверных и неверных, для последних — гораздо более обременительные.

Завоевание сопровождалось страшным опустошением городов. Но жизнь возрождалась и здесь; застраивались пожарища, возводились новые поселения. В городах оседала значительная часть переселенцев из Малой Азии. Христиане, мусульмане, армяне, евреи жили порознь, каждые в своем квартале. Власти поощряли ремесло и торговлю, и не только ради дохода. Армия нуждалась в оружии, снаряжении, одежде, сами горожане — в товарах, привилегированная верхушка — в предметах роскоши. Ремесленные цехи — эснафы — действовали под строгим контролем местного кади (судьи) и администратора. Все было предписано и урегулировано: сырье — производство — качество продукции — ее стоимость — прибыль. Но при отсутствии внешней конкуренции система работала, а талант мастера и накопленный столетиями опыт превращал некоторые изделия в произведения искусства.

inslav

Важным фактором христианско-османских отношений выступал процесс исламизации. Ни малейшего признака дискриминации по этническому признаку в империи не наблюдалось, турком считался каждый принявший ислам со всеми вытекавшими привилегиями. Многие знатные сербы, болгары, греки, албанцы, записавшиеся в сипахи, перешли в магометанство. Постепенно прошла дехристианизация целых областей в Албании, Боснии и Герцеговине, Болгарии, население стремилось облегчить свою участь. Наряду с "мягкими" вариантами смены религии существовал и жестокий, насильственный — девширме. Маленьких славян и греков отлучили от родного дома, шла перекачка генофонда от одной общины к другой. Основная часть мальчиков отдавалась на воспитание в турецкие семьи Малой Азии, а потом вступала в янычары. "Этот корпус новообращенных осуществлял великие победы оттоманской армии до XVII века", — констатирует Б. Елавич[25].

Не все попадали в этот корпус. Лучшие из лучших становились дворцовыми слугами. Через несколько лет самые избранные из них занимали высокие должности в администрации Порты, а менее удачливые шли в элитную конную гвардию султана (мютеферрику). Так шло пополнение генофонда верхних эшелонов османского общества. Но вряд ли блестящие пажи дворца с тоской вспоминали свое "босоногое детство", в своей изначальной ипостаси им на роду было написано влачиться всю жизнь за бычьей упряжкой и сохой... А тут — головокружительная карьера. Уже XVI век дал империи выдающегося великого визиря Мехмеда Соколлы (Соколовича) — а его брат служит у сербов архиепископом. В XVII в. албанская династия Кёпрюлю поставила шесть высших сановников Порте.

Книги по средневековой истории Сербии, Болгарии, Черногории, Греции полны описаний подвигов народных мстителей, гайдуков, клевтов, арматолов и многочисленных локальных выступлений. Великий воин Албании Скандербег четверть века сопротивлялся захватчикам (1443—1468), молдавский князь Штефан III в конце века дал немало победных сражений, но он же на смертном одре посоветовал сыну подчиниться.

Первое восстание славян, потрясшее всю империю, началось в Сербии в 1804 г., иными словами, после четырех столетий османского владычества. Объяснить это одним террором, страхом перед расправой невозможно.

Все познается в сравнении. В середине XV в., как раз тогда, когда турки штурмовали Константинополь, завершилась Столетняя англо-французская война. Франция после нее едва встала на ноги. В Англии же немедленно началась междоусобица между двумя ветвями правящего дома Плантагенетов — Ланкастерами и Йорками (война Алой и белой розы, 1455—1485 гг.), в ходе которой соперничавшие аристократы беспощадно истребляли друг друга, а заодно и население. Горизонты Европы заволок дым от костров инквизиции, расправлявшейся с "еретиками". Евреи толпами бежали куда глаза глядят.

На XVI в. приходится великое крестьянское восстание Башмака и религиозные войны в Германии и Франции. Варфоломеевская ночь 1573 г. была лишь кульминационным пунктом затеянного католиками и протестантами взаимного истребления. В конце столетия началась Ни-

inslav

дерландская революция. В России Иван Грозный 40 лет проливал кровь подданных не хуже самого лютого врага. Затем наступило Смутное время, и Русь терзали поляки, шведы, самозванцы, не считая великого множества обыкновенных разбойников. Во время Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. "свои" и "чужие" армии вырезали 1/4 часть немецкого населения.

Подобных катаклизмов Османская империя в период ее расцвета не знала. Ее сельское население в XVI в. выросло на 40%, городское — на 80[26], что само по себе свидетельствовало об отсутствии геноцида и бедствий апокалипсического характера. Славянские народы — сербы, болгары, черногорцы — и греки — сохранили нишу для проживания — неудобную, овеваемую всеми ветрами религиозного и политического унижения, страдая от произвола властей, — но все же ниша существовала.

* * *

Кризис Османской империи обозначился в конце XVI в. В самом процессе ее упадка нет ничего таинственного и загадочного. Традиционно его связывают с растущей экономической отсталостью. Хотелось бы дополнить этот тезис другим: держава исчерпала немалый лимит экспансии, отпущенный ей историей. Государство, по сути дела, являлось придатком к победоносному войску, его экономическая и социальная система обслуживала джихад. Пока театр военных действий располагался поблизости от жизненных центров страны, все шло как по маслу. Но когда сипахи и янычарам приходилось скакать и шагать из Адрианополя, традиционного места их сбора, до внешних рубежей тысячи верст, затрачивая на марш-бросок недели и даже месяцы, ситуация изменилась. Зимой тогда не воевали — не доставать же было траву для конского состава из-под снега. К сбору урожая сипахи-тимариоты спешили домой — получать причитавшуюся им часть. Военная кампания начиналась в марте и завершалась в сентябре—октябре, давали 1—2 сражения — и пора обратно. Так что географический фактор по мере распространения империи обращался против османов.

Молох войны требовал не только человеческих жертв. Мощь державы базировалась на военно-феодальной системе, основой которой являлась тимарная система землепользования. С прекращением побед земельный фонд оказался исчерпанным. Более того, тимарный способ землепользования не удалось внедрить по всему периметру соприкосновения с внешним миром. На это просто не хватало сил. Прямое турецкое правление отсутствовало в Молдавии, Валахии, Трансильвании, Черногории, Дубровнике и в горных местностях Греции. Тысячеверстное порубежье, прежде всего с владениями Габсбургов, жило обособленно, по своим законам, неписанным, но соблюдаемым. Обе стороны, и османская и христианская, считали порубежье чем-то вроде конца света (по турецкой терминологии — "порогом великого страха"). Вдоль всей линии тянулись полевые укрепления, чередовавшиеся с крепостями. На исламской стороне обитало много христиан-изгоев. Стычки не

inslav

прекращались никогда, никакие мирные договоры, даже "вечные", не соблюдались. Население существовало на подножном корму, центр его не баловал своими заботами; та и другая сторона снабжалась за счет соседа, опустошая его земли, однако до известного предела. Деревни и урожай не сжигались — иначе с чего было жить в дальнейшем? Пленники не продавались в рабство, а возвращались за выкуп. И, что характерно, пахарь ценился дороже воина. Христиане и мусульмане приучались сосуществовать, постепенно выработалось что-то вроде уважения к образу жизни и обычаям "врага".

Последнему из великих султанов, Сулейману Великолепному (1520—1566), сказочно повезло: основные враги, австрийские Габсбурги, были по горло заняты войнами с Францией на западе и борьбой с протестантскими князьями в Германии. Сулейман разгромил мадьяр в битве при Мохаче (1526 г.) и захватил бóльшую часть Венгрии, включая Трансильванию. В сражении пал король Лайош II и многие вельможи. Немедленно началась междоусобица между претендентами на корону. Воевода Трансильвании Янош Запольяи представлял круги, склонные к сотрудничеству с турками и подчинению им. Австрийского эрцгерцога Фердинанда поддерживали главным образом феодалы западной части страны, настроенные непримиримо к османам и выступавшие за союз с австрийским домом. В ноябре 1526 г. Запольяи прошел церемонию коронации в Секешфехерваре. Через месяц собрание оппозиционных дворян в Пожони (Пресбург, ныне Братислава в Словакии) избрало на престол Фердинанда Габсбурга. Архиепископ П. Переньи, тот самый, что короновал Запольяи, ничтоже сумняшеся возложил венец и на голову Габсбурга. Венгрия, наполовину занятая турками, оказалась сразу при двух королях, вступивших друг с другом в борьбу. Сулейману оставалось лишь воспользоваться распадом страны для нового натиска. В августе 1529 г. на памятном поле близ Мохача Запольяи признал верховную власть султана, целовал ему руку и в числе даров преподнес кольцо с бриллиантами, принадлежавшее великому королю Матьяшу Корвину. Турки взяли Буду и двинулись к Вене, Запольяи их сопровождал со своими войсками. Несмотря на его успехи, многие дворяне не простили ему унижения при Мохаче и Буде, и от Яноша отвернулись.

При приближении врага комендант Вены сжег предместья города и заперся за крепостными стенами. Решающего штурма не последовало, Сулейман, убоявшись приближения зимы, снял осаду. В 1531 г. Габсбурги дорогой ценой купили мир с ним, согласившись преподносить султану "почетные подарки", которые турки именовали данью[27].

Два венгерских короля то воевали между собой, то заключали перемирие (11 раз!). В 1538 г. они договорились о признании власти каждого на занятой его войсками территории. После смерти Запольяи Восточная Венгрия вместе с Трансильванией должна была перейти к Фердинанду.

Короли рядились без хозяина. После кончины Запольяи турки вновь захватили Буду и сделали ее центром пашалыка. Трансильвания и часть Восточной Венгрии сохранили относительную самостоятельность, став вассалами султанов.

inslav

Но прихоти судьбы и с помощью удачных брачных союзов, в которых сердечные дела не играли никакой роли, именно в годину тяжких испытаний Габсбурги заложили основы своей многонациональной державы: Фердинанд I был избран королем Богемии (Чехии) в декабре 1526 г.; к ней он присоединил корону Венгрии, и обе короны передал потомкам[28].

А в году 1536 произошло нечто невиданное и неслыханное: христианнейший монарх Франции Франциск I предложил Порте заключить союз, направленный против Габсбургов, и Сулейман пожал протянутую руку. Договор свидетельствовал о гибком подходе обеих сторон к догматам Библии и Корана, и союзу был сужден долгий век, точнее, два с половиной, он действовал вплоть до Великой французской революции и постепенно принял антироссийскую направленность. Пойдя на тесное сотрудничество с турками и постоянно сталкиваясь с мусульманами на востоке, Сулейман, видимо, не заметил, что от идеи дар-ульхарба ("земля войны" — христианские владения) остались рожки да ножки.

Сулейман, раздвинувший пределы империи до Венгрии на севере, Азербайджана и Персии на востоке, мечтавший о мировом исламском халифате, не подозревал, что бацилла гниения уже поразила его державу. Его преемники метались по всему многотысячеверстному периметру порубежья, давая отпор персам, мадьярам, австрийцам, венецианцам и испанцам. Сам Сулейман четырежды вторгался в Венгрию, чтобы закрепиться в ней, и встретил смерть под стенами Сигетвара, героическая оборона которого, возглавлявшаяся Миклошем Зриньи (Николаем Зринским, хорватом по происхождению), запечатлена в народном эпосе.

Иными скрепами, помимо обусловленных военными успехами, Высокая Порта не обладала. Много позднее один турецкий автор сравнивал державу султана с харчевней, в которой каждый посетитель утолял голод, сидя за отдельным столом. Религия, образ жизни, нравы и обычаи разделяли подданных. Христиане, мусульмане, евреи не только молились, но и жили порознь. Подлинной веротерпимости не существовало, свобода вероисповедания законом не признавалась. Гармоничного сожительства "богомерзких агареян" и "презренных неверных псов" не получилось. У христиан голова кружилась при гордых воспоминаниях о двух Болгарских царствах, сербской державе Неманей, Византийской империи, стыд за ничтожное настоящее жег их сердца. В 1571 г. османы потерпели сокрушительное поражение в морской битве при Лепанто. Их галеры не шли ни в какое сравнение с высокобортными галионами испанцев и венецианцев. Из 230 турецких судов 200 ушли под воду, тысячи несчастных гребцов, скованных цепями, тонули. Впрочем, тогда это никого не смущало. Других кораблей османы не имели. Впервые обнаружилось отставание державы султана в ключевой для нее военной области.

Экономический прогресс обошел Османскую империю стороной. Открытие Ост-Индии и Америки переместило основные пути транзитной торговли из Средиземного моря в Атлантический и Индийский океаны. Таможенные доходы снизились вдвое. Поток золота и серебра, хлынувший из Латинской Америки, привел к революции цен. Нача-

inslav

лась порча монеты. Поступления в казну (1534—1591) упали вдвое; то же самое произошло, в миниатюрном масштабе, в хозяйстве каждого тимариота, получавшего фиксированную и пересматривавшуюся раз в 20—30 лет ренту[29].

Поскольку все сущее устанавливалось Аллахом и не подлежало смене, идея эволюции застревала в закоулках общественной мысли, понятия прогресса и обновления отсутствовали. Ревнители старины давали отпор любой попытке выйти за рамки привычных представлений, рассматривая ее как посягательство на предначертания свыше. Усомнившихся в истинах Корана ожидала смерть. Общественная мысль развивалась однобоко, в сторону критики недостатков, объясняемых вероотступничеством, и не могла обрести панацею от бед. И военное сословие (куда входили и духовенство, и "люди пера"), и райя застыли в развитии. Считалось, что всякое посягательство на предначертания Аллаха, распространявшиеся и на социальную сферу, погрузит общество в анархию с последующим разорением.

Глубокий кризис поразил сипахийское войско. Благородные всадники полагали подходящим для себя оружием лишь холодное — саблю, копье, щит, лук со стрелами. Заниматься стрельбой из чадящего самопала они считали ниже своего достоинства; их эффективность в бою с вымуштрованной, обученной строю немецкой и венгерской пехотой резко снизилась. Добыча (иначе говоря — грабеж) издавна считалась возведенным в ранг государственной политики институтом. С переходом к обороне по всему порубежью этот стимулирующий фактор исчез вкупе с падением дохода от тимара. И сипахи стали проявлять все меньше рвения на службе и все больше желания отсидеться на своих наделах и, главное, сделать их доходнее. Государство предпринимало отчаянные усилия для того, чтобы оставить все по-прежнему, но с фатально плачевным результатом. Правдой и неправдой сипахи переводили свои условные держания в чифтлики, т.е. в частную собственность. Процесс этот затянулся на столетия, но старт был дан во второй половине XVI в. В XVI в. Порта могла выставить на поле боя 230 тыс. первоклассных кавалеристов, в XVIII в. — едва 50 тыс.[30] Система изжила себя. Сипахи сидели по домам и занимались хозяйством.

Изживал себя страшный налог на мальчиков — девширме. С середины XVII столетия к нему стали прибегать все реже. Могучее янычарское войско переродилось. Был предан забвению обычай безбрачия. В корпус хлынули турки в погоне за янычарскими привилегиями и в первую очередь — освобождением от налогов. Прекращение победоносных войн означало исчезновение связанной с ними добычи. Жалованье выдавалось нерегулярно, и корпус постепенно утрачивал свой боевой дух. Янычары стали обзаводиться лавочками и мастерскими и из фанатиков ислама превращаться в заботливых отцов семейств, многие увиливали даже от явки на смотры, не говоря уже об участии в боевых действиях. При Селиме III (1789—1808) в списках значилось 400 тыс. янычар, а служили 50 тыс.[31]

Правительство перешло к организации наемного войска (секбан). Солдатам следовало платить, по недостатку монеты стали прибегать к ее порче, акче и куруши постоянно теряли вес. Но средств не хватало, и секбан переходил на содержание властей в тех местах, где квартиро-

inslav

вал и которым на деле подчинялся. Высокая Порта постепенно утрачивала контроль над вооруженными силами, коими обзаводились провинциальные правители — аяны, все чаще превращавшиеся в хозяев положения на местах, в наследственных правителей, впадавших в сепаратизм.

Происходили изменения и на самом верху, в недрах семейства Османов. По мере некоторого смягчения нравов правящий султан перешел от поголовного истребления конкурентов к выборочному устранению наиболее опасных. Остальные проводили всю жизнь в окружении женщин и евнухов в покоях сераля, именовавшихся клетками, вдали от дел государственных. В принципе престол надлежало передавать, по арабскому обычаю, старшему в роде. На самом деле решающее слово принадлежало янычарам, особенно если им удавалось договориться с матерью претендента, будущей султаншей-валиде. На смену энергичным, не останавливавшимся ни перед чем на пути к власти личностям, приходило слабое племя. Немало принцев не выдерживало "сладкой жизни" в серале и лишалось рассудка.

«В результате консерватизма во всех сферах жизни Оттоманская империя из технологически равного соперника в XVI столетии стала "отсталой державой" к концу XVIII-го», — замечает Питер Щугар[32]. Держава превратилась в грандиозную пирамиду произвола, коррупции и насилия снизу доверху. Превратившиеся в рачительных хозяев потомки грозных сипаи драли с крестьян по семь шкур, откупщики налогов свирепствовали, сепаратисты-феодалы сколачивали маленькие государства в государстве (иногда служившие очагом национального возрождения), солдатня всех рангов обирала население; жажда освобождения крепла в сердцах угнетенных христиан.

Империя катилась вниз...

[1] *Матанов Хр., Михнева Р.* От Галиполи до Лепанто. София. 1988. С. 11.
[2] История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 123—160.
[3] Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 151, 152.
[4] История Византии. Т. 3. С. 165.
[5] *Ахмедов А.* Социальная доктрина ислама. М., 1982. С. 23, 27.
[6] Там же. С. 22; Коран. М., 1991. С. 35, 44, 494.
[7] Ниже о тимарной системе сказано несколько подробнее с объяснением, почему она была сравнительно спокойно встречена крестьянами.
[8] *Sugar P.* Southeastern Europe under Ottomam Rule. Seattle; L., 1977. P. 15—16.
[9] *Inalcik H.* The Ottoman Empire: The classical period, 1300—1600. L., 1973. P. 59—60. Сам Мехмед II был отравлен сыном Баязидом. См.: *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Т. 1. С. 51.
[10] Эпос сербского народа. М., 1963. С. 117—118.
[11] Enciclopedija Jugoslavije. Zagreb, 1962. Sv. 5. S. 337.
[12] Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 153—154; *Inalcik H.* Op. cit. P. 16.
[13] *Матанов Хр., Михнева Р.* Указ. соч. С. 123.
[14] *Разин Е.А.* История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 226.
[15] История Византии. Т. 3. С. 174.
[16] Краткая история Албании. М., 1992. С. 49.
[17] Варна, 1444. София, 1969. С. 164; *Матанов Хр., Митева Р.* Указ. соч. С. 136.
[18] Варна, 1444. С. 51, 104, 141, 145, 151, 155, 160, 162, 164, 234, 237, 241, 244, 247.

inslav

[19] *Разин Е.А.* Указ. соч. С. 228; Варна, 1444. С. 234—237.
[20] История Византии. Т. 3. С. 188.
[21] Там же. С. 190—191; *Матанов Хр., Митева Р.* Указ. соч. С. 184.
[22] *Sugar P.* Op. cit. P. 447. Были признаны также армянский и еврейский миллеты.
[23] Ibid.
[24] *Jelavich B.* History of the Balkans. Cambridge (Mass.), 1983. Vol. 1. P. 42.
[25] Ibid. P. 41.
[26] *Inalcik H.* Op. cit. P. 46.
[27] История Венгрии. М., 1971. Т. 1. С. 238; *Tapié V.S.* Monarchie et peuples du Danube. P., 1969. P. 77.
[28] История Венгрии. Т. 1. С. 241; *Tapié V.S.* Op. cit. P. 176—179, 73, 77.
[29] *Inalcik H.* Op. cit. P. 49; *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. М., 1991. С. 30.
[30] *Sugar P.* Op. cti. P. 198, 193, 241.
[31] *Inalcik H.* Op. cit. P. 98.
[32] *Sugar P.* Op. cit. P. 192.

inslav

Часть первая

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАНОРАМА

inslav

Последний крестовый поход христианской Европы

Не от хорошей жизни османы во второй половине XVII в. предприняли последний поход в сердце Европы. Кризис гнал их вперед. Иного пути восстановления могущества, кроме распространения пришедшей в упадок тимарной системы землевладения и реставрации на ее основе могучего войска, окружение султанов не видело.

Лишь предприимчивые и везучие сипахи сумели превратить свои земельные держания в частную собственность, в чифтлики. Прочие разорились и стали люмпенами, но сохранили традиционно-высокий социальный статус "мужей меча", освобожденных от налогообложения, утратив фактически свое место в военной структуре империи. Если удавалось, они служили наемниками в отрядах местной знати — бейлербеев. Они роптали, бунтовали, поставляли кадры для персональных армий своевольных, впадавших в сепаратизм пашей, но не расставались с мечтой о возвращении к золотым временам Мехмеда Завоевателя и Сулеймана Великолепного и жаждали обрести вожделенный тимар. Разорившиеся сипахи стали "той силой, которая постоянно подталкивала Османскую империю к продолжению завоевательной политики, — пишет С.Ф. Орешкова, — так как именно она давала возможность для этих воинов хоть как-то отличиться на поле брани, а также новые земли для возможных тимарных раздач"[1].

За два века до описываемых событий нечто похожее происходило в Испании. В 1492 г. пал Гранадский халифат, последний оплот былого мавританского владычества на полуострове. Закончилась многовековая реконкиста, не у дел оказались тысячи и тысячи идальго, мелких дворян, служивших королю шпагой. И они хлынули за океан, превратившись в завоевателей-конкистадоров, создав грандиозную испанскую колониальную империю в Южной и Центральной Америке.

В турецком варианте конкисты пересекать моря не было нужды. За военной границей лежали богатые земли "кяфиров" — неверных, оставалось заняться богоугодным делом приобщения их к "порогу счастья".

Иного выхода из кризисного тупика не видела и турецкая элита, никаких предпосылок для преобразований в капиталистическом духе не существовало, предпринимательской деятельностью занимались "презренные гяуры", а не гордые потомки Османа. И началась серия войн — с Венецией (1645—1669), Австрией (1663—1664), Польшей (1672), Россией (1676—1681).

inslav

Сохранился доклад реис-эффенди (чиновника, ведавшего иностранными делами) великому везиру, в котором рисовались соблазнительные картины "освоения" австрийских и венгерских земель: здесь "множество зеаметов, тимаров, вакфов. Вы будете там собирать такие суммы, какие идут из Египта". Поселить на них можно воинов-победителей, "гази", и тем решить вторую задачу — удалить из Анатолии безземельных и недовольных тимариотов и их многочисленную родню, а заодно и пополнить ряды аскери[2].

Неслучайным являлось особое внимание к владениям Габсбургов как к объекту добычи. Турки желали осесть на обжитые, ухоженные, культивируемые земли с хорошим доходом, чтобы поживиться за их счет. Осваивать малонаселенную, хотя и плодородную целину они были не в состоянии. Вторжение на Украину не оправдало связанных с ним надежд. Переход гетмана Петра Дорошенко под покровительство султана османы сочли равнозначным вхождению всей Правобережной Украины под их власть. Однако опустошенная Подолия оказалась не в состоянии прокормить даже турецкие гарнизоны: жители разбегались куда глаза глядят, вольнолюбивые казаки не собирались гнуть спины на новых хозяев. Нарезанные было тимары остались незанятыми. Дорошенко запутался в своих комбинациях и лишился гетманского достоинства. Встревоженная хозяйничаньем турок на Украине, вмешалась Россия (война 1676—1681 гг.). Прогнать османов из Подолии не удалось, но и тем по миру в Бахчисарае пришлось признать за Москвой Левобережную Украину и Киевщину. Междуречье Днепра и Буга стороны договорились считать пустынной и безлюдной полосой между двумя державами. Со стороны Высокой Порты это было знаком того, что она желала отгородиться от России барьером и устремиться в поход на соблазнительно-богатые владения Габсбургов.

Но прежде надлежало навести хоть какой-то порядок в домашних делах, находившихся в хаотическом состоянии. В верхах многие десятилетия царила сумятица, о чем свидетельствовала "министерская чехарда". За пять лет (1651—1656), сменилось восемь великих везиров. И тогда к власти при юном султане Мехмеде IV был призван 70-летний старец, албанец по рождению Мехмед-паша, первый из некоронованной "династии" Кёпрюлю, властный, крутой до жестокости человек с большим административным опытом. Проведенные им меры именуются в турецкой историографии "традиционными реформами". По существу ничего реформаторского они в себе не заключали. Конфискациями, казнями и высылками Мехмед-паша расправился с недовольными сипахи, янычарами и кади-заде (учениками медресе, которых расплодилось видимо-невидимо). На все важные должности он посадил своих сторонников, не обойдя вниманием и руководителей немусульманских миллетов, которыми стали лояльные иерархи. На упреки в чрезмерной жестокости он отвечал, что ему нужен прочный тыл в войне с Венецией, длившейся до 1669 г. Он добился успешного ее исхода. Остров Крит был захвачен, и на землях нового эялета Гирид образовано 1,5 тыс. тимаров[3].

Далее Мехмед Кёпрюлю прогнал из вассальной Трансильвании князя Ференца Ракоци I, проявлявшего признаки непокорности. Затем он поспешил в Малую Азию, где началось восстание местных правителей во главе с Абазой Хасан-пашой. Мехмед заманил предводителя в свой лагерь якобы для переговоров, где и расправился с ним. Вскоре в Стамбул при-

inslav

везли 12 тыс. отрубленных голов "бунтовщиков" — страшное свидетельство расправы Кёпрюлю с недовольными.

После смерти свирепого албанца его пост унаследовал сын Фазыл-Ахмед. Султан Мехмед IV в дела государственные вмешивался мало. Он был прозван "Охотником" по любимому занятию, любил развлечения, перестроил дворец, предавался любовным утехам в гареме, и в то же время питал пристрастие к живописи и музыке, покровительствовал поэтам и ученым, увлекался историей, ему читали хроники о деяниях великих султанов, а его секретарь Абди-ага стал официальным придворным летописцем. При дворе творил Кятиб Челеби, своего рода энциклопедист Востока, перу которого принадлежат исторические и географические сочинения. Так что социальный упадок сочетался с культурным подъемом в элите общества. Наклонность к изящному проявилась в увлечении цветами, причем предпочтение отдавалось тюльпанам ("эпоха тюльпанов").

Однако общественная мысль не переступала порог серьезных реформ. Обрушившиеся на страну беды книжники объясняли повреждением нравов и забвением старых обычаев, и выход они видели не в поисках путей в будущее, а в возрождении овеянного легендами прошлого. Сомневавшихся в непреложных истинах Корана по-прежнему ожидала смерть. В своем "Изложении сути законов османской династии" Хусейн Хазарфени печалился по поводу того, что тимарная система пришла в упадок, рекомендовал "назначать на эялеты справедливых, благочестивых, опытных людей", навести порядок в управлении и без пощады искоренять недовольство: "как только исчезнет страх в сердцах людей, начинаются и возрастают бесчинства низких". Главное — следует укреплять султанскую власть: "Обязанности имама, хатиба, государственная власть — все принадлежит падишаху". Современный турецкий историк И. Ортайлы именует преобразование "династии" Кёпрюлю "попыткой реабилитации классических институтов"[4]. Вполне логично в небогатую копилку идей для штопанья государственных прорех входила и экспансия, тем более что Мехмед-паша навел на правоверных должный ужас и привил им привычку к подчинению.

В начале 80-х годов война представлялась великому везиру Кара-Мустафе, человеку решительному, честолюбивому и тщеславному, дипломатически и политически превосходно подготовленной. Венеция еще не оправилась от поражения; с Московским государством заключили мир; Венгрии как единого целого не существовало, Буда и Темешвар (Тимишоара) — центры османских пашалыков, Трансильвания — вассальное княжество; восстание Имре Тёколи лишало Габсбургов власти почти над всей Венгрией, им пришлось открыть фронт против "скитальцев" (куруцев). Могущественный французский король Людовик XIV — смертельный враг императора Леопольда и, стало быть, союзник Высокой Порты. Дела на Рейне складывались, с точки зрения Стамбула, как нельзя лучше: "король-солнце" рвался к гегемонии на континенте, услужливые перья сперва в одиночку, а позднее в рамках специально созданных присоединительных палат углублялись в эпоху Карла Великого и еще дальше, к кельтам и галлам, в античные времена; искомой границей неизменно представлялось течение Рейна. С войсками Людовика, предводительствуемыми знаменитыми полководцами А. Тюренном, С. Вобаном и Л. Конде, сражались, в разных комбинациях, армии Великобритании, Голландии, Швеции, Ис-

inslav

пании, Бранденбурга, Австрии и отдельных немецких княжеств. И все же Людовику удалось присоединить Лилль и еще девять бельгийских городов, Мец, Туль, Верден, столицу Эльзаса Страсбург, он выгнал из Нанси герцога Лотарингии, входившей в состав Германской империи. Людовик был заинтересован в том, чтобы отвлечь силы императора Леопольда на восток и тот ввязался бы в войну с Высокой Портой.

Внимательно следя за непрекращавшейся междоусобицей в христианском лагере, в Стамбуле пришли к выводу, что объединенного отпора опасаться нечего. И в этом состоял грубейший просчет. Утверждения знамени Пророка в Вене, хозяйничанья османов в сердце Европы не желал допускать никто. Даже Людовик XIV не посмел выступить в амплуа их пособника. Тайком он науськивал Порту на Австрию, инструктируя своего посла (апрель 1682 г.): "Решение султана выступить против Венгрии может прекрасно способствовать сохранению мира во всей Германии, или, по крайней мере, воспрепятствует тому, чтобы император бросил все войска на Рейн"[5]. В то же время король благоразумно уклонился от заключения предложенного ему Портою союза. Предпринятый осторожным кайзером в 1682 г. мирный зондаж в Стамбуле провалился: турки потребовали передать им ряд пограничных крепостей, в том числе твердыню Дьер на пути к Вене.

Убыстрило столкновение обращение за помощью к султану вождя венгерских повстанцев-куруцев И. Тёколи. Мехмед IV с готовностью откликнулся и выдал Тёколи ферман, в котором признавал его королем Центральной Венгрии (сентябрь 1682 г.) с условием уплаты ежегодно 400 тыс. пиастров дани. Такого вмешательства в дела, которые Леопольд считал своими внутренними, он стерпеть не мог, война становилась неизбежной. Бавария, Саксония, Бранденбург согласились предоставить в помощь ему свои контингенты. И, главное, 31 марта 1683 г. Леопольд и польский король Ян Собесский заключили оборонительный и наступательный союзный договор, обязавшись выступить против Высокой Порты соответственно с 60- и 40-тысячным войском. Действовать каждая сторона намеревалась на своем театре, совместные операции предусматривались лишь в случае угрозы Вене или Варшаве. И, что важно, договор содержал статью, запрещавшую заключение сепаратного мира.

Кипучую деятельность по сплочению христианских сил развил папа Иннокентий XI, смолоду сражавшийся с турками с мечом в руке. Его можно назвать крестным отцом Священной лиги. Папские легаты способствовали сближению между Леопольдом и Яном Собесским, рассеивали недоверие между Австрией и Венецией, примиряли Речь Посполитую с Московским государством, Иннокентий щедро финансировал союзников, Леопольд получил по подписании договора 400 тыс. талеров, Ян Собесский — 500 тыс.[6] Папа разрешил продажу трети церковного имущества в землях Габсбургов и получал кредиты от итальянских, нидерландских и немецких банкиров под церковные доходы.

31 марта 1683 г., в день подписания австро-польского союза, последовало объявление войны со стороны Высокой Порты с соблюдением всего полагавшегося церемониала — чтением фетвы шейх-уль-ислама и вручением Кара-Мустафе зеленого знамени пророка. Вену оно застало врасплох — шли споры насчет жалованья солдатам и хлебных рационов и, что еще важнее, фигуры командующего. У Леопольда хватило благоразумия

inslav

не искать лавров полководца, в военном деле он слыл полным профаном. Его выбор пал на Карла Лотарингского, изгнанного Людовиком XIV из своих владений, выдающегося стратега и военачальника, обладавшего обманчивой внешностью — невысокий, тщедушный, его длинный нос нависал над подбородком, вечно в скромном коричневом костюме.

Двухсоттысячная армия Кара-Мустафы двинулась в Венгрию и осадила крепость Дьер. Однако, вопреки ожиданиям, он не задержался под ее стенами, а направился прямо на Вену. Паша спешил — воевали тогда только по октябрь и для решающего успеха следовало захватить вражескую столицу. Цепь крепостей по пути Кара-Мустафа игнорировал, и тем самым поставил под удар их гарнизонов свои коммуникации.

Вторым упущением стамбульских стратегов явилась недооценка преобразований европейцев в военном деле. На вооружение австрийской армии вместо прежних фитильных мушкетов стали поступать кремневые ружья со штыком. Прежнее деление пехоты на стрелков и копейщиков изжило себя. Широкое распространение получили ручные гранаты, в полках появились рослые солдаты-гренадеры. Облегчались и усовершенствовались пушки. Высокой степени развития достигло фортификационное искусство, вокруг крепостных стен сооружались редуты и бастионы. Бешеному натиску кавалерии сипахи стали противопоставлять эшелонированную в четыре ряда пехоту, поддерживаемую перекрестным огнем артиллерии. Против янычар использовалась тяжелая кавалерия латников.

Османское войско впечатляло своей численностью. Исследователи полагают, однако, что боеспособного состава насчитывалось 90 тыс. В центре реяло знамя пророка, а в арьергарде плелись вспомогательные отряды молдаван и валахов, несшие хоругви с изображением Богородицы. Фланги охранялись крымской конницей, опустошавшей и испепелявшей окрестности на много верст кругом и лишавшей тем самым войско продовольствия и фуража[7]. В обозе путешествовал подьячий Алексей Васильев, отправленный к султану "в гонцах"[8]. На его миссии лежит налет таинственности: явно не посол — не в тех чинах, так кто же? Турки заподозрили в нем соглядатая, но Васильев сумел рассеять подозрения. Османы держались с Москвой осторожно, поэтому терпели его присутствие и даже снабдили охраной. Его статейный список — неплохой разведывательный материал о походе османской армии к Вене и поспешном бегстве оттуда.

Император Леопольд с семьей загодя покинул свою столицу, провожаемый недобрыми взглядами, а то и язвительными замечаниями верноподданных. Августейшие беглецы удалились в Линц, а затем в Пассау. Оставшимся в Вене гарнизоном (11 тыс. солдат и офицеров, 5—6 тыс. добровольцев, из которых особую отвагу проявили студенты университета, 300 пушек) командовал граф Р. Штаремберг, опытный и отважный воин. Сердца жителей дрогнули, когда они с высоты крепостных стен увидели в вечерней мгле десятки тысяч костров и палаток.

Карл Лотарингский поджидал союзников, прежде всего Яна Собеского. Тот подтянулся в начале августа с 10-тысячной пехотой и 14-тысячной конницей. Подошли полки саксонцев, баварцев, баденцев, швабов, франконцев, всего удалось собрать свыше 70 тыс. человек.

А из города поступали через лазутчиков тревожные вести; приступы следовали один за другим. Усилия осаждающих были направлены на захват королевского замка — Бурга. 3 августа им удалось пробить брешь в

inslav

стене, и Штаремберг стал готовиться к уличным рукопашным боям. Солдат в строю осталось всего 4 тыс. Но и турки вымотались под стенами Вены: беспрерывные траншейные работы, кровопролитные бои, болезни, осенние дожди. Кара-Мустафа потерял 50 тыс. человек, но у него еще оставалось 150 тыс.

А у союзников шли споры о командовании. Пронесся тревожный слух — под Вену, к ужасу генералов, собрался император Леопольд. Ян Собесский потребовал, чтобы цесарь на поле боя не появлялся, а сам он был признан верховным главнокомандующим. Решение так и не было достигнуто.

11 сентября в лагере союзников отслужили торжественную мессу, а с первыми лучами солнца 12-го закипел бой. Карл Лотарингский пробился к стану осаждающих, разметав охранявших к нему подступы татар, молдаван и валахов, которые особого сопротивления не оказали. Решающую роль сыграла атака польской кавалерии во главе с удалым королем: на полном скаку всадники с развевающимися за спиной крыльями и с кличем "Помни, дева Мария" врезались в ряды янычар и опрокинули их. Началось паническое бегство османов, Кара-Мустафа побросал свой шатер, драгоценности, бунчук и даже знамя пророка. Турки оставили на поле боя 16 тыс. убитых, всю артиллерию и обоз.

Леопольд обиделся: конники Яна Собесского похозяйничали в лагере врага и захватили бóльшую часть добычи; польский король въехал победителем в освобожденный город, тогда как, по мнению цесаря, это надлежало ему: "Мои подданные должны видеть и приветствовать меня"[9].

Встреча двух монархов прошла холодно, Леопольд цедил слова сквозь зубы и не обращался с Собесским как с рóвней: не наследственный помазанник Божий, а избранный король. Раздосадованный Собесский отвечал с тонкой иронией: "Я рад, брат мой, что оказал вам эту небольшую услугу". Досаду он излил в письме жене: "Мне суждено делать одолжения всему миру и не надеяться ни на кого, кроме Бога".

Отступавшего до Белграда Кара-Мустафу ждали палачи. Его задушили шелковым шнурком, как полагалось казнить особу столь высокого положения. Сопровождавшего везира в походе великого драгомана Александра Маврокордата* бросили в тюрьму. Гнев падишаха распространился на его жену и мать, тоже посаженных в темницу (где последняя и умерла). Почувствовав, что дело плохо, Маврокордат воззвал к милосердию повелителя, пообещав уплатить 300 кошельков денег. Сразу выплатить всё он не смог, и его подвергали избиениям до получения суммы сполна, а потом выпустили на свободу (если жизнь в Османской империи подходила под это определение)[10].

А в Европе царило воодушевление: неужели рассеялся кошмар нашествий, висевший над христианами 300 лет? Но фронт союзников сразу стал давать трещины, всплыли старые споры и раздоры. Поляки, баварцы, саксонцы удалились в свои края. Родственный мадридский двор оказывал

---

* Драгоман — буквально переводчик, на самом деле чиновник высокого ранга, занимавшийся сношениями с другими государствами. Поскольку турки языков не знали и считали унизительным для себя общаться с "неверными", должность драгомана исполняли образованные греки-аристократы. А. Маврокордат учился в Греческом колледже в Риме, университетах Падуи и Болоньи, был медиком и филологом, знал много языков.

inslav

на Леопольда сильнейшее давление в пользу мира со Стамбулом — авось Высокая Порта после разгрома станет сговорчивее; испанские Габсбурги настаивали на концентрации сил на Рейне для противодействия притязаниям Людовика XIV.

В то же время антиосманское крыло в правящих кругах Вены имело мощную опору в лице папы Иннокентия XI, его дипломатии и казны. После долгих колебаний император Леопольд принял судьбоносное для христианской Европы решение — продолжать войну с Турцией.

К союзу удалось привлечь Венецию. В сенате республики уже давно шли ожесточенные споры — сторонников и противников выступления. Последние ссылались на истощение страны после продолжавшейся почти четверть века Критской (Кандийской) войны, их пугали нерешительность и непредсказуемость Леопольда: вдруг он пойдет на сепаратный мир? Оппоненты призывали коллег не упускать уникального случая и закрепиться на побережье Далмации, а заодно прекратить выплату солидных отступных Высокой Порте ради сохранения хрупкого мира.

5 марта 1684 г. в Линце был подписан договор между Австрией, Польшей и Венецией; четвертым участником выступал папа Иннокентий XI. Священная лига родилась. Ее члены обязались воевать против Высокой Порты до подписания почетного мира и не заключать сепаратной сделки при любых, даже самых благоприятных обстоятельствах. Леопольд должен был вести операции в Венгрии, Ян Собесский — в Подолии, венецианцы — в Адриатическом и Эгейском морях и Далмации, каждый союзник действовал на отдельном операционном театре, ревниво оберегая свою самостоятельность. Взаимопомощь предусматривалась в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Папа участвовал в войне своими галерами и, главное, деньгами и авторитетом.

Кампания 1684 г. началась с опозданием против обычных сроков не только из-за длительности и сложности дипломатической процедуры, но и по более прозаической причине: солдаты отказывались идти в поход до получения жалованья. При помощи папского кошелька эта трудность была преодолена.

Важно было обеспечить лояльность населения Венгрии, на территории которой развернулись основные военные действия. Пожонь (Пресбург) посетил Карл Лотарингский, принятый там с симпатией. Король, он же император Леопольд, объявил амнистию "совершившим ошибку" куруцам. 14 магнатов, 17 комитатов (областей), 12 вольных городов перешли на его сторону[11]. В стране удалось набрать несколько пехотных и кавалерийских полков "лабанцев". Позиции Имре Тёколи пошатнулись, многие дворяне отказывались платить туркам дань (40 тыс. талеров в год). 17 тыс. куруцев перешли в королевское войско.

Целью операций в Венгрии являлось взятие Буды, оплота владычества турок в Центральной Европе, своего рода символа их присутствия в регионе, стратегической позиции, на которую опиралась цепь крепостей. С ее взятием выходила из строя вся система османской обороны, а австрийцы становились хозяевами судоходства по Дунаю; наконец, Леопольд устанавливал свой контроль над всей Венгрией и выполнял обещание, данное за полтора столетия до описываемых событий его предком Фердинандом — изгнать турок из страны и объединить ее.

inslav

Турецкие силы в Венгрии насчитывали 50 тыс. человек, из которых 10 тыс. приходилось на гарнизон Буды. Карлу Лотарингскому и баварцам, наступая по течению Дуная, удалось занять Вышеград и Пешт, но взять "с ходу" Буду они не смогли. Осада затянулась, пули и ядра осажденных, а больше болезни косили ряды австрийцев и баварцев (потери достигли 24 тыс.). В конце ноября блокаду пришлось снять. Неудачно провел кампанию Ян Собесский, а успехи венецианцев под командованием Фр. Морозини в Далмации и Греции воспринимались как местные.

Зима и весна ушли на пополнение и реорганизацию имперских войск, прибыли контингенты из немецких княжеств, добровольцы из Швеции, Дании и Голландии, их общая численность достигла 120 тыс. Пришли на помощь баварцы и курфюрст Бранденбургский. Весной и летом следующего года тяжелые бои развернулись на территории многострадальной Венгрии, которую терзали войска обеих сторон. Особенно свирепствовал имперский генерал Э. Караффа, называвший себя "бичом мадьяр". Его солдаты "предавали всех мечу, не разбирая возраста и пола, не обращая внимания на стоны и слезы, не щадя несчастных, умолявших их на коленях о пощаде"[12]. Имре Тёлеки потерял несколько важных городов и крепостей, куруцы бежали от него и присоединялись к силам противника.

Решающие успехи принес 1686 год, удача избрала Карла Лотарингского своим фаворитом. Имперский рейхстаг выделил Леопольду "турецкую помощь" (всего 2 млн 750 тыс. флоринов). В апреле Россия и Польша при содействии цесаря и папы договорились о "вечном мире", по которому Речь Посполитая согласилась наконец признать не временный, а безусловный переход Киева с округой в состав Российского государства. Пала препона, мешавшая Москве присоединиться к Священной лиге. Боярская дума стала размышлять о походе на Крым*.

В июне Карл Лотарингский двинулся к Буде во главе армии в 40 тыс., состоявшей из имперских контингентов, бранденбургских, швабских и франконских полков. Отдельной колонной и по другой дороге шел 22-тысячный баварский корпус Макса-Эммануила, не желавшего подчиняться Карлу. Прибывали многочисленные волонтеры — итальянцы, испанцы, португальцы, французы, голландцы, англичане. Британский король Яков II приказал своему сыну прервать учебу в Сорбонне и надеть мундир.

18 июня союзные войска окружили Буду. Месяц ушел на рытье и укрепление траншей, подведенных к самым стенам города. Удалось захватить гору Геллерт, подвезенная туда артиллерия днем и ночью обстреливала крепость, но следовавшие один за другим штурмы приносили лишь частичный успех. Кольцо осады постепенно сжималось, полуразрушенные стены едва держались, турки не решались расставить на них пушки. Удачное попадание ядра в каземат, расположенный в королевском дворце, вызвало взрыв неописуемой силы и смерть полутора тысяч защитников города.

Великий везир Сулейман, двигавшийся с войском к Буде, по пути потерпел поражение, не решился пробиваться к крепости и в бессилии наблюдал за генеральным штурмом 2 сентября. Хотя от гарнизона осталось всего 5 тыс., он сопротивлялся упорно, резня на улицах произошла страшная, комендант Абдурахман с горсткой уцелевших бойцов сражался до конца и пал с саблей в руке.

---

* Об участии России в войне см. следующую главу.

inslav

Назвать произошедшее освобождением не поворачивается язык: озверевшая солдатня предала город мечам и пожарам, особенно свирепствовали ворвавшиеся в него первыми баварцы. Грабили и убивали всех подряд — мусульман, христиан, иудеев. Многие евреи хотели бежать на корабли, стоявшие на Дунае, но их схватили и предали смерти, а имущество присвоили. Часть своих единоверцев спас венский банкир С. Оппенгеймер за большой выкуп.

Впечатление в Европе от победы было потрясающим, наконец-то с турецкой угрозой покончили, рассеялся кошмар, длившийся 300 лет, горячие головы мечтали об изгнании османов в Азию. В храмах возносились благодарственные молитвы Господу, в городах устраивались праздничные шествия, народные увеселения, гремели салюты. В Вене в торжественной процессии участвовал двор, клир, гильдии купцов, цеха ремесленников и простой народ.

Ян Собесский настаивал на преследовании армии великого везира, венецианцы просили перенести военные действия поближе к морям. Но пока что имперцы оперировали в Венгрии, стремясь очистить от турок течение Дуная до впадения в него рек Драва и Тиса. Карл Лотарингский взял Печ, Шипош, Капошвар, Сегед. Зима положила конец его успехам, в 1687 г. он продолжил наступление. В августе Карл Лотарингский разгромил армию великого везира в битве у местечка Надьхаршань, в которой особо отличился Евгений Савойский: во главе полка цесарской кавалерии он ворвался в ряды стойко оборонявшейся османской пехоты и обратил ее в бегство. После этой победы сохранившиеся в Венгрии крепости сдавались без сопротивления, за исключением упорно державшегося Эгера, где засела отважная Илона Зриньи, жена Имре Тёколи. Мадьярское дворянство стремилось загладить прежние грехи, лабанцы сражались отважно. Но король (т.е. тот же Леопольд) не сменил гнев на милость, Венгрию он рассматривал как завоеванную страну, и "свои" грабили ее так же беспощадно, как и "чужие". Куруцев подавили зверски, несмотря на провозглашенную еще в 1684 г. амнистию. "Эпоха реконкисты имела свои теневые стороны, — признавал В. Тапье, — офицеры и солдаты армии обращались с освобожденным населением с неслыханной жестокостью, занимались вымогательством, грабежом, лишали его всего в такой степени, что, как это ни парадоксально, не раз заставляли жалеть (об уходе) турок"[13]. На этом мрачном фоне Леопольд утвердил свою власть в стране. Государственное собрание в Пожони (1687—1688) безропотно подчинилось его воле: был отменен обычай избрания короля, престол утвержден за родом Габсбургом по мужской линии; сословия отказались от древнего (с 1222 г.) права оказывать сопротивление монарху, которой освободил себя от обязанности регулярно созывать собрание.

Священная лига перешла в наступление на Балканах. Осенью 1687 г. император обратился с воззванием к населению полуострова, призывая его выступить против угнетателей. Обращение встретило отклик в Боснии, Сербии и Болгарии. Население сочувствовало союзным войскам; по свидетельству патриарха Арсения Черноевича, сербы "выставили 10 тысяч пешего и конного войска" и развернули партизанскую войну в тылу османской армии[14].

Сопротивление турок слабело, осенью 1688 г. сравнительно легко был взят Белград, важнейший стратегический пункт, место сосредоточения

inslav

войск султана для удара в сердце Европы. В городе удалось захватить громадные склады снаряжения и продовольствия. Путь в глубь Балкан был открыт. Союзными армиями в Сербии командовал Макс-Эммануил Баварский, Людвиг Баденский прорвался из Венгрии в Боснию. Венецианцы заняли Афины (что произвело на современников большое впечатление, хотя прославленный в древности город превратился в захудалое местечко) и очистили от османов Морею. На севере Болгарии вспыхнуло восстание (Второе Тырновское). В Вене предавались мечтам о занятии Герцеговины и Далмации. Но тут в события вмешался неуемный Людовик XIV, развязавший третью в его царствовании завоевательную войну, на сей раз за Пфальцское наследство. Его поползновение на европейскую гегемонию привело к созданию Аугсбургской лиги (Голландия, германский император, Испания, Швеция, Бавария, Саксония, Пфальц, с 1689 г. — Англия). Война растянулась на девять лет, на границу с Францией пришлось перебросить многие полки с балканского фронта, на Рейн отправились прославленные полководцы Карл Лотарингский и Макс Баварский. Но самым тяжелым ударом для Священной лиги явилась смерть папы Иннокентия XI, ее вдохновителя и казначея. Преемник Александр VII выдающимися качествами не обладал; денежный поток из Рима нельзя сказать чтобы совершенно иссяк, но обмелел, что сказалось на численности и состоянии боевого духа христианского воинства.

Турки оправились. Новый великий везир Мустафа из знаменитого рода Кёпрюлю в 1690 г. вытеснил неприятеля с Балкан. Самой тяжелой потерей явилась сдача Белграда, и в души робких вкралось опасение: а не придется ли вновь думать о защите Вены? Начался великий исход сербского населения, охваченного ужасом перед неминуемой местью турок. 40 тыс. семей с детьми, домашним скарбом и скотом, всего более 100 тыс. людей, покинули родные места и двинулись в неведомые земли[15]. Шли пастыри, несли кресты и иконы. Возглавлял переселение духовный владыка, Печский патриарх Арсений Черноевич. А на покинутые земли, в Старую Сербию, ныне именующую Косовом, мигрировали албанцы. Далеко в глубь истории уходят корни конфликтов, сотрясающих ныне Сербию!

Император Леопольд благосклонно принял переселенцев, обещал предоставить им землю, уважать православную религию, позволить им жить по прежним законам и обычаям. Венский двор достигал сразу двух целей: заселял и возрождал хозяйственную жизнь в опустошенных войной и обезлюдевших южных комитатах Венгрии; почти даром приобретал первоклассную воинскую силу. Новоприбывшие становились граничарами, военными поселенцами, охранявшими порубежье с Турцией. Они освобождались от всяких повинностей и налогов и несли лишь охранную службу. Жалованье полагалось только офицерам[16]. (О теневой стороне жизни новопоселенцев будет сказано ниже.)

Остановить османское наступление удалось в сражении при Саланкеменце в августе 1691 г., одном из самых кровавых в жестоком XVII в. Турки потеряли 10 тыс. человек, в том числе великого везира Мустафу-пашу; у христиан убитые и раненые составили 7 тыс., а Людвиг Баденский увенчал себя лаврами полководца.

Наступило затишье до 1695 г., стороны истощили свои силы. Первыми пришли в себя османы и в битве при Лугоше (Лугоже) разгромили императорские войска. Леопольду пришлось обратиться за помощью к кур-

inslav

фюрсту Саксонскому Фридриху-Августу. Тот дал согласие, однако затребовал для себя пост главнокомандующего, хотя его полководческие способности были сомнительны. Но Вене повезло: курфюрст был избран на польский престол под именем Августа II, с легкостью перейдя для этого в католичество. Генералиссимусом союзных армий стал принц Евгений Савойский, участник штурма Буды. К своим 33 годам он уже завоевал репутацию талантливого военачальника. Полуфранцуз-полуитальянец с примесью немецкой крови (он даже подписывался "Эугенио фон Савоя"), пятый сын Олимпии Манчини, племянницы кардинала Д. Мазарини, и небогатого отпрыска Савойского дома, от родителей он не унаследовал ничего, даже прославленной красоты своей матери, — маленький, невзрачный, хотя и державшийся с большим достоинством, смолоду бедный как церковная мышь. Увлеченный идеей борьбы с нашествием турок, он сбежал из Парижа и присоединился к цесарским войскам, спешившим на выручку Вены, и проделал блестящую карьеру под знаменами императора[17].

К тому времени война за Пфальцское наследство затухала, одолеть пол-Европы маршалам Людовика XIV оказалось не под силу. Участники Священной лиги получили возможность сосредоточить значительные силы на Балканах. Имперский сейм ввел налог на войну по всей Германии; Саксония, Швабия, Бранденбург, Бавария выделили контингенты. Духовенство пожертвовало часть своих доходов. Венеция строила суда и спешно набирала экипажи.

Армия двинулась в поход вниз по течению Дуная. 11 сентября 1697 г. у местечка Зента, у моста через Тису, произошло генеральное сражение. Принц Евгений воспользовался тем, что силы противника оказались разделенными рекой (кавалерия успела через нее переправиться) и обрушил пушечный огонь на задержавшуюся пехоту, отрезал ее от моста и атаковал. Спастись турки могли только вплавь, 20 тыс. их погибли, в том числе великий везир. Султан Ахмед в бессилии наблюдал за гибелью своей армии с другого берега, а потом ударился в бегство, растеряв при этом даже личные вещи. На следующее утро Евгений Савойский проснулся признанным великим полководцем. Король Людовик XIV, получил вести о Зенте, перестал затягивать мирные переговоры и согласился на невыгодные условия. По Рисвикскому миру (сентябрь—ноябрь 1697 г.) он уступил бóльшую часть прежде завоенных земель, в том числе Лотарингию.

Война с Высокой Портой была выиграна, оставалось утвердить это в трактате. Но прежде чем перейти к роли России в крестовом походе Европы, следует вкратце сказать об испытаниях крошечной Дубровницкой (Рагузской) республики, приютившейся на Далматинском побережье Адриатики и сумевшей обеспечить себе вполне сносное существование под сенью полумесяца. Ее зависимость от Османской державы сводилась к выплате дани (12,5 тыс. талеров в год); взамен купцы города-республики торговали во всех ее владениях (еще в XV в. "царь", т.е. султан, "учинил и записал всем дубров — чем торговцам куповать и продавать што им (угодно) по всей цареви земли"[18].

Конечно, безоблачным существование Дубровника не назовешь: выпадали периоды черного ненастья. 6 апреля 1667 г. (н.ст.) город и его окрестности стали жертвой катастрофического землетрясения, приведшего к страшным разрушениям и гибели множества людей. Депутация рагузян отправилась ко двору с просьбой отсрочить выплату дани. Но Кара-Мустафа,

inslav

тогда кайтакам (заместитель великого везира) набросился на почтенных сенаторов с грубой бранью и потребовал передать в казну имущество погибших жителей Дубровника (наследником выморочного имущества, по шариату, становился султан). Кара-Мустафа запросил невероятную сумму — 500 кошельков с золотом, или 250 тыс. дукатов. Онемевших от изумления посланцев препроводили под арест. Но тут на Адрианополь, где проходили переговоры, совсем как наказание Господне, обрушилась чума, и туркам стало не до ссоры с дубровчанами. Искушенная дипломатия республики сумела переиграть османов, пригрозив, что уцелевшие после катастрофы жители города переселятся в Италию, так что и брать деньги будет не с кого[19].

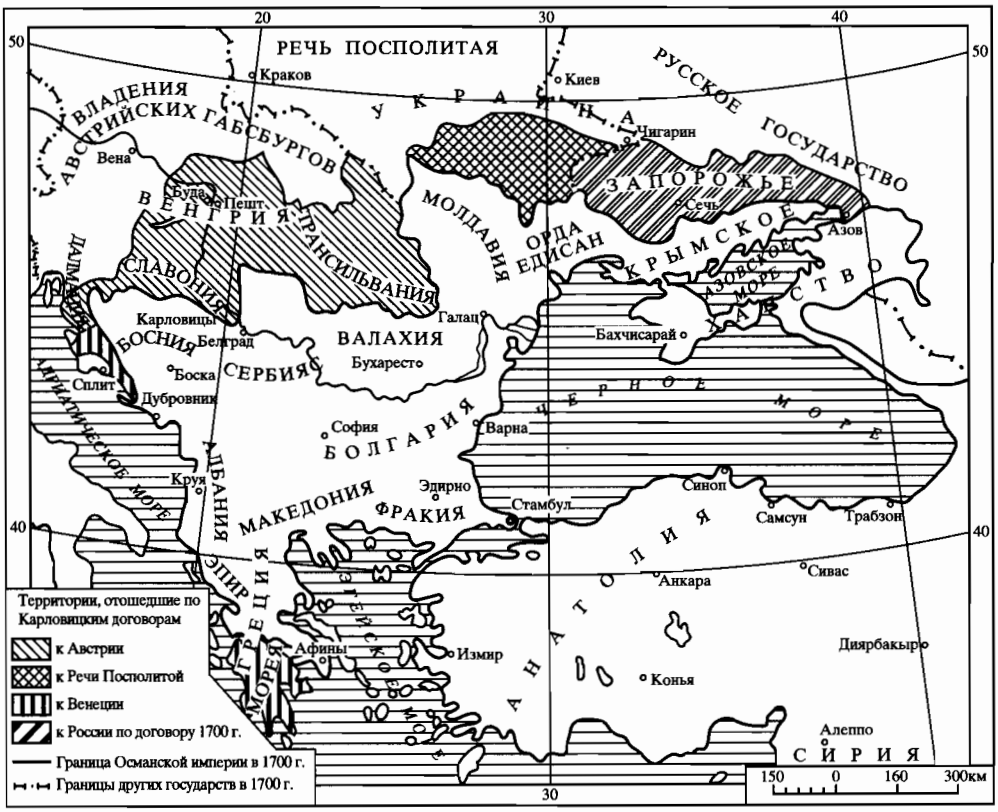
Но республику ожидали новые испытания. Вспыхнувшую в 1683 г. войну в Дубровнике восприняли как стихийное бедствие, и пуще всего страшила угроза попасть в зависимость от единоверной католической Венеции. Это означало переориентацию всей приморской торговли, переход ее в руки предприимчивых итальянцев, о чем свидетельствовал предыдущий опыт: соседние далматинские города, очутившиеся во владениях республики Святого Марка, захирели.

Дубровницкий сенат проявил чудеса дипломатической маневренности (если не употреблять вульгарного слова изворотливость), чтобы избавить город от нашествия войск какой-либо из сторон. На первых порах среди патрициев царило убеждение, что победа Высокой Порты предопределена. Спешно собрали причитавшуюся дань, с выплатой которой раньше не спешили, ее отправили в Стамбул с добрым заверением: "Да пребудет Оттоманская империя в своем постоянном величии, ибо мы существуем и живем в тени" ее[20]. Одновременно в тайне от турок отправили гонца в Вену в поисках второго протектора. У Габсбургов существовали острые разногласия с венецианцами по поводу раздела Далмации. Император Леопольд соглашался уступить им лишь часть побережья. Дубровчане же вовремя вспомнили, что с 1358 по 1526 г. они состояли в вассалах у венгерского короля и платили ему дань, правда весьма скромную. В феврале 1684 г. сенат обратился к цесарю (он же — венгерский монарх) с просьбой о покровительстве и защите, поскольку, как заверяли сенаторы, "наша зависимость от венгерской короны и... австрийского дома остается нерушимой"[21].

Кайзер по обыкновению повел себя нерешительно: подводить мину под союз с Венецией не хотелось, его сановники держались холодно. Дубровницкий посланец запросил у сената денег на взятки нужным людям и, видимо, распорядился ими с толком. Договор о покровительстве был подписан 20 августа 1684 г. с участием испанского посла, но втайне от венецианцев и турок. Между тем "в 1684 и 1685 г. руководимые венецианцами банды гайдуков опустошали деревни по всей территории Рагузской республики ...А венецианские военные галеры бдительно следили за турецкими военными кораблями и рагузским флотом"[21]. Лишь боязнь рассориться с Веной удерживала Республику Святого Марка от захвата Дубровника.

В 1687 г. Леопольд известил союзников об установлении покровительства над Дубровником. Сенат республики, продолжавший платить дань Высокой Порте, поспешил успокоить султанские власти, заверив их, будто подписанный с Веной акт носит исключительно антивенецианский характер. Репрессий с турецкой стороны не последовало: победы цесарцев в Герцеговине, а венецианского генерала Фр. Морозини в Морее отрезали Дубровник от контролируемых османами территорий. Но в октябре

inslav



Территориальные потери Османской империи по договорам 1699 и 1700 гг.

1688 г. Людовик XIV объявил императору Леопольду войну, и все карты вновь смешались. Вена на время утратила интерес к республике на Далматинском побережье. Императорские войска покинули Сербию, что заставило дубровчан вспомнить об узах, связывавших их с Портой, и вступить с ней в длительные финансовые переговоры. Надо было перестраховываться со всех сторон. В Венецию прибыл гонец с покаянной речью на устах. Дож принял его немилостиво и заявил, что к Рагузе Республика Святого Марка будет относиться так, как та заслужила. Воспользовавшись вспыхнувшей в Дубровнике в 1691 г. чумой, венецианцы установили строгую блокаду побережья.

В 1694 г. в Стамбул прибыла дубровницкая миссия с крупной суммой денег — 42,5 тыс. талеров, в которых турки отчаянно нуждались для продолжения войны. И снова нобили (по славянски — властели) просчитались: венецианская армия разгромила османов в Герцеговине и вышла на подступы к Дубровнику. "Вся торговля прекратилась... Наше государство со всех сторон окружено", — печалился современник[23]. Решающая победа Евгения Савойского при Зенте вызвала в кругах нобилитета шок — нужно было определяться в политике. Сенат изыскал беспроигрышную комбинацию, решив добиваться покровительства и Габсбургов, и Высокой Порты. Благосклонности канцлера Фр. Кинского удалось добиться через его советника полковника Марсильи. Драгоман Высокой Порты Алек-

inslav

сандр Маврокордат оказался неравнодушен к преподнесенным ему богатым "подаркам" (на всякий случай дубровчане посылали "дары" также республике Святого Марка и даже испанскому королю).

На конгрессе в Карловице (Сремски Карловцы) венецианский посол К. Руццони обнаружил, что рагузяне состоят в друзьях и у цесарцев, и у турок. И те и другие потребовали вывести венецианские войска из Герцеговины. В тексте договора появился абзац об устранении "всех помех, которые мешают сообщению" Рагузы с Османской империей. Между Дубровником и венецианской Далмацией пролегла полоса турецкой территории[24].

К. Руццони бушевал и клялся, что не пойдет на уступки "рагузянским собакам". Он отказался подписать подготовленный акт. Его сопротивление продолжалось недолго: имея на руках сказочно выгодные условия*, и не желая воевать один на один с турками, сенат Венеции сдался[25].

[1] *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в.: Внутренние проблемы и внешнеполитические трудности // Османская империя и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 6.
[2] Там же. С. 18.
[3] Там же. С. 15.
[4] Там же. С. 12, 14, 15, 17.
[5] *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги во главе освободительной войны 1683–1699 гг. // Османская империя... С. 243.
[6] *Gaber S.* Et Charles V arreta la marche des Turks... Nancy, 1986. P. 77.
[7] Ibid. P. 80.
[8] *Орешкова С.Ф.* Поход Кара-Мустафы на Вену // Османская империя... С. 232, 233.
[9] *Гусарова Т.П.* Указ. соч. М., 259.
[10] *Gaber S.* Op. sit. P. 85–86; *Camariano N.* Alexandre Mavrocordato. Thessaloniki, 1976. P. 34.
[11] История Венгрии. М., 1971. Т. 2. С. 323–325.
[12] *Gaber S.* Op. cit. P. 90.
[13] *Tapié V.S.* Monarchie et peuples du Danube. P., 1969. P. 165.
[14] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 22.
[15] *Богословский М.М.* Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 507–508.
[16] *Исламов Т.М.* Империя Габсбургов: Становление и развитие // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 21.
[17] Подробнее см.: *Priesdorf K.* Prinz Eugen. Hamburg, 1940.
[18] *Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 97.
[19] Там же. С. 223–225.
[20] *Zlatar Zd.* Between the Double Eagle and the Crescent: The Republic of Dubrovnik and the origins of the Eastern Question. Boulder, 1992. P. 141.
[21] *Фрейденберг М.М.* Указ. соч. С. 229.
[22] *Zlatar Zd.* Op. cit. P. 148, 152.
[23] *Фрейденберг М.М.* Указ. соч. С. 230.
[24] Там же. С. 231.
[25] *Zlatar Zd.* Op. cit. P. 205.

---

* См. с. 49–50.

inslav

Тернистый путь России к Черному морю*

Россия примкнула к Священной лиге в силу причин, которые можно назвать закономерными и неотвратимыми. Так требовали ее стратегические интересы геополитического плана. Этому нимало не противоречит тот факт, что в памятном 1683 г. ни Посольский приказ, ни Боярская дума о новой войне с Турцией не помышляли: Бахчисарайский мир 1681 г. закрепил за Россией Левобережную Украину и Киев, Высокая Порта отказалась от претензий на древний город. Москва с успехом выбралась из череды истощающих ее войн со Швецией, Польшей и Турцией. Самое время было бы взять длительную мирную передышку.

Разгром Кара-Мустафы под Веной кардинально изменил ситуацию, христианская Европа перешла в наступление на империю султанов, баланс сил менялся в ее пользу. Обрисовалась перспектива перекройки карты, о которой отцы и дети даже мечтать не смели, занятые залечиванием ран, нанесенных Смутным временем. Перед Москвой замаячила возможность приступить к осуществлению национально-государственных задач, имевших судьбоносное значение. Такой шанс нельзя было упускать.

В переломные эпохи обнажаются глубинные связи. Московское государство, слывшее на западе варварской и полуазиатской страной, выступило как европейская держава, чьи интересы в главном, определяющем не просто совпадали с заинтересованностью всего христианского мира, а являлись их составной частью.

Закономерности истории прокладывают себе дорогу через хаос случайностей. Неожиданностью являлось прибытие гонца Васильева под стены Вены в обозе армии Кара-Мустафы и его поспешное отбытие. Но этот заурядный и малозаметный эпизод позволил Посольскому приказу уяснить катастрофические масштабы нанесенного туркам поражения и перспективы, открывшиеся перед союзом христианских монархов. Однако Боярская дума не торопилась примкнуть к ним. По подписанному в 1677 г. Андрусовскому перемирию Киев с окрестностями передавался России всего на два года. Московская дипломатия во главе с выдающимся ее представителем князем Василием Васильевичем Голицыным дождалась, пока

* В первой части книги "Европейская панорама" В.Н. Виноградов использовал материалы своих ранее опубликованных книг (разделы коллективных монографий "Россия и славянские народы Юго-Восточной Европы в XVIII в.". М., 2002; "Век Екатерины II. Дела балканские". М., 2000; и др.).

inslav

нуждавшиеся в поддержке поляки проявили инициативу и, по Вечному миру 1686 г., отказались от претензий на древнерусскую столицу и реваншистских замыслов в отношении Смоленска, Чернигова, Новгорода-Северского, Левобережной Украины и Запорожья. Долготерпение было вознаграждено.

Но вступление в войну с Турцией нельзя рассматривать просто как благодарность Польше за выгодный мир. Москва преследовала в ней собственные цели. «Вопрос о выходе России в Черное море, — говорится в "Истории внешней политики России", — был поставлен именно Голицыным. Петр только подхватил и развил его дальше»[1]. А на пути к морю располагались обширные земли Крымского ханства.

Еще в 1475 г. в Крыму высадились турецкие войска, ханство превратилось в вассала Османской державы, а Черное море — в ее внутреннее озеро.

Более беспокойных соседей, чем крымские татары, трудно себе даже представить. Разбойничьи набеги на порубежные земли они превратили в государственную политику, грабя соседей, сжигая города и села, а жителей уводя в полон для продажи на невольничьих рынках Востока (по подсчетам, только в первой половине XVII в. — до 200 тыс. людей).

Княжеская, а потом царская власть шли на разорительные траты, соорудив Засечную черту-систему укреплений из лесных завалов и крепостей на стратегически важных путях по всему южному порубежью. Гиреев задабривали "поминками" (подарками), по сути дела данью, и немалой. "Поминки" принимались — набеги продолжались. А к югу от черты лежало Дикое поле — широкая полоса плодородного чернозема, не знавшая сохи пахаря и заросшая травой в полроста человека. И никакие набеги не могли предотвратить "вторжение" крестьянина на эти земли и его усилий превратить Дикое поле в обрабатываемое и цивилизованное. Это не расценивалось как поползновение на нечто чужое. В историческом сознании не только в России, но даже в Польше Причерноморье воспринималось как древнерусское владение. Опубликованный в конце XVI столетия трактат Ю. Верещиньского был озаглавлен: "Верный путь к скорейшему и простейшему заселению пустых земель в русских краях...". По договору гетмана И.А. Выгодского (1658 г.) Украина входила в состав Речи Посполитой как Великое княжество Русское[2].

Движение на юге выступает как закономерность отечественной истории, и инициатива принадлежала пахарю. Южное направление внешней политики зародилось не только в царском тереме, но и в крестьянской избе. Отнюдь не случайным представляется эпизод, произошедший в 1637 г. и поставивший на ноги дипломатию России, Турции и Польши: донские казаки лихим налетом захватили крепость Азов в устье Дона, ибо, как справедливо заметил войсковой круг, "ис того де града Азова чинитца многие пакости Российскому государству". В ожидании неизбежного ответного удара со стороны османов донцы сели в осаду и послали гонца к царю Михаилу Федоровичу с радостной вестью о присовокуплении города к его владениям. В Боярской думе и Посольском приказе воцарилась тревога: еще не зажили раны Смутного времени, неудачей закончилась очередная война с Польшей, Смоленск вернуть не удалось, а тут атаманы вовлекают в ссору с Османской империей. На созванном Земском соборе

inslav

голоса разделились, но возобладало мнение благоразумных и осторожных: конфликт надо погасить[3].

Пять лет длились переговоры с Высокой Портой, столько времени понадобилось, чтобы распутать завязанный предприимчивыми казаками в одночасье узел.

Ведение переговоров наталкивалось на неимоверные трудности. Представление о дипломатической неприкосновенности было довольно зыбким, и через Польшу царские гонцы пробирались под видом иконописцев. Случалось нечто и похуже этих мелких неудобств: запорожцы, не уступавшие в предприимчивости донским казакам, однажды перебили переправлявшихся через Донец "басурман", оказавшихся членами турецкого посольства. С россиянами подобного не произошло. Помогло то, что дьяков и дворян сопровождали молдаване, чтобы "их к своей земле оберегати и промышляти, как бы мы до Царьграда дойти здорово".

Молдавский господарь Василе Лупу оказался в двойственном и щекотливом положении: как турецкий вассал, он отправил под Азов отряд своих войск, а как христианский князь, мечтавший об освобождении родины, он всячески содействовал московитам. В Яссах посланцы находили кров и, что особенно важно, им давали советы, как себя вести, здесь хорошо знали обстановку в Стамбуле и царившие там нравы. Однажды В. Лупу снабдил царевых людей даже дополнительными поминками, на которые так падки османские вельможи и обитательницы сераля. Царь Михаил Федорович благодарил его за оказанные услуги: "А как меж нас з братом нашим Ибрагим-салтановым величеством учинится крепкая дружба и любовь твоим радением, и нам, великому государю, от тебя, Василия воеводы то будет в приятельство и любовь"[4].

Лишь в 1643 г. Боярской думе, задобрив донцов ружьями, порохом сукном на кафтаны, удалось уговорить атаманов покинуть полуразрушенный Азов. До крайне нежелательного вооруженного столкновения с турками дело тогда не дошло. Война разразилась позже, и наступательной стороной выступила Высокая Порта.

Паломничество балканских христиан в Москву не прекращалось и в самые тревожные годы, и к традиционным просьбам — о "милостыне" и предоставлении убежища добавилась новая — о покровительстве народам и их желании перейти под высокую царскую руку. В 1656 г. Алексей Михайлович внял мольбам молдавского господаря Георге Штефана, бояр и духовенства и дал согласие на принятие княжества в подданство на условиях внутреннего самоуправления[5].

Последствий эта акция не имела, петиция осталась пылиться в сундуках Посольского приказа: шла война с Польшей (1654—1667), а в 1656—1658 гг. и со Швецией, не хватало еще вступить в столкновение с Турцией! Ради того чтобы откупиться от крымцев и избавиться от их набегов, им ежегодно посылали "мягкой рухляди" (мехов) на 30 тыс. руб. (Для сравнения скажем, что на содержание царского двора уходило 60 тыс.) Но набеги не прекращались, и положение становилось нестерпимым. В 1676 г. вспыхнула война с Высокой Портой, длившаяся пять лет и в целом успешная для российского оружия. Граница устанавливалась по Днепру, Порта признала воссоединение Левобережной Украины с Киевом с Россией, а запорожских казаков — ее подданными.

inslav

Однако Бахчисарайский мир обернулся 5-летним перемирием. Развязка наступила после заключения союза с Польшей. В конце 1686 г. по городам огласили указ "великих государей" Ивана и Петра, от имени которых управляла царевна Софья, о сборе ратных людей для похода на Крым. Призванные под знамена не спешили, многие оказывались в "нетчиках" (беглецах). Воеводой Большого полка (главнокомандующим) назначили князя Василия Васильевича Голицына, царевнина фаворита, но полководца никудышного.

Великолепный роман Алексея Толстого "Петр Первый" рисует картину беспробудной отсталости Руси времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Это далеко не так, преобразования в стране проводились и коснулись вооруженных сил. Собравшееся в поход войско на 2/3 состояло из полков иноземного строя, солдатских, рейтарских и гусарских.

Но и прорех в организации обнаружилось предостаточно. По разрядной росписи войско насчитывало 113 тыс. конных и пеших плюс 50 тыс. запорожцев и донских казаков[6]. На самом деле в пунктах сбора по реке Самаре набралось всего 100 тыс. Советом опытного гетмана И. Самойловича, — выступать ранней весной, пока в степи зеленеет свежая травка, подножный корм для конского состава, — не то чтобы пренебрегли, "великие государи" повелели воеводам, не мешкая, выступить пораньше, но по обыкновению припозднились. Лишь в середине июня 1687 г. рать переправилась через реку Конские Воды и вступила на землю Крымского ханства.

Князя В.В. Голицына словно бы злой рок преследовал. Солнце палило, кругом — безводная степь да силуэты конных крымцев на горизонте. Вскоре небо заволокло дымом — татары подожгли сухую траву. Выгорела полоса растительности в 200 верст шириной, образовав своего рода оборонительный рубеж на подступах к Перекопу. Конница, обозные и артиллерийские лошади лишились корма. Военный совет высказался за прекращение похода, и большой воевода В.В. Голицын приказал отступать. Итог — десятки тысяч ратников умерли больше всего не от пуль и стрел, а от жажды, истощения и болезней.

В 1689 г. князь вторично попытался пробиться в Крым. На этот раз выступили рано, в марте. Но к совету полковника Патрика Гордона — запастись стенобитными орудиями и штурмовыми лестницами, в безлесной степи их сделать не из чего, — Голицын не прислушался.

Весна как на зло выдалась дождливая. Люди с трудом шли по грязи, артиллерийские лафеты и обозные повозки увязали в ней по ступицу. На ночь полки располагались в лагерях, огороженных рогатками и охраняемых нарядом, готовым к открытию огня. Попытки татарской конницы отдельными рейдами воспрепятствовать продвижению рати отбивались.

Узкий (7 верст) Перекопский перешеек татары превратили в мощный оборонительный рубеж: глубокий ров, за ним — земляной вал с семью опорными башнями, за которым — цитадель с десятками пушек.

И тут сказалось отсутствие техники, необходимой для преодоления препятствий. Наступила жара, люди маялись от недостатка хлеба и пресной воды. Князь Голицын запросил мнение подчиненных воевод — что делать? Те отвечали: "Служить и кровь свою пролить готовы, только от безводья и бесхлебья изнедужились, промышлять под Перекокопом нельзя, и отступить бы прочь"[7]. На штурм перешейка князь не решился и распоря-

inslav

дился отступать. Татары восемь суток преследовали незадачливого военачальника. Царевна Софья попыталась было наградить своего любимца. Юный царь Петр отказался подписать соответствующий указ. Царь обретал самостоятельность.

И все же Крымские походы нельзя вписывать в историю Священной лиги под знаком сплошного минуса. Они на несколько лет отвлекли 100-тысячное ханское войско от Балкан, способствуя тем самым успешному развитию там операций лиги.

Азовские походы Петра I (1695—1696) окружены легендой: начало великих дел. Но они же показали неимоверную трудность взятой царем на себя задачи. Итоги кампании 1695 г.: взяты две "каланчи" (башни, закрывавшие выход с Дона в Азовское море), трофеи — одно знамя, одна пушка, один пленный. Всю следующую зиму на верфях в Воронеже стучали топоры, визжали пилы, на воду спускался один корабль за другим. Город был взят штурмом с суши и с реки, в Москве торжествовали. Но ведь Азов — всего лишь провинциальная крепость на далекой периферии Османской империи. Сколько их предстояло штурмовать, чтобы пробиться к открытому морю, — Кинбурн, Очаков, Бендеры, Хотин, Измаил, Брэила (Браилов), Джурджу (Журжево)...

Умом государственного мужа Петр понимал: необходима европейская акция, следует влить свежие силы в Священную лигу для достижения цели. Прозорливость молодого царя, его умение масштабно мыслить и ставить стратегические задачи на много лет вперед проявилось в том, что он уже тогда включал в состав антиосманских сил балканские и прежде всего южнославянские народы. Прорыв к Черному морю мыслился в сочетании с богоугодным делом, освобождением христиан Юго-Восточной Европы. Патриарху Адриану он писал о своих трудах (10 сентября 1697 г.): "Чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусяся совершенно, возвратяся против врагов имени Иисус Христа победителями, а християн тамо будущъщ освободителеми благодатию Его быть..."[8].

Нащупывались пути проникновения на Балканы, к тамошним христианам направлялись эмиссары. В головах у дьяков, сочинявших "наказные статьи", царил еще туман. Так, капитану Г. Островскому (октябрь 1697 г.) велено было ехать "в земли и места, ближе и податнее до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли". Правда, Островский до таинственной Шклявонии добираться не стал, осев в Венеции, и там собирал сведения о событиях на Балканах[9].

Гораздо бóльший познавательный интерес представляют путевые дневники стольника П.А. Толстого, в будущем — видного дипломата и графа, направленного в числе прочих волонтеров в страны Средиземноморья изучать военное дело. Таинственная Шклявония исчезла из переписки. Толстой посетил и подробно описал Рагузу (Дубровник). "Рагузяне, — по его словам, — капитаны морские, и астрономы, и маринары. Строение домовое имеют каменное, самое малое и нужное; также хлеба и скота имеют мало, только забавляются фруктами...". "А говорят они славянским языком, и итальянский язык все знают". В самом городе Толстой посетил два католических монастыря, монетный двор, дворец администрации, был принят главой республики ("князем", точнее регентом), который усадил Толстого в "креслы" и изъяснялся с ним "словенским языком"[10].

inslav

Дневники Толстого можно рассматривать и как заметки любознательного путешественника, и как соображения разведчика на будущее. Он писал о стратегическом значении Дубровника: "Фортеца каменная и зело изрядная и крепкая, от проезжей башни, которая к морю, есть порт, то есть пристанище судам. И в которое место суды входят, на том месте от башни до стены положена чепь железная великая, которая возбранят вход всяким судам неприятельским в тот вышепомянный порт". Отметил наблюдательный стольник и особенности государственной политики республики: "Войны никогда рагузяне не имеют, дают дары цесарю Римскому, и королю Гишпанскому, и князю венецкому, и салтану турецкому". Такая предусмотрительность позволяла им обходиться без большой воинской силы — "всего пехоты для караула 500 человек солдат, тутошних жителей"[11].

Великое посольство 1697—1698 гг. — выдающееся событие в летописи сношений отечества с Западом, по словам британского историка Г. Маколея — эпоха в истории всего человечества[12]. Но не следует забывать, что непосредственной целью посольства являлось упрочение антитурецкого союза, "подтверждение древней дружбы и любви, ослабление врагов Креста Господня, султана турецкого, хана Крымского и всех бусурманских орд"[13]. Послы информировали союзников об операциях русских войск в низовьях Днепра, о взятии Таванской и еще трех крепостей. Весть о великой победе при Зенте Петр встретил неоднозначно: он послал цесарю полагавшееся поздравление, но заподозрил, что австрийцы воспользуются успехом для заключения мира на благоприятных для себя условиях, притом что Россия оставалась еще очень далека от желаемого результата, султан же "мыслит иметь миру", дабы "себе отдохновение учинить и связь християнских государей прервать"[14].

Петр как в воду глядел. Победа при Зенте давала императору, Речи Посполитой и Республике Св. Марка шансы на славный и выгодный мир. Охотников продолжать войну с турками не обнаруживалось, просьбы российской стороны "позадержаться" с миром, чтобы "могли все довольство воспринять", не встречали отклика[15]. Открылась неприятная истина: Россию использовали, но с ее интересами не считались, что сказалось даже в том, как царь узнал о начавшихся сношениях с Высокой Портой; грамота Римского кесаря с изложением турецких условий была послана в Москву, хотя заведомо было известно, что Петр путешествовал по Европе. Посольство узнало о ней со слов польско-саксонского посланника в Нидерландах Хр. Бозе и из копии, присланной из Варшавы резидентом А.В. Никитиным[16]. Царь отправил кайзеру Леопольду послание с выражением надежды, что его пожелания "презренными" не останутся. Скоро ему пришлось убедиться в обратном. Послы поспешили в Вену. Переговоры с австрийской стороны вел канцлер Богемии, чешский аристократ граф Ф. Кинский. По его словам, цесарь влез "в великие долги, а поляки и венеты ненадежны"[17]. Впрочем, послы не нуждались в объяснениях: Европа готовилась к очередному переделу сфер влияния, вошедшему в историю под именем войны за испанское наследство (1701—1714). Французский король Людовик XIV, используя родственные связи своей давно умершей жены, собирался посадить на освободившийся престол Испании своего внука. Австрия, Великобритания, Нидерланды готовились выступить против, и не было силы, способной склеить заново Священную лигу.

inslav

Ф. Кинский умело использовал упущения молодой и неопытной московской дипломатии. Так, Россия приступила к военным операциям еще в 1687 г. на основе союза с Польшей, а формальный договор с Австрией и Венецией заключила лишь в феврале 1697 г., не оговорив при этом запрета на подписание сепаратного мира. Статья третья пакта предусматривала обязанность "о предложенных (неприятелем условиях. — *Авт.*) иным союзникам ведомо чинити, и купно всем тем разговором объяти и вместити, и им о всем, что ни есть делалось бы, от времени до времени ведомость чинити..."[18]. Иными словами, предусматривалась лишь консультация между участниками Лиги, но не больше, никакого согласия по условиям замирения. Когда Петр, участвовавший в переговорах посольства инкогнито, выразил удивление, что "основание мира положено по воле цесарского величества, а надо-то было уточнить с общего совету всех союзников", Кинский ответил — каждый может выразить свои пожелания на конгрессе[19]. Воспользовался опытный политик и явной несоразмерностью выдвинутых царем условий, чтобы прочесть россиянам кое-что из азов дипломатии. Петр предлагал уступить ему крепость Керчь как залог лояльности татар. Кинский дал понять, что бессмысленно требовать от неразгромленного неприятеля отказа от незанятых русскими земель. Пусть царь завоюет Керчь — и тогда сможет настаивать на урегулировании по принципу ути поссидетис (чем владеешь).

Послы пришли к выводу: "Цесарь для Гишпанского королевства и французской войны спешит, и их, союзников, неудовольствованных оставляет"[20].

С просьбой о личном свидании с кайзером Леопольдом Петру пришлось обращаться трижды, прежде чем удалось заручиться согласием. Австрийцы оговорили условия: четверть часа на беседу, никаких дел, этим занимаются министры, лишь обмен любезностями. В зал монархи вошли с разных сторон, двинулись навстречу друг другу, остановились у окна и проявили живейший интерес к взаимному здоровью[21]. Император не произвел на Петра впечатления: невысокий, хилый, дряхлый, с неприятно отвисшей нижней губой и преисполненный сознания собственного величия.

Усилия Великого посольства, направленные на то, чтобы предотвратить нежелательное развитие событий и не допустить заключения преждевременного мира, успехом не увенчались. Совсем иные перспективы удалось нащупать на северном, балтийском направлении политики. Могущество Швеции тревожило соседей. Замаячила возможность сотрудничества с Данией, Саксонией, Польшей, Пруссией, чтобы совместными усилиями если не изгнать, то потеснить шведов в Прибалтике, а заодно и в Германии. Что же касается дел на юге, важно было добиться возможно более выгодного и благоприятного мира с Турцией. Зато удалось наладить контакты с влиятельными представителями балканских народов. 9 июля 1696 г. произошло событие, знаменательное в истории российско-южнославянских связей: на богослужение в посольскую церковь в Вене пришел патриарх Арсений Черноевич, тот самый, что возглавил исход сербов из Османской империи. Он ввел россиян в круг дел сербского населения Австрии. Выше мы писали: император Леопольд принял беженцев благосклонно. Приход тысяч испытанных бойцов и трудолюбивых пахарей на разоренные и обезлюдевшие земли позволял австрийским властям засе-

inslav

лить их и укрепить рубежи Венгерского королевства. Сербам предоставили привилегии — никаких налогов, ничего, кроме пограничной службы. Т.М. Исламов отмечает: "То был несомненно редкий для Средневековья акт гуманизма"[22].

Но вскоре привет и ласка поубавились. Черноевич вручил Великому посольству две челобитные с жалобой на нарушение обещанного. Сербы, сетовал патриарх, покинули родные места, "цесарское величество" сулило предоставление мигрантам "земли не отымать, и в вере их насилия никому не чинить". А ныне "цесарские владетели и иезуиты принуждают их утеснением к унии и накладывают на них многие лишние дани"[23]. Петр убедился, что Россия в глазах южных славян, причем и тех, кого судьба привела в католическую империю Габсбургов, — опора и оплот, что к ней обращены взоры и надежды на достижение достойной и равноправной жизни.

Черноевича одарили соболями и обещали помочь. Посол П.Б. Возницын в своих демаршах хлопотал "о вольности, и о уделе земли, и свободе веры сербскому патриарху и всему тому народу"[24]. Ф. Кинский отделывался пустыми обещаниями. Условий для энергичного вмешательства в пользу сербов не существовало. Вектор российской политики переместился с юга на север, на Балтику, важно было сохранить добрые отношения со спесивым Леопольдом, вокруг цесаря российские дипломаты ходили на цыпочках, вежливые демарши в пользу южных славян результатов не приносили.

Встревоженный вестями о волнениях стрельцов, Петр заспешил домой. Но как он ни торопился, царь задержался на несколько дней в Раве-Русской и Томашеве (Томашуве-Мазовецком) для свидания с курфюрстом саксонским и польским королем Августом II. Молодые люди приглянулись друг другу, пировали от зари до зари, прерываясь на смотры собранных войск. Петр мастерски бил в драгунский барабан (уж не ему ли подражал в развлечениях в Германии первый российский президент?).

Атмосфера загула создавала у окружающих обманчивое впечатление, они не осознали, что в августе 1698 г. в Раве-Русской были заложены основы союза трех стран, России, Польши и Саксонии, против Швеции. Петр покидал городок в восторге от своего нового друга. Август II, прозванный Сильным, легко гнул подковы, превзошел на ниве галантных похождений Дон-Жуана, незаконнорожденных детей раскидал по всей Европе, — но он же был посредственным политиком, бездарным полководцем и вероломным союзником. Знал бы царь о советах Августу II его доверенного лица И.Р. Паткуля: надо "крепко связать руки этому могущественному союзнику (царю. — *Авт.*), чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куска", т.е. чтобы не завладел Лифляндией[25].

На август и ноябрь 1699 г. падает заключение союзных договоров с Данией и Польшей, за ними последовал указ о формировании 30 новых полков. Но руки у Петра были связаны — следовало добиться урегулирования с Турцией.

На конгрессе в Карловице (Сремски Карловцы, 1698—1699 гг.) российские союзники добились крупного успеха. Цесарь присоединил к своим владениям Центральную Венгрию и Трансильванию, Речь Посполитая — Подолию, Венеция — Морею (южную часть Балканского полуострова) и полосу земли по Далматинскому побережью Адриатического моря.

inslav

На конгрессе всплыл и уже тогда злободневный вопрос о Святых местах, почитаемых храмах в Иерусалиме и Вифлееме. Традиционно службу в них проводило православное духовенство, католиков в Османской империи проживало сравнительно немного. Создавшееся положение не устраивало Людовика XIV. "Король-солнце" открыл своего рода второй фронт на Востоке, возбудив запрос о передаче Святых мест в ведение католического духовенства. Он хотел сделаться покровителем всех христиан в османских владениях, что по своему значению выходило далеко за рамки религиозных дел. На защиту православия выступили патриарх Иерусалимский Досифей и великий драгоман Александр Маврокордат*. Ферман 1675 г. подтвердил права греческой церкви на святыни в Палестине, ради этого ее иерархи обязались вносить ежегодно на ремонт мечети Ахмеда тысячу пиастров (своего рода тонкий дипломатический маневр!). Борьба продолжалась. Людовик не скупился на подкупы; Маврокордату, чтобы склонить его к уступчивости, положили пенсию в 2 тыс. 400 ливров в год. Деньги тот принял, как тогда водилось, но отделывался мелкими услугами французам.

В Сремски Карловцах вопрос о Святых местах подняли австрийцы. С инициативой выступили францисканские монахи, повергшие к стопам императора меморандум из 20 пунктов с обоснованием их претензий на заботу об уважаемых храмах. Истовый католик Леопольд с ними согласился. На конгрессе Маврокордат, как турецкий уполномоченный, просил снять вопрос с повестки дня: Высокая Порта не знает ни францисканцев, ни иезуитов и не может передать святыни в ведение неизвестных ей конгрегаций[26].

Австрийцы особой настойчивости не проявили и, думается, не только по причине красноречия Маврокордата: из-за сутана монахов выглядывал французский мундир, способствовать утверждению влияния своего смертного врага Людовика XIV на Востоке император Леопольд не захотел.

Россия осталась если не в стороне, то на обочине Карловицкого конгресса, ее предоставили самой себе: Вена была прямо заинтересована в продолжении русско-турецкой войны, тем самым обеспечивался ее тыл в предстоявшей схватке с Францией.

Трудная задача заключения "пристойного и о всех наших ползах и прибытках мира" с Высокой Портой была возложена на думного дьяка П.Б. Возицына. В числе желательных условий значились: уступка Керчи, запрет татарских набегов, свобода торговли сухим путем и морем "до Константинополя и далее до Синопа, до Трапезона". Не были забыты и христианские народы: "Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоежъ веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякого отягчения и лишних податей..."[27].

Документы свидетельствуют об осознании стратегических задач российской политики в южном направлении на столетие вперед. Вице-адми-

---

* Великий драгоман — буквально переводчик, на самом деле — чиновник высокого ранга, ведавший переговорами с иностранными державами. Мусульманские сановники языков не знали, общение с "неверными" считалось для них унизительным. Должность занимали высокообразованные аристократы-греки, проживавшие в стамбульском квартале Фанар (отсюда их название — фанариты). А. Маврокордат, обучавшийся в университетах Падуи и Болоньи, занимал пост драгомана Великой Порты более 30 лет.

inslav

рал Корнелий Крюйс обратил внимание посольства на желательность, "дабы все корабли московские свободно и без помешательства ...во все турские пристанища" (порты) заходить могли. Поскольку "пристанища" имелись и на Средиземном море, Крюйс поднимал вопрос о проходе судов через Босфор и Дарданеллы[28].

Возницыну удалось добиться лишь перемирия на два года. Нечего было и помышлять о войне на Балтике без обеспечения на юге со стороны Высокой Порты. В Стамбул снарядили посольство во главе с опытным дипломатом Е. Украинцевым. В помощь ему дали думного дьяка И. Чередеева.

Прибыли дьяки на место на корабле "Крепость" 3 сентября 1699 г. (ст.ст.). Девять месяцев длилось их "сидение" в османской столице. Султан считался "тенью Аллаха на земле", спорить с его уполномоченными не полагалось, перечить им — тем более. О программе-максимум, включая уступку Керчи, россияне на сей раз не пикнули, и без того "камней притыкания", как тогда выражались, было предостаточно. С потерей Азова турки примирились. Удалось избавиться от унизительных "дач" (дани) крымскому хану. Правда, ведший переговоры с османской стороны Александр Маврокордат советовал "подарки" время от времени все же делать: "и псов кормят же, чтоб были сыты и голодом не издыхали"[29]. Попытки добиться свободы судоходства по Черному морю натолкнулись на жесткий отпор: "по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится". Основной спор завязался вокруг днепровских городков, селений близ устья реки, занятых русскими войсками уже после взятия Азова. Обе стороны сознавали их большое стратегическое значение: отстояв их, Россия обеспечивала себе контроль за выходом из Днепра в Черное море, и вместе с тем получала плацдарм на подступах к Крыму. Украинцев пытался придать своим притязаниям оборонительную видимость — здесь сподручно удерживать татарские набеги. Турки возразили: еще удобнее использовать городки как базу наступления на Крым, всего несколько переходов до Перекопа. Реис-эффенди говорил "с великим гневом": султан никого на свете не боится, и вообще Бог создал турок "со всеми творить войну и побеждать мечем". Произошла резкая перепалка. Территория, занятая городками, осталась за Османской империей, но они подлежали срытию: от Перекопа и до Азова и от Запорожской сечи до Очакова сохранялись "земли пустые и порожние и всяких жильцов да лишены да будут"[30]. Полоса плодороднейшего в мире чернозема не подлежала хозяйственному освоению.

К концу переговоров послы измаялись, их мучила жара и раздражали бесконечные проволочки турок. Много хлопот им доставлял капитан корабля "Крепость" П. Памбург, один из тех авантюристов, которые тогда стаями слетались в Россию. Прибытие в Константинополь он отметил пушечным салютом, перепугавшим обитательниц сераля. Затем пошли жалобы: "француженка-шинкарка" потребовала денег за трапезы, а Памбург надавал ей пощечин и прогнал с глаз долой. На "Крепость" явились негоцианты, пытавшиеся получить с капитана причитавшиеся им долги. По приказу Памбурга на них набросилась "челядь" и солдаты, наломали им бока, сорвали парики и заодно пошарили в карманах. Памбург пригрозил, в случае повторного визита, повесить их на реях. С трудом, совместными усилиями послов и турецких властей, удалось вы-

inslav

вести "Крепость" в устье Босфора, и выходки буйного капитана прекратились[31].

А царь сгорал от нетерпения и требовал: "Токмо конечно учини мир: зело, зело нужен". В то же время Петр вводил в заблуждение шведов, заверяя их о своей готовности подтвердить "вечный мир"[32].

Следует сказать, что все эти годы шведы вели себя предупредительно. Король Карл XI решил подарить царю, в знак добрых отношений, 300 пушек. Выражать благодарность за щедрый подарок Посольскому приказу пришлось уже его сыну Карлу XII, вступившему на престол в апреле 1697 г. "под правительством и предстоятельством" бабки и пяти советников: его считали недорослем, нуждающемся в руководстве, никто тогда не предполагал, что спустя три года юнец проявит себя как выдающийся полководец. В добавок к полученным 300 пушкам россияне заказали еще 288, так что шведы способствовали вооружению будущего неприятеля. Инициатива разрыва принадлежала Петру[33].

3 июля 1700 г. мир с турками сроком на 30 лет был подписан, 8 августа гонец привез весть о нем в Москву. На следующий день наспех собранная и плохо подготовленная армия двинулась в поход на Балтику — навстречу нарвскому поражению.

Петра неудача не обескуражила. Зиму он провел в лихорадочных трудах по восстановлению воинской силы. Невиданно быстро Россия начала брать реванш — уже осенью 1701 г. обозначились крупные успехи Бориса Петровича Шереметева.

Условием сине ква нон (непременным) во время Северной войны являлась лояльная позиция Вены. От "австрийских сербов" поступали жалобы на чинимые им неправды. Незадолго до своей смерти Арсений Черноевич скорбно писал (1705 г.): "Ден же и нощ бегаюше со своим народом от места на место аки кораби в пучинах великого океана, ждуще, когда зайдет и преклонит се ден, и мимо идет томная нощ...[34]. Без отклика жалобы не оставались, в Посольском приказе сочинялись вежливые ходатайства, реального значения не имевшие.

Тревожно складывались отношения с Высокой Портой. В Константинополе не простаки сидели: прозвучавшие уже заявки на Керчь и свободу судоходства по Черному морю показывали, как далеко зайдут московские притязания. Соблазн воспользоваться занятостью Петра на Балтике и в Польше и ударить в незащищенное мягкое южное подбрюшье России был велик. В Стамбул снарядили опытного и рассудительного мужа, ближнего стольника Петра Андреевича Толстого. Главное, что ему предписывалось в "тайных статьях", — разведать, собирается ли султан "государство в покое ли или в войне содержать"[35]. Путь его лежал через Молдавию. В Яссах господарь просил его ходатайствовать перед царем о принятии княжества в русское подданство. Толстому пришлось разочаровать его: "Невозможно принять и иметь его за подданного ...потому что он подданный салтанский"[36].

Поощряя умеренных в диване, раздавая меха и золото, Толстой способствовал сохранению мира на южном порубежье. Реис-эффенди он преподнес 40 соболей, присовокупив к ним совет — не слушаться адептов войны; Маврокордату — соболью шубу и 700 рублей деньгами; обнаглевший шейх-уль-ислам запросил для себя 3 тыс. дукатов ежегодно, удалось все же сговориться на более скромной сумме.

inslav

При помощи подобных средств, не представлявшихся в XVIII столетии экстраординарными, удавалось рассеивать турецкие опасения и сохранять мир. Турки сидели смирно "скудости ради денежной и внутренних настроений"[37].

Ситуация на юге резко обострилась после полтавской виктории, как это не покажется странным. Проницательный Петр Андреевич объяснял причину в письме канцлеру Г.И. Головкину: "...Не изволь удивляться, что я прежде сего, когда король швецкой был в великой силе, доносил, что не будет от Порты противности к стороне царского величества. А ныне, когда шведы разбиты, сомневаюся. И сие мое усумнение от того исходит, понеже турки видят, что царское величество ныне есть победитель сильного короля швецкого и желает скоро совершить свой интерес в Польше, а потом уже, не имея никакого препятствия, может начать войну и с ними, с турками..."[37].

Вскоре Толстой на собственном печальном опыте убедился в обоснованности своих опасений. Укрывшийся в Бендерах после полтавского поражения Карл XII соблазнял диван шведской помощью и содействием своего ставленника на польском престоле Станислава Лещинского в случае нового турецкого столкновения с Россией. Крымский хан жаловался на оскудение после прекращения московской дани и рвался в поход. Мнение "мужей меча" в совете возобладало, и в ноябре 1710 г. шейх-уль-ислам дал фетву на войну с Россией. Тайного советника Толстого на дряхлой кляче провезли через весь Стамбул и бросили в подземелье Семибашенного замка. Петр приложил отчаянные усилия, чтобы предотвратить разрыв, взывал к державам о посредничестве, соглашался пропустить Карла XII в Швецию с отрядом в 500 человек и турецкой стражей в 5 тыс., был готов отвести войска от границы, лишь бы прийти к "приятному примирению"[38]. Готовность к уступкам не помогла. В декабре крымская конница двумя лавами устремилась на Харьков и Левобережную Украину. Набег удалось отбить, но Петру пришлось расстаться с надеждой на сохранение мира. В феврале 1711 г. он нехотя подписал манифест о войне. Прежний план кампании года был изменен, фельдмаршал Б.П. Шереметев получил приказ двинуться с армией в 40 тыс. штыков и сабель в Молдавию. Противник собрал втрое большие силы, не считая крымской конницы.

[1] История внешней политики России: Конец XV – XVIII в. М., 1999. С. 340.
[2] *Аршакова Л.М.* Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI в. М., 2000. С. 8; История внешней политики России. С. 317.
[3] *Разин Е.А.* История военного искусства. М., 1962. Т. 3. С. 230 – 235. Имеются сведения, что казаки во время осады получали "государево жалованье" – деньги, хлеб и порох.
[4] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. 1642. Д. 2. Л. 39 – 40.
[5] *Bezviconi D.G.* Contribuţii la istoria relaţiilor româno-ruse. Bucureşti, 1962. P. 93.
[6] *Разин Е.А.* Указ. соч. С. 253 – 256.
[7] Там же. С. 262.
[8] Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 193 – 194.
[9] Там же. С. 199 – 201; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 11, 12.
[10] Там же. С. 16.
[11] Там же. С. 17.

inslav

[12] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 137.
[13] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. XVIII. С. 542; *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 28; Письма и бумаги... Т. 1. С. 205, 209, 211, 213.
[14] Там же. С. 210.
[15] Там же. С. 259.
[16] *Богословский М.М.* Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 413, 416; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. С. 1334—1335; *Шварц И.* Великое посольство и венский двор — Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998. С. 57.
[17] Письма и бумаги... Т. 1. С. 257, 261.
[18] Памятники... Т. 1. С. 417.
[19] *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 486.
[20] Письма и бумаги... Т. 1. С. 262, 260; *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 489.
[21] Среди дипломатов ходили слухи, что монархи в своей беседе затронули восточные дела, что сомнительно: зачем же тогда Петру было отправлять графу Ф. Кинскому письмо с вопросами относительно намерений императора? И. Шварц упоминает еще о двух неофициальных встречах Леопольда и Петра; сведения, о чем они при этом говорили, отсутствуют. Мы не разделяем ее мнения, что "в ходе венских переговоров Петру удалось в какой-то мере заручиться поддержкой императора" (*Шварц И.* Указ. соч. С. 59, 60, 66).
[22] Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 21.
[23] Памятники... С. 1374—1375; Политические и культурные отношения... С. 22.
[24] Памятники... СПб., 1868. Т. 9. С. 534.
[25] *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 150.
[26] *Camariano N.* Alexandre Mavrocordato: Le Grand drogman. Thessaloniki, 1970. P. 50, 58, 60, 73, 74.
[27] Письма и бумаги... С. 295—299, 304—310; Памятники... Т. 9. С. 206—207.
[28] Памятники... Т. 8. С. 1373.
[29] *Богословский М.М.* Указ. соч. М., 1948. Т. 5. С. 108.
[30] Там же. С. 110, 113; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 252; текст Константинопольского мирного договора см.: Письма и бумаги... Т. 1. С. 368—376.
[31] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 181—182.
[32] Письма... Т. 1. С. 333, 310, 353.
[33] Памятники... Т. 8; Указатели. С. 145, 146,149, 152, 261.
[34] Политические и культурные отношения... С. 25.
[35] Письма и бумаги... СПб., 1889. Т. 2. С. 30.
[36] *Camariano N.* Op. cit. P. 92, 93, 100; *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 132.
[37] Там же. С. 164.
[38] Письма и бумаги... М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 85—86.

inslav

Трагедия на реке Прут

Прутский поход задает историку много загадок: почему царь вместо осторожной обороны безоглядно ринулся в неведомую даль? Как полководец Петр отличался осторожностью и сугубой осмотрительностью. Всем памятны строки Пушкина:

Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон

Менее известно язвительное высказывание Василия Осиповича Ключевского насчет "тридцати тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда двадцатисемилетний скандинавский бродяга", т.е. Карл XII. Налет художественного преувеличения в этих словах есть, но они содержат и долю истины. Петр целый год водил неприятеля по России, прежде чем дать генеральное сражение; на поле смерть изрыгали всего четыре шведские пушки (против 72 русских). Полтава уникальна в том смысле, что Петр ввел в дело далеко не все войска, вся вторая линия оставалась в резерве. И вместе с тем — победа, предрешившая исход войны. По сравнению с этим Прутский поход выглядит верхом непредусмотрительности.

Царя мучили предчувствия. А.Д. Меншикову он писал о "безвестном и одному Богу сведомом пути", в который он пускался будто навстречу собственной гибели. Именно тогда он учредил Правительствующий Сенат и повелел: "Сенату всяк да будет послушен так, как нам самому". Он оформил церковным браком (хотя пока и тайным) свою многолетнюю связь с лифляндской крестьянкой Мартой Скавронской, ставшей в России Екатериной Алексеевной, заметив: "Еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли житие иметь"[1].

Нам представляется обоснованным мнение Н.Н. Молчанова: царя увлек поток просьб о помощи, доносившихся с Балкан и сопровождавшихся заверениями, что едва российское воинство вступит на попранные османами земли, как последует общий взрыв недовольства. Депутации в своих ходатайствах рисовали соблазнительную перспективу военной прогулки, "невероятно преувеличивая размеры освободительного движения и преуменьшая трудности, которые ожидают русскую армию. Рисовалась фантастическая картина, на которой предстоящие события изображались так,

inslav

что простого появления русских войск будет достаточно, чтобы турецкое господство было сметено всеобщим восстанием измученных сербов, черногорцев, болгар, валахов и молдаван"[2].

Бояре и духовенство Дунайских княжеств давно стучались в российские двери. Валашский господарь К. Брынковяну имел в Москве своего уполномоченного Г. Кастриота. Еще в 1698 г. тот ходатайствовал от имени своего князя: "...Унгровлахийское государство в глубине несчастия, тиран Агарянский грозит передать его в пленение татарам, если жители не исполнят тяжких требований его, а с другой стороны немцы нудят их разными вымыслами поддаться цесарю, говоря, что сила турецкая сокрушена от оружия их". Неизвестно, однако, чье иго хуже и тяжелее. В Венгрии и Трансильвании паписты и иезуиты "беснуются на православных более, чем на турков". Достаточно 3- или 4-тысячного войска, уверял Кастриот, чтобы добиться освобождения. "Просим, чтобы государь Российский принял нас под свою державу в подданство"; на Валахию зарится Вена, но клялся Кастриот, "все мы готовы соединиться и будем прославлять имя всемирного самодержца, Российского государя, а не цесарево"[3].

Думный дьяк П.Б. Возницын, опытный дипломат, пользовавшийся доверием Петра, полагал: "Если б дойтить до Дуная, не токмо тысячи, тьмы нашего народа, нашей веры, и все миру не желают". В 1703 г. в Бухаресте вышла книга "Догматическое учение восточной церкви". Петр именовался в ней "императором Всея Великия и Малыя и Белыя Руси и многих других земель на Востоке и Западе отчич и дедич". Многозначительный намек![4]

Иерусалимский патриарх Хрисанф взывал к царю (1707 г.): "...Весь православный народ под владением туранским обретающийся, пребывает в великой бедности, скорби и нужде, и иного не обретет утешения и отрады, кроме что по Бозе уповает без замедления видеть освободителя своего, нового Моисея, ваше непобедимое и державное величество"[5]. В Петербурге ходатаем по делам южных славян выступал купец из Дубровника Савва Владиславич Рагузинский, горячий и нетерпеливый поборник их освобождения с опорой на Россию. По некоторым данным, он участвовал в составлении манифеста к черногорцам и всем "турецким христианам", с которым Петр обратился к ним 3/14 марта 1711 г.[6]

Манифест — документ примечательный, отражавший уровень знаний элиты российского общества о положении южных славян, молдаван, валахов и греков, понимания ею задач в завязавшемся противоборстве с Османской империей и роли, которая отводилась в нем балканским народам. Начиналось обращение с идеологического обоснования необходимости свержения "ига тиранского турского салтана, понеже турки варвары, христовой церкви и православной веры гонители, многих государств неправедно завоеватели и многих церквей и монастырей разорители", кои, "яко волцы, овец расхищали и стадо христианское разоряли, и толикие христианские провинции в подданство неправедно привели, яко доныне тиранством и мучением оные разоряют и в поганскую магометанскую веру насильно приводят".

Далее следовала основная часть: "И сего года весною намерение имеем, дабы не токмо возмощи нам противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и сильным оружием в средину владетельства его входити и утесненных православных христиан, аще Бог допустит, от по-

inslav

ганского его ига освобождати..." Следовало поэтому "всем добрым, чистым и кавалерским сердцам должно есть, презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но и последнюю каплю крови пролити...".

Цель была обрисована широкомасштабно: "Аще будем совокупно, кийждо по своей возможности, трудитися и за веру воевати, то имя Христово вящще прославится", а "Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество, в пески и степи аравийские"[7], хотя тюркские племена пришли из иных степей и песков, а именно среднеазиатских. Но главное заключалось не в мелких фактических погрешностях, а в том, что поставленная цель — изгнание турок из Европы — ни в малой степени не соответствовала сложившейся ситуации, силам и возможностям России, поглощенной войной со Швецией, даже если бы балканцы и поддержали ее "единокупно".

Вместе с тем манифест заключал нечто знаменательное — царь иной славы не ведал, как только избавить христиан от "тиранства поганского". Воззвание уместно сопоставить с двумя другими документами весны 1711 г., и тогда проступят контуры стратегической линии России на юго-востоке Европы на многие десятилетия вперед.

15 апреля, находясь в Луцке, Петр подписал "Диплом и пункты" молдавскому князю Димитрию Кантемиру, выразившему желание "со всею землею и народом волоским быть под протекциею нашего царского величества". Петр дал на то свое согласие: принц "с сего времени под защищением нашего царского величества, яко верным подданным надлежит, и вечно". По имеющимся данным пункты составил сам Кантемир, и они отвечали чаяниям элиты молдавского общества ("...Вся правительственная власть будет при князе волоском" и по "прежнему обыкновению да имеет, без всякого возобновления законов их"). Престол в Яссах становился наследственным в роде Кантемиров[8]. Так проявилась черта, ставшая традиционной для России — уважение к законам, нравам, обычаям, образу жизни и культуре присоединяемых народов.

Другой документ — обращение от 8/19 мая 1711 г. к жителям Дунайских княжеств и другим христианским народам — грекам, сербам, славянам (так в тексте), албанцам с призывом "совокупиться" с российскими войсками и "на неприятеля креста Господня воевати за отечество, за честь и превращение древних свобод и вольностей", за "освобождение церкви и веры святыя православныя от гонения бусурманского". Петр от себя свидетельствовал: "В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем...".

Далее следовал важнейший принципиальный постулат о возрождении, под российским покровительством, попранной османскими завоевателями государственности христианских народов: "...Позволим под нашею протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержа их яко под протекциею нашею"[9].

Очевидно, "Диплом и пункты", пожалованные князю Димитрию Кантемиру, Петр считал моделью будущих сношений со всем балканским христианским миром.

inslav

Из Юго-Восточной Европы поступали бодрящие вести.

Господарь Валахии Константин Брынковяну заверял, что стоит царю появиться на Дунае — и поднимутся жители Дунайских княжеств, сербы, болгары, греки и албанцы. Полтавскую битву он воспринял как сигнал к действию и обязался выставить 20-тысячную подмогу в случае прихода российских войск. Кантемир обещал примкнуть к армии с отрядом в 10 тыс. и вдобавок поставлять ей продовольствие и фураж[10].

Черногорцы с восторгом восприняли царский манифест от 3 марта 1711 г. Воззвание исходило от Петра, увенчанного славой полтавского триумфа, привез его полковник русской службы серб М. Милорадович. Митрополит созвал сородичей на сбор, решивший, под клики одобрения, выступить. В послании царю собравшиеся заверяли его:" ...Вся наша братия, православные христиане, сербы и болгаре, готовы вси за церков святую восточную, матерь нашу, и за святые места и за православие, а наипаче за тебя, великого государя, готовы вси военным на неприятеля итти и души свои положити"[11].

Прочные связи еще со времен Великого посольства поддерживались с "австрийскими сербами". От них поступали жалобы на "кривды", чинимые властями, и просьбы — иметь их "за своих подданных и верных". Но обострять отношения с новым Римским цесарем Иосифом I, с которым перед кампанией 1711 г. пытались заключить союз, было в высшей степени неблагоразумно, поэтому в Посольском приказе намеки на подданство не замечали. Но заверения, что сербы "всегда готовы служить против Бусурман без всякой платы жалованья, никакого ружья не требуя, но токмо за одно православие"[12] принимались с признательностью.

Царь воспрянул духом. Сообщая фельдмаршалу Б.П. Шереметеву о достигнутой с Д. Кантемиром договоренности, он выражал уверенность: "Такоже и мултянский господарь* вскоре таковым трактатом с нами обяжется". Жребий был брошен в расчете на массовый подъем "турецких христиан": князья Молдавии и Валахии "с войском нашим совокупятся и весь народ свой многочисленный побудят к восприятию оружия против турок, на что глядя сербы (от которых такое же прошение и обещание имеем), также и болгары и иные христианские народы против турок восстанут, и оные к нашим войскам совокупятся, иные же внутрь их турской области возмущение учинят..."[13]. "В уши царя и его главнокомандующего со всех сторон жужжали о страхе османов перед русским войсками", — замечает Н.И. Павленко[14].

В действительности все пошло вкривь и вкось.

30 мая / 10 июня войска Шереметева переправились через Днестр и вступили на молдавскую землю. В Яссах их встретили колокольным звоном, господарский совет принял присягу царю. Но множились тревожные признаки. Страшная жара предвещала засуху. Фельдмаршал в тревоге писал: "Зело имею всякую печаль, что хлеба взять весьма невозможно". Не удалось воспрепятствовать переправе главных сил великого везира Мехмеда Балтаджи-паши через Дунай, как то предусматривалось планом кампании. Турки заподозрили валашского господаря К. Брынковяну в измене, тот оробел и не решился выступить навстречу русским, а потом обвинил их в промедлении: поскольку войска вовремя не прибыли, он освобож-

* Валашский.

inslav

ден от принятых обязательств. Он же воспрепятствовал сербам из Баната переправиться через Дунай и соединиться с Петром[15].

На военном совете с участием царя обсуждался вопрос — не повернуть ли назад? Роковое решение принял Петр. Войска двинулись вниз по течению реки Прут, окруженные роем неуловимых крымских всадников. У местечка Станилешти они были окружены. В "Истории свейской войны" царь определял свои силы в 38 246 человек и еще 5 тыс. молдавских добровольцев. У турок — 120 тыс. плюс 70-тысячная крымская конница[16].

9/20 июля последовала атака янычар, отбитая с тяжелыми для них потерями. Но в осажденном лагере — ни хлеба, ни воды, и солнце палило беспощадно. Петр отправил к везиру подканцлера П.П. Шафирова, опытного и выдержанного дипломата. Царь шел на далеко идущие уступки, свидетельствовавшие о его душевном состоянии. Он полагал, что османы не оставят своими заботами шведов и включат соответствующие пункты в свои требования, и готовился отдать им не только Азов и Таганрог, но и почти все завоевания в Прибалтике, лишь бы оставить выход к Финскому заливу с Петербургом. В случае нужды он соглашался уступить Псков и "иные провинции". 11 июля он направил Шафирову в османский лагерь записку: "...Ставь с ними на все, чего похотят, кроме шклафства*. И дай нам знать конечно сего дни, дабы свой диспиратный путь могли, с помощью Божьей, начать" (решено было, в случае турецкого отказа, прорываться)[17].

Балтаджи-паша о настроении царя не знал. Шафиров благоразумно выслушал его претензии, и, отталкиваясь от них, повел торг. О шведских интересах везир не заикнулся: турки не желали выступать гарантами будущего российско-шведского урегулирования, шалый Карл XII и без того доставлял им много хлопот своими интригами, и они стремились сбыть его с рук. 12 июля Шафиров подписал мир, немедленно утвержденный царем. По Прутскому договору Россия теряла Азов, обещала срыть Таганрог и Каменный Затон, отказывалась от вмешательства в польские дела и обязывалась обеспечить безопасный проезд Карла XII в Швецию[18].

Король, пребывавший неподалеку, в Бендерах, узнав о замирении, вскочил на коня и прискакал в турецкий лагерь, когда последние русские полки, под барабанный бой, выходили из окружения. Перед шатром Балтаджи-паши разыгралась драматическая сцена: Карл в ярости кричал и, топая ногами, требовал дать ему 20 тыс. янычар — и он приведет царя Петра пленным. Паша невозмутимо отвечал, что Коран запрещает подчинять мусульман команде неверного.

Стремительное и роковое развитие событий в мае—июле 1711 г. перечеркнуло планы широкого сотрудничества с балканскими народами. Донесения о том, какое южные славяне "внутри турской области возмущение учинили", стали поступать уже после того, как остатки армии Шереметева, устлав молдавские дороги трупами солдат (ежедневно во время страшного марша умирало 500—600 человек, общие потери в кампании превысили 27 тыс.), 1/12 августа произошла переправа через Днестр, и Петр, отслужив молебен, поехал на воды в Карлсбад (Карловы Вары) лечиться и приходить в себя от пережитого[19].

---

* Т.е. рабства, плена.

inslav

Повстанческое движение охватило Старую Сербию, Герцеговину, Северную Албанию, районы городов Гацко, Никшич, Спуж, Подгорица, Жабляк[20]. Полковник М. Милорадович докладывал: "И все люди помянутых земель мне поддались, и указам его царского величества до сего времени послушны были, и для веры возстали, и за оную с великим войском бились, и многия турецкия москеи* разорили, и великий округ Турецкой области взяли. Многие деревни сожгли, многие дистрикты пустыми учинили, много турецких голов назад принесли, многих склавами учинили. В Албании и Эрцеговине многие городы осадили и турков в конфузию привели... Но города от платежя солдатам, без пушек, пороху и ядер взять не можно"[21].

Мы позволили себе привести эту достаточно длинную цитату, ибо она свидетельствует о массовости движения и о его слабых сторонах. Повстанцы не смогли взять ни одного города. Восстание сопровождалось присущими гражданской войне ужасами, жертвами которых стали мусульмане. И, главное, разгорелось оно поздно, когда русские войска уже ушли за Днестр, и черногорцам пришлось отбивать наступление турецких сил на собственные земли[2*].

При медлительности тогдашней связи балканцы долго не ведали о случившейся на реке Прут трагедии. 18 августа консул в Венеции Д.Ф. Боцис сообщал: "Из негромонтанов (т.е. черногорцев. — *Авт.*) собралось до сего времени с лишним десять тысяч". Консул выражал мнение: "Ежели крепкие ваши войски через Дунай пройдут, то учинятся по всей Румелии, Македонии и Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общего врага христианов"[22].

Но "крепкие войски" сражались в Финляндии, Прибалтике, Польше и Германии, далеко-далеко от Дуная. В конце 1711 г. канцлер Г.И. Головкин, пересылая Милорадовичу 3 тыс. червонных, просил не играть с огнем и воздержаться от военных действий[23]. Все же репрессий избежать не удалось, в 1714 г. Черногория подверглась нашествию Нумана-паши и опустошению.

* * *

Жесткие условия Прутского мира предстояло еще отстоять в Константинополе, куда в качестве заложников отправились П.П. Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева полковник Михаил, которому Петр вне очереди присвоил чин генерал-майора. Марфу и Анну Шафировых, в связи с разлукой с кормильцем, он утешал в собственноручном письме: "Не имейте в том печали, ибо Богу извольшу, не замешкаетца там"[24].

Увы, "замешкались" заложники в Стамбуле на целых три года.

Далеко не всех в султанском диване удовлетворяли прутские условия, военная партия боролась со склонявшимися к компромиссу, головы летели. Мехмед Балтаджи-паша получил отставку и был предан смерти, — как полагалось с сановником столь высокого ранга, его удавили шелковым шнуром. Султан Ахмед III дважды объявлял России войну (!!), единожды

---

* Мечети.

2* Подробнее см. главу о Черногории.

inslav

демонстративно отправился в Адрианополь, традиционное место сбора армии для похода, — но все без последствий. Трех несчастных — П.А. Толстого, П.П. Шафирова и Б.П. Шереметева, то бросали в казематы Семибашенного замка, то освобождали. "Ветеран", Толстой, провел в общей сложности 17 месяцев в "земляной темнице, зело мрачной и смрадной", а потом в "малой избе". Карл XII и союзная ему французская дипломатия интриговали без устали. По словам Шафирова, "французский посол и Понятовский* мечутся как бешеные собаки денно и нощно всюду, для того я вынужден ныне последние силы и умишко употребить"[25].

В конце концов сторонники компромисса в Высокой Порте победили, и Константинопольский договор 1714 г. подтвердил основные условия Прутского мира, включая обязательство России обеспечить безопасное возвращение шведского короля в его владения. Последнее показывало, что османы изрядно устали от его интриг и стремились сбыть его с рук.

По-доброму покинуть Бендеры упрямый Карл не пожелал, и султан Ахмед "обратил свой гнев" на него. Турки, по словам Шафирова, требовали отъезда шведского монарха "по варварскому обычаю сурово, а король по своей солдатской голове удалой" решил сопротивляться[26]. С сотней своих приверженцев, со шпагой в руке, он вступил в бой с тысячами противников, потерял несколько пальцев, пол-уха, и сдался. Тайно, под чужим именем, через Венгрию, Австрию и Германию он вернулся в сопровождении одного спутника на родину, которую покинул 15 лет назад во главе 60-тысячного лучшего в Европе войска.

Остается преклониться перед отечественной дипломатией, достигшей, по оценке Н.Н. Молчанова, казалось бы невозможного, обеспечившей мир на юге.

Разумеется, нельзя приписывать благополучный исход миссии трех страдальцев только их терпению и искусству плюс корыстолюбию османских сановников, которых задабривали золотом и мехами. Существовал и другой веский мотив их поведения. Непредсказуемой по своим последствиям войне с северным колоссом они предпочли схватку со слабеющей Венецианской республикой. Потеря Азова, означавшая возвращение к ситуации, существовавшей ранее, не шла ни в какое сравнение с утратой совсем близкой к жизненным центрам империи южной части Балканского полуострова, Мореи. В 1714 г. началась последняя в истории война Порты с Республикой Святого Марка.

* * *

И по-человечески, и если смотреть с государственной точки зрения, понятно, почему царь старался преуменьшить размеры постигшей его беды. Так, в письме В.Н. и Г.Ф. Долгоруким 15/26 июля 1711 г. он сообщал: "...Видя, что из сей войны жадного пожитка не будет, того ради поступили по желанию турецкому, уступя им все завоеванное, дабы от той стороны быть вечно беспечными, что турки с превеликою охотою паче чаяния учинили, и от короля шведсково совсем отступили"[27]. Петр пытался сгладить

---

* С. Понятовский — уполномоченный Карла XII и его ставленника С. Лещинского.

inslav

впечатление от прутской трагедии и у соотечественников, и за рубежом, а потому слегка подредактировал русский текст договора: достигнут мир, "хотя и не без печали". Отечественная историография, следуя по стопам царя, склонна рассматривать осечку в молдавской степи как досадную неудачу: "Что касается России, то для нее война с Турцией была прежде всего досадным эпизодом Северной войны, отвлекшим ее от борьбы за балтийское побережье"[28].

Если сводить перспективы российской внешней политики к одному северному направлению, то подобная оценка безусловно правильна. Но если подходить к ее развитию с позиций многовариантности, то в нее необходимо внести коррективы. Выход к Балтике давал стране много, но не все. Будущее сельского хозяйства лежало на неосвоенном плодородном юге, и не через замерзающую Балтику было вывозить зерно за рубеж. Освоение же причерноморского черноземья с логической неизбежностью и математической точностью должно было повлечь за собой новое противоборство с Высокой Портой.

Так что если подходить многовариантно к перспективам стратегической направленности внешнеполитического курса, то Прутский мир отбросил Россию на южном направлении к границам конца XVII столетия. Страна лишилась выхода даже к мелководному Азовскому морю, выстроенные в Воронеже с великими трудами корабли сгнили. Понадобилось еще полвека и две кровопролитные войны, чтобы добиться отмены всех тягостных условий договора.

Планы освобождения Балкан пришлось отложить в долгий ящик. Но контакты с населявшими их христианскими народами продолжались на более скромном уровне, в них нуждались обе стороны. В 1715 г. в Петербург прибыл митрополит Данила Петрович-Негош, являвшийся не только духовным, но и светским главой Черногории, с ходатайством об установлении протектората над страной и предоставлении ей денежной субсидии. И на то и на другое он получил согласие. Отправляя деньги и медали для раздачи старейшинам, Петр советовал черногорцам сохранять мир. Субсидия стала постоянной, причем не только по светской, но и по духовной линии. Предметом особых забот являлся Цетинский монастырь[29]. Российское покровительство явилось своего рода гарантом фактической независимости Черногории.

Началось переселенческое движение в Россию балканских христиан, спасавшихся вместе с семьями как от расправ османских властей, так и от неудобств, связанных с жизнью в габсбургских владениях. Мужчины-новопоселенцы записывались в гусарские полки. 31 января 1715 г. последовал указ Петра об отводе земель молдавским, валашским и сербским солдатам и офицерам в Киевской и Азовской губерниях и выдаче им жалованья. Здесь сохранялось административное деление на полки, жители несли службу по охране границы, им полагалось денежное и хлебное довольствие (капитанам ежегодно — по 60 руб. и 60 четвертей ржи и овса, рядовым соответственно — по 12 руб. и четвертей). Людей на порубежье не хватало, и поэтому Петр живо откликнулся на предложение сербских офицеров "приводить с собой людей из своего народа". Царский указ не носил принудительного характера: "Которые из них, сербов, ныне или впредь пожелают ехать в свое отечество, тем позволить отпуск и на дорогу по разсмотрению господ губернаторов"[30].

inslav

В октябре 1723 г. царь подписал новый указ с призывом к сербам — вступить в гусарские полки на Украине. Майору Ивану Албанезу поручалось привести "в наш империум" будущих солдат "з женами и з детьми". Через год с Албанезом приехало 20 мужчин, пробирались они с трудом "под видом купечества или иными какими": австрийские власти их не отпускали. Всего на службе в гусарском полку на ноябрь 1724 г. числилось 175 солдат и офицеров — сербов, болгар, венгров, македонцев, молдаван[31].

Таково было скромное начало переселенческого движения балканских христиан в Россию.

[1] *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 411; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 283.
[2] *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 281.
[3] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 472—474.
[4] *Лещиловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопр. истории. 2001. № 2. С. 49; *Camariano N.* Alexandre Mavrocordato: Le Grand drogman. Thessaleniki, 1970. P. 85.
[5] *Лещиловская И.И.* Указ. соч. С. 50.
[6] *Кочубинский А.* Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румунами. М., 1872. С. 3.
[7] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1974. С. 29—30.
[8] Письма и бумаги Петра Великого. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 172—176, 363.
[9] Там же. С. 226—227.
[10] *Семенова Л.Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969. С. 102; Istoria României. Bucureşti, 1964. Vol. 3. P. 210; История МССР. Кишинев, 1965. Т. 1. С. 308.
[11] *Кочубинский А.* Указ. соч. С. 41.
[12] Там же. С. 25—27; *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 96.
[13] *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 265.
[14] *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 83.
[15] *Bezviconi G.* Contributii la istoria relatii româno-ruse. Bucureşti, 1962. P. 128—133; *Кочубинский А.* Указ. соч. С. 27.
[16] Письма и бумаги... М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 36.
[17] Там же. Вып. 1. С. 562—571, 617.
[18] Текст Прутского договора см.: Там же. С. 322—323.
[19] Там же. С. 576; *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 265.
[20] Политические и культурные отношения... С. 37; *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига в XVI — начале XVIII в. М., 1958. С. 98.
[21] Политические и культурные отношения... С. 40—41.
[22] Письма и бумаги... Т. 11, вып. 1. С. 423—424.
[23] Там же. С. 429.
[24] Там же. Вып. 2. С. 17.
[25] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. С. 302.
[26] Там же. С. 303.
[27] Письма и бумаги... Т. 11, вып. 2. С. 301—304.
[28] *Павленко Н.И.* Петр Великий. С. 427.
[29] Политические и культурные отношения... С. 53, 64; *Кочубинский А.* Указ. соч. С. 88.
[30] Политические и культурные отношения... С. 50—51.
[31] Там же. С. 68, 70. Подробнее о переселенческом движении см.: Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.

inslav

Принц Евгений Савойский на вершине славы

Вещее изречение — "кто ищет, тот обрящет" — полностью применимо к хитросплетениям международной жизни. Стоило черногорскому митрополиту Даниле Петровичу-Негошу, заведомому противнику турецкого господства, скрыться от преследований на принадлежащем Венеции Далматинском побережье — и Высокая Порта воспользовалась этим для объявления войны Республике Святого Марка[1].

В июне 1714 г. войско великого везира Али Дамада-паши пересекло Пелопоннесский перешеек и, почти не встречая сопротивления, двинулось в глубь Мореи. Венецианской сеньории пришлось убедиться в неприятной для себя истине — нельзя сражаться долгие десятилетия, не доведя страну до разорения. Критская война (1644—1669) ознаменовалась героической защитой крепости Кандия, длившейся 24 года, затмившей легендарную осаду Трои и принесшей славу генералу Франческо Морозини. Но война обошлась казне в фантастическую сумму в 126 млн дукатов. Через 15 лет Республика Святого Марка вступила в Священную лигу — и еще 15 лет походов и осад. Поскольку основные силы османов сражались в Венгрии, Морозини сравнительно легко выдворил турок из Мореи и в награду за свои заслуги был избран дожем. Но содержание большой армии наемников и сильного флота обернулось для переживавшей упадок республики непозволительной роскошью. Пришлось непомерно увеличивать налоги, казна занимала деньги, где только можно, сеньория пустилась даже на такой экстраординарный шаг, как продажа патрицианских званий. Возвращенная Морея была разорена, крепости — важнейший тогда компонент обороны — восстановить так и не собрались. Население обнаружило, что приобщение к Европе сулит не только привлекательные стороны. Да, были приняты меры протекционистского характера для развития сельского хозяйства, особенно виноградарства, упорядочена административная система, но волокита и взяточничество продолжали процветать. Вся внешняя торговля шла через Венецию — с соответствующими поборами. Суд не считался с местными обычаями, которые в глазах населения имели силу закона. Разноязыкие наемники, главным образом немцы, служившие в армии республики, вели себя разнузданно. Религиозные чувства православных жителей были оскорблены попытками навязать им католическую "ересь". В Морее появились епископства, подчинявшиеся папе римскому, духовенству запретили сношения с Константинопольской патриархией. Все это мало походило на освобождение народа из-под жес-

inslav

токого иноверческого ига. Недовольство росло, особенно негодовали свободолюбивые, привыкшие к самостоятельности горцы. Губернаторы жаловались на "неуправляемость" греков.

И все же морейский поход Дамада-паши в военную прогулку не вылился и уж ничуть не напоминал освободительную акцию. В первом же взятом городе, Коринфе, некий монах взорвал пороховой погреб, что повлекло за собой многочисленные жертвы, и Дамад обрушил на несчастных обитателей град репрессий. Он решил внести в расправы определенную систему и объявил награду за каждую принесенную ему отрубленную голову христианина. Добровольных палачей обнаружилось столько, что паша дважды снижал сумму вознаграждения. Тем не менее деморализованные греки грудью против османских реваншистов не встали, крепости (или то, что от них осталось) сдавались одна за другой, не прошло и года, как власть Венеции в Морее пала[2].

Иной оборот приняли события на стратегически важных Ионических островах, старом венецианском владении, где к правлению сеньории привыкли и к нему приспособились. Население здесь сражалось рядом с войсками. Островом Корфу османы так и не смогли овладеть. 9/20 августа 1716 г. разразившаяся на море буря разметала турецкие корабли, и родилась легенда, что это Святой Спиридон пришел на помощь христианам. Но существовали и земные причины поспешного бегства турок из прибрежных вод: к острову спешили корабли Неаполя, Испании, Мальты, папского престола. А главное — вмешались австрийцы; Морея их мало волновала, иное дело Далмация и острова у ее берегов, совсем близко от Габсбургских владений. "Воистину, — отмечал биограф принца Евгения Савойского В. Библ, — счастьем было то, что турки в продолжении всей войны за Испанское наследство держались спокойно по причине их запутанных отношений с Россией... Но, как только произошло заключение мира с царем, в Константинополе воцарился воинственный дух"[3]. Принц Евгений советовал кайзеру Карлу VI откликнуться на мольбы венецианцев о помощи, вмешаться в войну, освободить до конца Венгрию и занять устья Савы и Дуная и установить контроль над течением великой реки.

Отклик у молодого императора соображения фельмаршала встретили не сразу: в Испании только что воцарился Бурбон, и Карл опасался, что испанцы, очутившись под скипетром внука Людовика XIV ударят по Габсбургским владениям на Апеннинском полуострове. Его опасения развеял папа Климент XI, поручившись за хорошее поведение Мадрида и пообещав вдобавок помощь от себя, в первую очередь денежную. Цесарь прекратил колебания и в апреле 1716 г. возобновил союзный договор с Венецией.

Верховное командование было, естественно, предоставлено принцу Евгению. В июле он прибыл в пункт сбора войск близ Петервардена. Получив сведения о приближении везира Али Дамада, полководец двинулся навстречу. Армии сошлись на поле у Фрушка Гора. Евгений опередил неприятеля и, объезжая позиции, вспомнил молодость — на поле сохранились полуобвалившиеся траншеи и бастионы, оставшиеся от кампании 1684 г. В 7 час. утра 5 августа полководец двинул свои части на неприятеля. Турки не стали придерживаться тактики пассивной обороны, а "с неописуемой яростью" обрушились на центр австрийского построения и потеснили ряды имперцев. В критический момент фельдмаршал лично воз-

inslav

главил контратаку кавалерии, ударил по левому флангу врага и обратил его в бегство. Победителям, помимо прочих трофеев, досталось 176 знамен и 5 бунчуков.

Обрадованный цесарь прислал полководцу свой портрет, усыпанный бриллиантами, и собственноручное письмо, теплое дружеское по тону, чего по протоколу не полагалось.

Евгений поспешил в Банат и осадил Темешвар (Тимишоару). 12 октября комендант сдал крепость на капитуляцию, оговорив право свободного выхода гарнизона из нее. В ноябре командующий, устроив войска на зимние квартиры, прибыл в Вену, восторженно встреченный горожанами. В мае 1717 г. он покинул столицу в разгар празднеств при дворе по случаю рождения эрцгерцогини Марии-Терезии. Никто тогда не подозревал, что младенца ожидает великое будущее.

Цесарское войско насчитывало почти 100 тыс. солдат и офицеров. Прибыв в штаб, Евгений, по собственному признанию, "слегка растерялся": "на ловлю счастья и чинов" к нему слетелись 24 князя, не считая дворян рангом пониже, из Германии, Франции, Италии, Польши и даже России.

Принц решил опередить турок, собиравших силы в Адрианополе, двинулся к Белграду, беспрепятственно форсировал Саву и Дунай. Гарнизон крепости насчитывал 30 тыс. человек во главе с храбрым комендантом Мустафой-пашой. В середине июля Евгений обложил город и стал ждать подхода осадной артиллерии для штурма.

В начале августа к Белграду стали подтягиваться османские силы. Сложилась неприятная для имперцев ситуация, надо было поворачивать фронт против армии великого везира Халила-паши: имея в тылу белградский гарнизон, принц Евгений мог очутиться между двух огней. Он не стал искушать судьбу медлительностью. 16 августа, вскоре после полуночи, он вывел 40 тыс. солдат и офицеров из лагеря. Пехота двигалась в центре, рейтары — на обоих флангах. В предрассветном тумане колонны незаметно приблизились к неприятелю. В 8 час. утра последовала стремительная атака. Сразу удалось захватить господствующую над местностью высоту и расположить на ней свои пушки. К 10 час. принц одержал полную победу, с захватом артиллерии, обоза противника и даже канцелярии великого везира. Схватка выдалась жаркая, сам командующий был ранен в руку, но столь скоротечная, что гарнизон не успел произвести вылазку. Через несколько дней комендант выкинул белый флаг и сдался на условии вывода своих полков из города. Императорские войска почти без сопротивления заняли Сербию и бóльшую часть Боснии, население встречало их как освободителей. Архиепископ Иллирии приветствовал "всемилостивейшего монарха Карола" и взывал к его помощи, дабы в грядущие годы произошло "освобождение от тиранического турецкого рабства" и возрождение "нашего Сербского королевства и нации под его милостивой защитой"[4].

Вскоре принц Евгений получил письмо о готовности Высокой Порты приступить к переговорам. 21 июля 1718 г. в сербском городе Пожаревац (Пассаровиц) был подписан крайне выгодный для Австрии мир: к ней отошли Банат с Темешваром, Северная Сербия с Белградом, Западная Валахия (Олтения). Договор предусматривал охрану христианских святынь в Палестине. Подписанная тогда же торговая конвенция предоставляла подданным императора право торговли во всех османских владениях при уплате скромной 3-процентной ввозной и вывозной пошлины.

inslav

Партнерами по форме и бедными родственниками в действительности на переговорах выступали венецианцы. Им пришла пора расплачиваться за неудачи на поле боя — сражаться во имя возвращения незадачливым итальянцам утраченных земель Карл VI не желал. Венеция лишилась Мореи и некоторых островов Архипелага.

Вена торжествовала: она утвердилась на Балканах, в одиночку (Венеция не в счет) нанесла поражение Османской империи. Принца Евгения пышно чествовали, и не только официально. Появилась песня "Принц Евгений, благородный рыцарь", мелодия которой потом стала маршем императорской кавалерии. Папа Климент XI преподнес герою украшенную драгоценными камнями шпагу.

Россия осталась в стороне от этих знаменательных событий, хотя, при иных обстоятельствах, трудно было бы даже придумать более благоприятный случай для вмешательства и сведения счетов с Высокой Портой. Но царь с головой ушел в германские дела. В.О. Ключевский обронил даже злые слова, в которых содержалась, однако, доля горькой истины: после Полтавы Петр разменялся "на саксонские, мекленбургские и датские пустяки, продлившие томительную девятилетнюю войну еще на 12 лет"[5].

Закономерным являлось стремление царя "врасти" в европейскую политическую систему, встать твердой ногой на Балтике, пошатнуть здесь все еще сильные позиции Швеции[6]. Но что касается избранных средств...

Петр разворошил немецкий "запоздалый феодальный муравейник, суетливый и в большинстве бедный, донельзя переродившийся и перессорившийся..."[7]. Лучше В.О. Ключевского не скажешь. Каждое из государств занималось территориальными вымогательствами — Пруссия зарилась на Померанию и Штеттин (Щецин), Ганновер — на Бремен и Верден, Люксембург — на часть западного побережья Балтики. Удовлетворив одних, Петр ссорился с другими. Помимо крупных стран — Пруссии, Саксонии, Дании, Польши — царь вовлек в Северный союз Курляндию, Мекленбург и Гольштинию. Петр с азартом предавался брачной дипломатии. Сына Алексея он женил на Шарлотте Вольфенбютельской, племянницу Екатерину Иоанновну выдал замуж за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда, впутавшись, по замечанию Н.Н. Молчанова, "серьезно и несчастно в бесконечные немецкие дрязги"[8]. Союзники алкали вознаграждения, и русские солдаты сражались, сражались, сражались...

Обнаружилось, что "друзья" ничуть не менее врагов боялись установления российской гегемонии на Балтийском побережье. Лондонский кабинет пришел к выводу, что молодая Россия здесь куда опаснее старой Швеции. Столкнувшись с угрозой коалиции против него в составе Великобритании, Голландии и Дании, Петр вывел свои войска из Мекленбурга. Прежний конфидент, Август II Саксонский и Польский не откликнулся на призыв прекратить гонения на православных в Речи Посполитой, зато обратился к царю с просьбой удалить из Польши российскую армию, дабы не навлекать на нее нашествия шведов. В марте 1716 г. царь направил Августу неслыханный в дипломатии документ — "Меморию досад". Разобравшись в кознях короля-курфюрста, Н.Н. Молчанов отозвался о нем, как о "саксонском коронованном проходимце". И все же Молчанов полагал, что, "щедро раздавая союзникам померанскую добычу, Петр связал их по рукам и ногам"[9].

inslav

Трудно согласиться с этим утверждением. Брачная дипломатия давала осечки. Герцог Карл-Леопольд оказался немецкой разновидностью самодура (бывают и такие), рассорился с дворянством, испортил отношения с императором Карлом VI, и тот засадил его в темницу. Екатерина Иоанновна была рада-радешенька избавиться от тирана-мужа и вернуться в Москву, под крылышко матери, царицы Прасковьи.

Возвращаясь к резкому высказыванию В.О. Ключевского, стоит задаться вопросом: может быть, вместо того чтобы десять лет бултыхаться в немецком омуте, стоило прибегнуть к стратегии прямого удара по Швеции через Финляндию? С победой здесь пошатнулись бы и шведские позиции на южном побережье Балтийского моря.

"К 1719 году союзники России, получив с ее помощью почти все, что хотели, вышли из войны" (кроме Польши. — *Авт.*), — констатирует Г.А. Савин[10]. Император Карл VI в бессилии наблюдал, как Петр, без его ведома и согласия, хозяйничал на севере Германии, мирил и ссорил князей, и вместо шведского влияния устанавливал на севере Германии свое собственное. Отношения с Австрией испортились, несмотря на совпадение интересов с ней по многим важным вопросам. Карл, подобно своим предкам, при вступлении на престол дал клятву сражаться с османами и выполнил ее в победоносной войне 1716—1718 гг.; Россия и Австрия были заинтересованы в подрыве французского влияния в Польше и Швеции[11].

Печальный эпизод с бегством царевича Алексея омрачил и без того безрадостную картину.

В августе 1716 г. Петр приказал сыну принять участие в готовившейся десантной операции против Швеции; по пути тот скрылся в австрийских владениях (местечко Вейсбург — крепость Эренберг в Тироле, и наконец осел в Неаполе). Петр Андреевич Толстой по поручению царя выследил беглеца и выманил его обещанием прощения (что подтверждали собственноручные письма царя). В январе 1718 г. Алексей вернулся на родину[12].

Вся эта история была как нельзя более неприятна императору Карлу VI, приходившемуся Алексею свояком, они были женаты на родных сестрах, принцессах Вольфенбютельских (правда, супруга Алексея Шарлотта к тому времени умерла). В 1718 г. последовал разрыв дипломатических отношений между Австрией и Россией (правда, всего на два года). В 1719 г. цесарь заключил договор с Великобританией и Саксонией, направленный против дальнейших поползновений Петра в Германии[13].

Царь, по тогдашним представлениям человек преклонного возраста, тяжело и подолгу болел, думы о судьбе державы после его ухода не оставляли Петра. Сын Алексей, его политический враг, у него в руках. Последовал процесс; судить об обоснованности и правомерности предъявленных ему обвинений бессмысленно: царевича 6 раз водили в застенок, 6 раз подвешивали на дыбу и истязали кнутом, и злой умысел "был доказан". 127 высших сановников послушно подписали приговор о предании царевича смерти. Впрочем, в нем не было нужды: 28 июня 1718 г. Алексей "преставился" якобы самостоятельно[14].

Царь, несомненно, расчищал путь к престолу маленькому Петру Петровичу. Но судьба не щадила Преобразователя: Петруша умер в 1719 г., не дожив до четырех лет. Образовалась пустота вокруг трона — никто из людей, связанных с Петром кровными узами, не обладал искрой Божьей.

inslav

В 1722 г. император издал длинный и нудный "Устав о наследии", который В.О. Ключевский с полным основанием наименовал злополучным[15]. Его содержание можно изложить в нескольких словах: монарх волен назначать себе преемника по собственной воле. За подобным заявлением следовало ожидать имя наследника — иначе в чем был смысл указа? Петр не назвал никого: кандидатов, заслуживающих подобную честь, не существовало. У подножия трона возник плацдарм для столкновения интересов и игры страстей. Только состоянием безысходности можно объяснить появление подобного акта.

В 1724 г. произошло еще одно труднообъяснимое деяние: Петр с превеликой пышностью осуществил коронацию супруги Екатерины Алексеевны. Для участия в церемонии образовали специальный элитный эскадрон кавалергардов, прижимистый царь обложил города специальным налогом — по полтине с каждого для проведения торжеств. У Екатерины появилась зацепка для притязания на трон.

Но в том же 1724 г. на Петра обрушился новый удар: обнаружилась амурная связь жены с красавцем-камергером Виллемом Монсом, младшим братом Анны, любовницы царя в юные годы. Петр был скор на расправу — Виллем расстался с жизнью на эшафоте. Верный денщик Алексашка превратился в герцога Ижорского, фельдмаршала, светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова и, по совместительству, в первого казнокрада империи и как таковой состоял под следствием. "Меншиков в беззаконии зачат, в гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой, и, если не исправится, быть ему без головы", — отзывался император о бывшем любимце[16].

Кольцо одиночества вокруг Петра Великого замкнулось.

[1] *Јаков Ј.* Венеција и срби у Далмаци и у XVIII в. Београд, 1984. С. 19.
[2] *Diehl Ch.* Une republique patricienne Venice. P., 1915. P. 279—281.
[3] *Bibl V.* Prinz Eugen, Ein Heldensleben. Wien; Leipzig, 1941. S. 203.
[4] Ibid. S. 209—213.
[5] Цит. по: *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 255.
[6] История внешней политики России, XVIII в. М., 1997. С. 37.
[7] *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1989. Т. 5. С. 6.
[8] *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 334.
[9] Там же. С. 397, 403, 341, 313.
[10] История внешней политики... С. 45.
[11] *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955. С. 9, 24, 25.
[12] *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 179.
[13] *Флоровский А.В.* Указ. соч. С. 9, 24.
[14] *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 197.
[15] *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Т. 3. С. 102.
[16] Там же. С. 48.

inslav

Балканский вопрос при ближайших преемниках Петра

Петр I скончался в страшных мучениях под утро 28 января 1725 г., так и не назначив наследника, и трон стал игралищем противоборствовавших вельможных клик. Наступила пора "случайностей" на престоле (выражение В.О. Ключевского), титана сменили пигмеи. Братья Долгорукие выступали за воцарение малолетнего Петра, сына царевича Алексея; Меншиков и Толстой, лютые враги убиенного, прямо причастные к его гибели, — против. Они выдвинули кандидатуру императрицы Екатерины, а доказательством ее прав на престол сочли коронацию 1724 г. Спор решился в их пользу; дворец окружили войска, подчинявшиеся Меншикову как главе Военной коллегии, а Екатерина пользовалась в гвардии популярностью. Подтвердилось выражение Наполеона Бонапарта: большие батальоны всегда правы.

Скоро всем стало очевидно: монархиня управлять не может, и появился Верховный тайный совет, выполнявший "роль костыля, без которого императрица не могла ходить"[1].

Екатерина I, сняв траур по супругу, пустилась в загул, пировала и танцевала почти до дня своей кончины. Государственные интересы бывшая портомоя (прачка) Марта Скавронская сводила к семейным и заявляла, что всем пожертвует ради любимой дочери Анны, выданной замуж за герцога Гольштинского Карла Фридриха. Сей последний считал, что в приданое за женой, помимо червонных, соболей и драгоценностей, получил российскую армию, да еще и флот. Он жаждал вернуть в свое владение Шлезвиг, отторгнутый у герцогства коварными датчанами, и, разумеется, при помощи российских пушек и штыков. Екатерина восприняла эту идею. На Балтике принялись снаряжать эскадру, на сухом пути готовили в поход 40-тысячный экспедиционный корпус. А за спиной Дании маячила Великобритания.

В мае 1726 г. у Ревеля (Таллина) показалась англо-датская эскадра в 31 вымпел, в условиях мира блокировавшая запертый в гавани флот. Екатерина с большим чувством собственного достоинства обвинила британцев в попрании норм международного права. А Верховный тайный совет обсуждал вопрос о затоплении, в случае необходимости, кораблей на ревельском рейде: сопротивляться плавучей армаде не было возможности. К счастью, осенняя непогода заставила незваных пришельцев повернуть домой. Но Екатерина от своих замыслов не отказалась. В 1727 г. британские паруса вновь замаячили на Балтике. Смерть императрицы избавила

inslav

Россию от опасной авантюры. Карла Фридриха Гольштинского, прочно осевшего в Петербурге, с соблюдением должного декорума выпроводили из страны[2].

Конфуз произошел с другой внешнеполитической акцией, с попыткой утвердиться в Курляндии, где Анна Иоанновна пребывала во вдовствующем положении, — супруг, герцог Фридрих Вильгельм скончался вскоре после свадьбы от неумеренных возлияний. Объявился претендент на престол в Митаве и на руку Анны Иоанновны в лице побочного сына польского короля Августа II графа Морица Саксонского, красавца и донжуана (о его полководческих дарованиях тогда никто не подозревал). Он явился в Курляндию, представился Анне и, не мешкая, предложил ей руку, благоразумно умолчав о сердце. Анна Иоанновна, дама гренадерского роста и соответствующей комплекции, млела от восторга и умоляла российский двор дать согласие на брак. А Мориц времени не терял, сумел понравиться дворянству, и 18 июня 1726 г. местный сейм избрал его на престол[3].

В Петербурге с опозданием спохватились, что Курляндия на глазах уплывает к Августу II. Объявился и свой кандидат в герцоги в лице Александра Даниловича Меншикова. Ненасытному честолюбцу мало было букета титулов в России, понадобился еще и курляндский трон. Он отправился в Митаву, но встретил холодный прием: его кандидатура не годна по трем причина — он не немец, не лютеранин и, наконец, негоже дворянам отвергать только что избранного герцога. Удалить Морица с помощью обычных дипломатических приемов не удалось, и решили прибегнуть к силе.

Операция развернулась по всем канонам детективного жанра. На рассвете солдаты окружили замок, где ночевал Мориц. Вдруг в одном из окон появилась веревочная лестница и по ней стала спускаться закутанная в плащ фигура. Будучи схваченной, она оказалась девицей, а Морица и след простыл.

Разгневанный российский двор снарядил против плейбоя целую военную экспедицию во главе с генералом П. Ласси[4]. Дожидаться нового штурма Мориц не стал и бежал, бросив пожитки, в том числе сундук, заполненный любовными посланиями дам и девиц. Бегство пошло на пользу прежде всего ему самому: вместо прозябания в захолустной Митаве он стал маршалом Франции и победителем в сражениях при Фонтенуа (1745 г.) и Року (1746 г.). Но цель Петербурга была достигнута, Курляндией продолжали управлять потомки гроссмейстера Ливонского ордена Кетлера, и российское влияние в ней укрепилось.

Россия после смерти Петра переживала нелегкие времена, хотя и произошел колоссальный рост ее могущества и роли в международных делах. Но какой ценой? Ни одна держава не может воевать почти 40 лет без ущерба для себя. Е.В. Анисимов констатирует: "Петр разорил собственную страну ради создания новой армии". "Истощение народного хозяйства, сотни тысяч беглых на Дон и в Польшу, опустевшие деревни, гигантские недоимки в сборах налогов, бунты и мятежи — такова картина страны в конце петровского царствования"[5].

Правительство поспешило снизить подушную подать с 74 до 70 коп. в год, простило недоимки, вернуло из ссылки политических заключенных, попыталось ограничить расходы на армию. Здесь Верховный тайный совет потерпел фиаско: во главе Военной коллегии стоял светлейший князь Меншиков, интимный друг Екатерины I. Провели ревизию трат коллегии

inslav

в 1724—1727 гг. Нашли, как деликатно выразился П.А. Толстой, "несоответствие": из выданных 17 млн руб. ведомство отчиталось в трате 10 млн[6]. Александр Данилович выбрался сухим из воды, никто не смел требовать наказания царицына любимца.

Иностранные дипломаты доносили из Петербурга: "Все в России в страшном расстройстве... Денег никому не платят и бог знает, до чего дойдут финансы, каждый ворует, сколько может". Но ропота в стране они не отмечали — наконец-то воцарился покой (как тогда называли мир).

В наследии Петра обнаружились излишества внешнеполитического плана. Завоеванные в персидском походе 1722 г. провинции (Астрабад, Гилян, Мазандаран, Дербент, Баку) оказались тем "жерновом на шее, который России тащить не под силу". Налоги не собирались, жители разбегались, стычки с персами не прекращались. Солидный экспедиционный корпус — десять пехотных, семь кавалерийских полков, поглощал массу средств. В непривычном климате ("злом воздухе", как тогда говорили) солдаты маялись от болезней. Возникло уникальное в международной жизни положение: Верховный тайный совет мучился над вопросом — как бы избавиться от завоеванного. Казалось, все проще простого — вернуть провинции Ирану. В Иране, однако, царила междоусобица, он находился в войне с Турцией, причем неудачной, существовало реальное опасение, что прикаспийские земли окажутся в руках Османской империи, от чего упаси Боже! Поэтому процедура возвращения завоеванных территорий Персии растянулась на десять лет. В 1735 г. русские войска отошли на рубежи реки Терек.

Еще больше заботили европейские дела. Сложившаяся ситуация диктовала необходимость осмотрительности, сдержанности, воздержания от акций, могущих повлечь за собой крупные международные осложнения. После победы в великой Северной войне и Ништадтского мира распался союз с Данией, Саксонией, Польшей, Пруссией. Могущества России соседи боялись, способствовать его дальнейшему возрастанию не желали, смерть Петра встретили со вздохом облегчения, перестав ощущать его тяжелую руку. В Копенгагене, сообщал посланник, при вести о кончине царя "подлые с радостью опилися было". Россия очутилась в неприятном положении международной изоляции. Выход из нее виделся в заключении союза с ведущей европейской державой. Выбор не случайно пал на Австрию. А.И. Остерман в обоснование этой ориентации писал о совпадении "натуральных интересов" двух государств, и первым среди них называл "убавление турецких сил"[7], мнение о неотвратимости движения на юг, к Азову и дальше, укоренилось в политическом сознании.

Именно Остерману, который в течение 15 лет фактически возглавлял Коллегию иностранных дел (канцлер Г.И. Головкин слыл посредственностью и в счет не шел), принадлежит заслуга разработки внешнеполитического курса послепетровского времени. Он, по замечанию Г.А. Некрасова, усвоил "основные элементы внешнеполитической системы" Петра[8]. Андрей Иванович сочетал в себе добродетели и пороки века Просвещения, был образован, начитан, знал несколько языков. Он принадлежал к числу тех иностранцев, для которых Россия стала не второй, а единственной родиной, взял в жены девицу из семейства Стрешневых и пустил здесь корни. Взяток он не брал, и, невиданное дело, отказывался даже от традиционных щедрых подношений по случаю заключения международных дого-

inslav

воров, обладал умом острым и аналитическим. И в то же время он был честолюбив, тщеславен, мстителен, склонен к интриге и нажил себе множество врагов. ("По трупам соперников уверенно и медленно продвигался к власти ...ловкий Остерман", — Н.И. Павленко[9].) Ответственности и связанной с нею кары он боялся в такой степени, что его привычка "заболевать", когда нужно было ставить подпись под "опасной" бумагою или принимать нежелательного посетителя, вошла в поговорку. У него случались даже "провалы в памяти", если вспоминать надлежало нечто из того, что следовало забыть.

Именно Остерман в 1726 г. подал в Верховный тайный совет записку из рода тех, что ныне именуются ситуационным анализом, ратуя за долговременный и прочный союз с Австрией и обосновывая свою точку зрения совпадением интересов двух стран по ряду ключевых проблем. Общность стратегических целей двух империй существовала прежде всего на турецком направлении. За плечами Габсбургской монархии — два века борьбы против османской экспансии в Европе, и в Вене по-прежнему были убеждены: счеты с турками еще не сведены. Даже присяга очередного Римского цесаря содержала пункт о борьбе с "неверными"[10].

Незадачливую Екатерину на троне сменил недоросль Петр II, который с упоением предавался охоте, свора его собак насчитывала 600 голов. К государственным делам он интереса не проявлял, да и годы были не те. Затем произошло сказочное вознесение на престол Анны Иоанновны, жизнь которой прежде складывалась уныло и убого в провинциальной по существу Митаве с постоянными унизительными просьбами о деньгах.

Говорить о государственном кругозоре полуграмотной Анны Иоанновны беспредметно, не то ее интересовало, губернаторы по ее распоряжению занимались поисками карлиц, стариц и шутов поболтливее — монархиня страсть как любила сплетни. Находила царица время и для знакомства с протоколами страшной Тайной канцелярии, куда людей волокли при малейшем оскорблении величества. Анна Иоанновна обладала богатырской статью, твердой рукой и метким глазом. Отсюда — дань охоте. Но, поскольку выезжать в чистое поле и лес было лень, императрица палила из окон дворцов по несчастному зверью, которое тогда водилось в изобилии[11]. Жалко братьев наших меньших, ставших жертвами августейшей Артемиды.

Перемены на троне не влияли на основы внешнеполитического курса. Оно и к лучшему, ибо ничтожества, его занимавшие, могли лишь ставить подпись под бумагой и кругозором не обладали. Но и дела иностранные не остались без руля и без ветрил. Отечественная историография, избавившись от синдрома обязательной сокрушительно-разгромной критики всех деяний самодержавия, обнаружила, что среди "птенцов гнезда Петрова" имелись люди крупного масштаба, способные здраво взвесить государственные интересы России и определить геостратегические направления ее политики.

В июле 1726 г. был подписан союзный договор с Австрией, в котором стороны гарантировали неприкосновенность своих владений. В его "секретнейшем артикуле" предусматривалась взаимная помощь в случае турецкого нападения на одну из держав[12]. Е.В. Анисимов именует договор "осью Петербург—Вена", придавшей устойчивость российской внешней политике.

inslav

Но у оси имелся существенный изъян, затруднявший совместные действия. Императору Карлу VI природа не подарила сыновей, и больше всего на свете он хотел передать свои многочисленные владения дочери Марии-Терезии. Он издал Прагматическую санкцию (1713 г.), закон о нераздельности наследственных земель Габсбургов, каждая из которых лишалась даже формального права отделения. Санкция имела целью укрепить власть и влияние императоров, на что косо смотрели соседи. Четверть века цесарь боролся за ее признание, в основном успешно. Но острие австрийской политики переместилось с Балкан в Центральную Европу, что же касается Турции, то Карл был вполне удовлетворен Пожаревацким миром 1718 г. и стремился избежать новых столкновений.

До поры до времени различие внешнеполитических приоритетов у союзников не сказывалось на их сотрудничестве. Осознание Петербургом первостепенного значения движения на юг не было связано с немедленным его осуществлением, сказывалась необходимость "покоя" после тягот петровского времени. Постоянно отвлекали тревоги на западе.

Задачи на балтийском направлении изменились. Следовало закрепиться на побережье, использовать "окно в Европу" для всемерного развития коммерческих связей, а вместе с ними и производства, обезопасить себя от шведского реванша. Гольштинская авантюра Екатерины I показала всю опасность сползания к войне с Великобританией, Данией и, возможно, Швецией. Поэтому здесь в качестве стратегического вырисовывался оборонительный вариант.

На центральном направлении российская дипломатия выступала против попыток приступить к разделу Речи Посполитой, что могло повести к общеевропейской войне с трудно предсказуемыми последствиями.

Внимание переключилось на юг; государственный интерес требовал возобновить прерванное Прутской трагедией движение к Черному морю. Набеги крымских татар продолжались, южное порубежье жило в условиях перманентного осадного положения и в административном отношении делилось не на уезды, а на полки. Жители соединяли в одном лице хлебопашца и воина. В 1731 г. приступили к сооружению очередной оборонительной засечной черты.

А за спиной повелителя мусульман стоял христианнейший король Франции, претендовавший на гегемонию в Европе в противоборстве с теми же Габсбургами. Колоссальное усиление России при Петре привело к подрыву французского влияния на континенте и прежде всего по всей дуге российского пограничья — в Швеции, Польше и Турции. "Россия в отношении к равновесию на севере достигла слишком высокой степени могущества", — говорилось в инструкции послу И.Ж. Шетарди (1740 г.)[13]. Во имя величия Франции Россию следовало отстранить от европейских дел, а еще лучше — ужать ее до пределов царства Алексея Михайловича. В отпоре галльским притязаниям заключался второй интерес союза самодержавия с Габсбургами, традиционными антагонистами Бурбонов. Лишь в сотрудничестве с ними Петербург мог удержать завоеванные при Петре позиции на Балтике и в Центральной Европе, возобновить движение на юг, и труды Остермана по налаживанию антанты с Австрией по заслугам оценены в последние годы отечественной историографией[14].

Господство в Восточной Балтике удерживалось жестко, вплоть до вмешательства во внутренние дела Польши. Но и мысль о продвижении к мо-

inslav

рю Черному не оставляла умы. "Даже в период мнимого упадка русской внешней политики, — свидетельствует немецкий историк М. Шульце-Вессель, — в Петербурге учились рационально формулировать и отстаивать собственные интересы, политически взаимодействуя с европейской системой государств"[15]. Опасения "с той стороны" насчет российского могущества свидетельствовали о его наличии.

Смерть короля Августа II в 1733 г. вынесла на поверхность польские дела, началось систематическое вмешательство в них соседей, увенчавшееся тремя разделами Речи Посполитой. Т.М. Исламов именует их "международным преступлением", Е.В. Анисимов пишет о позорной роли России в них; "ликвидация суверенного государства есть разбойничья акция", — жестко констатирует Н.И. Павленко. Но он тут же оговаривается: однозначной оценке разделы не поддаются, отмечая положительное значение "вхождения в Россию этнически близких русским украинцев и белорусов"[16].

Касаясь польских сюжетов, следует иметь в виду и другое. Речь Посполитая с готовностью предлагала себя на роль барьера на пути России в Европу. Петр I был лояльным союзником Августа II, выгнал из Польши шведского ставленника Станислава Лещинского, восстановил на престоле своего, как он считал, друга Августа. Признательности, помимо словесной, он не дождался. Варшава уклонилась от гарантии российских приобретений в Прибалтике и сама питала аннексионистские замыслы в отношении Лифляндии, не признала императорского титула царя.

Уход Августа II в мир иной внес большие осложнения в обстановку. Магнаты и шляхта в своем громадном большинстве выступали в поддержку кандидатуры беглого Станислава Лещинского[17], который четверть века сидел на французских хлебах. По причинам, и до сих пор неясным историкам, французы женили 15-летнего Людовика XV на дочери Лещинского, 22-летней Марии, по тогдашним представлениям старой деве. А королеве следовало быть потомком владетельного монарха, а не нахлебника, что придавало дополнительный стимул стремлению Парижа утвердить Станислава на варшавском троне. Возвращение Лещинского на престол означало, по мнению Петербурга, разделяемого Веною, превращение Речи Посполитой во французскую марионетку. Кабинет министров констатировал (июнь 1733 г.): Станислав — "русскому государству отъявленный неприятель, так тесно связан с французскими, шведскими и турецкими интересами, что, кроме злых поступков, ожидать от него ничего нельзя". Императрица Анна Иоанновна обратилась к кардиналу-примасу с посланием, предупреждая его: "...Ни мы, ни другие соседние державы избрания оного Станислава или иного такого кандидата, который в той же депенденции и интересах быть имел ...никогда допустить не можем"[18].

Предупреждение не подействовало. А ведь внемли поляки совету, избери не столь одиозную для соседей фигуру, возможно, российско-польские отношения пошли бы по иному, гораздо менее болезненному для обоих народов руслу. Тревожному сигналу не вняли. Лещинский тайно, переодетый приказчиком, пробрался на родину. 11 сентября 1733 г. на рыцарское коло в Варшаве собрались 60 тыс. конников в блестящих доспехах, а сейм избрал его королем. Сплочению депутатов немало способствовало парижское золото, рассыпаемое перед сеймовыми послами[19].

inslav

Но 4 тыс. раскольников, и среди них фигуры значительные — епископ Познанский, князья Радзивиллы, Любомирские, Сапеги, Огинские, переправились через Вислу и, под сенью 20-тысячной армии фельдмаршала П.П. Ласси, высказались в поддержу кандидатуры саксонского курфюрста Августа[20]. Лещинский "во всякой скорости", как писали русские источники, бежал в Данциг (Гданьск) под защиту крепостных стен и в ожидании фрацузского флота. Тот прибыл, но не в нужном числе кораблей, и быстро покинул балтийские берега. Лещинскому пришлось бежать в Пруссию, переодевшись, для разнообразия, в крестьянскую одежду. И уже делом техники и больших денежных вливаний явилось утверждение Августа III на престоле. Как писал русский посланник Г.И. Кейзерлинг, в Варшаве слова и представления "суть пустые чаши, которые, если золотом не наполнены, у поляков впечатления и звука не производят"[21].

Совсем по-иному протекала война императора Карла VI с французскими и испанскими Бурбонами. Он не нашел поддержки среди германских князей. Владетели Баварии, Майнца, Кельна, Пфальца встали на сторону французов. Те заняли Лотарингию, испанцы вытеснили цесарцев из Южной Италии. Император запросил помощи у союзника, и к Рейну двинулся корпус П.П. Ласси в 20 тыс. штыков и сабель (июнь 1735 г.). Участвовать в боях ему не пришлось, завязались мирные переговоры, в результате которых Карл VI потерял Неаполь и о-в Сицилию, перешедших к испанским Бурбонам.

Война за польское наследство, по словам Е.В. Анисимова, плавно перешла в новое столкновение с Высокой Портой, которая нервно реагировала на упрочение российских позиций в Центральной Европе. Правда, до поры до времени россиянам везло: турки в очередной раз воевали с Персией, бои шли с переменным успехом, и брать на себя бремя нового конфликта они не решались. Везиры изматывали резидентов И.И. Неплюева и сменившего его А.А. Вешнякова бесконечными требованиями вывести российские войска из Польши, ссылаясь на Прутский договор и иные акты. Резиденты имели соглядатаев и в диване, и во французском посольстве, которые, за мзду, держали их в курсе дел. Столкновение удалось отсрочить до 1735 г. В мае месяце Порта предписала крымскому хану двинуться с 70-тысячной ордой через Кавказ в Персию[22]. Конница должна была пройти и по землям российской короны. То была реакция на возврат иранцам завоеванных Петром каспийских провинций, и в то же время — открытый вызов Петербургу.

В августе 1735 г. передовой отряд генерала Леонтьева двинулся к Перекопу, но до места так и не добрался. В октябре полили дожди, потом пошел снег, пало 3 тыс. лошадей, и отряд повернул назад. Еще теплилась надежда, что удастся ограничиться "крымской экспедицией" и избежать столкновения с султанским войском. Остерман в письме великому везиру заверял, что императрица с сожалением применяет силу, но только для того, чтобы добиться прочного мира. Колебания помог преодолеть А.А. Вешняков своими шапкозакидательскими реляциями, в которых он смиренно, но настойчиво подзуживал Анну Иоанновну на "большую войну": "...Теперь турки совершенно другие: сколько прежде они были воодушевлены духом славы и свирепства, столько теперь малодушны и боязливы, все как будто предчувствуют конец своей беззаконной власти, и да сподобит Всевышний ваше величество ее искоренить". "Теперь самое полезное время

inslav

не только к сломлению зверской гордости, но и к окончательному ниспровержению всего этого незаконного сонмища". "Так как Турция находится в крайней слабости, то от вашего величества зависит повелеть войскам своим идти прямо на Константинополь: как скоро они вступят в Буджак, то тамошние татары покорятся, Молдавия и Валахия поднимутся непременно; по переходе через Дунай и овладении магазинами встанет и остальное население, отягченное и разоренное до такой степени, что домов своих отступается; христиане поднимутся по всей Греции; останется напугать Константинополь и заставить бежать султана; для этого достаточно несколько морских судов повесть к каналу* и высадить тысяч двадцать войска..."[23].

Тем горше оказалась действительность.

Весной 1736 г. приступили к осаде Азова. Крепость обложили с суши и моря, и 19 июля комендант, не дожидаясь общего штурма, сдал город на капитуляцию. После этого фельдмаршал Б.Х. Миних возглавил поход на Крым. Перекопские укрепления удалось быстро преодолеть, защищавших их татар частично перебили, частично пленили, войско вырвалось на просторы полуострова, мирное население бежало, оставляя в аулах запасы и пожитки. Миних с удовлетворением извещал Анну Иоанновну: "Мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать". Но благодать длилась недолго. Под Бахчисараем произошло сражение, полгорода сгорело, включая "ханские палаты". Организованного сопротивления степняки не оказывали, но роем вились кругом; они думали, что русские двинутся к Кафе (Феодосии), и на всякий случай выжгли все селения по дороге туда. А Миних, предвидя жару и бескормицу, в конце июля повернул назад, к Перекопу. На военном совете решено было ввиду распространения болезней и нехватки воды и падения конского состава отступать к Днепру, разорив предварительно перекопские укрепления до "подошвы"[24].

На полководца обрушились критики: зачем повел войска на авось, понадеявшись захватить запасы у неприятеля? Почему утомительные марши совершались по дневному зною, а не в ночную или предрассветную прохладу? Зиму Миних провел, отвечая многочисленным оппонентам и оправдываясь.

Первый поиск через Днепр турки учинили в феврале 1737 г., выше Переволочны, разгромили и пленили стоявший там отряд, но были отбиты с большими потерями. Основные военные действия развернулись летом. Российские войска совершили переход через выжженную татарами степь, в пыли и пепле, к Очакову. Военный совет решил брать крепость с ходу, чтобы не позволить неприятелю подвезти подкрепления. 1 июня началась бомбардировка города, не прекращавшаяся и ночью. Запылали пожары. Миних половину своих полков под барабанный бой и с распущенными знаменами подвел под самые стены, — чтобы отвлечь турок от тушения пожаров, что и удалось. И тогда командующий решился на штурм. Наступающие не смогли преодолеть глубокий и широкий ров, со стен на них сыпались пули и камни, полки дрогнули и подались назад.

Далее источники расходятся в описании событий. По одним данным фельдмаршал пришел в отчаяние, шпага выпала у него из рук, и он вос-

---

* Канал — Босфор, Буджак — Южная Бессарабия.

inslav

кликнул "Все пропало!". По другим, человек крутой и жестокий, он велел направить на отступавших свои пушки[25].

Страшный пожар делал свое дело, взорвался пороховой склад, в кромешном аду несколько тысяч пеших и конных турок бросились к морю, чтобы спастись на кораблях, их перехватили и уничтожили, а казаки и гусары ворвались в город, воспользовавшись не запахнутыми в панике воротами. Сераскер выкинул белый флаг, прося пощады. Турки понесли урон в 10 тыс. человек, еще 5 тыс. сдались в плен. Миних отправил в Петербург победную реляцию, а сам отправился вверх по реке Буг. Отошел он всего на 40 верст; солнце жгло, в степи пылали пожары, реки обмелели, вода в них позеленела и стала непригодной для питья. И Миних уже в августе месяце стал распускать армию по частям на зимние квартиры. А в октябре под стенами Очакова появилось турецкое войско, подкрепленное татарами. Гарнизон их атаки отбил, и неприятель отступил от крепости под проливными дождями.

Другой фельдмаршал, П.П. Ласси, кампанию 1737 г. провел в Крыму, ворвавшись туда в начале июля. Близ Карасу-Базара он встретил татар во главе с ханом и обратил их в бегство. Ласси двинулся дальше, разрушая и сжигая, по тогдашнему обычаю, все на своем пути. Действия неприятеля большого урона не наносили, но томили зной, жажда и бескормица для конского состава. В конце июля Ласси повернул обратно, оправдываясь тем, что армию необходимо сохранить.

Союзную Австрию в войну втянули за уши. Император Карл VI был поглощен семейными делами, заботой о передаче наследства дочери Марии-Терезии. В 1736 г. 19-летнюю красавицу выдали замуж за герцога Франца Лотарингского, и отнюдь не против ее воли, своему суженому она отправляла нежные письма (в ожидании жениха она "пребывает в горе, как бедная собачка")[26]. Посланник Л. Ланчинский сокрушался по поводу медлительности цесарцев, а те жаловались на истощение казны, что вполне соответствовало действительности после неудачной для них войны за польское наследство. Лишь в мае 1737 г. императорские войска выдвинулись к границе, а уже в июле Ланчинский бил тревогу — его подопечные "мира алчно желают", с трудом наскребли денег на одну кампанию, да и та обернулась неудачей.

Военные операции развернулись на территории, населенной сербами. Император Карл VI обратился к "турецким христианам", обещая им свободу вероисповедания и привилегии на габсбургских землях, а командование неоднократно издавало манифесты, в которых посулы перемежались с угрозами. Митрополит Нови Пазара Евфимий Дамианович сообщал в Петербург, что сербам предлагали подняться "противу турка под кондициями: послушающим воздаяния милостивого восприятия, непослушающим же — разорение и смерть наряду с неприятелем..."[27].

Восстание охватило Старую Сербию (ныне именуемую обычно Косовым), Северную Албанию (населенную большею частью католиками) и частично Герцеговину. Повстанцам удалось взять Нови Пазар. На войну были брошены сербские граничарские полки численностью в 30 тыс.* Но за первоначальными успехами грянули неудачи, турки зашли в тыл цесарской армии, та отступила и из Косово, и из Боснии, и османы приступили

* Жители так называемой военной границы составляли граничарские полки.

inslav

к расправам. По слухам, император Карл VI в горечи воскликнул: "Неужели принц Евгений унес с собой в могилу счастье моей империи?"[28]

В январе 1738 г. патриарх Арсений Иоаннович извещал царицу: "...Мы с народом нашим пограничным от стран турецких обретающимся, как с оружием, так и с пищею, армее потребною, восстал. И ежели бы изменническим фельтмаршальским обманом и подобных ему прельщены не были, то сами б народы наши в Сербии, Албании и вольные не только из Сербии, Боснии и Албании, но изо всей Македании турок собственным своим оружием турок прогнали. Яко же и нынешней войны бóльшее число турок от оружия сербского, нежели от немецкого пропали". В итоге же сербы "злою и окаянною смертию от турков пострадали", 12 тыс. душ "мужеска и женска пола... иные вырублены, иные же в полон введены"[29].

Иоанновичу вторил митрополит Евфимий Дамианович: 6 тыс. душ его паствы, "от турецкого меча кровию своею защитившеся и избавляшеся, в мнимое утешение цесарских границ прибегохом, иде же скитаемся в крайней бедности, и уже 9 месяц томимы гладом, к смерти зрим прежде времени"[30]. Так что и эмиграция не сулила спасения.

Уже не первая трагедия, связанная с австро-турецкими войнами, привела к горькому разочарованию в державе Габсбургов и усилила тягу сербов к России.

По австрийским настояниям в августе 1737 г. в Немирове открылась конференция, громко названная конгрессом. Российские уполномоченные — а ими были персоны первого ранга, П.П. Шафиров и кабинет-министр А.П. Волынский, — заявили туркам, что, поскольку и в прежних, и в нынешней ссоре повинны татарские народы, то, пока между двумя империями они располагаются, прочного мира не достигнуть. А посему ради водворения спокойствия следует утвердить российскую власть на Кубани, в Крыму и причерноморских землях, "до реки Дуная лежащих". Высокая Порта от указанных владений никакой прибыли не получает, одни убытки терпит. С той же благородной целью следует превратить Молдавию и Валахию в "вольные княжества" под покровительством императрицы, а также удовлетворить притязания цесарской стороны, которые Шафиров и Волынский уточнять не стали[31].

Нечего и говорить, что требования, ни в малой степени не соответствовавшие скромным успехам на поле боя, были турками отвергнуты. А тут еще приспели сведения, что П.П. Ласси оставил Крым. Создается впечатление, что российская сторона выдвинула их в расчете завести конгресс в тупик и заставить своего австрийского союзника продолжать войну. Уполномоченный цесаря граф Остейн гнул свою линию и выдвинул программу, гораздо более умеренную: для России — Очаков, Кинбурн, кубанские и ногайские земли, себе — замирение по принципу ути поссидетис (чем владеешь).

Натолкнувшись на сопротивление, Шафиров и Волынский смягчились, согласившись оставить полуостров Крым Османской империи с тем, чтобы перекопская линия укреплений была срыта. Молдавия и Валахия в новых условиях вообще не фигурировали. Граф Остейн предлагал присоединить к Австрии город Ниссу и часть Сербии. Османские уполномоченные сочли неуместным даже приступать к обсуждению этих положений и 10 октября покинули Немиров[32].

inslav

В Петербурге стали готовиться к кампании 1738 г. Сложилась она совсем уж неудачно. В июне месяце армия переправилась через реку Буг и двинулась к Днестру, имея по пути схватки с турецко-татарским войском под командованием аккерманского паши. Но не враг остановил продвижение, а заразные болезни ("моровая язва"), косившие солдат и офицеров. "Нет ни кормов в достаточном количестве, но везде глухие и пустые горы и буераки, — жаловался Миних, — а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, и потому нельзя знать подлинно, где достать воды и фуражу и миновать трудных дефилей"[33]. Началось отступление со всеми сопутствующими бедствиями. Ядра топили в Днестре, пушечные лафеты разбивали на куски и бросали на дорогах. Из Очакова и Кинбурна, ставших очагами заразы, вывели остатки гарнизонов, предварительно разрушив стены крепостей.

Не улыбнулась удача и фельдмаршалу Ласси. Его корпус перешел через Сиваш и добился капитуляции защитников Перекопского вала. Но идти в глубь полуострова Ласси не решился: татары заманят в безводные степи, где солдаты и офицеры найдут смерть от жажды, а конский состав падет от бескормицы.

Император Карл потерял к войне всякий интерес. Он чувствовал приближение смерти, и все его помыслы были направлены на то, как передать дочери Марии-Терезии "австрийское наследство" в целости и сохранности. Началось вымогательство российской помощи, и немалой: требовали предоставить вспомогательный корпус в 20 тыс. человек, который, вопреки обыкновению, отказались содержать на австрийский счет. Правда, до отправки войск дело не дошло. Союзная армия проиграла все сражения, и Вена пошла на мировую.

Кампанию 1739 г. российские войска фактически вели в одиночку, цесарцы терпели сплошные неудачи, "увенчавшиеся" сдачей Белграда. Османы торжествовали и предавались бахвальству, а "мужи пера" запечатлевали их подвиги в повествованиях о битвах: "враги стали добычей меча правоверных, а те, кто избег избиения, удирали в страхе"; "много храбрых мусульман, мужчин и женщин, покинули сию юдоль слез и отправились в мир иной" вкушать там "сладкий щербет мученичества"[34].

Российское командование наконец-то решило нанести главный удар в балканском направлении. Миних переправил армию через Днестр и подошел к крепости Хотин. Невдалеке, у местечка Ставучаны, он встретил сераскера Вели-пашу с 90-тысячным войском. Турки занимали позиции, представлявшиеся неприступными: впереди — речка с болотистыми берегами, по правую руку — поросшая густым лесом гора, слева — глубокие буераки, сзади — крепость.

Миниху оставалось атаковать неприятеля по фронту. Он одержал победу и обратил неприятеля в бегство при минимальных потерях со своей стороны — 100 человек убитыми и ранеными[35]. Явственно проявилось превосходство по-европейски обученной регулярной армии над средневековым войском. Гарнизон крепости Хотин сложил оружие.

На молдавской земле российских солдат встретили как освободителей. Еще раньше, в 1737 г., высшее духовенство и бояре княжества обратились к Анне Иоанновне, прося избавить их "от тяжкого и тиранского ига турецкого" и привести в российское подданство. Османы замучили их

inslav

"суровостью варварскою, ругая чистую и непорочную нашу православную веру, и другими тягчайшими и несносными утеснениями"[36].

Делегация бояр и церковного клира встретила Б.Х. Миниха на берегу реки Прут, в тех местах, где произошла трагедия 1711 г., и вручила командующему петицию царице: "Мы себя повергаем в высочайшую вашего императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни, протекцию и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем".

Впервые после Прутского похода россияне пришли в соприкосновение с "турецкими христианами" и убедились, что имеют в их лице прочную опору. Миних высказал царице свои соображения: "Понеже здешняя молдавская земля весьма преизрядная и не хуже Лифляндии, и люди сей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию со слезами, и поэтому весьма потребно эту землю удержать..."[37]. Осуществить высказанные в петиции пожелания оказалось за пределами возможностей царской власти.

В армию пришло, по словам Миниха, "нечаянное и печальное" известие о заключении австрийцами с турками "мира стыдного и весьма предосудительного". Посланник Л. Ланчинский не сумел воспротивиться "мирной негоциации", и в своих депешах изъяснялся отнюдь не дипломатическим языком: "Вскрылось зело гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попрана"[38]. Австро-турецкая сделка завершилась подписанием мира, по которому Вена рассталась со своими владениями в Валахии и Сербии.

Дезертирство союзника с поля боя и нависавшая угроза столкновения со Швецией побудили Петербург спешить с заключением мира. По причинам, которые умом не понять и аршином здравого смысла не измерить, переговоры с Высокой Портой в качестве посредника поручили вести французскому послу в Стамбуле Л. Вильнёву, который свел итоги долгой, трудной и под конец победоносной войны почти что к нулю: Россия вернула себе Азов, но без права укреплять его; земля к югу от крепости, гласил Белградский трактат, "имеет остаться пустая и между двумя империями бариерою служить будет". Особо оговаривалось, "чтобы Российская держава ни на Азовском, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла"[39]. Россия застряла у азовского мелководья, не имея права спустить на воду даже шлюпку.

Минусы четырех изнурительных кампаний игнорировать нельзя. Воинских лавров ни Миних, ни Ласси себе не завоевали, Крымский полуостров не сумели удержать, крепости Очаков и Кинбурн были оставлены из-за трудности их удержания. Подписанный мир наводил на уныние. Миних назвал его "срамным", по меланхоличному замечанию С.М. Соловьева, Россия заплатила жизнью 100 тыс. солдат за срытие азовских укреплений[40]. Задачи, стоявшие перед страной, — добиться прекращения набегов крымской конницы, обеспечить выход к Черному морю и свободу судоходства по нему, были отложены в долгий ящик. Зато Вильнёв позаботился о французских интересах — по ферману 1740 г. султан передал заботу о христианских святынях в Палестине католическому духовенству*.

---

* О дискуссии и Святых местах на Карловицком конгрессе см. С. 50.

inslav

Оставалось сделать хорошую мину при плохой игре. 14 февраля 1740 г. состоялись торжества по случаю заключения мира. Императрица в богатой робе, с украшенной бриллиантами короной на голове, в сопровождении "его великокняжеской светлости герцога Курляндского" (т.е. фаворита Э.И. Бирона) прошествовала в храм. Выстроенными на плацу войсками командовал его брат, генерал Г. Бирон. От лица дворянства выступили Р. Левевольд и генерал фон Либрас. Поскольку церемония происходила все же на русском языке, речи произнесли князь А.М. Черкасский и А.П. Волынский, а преосвященный Амвросий Вологодский произнес проповедь.

Л. Вильнёву за его услуги предложили вексель на 15 тыс. ефимков (иоахимсталеров), а "сожительнице его, посольше" послали перстень с бриллиантами. А.А. Вешняков вполне справедливо признавал: нельзя требовать от француза, чтобы тот российские интересы ставил выше турецких. Зачем же Вильнёву поручили вести переговоры? Много загадок таит в себе российская история...

Э.И. Бирон в каком-то смысле фигура непонятная. России он не знал, языка ее не потрудился изучить. Обычно человек, попадавший "в случай", взмывал вверх по лестнице чинов и званий. У Бирона — все не так. Он стал графом Священной Римской империи германской нации, в 1737 г. хлопотами Анны Иоанновны занял престол Курляндского герцогства. Он имел придворное звание обер-камергера, но на российской государственной службе вообще не состоял, ни одним поместьем, ни одним дворцом в России не обзавелся. Немалые средства от милостей царицы он вкладывал за рубежом. И случайный прохожий в российской истории превратился во всесильного временщика.

Анна Иоанновна считала Россию чем-то вроде огромного имения, в которое приказчика можно назначать по своему желанию. Поэтому, уже лежа на предсмертном одре, она определила Бирону быть регентом. Рыдавшему у ее постели любимцу она молвила: "Не бось".

Падение нравов было такое, что текст указа о регентстве сочинил выдающийся дипломат Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. "Курлянско-брауншвейгский табор, собравшийся на берегах Невы дотрепывать верховную власть"[41], торжествовал. 17 октября 1740 г. императрица скончалась.

И все же годы правления Анны (точнее — ее пребывания на престоле) нельзя считать пропащими и вычеркнуть их из истории. Известный знаток XVIII в. Е.В. Анисимов пишет: "В аннинское время корабль империи, раздув под свежим ветром паруса, мчался вперед петровским курсом"[42]. Пожалуй, налет эмоции в оценке ощущается. Накал реформ спал, да и страна не выдержала бы прежней интенсивности в их осуществлении. Внешняя политика утратила присущий ей прежде динамизм, но избавилась от некоторых петровских "излишеств" в Прикаспии и Германии. Несмотря на соперничество и дрязги в верхах, неудачи, даже крупные, во внешней политике (война с Турцией), страна мужала и крепла. Шведский риксдаг был серьезно озабочен тем, как бы "российскую великую силу сократить"[43]. Французский король Людовик XV перешел к систематическому подрыву позиций России в Европе, ибо она "в отношении равновесия на севере достигла слишком высокой степени могущества"[44]. Сила рождала противодействие, облака конфликтов над континентом не рассеивались.

inslav

[1] *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. М., 1997. С. 58.
[2] *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С. 110; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике, 1725–1739. М., 1976. С. 57–73.
[3] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 10. С. 35.
[4] *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С. 114–115.
[5] *Анисимов Е.В.* Женщины... С. 35, 56; *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 152.
[6] *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С. 61, 95, 104.
[7] Там же. С. 107, 122; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 243, 67.
[8] *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С. 307.
[9] *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 312.
[10] *Bain R.N.* The daughter of Peter the Great. St. Clair Shores, 1969. P. 110; *Крылова Т.К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 253.
[11] *Анисимов Е.В.* Женщины... С. 110. Для справки: в 1739 г. Анна Иоанновна застрелила 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабанов, 1 волка, 374 зайца и 608 уток. Такой добыче может позавидовать иной промысловик.
[12] *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С. 97–102; *Анисимов Е.В.* Женщины... С. 124.
[13] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 10. С. 651.
[14] Там же. С. 262; *Анисимов Е.В.* Женщины... С. 119.
[15] Польша и Европа в XVIII в. М., 1999. С. 8.
[16] *Анисимов Е.В.* Женщины... С. 360–361; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 290–291.
[17] *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С. 216.
[18] *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С. 396; *Соловьев С.М.* История России... Кн. 10. С. 332.
[19] История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 256.
[20] *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С. 399–400; *Соловьев С.М.* История России... Кн. 10. С. 347.
[21] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 11. С. 366–367.
[22] Там же. С. 382.
[23] Там же. С. 406–407.
[24] Там же. С. 308–309.
[25] *Russel F.* Russian wars with Turkey. L., 1877. P. 21.
[26] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 10, С. 411–413; *Whitman S.* Austria. L., 1898. P. 233.
[27] *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С. 420; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 105, 104.
[28] *Whitman S.* Op. cit. P. 295.
[29] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 98.
[30] Там же. С. 98–99, 106.
[31] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 10. С. 420; *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С. 258.
[32] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 10. С. 423–425.
[33] Там же. С. 428.
[34] *Whitman S.* Op. cit. P. 296; History of the war in Bosnia in the years 1737–1739. L., 1830. P. 19.
[35] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 10. С. 443.
[36] *Виноградов В.Н., Семенова Л.Е.* Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII – начале XIX в. // Балканские народы и европейские правительства. М., 1982. С. 21–22.
[37] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 10. С. 454.
[38] Там же. С. 459.
[39] *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 31, 34.
[40] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 10. С. 649.
[41] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 110.
[42] *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С. 441.
[43] *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С. 19.
[44] *Соловьев С.М.* История России... Кн. 10. С. 141.

inslav

Елизавета Петровна и Мария-Терезия на крутых виражах европейской политики

Ситуация сложилась глубоко драматическая и в то же время фарсовая. Трон заняли потомки хилого телом и умом царя Ивана Алексеевича. Императором провозгласили младенца Иоанна Антоновича Брауншвейгского, правнучатого племянника великого Петра. У престола копошился разноплеменный муравейник слетевшихся в Россию любителей наживы. Обойденной оказалась родная дочь преобразователя, цветущего возраста и редкой красоты цесаревна Елизавета, притом что прецедент женского царствования уже состоялся. Положение представлялось одиозным даже многим иностранцам, достойно служившим стране, которая для них стала новой родиной. Долго так продолжаться не могло.

Э.И. Бирон сознавал, сколь непрочно его положение, и начал с милостей — издал указы о строгом соблюдении законов, о суде правом, беспристрастном и бескорыстном, освободил от наказания людей, не совершивших тяжких преступлений, снизил подушную подать за 1740 г. на 17 коп., проявил заботу о солдатах — часовым велено было выдавать полушубки, дабы они не мерзли в великие морозы, всем на удивление регент выступил против роскоши, предписав шить камзолы из сукна не дороже 4 руб. за аршин. Никто не обратил внимания на эти жесты, у всех на уме было — что же, иноземец и иноверец будет управлять Россией 17 лет, до совершеннолетия Иоанна? Гвардия роптала. Особо невоздержанных на язык хватали и били кнутом в застенках Тайной канцелярии. Жалкая уловка — всех не накажешь. Антон-Ульрих Брауншвейг-Бревернский и Анна Леопольдовна затаились в злобе: их отстранили от власти.

8 ноября 1740 г. фельдмаршал Б.Х. Миних вечер провел у регента, а затем занялся "чрезвычайным ночным предприятием". В 2 час. пополуночи он вернулся в Летний дворец в сопровождении 80 солдат и офицеров. Герцога с супругой они застали мирно спящими в спальне. Бирон со страха пытался заползти под кровать, солдаты его схватили, засунули ему в рот кляп и для скорости закатали в одеяло. Утром чету переправили в Шлиссельбургскую крепость, а победители принялись делить места у трона. Ненасытный честолюбец Миних (фельдмаршал, подполковник Преображенского полка, директор Шляхетского корпуса, управляющий Ладожским каналом и прочая) хотел бы заделаться генералиссимусом. С мечтой пришлось расстаться: на тот же чин претендовал герцог Антон-Ульрих; Миних удовольствовался должностью первого министра; чтобы не обидеть вполне сухопутного А.И. Остермана, его сделали генерал-адмиралом,

inslav

должность оказалась вакантной. 20 ноября вышел "указ" младенца Иоанна: "Любезнейшему нашему государю-родителю быть генералиссимусом..."[1]. Все это походило на дурной сон. Анна Леопольдовна, провозглашенная правительницей, неряха и лентяйка, проводила целые дни в личных покоях в обществе фрейлины Юлии Менгден. Принц Антон-Ульрих и Остерман интриговали против Миниха, тот, убежденный в своей незаменимости, подал заявление об отставке, явно чтобы выйти из игры победителем и утвердиться у власти. Но... последовал "указ" годовалого Иоанна: прошение "генерал-фельдмаршала графа фон Миниха удовлетворить за старостью и по причине одолевающих его болезней". Казалось бы, непотопляемый Остерман вновь всплыл на поверхность. Но только казалось. Долго так продолжаться не могло. Взоры обращались к великой княжне Елизавете, которая жила в атмосфере унижения, тревоги и надежды.

Цесаревна прошла через трудные испытания. При Анне Иоанновне — десять лет под гнетом страха, как бы с ней не расправились. "Сестрица-государыня" следила за каждым ее шагом, под видом смотрителя за домом к ней подселили шпиона. Наружно она держалась покорно, письма императрица заканчивала заверением — "вашего и.в. покорная раба Елисавет". Исчезла шаловливая и ветреная юная красавица. При "брауншвейгцах" Миних приставил к ней соглядатая "в безызвестный караул"[2]. На официальных церемониях Елизавета появлялась величественной, прекрасной, печальной, контрастируя с мужиковатой Анной Иоанновной, привлекая умы и сердца.

Самолюбие цесаревны задевалось постоянно. Ей определили содержание, хотя и немалое (50 тыс. руб. в год), но не сравнимое с тем, что предоставлялось родителям императора (по 200 тыс.). Елизаветин двор привык жить разгульно, одного вина выпивалось 600 ведер в месяц. Из долгов она не вылезала, и запросила 32 тыс. на их покрытие; ей не поверили, произвели дознания — долгу оказалось 43 тыс.[3]

Но главное, что над нею довлело — постоянный страх за будущее, попранная гордость и вера в то, что ей, дочери великого Петра, а не выходцам из немецкого захолустья, надлежит занимать престол. Елизавета охотно и не без задней мысли общалась с гвардейцами, слыла своей в их казармах, крестила солдатских детей. Злые языки твердили, что она устраивает ассамблеи для преображенцев.

А тут появился доброжелатель из-за рубежа в лице французского посла маркиза И.Ж. Шетарди. Потерпев фиаско в попытке посадить своего ставленника на польский трон, Париж занялся поисками ненасильственных методов воздействия на Россию. В инструкциях дипломату указывалось: Елизавета — единственное лицо, с помощью которого можно свергнуть "немецкое правительство" и в дальнейшем оттеснить Россию на восток. Шетарди явился в Петербург в сопровождении 12 секретарей, 50 слуг и обоза с шампанским (50 тыс. бутылок!), приучив к нему русский двор, ранее употреблявший венгерское. Француз сумел войти в доверие к царевне. Елизавета намекала — не худо было бы получить 100 тыс. руб. для раздачи нужным людям[4]. Дипломат не ответил отказом, хотя и не спешил развязывать кошелек. В конфиденцию вступил и шведский посланник Э.М. Нолькен, обещавший нечто бóльшее, чем деньги, — содействие своей армии для воцарения Елизаветы. Момент для соблазна был выбран удачно: раздираемое интригами, слабое, презираемое правительство, ро-

inslav

пот в гвардии, взоры устремлены к цесаревне. Елизавета благосклонно внимала речам дипломатов, но, когда те предъявили счет, она оробела: у нее потребовали оплатить услуги шведской армии российской территорией. Притязания Елизаветы Петровны на трон были восприняты как счастливый шанс на то, чтобы заставить Россию отказаться от петровских завоеваний в Прибалтике. Шетарди и Нолькен настаивали на получении письменного обязательства цесаревны; по словам американского ученого Р.Н. Бейна, они хотели "вновь погрузить Россию в первобытное варварство"[5]. Шантажисты натолкнулись на сопротивление: принцесса шла на значительные финансовые уступки, на предоставление Швеции ежегодной субсидии, на выгодный для нее торговый договор, но дело отца разрушать не желала, и подписывать испрашиваемые у нее обязательства отказалась. Шетарди в погоне за успехом своего предприятия обогатил дипломатическую практику новым приемом: не раз он, притаившись за кустами и вооружившись бумагой с текстом, чернильницей и пером, подстерегал Елизавету на прогулке, чтобы выманить ее подпись. Не вышло.

Шведы пошли дальше и спровоцировали войну с Россией (июль/август 1741 г.) под предлогом, который Бейн именовал "в высшей степени фривольным", хотя точнее назвать его фарисейским: одной из целей войны объявлялось стремление "избавить достославную российскую нацию... от тяжелого иноземного притеснения и бесчеловечной тирании"[6], как будто иноземцы сгинули бы в случае потери Россией Прибалтики!

Правительство решило отправить на фронт против шведов гвардию и одним выстрелом убить двух зайцев — дать отпор врагу и удалить из Петербурга недовольную и опасную для него воинскую силу. Избалованные гвардейские офицеры роптали и торопили Елизавету — как бы не упустить случай. А та спешно и с большим трудом собирала деньги: Шетарди выдал ей всего 2 тыс. червонных. Царевна робела; она была популярна всего больше в солдатской среде; по словам С.М. Соловьева, она не имела под рукой таких отчаянно и бесшабашно храбрых офицеров, каких имела, например, Екатерина II в лице братьев Орловых.

23 ноября у Елизаветы состоялся неприятный разговор с правительницей по поводу ее связей с Шетарди. Дальше медлить становилось опасно. В ночь с 25-го на 26-е цесаревна, помолившись, обшарив шкатулки, в которых наскребла 300 червонных, надела поверх платья кирасу, взяла с собой крест и, в сопровождении группы гвардейцев, отправилась к преображенцам.

Предупрежденная заранее гренадерская рота полка встретила ее в полной готовности. На призыв Елизаветы солдаты ответили со всей бодростью: "Мы готовы их всех перебить!" Царевна просила их не столь усердствовать и не омрачать дело кровью. Единственному дежурному офицеру, разбуженному шумом, предложили продолжать отдых. По пути, по Невскому проспекту, арестовали Миниха, Остермана и еще нескольких близких к правительнице лиц. Недалеко от Зимнего дворца Елизавета вышла из саней, но запуталась в собственных юбках и завязла в глубоком снегу. Молодцы-гренадеры подхватили ее на руки и внесли во дворец. Охрана немедленно перешла на ее сторону. Анну Леопольдовну застали в постели вместе с фрейлиной Юлией Менгден. Все семейство взяли под стражу[7].

Шетарди мирно почивал в ночь с 25 на 26 ноября в своей резиденции, что не помешало ему впоследствии приписать себе решающую роль в событиях. В западной литературе до сих пор гуляет пущенная им в ход ми-

inslav

фическая версия происшедшего: «Возведя на престол Елизавету, французы рассчитывали отстранить от русского двора как советников немецкого происхождения ...так и "габсбургскую партию"»[8].

На поверхностный взгляд переворот отдавал чем-то опереточным: 308 солдат (и ни одного офицера!), из которых к дворянам принадлежала едва пятая часть, ни одного выстрела, ни единой жертвы — и свергнут режим! На самом деле он имел глубокий смысл: устранялась чуждая стране и глубоко равнодушная к ее нуждам Брауншвейгская династия, престол заняла женщина, с которой россияне связывали большие надежды. Отсюда — поддержка со стороны всех слоев общества.

От мести царица не удержалась. Расправа с Минихом, Остерманом и прочими, не сумевшими оценить шансы Елизаветы на престол, последовала скорая и свирепая. Их приговорили к смерти, и 18 января 1742 г. повели на казнь. Остерман идти не мог, его везли на телеге, запряженной клячею. Старика внесли на эшафот на руках, сорвали с него парик и лисью шубейку, положили его голову на плаху. Палач полез за топором, хранившимся, по обычаю, в мешке, сшитом из медвежьей шкуры. У эшафота стояла кучка измученных допросами "заговорщиков" (пыткам их не подвергали). И тут вестник зачитал указ императрицы, заменявший казнь на вечную ссылку. Все поплелись в темницу. Выделялся один фельдмаршал Б.Х. Миних: в парадной шинели, при орденах, гладко выбритый и надушенный, в напудренном парике. На обратном пути он вынул из кармана кошелек и раздал конвоирам золотые[9].

Рота преображенцев, произведшая переворот, впредь именовалась лейб-компанией. Гренадер Елизавета наградила по-царски: все они получили потомственное дворянство, их наградили деревнями и крепостными, капитан-поручика приравняли по званию к полному генералу, прапорщиков — к полковникам, капралов — к капитанам.

Заботы обступили новую императрицу со всех сторон. Продолжалась война со Швецией, предстояли неприятные объяснения с Шетарди. А Коллегия иностранных дел оказалась обезглавленной со ссылкой Остермана. По счастью, быстро нашлась замена в лице Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Он стал управлять внешними делами сперва как вице-, а потом как великий канцлер. А крепкая рука и умение маневрировать были ох как нужны во время охватившего Европу катаклизма, известного как война за Австрийское наследство (1740—1748)[10].

На фронте в Финляндии против шведов происходили чудеса. Армия Карла XII слыла чуть ли не лучшей в Европе; теперь же войска фельдмаршала П.П. Ласси одерживали победу за победой. В короткой кампании 1741 г. пала крепость Вильманстранд и сдался в плен командир корпуса генерал Врангель.

И.Ж. Шетарди, представлявший в Петербурге шведские интересы, очутился в неприятном и даже глупом положении: по предписанию Парижа, ему следовало добиться у победоносной российской стороны уступок в пользу терпевших поражения шведов, Маркиз стал жертвой собственного безудержного бахвальства; в Тюильрийском дворце уверовали, что он — душа переворота, и пришло время требовать оплаты за оказанную Елизавете Петровне услугу.

Людовик XV проявлял полную политическую слепоту; король и посредственности, его окружавшие, "не понимали, как велики перемены,

inslav

происшедшие в России, не сознавали, что она превратилась в великую державу". Явный промах был допущен в оценке личности Елизаветы Петровны: Шетарди воображал, что сможет "манипулировать женщиной, плохо приспособленной к решению государственных дел, в действительности же ему пришлось иметь дело с российской императрицей, убежденной в собственном величии и согласной доверять правление лишь тем, кто разделяет это ее убеждение"[11]. Шетарди пострадал от собственного самовозвеличения и потерпел полный провал, столкнувшись с реалиями. Он понимал нелепость выдвинутого шведским командующим генералом К.Э. Левенгауптом требования — вернуть все завоевания Петра I, но в Париже пребывали в эмпиреях. Маркиз получил нагоняй от начальства: король Людовик XV "всегда желал переворота в России только как средства облегчить шведам исполнение их намерений, и если этот переворот произвел противное действие, то надобно жалеть о трудах, предпринятых для его ускорения". Шетарди пришлось зачитывать Елизавете полученную им наглую и оскорбительную для нее инструкцию: "Швеция взялась за оружие как для получения удовлетворения в обидах, нанесенных ей прежним немецким правительством России, так и из желания возвратить себе прежние провинции". Людовик соглашался "умерить шведские претензии", но настаивал на том, что "надобно чем-нибудь пожертвовать". Императрица отвечала с достоинством: иностранная принцесса (то бишь Анна Леопольдовна) предпочла войну унизительным уступкам; негоже ей, дщери Великого Петра, соглашаться на условия, "противоречащие столько же благу России, сколько и славе ее отца"[12].

Переговоры с Бестужевым Шетарди начал с попытки подкупа вице-канцлера, предложив ему ежегодную пенсию в 15 тыс. ливров. Он получил отказ и услышал, что ни пяди земли шведы не получат. А тут приспели новые российские победы. В июне 1742 г. шведы, при подходе войск П.П. Ласси к Фридрихсгаму, подожгли крепость, а сами отступили к Гельсингфорсу. Фельдмаршал отрезал им дальнейший путь отступления на Або, тогдашнюю столицу Финляндии. Окруженная неприятельская армия (17 тыс. штыков) сдала Гельсингфорс на капитуляцию, получив право выхода из города, но без пушек. Крепость Нейшлот пала без сопротивления. Россияне пересекли Финляндию и вышли к берегам Ботнического залива.

В Стокгольме отозванного с фронта Левенгаупта судили, приговорили к смерти и расстреляли. Вымогать что-либо у России стало беспредметно. Шведы пошли на последнюю уловку. Елизавета, подобно своему отцу, придавала большое значение династическим связям. Риксдаг выразил желание избрать крон-принцем Карла-Петера-Ульриха Гольштинского, внука Петра I. По прихоти судьбы, это хилое создание приходилось внучатым племянником Карлу XII. Императрица отказалась выпустить племянника, уже привезенного в Петербург и нареченного великим князем Петром Федоровичем. Она предложила иную комбинацию — назначить наследником шведского престола другого Гольштинского принца, Адольфа-Фридриха, брата ее пригожего жениха Карла-Августа, скончавшегося в России от оспы. Водворение того в Стокгольме обошлось российской казне недешево: 50 тыс. руб. "на дорогу", 120 тыс. — "на обзаведение", плюс солидный пансион. Когда же прусский король Фридрих II пристроил ему в супруги свою сестру, властную Луизу-Ульрику, планы особых отношений со шведской короной разлетелись прахом[13].

inslav

По миру, заключенному в Або 19 августа 1743 г., Швеция уступила города Фридрихсгам, Вильманстранд и Нейшлот с окрестностями.

Российско-шведское столкновение происходило на фоне общеевропейского пожара, войны за Австрийское наследство.

Не успели дворы снять траур по императору Карлу VI, скончавшемуся в октябре 1740 г., как обнаружился провал его многолетних усилий по обеспечению нераздельности владений Габсбургского дома (Прагматическая санкция). Молодой прусский король Фридрих II отказался ее признать. Впору было вспомнить совет Евгения Савойского, обращенный к покойному монарху: следует не бумаги с высокими подписями и печатями коллекционировать, а держать наготове войско в 180 тыс. штыков.

Фридрих II предложил передать ему за 2 млн талеров богатую и плодородную Силезию, обещая тогда и санкцию признать.

Такого нахальства Европа не ждала. Пруссия — небольшое королевство с разбросанными по всей Германии владениями, в которых проживали всего 2,4 млн человек. Королевством долго управлял скопидом, скряга и солдафон, Фридрих-Вильгельм I, прозванный "коронованным фельдфебелем". Со старшим сыном он жил не в ладах: принц увлекся идеями Просвещения. Вместо того чтобы проводить вечера в клубах табачного дыма за кружкой пива в обществе буршей, он снимал ботфорты, обряжался в роскошный французский халат, читал французских философов и играл на флейте, что не мешало ему муштровать вверенный ему пехотный полк. Фридрих-Вильгельм оставил наследнику набитую казну и 80-тысячное войско. Дворам стали известны его предсмертные жалобы: ветреник все растратит, все пустит по миру. Опасения обернулись заблуждением — на престол в Берлине вступил великий полководец.

В Вене в ответ на притязания Фридриха фыркнули: по древнему обычаю курфюрст Бранденбургский занимал должность обер-камергера императорского двора; молодому человеку следует рукомойник кайзеру подносить, а не претензии выдвигать. Молодой король, получив отказ со стороны Марии-Терезии, пустил в ход силу. 16 декабря 1740 г. 30 тыс. пруссаков вторглись в Силезию и, действуя словно на плацу — одна шеренга палила и отбегала назад заряжать ружья, другая палила... — стали одерживать одну победу за другой. К весне следующего года вся провинция перешла в их руки.

Успехи Фридриха взбаламутили Германию, всяк норовил отхватить себе кусок, с претензиями на Австрийское наследство выступили Бавария, Саксония*, курфюрсты Кёльнский и Пфалцский. Баварский герцог Карл-Альберт как зять императора Иосифа I претендовал на имперскую, а заодно и богемскую (чешскую) корону, Тироль и верхнюю Австрию, Саксония — на Верхнюю Силезию.

Удобный случай для сведения счетов с Габсбургами не хотели упускать французские и испанские Бурбоны, уже находившиеся в войне с Великобританией. Заветы Людовика XIV — захватить, в дополнение к Лотарингии, Фландрию и Брабант и выйти на границу по течению Рейна — не предавались забвению. Престарелый первый министр, кардинал А.Э. Флери, держался осторожно, но влияние на короля Людовика XV придворной клики возобладало, а дочь, инфанта Испании, требовала наде-

* Позднее саксонский курфюрст перешел на сторону Австрии.

inslav

ла в Италии. С притязаниями на австрийские земли на Апеннинском полуострове выступил Пьемонт.

4 марта 1741 г. армия французского маршала Л.Ш. Бель-Илля переправилась через Рейн, вступила в Германию и объединила свои силы с баварскими. Бель-Илль занял Линц. В ночь с 25-го на 26-е ноября солдаты из полков Морица Саксонского (тогда — на службе Людовика XV) взобрались на стены Праги. Город — в их руках. Полное торжество франко-баварской коалиции — курфюрст провозглашен чешским королем.

Иную позицию заняла Великобритания. Престол в Лондоне в 1714 г. заняла немецкая Ганноверская династия, что предвещало британцам немалые хлопоты. Король Георг II в качестве курфюрства Ганноверского уделял большое внимание континентальным делам. Вступление в войну Франции, с которой Великобритания уже сражалась на морях, создавало прямую угрозу Ганноверу. Нечего было и думать, что герцогство отобьется собственными силами от галлов. Англичане занялись поисками союзников. Несмотря на всякие тактические маневры, рано или поздно, они должны были примкнуть к австрийской стороне.

В отчаянной ситуации Мария-Терезия отправилась на коронацию в Венгрию. Кортеж судов плыл по Дунаю, она и свита — в одеяниях венгерских национальных цветов: красном, белом, зеленом. На пристани в Пожони (Пресбурге, ныне — Братиславе) ее ожидала пышная и в то же время теплая встреча. 24-летняя женщина в расцвете молодости, красоты и материнства с 6-месячным младенцем Иосифом на руках внушала всем симпатию. Раздавались возгласы: "Эльен, Мария-Терезия!" Церемония коронации состоялась 25 июня 1741 г. в соборе Св. Мартина: в окружении высшего духовенства и раззолоченной знати Марию-Терезию провозгласили королем (!!), как то предписывали законы страны, а не королевой. Она произнесла клятву на латинском языке, тогда официальном языке государства.

Но главное произошло позже, 11 сентября, на заседании всех сословий. Королева, вся в черном, с государственным мечом у пояса, прошла между рядами, воссела на трон и обратилась к собравшимся со страстной речью. "Покинутая всеми", она воззвала к испытанной верности и отваге мадьяр: в смертельной опасности само существование ее земель, ее детей, ее короны. Присутствующие взволнованы. Дворяне — все в украшенных позументами доломанах и ментиках, вскакивали с мест, стучали саблями о пол с криком: "Отдадим жизнь и кровь свою за короля (!) Марию-Терезию".

Государственное собрание преподнесло ей 100 тыс. гульденов в виде коронационного дара, постановило снарядить 13 пехотных полков общей численностью в 30 тыс. штыков, дворяне сформировали гвардейский конный полк, хорваты и славонцы послали в битву свои традиционные воинские формирования[14]. Мария-Терезия никогда не забывала оказанной ей услуги и жила в мире и согласии с гордым и строптивым мадьярским дворянством.

В начале 1742 г. австрийцы перешли в наступление, освободили Линц, вытеснили неприятеля из своих земель, вторглись в Баварию, взяли Мюнхен; баварцы в беспорядке отступили, побросав на поле боя пушки, знамена и обозы. Курфюрст Карл-Альбрехт, он же "чешский король", ударился в бега.

inslav

Для развития успеха следовало разъединить неприятелей; Мария-Терезия решилась на сделку с самым страшным из них, Фридрихом II. Не обремененный совестью, он покинул своих союзников: по сепаратному миру с Австрией он получил "на вечные времена и в полный суверенитет" Силезию и графство Глац с населением в 1,2 млн человек.

Маршал Белль-Илль очутился в ловушке в Праге. Пользуясь беспечностью осаждавших, он вывел из города 15 тыс. своих солдат, побросав раненых. Отступающие продирались с топорами через леса, страдали от холода и голода, оставляя сотни мертвых на дорогах. Маршал покинул Францию с 40-тыс. хорошо вооруженной и экипированной армией, а вернулся с 8-тыс. утомленных, изможденных и израненных солдат и офицеров[15].

Нельзя пройти мимо еще одного события 1742 г.: 12 февраля бежавший из своих владений баварский герцог Карл-Альбрехт добился осуществления своей мечты — короновался во Франкфурте-на-Майне как император Священной Римской империи германской нации. Французы уговорили большинство курфюрстов проголосовать за него[16]. Болезни одолевали нового кайзера, он не смог даже преклонить колени перед алтарем, но тщеславие его снедало. Мария-Терезия объявила избрание не имеющим силы. По злой иронии судьбы в самый день торжества венценосного беглеца австрийцы вошли в Мюнхен.

1743 год начался благоприятно для венгерской королевы: в феврале ее генералы разбили испанцев в Италии. В апреле она прибыла, в Прагу на коронацию. Чешская знать, увенчавшая ранее короною узурпатора Карла-Альбрехта Баварского, пребывала в смущении. Мария-Терезия не удержалась от колкости, канцлеру Ф. Кинскому она сказала: "Ваша богемская корона смахивает на шутовской колпак". А тут пришла весть, что Карл Лотарингский разбил баварцев и имперскую армию (т.е. войска Карла VII). Вконец перепуганный кайзер объявил нейтралитет. Великобритания выступила на стороне Австрии, король Георг II лично возглавил так называемую прагматическую армию из британцев, ганноверцев, голландцев и австрийцев и нанес на реке Рейн поражение французам.

Опасность подстерегала Марию-Терезию с прусской стороны: Фридриха тревожили ее успехи, он понимал, что венгеро-богемская королева не смирилась с потерей Силезии и жаждет реванша. До поры до времени он интриговал, натравливая на Марию-Терезию мелких князей. Он залечил нанесенные кампаниями 1740—1742 гг. раны, набрал и снарядил 140-тысячную армию. В мае 1744 г. он подписал во Франкфурте-на-Майне союз с Баварией, Гессен-Касселем, Пфальцем, позже и с Францией, и, наконец, объявил войну Австрии, разумеется, во имя благой цели — "ради сохранения землями своих привилегий и свобод и водворения в Германии спокойствия путем заключения справедливого и длительного мира"[17].

Во Франции после смерти кардинала Флери восторжествовали ястребы (или, учитывая влияние на короля Людовика XV фавориток, — ястребицы во главе с маркизой Помпадур). Вообразив себя полководцем, монарх лично возглавил армию, форсировавшую Рейн в его низовьях. В ответ Карл Лотарингский переправился на левый берег реки южнее и стал угрожать Страсбургу, а Людовик опасно заболел, что парализовало действия французов, герцога же Лотарингского спешно вызвали спасать габсбургские земли: в августе Фридрих с 80-тысячной армией вторгся в Боге-

inslav

мию. В сентябре гарнизон Праги сложил оружие, несчастный город в третий раз попал в руки победителя. Пруссаки беспощадно ограбили Чехию, король Фридрих обложил города тяжелой контрибуцией и провозгласил: "Теперь на Австрию!" Не получилось. Сплошные дожди, распространившаяся в войсках эпидемия моровой язвы, массовое дезертирство солдат (17 тыс.!) вынудили Фридриха очистить Чехию (ноябрь 1744 г.).

Воспрянувшая духом Мария-Терезия направила корпус Карла Лотарингского в Силезию. Закрепиться там ему не удалось: явившийся туда Фридрих II вытеснил австрийцев из Силезии и расположился там на зимние квартиры.

1745 год принес Марии-Терезии приятную весть: в Варшаве был заключен четверной союз Англии, Голландии, Саксонии и Австрии; скончался зиц-император Карл VII Баварский. Его 18-летний сын Максимилиан-Иосиф на императорскую корону не претендовал при условии возвращения ему наследственных владений, и даже согласился отдать свой голос за супруга Марии-Терезии Франца-Стефана Лотарингского, тогда — великого герцога Тосканы. Перед процедурой избрания пришлось озаботиться изгнанием из Германии французов. Само торжество состоялось в сентябре. Мария-Терезия в соборе наблюдала, как ее муж в пурпурном плаще герцогов Лотарингских, в короне Иерусалимского короля (существовал и такой титул!) прошел церемонию, приняв имя Франца I. Сама она считалась императрицей как его супруга, хотя реальная власть в Габсбургских владениях принадлежала ей.

Но и неприятности сыпались со всех сторон. В апреле Мориц Саксонский с 80-тысячным войском ворвался в Бельгию и в мае при Фонтенуа разгромил объединенные силы англичан, ганноверцев, голландцев и австрийцев, и постепенно занял все Австрийские Нидерланды.

Совсем плачевно закончилась попытка Карла Лотарингского вытеснить пруссаков из Силезии. В июне 1745 г. в битве при Гогенфридеберге Фридрих обратил в бегство сперва саксонцев, потом и пришедших к ним на выручку с опозданием цесарцев. Мария-Терезия не решилась отправить в отставку деверя, многие с тоской вспоминали блистательного Евгения Савойского.

Венгерским гусарам удалось перехватить гонца с бумагами Фридриха II, которые наводили на мысль о каких-то переговорах с ним англичан. Мария-Терезия, чтобы сузить фронт борьбы, попыталась разведать настроения в Париже. Глава ведомства иностранных дел герцог Р.Л. Аржансон заметил: "Я пруссак с головы до ног, потому что я хороший француз".

В ноябре Фридрих покинул Берлин, 15 декабря, воспользовавшись снежной бурей, он разгромил саксонцев при Кессельдорфе, близ Дрездена, который вскоре пал[18].

25 декабря в Дрездене был подписан мирный договор между Пруссией, с одной стороны, Австрией, к которой скоро примкнула Саксония, — с другой. Мария-Терезия окончательно отказывалась от Силезии, Фридрих признавал Франца Лотарингского императором. А в Курляндию, ближе к прусским границам, двигался корпус российских войск под командованием П.П. Ласси. Елизавета Петровна выходила из созерцательного состояния.

В "Истории внешней политики России. Век XVIII" содержится суровая констатация: "...Пассивная политика в начавшейся войне за Австрийское

inslav

наследство объективно содействовала прусской агрессии". Такого взлета могущества еще недавно скромного соседа в Петербурге явно не ожидали, что поклонник идей Просвещения и Французского образа жизни Фридрих II обернется высокоталантливым и жестоким полководцем не предвидели. Сумятица со сменой династии и шведская война не способствовали активизации внешней политики. Нельзя пренебрегать и воздействием рационализма на выработку внешнеполитического курса, в отличие от участников дележа Австрийского наследства Россия ни на что не претендовала, прусский хищник до того если и разбойничал, то на равных со всеми в немецком княжеском заповеднике. Проливать кровь во имя габсбургских интересов не хотелось.

Нельзя пренебрегать и личными чувствами Елизаветы. На свою беду венский кабинет ориентировался в России на родственную Брауншвейгскую фамилию. Принц Антон-Ульрих приходился Марии-Терезии племянником. Правительнице Анне Леопольдовне намекнули на то, что не худо было бы запрятать Елизавету в монастырь подальше, объявив ее незаконнорожденной (та действительно появилась на свет до вступления Петра и Екатерины в церковный брак). Елизавета также проведала, что Вена прислала 300 тыс. талеров на подкуп ее министров.

А.П. Бестужев считал Фридриха человеком непостоянным, "захватнического и возмутительного характера и нрава"[19]. Но "размышления" Бестужева о желательности поддержать Габсбургов натолкнулись на холодный отказ императрицы. Спохватившаяся Мария-Терезия первая прислала Елизавете поздравление с восшествием на престол. Поздно. Бросаться в объятия тех, кто рекомендовал повязать ее черным монашеским платом, царица не собиралась. Должно было пройти время для принятия взвешенных решений.

Позиция наблюдателя имела свои преимущества. Елизавету обхаживали со всех сторон. Обнаружилось, что Россия уберегла и даже укрепила завоеванные Петром позиции на континенте, от нее зависело сохранение европейского равновесия, противоборствующие стороны наперебой домогались ее содействия.

Вот констатация Ф.Д. Лаштенан: "...В 1742 году судьбы европейской дипломатии решались в Петербурге. Не принимая непосредственного участия в войне, Россия тем не менее в любой момент могла поддержать одну из сторон...". И далее: "Получалось, что исход этого конфликта, о причине которого — борьбе за австрийский престол — никто уже практически не вспоминал, зависит от Петербурга"[20].

В 1743 г. был раскрыт "заговор" против царицы в среде знати ("дело Лопухиных"). Так истолковывали сочувственные в отношении Анны Леопольдовны речи. "Кроткия Елисавет" не ведала ни снисхождения, ни жалости при малейшем намеке на оппозицию. "Заговорщиков", мужчин и женщин, подвешивали на дыбу, истязали кнутом. Красавицу Наталью Лопухину, соперничавшую на балах с императрицей, изуродовали. Правда, жестокий приговор (колесовать, четвертовать) царица смягчила, ограничившись вырыванием языка и ссылкою. К делу оказался причастен австрийский посол маркиз А. Ботта д'Адорно. Его выслали из Петербурга за то, что он "возмущения произыскивал и людей злонамеренных поощрял в их предприятиях". Донос на него поступил от французского посланника Л. Дальона[21].

inslav

От Марии-Терезии настойчиво требовали, чтобы она наказала злодея за "богомерзкие" речи. Та отчаянно нуждалась в российской поддержке. В Вене докладывал посланник Л. Ланчинский: "Без всяких околичностей говорят, почти публично, что если в.и.в. здешнему двору руку помощи не подадите, так этот двор вместе с саксонским придет от Пруссии в крайнее разорение и оба будут раздавлены". Маркиза посадили под домашний арест, потом отправили в крепость Грац. Венгеро-богемская королева объясняла своей сестре Елизавете, что не может так просто упечь Ботту на всю жизнь за решетку: "Она связана законами тех земель, которыми владеет, следовательно, не может поступать так, как другие самодержцы". Все же Мария-Терезия обещала, "из высокого почитания е.и.в.", держать несчастного Ботту под замком столько, сколько царица пожелает, или, как изящно выражалась королева, она предоставила определять время заключения "прославленной в свете милости" Елизавете. Та сменила гнев на милость и предала дело Ботты "совершеннейшему забвению"[22]. Путь к договоренности был открыт, — но подходил уже к концу 1744 г.

Прусский король Фридрих II в отношении Елизаветы внешне олицетворял лояльность и предупредительность. Откликаясь на затаенные опасения императрицы, он отвратил ее от первоначального намерения отпустить брауншвейгскую чету в Германию, и их отправили в ссылку. Не без его участия выбор невесты для наследника Петра Федоровича пал на принцессу Ангальт-Цербстскую Софию-Августу-Фредерику, будущую Екатерину II. В Петербург 14-летнюю девочку сопровождала мать, княгиня Иоганна-Елизавета, на которую Фридрих возложил осведомительные и шпионские функции с тем, чтобы они позднее перешли к дочери. Он не подозревал тогда, что станет в глазах Екатерины "иродом" и противником. А пока что еще молодой Фриц не волновался: "Я от России так безопасен, как младенец во чреве матери"[23]. Он наставлял посланника А. Мардефельда: "Раздувайте огонь против врагов, куйте железо, пока, горячо". И тот старался вовсю, "изобличая" австрийцев, англичан и датчан в стремлении низвергнуть Елизавету с трона. А король уже мысленно проводил чистку среди российских дипломатов, стремясь убрать враждебно к нему настроенных. Сместить А.П. Бестужева и заменить его кем-нибудь безынициативным и покладистым ему не удалось[24].

Старший брат канцлера, посланник в Берлине М.П. Бестужев, в 1743 г. уже вовсю бил тревогу: ежели "сей заносчивый сосед... немного усмирен не будет", его можно ожидать в Лифляндии. У Фридрихова деда войско насчитывало 20 тыс. человек, у отца — 80 тыс,. у него самого — 140 тыс., и двор его "играет договорами". Надо принять меры, соответствующие чести и достоинству императрицы[25].

Сам канцлер в интригах слыл опытным бойцом. Опасным оружием в его руках стала перлюстрация дипломатической корреспонденции. Сотрудник Академии наук, математик Хр. Гольдбах с легкостью раскрывал тогдашние нехитрые "цыфири" (шифры), и перед императрицей раскрывались козни "дружественных" дворов. И.Ж. Шетарди изобличили в нелестных отзывах о Елизавете, в том, что она будто бы управляема. Француз писал и о ее амурных похождениях[26]. Шетарди препроводили в страшную Тайную канцелярию. Достаточно было появиться главному пыточному мастеру, генералу А. Ушакову, чтобы "богомерзкий человек Шетардий" сознался и в том, что было, и в том, чего не было[27]. У него ото-

inslav

брали нежные Елизаветины письма и ее портрет, и под конвоем выпроводили к границе. А. Мардефельд покинул Петербург добровольно, не дожидаясь высылки. Принцессу Иоганну-Елизавету Ангальт-Цербстскую изобличили в шпионаже. Выгонять с позором мать цесаревны не пристало, поэтому ее снабдили деньгами на дорогу, а Петр Федорович даже послал тестю Христиану-Августу бриллиантовые пуговицы на камзол и такие же пряжки на туфли.

Перелом в политике наступил в 1745 г., когда Фридрих, словно играя, разгромил Саксонию: угроза нависла над позициями России в Центральной Европе, дальше медлить стало опасно.

22 мая 1746 г. Елизавета подписала союзный договор с Веной: стороны обязывались выставить по 30 тыс. войска при нападении на одну из них (исключение делалось на случай войны России с Ираном, Австрии — в случае ее конфликтов в Италии и Испании). Специально упоминалось о вступлении союза в силу при нападении войск Высокой Порты на одну из держав, об основной стратегической направленности внешней политики в Петербурге не забывали. Характерно, что союз в 1753 г. был подтвержден особым актом, в котором обязательства в отношении Османской империи подтверждались "навечно". Особо оговаривался казус войны с Пруссией — тогда взаимопомощь предусматривалась в размере 60 тыс. человек пехоты и конницы[28].

Бросить вызов коалиции Фридрих не решился. Пруссия, как писал он Мардефельду, "не имеет почти никаких средств", и пора менять львиную шкуру на лисью[29]. Душу он отводил в стихах, написанных по-французски, в коих именовал россиян "роем варваров" и "надменных убийц".

Военные операции продолжались в Австрийских Нидерландах, где Мориц Саксонский громил неприятеля, взял Брюссель, Льеж, Антверпен, Шарлеруа, Намюр. Кабинеты Лондона и Гааги домогались помощи России, как единственного средства для замирения Европы. Петербург не возражал, но считал, что морским державам надлежит сполна оплатить оказываемую услугу. Торг затянулся. В конце концов те согласились выплачивать субсидию в 300 тыс. фунтов в год. Елизавета Петровна позаботилась о содержании войск: каждому солдату полагалось по 2 фунта хлеба и фунту мяса (450 граммов) ежедневно, а в постные дни — по столько же рыбы[30].

В январе 1748 г. корпус в 30 тыс. штыков и сабель двинулся в поход, но до низовьев Рейна, Мозеля и Бельгии так и не добрался: одна угроза его появления заставила французов пойти на переговоры. По Ахенскому договору (октябрь 1748 г.) Габсбурги сохранили бóльшую часть своих владений, кроме Силезии и некоторых земель в Италии. Париж не получил ничего, Франц Лотарингский был признан императором[31]. Галлы злобствовали и именовали Россию "наемной державой".

Ф.Д. Лиштенан справедливо полагает, что истинная цель "русского вторжения" заключалась в стремлении закрепить за собой одну из ключевых ролей в Европе. Такого же мнения придерживается Р. Михнева: "Появление экспедиционного корпуса России на немецкой земле сыграло решающую роль в утверждении дела Австрии, Англии и других союзников"[32]. Нам остается присоединиться к этим высказываниям. Монархи наперебой льстили Елизавете; Фридрих II, Людовик XV, Мария-Терезия и германский сейм признали ее императорский титул.

inslav

Не следует думать, что Османская империя осталась совсем в стороне от войны на далеком севере. Ее связывал со Швецией оборонительный союзный договор (1740 г.). Резидент Э. Карлсон снабжал турок заведомо ложными данными о мнимых шведских успехах на поле боя, и сумел выговорить от Высокой Порты субсидии. А.И. Остерман, пока еще возглавлял Коллегию иностранных дел, форсировал ратификацию мирного договора 1739 г. с Турцией, приказав уполномоченным по проведению пограничной черты не торговаться по каждому поводу, как то водилось.

Французы старались спровоцировать новое столкновение между Россией и Высокой Портой, учинив набег крымской конницы. Об этих интригах поведал резидент А.А. Вешняков, который обзавелся в канцелярии реис-эффенди неким "подьячим", передававшим ему информацию о переписке с парижским двором. Интрига провалилась — Порта сохранила нейтралитет. Свою позицию турки обосновывали рядом взвешенных аргументов: их договор со Швецией являлся оборонительным и ни в коей мере не обязывал Турцию ввязываться в войну. В адрес Парижа, последовало резкое замечание: Франция баламутит всю Европу, чтобы помешать России прийти на помощь Марии-Терезии[33].

И главное полагал Вешняков: "Туркам было не до Европы, они трепетали за Азию, ожидая с часу на час нашествия грозного шаха Надира". В сентябре 1742 г. Вешняков передал из Стамбула, утешительную весть: султан в гневе и считает союз со Швецией ошибкой; французам по его поручению заявили: им, как гарантам мирного договора 1739 г., негоже заниматься подстрекательством турок против северного соседа. Галльские происки были шиты белыми нитками: посланник в Стамбуле подзуживал турок в то же самое время, когда его петербургский коллега Шетарди, опасаясь полного разгрома шведов, хлопотал о замирении на севере. В фермане, появившемся в январе 1742 г., говорилось: "Порта не должна, ни прямо, ни косвенно втягиваться в дела европейские, а... поддерживать мир с Россией и Австрией"[34].

Летом того же года Надир-шах развязал войну. Вешняков сигнализировал из Стамбула: хаос стоит неописуемый, казна пуста, дефицит достиг 50 тыс. кошельков, или 25 млн курушей, пограничные провинции опустошены; "султан не намерен нарушать мир с соседями и разорять страну ради капризов безбожников"[35].

После 5-летней передышки происки французов возобновились в 1747 г., война близилась к концу к явному ущербу для Людовика XV. На сей раз дело ограничилось мелкими кознями: турок пытались запугать некоей 50-тысячной российской армией, снаряжаемой для удара по Османской империи. Новый резидент А.И. Неплюев рассеял опасения, разъяснив, что поход корпуса П.П. Ласси должен завершиться на Рейне[36].

Ахенский мир не привел к периоду длительного покоя в Европе. Удовлетворение испытывал лишь Фридрих II, вписав Пруссию в ранг великих держав. Французы, провоевав восемь лет, не приобрели ничего и с трудом удержали колонию Квебек в Новом Свете. Мария-Терезия не примирилась с утратой самого лакомого куска своих владений — Силезии. "Без Силезии австрийская корона мало чего стоит", — молвила она[37].

Выработкой нового внешнеполитического курса монархии занялся молодой тогда чешский аристократ, стремительно шагавший по иерархической лестнице (посланник в Риме, Турине, посол в Лондоне и Париже,

inslav

Великий исход сербов, 1690 г.

Петр I

inslav

Конный турецкий воин (спахия)

Молдавский князь Дмитрий Кантемир

inslav

Константин Брынковяну, князь Валахии

inslav

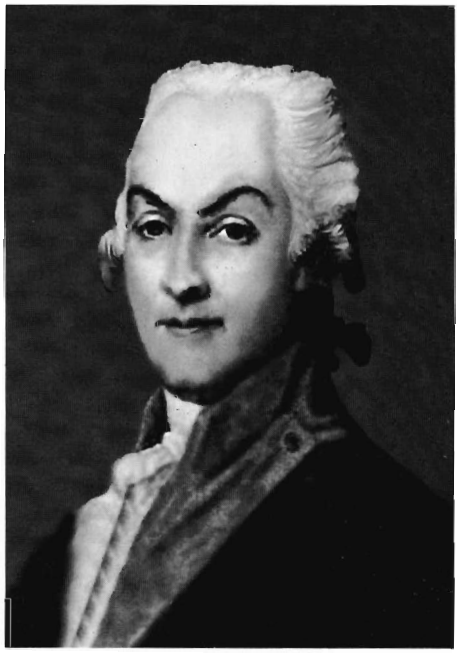
Анна Иоанновна, императрица

inslav

А.И. Остерман

Императрица-королева Мария-Терезия

П.А. Румянцев



Князь Н.В. Репнин

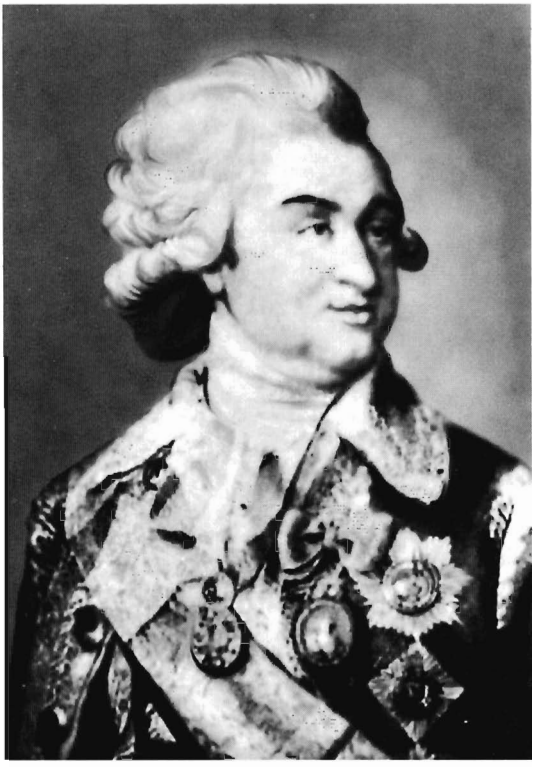
inslav

Екатерина II

inslav

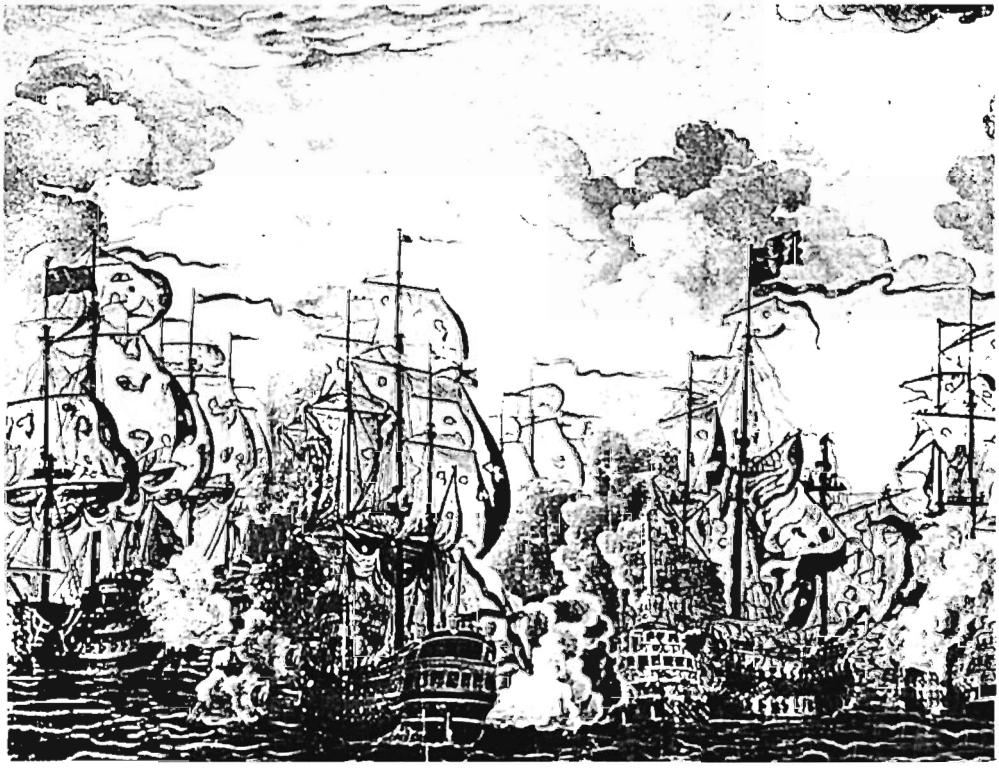
Император Иосиф II

inslav



Г.А. Потемкин

Сражение при мысе Калеакриа, июль 1791 г.



inslav

обергофмейстер и, наконец, канцлер) граф Венцеслав Антон Кауниц. В 1749 г. он представил двору обстоятельный, на 126 страниц, меморандум из тех, что мы ныне называем стратегическим анализом: цель Австрии — возвращение Силезии и низведение Фридриха II, "самого значительного, непримиримого и опасного врага" на полагающееся ему место. Надо напрячь все силы для предстоящей борьбы[38].

Граф Венцеслав смотрел в корень. Сам Фридрих считал Силезию скромным прологом к будущим приращениям. В своем первом политическом завещании (1742 г.) он писал, что, если дом Гогенцоллернов "породит великих принцев, если дисциплина в армии будет поддерживаться в нынешнем состоянии, если монархи будут наводить экономию в мирное время с тем, чтобы нести расходы во время войны", тогда "Пруссия возрастет и возвысится и со временем станет одной из могущественных держав Европы". Далее следовало предупреждение: "Надо притворяться и скрывать свои мысли, извлекать пользу из событий, терпеливо ждать наступления благоприятных обстоятельств, когда же они наступят — действовать со всей энергией". В качестве объектов экспансии намечались Байрейт, Анспах, Мекленбург, Саксония, занятая шведами часть Померании и польские земли на побережье Балтики[39].

Россия в списке не значилась — не по зубам пока что. Напротив, Фридрих жаждал сотрудничать с ней в польских делах, перед нею следовало выступать в облике лисы. Но само появление быстро крепнувшего государства, являвшегося придатком к армии (на ее содержание уходило 80% бюджета), знаменовало появление угрозы всей системе международных отношений. Отпор прусским притязаниям, полагал Кауниц, должен объединить весь континент. Конфликт Габсбургов с Бурбонами пора отодвинуть на второй план. Но с Парижем следует сближаться осторожно, так чтобы не перепугать вечного антагониста Версаля, Сент-Джеймсский кабинет. Российская политика тоже подвержена личным и переменчивым импульсам, и с этим союзником следует держаться в высшей степени тактично.

Когда граф Венцеслав закончил свой доклад, Мария-Терезия протянула ему руку для поцелуя; присутствовавшие восприняли этот жест как знак полного одобрения.

Кауниц зря сомневался в твердости российской позиции. Елизавета умела извлекать уроки из прошлого. Канцлер А.П. Бестужев слыл убежденным сторонником сотрудничества с Габсбургами, о чем свидетельствовала тайная "антипрусская" статья договора 1746 г., поступать по поговорке "пока гром не грянет, мужик не перекрестится" Петербург не собирался.

Конференция при Высочайшем дворе полагала: следует "короля прусского до приобретения новой знатности не допускать, но паче силы его в умеренные пределы привести и одним словом уже неопасным его для здешней империи сделать"[40].

* * *

Взорвали хрупкий баланс сил в Европе англичане, заключив 16 января 1756 г. с Пруссией так называемую Вестминстерскую конвенцию. На поверхностный взгляд документ представлялся невинным и миролюбивым: стороны заверяли о своем стремлении оградить Европу от бедствий, свя-

inslav

занных с войной, и с этой целью объединить свои усилия в случае нападения на Германию.

Во Франции конвенция встретила взрыв возмущения: уже во всю шли военные действия в Северной Америке, британцы собирались прибрать к рукам Канаду. На морях господствовал флот его величества, острова Альбиона для французов были недоступны, и все же на сухопутье у Сент-Джеймсского кабинета было уязвимое место, поскольку король Георг II одновременно состоял курфюрстом Ганноверским. О сохранности немецких владений монарха следовало заботиться, личная уния побуждала кабинет подумать о защите Ганновера. А в интересах Версаля было нанести удар именно здесь. По сути дела, Вестминстерской конвенцией Георг II нанимал своего племянника Фридриха II, сына своей сестры Софии-Доротеи, охранять курфюршество, и, разумеется, не даром, а за солидную субсидию.

Придя в себя от шока, вызванного подписанием Вестминстерского соглашения, французы бросились в Вену: их война (формально объявленная в мае) перерастала в войну с Пруссией, вздумавшей охранять домен Георга II. Два вековечных соперника, Бурбоны и Габсбурги, заключили союз (Версальский договор от 1 мая 1756 г.). Фридрих II не привык ждать нападения и действовал упреждающе. 29 августа он напал на Саксонию и развязал тем самым войну, переросшую в Семилетнюю. Встревоженная Россия присоединилась к антипрусской коалиции (Петербургский договор с Австрией от 31 декабря 1756 — 11 января 1757 г.).

Во всякой коалиции неизбежны противоречия между ее участниками, и успех ее зависит от умения их преодолевать. Три двора объединяло одно — стремление обуздать выскочку, а разъединяло многое. Зимний дворец стремился обеспечить своим войскам самостоятельный операционный театр в Восточной Пруссии, далее — в западной ее части и Померании. Предполагалось завоевать Восточную Пруссию, но не присоединять ее к России, а передать Польше, чтобы "во взаимство" получить у нее согласие на переход к России Курляндии (южной Латвии), укрепив таким образом свои позиции в Прибалтике, Австрия должна была считаться с этим пожеланием, заручившись содействием Петербурга на возвращении Силезии и графства Глац[41].

Договоренность не означала устранения противоречий между двумя дворами: возрастающее могущество России глубоко тревожило Вену. 90-тысячную армию союзницы гофкригсрат рассматривал как вспомогательную силу, долженствующую добывать победу для Австрии. Не успели полки фельдмаршала С.Ф. Апраксина пересечь границу, как в штабе появился союзный генерал с советами, которые были отвергнуты[42]: он представил план "фальшивой, что и в действо произвесть нельзя".

Франция вообще вплоть до дня войны считалась основным российским антагонистом на континенте. Хотя превратности истории и привели Людовика XV к сотрудничеству с Елизаветой Петровной, это ни в малой степени не привело к смягчению его вражды. Само вынужденное сближение произошло за спиной официальной дипломатии, путем личной переписки монархов, использовавших услуги шотландца М. Дугласа. Канцлер А.П. Бестужев был поставлен перед свершившимся фактом. По официальной линии французского посла в Петербурге наставляли: "Нужно опасаться в равной мере последствий слишком большого влияния или слиш-

inslav

ком больших успехов русских в этой войне". Сам Людовик XV выражался еще жестче: "...Целью моей политики в отношении России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе... Все, что может ввергнуть этот народ во мрак невежества, служит моим целям". Или, в другом варианте: "Россией следует воспользоваться, чтобы доставить Франции почетный мир"[43].

Каждый участник антипрусской коалиции (в которую вступили и шведы, но держались они особняком) тянул воз в свою сторону. Характерно, что в русско-австрийской конвенции от 1 марта 1760 г. важнейшее для России положение — о передаче ей Восточной Пруссии — фиксировалось не в основных статьях, а в особой декларации, с которой Людовика XV не ознакомили из опасения, что король сбежит из союза[44]. Галльское высокомерие его ослепляло, и он воображал, что российская кровь на полях сражений будет литься во имя того, что именовалось интересами Франции.

* * *

В Семилетней войне Фридрих II укрепил свою репутацию великого полководца, хотя победы его войск чередовались с неудачами и прямыми поражениями. Ему удалось заручиться поддержкой лишь Ганновера, Гессен-Касселя и Брауншвейг-Вольфенбюттеля. В кампанию 1756 г. он без труда одолел слабую саксонскую армию, в мае следующего года разбил австрийцев в Пражском сражении, но в июне того же года те взяли реванш в битве при Келине. Крайне неудачно действовали французы. Правда, они добились капитуляции малочисленного ганноверского войска, но потерпели полный разгром в сражении при Росбахе. В кампанию 1758 г. союзники, несмотря на численное превосходство, не смогли добиться успеха. В следующем году стало проявляться истощение сил у Фридриха, он потерпел сокрушительный разгром на поле Кунерсдорфа. 1760 г. ознаменовался временным занятием Берлина русскими и австрийскими войсками. 1761 г. Фридрих встретил, имея под ружьем менее 100 тыс. в основном иностранных наемников против 230-тысячного войска у неприятеля. Каждая новая операция, даже удачная, приносила ему невосполнимые потери, он, по собственному признанию, находился на краю гибели.

Особо — о военных операциях российской армии. В мае 1757 г. она четырьмя колоннами вступила в Восточную Пруссию. Двигалась медленно, будучи обременена несуразным обозом, одна обслуга главнокомандующего насчитывала 120 человек, для перевозки его багажа использовалось 240 телег. Апраксин захватил с собой серебряный сервиз, но позабыл карту театра военных действий. Инструкцию ему почему-то составил А.П. Бестужев, сроду не нюхавший пороху.

30 августа противники сошлись на поле близ Гросс Егерсдорфа, битва длилась десять часов, в решающий момент молодой генерал П.А. Румянцев, командовавший второй линией, ударил во фланг атакующей прусской пехоты, и та отступила. Апраксин известил императрицу о победе, а дальше начались чудеса. Малоподвижная российская армия поспешно покинула Восточную Пруссию, побросав пушки и оставив даже раненых. Апраксин оправдывал свои действия невозможностью зимовать в опустошенной войной стране, ссылаясь на мнение военного совета[45]. Ему не ве-

inslav

рили, поползли слухи об измене. Наряженного над ним следствия Апраксин не дождался и умер.

Дурной пример, как гласит поговорка, заразителен. Преемники Апраксина, подобно ему, после успешного сражения удалялись с поля боя, не преследуя неприятеля. И наиболее правдоподобное объяснение — страх полководцев за свою судьбу; "матушка Елизавета" тяжело болела, не раз находилась при смерти. И тогда на престол всходил добрый немец Карл-Петер-Ульрих Гольштейн-Готторпский, в православии — великий князь Петр Федорович, открыто афишировавший свои симпатии к Фридриху. И тогда что — ссылка, Сибирь, как бы голову сохранить на плечах... И робели сердца людей, не боявшихся пуль и штыков.

Кампания 1758 г. началась рано, в январе, и вполне успешно. Жители Кёнигсберга не стали ждать подхода к городу российских войск и послали им навстречу депутацию с прошением о "дозволении им протекции" императрицы. "Все здешние начальные и чиновные люди, — докладывал генерал В.В. Фермор, — встретили меня в замке и отдались с глубочайшей покорностью в.и.в. При вступлении в город с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой производился во всем городе колокольный звон и играли на трубах и литаврах, а мещане, построенные в парад, отдали честь с ружьем и музыкой..." Фермор объявил им, что Елизавета Петровна "вступает во владение Пруссией. Вы будете счастливы под ее кротким правлением, и я постараюсь сохранить ныне существующий порядок вещей"[46].

6 марта появился указ Елизаветы Петровны войскам — "строжайшую воинскую дисциплину соблюдать, и никому ни малейших обид, утеснений и озлоблений не чинить, более того, соизволяем мы и среди войны пещись, насколько можно, о благосостоянии невиновных худому своему жребию земель и потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомоществовать". Пребывание войск на неприятельской территории тогда смело можно было уподобить эпидемии чумы. Указ свидетельствовал, что Восточную Пруссию таковой не считали. Дисциплинированные немцы подчинялись безропотно. В 1760 г. к царице прибыла делегация нотаблей — выразить признательность за милостивое правление. В обращении появилась монета с изображением профиля Елизаветы и надписью на латыни "Елизавета, королева Пруссии"[47]. Фридрих не простил жителям лояльного отношения к российской власти и, после возвращения провинции в лоно своего королевства, ни разу не посетил Кёнигсберга.

В августе 1758 г., когда Фермор осадил крепость Кюстрин в Померании, перед ним появился сам король Фридрих. Произошла "резня насмерть" у Цорндорфа, которая не принесла решающего успеха ни одной из сторон, хотя русские оставили на поле боя половину своего состава.

Кампанию 1759 г. Фридрих начал, имея, вместе с союзниками, 220 тыс. войск против 350 тыс. у противников. Главная угроза ему исходила от армии фельдмаршала П.С. Салтыкова, в апреле двинувшейся к Одеру. Главнокомандующий осадил и взял Франкфурт и создал реальную опасность захвата Берлина. Фридрих прекратил операции против австрийцев и двинулся навстречу русским, а к тем присоединился вспомогательный корпус самого способного из генералов Марии-Терезии Г.Э. Лаудона.

1(12) августа у деревни Кунерсдорф на берегу Одера разыгралось самое кровавое сражение Семилетней войны. В 9 час. утра Фридрих начал

inslav

атаку, потеснил первую линию русских, захватил пленных и пушки и поспешил отправить в Берлин гонца с вестью о победе. Но развить намечавшийся успех не удалось, вызванная для преследования отступавшей пехоты Салтыкова кавалерия задержалась, обходя пруды и болота. Страшного натиска вымуштрованных конников генерала Ф.В. Зейдлица, который выдерживал лишь опытный и отважный противник, удалось избежать: Зейдлиц начинал атаку строго по уставу, за 1800 шагов от цели; сигналом служила поднятая над головой трубка, кони двигались шагом — переходили на рысь — срывались в бешеный галоп. Топот тысяч копыт, крики всадников, сверкающие палаши и сабли — все это наводило ужас на неприятеля[48]. При Кунерсдорфе же конница Румянцева и Лаудона ударила во фланг замешкавшимся прусским гусарам и кирасирам, а шуваловские гаубицы, самые совершенные орудия того времени, перемалывали атакующую прусскую пехоту. Провалилась попытка Фридриха овладеть господствующей высотой Шпицберг, картечь сметала карабкавшихся на нее пехотинцев рядами. Пруссаки не выдержали и побежали. "...В начале шестого (вечера. — *Авт.*), — докладывал Салтыков царице, — руководством Всевышнего и счастием в.и.в. гордый неприятель уступать стал и сильным с нашей стороны наступлением прогнан и совершенно разбит", конница преследовала его 15 верст. Фридрих потерял 17 тыс. солдат и офицеров убитыми, 5 тыс. пленными, 26 знамен, 172 орудия и обоз с боеприпасами, русские — 13 тыс., австрийцы — 2 тыс. своих людей[49].

На ночь король расположился в деревушке Риттвайн в лачаге на охапке соломы. При свете свечи он дрожащей рукой набрасывал записку министру К. Финкенштейну: "Мой мундир — в дырах от пуль, под мной убиты две лошади, мое несчастье — в том, что я еще жив... От армии в 48 тысяч у меня не осталось и 3000. Сейчас все вокруг бегут, и я больше не господин своего народа... Я не выдержу этого жестокого испытания... Прощай навсегда"[50].

Придя в себя, Фридрих собрал 18 тыс. разбежавшихся солдат. Неприятель его не преследовал, фельдмаршал Л. Даун не откликнулся на просьбу Салтыкова о совместных действиях, и тот, пространствовав шесть недель в междуречье Одера и Нейсе в поисках базы снабжения и места, где можно перезимовать, и так и не найдя его, отошел в Польшу.

В кампанию 1760 г. Фридрих перешел к системе позиционной обороны, опираясь на цепь крепостей и укрепленных лагерей, которые союзники не могли миновать, не подвергаясь риску удара в тыл. Самая значительная операция года — занятие Берлина — объяснялась стремлением выманить пруссаков из-за стен, рвов и палисадов в чистое поле, где и разгромить. Первая часть замысла удалась, вторую осуществить не удалось.

Для похода на Берлин был выделен корпус З.Г. Чернышева и австрийский вспомогательный отряд Ф. Ласси (между прочим, сына российского фельдмаршала П.П. Ласси). После 5-дневной осады 28 сентября (9 октября) комендант сдал город. Бургомистр согласился выплатить 2 млн талеров контрибуции, были разрушены пороховые, литейные и оружейные предприятия. Узнав о приближении крупных прусских сил, отряд покинул город, моральный эффект был достигнут: прославленный полководец Фридрих оказался не в состоянии защитить столицу, значит дела его плохи. Фельдмаршала Л. Дауна король таки одолел в битве при Торгау. Он потерял при этом треть своей армии, 17 тыс. солдат и офицеров, и распорядил-

inslav

ся страшной цифры не разглашать. Зимой Фридрих предавался меланхолии: "Мы начинаем походить на странствующих комедиантов, у которых нет ни отчизны, ни родного очага. Мы кочуем по свету и разыгрываем наши кровавые трагедии там, где неприятель дозволяет устроить наш театр"[51]. Но бедные артисты были безвредны и даже доставляли удовольствие, а Фридрих повсюду сеял смерть.

Для кампании 1761 г. король едва наскреб 100 тыс. человек, причем на 3/4 не пруссаков; цвет командного состава лежал в земле сырой или ковылял на костылях; среди офицеров встречались 14-летние кадеты.

Спасали Фридриха разногласия в стане врагов, русскую армию рвали на части: французы требовали, чтобы Салтыков взял Штеттин (Щецин); курфюрст Август просил освободить Саксонию; Мария-Терезия настаивала на переброске русских сил в Силезию. Сам Салтыков планировал осаду и взятие крепости Кольберг и занятие побережья Померании. Его не послушали, мнение императрицы-королевы возобладало. Нехотя он двинул основные силы к Бреславлю (Вроцлаву). Шли не торопясь, захватывая по пути небольшие крепостцы. Сменивший фельдмаршала Салтыкова А.Б. Бутурлин привел свою армию в Силезию на подмогу Г. Лаудону: 135 тыс. у союзников против 50 тыс. солдат у Фридриха[52].

Но к Лаудону — лучшему из цесарских полководцев — прибыл не военачальник, а царедворец в мундире. Матушка Елизавета доживала последние месяцы, и тогда на престоле — Карл-Петер-Ульрих Гольштинский, перелицованный в Петра Федоровича. Следовало и царицыных повелений не ослушаться, и гнева наследника избежать, поэтому Александр Борисович прямой приказ о соединении с союзником выполнил, но в бой не рвался, тем более что Лаудон явно хотел сберечь свои войска и возложить основную тяжесть операции на русских. Бутурлин мыслил по-иному, предоставил цесарскому военачальнику отряд в 25 тыс. штыков и сабель, а сам, ссылаясь на нехватку продовольствия, удалился. Фридрих писал тогда, что русским оставалось нанести ему последний "удар милосердия" ("coup de grace"). Они этого не сделали[53].

5 декабря 1761 г. Румянцев взял на капитуляцию крепость Кольберг, побережье Померании было открыто для наступления, по словам Фридриха, Пруссия "агонизировала и ждала соборования"[54].

Но 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) скончалась Елизавета Петровна. Фридрих на радостях писал министру К. Финкенштейну: "Первый луч света воссиял, благодарение небесам за это". Тот ответствовал: новый царь "рожден для счастья Пруссии". Король торжествовал: "Бестия умерла, исчез ее яд"[55].

Еще раз подтвердилась та истина, что роль личности в истории огромна. На исходе войны только воля и упорство Елизаветы Петровны спасали разлезавшуюся по всем швам коалицию. Людовик XV, потеряв Канаду и часть Луизианы в Америке, Пондишери в Индии, утратил интерес к Ганноверу, злоключения войны сделали Марию-Терезию склонной к компромиссу, одна Елизавета сохраняла твердость.

Дочь Петра осталась загадкой для современников и ставит в тупик историков: ее царствование — "блестящее и убогое, легкомысленное и мудрое, милосердное и жестокое, восхваляемое и обруганное время", — пишут Г.А. Некрасов и А.И. Шашкина[56]. Беспорядочная жизнь, чревоугодие, пристрастие к вину, предпочтительно токайскому, рано подорвали здоро-

inslav

вье царицы, плюс страсть к балам и маскарадам, неуемное франтовство (15 тыс. платьев, на примерку которых она тратила больше времени, чем на государственные дела). Министры приходили в отчаяние, неделями добиваясь ее подписи под важной бумагой. Последние годы она не проводила двух ночей подряд в одной комнате, говорят, мысли о заточенном Иоанне Антоновиче ее преследовали. Бессонница мучила царицу, и, случалось, она приказывали накрывать на стол в такой час, что поднятые с постелей придворные не знали, что происходит — поздний ужин или уже ранний завтрак. Некоторые ее распоряжения выглядели в просвещенном XVIII в. диковатыми. Так, за разговоры в церкви болтуна сажали на цепь, причем табель о рангах соблюдалась: знатным полагались оковы бронзовые, а то и позолоченные.

Но наступал час решения — и она являлась государственным деятелем с большой буквы. По словам американского историка Р. Бейна, с конца 1759 г. лишь "непоколебимая твердость российской императрицы являлась той сплачивающей политической силой, которая удерживала от распада разнородные, непрерывно ссорившиеся между собой элементы антипрусской коалиции и предотвращала ее распад под грузом сваливавшихся несчастий". Бейн отметал тезис официальной немецкой пропаганды, утверждавшей, будто объединенная Европа не смогла вырвать Силезию из железной хватки Фридриха, на самом же деле тот с трудом удерживал клочок Силезии. Нелестно характеризует он позицию российских союзников: "...И Франция, и Австрия готовы были в полной мере использовать военные ресурсы России ради достижения собственных целей и крайне сдержанно относились к возможной награде для своего лояльного и усердного союзника". "Никогда в истории французская дипломатия не была столь поверхностной, капризной и колеблющейся", — замечал он[57]. О Людовике современники говорили, что он только и делал, что ставил палки в колеса другим участникам коалиции.

Россия из вспомогательной силы, в качестве которой ее привлекли в союз, превратилась в его становой хребет, цесарский двор должен был с этим считаться, в подписанной 21 марта 1760 г. конвенции с Австрией обе стороны обязывались "обще и согласно к тому употребить, чтоб королевство Прусское, ныне оружием е.и.в. Всероссийской уже завоеванное, ее величеству уступлено было, как справедливое награждение за претерпенные в нынешнюю войну убытки и показанную общему добру делу генерально услугу..." (тут же содержался намек на намерение присоединить к России вместо Восточной Пруссии Курляндию)[58]. Как уже говорилось, стороны зафиксировали это важнейшее положение в декларации, скрытой от Людовика XV из опасения, как бы тот не сбежал из коалиции.

Со смертью Елизаветы Петровны в союзной коалиции переменилось все и вся. К Фридриху прискакал адъютант Петра III с пальмовой ветвью. Король вышел к нему в трауре и со скорбной миной на лице, но обнаружил, что "скорбеть" не о чем — в Зимнем дворце задули совсем другие ветры: "Я встречаю Вас как Ной встретил голубя, принесшего ветвь мира на ковчег". Он сразу же обнаружил у Петра Федоровича, которого раньше считал недоумком, качества выдающегося государственного мужа: "Будь я даже язычником, я воздвиг бы храм и алтарь в.в.". Фридрих спешно направил в Петербург своего посланника, полковника Б.В. Гольца. Король, видимо, еще не сознавал обрушившегося на него сказочного везения:

inslav

Гольц был уполномочен, в случае необходимости, согласиться на уступку России Восточной Пруссии. Действительность превзошла самые сказочные ожидания: царек прилюдно лобзал бюст Фридриха, бросался на колени перед портретом своего кумира и, что важнее, предложил королю самому составить текст мирного договора между двумя странами. Тот поломался немного для приличия, но потом взял на себя труд. По условиям мира, заключенного 24 апреля (5 мая) 1762 г. Россия (точнее — Петр Федорович) отказывалась от всех своих завоеваний и возмещения военных расходов, итоги пяти кровопролитных кампаний уничтожались одним царским росчерком[59].

Петр Федорович рвался в поход на коварную Данию, которая некогда отторгла от родного Гольштинского герцогства провинцию Шлезвиг. За полгода правления император попрал национальные и религиозные чувства подданных; его царствование воспринималось как время глубокого унижения, пренебрежения традициями, надругательства над святынями и непонятного никому отказа от уже достигнутой по существу победы. У армии похитили триумф! И кто же — царь! Общее настроение выразил Михаил Васильевич Ломоносов:

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О, стыд, о, странный оборот!

Петр не знал русских, и конец его был страшен. 28—29 июня того же 1762 г. собственная супруга Екатерина Алексеевна совершила переворот, и через несколько дней появилось сообщение о кончине Петра Федоровича якобы от "геморроидальных колик". Похоронили его в гольштинском мундире.

Выход России из конфликта воочию продемонстрировал, что ее войска являлись основным фактором мощи коалиции. Силы сторон выровнялись, Фридрих вернул себе Силезию. Мария-Терезия не решилась назначить главнокомандующим талантливого Г. Лаудона (как можно, всего 40 с небольшим лет, впереди же по выслуги столько убеленных сединами посредственностей!). В нескольких битвах успех осенил прусское оружие. Губертбергский договор 22 февраля 1763 г. не изменил ни одной пограничной черты в Европе. Фридрих сохранил за собой Силезию и графство Глац.

Но трактат знаменовал крутое изменение в соотношении сил. Пруссия стала претендовать на ранг великой державы, и в то же время аннексионистские поползновения короля получили отпор, он заполз в берлинскую берлогу залечивать раны. Сергей Михайлович Соловьев писал даже о его "войнобоязни", расширения Пруссии он стал добиваться умом и хитростью, а не мечом. Серьезно ослабленные Франция и Австрия прекратили соперничество за гегемонию в Европе. Несмотря на потери прошедшего лихолетья, международный авторитет и позиции России на континенте окрепли; сам ее выход из войны и последовавший развал коалиции показали, что ни одно крупное свершение без ее участия немыслимо.

На первый план выступила великая цель — выход к Черному морю, освоение гигантского массива земель на юге, сокрушение османского владычества над христианскими народами Балкан.

inslav

* * *

Катаклизмы двух войн — за Австрийское наследство и Семилетней — на четверть века переместили вектор внешней политики двух империй в Центральную Европу, и это следует учитывать при рассмотрении российско-балканских связей в 40—50-е годы. Круговерть на севере и западе диктовала крайнюю осмотрительность в сношениях с Османской империей и рождала опасения, как бы пылкие балканские сердца не вовлекли Россию в крайне нежелательное столкновение. Сошлемся на письмо резидента в Константинополе А.А. Вешнякова черногорскому митрополиту Савве Петровичу (1745): "Я без сумненен, что ваше преосвященство мудрым вашим руководством и духовными христианскими увещаниями паствы вашея християн воздержите от всего того, еже может подавать причину к отмездию от турецкой стороны как того естественное благорассудство и мудрость требует...".

Связи с балканцами в лихие времена не оборвались, они продолжались и развивались, но импульс исходил со стороны славян. Жалобы на притеснения шли потоком, причем даже больше из владений "милостивой кралицы Марии-Терезии", нежели Высокой Порты. "Преодолевает иных злоба... Зде, в Егорском граде*, не дают нашим людям домови и виногради купити, ни же литанию молити, ни же церковь правити уже разоренну, — жаловался печский архиерей Парфений Павлович, — иные сербов до проклятой унии всяким начином совратит покушаются"[60].

Гонение на православную веру воспринималось как посягательство на культуру народа, его самобытность и этническое лицо. Многолетние хлопоты посольства в Вене увенчались изданием в 1752 г. распоряжения Марии-Терезии о запрещении преследования православия, что не означало их прекращения, ибо одно дело — указ, а совсем другое — реальное положение дел на местах при произволе администрации, недружелюбном отношении коренного населения и непрекращавшихся попытках католической церкви распространить свое влияние на переселенцев с помощью унии. Росло стремление избавиться от тягот и неурядиц под сенью великой православной державы.

Для России "австрийские сербы" были желанными подданными, они представляли своего рода военное сословие, из поколения в поколение неся службу на границе, привычные к ношению оружия, превосходный материал для укрепления беспокойного южного порубежья империи. Их были готовы встретить с распростертыми объятиями.

От "австрийских сербов" поступали предложения, от которых разгорались глаза у Елизаветы Петровны и ее приближенных. Полковник И. Хорват обещал привести на Украину конный полк в тысячу сабель за свой счет и еще пехотный полк в 2 тыс. штыков, но уже за казенный. По указу от 2 января 1752 г. Хорвату передали высочайшее благоволение и заверили его в готовности принять "сколько бы их из сербского народа в нашу империю перейтить похотело, всех оных, яко единоверных с нами"[61]. Сквозь высокопарные официальные формулировки проступало воодушевление, с которым царица откликнулась на возможность населить южное порубежье искусными в воинском деле людьми, близкими русским по

* Т.е. Эгере.

inslav

языку и культуре, что облегчало их вовлечение в жизнь страны. Такой же отклик встретила весть о желании 5 тыс. черногорцев переселиться в Россию: "Выход сюда таких людей в рассуждении храбрости и к войне склонности служит к пользе высочайших наших интересов"[62].

И. Хорвату поручили набрать "из православных сербского, македонского, болгарского и волоского народов" воинов и сформировать четыре полка, два гусарских и два пандурских (пехотных с пиками на вооружении), каждый списочным составом в 4 тыс. солдат и офицеров. На бумаге выходило — 16 тыс. В указе от 11 января 1752 г. подробно оговаривалось содержание и довольствие создаваемого войска, предусматривалось предоставление солдатам и офицерам земли, упоминалось даже название будущего поселения — Новая Сербия. Важно подчеркнуть, что переселенцы обустраивались с семьями и политиками, они могли строить и свои школы и церкви[63].

Царица все же сомневалась, что ее сестра Мария-Терезия готова так просто потерять десятки тысяч столь нужных ей самой воинов. Но раз уж "венской двор самопроизвольно лишает себя храброго сербского войска, то всемерно мы не можем иначе как прилежное старание прилагать, дабы оное себе получить". В такое легкомысленное отношение венцев к воинской силе не верилось, и царица сама себя уговаривала, — авось сойдет: "...По той искренней натуральной и всегда твердо наблюдаемой между обоими императорскими дворами дружбе мы чаять не можем, чтоб е.в. императрица-королева некоторому приумножению наших легких войск препятствовать похотела". На всякий случай текст указа послали в посольство все же цифирью (шифром). Посланник Г.К. Кейзерлинг разделял опасения Елизаветы и предупреждал: "Здешний двор весьма явственно дал знать, сколь одному над меру трудно толь великое число подданных выпускать из земли, и без того уже жителями недостаточной..."[64].

Действительность оказалась куда скромнее ожиданий: правительство Марии-Терезии спохватилось, что упускает самую боеспособную часть граничар Южной Венгрии, и начало чинить препятствия их отъезду в Россию. Лишь первая партия из 276 человек получила паспорта без помех.

Вслед за Хорватом свои услуги по вербовке гусар предложил полковник И. Шевич, выхлопотавший для себя на новой службе, как и Хорват, чин генерал-майора. В представленном им списке пожелавших прибыть в Россию поражает скромное число солдат по сравнению с господами офицерами. В первой партии из 178 человек на 13 офицеров пришлось 22 рядовых. И уже в оторопь приводит перечень обслуживающего персонала, на содержание которого испрашивались средства. Так, подполковник Иван Шевич вез с собой 38 человек; еще можно понять наличие в его свите камердинера, дворецкого, лекаря, но скороход и четыре пажа! На 13 офицеров не слишком высокого ранга приходилось 163 "души" обслуги! В бумагах появилась странная формула: такой-то (имярек) называет себя (следовало звание), что навевает мысль о "самопроизводстве" в офицеры для получения соответствующего жалованья. Так поступали некоторые писари[65].

Но выйдем на свет из легкой тени российско-южнославянских отношений. Полки из южных славян и других балканцев стали весомым фактором в обороне порубежья. В апреле 1753 г. сенат "по рассуждению генералитетском и Военной коллегии", принял решение о строительстве новой

inslav

оборонительной линии от впадения реки Самары в Днепр до Бахмута через верховья рек Сейжаровки, Миуса и Белой протяжением 220 верст. Обустраивалась военная граница, отсюда и указание — поселить на ней десять полков. От нее на расстоянии "не далее 80 верст" располагалась старая линия, на которой оставалось девять полков для "сикурсовани(я) к новой линии и наитвержее охранение той Украины служить может". И. Шевичу и другому сербскому военачальнику, тоже пожалованному чином генерал-майора, Радко Прерадовичу с их "командами" отводился участок в 100 верст от Бахмута до реки Луганки. В августе 1754 г. последовала промемория Военной коллегии за подписью Василия Ивановича Суворова, отца великого полководца, с уточнением района размещения сербских поселенцев в Бахмутской провинции. Войскам Донскому и Запорожскому и слободским полкам предписывалось "никакого наималейшего помешательства и новопоселенным людям никаких обид" не чинить. На карте появилась Славяносербия[66].

Отношения между тремя сербами в генералмайорском звании сложились далеко не безоблачные: каждый стремился занять место повыгоднее под лучами царских милостей, никто не желал служить под командой другого. И. Шевич, подчеркивая заслуги своей семьи, с гордостью носил на груди портрет Петра I, будто бы врученный царем его отцу за участие в Прутском походе. А в сенат поступила жалоба прапорщика Вулина, утверждавшего, будто портрет пожалован его деду, Шевич же взял его на время и использует в своих целях. Вулин уличал Шевича в том, что тот ввел сенат в заблуждение, сообщив, будто он из своих средств оплачивал переезд в Россию многих гусар, тогда как те "письменно ж показывают, что сами вышли собою и своим коштом и просят об определении их к Прерадовичу, а другие — к Хорвату"[67]. Но это — не более чем теневые блики на общем фоне российских связей с южными славянами Австрийской монархии.

В землях Османской империи центром притяжения к России продолжала оставаться Черногория. В основе сношений с нею лежало страстное стремление черногорцев утвердить свою самостоятельность и желание Петербурга обрести точку опоры на Балканах, притом что после войны 1735—1739 гг. сохранение мира с Высокой Портой являлось непременным условием российской внешней политики. Отсюда — настоятельные советы благоразумия, обращенные к вечно мятежным юнакам, которые без отклика все же не оставались. Так, старейшины писали резиденту в Константинополе А.М. Обрескову (май 1751 г.) с несвойственным им смирением, что они "ни же мятежники, но его (султана. — *Авт.*) подданные и даем собираемяе подати, как явствует из даванных нам квитанций и описей е.в. от мусасилей в платеже податей, кроме что аги и прочие турецких городов турки, желая показать нас мятежниками, убивство чинят, в плен берут, домы грабят, скот отгоняют, землю, от которой пропитание имели и подати платили, насильно владеют. Словом сказать, все отняли"[68].

Митрополит Василий Петрович знакомил россиян с историей Черногории, слегка ее приукрашивая: 1712 г. — нашествие Ахмеда-паши, отбитое с большими для него потерями; 1714 г. — нашествие Дусмана-паши со 100-тысячным войском; "пятую часть земли Черногории выжегши и многих в плен взявши", он все же вынужден был отступить; 1716, 1726, 1739 гг. — новые бедствия обрушились на многострадальную землю. За-

inslav

тем митрополит излагал просьбу "оному народу повсегодно на воинское содержание какую-либо сумму денег" присылать. Владыка с гордостью подчеркивал: "Оный черногорский принципат никому не подвластен как точию самой ея императорскому величеству самодержице Всероссийской". "Почему бы к оному нашему народу, — рассуждал далее преосвященный, — в случаи с турки войны все окрестные славяно-сербские народы присовокупились, и отдали себя под протекцию всероссийскую"[69].

Владыка Василий поставил в трудное положение Коллегию иностранных дел: санкционировать его пожелания значило рассориться с Высокой Портой. Ответ ему был дан в тщательно взвешенных выражениях, чтобы и черногорцев не разочаровать и не отшатнуть их, и с Османской империей в распрю не вступить, крайне нежелательную ввиду надвигавшейся в центре Европы войны: "По его же прошению о защищении Черной горы от султана турецкого, дабы на оную не восстал, не оставится во особливое уважение принять и при надежном случае в пользу черногорского народа при Порте Оттоманской заступление учинить"[70]. Ходатайство о принятии Черногории под российское покровительство со включением ее в императорский титул было принято к сведению, но не оглашено в документе международного характера. И уж совсем негоже было конфликтовать с союзной Австрией из-за пропуска южных славян в Россию; владыке обещали "пристойное домогательство" перед Веной, что и было осуществлено в ноте от 8 марта 1754 г. Характерны формулировки о государственной принадлежности желавших переселиться: говорилось о "разных черногорских фамилиях" и людях "из народов тамошних околичностей, греческую веру исповедающих (которые все в совершенной свободе, а ни под какой державою не состоят)"[71]. Исподволь, без шума, мир приучали смотреть на Черногорию как на самостоятельную государственную единицу.

6 октября 1756 г. последовал важнейший указ Елизаветы Петровны об установлении Черногории ежегодной субсидии ("знатного пенсиона") в 15 тыс. руб. в уверенности, что "ожидаемая от черногорского народа для здешних интересов польза" оправдает затрату столь нешуточных средств. В Цетинье отправили советника Пучкова — не только для передачи денег, но и с целью прекращения розни и раздоров между племенами, установления между ними "доброго порядка и согласия" и введения "необходимо нужного регулярства и доброй дисциплины делам прилежащими", иными словами, внедрения хотя бы начатков организации в черногорское войско, отличавшееся пылкой отвагой и полным отсутствием дисциплины.

Указ имел долговременный стратегический характер, Черногория рассматривалась как зона российского влияния, как важный центр предстоящего процесса освобождения. Акт не был привязан к определенной дате. Россия, поглощенная Семилетней войной, нуждалась в мире на южных рубежах. Отсюда — замечание — "нынешние обстоятельства требуют Оттоманскую Порту всячески менажировать" (т.е. вести себя крайне осторожно). Понятно, почему миссия Пучкова проводилась в глубоком секрете. Ему надлежало "тамошним начальникам накрепко" рекомендовать "о сей нашей к черногорскому народу милости не разглашать"[72].

Коллегия иностранных дел и Синод не оставляли своим вниманием и единоверцев, живших в венецианских владениях на побережье Адриатики. Там враги православия прибегли к из ряда вон выходившей уловке для смущения православных душ. Савва и Василий Петровичи сообщали в ап-

inslav

реле 1762 г.: "Ныне вздумали венециани и начели российским печатом на славенски церковние книги печатат униатски чтобы российского имена не было в словенском здешнем народе, черногорском и далматинском, сербском, болгарском и хорвацком". Венеция "ухитрила" и такое "лукавство" учинить: униатского священника выдали за православного, добились его утверждения в епископском сане Константинопольским патриархом. "Но наши православни бедни христиани оного еретика-грека никаким образом за своего архиерея не хотят принять"[73]. Следовала просьба о помощи в защите святой веры. Такие дела творились на территории Республики Святого Марка, хотя еще в 1758 г. у нее добились согласия на свободу православного вероисповедания.

Своим чередом продолжались духовные связи с балканскими христианами. В Россию прибывали представители церкви за "милостыней", из казны отпускались средства на строительство и ремонт храмов, поддержку монастырей, посылались иконы, книги и церковная утварь. Принципиально новыми явились первые, еще робкие попытки приобщения южных славян к русской культуре. Еще в 1724 г. синод направил к "австрийским сербам" учителя М.Т. Суворова. Он открыл школу в Сремски Карловцах, потом переселился в Белград. Первопроходцу пришлось нелегко: денег поступало мало. Но ведь первый шаг — он трудный самый, и он был сделан[74].

1 *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 11. С. 24, 28—29.
2 Там же. С. 10.
3 Там же. С. 105.
4 *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1990. С. 301; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 101, 407.
5 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 110; *Bain R.N.* The daugther of Peter the Great. Saint Clair Shores, 1969. P. 45.
6 *Bain R.N.* Op. cit. P. 38; *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 175; Дочь Петра Великого. М., 1999. С. 544.
7 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 120—123.
8 *Лиштенан Ф.Д.* Россия входит в Европу. М., 2000. С. 26.
9 *Bain R.N.* Op. cit. P. 110.
10 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 126.
11 *Лиштенан Ф.Д.* Указ. соч. С. 37.
12 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 164, 167, 107.
13 Там же. С. 229, 338.
14 *Valloton H.* Kaiserin Maria Theresia. Hamburg, 1968. S. 48—54; Tapié *V.S.* Monarchie et les peuples du Danube. P., 1969. P. 264.
15 *Valloton H.* Op. cit. S. 59, 61.
16 Ibid. S. 56—57.
17 Ibid. S. 65.
18 Ibid. S. 72.
19 История внешней политики России, XVIII в. М., 2000. С. 80, 93; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 184.
20 *Лиштенан Ф.Д.* Указ. соч. С. 36, 44.
21 *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. М., 1999. С. 122.
22 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 285—287; *Лиштенан Ф.Д.* Указ. соч. С. 115.
23 Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 433; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 269.
24 *Лиштенан Д.Ф.* Указ. соч. С. 118.
25 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 11. С. 278—279, 273.

inslav

[26] *Валишевский К.* Указ. соч. С. 381.
[27] *Анисимов Е.В.* Кнут и дыба. С. 116.
[28] *Тверитинова А.С.* К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 324; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1999. Кн. 11. С. 408.
[29] *Лиштенан Ф.Д.* Указ. соч. С. 78.
[30] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 11. С. 454, 457.
[31] *Bain R.N.* Op. cit. P. 130. В историографии существует и другая точка зрения: военные действия уже прекратились и русский корпус стал помехой для всех (см.: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 403). С этим утверждением не увязывается факт ухода победоносных французских войск из Бельгии.
[32] *Лиштенан Ф.Д.* Указ. соч. С. 84; *Mihneva R.* L'Empire Ottoman et la Russie dans la politique européene durant la guerre pour la Succession d'Autriche // Etudes balkaniques. 1984. N 1. P. 110.
[33] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 11. С. 95—96, 105, 101; *Mihneva R.* La Russie et l'Empire Ottoman dans la politique europeenne, 1741—1743 // Etudes balkaniques. 1982. N 3. P. 97—98.
[34] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 11. С. 81, 190; *Тверитинова А.С.* Указ. соч. С. 313; *Mihneva R.* La Russie... P. 99—100.
[35] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 11. С. 104; *Mihneva R.* La Russie... P. 107.
[36] *Mihneva R.* L'Empire... P. 111—115.
[37] *Valloton H.* Op. cit. S. 94.
[38] Ibid. S. 96.
[39] Friedrich der Grosse: Politischen Testamente. B., 1922. S. 201; *Asprey R.* Frederick the Great: The magnificent enigma. N.Y., 1986. P. 408—409.
[40] История внешней политики России. С. 153—154.
[41] История СССР. М., 1967. Т. 3. С. 138—139; История внешней политики России. С. 103. Мы не разделяем оценки Е.В. Анисимова: "Россия — заложница австрийских интересов" (*Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. М., 1997. С. 266).
[42] Семилетняя война. М., 1948. С. 95—99.
[43] *В.В.* Россия и Франция в первой половине XVIII в. // Русская старина. 1898. № 1. С. 150, 130; *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968. С. 53, 192; *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 1999. С. 332.
[44] *Bain R.N.* Op. cit. P. 291.
[45] Семилетняя война. С. 191—201; *Кони Ф.* Фридрих Великий. Ростов н/Д., 1997. С. 306; *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. С. 341—343.
[46] *Кони Ф.* Указ. соч. С. 339—340.
[47] *Валишевский К.* Указ. соч. С. 479—480; Семилетняя война. С. 240—241.
[48] *Asprey R.* Op. cit. P. 499; Семилетняя война. С. 337.
[49] Семилетняя война. С. 483; *Asprey R.* Op. cit. P. 517, 520.
[50] Семилетняя война. С. 484, 709; *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в. М., 1986. С. 124—125.
[51] *Кони Ф.* Указ. соч. С. 386.
[52] Там же. С. 416—417.
[53] *Bain R.N.* Op. cit. P. 293.
[54] История внешней политики России. С. 105.
[55] *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 178; *Bain R.N.* Op. cit. P. 286—287.
[56] История внешней политики России. С. 107.
[57] *Bain R.N.* Op. cit. P. 289, 292.
[58] Семилетняя война. С. 63. Тогда под Прусским королевством подразумевали Восточную Пруссию. Основная часть владений Фридриха именовалась Бранденбургом.
[59] Там же. С. 812. В словах Е.В. Анисимова (см.: *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. С. 391): Петр был "заброшен чужой волей в далекую страну с ее ужасным климатом, унылой столицей, грязными городишками, почти языческой церковью, парной баней... высокомерной холопствующей знатью" — много горькой правды. Но ведь долг государя — служить стране, а не руководствоваться личными чувствами, и тем более не действовать наперекор ее интересам.

inslav

[60] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 127.
[61] Там же. С. 149, 153, 144.
[62] Там же. С. 171.
[63] Там же. С. 153.
[64] Там же. С. 144, 149.
[65] Там же. С. 173, 162—163, 183.
[66] Там же. С. 180—188, 200, 201.
[67] Там же. С. 183, 192. Через десять лет И. Хорвата, ставшего генерал-поручиком, уличили в из ряда вон выходящих вымогательствах (присвоил себе 65 тыс. руб. из причитавшихся гусарам средств). Он был сослан в Сибирь. См.: Там же. 266.
[68] Там же. С. 143.
[69] Там же. С. 185, 186, 187—190.
[70] Там же. С. 196.
[71] Там же. С. 197.
[72] Там же. С. 235, 234.
[73] Там же. С. 262, 252.
[74] Там же. С. 69—70, 79.

inslav

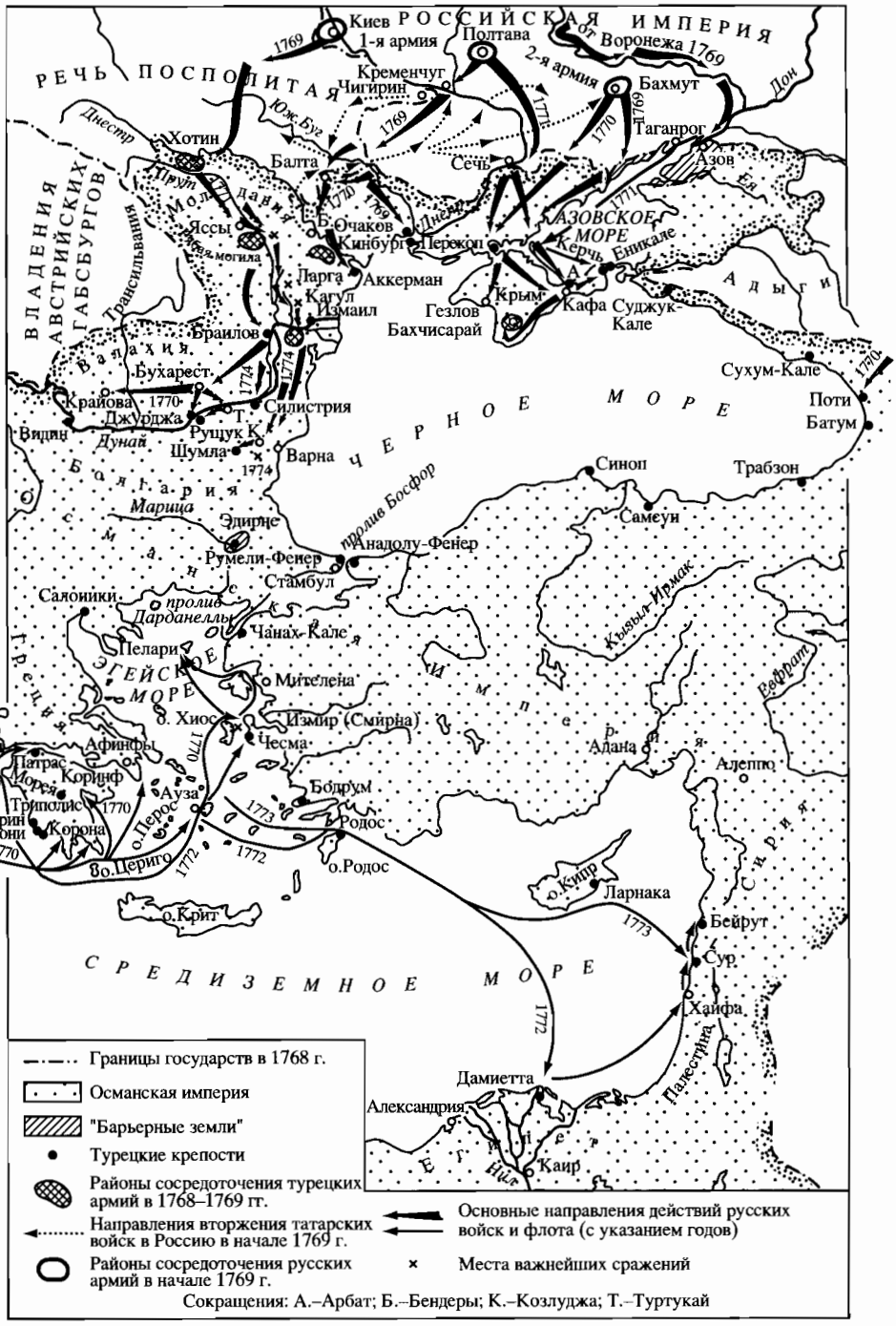
Екатерина II и прорыв России на Балканы

Принцесса София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская, перевоплотившаяся в императрицу Екатерину Алексеевну, немка и узурпаторша, должна была показать и доказать, что иных интересов, кроме российских, для нее не существует. И всем своим правлением, и в первую очередь ведением внешних дел, она это продемонстрировала[1].

Никаких особых отношений с родиной, с Германией, ни в политике, ни в жизни, ни в быту. Переписка с немецкими владетелями исключительно по-французски. Полный разрыв с родственниками — ни один из них не приглашался в Петербург. Сама Екатерина за 52 года пребывания в России ни разу не переступала ее границ. Она отказалась от модного тогда обычая брать в услужение иностранцев — только россияне! Дипломатам, русским по происхождению, она предписала составлять депеши на родном языке (любопытно, что Фридрих II перевел дипломатическую корреспонденцию на французский). Когда сын Павел достиг совершеннолетия, мать отказалась за него от герцогства Гольштиния: негоже будущему царю тесниться в толпе немецких князьков. Пришла Павлу пора жениться, и Екатерина предусмотрительно составила наказ для великой княгини: три пункта — послушание мужу, покорность свекрови, преданность России. Юная принцесса "должна чтить нацию, к которой будет принадлежать", соображаться с ее обычаями, "проявлять решительную охоту говорить на языке этой обширной империи" и приступить к его изучению "с самой минуты прибытия своего в Петербург"[2]. И ни Боже мой не говорить ничего худого о России!

Петр Федорович оставил супруге в наследство неприязнь к иноземным дворам и желание избавиться от их опеки: "Мое существование состоит в том, чтобы, разве потеряю рассудок, не хотеть быть под игом никакого двора, и я, слава Богу, не нахожусь под ним". Финансы к концу безалаберного правления Елизаветы Петровны пришли в плачевное состояние. За казначейством числилось 18 млн руб. долгу, а в его сундуках — хоть шаром покати. Действующая армия восемь месяцев не получала жалованья. По словам Екатерины, "повсюду народ приносил жалобы на лихоимство, взятки, притеснения и неправосудие". Полтораста тысяч монастырских крестьян "отложились от послушания", "флот был в упущении, армия в расстройстве, крепости разваливались". Императрица мечтала о пяти годах покоя: "Заключить мир, привести мое обремененное долгами государство в наилучшее состояние, какое я только могу..."[3].

inslav



Русско-турецкая война 1768—1774 гг.

inslav

Поставленный во главе Коллегии иностранных дел Никита Иванович Панин в иных выражениях высказывал сходные с царицыными мысли: "Мы затверделому австрийскому самовластию и воле следовать не хотим и во взаимных интересах наших с оным двором ведаем определить истинное равновесие...". Далее следовало утверждение: "Россия независимо от других держав собою весьма действовать может". Так что крылатая фраза Екатерины: "Мы ни за кем хвостом не тащимся"[4], — явилась плодом не внезапного вдохновения, а продуманной программы действий.

Крепло убеждение, что Европа больше нуждается в России, чем последняя в Европе. Недавние союзники, австрийцы, это сознавали. После свержения Петра III у них затеплилась надежда на возврат беглянки в коалицию. В Петербург спешно прибыл посланец от Габсбургов, но здесь его ждало разочарование: "Россия сама по себе настолько крепкое государство, что может обойтись без всякой иноземной помощи", — сообщал он своему двору. И страна, и императрица жаждали избавиться от иностранной опеки и вкусить блага мира. А без России военные действия продолжались еще год, затем истощенные противники помирились на условиях довоенного состояния границ, Фридрих II начисто утратил военный задор и больше не пускался в рискованные предприятия. Что же касается Австрии, то она из союзника превратилась в соперника России на появившемся при Екатерине балканском направлении ее политики.

Первые шаги екатерининской дипломатии отличались осторожностью и сдержанностью. "Нужно было большое искусство, чтобы от всех отделаться и никого не обидеть", — замечал С.Ф. Платонов. Сама государыня свидетельствовала: "Со всеми государями Европы я веду себя как искусная кокетка"[5]. Н.И. Панин принялся сооружать так называемую Северную систему, или Северный аккорд, — нечто аморфное, трудно поддающееся определению, не коалицию и не союз, а некое согласие жить в мире, — в противовес французскому Восточному барьеру, чреватому конфликтами и войной. Сам ее созидатель мечтал с помощью своего детища "на севере тишину и покой ненарушимо сохранять" — Россия была удовлетворена сложившимся на Балтике положением. К "системе" удалось привлечь Англию, Пруссию, Данию, Швецию и Польшу. Сам этот перечень держав с перекрещивавшимися и сталкивавшимися интересами позволяет охарактеризовать "систему" как временную и зыбкую комбинацию, пока кто-либо из ее участников не попытается изменить существовавший к выгоде для России баланс сил.

В.О. Ключевский именовал творение Никиты Ивановича "дипломатической телегой, запряженной лебедем, раком и щукой", С.Ф. Платонов — "большой утопией", С.М. Соловьев считал ее создание неоправданным, британец А. Грей именовал "продуктом панинского идеализма", а В.С. Лопатин считал ее пропрусскою[6].

Мы не разделяем столь суровые оценки. "Система" для XVIII в. являлась чем-то из ряда вон выходящим, сотрудничество ряда стран осуществлялось тогда ради изменения статус-кво, а не его поддержания, и обычно имело целью в близком или отдаленном будущем развязывание войны. А тут своего рода лига мира. Сам автор усматривал в своем творении "вернейшее ручательство в общем спокойствии" и "залог обеспечения независимости этой части Европы"[7]. Пожалуй, А. Грей прав в том, что доля идеа-

inslav

лизма в замысле Никиты Ивановича присутствовала, но он явился провозвестником будущих международных и даже всемирных организаций, и за то дóлжно Панина хвалить, а не попрекать, хотя замечание насчет "знатной части руководства" России в "системе" подрывало ее привлекательность для прочих участников, снижало прелесть самого замысла и не сулило ей долгой жизни. Вектор внешней политики перемещался на юг, в центре и на севере Европы требовалась стабильность, и на ее утверждение был направлен "аккорд".

Екатерину нельзя вырывать из XVIII столетия и судить о ее деяниях, исходя из современных концепций. Как писал Евгений Викторович Тарле, "совсем не к чему ни чернить сверх всякой меры тогдашнюю русскую дипломатию за ее якобы исключительное коварство, ни славить ее и превозносить выше облака ходячего за ее будто бы моральную безукоризненность". Мораль Екатерины была "общепринятой моралью, не хуже и не лучше, и сердиться на нее за то, что ей удавалось почти всегда с необычайной ловкостью побеждать даже наиболее искушенных партнеров... по меньшей мере наивно"[8].

Завоевания считались тогда нормой международного права, с их помощью создавались все великие империи. Адепт Просвещения на престоле, Фридрих Прусский, во внешних делах отличался из ряда вон выходящей наглостью, Иосиф II Габсбург, крупный реформатор, отменивший в своих владениях личную зависимость крестьян, в иностранной политике выступал как откровенный, хотя и малоудачливый хищник[9]. Екатерина в вопросе о территориальных приобретениях занимала особую позицию. В циркулярной депеше от 13 ноября 1763 г. говорилось: "Намерения нашего никогда не было, да и нет в этом нужды, чтобы стараться о расширении империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга"[10]. Это — свидетельство документа, служившего инструкцией всем послам и дипломатам рангом пониже и являвшимся своего рода постулатом российской внешней политики. Не завоевания ради завоеваний, а обусловленные государственным интересом территориальные приращения. Движение на юг рассматривалось как возвращение на дедовские земли.

Российская внешняя политика при Екатерине вновь обрела присущий ей при Петре динамизм, утраченный было при его незадачливых преемниках, и импульс исходил от государыни, обладавшей способностью стратегического мышления, силой воли, упорством (правда, переходившим в упрямство). Все это сочеталось с честолюбием и тщеславием, не говоря уже о падкости на лесть. Но все же положительные черты преобладали. Особо следует отметить такие ее качества, как оптимизм, позволявший стойко переносить удары судьбы, и бившее в молодости через край жизнелюбие. Чего стоит одно ее письмо послу в Лондоне Ивану Чернышеву: "Послушай, барин! Когда ты узнаешь все, что я делала и затеяла противу Российской империи неприятеля, тогда ты скажешь, что после Ивана Чернышева никто более Катерины не любит шум, гром и громаду; не изволь сие принять за бредню. Если нужда потребует, то и с шведами управлюся как с клопами, кои кусают с опасностью быть раздавленными"[11]. Знай наших! Если добавить к этому ее умение подбирать, ценить и поощрять сотрудников ("Я хвалю громко, а ругаю на ушко"), способность не тушить, а подхватывать и развивать их инициативу, станет понятно, что никакой чехар-

inslav

ды с кадрами не происходило. Не один слуга Отечества в минуту жизни трудную ощущал твердую руку императрицы.

Игнорировать роль Екатерины в истории нашей страны, или обращаться к ее личности лишь для того, чтобы метнуть очередную критическую стрелу, как то делалось многие годы, значит по меньшей мере эту историю обеднять. Екатерине Россия в немалой степени обязана взлетом своего могущества и колоссальным ростом влияния в делах и судьбах Европы.

Поисками новых путей во внешней политике она не занималась, а шла по проторенной Петром дороге. От него она унаследовала стремление утвердиться на Балтике и в Центральной Европе, пробиться к Черному морю, ликвидировать угрозу набегов крымских татар, освоить богатейшие залежи тогдашней целины, именовавшейся Диким полем. Но изменились приоритеты: на западе — закрепление позиций, центр тяжести переносился на юг.

Обеспечить несколько лет спокойной жизни, чтобы прийти в себя после тягот Семилетней войны и гротескного правления Петра III, а затем приступить к сведению счетов с Высокой Портой, не удалось: назревал очередной кризис в польских делах. Король Август III доживал последние месяцы, и следовало озаботиться о его преемнике, дабы соперники, Австрия и Франция, не перебежали дорогу со своей креатурой и утвердили в Речи Посполитой свое влияние. Выбор Екатерины пал на ее бывшего фаворита Станислава Понятовского. Императрица рассчитывала на привлекательность своего кандидата в глазах польской общественности: природный поляк, потомок древней династии Пястов, сам не богат, но по матери связан с кланом Чарторыйских, умен, образован, разделяет идеи Просвещения. Сомнительно, однако, было рассчитывать, что удастся в одиночку обеспечить избрание, а на поддержку можно было рассчитывать только со стороны Фридриха II. Побитый, пребывавший в полнейшей изоляции, он рвался к сотрудничеству с Екатериной Алексеевной, что позволяло ему выбраться из небытия на международную арену. Правда, обитатель замка Сан-Суси лелеял мечту об отторжении польского побережья Балтики и соединении Восточной Пруссии со своими основными землями. Не теша себя иллюзией относительно позиции России, он не выдавал в Петербурге своих замыслов.

Подписанный в 1764 г. в Петербурге русско-прусский договор предусматривал избрание на престол в Варшаве "природного поляка", что и состоялось в том же году с полным соблюдением конституционной процедуры и с затратой немалых средств на подкуп сеймовых послов. Екатерина, уплатила долги Станислава-Августа (король ведь!), и определила ему ежегодный пенсион в 3 тыс. червонных (9 тыс. руб.)[12]. Тягой Фридриха к сотрудничеству государыня воспользовалась для того, чтобы заручиться его благоприятной позицией на случай войны с Турцией. Берлин предоставил Петербургу свободу рук в местах, с "Турцией и Крымом граничащих". Предусмотрительная Екатерина выговорила, на предмет подобной эвентуальности, ежегодную субсидию в 400 тыс. руб. Союз заключался на восемь лет. Иными словами, императрица и Панин продвижение на юг не забывали и полагали, что столкновение с державой султана не за горами. Прижимистый пруссак был рад и рассчитывал, что и на его улицу придет праздник в виде получения лакомых кусков польской территории: "Я смо-

inslav

трю на эту счастливую пору как на основание и фундамент союза, который навсегда будет существовать, если то угодно Богу, между двумя нациями", — писал он царице[13].

Плохо знала Екатерина поляков, недооценила она позиций католической церкви, полагая, что с помощью простейшей комбинации, водворения на трон в Варшаве лояльного ей человека, можно уврачевать застарелые межнациональные противоречия и подвигнуть к решению то, что Пушкин именовал "Спором славян между собою/ Домашним старым спором,/ Уж взвешенным судьбою..." Слишком глубоко в историю уходил он своими корнями.

Попытка государыни осуществить благое дело, прекратить гонения на православных, утвердить в Речи Посполитой веротерпимость, добиться расширения прав диссидентской (православной и лютеранской) шляхты натолкнулась на отпор со стороны сейма и стоявшего за ним папского престола, и обернулась вооруженным вмешательством в польские внутренние дела, посылкой армии, гражданской войной и тяжелыми международными последствиями в виде разделов Польши[14].

Участие Екатерины в растерзании Речи Посполитой лежит темным пятном на ее репутации и встречает заслуженно резкую оценку в отечественной историографии[15]. Но муки совести ее не терзали. И тут впору вспомнить высказывание Е.В. Тарле: "...ее мораль была общеевропейской моралью, не хуже и не лучше". Екатерина была дочерью своего века, когда новые веяния в идеологии причудливо сочетались с унаследованными от Средневековья понятиями, принцип народовластия не вытеснил монархическую идею и никто не думал о самоопределении народов. И совершенно по тем же канонам действовали польские противники России из магнатских и шляхетских кругов, представлять их чистыми радетелями принципа национальной независимости нет оснований. Участников Барской конфедерации (1768 г.) нельзя считать невинными жертвами расправы над Польшей. Они успели заключить договор с Высокой Портой, "уступив" последней принадлежавший России Киев, а себе выговорив Смоленск, Стародуб и Чернигов в случае победоносной для польско-османского оружия войны против России[16]. Идея реванша не исчезала в шляхетстве и при агонии.

Два звена сооруженного французской дипломатией Восточного барьера — Турция и Польша — продолжали взаимодействовать, война с Портой разразилась в том же 1768 г. На юге сложилась ситуация, которую иначе как аномальной не назовешь. Могущественная Российская империя в разгар века Просвещения занималась сооружением очередной оборонительной черты (Закамской линии) для защиты от набегов хищников из Крыма. Украина в административном отношении была разбита на полки, население жило в постоянной тревоге. В порубежье селили прибывавших из австрийских и турецких владений сербов. Остро ощущалась необходимость хозяйственного освоения тучных черноземных земель Причерноморья и введения региона в европейский экономический оборот. В историческом сознании россиян эта территория, некогда входившая в состав Киевской Руси, продолжала оставаться своей, ее занятие воспринималось как возвращение достояния предков.

Торговля через Балтику не удовлетворяла хозяйственных нужд России. Ассортимент вывозимых товаров был ограничен: лес, руда, чугун,

inslav

пенька, холст. Подзолистые и глинистые малоплородные почвы Севера приносили скудный урожай, едва удовлетворявший внутренние потребности. Основные зерновые районы располагались к югу. Но не на телеге же было вести зерно за сотни верст к замерзающему зимой Балтийскому морю! На заседании Вольного экономического общества был зачитан доклад, в коем утверждалось, что весь регион к югу от линии Смоленск — Кострома — Воронеж кровно заинтересован в сбыте своей продукции через Черное море; сухопутные перевозки тогда обходились в 50 раз дороже морских[17]. А путь к морю преграждало Крымское ханство, вассал Османской империи.

И все же не Екатерина выступила с инициативой разрыва с Портой, руки были заняты Польшей. Искусный тактик и великий знаток восточных дел, резидент в Стамбуле А.М. Обресков сводил на нет интриги своего французского коллеги. Так, положив в свой карман 3 тыс. червонных, реис-эффенди осознал, что особой опасности для Порты российские акции в Польше не представляют (1764 г.). Но граф Ш.Г. Вержен не дремал и в следующем году "организовал" смещение этого высокого чиновника, а заодно и великого везира. Чтобы не раздражать турок, прекратили начатое было строительство крепости Св. Дмитрия (Ростов-на-Дону), а Обрескову отправили 70 тыс. руб. для придания "лестным блеском золота" бóльшей убедительности миролюбивым демаршам. Екатерина надеялась: "С помощью Божьей на сей раз мимо пройдется"[18].

Не обошлось. Раздосадованная неудачей с польскими выборами, встревоженная ростом могущества России, французская дипломатия натравливала Высокую Порту на северную соседку. Посол в Стамбуле Ш.Г. Вержен в апреле 1766 г. получил инструкцию: "Единственной целью Ваших усилий должно быть вовлечение турок в войну". Далее следовала циничная фраза: "Нас не интересует конечный успех, но само ее объявление и ход позволят нам приступить к разрушению зловещих замыслов Екатерины"[19].

Парижу не пришлось прилагать особых усилий. В Константинополе с тревогой следили за начавшимся развалом Польши, что грозило крахом всему Восточному барьеру. В диване одержали верх "мужи меча". Великий везир вспомнил о подходившем к случаю условии Прутского мира 1711 г. — обязательства Петра не вмешиваться в польские дела, и потребовал вывода царских войск из Речи Посполитой: "Отвечай, изменник, в двух словах: обязуешься ли ты, что эти все войска из Польши выведутся, или хочешь видеть войну?" По вошедшему в традицию обычаю, Обрескова из дворцовых покоев препроводили в Семибашенный замок, где и заточили[20]. 9 ноября 1768 г. царица известила, дворы, что она "противу истинной склонности своей" намерена употребить дарованные ей "от Бога силы в отмщение" и в доставление России "полного и публичного удовлетворения", подчеркнув тем самым, что стала жертвой агрессии.

В январе 1769 г. крымская конница вторглась на Украину, разоряя порубежные селения, сжигая все на пути и грабя. Последний в истории набег дорого обошелся России — к Перекопу пригнали полон в тысячи душ. Использовав фактор внезапности, конница как бы испарилась. А генерал-аншеф П.А. Румянцев спешно занял войсками "бариерные земли" и приступил к восстановлению Азова и Таганрога[21].

inslav

Взвешивая соотношение сил вступивших в противоборство сторон, тогдашние наблюдатели прочили успех высокой Порте: она могла выставить на поле боя 400 тыс. пешего и конного войска и 100 тыс. крымских татар, русские — не больше 180 тыс. штыков и сабель. Опыт недавней (1735—1739) войны не вдохновлял: турки разгромили цесарцев и пошли на минимальные уступки россиянам. Условия для мечтаний при составлении мирной программы отсутствовали, даже помышлять о вторжении на Балканы при противодействии чуть ли не всей Европы было беспочвенно. Совет при высочайшем дворе, размышляя "к какому концу привести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезные положить?", изложил оные выгоды скромно: настоять на свободе кораблеплавания по Черному морю и для этого добиться учреждения порта и крепости; в общем плане говорилось об уточнении границы с Польшей так, чтобы "навсегда спокойствие не нарушалось". Выражалось пожелание получить какой-либо остров на Средиземном море, чтобы учредить там базу[22].

С самого начала войны выявились стратегические преимущества турецкой стороны — обладание Крымом и господство на Черном море, что позволяло наносить удары в любой точке побережья. Российское командование собиралось прежде всего овладеть выходом из Азовского моря, "дабы зунд Черного моря чрез то заполучить в свои руки и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого Царьградского канала и до устья Дуная"[23]. Но в целом сухопутные операции в 1769 г. развертывались вяло, противники наращивали силы. Генерал-аншеф А.М. Голицын не решился на штурм крепости Хотин. Осенью город все же был занят, турки сами его покинули, опасаясь остаться на зиму без провианта. Голицына сместили с должности за нерешительность, армию возглавил энергичный и талантливый Петр Александрович Румянцев, который к концу года занял Дунайские княжества.

Международная обстановка выглядела далеко не безоблачной. Король Людовик XV — открытый подстрекатель турок. Венский двор пребывал в тревоге, от союзных отношений с ним не осталось и следа, они могли существовать лишь в оборонительном варианте, на почве совместного отпора османской агрессии. В 1768 г. с российской стороны обозначился вариант наступательный, а роста могущества, нашей страны Габсбурги боялись, Балканы рассматривали как зону своих интересов, продвижение России к Дунаю считали овладением господствующими позициями на подступах к ним. От венской дипломатии можно было ожидать всяческих каверз, и действительность превзошла самые мрачные опасения. Правда, договором 1764 г. цесарцев предусмотрительно посадили на прусскую цепь.

Союзник поневоле, Фридрих II, занимал двусмысленную позицию. Помогать Екатерине он не желал и писал своему брату Генриху: "Россия — страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа". Способствовать ее усилению "старый Фриц" не собирался, заманить его в войну с османами выходило за пределы возможного: "Я заключил союз с Россией не для того, чтобы под русскими знаменами вести пагубную войну, от которой мне ни тепло, ни холодно". Скуповатому королю жаль было выдавать ежегодно 400 тыс. руб. по договору с Екатериной. Царица, уже заслужила репутацию искусного, а для оппонентов — и коварного дипломата, и Фридрих не скрывал своих опасений: "Боюсь,

inslav

чтобы меня не стали доить как корову" в обмен "на изящный комплимент и соболью шубу"[24]. Пруссак поэтому источал миролюбие и предлагал свои услуги по улаживанию конфликта — со скромными результатами для России и наименьшими потерями для Высокой Порты. Буде сие не удастся, Екатерина заупрямится, а война выдастся долгой и трудной, можно выдвинуть иной вариант — предложить (дипломатия не любит слова навязать) царице раздел Речи Посполитой в качестве платы за свою лояльность. Фридрих свидетельствовал в своих мемуарах: "Предстояло на выбор — или остановить Россию на поприще ее громадных завоеваний, или, что было благоразумнее, извлечь из ее успехов выгоду для себя"[25].

Лояльно держались одни британцы, кровно заинтересованные в торговле с Россией и традиционно враждебные Франции. И тогда родилась дерзновенная мысль — отправить флот из Балтики в Средиземное море, нанести удары по турецкому побережью, повторить легендарную морскую битву при Лепанто (1571 г.), в которой испанцы и венецианцы сожгли и пустили на дно 200 османских галер. Сент-Джеймсский кабинет предоставил английские порты в распоряжение эскадры и разрешил вербовку моряков[26].

Французы в бессилии наблюдали, как мимо их берегов проплывают парусники под андреевским флагом: бросить вызов и России, и Великобритании они не решились. Оставалось предаваться самоутешению. Герцог Э.Ф. Шуазель, ведавший иностранными делами, уведомил посла в Петербурге: "Его величество желает, чтобы война России и Турции продолжалась до тех пор, пока петербургский двор, униженный или по крайней мере ослабленный, не будет в состоянии думать об угнетении соседей и вмешательстве в общеевропейские дела"[27].

Эскадра Г.А. Спиридова миновала Гибралтар, в Италии взяла на борт А.Г. Орлова, назначенного командующим всеми силами в Средиземном море, и в славном Чесменском сражении 24—26 июня 1770 г., между островом Хиос и материком, разгромила сильный турецкий флот. Отчет адмирала о битве слогом своим походил на торжественную оду: неприятельский "флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепл обратили, и оставили на том месте престрашное позорище..."[28].

На сухопутном театре Румянцев разбил врага, в трех сражениях — у Рябой могилы, у Ларги и в генеральной битве на реке Кагул, притоке Дуная, 21 июля (1 августа) — 1770 г. Имея всего 17 тыс. пехоты и конницы, он одолел 150-тысячную армию османов. Противостоять умелому маневру и штыковому удару обученных по-европейски полков турки оказались не в состоянии, несмотря на их личную отвагу. К концу кампании Румянцев, уже фельдмаршал, занял южную часть Бессарабии, Буджак, крепости Измаил, Килия, Аккерман и Бендеры и овладел дунайским портом Браиловым (Брэилой).

1771 г. ознаменовался занятием Крыма, многие мурзы отказались от безнадежного сопротивления и перешли под высокую царскую руку.

Но на международном горизонте сгущались тучи, из Вены поступали вести одна тревожнее другой, и под их аккомпанемент прошел весь год. В конце марта посол, князь Д.М. Голицын сообщал: "От достоверных людей сведал я, что здешний двор принял намерение привесть армию свою в такое полное состояние, в каком она в военное время бывает и для того оп-

inslav

ределил уже для полного укомплектования набрать двадцать тысяч рекрут...". Войска концентрировались в Трансильвании, на фланге российской Дунайской армии. Всего, по данным дипломата, — а он умел в нужных случаях развязывать кошелек, — к переброске намечалось 60 тыс. человек, 17 пехотных и 19 конных полков. А у Румянцева — всего 45 тыс. штыков и сабель[29]. Император Иосиф излагал свои соображения в письме брату Леопольду: "Если русские прорвутся через Дунай и пойдут к Адрианополю, то для нас наступит время двинуть войска на Дунай для отрезания им обратного перехода, во время которого армия их может быть уничтожена". Еще в 1770 г. состоялись два свидания Иосифа с Фридрихом II, и последний, "верный союзному долгу" информировал Екатерину: "Положение дел опасно... Одна искра может причинить пожар"[30].

В декабре 1771 г. до Коллегии иностранных дел дошли слухи о свершившейся австро-турецкой сделке. Пронырливости осведомителей не хватило на то, чтобы вовремя разузнать про подписание еще 7 июля договора, по которому Вена обязывалась "путем переговоров или силой оружия" добиться от России заключения мира с возвращением туркам всех занятых ее войсками "крепостей, провинции и территорий". О себе Габсбурги позаботились, выговорив, в обмен на услугу, лакомый кусок — Олтению (Западную или Малую Валахию) до реки Алута (Олт) и субсидию в 20 тыс. кошельков (10 млн пиастров), отсюда и название конвенции — субсидная. В марте 1772 г. англичане конфиденциально сообщили Н.И. Панину ее текст. Неприятной новости так не хотелось верить, что Д.М. Голицын, в порядке перестраховки, подкупил, кого нужно, и заимел копию нужной бумаги ("какую надежным каналом получил я ...естли истину сказать, так за денги")[31].

Российская дипломатия развила кипучую деятельность, стремясь развеять нависшую над страной угрозу. Императрица заверяла венский двор, что не помышляет о завоеваниях: "Постоянным правилом, на коем она основывает свою славу, является счастье и спокойствие подданных". Ее цель — возмещение убытков, обеспечение границ державы, укрепление мира, снятие преград с черноморской торговли, в отношении татар — сделать соседство с Крымом "менее беспокойным", а для сего добиться прекращения над ним "одиозного ига" (османского) и предоставления ему "всех прав и прерогатив свободного и независимого народа". То же самое — независимость (разумеется, при соответствующем влиянии самодержавия) — предусматривалось в отношении Дунайских княжеств.

Из Шенбруннского дворца пришел запрет на все: "Мир на таком основании даст Российской империи громадное могущество, а Оттоманской империи — падение в перспективе, более или менее отдаленное, но неизбежное, что несовместимо с безопасностью Австрии", гласил ответ канцлера В.А. Кауница. Екатерина негодовала: "...Наши кондиции не им на суд отданы... Их устраивает диктовать мир. Но не диктаторам осуществлять свою власть над Россией"[32].

От зоркого глаза российской дипломатии не укрылись нелады в августейшем габсбургском семействе. Императрица-мать Мария-Терезия косо смотрела на свидания своего отпрыска с Фридрихом Прусским, который отторг у нее богатую Силезию, старая дама считала себя обобранной до нитки. В двух войнах она потерпела неудачу и не желала, испытывать

inslav

судьбу в третьей, с Россией. Осведомленные люди сообщали о чуть ли не ежедневных стычках матери с сыном[33].

Не разделяли воинственного азарта Иосифа многие генералы: удар по армии Румянцева, а дальше что? Поход на Россию? Весь прошлый опыт свидетельствовал, что развязать с ней войну легко, а выбраться из нее трудно, в бескрайних российских просторах можно и заблудиться. Простейший подсчет показывал, что тогда Фридриху II достаточно собрать 20-тысячный корпус и устроить военную прогулку в Богемии (Чехии). Еще легче "старому Фрицу" обрушиться на Австрийские Нидерланды (Бельгию). Свои впечатления о встречах с ним Иосиф суммировал кратко: "Говорит он чудесно, но в каждом слове проглядывает плут". Цесаря обуяли сомнения. Д.М. Голицын раздобыл информацию о его доверительных беседах с близкими: Вене и Петербургу, чем ссориться, следовало бы достичь "примирения интересов приобретениями, которые можно было бы осуществить в Турции"[34].

Подписав субсидный договор с Османской империей, австрийцы предались размышлениям, испугались содеянного и не спешили его ратифицировать. Но угроза удара по флангу и тылу армии Румянцева не миновала. А тут еще молодой шведский король Густав III, двоюродный брат Екатерины по матери, совершил государственный переворот, восстановил абсолютную власть монарха, и в Петербурге усилились опасения насчет сохранения спокойствия на севере: "Ест ли французская партия верх возмет, то сомнения нет в возобновлении комедии 1741 года" (т.е. войны со Швецией), — тревожилась государыня. Аккредитованные в столице дипломаты предвкушали: "Если шведы осмелятся действовать наступательно, ничто не помешает им овладеть Кронштадтом", да и Петербургом заодно[35].

Страна устала от длившейся уже четыре года войны, один рекрутский набор шел за другим (всего — 300 тыс. человек). В армию, по словам Румянцева, поступала "слабая неучь"[36]. В 1771 г. разразился "чумной бунт" в Москве, в следующем произошли волнения на Дону, а впереди — великое Пугачевское восстание. Продолжать войну при постоянной угрозе диверсии с австрийской стороны становилось смертельно опасно, Екатерина пришла к выводу — нужно отвлечь внимание Вены на север, и на улицу Фридриха II пришел праздник: царица сняла свои возражения против раздела Речи Посполитой. 25 июля 1772 г. Пруссия, Россия и Австрия подписали соглашение на этот счет. Центр противоречий перемещался с Балкан в Центральную Европу. Прусский король терял интерес к сотрудничеству с Габсбургами и переходил к соперничеству с ними, австрийцы перестали бряцать оружием в опасной близости от театра военных действий. Высокая Порта лишалась активной поддержки прежних конфидентов, приступивших к растерзанию Польши. Субсидный договор так и остался нератифицированным, венскому двору пришлось выбираться из паутины козней, им же сотканной. Императрица-королева Мария-Терезия сожалела о провокационной военной демонстрации в Трансильвании и о "несчастной" конвенции с турками: "Мы хотели действовать по-прусски (что в ее устах означало — по-разбойничьи. — *Авт.*), сохраняя в то же время вид честности". Британскому дипломату Р. Ганнингу Панин заявил: "Один только польский раздел помешал Австрии обнажить меч"[37]. Д.И. Фонвизин, служивший тогда в ведомстве иностранных дел, заметил: удалось купить такой ценой "прекращение войны, нас изнуряющей".

inslav

На самом деле бои продолжались еще два года. Цесарцы отказались от силовых приемов, но не от стремления пресечь бег России к могуществу, и продолжали поддерживать турок, находя в этом общий язык с пруссаками.

Весной 1772 г. измотанные бесконечными поражениями османы пошли на перемирие — в Фокшанах в июле приступила к работе мирная конференция. Туда прибыли и посланники Австрии и Турции, стремившиеся навязать свое посредничество (т.е. участие в переговорах). Дипломаты спешили, пруссак А. Цегелин изливал свою досаду: "...Я всякий день бешусь, видя, что мы едем тихо на проклятых волах, я сколько можно старался, чтоб снабдили нас телегами с лошадьми". Всего с обслугой в Фокшанах набралось уполномоченных со свитою полтысячи человек, и всю эту ораву российской стороне предстояло содержать, кормить, поить и развлекать. Первый российский делегат граф Г.Г. Орлов оборвал австрийского интернунция И.А. Тугута, усевшегося было за стол переговоров, объяснив ему, что приняты лишь добрые услуги немецких дворов, и он намерен "производить дело беспосредственно с Портою Оттоманскою без всяких затруднений и околичностей"[38]. Не отличавшийся дипломатическими дарованиями и чуждый неторопливым традициям Востока, Григорий Григорьевич решил взять быка за рога и добиться у турок согласия на отторжение Крыма. Он встретил резкий отпор со стороны Османа-паши: "Есть либ Оттоманская империя по десятилетней войне приведена была до крайности, то и в таком случае не может она согласиться на таковой артикул..."

А Григорий Григорьевич спешил, из Петербурга дошел слух, что его "случай миновался" и Екатерина нашла себе нового фаворита. Императрица устала от капризов своего ветреного возлюбленного. Бросив все дела, Орлов поскакал в Петербург, где заранее подготовились к его приезду: недалеко от городской заставы генерал-фельдцехмейстера встретил другой мейстер, полицейский, и, явно не по своей инициативе, предложил ему пожить в Москве, а еще лучше — съездить за рубеж для поправки подорванного здоровья.

Вся тяжесть переговоров легла на плечи Алексея Михайловича Обрескова, которого, по случаю перемирия, османы выпустили из своих лап. Н.И. Панин направил ему доверительное письмо (которое, будучи человеком осторожным, предложил сжечь). Никита Иванович не удержался от соблазна позлословить по адресу своего злейшего врага Григория Григорьевича в связи с его "новозародившимся бешенством и колобродством", похоронившим надежду на достижение столь нужного мира.

Все же не стоит взваливать всю вину на неопытность и горячность экс-любимца императрицы, слишком великие противоречия разделяли воюющих, слишком большая ставка находилась на кону. Переговоры перенесли в Бухарест, но спасти их не удалось и Обрескову... Все территориальные требования турки отвергли и предложили взамен денежную компенсацию, правда немалую, — 70 тыс. кошельков денег (21 млн руб.). В марте 1773 г. уполномоченные разъехались[39].

В записке Н.И. Панину императрица дала суровую оценку итогам длительных бесед (приводим ее с сохранением оригинальной орфографии государыни): "Есть ли при мирном договоре не будет одержана независимость татар, не кораблеплавание на Черном море, не крепости в заливе из Азовского в Черное море, то за верно сказать можно, что мы за всеми победами над турками не выиграли ни гроша..." Императрица сгущала крас-

inslav

ки. В ходе переговорной одиссеи в Фокшанах и Бухаресте тонкий знаток восточного менталитета А.М. Обресков добился молчаливого согласия турок на некоторые важнейшие положения будущего урегулирования (о чем ниже).

1 ноября 1772 г. был подписан договор с Крымом "о вольности и независимости татарской", по которому крымцы "никому и ни под каким видом вспомоществовать" не могли[40]. Высокая Порта теряла контроль над Черным морем. Но выход к морю сам по себе мало что давал в экономическом плане. По его берегам лежат плодородные земли, обитаемые самодостаточным в продовольственном отношении населением. В зерне, в перспективе самой многообещающей статье российского экспорта, оно не нуждалось. Нужен был прорыв из Черного моря к океану, иными словами — свобода плавания по Босфору и Дарданеллам. А согласие на их открытие можно было вырвать у высокой Порты лишь нанеся ей сокрушительное поражение не где-нибудь в степях Украины, а вблизи жизненных центров империи, на Дунае, а то и за ним, что Румянцев и совершил. Южное направление российской внешней политики поэтому с железной закономерностью переросло в балканское. Российские солдаты пришли в соприкосновение с молдаванами, валахами, сербами, черногорцами, болгарами и греками.

Сводить балканский аспект внешней политики России к соображениям стратегическим и экономическим было бы близоруким и ущербным. Православная общность в те времена — не химера, она реально существовала и оказывала, воздействие на дела иностранные. Освобождение единоверцев от "агарянского" и "поганского'' ига воспринимались как историческая задача России, именно освобождение, а не аннексия и присоединение к империи. Мы говорили об этом в главе "Трагедия на реке Прут". Нельзя поэтому рассматривать роль России в Юго-Восточной Европе вне сферы религиозных и этнических симпатий, исходя только из корыстных интересов самодержавия.

XVIII в. отсчитал уже 70 лет. Они ознаменовались появлением первых ростков Просвещения и поисками путей освобождения от османского ига. У сербов, болгар, молдаван и валахов, не говоря уже о греках, появились труды посвященные их этногенезу, часто еще наивные, далеко не совпадавшие с действительной картиной рождения и развития народов, но рождавшие в их душах трепетный интерес и гордость. Величественные образы прошлого, воспоминания о Византийской империи, двух Болгарских царствах, королевстве Неманей в Сербии, двух самостоятельных княжествах, Молдавском и Валашском, питали ненависть к унизительному настоящему.

Связи с Русью — Московским государством — Россией не прерывались никогда. Но впервые российская армия появилась на берегах Дуная. Ранее терявшиеся во мгле пути к освобождению выявились — в опоре на великую православную державу и ее единоверную армию.

В составе российских войск сражались сербы, черногорцы, молдаване, валахи, в меньшей степени болгары, в их землях армия Румянцева появилась лишь в последние месяцы войны. Балканцы принимали участие в битвах за Хотин, Каменец-Подольский, Фокшаны, на реках Ларге и Кагуле, штурмовали Браилов (Брэилу). Покрыли себя славою гусарские полки под командованием генерал-майора И.М. Подгоричанина, навербованные

inslav

в основном из балканцев. На службе в Средиземном море проявили себя черногорцы, братья Иван и Марко Войновичи, многие другие моряки из южных славян и греков*.

Екатерина и ее совет помышляли об общем фронте российской армии и восставших народов. Уже 29 января 1769 г. императрица подписала грамоту "к христолюбивым единоверных и благочестивых святые восточные церкве греческих и славянских народов". Царица с похвалою отозвалась, "с коликою ревностию и с коликим мужеством" оные народы всегда защищали "истинное свое благочестие и древнюю, от предков их унаследованную вольность", и объявляла о стремлении подать "руку сильной помощи", чтобы вырвать их "из челюстей тяжкой неволи".

"Вы же, благочестивые греческие и славенские народы, есть ли хотите низринуть с себя и попрать иго злочестивых агарян, есть ли хотите воздвигнуть для себя и потомков свою церковь Христову на камени твердом" и распространить "до высочайшей степени" свою древнюю вольность, должны использовать "случай удобнейший" на пути к цели. Поэтому, призывала Екатерина, ударяйте "на общего врага согласными сердцами и совокупными силами, продолжая и простирая ополчение и победы ваши даже до самого Константинополя, яко древней греческих императоров столицы и града, святыми местами прославленного, кои на небо вопиют. Изжените оттуда, остатки агарян со всем их злочестием и возобновите православие в сем ему посвященном граде! Слава сия вам, и Всевышний будет вам, конечно, невидимый и непобедимый вождь!"

Но, помимо покровительства Всевышнего, в противоборстве креста и полумесяца наличествовал и такой фактор, как соотношение сил сторон. В грамоте Екатерины указывалось, что "вся громада, неверных будет в удалении в нашей стороне", т.е., выражаясь прозаическим языком, османские войска займутся боями с российской армией, и вообще "число благочестивых обывателей как на твердой земле, так и на островах Архипелага везде превосходит число неверных".

Заканчивалась грамота совсем не на той возвышенной ноте, с которой начиналась, о Константинополе вообще речи больше не шло, зато концовка содержала два важных положения: "все те народы, которые в настоящей войне составят, ради собственной своей пользы, вольности и благополучия, общее с нами дело", признавались "верными и неложными друзьями империи нашей". Из сего следовало, что мысль об их включении в состав России отсутствовала и предполагалось их самостоятельное существование в дальнейшем. И наконец, царица заверяла балканцев, что при восстановлении мира о них не забудут и обеспечат им "достаточную безопасность и другие выгоды, с полною для благочестия свободою"[41].

Конец обращения отражал конкретную и достаточно скромную программу мира, выработанную Советом при высочайшем дворе. Явно с подачи компетентных военных Екатерина рекомендовала повстанцам тщательно готовить свои выступления и взвешивать силы, прежде чем вступать в схватку, ибо "легче будет упредить воспаление одной искры, нежели после противиться и утушать целое, в силу пришедшее пламя"[42].

На пути сотрудничества с балканскими народами появились и тернии. Прежде безоблачные отношения с черногорцами испортило появление в

* См. страноведческие главы.

inslav

их среде некоего Степана Малого, выдававшего себя за императора Петра III и завоевавшего простодушные черногорские сердца (1766 г.). Екатерина крайне нервно реагировала на "воскресение" супруга, да еще за рубежом, что видно из раздраженного письма Н.И. Панина Обрескову: появление Степана свидетельствует о "легкомыслии, невежестве и неблагодарности к здешнему двору" черногорского народа, ибо "инако как можно оной допустить себя до такового уловления лестными и коварными сего обманщика рассказами": "знатная часть" черногорцев воспользовалась "чучелою" (т.е. Степаном) "для произведения под его руководством воровства и грабежей в окрестных местах"[43].

Последовало резкое по тону обращение Обрескова к митрополиту Савве с требованием изгнать "побродягу". Результат получился обратный желаемому, демарш привел черногорцев в раздражение, Степан обвинил владыку в забвении интересов простых людей, корыстолюбии и тайных сношениях с венецианским сенатом и добился его ареста. Из узилища Савва жаловался: "Не знаю и сейчас, кто он и откуда... Из Турции и Венеции все бегут к нему... Я не могу его изгнать"[44].

И все это происходило весной 1768 г., накануне войны.

В июне следующего года в Которской бухте бросило якорь суденышко с немногочисленной командой князя Ю.В. Долгорукова на борту, оружием, деньгами и грамотой Екатерины. Перед князем ставилась задача — овладеть ситуацией и, в предвидении прибытия российской эскадры, подготовить черногорцев к выступлению. Долгорукову удалось засадить Степана в темницу; но время шло, деньги и оружие быстро разошлись по рукам, а эскадра Спиридова все не показывалась в Средиземном море. Долгоруков решил покинуть Черногорию. О его растерянности свидетельствует то обстоятельство, что он выпустил Степана из тюрьмы и поручил ему начальство в стране[45].

Особая ситуация сложилась в Греции с прибытием к ее берегам российского флота весной 1770 г. В Морее моряков ждал восторженный прием, к ним стекались добровольцы. Было сформировано два совместных легиона для операций на суше. Удалось очистить от турецких гарнизонов Каламе, Нистру, Наварин, в Морее разгорелось восстание, был занят порт Миссолонги, но на этом успехи и кончились[46]. Численность добровольцев не могла заменить организации, дисциплины и вооружения, в котором ощущалась нехватка. Десант эскадры состоял из 2,5 тыс. пехотинцев и не мог стать ядром и связующим звеном повстанческих отрядов, участники которых в своем подавляющем большинстве считали, что добыча является составной частью военных действий. Призывая под свои знамена, "храбрых всегда в военных делах христианского закона славян, греков, македонцев и румелиотов", адмирал Спиридов специально оговаривался: он обращается к тем, кто "сребро и злато за малое дело ставит", гонится за военной славой, а не за "постыдной и безгрешной добычей", кто готов довольствоваться самым необходимым для себя содержанием" и тратить деньги "не на пьянство и на картежную и костяную игру ...и мотовство, но на самую нужду, без чего прожить нельзя"[47].

Османское командование сосредоточило в Морее крупные силы, включая отряды албанских беев-мусульман, русские и повстанцы были оттеснены к Наварину. Десант погрузился на суда, и эскадра покинула порт в конце мая 1770 г., навстречу славной Чесменской баталии, а Морея

inslav

подверглась опустошению, что оставило горький след в памяти греческого народа.

Не скрывала своей горечи и российская сторона. Не надо закрывать глаза на реплику Алексея Орлова: "Здешние народы льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы к деньгам и добыче, так что ничто не может удержать их к сему стремлению. Легковерие и ветреность, трепет от имени турок суть также не последние из качеств наших единоверцев"[48]. В высказывании явно сквозило желание снять с себя вину за произшедшую трагедию и присутствовал элемент обобщения, распространения на целые народы тех отрицательных свойств, с которыми российское командование встречалось у приходивших к нему на помощь добровольцев. Воспетые в эпосе гайдуки, арматолы, клефты, кирджалии соединяли в одном лице мстителей за страдания народные и разбойников с соответствующими нравами и обычаями.

Командование начинало постигать особые свойства своих союзников, отважных в бою, но лишенных всякого навыка к дисциплине, непривычных к строю и упорядоченным операциям. С течением времени сложилось убеждение: поднимать восстание можно только при наличии поблизости армии Румянцева и при опоре на нее. Из сербских земель доносился призыв: "Прийтить на Дунай, где мы сами будем с вами кровь проливать"[49].

Но "прийтить на Дунай" и соединиться с сербами было затруднительно не только по причинам воинским. Считая эти земли зоной своего традиционного влияния, Габсбурги балансировали на грани войны с Россией, и не следовало переступать эту грань.

Иная ситуация сложилась в Дунайских княжествах. Сразу по вступлении Российской армии в Яссы духовенство во главе с митрополитом Гавриилом стало приводить народ к присяге императрице. В Петербург прибыли делегации бояр и высшего духовенства княжеств. "Всеусерднейше же молим ваше императорское величество, — писали в своей грамоте валахи, — да примет ваше величество места наши под неотъемлемое покровительство и утвердит нас непобедимою защитою, присоединив к пространству империи..."[50].

* * *

Тяжело и мучительно изживались иллюзии насчет легкости, с которой будто бы можно одолеть "турка". На фоне первоначальных успехов рождались планы-мотыльки, увядавшие до того, как приступали к их осуществлению. Фаворит императрицы Григорий Григорьевич Орлов, не отягощенный стратегическими талантами, как, впрочем, и всякими иными, еще в мае 1770 г. предложил смелый проект: после занятия Бендер "отправить корпус пехоты к Варне для овладения сим местом и переезда с помощью флотилии нашей морем к самому Константинополю, дабы получить там скорый и славный мир". Екатерина одобрила авантюрный, но соблазнительный план. Более опытные мужи в ее Совете отложили дело в долгий ящик: "Ничего утвердительного о сем полагать не можно и потребно на то время по важности материи..."

Условий для заоблачных мечтаний в миротворчестве не существовало, и это относилось прежде всего к Крыму. Совет стоял на почве реализма и

inslav

"обще согласился" (март 1770 г.): полезными подданными крымские татары не станут, "безпосредственным к себе подданством Россия возбудит противу себя общую и небезосновательную зависть в беспредельном намерении умножения своих областей". В приобретении Крыма "мало пользы, но велика и знатна будет выгода, если татары отторгнутся от власти оттоманской и оставлены будут навсегда собою в независимости". Екатерина наложила резолюцию: "Быть по сему".

Та же формула вызрела и в отношении Дунайских княжеств. "Понеже, — как разъяснял Н.И. Панин, — е.и.в. с самого своего восшествия на престол доказать изволила своею политическую системою, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель"[51].

Еще более возвышенно, нежели Панин, изъяснялась царица перед зарубежными дворами: она не желает "расширять свои владения путем завоеваний", "ее постоянное правило — утверждать свою славу на (камени) счастья и спокойствия подданных, которых божественное Провидение вручило ее скипетру". В конфиденциальном экспозе о своих намерениях, представленном венскому двору в мае 1771 г., она заявляла, что, руководствуясь чувствами гуманности и христианского долга она предлагает признать Дунайские княжества "государствами свободными и независимыми, совершенно избавленными от господства Порты..."[52].

Сам по себе многократный повтор об отказе от завоеваний свидетельствовал, что мысль о территориальной насыщенности России и ненужности для нее захватов прокладывала путь. И каким бы ограниченным не представлялось царским сановникам понятие независимости малых государств, она явилась бы шагом, причем судьбоносным, к независимости полной.

И тут мы вынуждены сделать отступление. В полном диссонансе с приведенными декларациями прозвучало выступление Н.И. Панина в Совете в мае 1771 г. Уже прощупывались пути к разделу Польши — обижать короля Станислава-Августа не хотелось, и Никита Иванович, не столь гуманный, как его августейшая повелительница, предложил отдать Речи Посполитой, взамен отбираемых у нее земель, "княжества Молдавское и Волошское"[53]. Последствий его выступление не имело, но все же...

Предусматривалась бесцеремонная сделка, ибо их население не проявляло ни малейшего желания входить в Речь Посполитую, а его собирались передавать без спроса и согласия даже высшего боярства и духовенства. На наш взгляд, предложение Панина позволяет сделать вывод о том, что "крымское направление" продолжало доминировать в процессе мирного урегулирования ("сие требование есть прямой узл гордианской"[54]), а балканское находилось лишь в стадии формирования. Будь предложение Панина осуществлено, путь к Дунаю и за него, на Балканы, для российской армии перекрывался, а без этого нечего было и думать о сколько-нибудь существенном воздействии на ход дел в Юго-Восточной Европе.

Зондажи Екатерины в Вене насчет предполагаемых условий мира приносили неутешительные результаты. Патетические заверения государыни, что ни малейшей угрозы Габсбургам не представит "ни маленький принц, управляющий Молдавией и Валахией", ни обретшие независимость крымские татары, не трогали каменного, насквозь рассудочного сердца канцлера В.А. Кауница[55]. Парижский кабинет предложил продать туркам на выгодных условиях 12—15 кораблей для пополнения их изряд-

inslav

но потрепанного флота[56]. Лондон неожиданно для Екатерины отозвал своих моряков с эскадры Орлова — Спиридова. Правда, правительство его величества не скупилось на дружеские излияния и заманивало Россию в союз, но ...направленный против Франции: брать на себя обязательства в отношении Высокой Порты оно не желало, а государыня и ее Совет не собирались впутываться в бесконечные англо-французские распри и взваливать на себя бремя односторонних обязательств. "...Мы никогда снизойти не можем на исключение Порты Оттоманской из случая союза, ибо инако постановляемой оборонительной трактат не содержал бы для нас никакого взаимства, а токмо служил бы единственно в ползу великобританского двора..."[57] В отношениях с Георгом III и "его" кабинетом повеяло холодком... Так что сдвигов в лучшую сторону на европейской арене не наблюдалось. Оставалось уповать на собственные силы.

По подписанному 1 ноября 1772 г. договору "о вольности и независимости татарской" Крым обязывался "противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом" вспомоществования не оказывать. Россия оставила за собой крепости Керчь и Еникале, что обеспечивало свободный проход из Азовского моря в Черное. Стратегическое и политическое значение акта трудно переоценить. Османская империя лишалась драгоценнейшего алмаза своих владений и базы, с которой в течение почти трех столетий исходила угроза России. Черное море перестало быть "турецким озером", правда, для установления господства на нем предстояло соорудить флот. По ореолу непобедимости державы султанов был нанесен непоправимый удар.

Повторить операцию с провозглашением независимости в отношении Дунайских княжеств не удалось, против выступил тандем — Высокая Порта и Габсбурги. В ноябре 1771 г. Екатерина сдала позиции. "Всемилостивейшая государыня, — объявил Панин, — изволила отступить от требования своего об отторжении Молдавии и Валахии с тем, однако, чтобы эти два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в турецкое подданство"[58].

Надеялись, что уступкой удастся смягчить венский двор и добиться его согласия на выдвигаемые условия мира. "Согласясь, из уважения к сему двору, не удерживать за собою завоеванных двух княжеств" ожидали соответствующего "снисхождения" от австрийцев. Тщетно. Высокая Порта, при явном поощрении Вены, упрямилась на переговорах с Обресковым в Бухаресте. В марте 1773 г. они зашли в тупик и уполномоченные разъехались по домам[59].

Румянцев получил рескрипт: форсировать Дунай, нанести неприятелю удар на правом его берегу "разогнанием главной его армии или же опровержением какого-либо знатного корпуса войск его", хотя фельдмаршал предупреждал: войск у него "едва хватит для защиты против стремлений неприятельских". Подкреплений он не получил, и кампания 1773 г. не задалась. На правобережье прибывший на театр военных действий А.В. Суворов разбил турок под Туртукаем (Тутраканом). Но сам Румянцев с корпусом в 13 тыс. человек застрял под Силистрией, гарнизон которой насчитывал 30 тыс. Год выдался засушливым, солнце выжгло поля, снабжение разладилось, начался падеж конского состава. Главнокомандующий снял осаду и вернулся на правый берег Дуная. В Петербурге из всех щелей вылезли интриганы, посыпались наветы на полководца, он пал ду-

inslav

хом и запросился в отставку. И тут он почувствовал крепкую руку императрицы, она написала ему, что к "уши надувателям не прислушивается", клеветников и "сплетен складчиков" не любит, и доверие ее к генералу не поколебалось[60].

А тревожные сведения из-за рубежа не прекращались. Франция "без устали" занималась "пронырствами", натравливая шведского короля на Россию. К счастью, в результате безумных трат и авантюристической внешней политики Людовика XV казна поистощилась, субсидии в Стокгольм поступали нерегулярно, и войны в окрестностях Петербурга удалось избежать. Но в сентябре 1773 г. вспыхнуло Пугачевское восстание, и под знамена мнимого Петра III стекались казаки, крестьяне, рабочие уральских заводов, татары, башкиры. Движение ширилось, перекатываясь по Поволжью и Уралу. Дворянская монархия переживала потрясение, невиданное со Смутного времени.

Весной 1774 г. Совет при высочайшем дворе дошел до предела уступок в наметках по мирным условиям, предложив отказаться от крепостей Керчь и Еникале, оставить их Крымскому ханству, а за собой закрепить лишь Кинбурн в Днепровском лимане. Крепло убеждение, что не за столом переговоров и не с помощью иностранных советников, а на поле боля можно добиться успехов. Румянцеву предписали взять Варну, разбить великого везира у Шумлы и не полагать Балканы "пределом военных действий". Императрица пожелала полководцу присовокупить к воинским лаврам "ветви мира"[61].

Появились ободряющие признаки на европейском горизонте. Швеция на нападение так и не решилась. В январе 1774 г. скончался султан Мустафа. Покойный хотел передать правление сыну Селиму, и для сего отравил трех своих братьев, но до четвертого не добрался. Абдул-Хамид более 40 лет провел в серале, общаясь с женщинами и евнухами, еду ему приносил преданный раб: опасались, что и его предусмотрительный братец отправит в рай преждевременно. Он выучился читать и писать, но на том образование и завершилось. Верхом новый повелитель правоверных ездить не умел, на коня его сажали[62]. Возникла надежда: "По такому тихому и спокойному нраву нового султана заключается, что он не оставит оказать отличную склонность к миру, тем более, что и весь константинопольский народ немалое к оному являет желание"[63]. Высокая Порта дошла до последней степени истощения и, по словам прусского посланника А. Цегелина, "не может поднять головы"[64].

В мае от оспы умер самый непримиримый враг Екатерины, Людовик XV, ему наследовал слабый и нерешительный внук. Начинать царствование со ссоры с Россией было не с руки, галльские "пронырства" в Стамбуле несколько приглохли.

Румянцев повел кампанию энергично, переправил через Дунай два корпуса и, пренебрегая советами петербургских стратегов приступить к систематической осаде крепостей, под которыми можно было и застрять, двинул войска к Балканскому хребту. 9(20) июня Суворов, имея 15 тыс. под ружьем, обратил в бегство 40-тысячный отряд Абдул-Резака. Великий везир засел в Шумле (Шумене), и туда направился Румянцев.

5/16 июля в его ставку у деревни Кючук-Кайнарджи прискакал турецкий гонец с просьбой об открытии переговоров. Полководец отказался наотрез, и дал неприятелю пять дней "на все про все", — иначе он идет к

inslav

Шумле и пленяет везира. Срок ультиматума — 10 июля — он назначил не случайно, именно в этот день в 1711 г. произошла капитуляция на реке Прут, и фельдмаршал хотел взять реванш и стереть память о случившейся тогда трагедии. Он настоял на сокращении свиты османских уполномоченных, дабы не заниматься с ними утомительными хлопотами, обслуга насчитывала "всего" 150 человек. Обресков в акции не участвовал, он застрял у переправы через разлившийся Дунай, российскую делегацию возглавил генерал-поручик князь Н.В. Репнин, имевший дипломатический опыт, послужив посланником в Варшаве.

10/21 июля состоялось подписание Кючук-Кайнарджийского трактата, по словам Румянцева, "без всяких обрядов министериальных, а единственно скорою ухваткою военною, соответствуя положению оружия, с одной стороны, превозмогающего, а с другой — до крайности угнетенного"[65]. Полководец слегка лукавил, быть может, по забывчивости: значительная часть условий, причем важнейших, была согласована А.М. Обресковым во время переговорной Одиссеи в Фокшанах и Бухаресте, так что "обряд министериальный" присутствовал, и Алексей Михайлович по праву слывет одним из его авторов.

Кючук-Кайнарджийский мир составил эпоху в истории России и Балкан. Удалось решить вековую задачу приобщения к державе пояса плодородных причерноморских земель, добиться свободы судоходства по древнему Понту Эвксинскому, Босфору и Дарданеллам, прорубить окно к Средиземному морю, обеспечить на будущее вывоз сельскохозяйственной продукции обширного южного региона. Крым был отторгнут от Османской империи и объявлен независимым ханством, разбойничьи набеги его конницы прекратились, безопасность южных рубежей империи обеспечена, к России отошли Керчь, Еникале и Кинбурн, за царями признавался титул падишаха (императора), Россия получила право иметь в Стамбуле представителя в ранге посланника, а не резидента, как прежде водилось, — на посольский сан замахнуться не решились. Южное направление внешней политики прекратило существование, стоявшие перед ним задачи были выполнены. Балканскому предстоял еще долгий путь развития.

Шесть артикулов трактата (1, 7, 14, 16, 17 и 25) являлись статьями особого свойства, они посвящались положению христиан. В них говорилось об амнистии всем тем, кто поднял оружие против Высокой Порты и вообще проявил нелояльность султану. Османские уполномоченные упорно противились принятию этого положения. "Сие есть то же самое, что и сказать им (т.е. поднявшим оружие против султана. — *Авт.*): вы и в другой раз так и поступайте, и вместо наказания награждены будете". Отстоять позицию туркам не удалось, артикул свидетельствовал о заботе России о судьбе своих сторонников и молчаливым заверением, что их в беде не оставят. По словам А.М. Обрескова, "сие служить может и на будущие всякие несчастные случаи", "ревность и преданность не должны приводить к жертвам"[66].

Статья 14 предоставляла России право построить в Константинополе церковь, "которая всегда под протекциею оной империи министров* остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет".

---

* Посланников.

inslav

Статью 7 следует привести полностью: "Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора давать по всем обстоятельствам как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в четырнадцатом артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещает принимать оные яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно дружественной державы"[67].

На несведущий взгляд вышеприведенное выглядело скромно и никаких потрясений Османской империи не сулило. Но только на несведущий.

Политика на Балканах обретала конкретные черты в условиях войны с сильным противником, при яростном противодействии Вены требованиям Петербурга, с неспокойным тылом, где сгущались тучи народного недовольства, предвещавшего великое Пугачевское восстание. И как при этом не только отстоять свои интересы, но и добиться расширения прав христианских народов региона?

Османская империя обладала тогда никем не оспариваемым статусом великой державы и постороннего вмешательства в свои внутренние дела не допускала; о возможности прямого, зафиксированного в международном акте покровительства царей над подданными султана Обресков на переговорах в Фокшанах и Бухаресте даже не заикался: по словам дипломата, "точное требование оного дозволения не можно утверждать на какомлибо праве"[68].

Именно Обрескову с его громадным опытом удалось нащупать ту брешь в османской обороне, через которую российское влияние могло проникнуть на Балканы под флагом религиозного покровительства. Султан считался духовным владыкой всех мусульман, халифом, независимо от их государственной принадлежности; логично было распространить этот статус и на царя по отношению к православным и признать его особые права в этом плане. Прозорливость Екатерины проявилась в том, что она одобрила и подхватила мысль своего представителя: "Апробуя придуманные Вами самими и реис-эффендию предложенные артикулы сверх инструкции, охотно признаем мы в оных плод персонального Вашего усердия и отменного знания дел наших с Портою", — говорилось в полученном Алексеем Михайловичем рескрипте[69].

Ислам — не только религия, но и образ жизни. На его основе зиждилась вся социальная, экономическая и политическая система державы султанов. Водоразделом между подданными служил не этнический, а религиозный признак. Любой человек, будь он хоть "негром преклонных годов", приняв ислам, приобретал соответствующие привилегии. Каждая конфессия жила обособленно, существовали официально признанные миллеты (общины) — православная, армянская, иудейская. В таких условиях центром всей жизни угнетенных народов стала церковь. Гармонического сосуществования "богомерзких агарян" и "неверных псов" не получилось. Христиане, несмотря на многовековое пребывание в османской державе, не считали ее своим государством и искали пути к освобождению.

Православная церковь сумела обратить себе на пользу существовавшую религиозную дискриминацию. Славяне и греки сохранили свою правовую систему и местное самоуправление. Церковь никогда духовно не подчинялась захватчикам. Завоевание объяснялось допущенными греха-

inslav

ми, мусульманское правление представлялось эфемерным. Униженные в повседневной жизни, христиане возвышались духовно в храме, считая себя последователями истинной веры.

Расчленить светское и духовное в обществе, вся жизнь которого основывалась на православной культуре, было невозможно, и российская дипломатия, следует отдать ей должное, не предпринимала ни малейших усилий ограничить свою деятельность вопросами веры, и это при растущем стремлении балканцев сбросить ненавистное чужеземное и иноверческое правление.

Конечной целью покровительствующей державы являлось обретение христианами равноправия, а сие означало крах всей системы турецкого господства, зиждившейся на религиозной розни. Вероятно, сами творцы Кючук-Кайнарджийского мира, прорубая окно на Балканы, полностью не осознавали далеко идущих последствий седьмого артикула, предусматривавшего "всего лишь" право посланников "говорить" в пользу единоверцев, притом что за спиной указанной персоны маячила победоносная армия, придававшая своими штыками особую убедительность дипломатическим аргументам (впрочем, поверенный в делах П.А. Левашов уже тогда полагал: "Окромя набожности, высочайший двор приобрести может в народах сих к себе усердие и преданность, толь полезную для всегдашних его в здешних странах интересов")[70]. Что касается турецких уполномоченных, то они, видимо, не подозревали, что подписывают в поле у деревни Кючук-Кайнарджи смертный приговор своей державе, правда, с рассрочкой на полтораста лет.

Мало было заключить договор, следовало добиться его ратификации. В высших турецких сферах акт встретили в штыки, его текст не был оглашен, Высокая Порта обратилась к Пруссии с просьбой помочь в пересмотре некоторых статей. Но Фридрих II был занят разделом Польши, британский кабинет поглощен подготовкой войны с американскими колониями, разразившейся в 1776 г., только что коронованный Людовик XVI не мог позволить себе такую роскошь, как ссора с Екатериной, ну а Вена, следуя излюбленной тактике — извлекать выгоду из чужих побед, приступила к захвату Буковины — северной части Молдавского княжества, что и осуществила в 1775 г., не предупредив об этом Петербург. В Зимнем дворце решили, что нет худа без добра, пусть цесарцы ссорятся с турками.

В январе 1775 г. султан ратифицировал договор. Ну, и все? Нет! Последовала ожесточенная схватка за влияние в Крыму, Порта и Зимний дворец поддерживали каждый своего претендента на ханство. Лишь к 1779 г. Россия одолела. Понадобилась особая "изъяснительная" Айналы-Кавакская конвенция (март), чтобы подтвердить основные положения трактата.

[1] "...При ней у дел стояли русские люди и интересы России понимались чисто по-русски" (*Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 634).

[2] Сборник императорского русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1874. Т. 13. С. 334—335.

[3] Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 575; Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10. С. 380—381.

[4] *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 45, 46; *Гаврюшкин А.В.* Граф Никита Панин. М., 1989. С. 48.

[5] *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 635.

inslav

[6] *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 230—231; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1995. Кн. 14. С. 316; *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 635; Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 932; *Grey I.* Catherine the Great. Westport, 1975. P. 142.

[7] Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 375.

[8] *Тарле Е.В.* Екатерина II и ее дипломатия. М., 1945. Ч. 1. С. 5.

[9] *Туполев Б.М.* Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история (ННИ). 1997. № 5. С. 173; № 6. С. 153, 154. Friedrich der Grosse: Politischen Testamente. B., 1922. S. 210.

[10] Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 230.

[11] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 338.

[12] *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 96.

[13] *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 78; Сб.. РИО. СПб., 1887. Т. 26. С. 203.

[14] См.: *Носов Б.В.* Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1772—1776 гг. // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; *Стегний П.В.* Первый раздел Польши и российская дипломатия // ННИ. 2001. № 1/2. *Он же.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002; *Туполев Б.М.* Россия и первый раздел Польши // Россия и Германия. М., 1999. Вып. 1; *Виноградов В.Н.* Дипломатия Екатерины Великой // ННИ. 2001. № 3, 6.

[15] *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 291; *Исламов Т.М.* Заговор против Польши // Польша и Европа в XVIII в. М., 1999. С. 124, 127.

[16] *Гаврюшкин А.В.* Указ. соч. С. 132.

[17] *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 55—56.

[18] *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 205—206; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения с Англией. 1768. Д. 201. Л. 4.

[19] *Valloton H.* Catherine II. P., 1953. P. 192.

[20] АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1769. Д. 8. Л. 123; *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 131; Об одиссее А.М. Обрескова "со товарищи", его пребывании в Семибашенном замке, в обозе турецком и в замке Демотика близь Адрианополя см.: *Перминов П.* (*Стегний П.В.*). Посол III класса. М., 1992.

[21] АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1769. Д. 8. Л. 123; *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 131.

[22] Архив Государственного совета (АГС). Т. 1. СПб., 1869. Стб. 7.

[23] *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 102.

[24] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 373—374, 377, 390—391; М., 1995. Кн. 15. С. 8.

[25] Там же. Кн. 14. С. 372.

[26] Там же. С. 339.

[27] *Черкасов П.П.* Франция и русско-турецкая война, 1768—1774 // ННИ. 1996. № 1. С. 56.

[28] АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1770. Д. 507. Л. 50; 1771. Д. 513. Л. 2, 21.

[29] Там же. 1771. Д. 513. Л. 32.

[30] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 282—284; *Туполев Б.М.* Россия... С. 156.

[31] АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1771. Д. 297. Л. 20; Д. 532 (1772). Л. 3—5, 1. Сб. РИО. СПб., 1876. Т. 9. Стб. 259.

[32] АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1771. Д. 293. Л. 1—2, 5—10; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 459—461.

[33] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 380, 534; *Madariaga I.* Russia in the age of Gatherine the Great. L., 1982. P. 225.

[34] *Перминов П.* Указ. соч. С. 187; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 37, 38.

[35] Сб. РИО. Т. 19. Стб. 305.

[36] АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1679. Л. 58.

[37] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 518; *Кандель Г.М.* Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1977. С. 189; *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 141.

[38] АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1685. Л. 14; Д. 1678. Л. 81—82.

[39] Там же. Д. 1685. Л. 52; *Перминов П.* Указ. соч. С. 277, 246.

inslav

[40] АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1685. Л. 128.
[41] Политические и культурные отношения России с южнославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 292–293.
[42] *Перминов П.* Указ. соч. С. 159.
[43] Политические и культурные отношения России. С. 289.
[44] Там же. С. 290.
[45] Подробнее о Степане Малом см. главу "Черногория – славянская твердыня".
[46] Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 153–155.
[47] Политические и культурные отношения России. С. 300.
[48] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 361.
[49] *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М.,1982. С. 105.
[50] Век Екатерины II. С. 136. Подробнее см. главу "Дунайские княжества – автономные, но под двойным гнетом".
[51] АГС. Т. 1. Стб. 49, 43, 44, 61.
[52] АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1771. Д. 293. Л. 1, 15.
[53] АГС. Т. 1. Стб. 83–84.
[54] *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 161.
[55] АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1771. Д. 293. Л. 15; Д. 519. Л. 65.
[56] *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 118.
[57] АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1768. Д. 201. Л. 11; 1772. Д. 248. Л. 80.
[58] Русский архив. 1880. Кн. 3. С. 246.
[59] АГС. Т. 1. Стб. 197; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 13.
[60] АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1689. Л. 8; Переписка императрицы Екатерины II с графом П.А. Румянцевым. М., 1805. С. 13–14, 20, 40; *Перминов П.* Указ. соч. С. 269.
[61] АГС. Т. 1. Стб. 270, 271; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 15. С. 74.
[62] АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1774. Д. 553. Л. 67–77.
[63] Там же. Л. 40.
[64] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 15. С. 78.
[65] *Румянцев П.А.* Документы. М., 1953. Т. 5. С. 766; *Перминов П.* Указ. соч. С. 276.
[66] *Дружинина Е.А.* Указ. соч. С. 227, 221, 245.
[67] Там же. Приложения. С. 351, 352.
[68] Там же. С. 233, 248.
[69] Там же. С. 328; *Дружинина Е.И.* Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 274.
[70] *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир... С. 222.

inslav

Екатерина и Иосиф II: от противоборства к сотрудничеству

Екатерина — на вершине славы и власти. Триумфальный мир заключен, козни венского двора развеяны, супостат Людовик XV скончался от оспы, его внук и наследник ищет сближения. После подавления Пугачевского восстания дворянство сплотилось вокруг "казанской помещицы", робкая вельможная оппозиция во главе с Никитой Ивановичем Паниным, сторонница ограничения абсолютистских порядков и предоставления знати некоторых властных прерогатив, замолкла.

В 1778—1779 гг. императрица окунулась в центральноевропейские дела: разразилась ссора между "старым Фрицем" и Иосифом II вокруг дележа Баварского наследства. После смерти курфюрста Максимилиана III цесарь, его зять, потребовал себе от преемника более трети баварской территории. Подобного усиления Австрии и перекоса сил в Священной Римской империи германской нации Фридрих стерпеть не мог. Он выступил под благовидным предлогом — защитить то, что именовалось германской конституцией (иными словами — решений Вестфальского конгресса 1648 г., разбившего страну на сотни кусков и кусочков). Король, видимо, забыл, что смолоду только и делал, что оную конституцию нарушал, развязав три войны и поживившись за счет соседей. Практически он вел дело к тому, чтобы уменьшить габсбургские притязания и обеспечить себе территориальные компенсации. Фридрих заручился поддержкой саксонского курфюрста и в июле 1779 г. начал военные операции.

Война вошла в историю под именем "Картофельной". Прусское воинство, вторгшееся в Чехию, мыкалось в непролазной осенней грязи, снабжение разладилось, солдаты перешли на подножный корм и мёрли от дизентерии. Ничего похожего на стремительные атаки Семилетней войны!

Обе стороны пригласили Россию и Францию выступить посредниками при улаживании ссоры. Князь Н.В. Репнин, назначенный выполнять высокую миссию от петербургского двора, по пути в Тешен, место конференции, заехал в Бреславль (Вроцлав) к Фридриху. Он увидел маленького сморщенного старичка, прикованного к креслу жестоким приступом подагры, закутанного в плед, поверх которого лежали изуродованные ревматизмом руки. На победоносного полководца старичок не смахивал. Королю визитер не приглянулся: генерал, по его словам, прибыл "диктовать Германии законы по поручению своего двора". Но дело свое Николай Васильевич знал, и вместе с французским уполномоченным уговорил драчунов пойти на компромисс. Иосиф II удовлетворился приобретением окру-

inslav

га Инн, Пруссии обещали графства Аншпаг и Байрейт после пресечения их династий, которое ожидалось. Тешенский акт подтвердил "слово в слово" Вестфальский мирный договор, обрекший Германскую империю на бессилие под флагом независимости ее членов, даже самых крошечных. Екатерина заняла первенствующее положение в ареопаге монархов, в Европе ее сочли ро́вней французскому королю, традиционно занимавшему первое место в монархической табели о рангах[1].

Тогда же внимание российской дипломатии впервые обратилось за океан, и не по собственной инициативе. Екатерина не проявила ни малейшего желания вмешиваться в крупномасштабный конфликт во имя сохранения за британской короной ее владений в Америке и отказалась предоставить пушечное мясо королю Георгу III для сражений с его американскими подданными (а просили у нее 20 тыс. солдат, предлагая хорошую цену). На англо-русские отношения набежала тень.

1780 год принес государыне приятный сюрприз: в союзники к ней запросился не кто иной, как император Священной Римской империи германской нации Иосиф II, ее прежний антагонист. Печальный опыт с баварским наследством убедил его: на западе путь к расширению для Габсбургов закрыт, оставалось юго-восточное направление. Но и здесь после Кючук-Кайнарджийского мира стало очевидно: прорыв России на Балканы остановить невозможно, рассматривать Юго-Восточную Европу как сферу исключительного австрийского влияния беспредметно. Значит, надо войти с Екатериной в долю.

Императрица-королева Мария-Терезия доживала последние дни. Добродетельная дама недолюбливала Екатерину с ее чередой фаворитов и не допускала чрезмерного сближения с петербургским двором, ее контроль над внешними делами ослабел, и сын стал нащупывать пути к переориентации всей восточной политики[2]. В 1780 г. царица совершила вояж на новоприобретенные по разделу Польши земли, посетила Могилев. Там ее поджидал "граф Фалькенштейн", — Иосиф путешествовал инкогнито. Из Белоруссии любознательный граф проследовал в Петербург, и в ходе бесед с государыней были заложены основы в союзе двух империй.

Екатерина охотно пошла на сближение, альянс с Пруссией себя исчерпал, король Фридрих грезил новым разделом Речи Посполитой, зарился на Данциг (Гданьск) и Торн (Торунь), чего самодержица стремилась избежать, сотрудничество же с Габсбургами открывало заманчивые перспективы на балканском направлении. На десять лет судьбы Екатерины и Иосифа, а стало быть, России и Австрии оказались тесно связанными. Поскольку процессы внутренней жизни в землях австрийской короны отражались на ее балканской политике, следует сказать несколько слов об Иосифе-реформаторе, крупнейшем из представителей Просвещения на престоле, его преобразованиях и их далеко не однозначных последствиях.

С его именем связаны такие крупные реформы, как провозглашение веротерпимости (что не означало равноправия религий, католицизм оставался государственной церковью), отмена крепостной зависимости крестьян (при сохранении феодальных повинностей), попытка обложить налогом дворянство и предотвратить дробление крестьянских наделов. Император пригласил в Вену Ч. Беккарию, творца современного уголовного права, и поручил ему работу над новым кодексом, ввел принцип равенства всех перед судом, поощрял развитие мануфактур, способствовал

inslav

распространению светского образования, усовершенствовал почту, заботился о строительстве дорог, покровительствовал наукам и искусству. Кайзер боготворил государство и служил ему верой и правдой. Персона монарха в его глазах олицетворяла право, справедливость, прогресс и разум. Вмешательство народа в дела правления, с его точки зрения, — абсурд, глупость, умопомрачение, охватившая массы эпидемия, которой суждено окончиться кровавой разборкой. Подданные не должны поддаваться революционной заразе, а уповать на божественное провидение, воля коего претворяется в жизнь им, цесарем. При слабости или полном отсутствии в его владениях третьего сословия носителями разрушительной революционной идеи выступали мелкие и средние дворяне. В этих условиях кайзер стремился найти опору своим преобразованиям в знати, которой приписывал обуревавшее его чувство долга. На крестьянские повинности он не посягнул и деревню землей не наделил, и она не видела причин для благоговения перед монархом. Иосиф обладал незаурядной энергией, и всю жизнь трудился как пчела. В ответ, как ему представлялось, — черная неблагодарность: "Почему меня не любят мои народы?" — с горечью вопрошал он[3].

История не терпит шаблона, даже прогрессивного и благодетельного. Прогресс становится действенным лишь тогда, когда он выношен и выстрадан, когда он вытекает из прошлого опыта, а не противоречит ему. Химерой обернулась навязчивая идея императора — ввести административное и законодательное единство в "лоскутной монархии", преобразовав ее в централизованное государство по образцу Пруссии или России. Разные по историческим судьбам, языку и менталитету населения земли не укладывались в совершенную, по мнению кайзера, схему. Несбыточной оказалась его мысль провести буржуазные по своей сути реформы с опорой на опутанную феодальными представлениями знать, многонациональную и по природе своей враждебную его централизаторским и унификаторским настроениям. Диктуемый сверху прогресс плохо воспринимался и еще хуже приживался. "Желая осуществить все сразу, он все компрометировал ...Он обращался только к разуму, а не к сердцу", — замечал его биограф Ф. Фейто. Люди не желали стать добродетельными по велению с трона. И он, в конце концов, сдался, оставив монархию наследникам в том же лоскутном состоянии. "Всемогущий еще при жизни моей свел на нет все мои деяния", — молвил Иосиф на ложе смерти. Цесарь был охвачен "манией, переросшей в одержимость, вмешиваться в сокровенные уголки человеческой жизни, чтобы изгнать из нее роскошь, коррупцию и упадочничество и навязать людям добродетель", и потерпел полное фиаско, констатировал Ф. Сабо[4].

В крушении надежд на славу немалую роль сыграли агрессивные устремления Иосифа. Его кумиром и предметом непрестанных забот и бесконечных трат являлась армия, истинное призвание государя он видел в победах на поле боя и территориальных приращениях. И тут на фоне впечатляющих успехов Екатерины и Фридриха Великого его собственные достижения выглядели бледно и блекло, за плечами — одна "картофельная война" и афронт в Тешине. Кайзер пришел к выводу, что приращений можно добиться не препятствуя царице, а сотрудничая с нею.

Ближайшие события убедили цесаря в правильности избранного курса. В 1781 г. он решил посетить Австрийские Нидерланды, как тогда назы-

inslav

вали Бельгию. Императрица-мать Мария-Терезия за 40 лет правления ни разу в Брюссель не заглядывала, но жила с фламандцами и валлонами в добром согласии: она не вмешивалась в их дела, они аккуратно платили налоги, доставляя в казну больше средств, чем все немецкие земли вместе взятые. Незадолго до своей смерти старая дама отговаривала сына от визита, опасаясь, что Иосиф с его пылом к реформам, переходившим в зуд, наломает там дров.

Так оно и случилось. Биограф сравнивал чувства, охватившие кайзера в Бельгии, с впечатлениями садовника, прибывшего в некое место разбивать клумбы и очутившегося в экваториальных джунглях. Цесарь пришел в ужас: никакой административной системы, сплошной хаос, Бельгии как единого целого вообще не существовало, а были провинции, города, графства и бог знает что еще, и все это управлялось по законам, унаследованным от глубокого Средневековья. Терпеть этот беспорядок было свыше сил кайзера. Он не обратил внимания на благосостояние жителей, наличие здесь прочного местного самоуправления и принялся вводить должное административное единообразие[5].

Иосиф натолкнулся на глухую стену сопротивления, его предписания не исполнялись. И тогда у него мелькнула мысль: нельзя ли вновь пустить в ход баварскую карту, предложив курфюрсту переехать в Брюссель, а самому поживиться Баварией и обменять ненадежных бельгийцев на более покладистых немцев? Брабантское провинциальное собрание тогда приняло негодующую резолюцию: "Народом нашим хотят торговать, его всучивают другим, его меняют то на одну провинцию, то на другую..."[6]. И в Германии Иосиф встретил сопротивление. Полупарализованный "старый Фриц", правда, на сей раз остался за кулисами, выпустив на авансцену мелких князей. Те выступили в защиту своих прав и привилегий и протестовали против затеянного императором позорного торга. Конфликт растянулся на годы, на свет появилась конфедерация князей (фюрстенбунд), в которую вошли почти все немецкие владетели, включая Фридриха II и ганноверского курфюрста, — он же — британский король Георг III[7]. Иосиф забил отбой. Он еще раз убедился, что на западе ему ничего не светит, оставалось юго-восточное направление и сотрудничество с Россией.

В феврале 1781 г. посол Л. Кобенцль известил петербургский двор о желании своего государя утвердить "настоящую между ними дружбу и доброе согласие трактатом обороны и гарантий взаимных". Скоро пришел положительный ответ, статьи договора удалось согласовать без задержек. "Камень притыкания", как тогда выражались, появился неожиданно. Иосиф II, человек широкого кругозора, в обыденной жизни нечинившийся (скромно одевался, разъезжал по Вене в старой карете, запретил подданным бросаться перед ним на колени и целовать ему руку), свято чтил монархическое местничество. Разногласия возникли по вопросу оформления документа: римский цесарь не признавал так называемого альтерната и не соглашался ставить свою подпись второй даже в экземпляре, предназначавшемся российской стороне. "С незапамятных времен, — утверждали австрийцы, — вошло в обычай, что император Римский не признает очередности в трактате ни с одной из держав". Екатерина отвечала Иосифу с гордостью за Россию: "Мы не обыкли подражать примеру других, но шествуем тою дорогою, которую ведет нас истинная

inslav

слава, достоинство и могущество вверенной нам от Бога империи... Мои правила суть: ни у кого места не отымать и никому не уступать".

Царица все же нашла выход из протокольного тупика, предложив заключить союз путем обмена личными письмами монархов идентичного содержания (соответствующие послания помечены 21 и 24 мая 1781 г.). Стороны договорились о совместных усилиях по поддержанию мира в Европе; если же, — чего Боже упаси, — одна из них подвергнется нападению, другая окажет помощь военной силой или денежной субсидией, размеры коих оговаривались. Обязательства теряли силу, если бы Россия оказалась втянутой в войну в Азии, а Австрия — в Италии. Обе стороны гарантировали целостность владений Польши и ее конституцию; Фридриху Прусскому тем самым давали понять, чтобы он сидел смирно. Важнейшее положение договоренности содержала ее секретная статья: Иосиф за себя и за своих преемников признавал Кючук-Кайнарджийский мир и изъяснительную конвенцию 1779 г., Екатерина — итоги австро-турецких войн. По согласованию с Россией цесарь обязывался присоединиться к возможной русско-турецкой войне и выставить силы, равные силам союзника[8].

Акт нельзя считать возобновлением старого сотрудничества двух империй, зафиксированного в договорах 1726 и 1746 гг. Тогда Вена считала Петербург младшим партнером, отсюда и сетования Н.И. Панина на "затверделое австрийское самовластие и волю"[9]. Теперь роли переменились: Иосиф выступал просителем и ведомым, а Екатерина — ведущей в альянсе.

Самодержица торжествовала, казалось, уж натиска двух империй османы не выдержат и изыдут туда, откуда пришли, т.е. в Азию. В дымке надежд, в обстановке головокружения от успехов родился Греческий проект. Изложен он был в конфиденциальном письме Иосифу от 10/21 сентября 1782 г. Подпись царицы увенчивала творение трех — ее самой, доверенного секретаря А.А. Безбородко, сделавшего черновой набросок, и Г.А. Потемкина, отредактировавшего текст и внесшего в него поправки. Изложенный в нем замысел носил геополитический характер и предусматривал перекройку карты Юго-Восточной Европы.

Никакого заголовка письмо не имело, но Греческим проектом его нарекли не случайно. Европа грезила Древней Элладой, ее культурой, достижениями ее мысли, изучала опыт афинской демократии. Эллинофильство вошло составной частью в идеологию Просвещения, и Екатерина отдавала ему дань. Видные представители греческой диаспоры обращались к ней с призывом об освобождении родины, и свои внешнеполитические замыслы царица облекла в греческие одежды. Второму внуку она дала небывалое в семействе Романовых, но распространенное у византийских императоров имя Константин. Дитя еще пребывало в пеленках, а придворные пииты уже воскуривали ему фимиам: "Гроза и ужас чалмоносцев, / Великий Константин рожден"[10]. Ребенок выучил греческий язык, его воспитывали как наследника престола возрождаемой Византийской империи.

Достопамятное письмо от 10/21 сентября 1782 г. начиналось с сетований: Порта мешает проходу российских судов через Босфор и Дарданеллы, подстрекает крымцев к восстанию, попирает автономные права Дунайских княжеств. Затем следовали заверения в миролюбии: "...Я не доби-

inslav

ваюсь ничего, выходящего за рамки договоров". Но на всякий случай ей и Иосифу следует предусмотреть возможность войны и подписать "секретную конвенцию о вероятных приобретениях, которых мы должны домогаться у нарушителя мира" (т.е. Османской империи). Екатерина обрисовала перед адресатом мрачную картину состояния Турции: паши своевольничают, бандиты грабят города и села, грозные некогда янычары сидят в лавчонках, откуда их не вытащить, члены дивана казнокрадствуют, среди христиан все шире распространяется недовольство и готовность к восстанию.

Затем следовало основное: целесообразно, полагала царица, создать между тремя империями, Российской, Османской и Габсбургской, некое буферное государство, от них независимое, в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии, и назвать его Дакией, и поставить во главе его монарха-христианина. Оно никогда не должно объединяться ни с Австрией, ни с Россией. Притязания последней ограничиваются крепостью Очаков на Днепровском лимане и полосой земли между Бугом и Днепром. Если же, — и тут следовало сокровенное, — с помощью Божьей удастся освободить Европу от врага имени Христова, то ее друг (т.е. Иосиф) "не откажется помочь мне в восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего, при взятии мною на себя обязательства поддерживать независимость этой восстанавливаемой монархии от моей". Царица излагала затем свою затаенную мечту: возвести на престол в Константинополе своего второго внука при условии, что ни он, ни его наследники не посягнут на российскую корону[11].

Цесаря Екатерина поставила перед нелегким выбором: ни преклонные годы Фридриха II, ни его, Иосифа, родство с французской королевой Марией-Антуанеттой не дают ему ни малейшей гарантии от вмешательства Пруссии и Франции в случае войны на востоке, как полагал он. Страх перед прусским нашествием преследовал его всю жизнь. Он счел письмо своей "сестры" очаровательным, однако отмалчивался больше месяца, сославшись на мучительные головные боли, лишившие его сна и аппетита и мешавшие работать. Но охота пуще неволи. В свете феерических успехов Екатерины собственные деяния на стезе внешней политики представлялись малозначительными, помешать водворению России на Балканах все равно нельзя, значит... И Иосиф не постеснялся, выкраивая себе добычу. В письме от 13 ноября он наметил следующие приобретения: крепость Хотин с окрестностями, Малая Валахия до реки Алута (Олт), оттуда — прямая линия до Адриатического моря у Дринского залива. Поскольку в Далмации цесарь посягал на владения Венецианской республики, он предлагал компенсировать ее островом Крит и землями в Греции[12].

В Петербурге откровения Иосифа встретили прохладно — он посягал на предназначаемые для Константина владения. Впрочем, каких-либо реальных последствий обмен мнениями не имел.

Греческий проект окружает некий ореол загадочности: в чем его смысл и каковы его цели, что побуждает исследователя вновь и вновь обращаться к нему. В последние годы стали известны ценные плоды розысков О.И. Елисеевой и П.В. Стегния[13], подтвердившие, что проект обязан своим рождением не внезапному озарению и не всплеску эмоций, а явился плодом размышлений трех выдающихся государственных деяте-

inslav

лей. Важно не только само письмо и ответ Иосифа, важен последовавший за этим обмен мнениями. Значительный интерес представляют два документа, опубликованные П.В. Стегнием, — инструкция, направленная послу Л. Кобенцлю и меморандум А.А. Безбородко с анализом австрийской позиции.

Габсбурги устами Л. Кобенцля заявили, что их владения открыты для нападения со всех сторон: в Богемии — со стороны Пруссии, в Бельгии — Франции и той же Пруссии, в Италии — Сардинии и "других бурбонских дворов", и надо еще "защищать свои границы со стороны Венгрии, Трансильвании и Баната от нападений и набегов турок". Поэтому, полагала Вена, первым объектом внимания двух дворов должен стать отпор вражеским поползновениям по всему периметру австрийских рубежей (а не удар по Османской империи!). Даже если удастся обеспечить нейтралитет Франции, Сардинии и прочих итальянских властителей, России надлежит держать на прусских рубежах корпус в 40 тыс. штыков, лишь в этом случае Вена сможет выделить 60—80 тыс. человек "против врага имени Христова". Не исключалась и более мрачная перспектива: "Австрийский дом использует все свои силы для того, чтобы защитить свои отдаленные владения", и тогда "вся тяжесть войны против Порты и против Прусского короля легла бы на Россию". Невольно вставал вопрос: чего же тогда и огород городить?

Заверениям Екатерины насчет ее бескорыстия Иосиф не поверил и счел предлагаемое образование Дакии и Греческой монархии разновидностью распространения ее влияния на всю восточную часть Балкан. Граф Л. Кобенцль информировал петербургский кабинет, что обрисованная его повелителям схема австрийских приобретений, включая венецианские владения, все же не является должной компенсацией за выгоды, приобретаемые Россией, "однако дружба, которую питает император в отношении августейшей государыни, не позволяет ему останавливаться на этом"[14].

А.А. Безбородко в своей записке более оптимистично взирал на обстановку в Европе, однако и он допускал "необходимость по силе трактата нашего с императором отделить знатную часть войск наших на оборону союзника", что отнюдь не вдохновляло. Тревожили австрийские территориальные претензии, разработанная в Вене схема обменов, по которым Морея передавалась венецианцам, что означало "крайнее стеснение Греческой монархии", квинтэссенции проекта. Разбирая возможные варианты решения вопроса, А.А. Безбородко, по свидетельству профессора П.В. Стегния, отдавал предпочтение плану-минимум, вполне конкретному, а именно — "присовокупить к России Очаков с его уездом, Крым с Таманом и для торговли один или два острова в Архипелаге". По сути дела, Александр Андреевич, если и не хоронил Греческий проект, то отлагал его в очень долгий ящик (хотя, из внимания к мечтам Екатерины, и предлагал не упускать его из виду)[15].

Никаких шагов по воплощению проекта в жизнь стороны не предприняли, никакой конвенции не заключили. Идти на риск большой войны при сомнительной позиции союзника в Петербурге не желали. В плане политическом подготовленный лучшими умами документ оказался мертворожденным, на что указывала О.П. Маркова[16]. В переписке с Потемкиным Екатерина рассуждала так, будто не собиралась дать ход своему детищу:

inslav

"Политический состав Оттоманской империи разными обстоятельствами еще отдален от конечного разрешения". Иосиф II в письме брату Леопольду выражал надежду, что удастся мирным путем осуществить более скромный замысел — образовать Дакию, предоставить России Очаков, а Австрии Северную Сербию. Леопольд считал и этот вариант предельно опасным: "Нет таких территориальных приобретений, которые могли бы возместить ущерб, причиненной европейскою войной"[17]. Испускать дух Османская империя не собиралась, большинство держав метили попасть к ней в лекари, а не в могильщики.

Но рассматривать Греческий проект только с точки зрения момента — значит скользить по поверхности. В обстановке эйфории и ажиотажа, порожденной внешнеполитическими триумфами, три выдающихся ума воспарили над делами земными в геополитические выси, ибо на почве реалий условий для воплощения в жизнь Греческого проекта не существовало. Но они создали по-своему стройную конструкцию послеосманской Юго-Восточной Европы. При всем своем несовершенстве, при очевидном пренебрежении сложной этнической конфигурацией на Балканах, при явном благоволении к грекам в ущерб славянам, документ содержал основополагающую идею отказа от прямых завоеваний и создания или возрождения здесь государств христианских народов под покровительственной дланью самодержавия. В этом смысле проект послужил отправной точкой комбинаций по территориально-государственному переустройству Балкан, коими богат XIX в. Можно согласиться с оценкой О.И. Елисеевой: "Россия не стремилась к непосредственному включению в свой состав земель, кольцом охватывающих Черноморский бассейн, а предусматривала охватить его поясом православных стран-сателлитов и союзных горских мусульманских племен"[18].

Но, помимо будущего, Греческий проект был обращен и к современности. Он не случайно появился на свет после заключения союза с Австрией, когда зашел в тупик курс на образование в Крыму самостоятельного ханства, и в числе подготовительных материалов к нему имелась и записка Потемкина "О Крыме". Закинув перед Иосифом сети обещаний, Екатерина подрывала в Вене позиции противников раздела Турции и гасила возможное сопротивление кайзера присоединению ханства к России[19]. Когда 28 апреля 1783 г. это произошло, цесарь прислал положенные поздравления.

Собравшись в 1787 г. в Крым, дабы познакомиться с новым владением, Екатерина пригласила Иосифа на свидание. Но как? В постскриптуме к письму! Кайзер был возмущен: "Она воображает, что стоит ей поманить меня мизинцем, и я побегу к ней в Херсон", — писал разобиженный император своему канцлеру. И грозил: "Я дам понять этой екатеринизованной принцессе Цербстской, что по отношению ко мне следует употреблять более почтительный тон". Но, поразмыслив, он таки "побежал" на встречу. Екатерина, спохватившись, что допустила протокольную оплошность, спешила ее загладить: ее "сердце трепещет от радости" при мысли о новом свидании "с дорогим графом Фалькеншейном"[20]. Она явно стремилась произвести впечатление на союзника: в Крыму вокруг их кортежа гарцевали татарские всадники, в Севастопольской бухте перед их взором маневрировали военные парусники. Но настроение Иосифу портили дурные вести из Бельгии: провинциальные собрания отказались платить на-

inslav

логи. Вернувшись в Вену, кайзер рвал и метал; министры, по его словам, проявили малодушие в переговорах с "бунтовщиками": "Когда эта раздраженная и обезумевшая публика увидит, что ее боятся, она способна на все; я не удивляюсь, что брабантцы и фанатики, их возбуждающие, еще не потребовали снять с меня штаны, и правительство не дало заверения, что я их пошлю"[21]. Строгими мерами недовольство удалось подавить, точнее — приглушить.

Во все время путешествия Иосифа не покидало раздражение, он был хмур и ворчлив (правда, лишь перед немногими своими спутниками): крепостные стены в Херсоне рухнут при первом же салюте, бормотал он под нос, и неприятель не потребен для взятия города, корабли в Севастополе, построенные из сырого дерева, потонут сами по себе[22].

В Херсоне августейшие странники проехали под аркой с надписью по-гречески "Путь в Константинополь". Иосиф испытывал тревогу и жаловался в письме канцлеру В.А. Кауницу: "Императрица умирает от желания возобновить дело с турками, она не прислушивается ни к каким доводам, самолюбие и везение ослепляют ее в такой степени, что она верит, будто способна в одиночку осуществить желаемое"[23], его опасения насчет позиции Пруссии и Франции впечатления не производят.

Не успела Екатерина вернуться в Петербург, как грянул турецкий ультиматум, точнее — даже два. В первом содержалось требование отказа от провозглашенного в 1783 г. протектората над Восточной Грузией (Картли и Кахетией) и выражалась претензия на осмотр русских торговых судов, проходивших через Босфор и Дарданеллы. Не дождавшись ответа, Порта предъявила второй: 5/16 августа 1787 г. посланника Я.И. Булгакова вызвали в совет и вручили ему бумагу совершенно наглого содержания — возвратить Османской империи Крым и признать Кючук-Кайнарджийский договор недействительным. Булгаков счел бессмысленным пересылать ноту в Петербург и был немедленно заключен в Семибашенный замок, скорбное пристанище многих его предшественников[24]. 13/24 августа Высокая Порта объявила России войну, 17/28 сентября Екатерина подписала ответный манифест.

[1] *Asprey R.B.* Frederik the Great: The Magnificent Enigma. N.Y., 1981. P. 617—623; *Aretin K.* Das Reich und die europaischen Politik, 1763—1806 // Europa und "wir". Budapest, 2000. S. 22.

[2] Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 225; *Стегний П.В.* Еще раз о Греческом проекте Екатерины II: Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история (ННИ). 2002. № 4. С. 103—104.

[3] *Fejtö F.* Un Habsburg revolutionnaire, Joseph II: Portrait d'un despot eclarée. P., 1953. P. 328.

[4] Ibid. P. 331, 338; *Szabo F.* Kaunitz and enlighted absolutism. Cambridge, 1994. P. 99.

[5] *Fejtö F.* Op. cit. P. 291.

[6] *Митрофанов П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907. С. 167.

[7] *Fejtö F.* Op. cit. P. 256—257.

[8] *Arneth A.* Joseph II und Katharina von Russland: Ihre Brifwechsel. Wien, 1869. S. 66, 68, 72—88; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения с Австрией. 1780. Д. 635. Л. 234; Д. 634. Л. 7, 8; Екатерина II и Г.А. Потемкина: Личная переписка. М., 1997. С. 14.

[9] См.: Настоящее изд. С. 114.

[10] Цит. по: Век Екатерины II. С. 212.

inslav

[11] *Arneth A.* Op. cit. S. 146 – 148, 152 – 154; Переписка опубликована, см.: Русский архив. 1880. Т. 1.
[12] *Arneth A.* Op. cit. S. 169 – 175, 275.
[13] *Елисеева С.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000; *Стегний П.В.* Указ. соч.
[14] *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 118, 108, 109, 110, 11.
[15] Там же. С. 106, 113, 116.
[16] *Маркова О.П.* О так называемом Греческом проекте // История СССР. 1958. С. 58,
[17] *Fejtö F.* Op. cit. P. 251.
[18] *Елисеева О.И.* Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. М., 1997. С. 13.
[19] *Arneth A.* Op. cit. S. 202.
[20] *Fejtö F.* Op. cit. P. 283.
[21] *Arneth A.* Op. cit. S. 295.
[22] *Madariaga I.* Russia in the age of Catharine the Great. L., 1982. P. 370.
[23] *Брикнер А.Г.* История Екатерины II. М., 1991. Т. 2. С. 408.
[24] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 781.

inslav

Война 1787–1791 гг. и утверждение России на Балканах

Сражения этой войны золотыми буквами вписаны в историю отечественного военного искусства. Впервые Г.А. Потемкин руководил операциями на двух фронтах — Балканском и Кавказском; А.В. Суворов выступил в блеске полководческого дарования; флот под командованием Ф.Ф. Ушакова завоевал господство на Черном море. А в историографии достигнутые результаты оцениваются скромно: "Ясский мир ни в коей мере нельзя назвать блестящим", он "не был адекватен затраченным на войну человеческим и материальным усилиям". Россия вышла из нее "с очень незначительными, по сравнению с понесенными жертвами, территориальными приращениями"[1].

Почему?

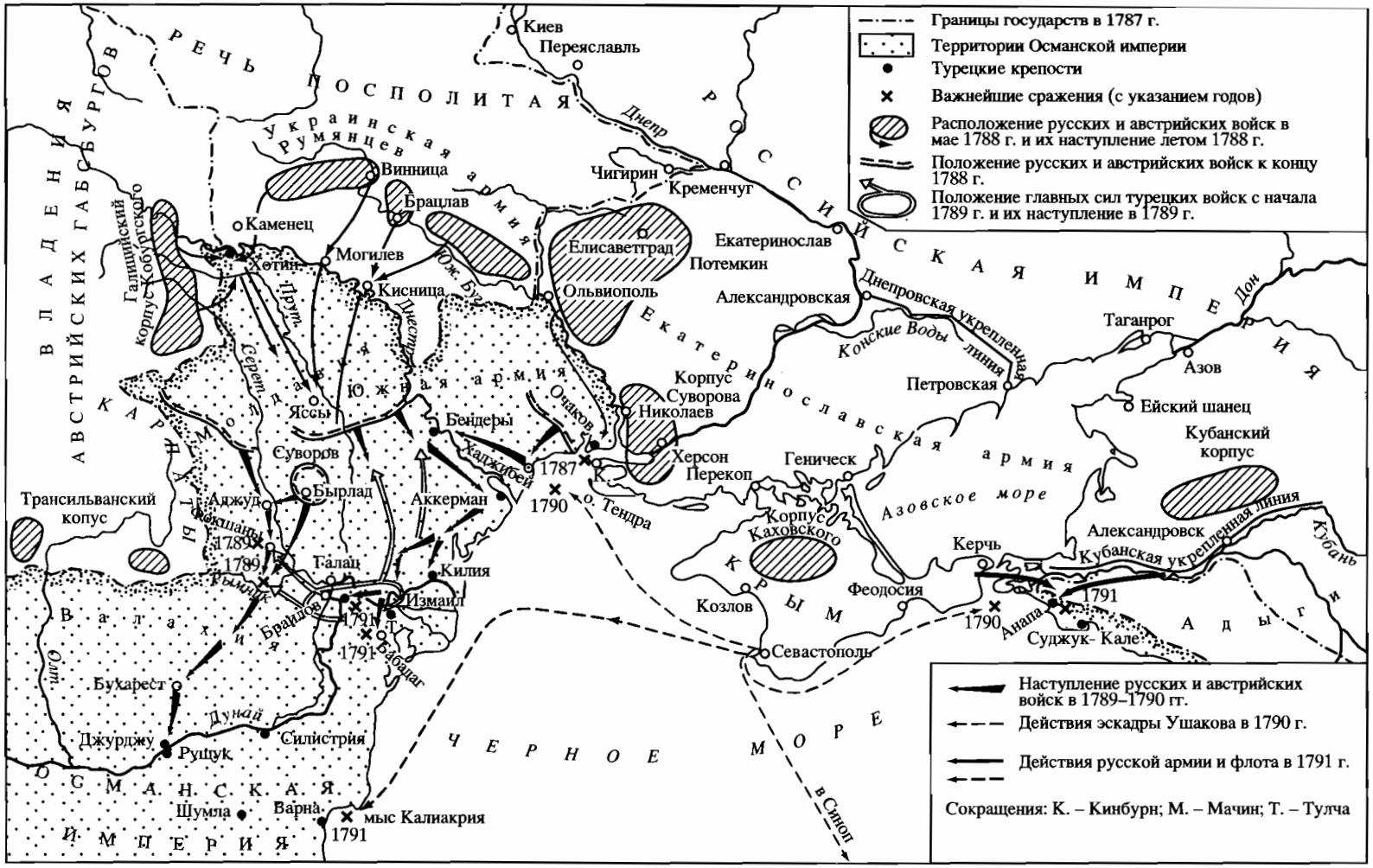
Взлет могущества какой-либо державы обычно приводит к ее изоляции. Россия почувствовала это на себе. На войну с Турцией наслоилась вторая, со Швецией. Наша страна оказалась на волосок от схватки с коалицией Великобритации — Швеции — Пруссии — Польши — Османской империи, от катаклизма европейского масштаба, подобного Семилетней войне.

Правда, опасность нарастала постепенно, поначалу существовали и ободряющие факторы. Прежний антагонист, Франция, стремительно шла к революции, ей было не до того, чтобы чинить козни в Константинополе: "...Нам нет причин опасаться больших препятствий со стороны Франции и по ее бессилию". Иосиф II заверил Екатерину, что выполнит союзные обязательства: "Я готов доказать всеми возможными способами, что Ваше дело является и моим". В войну он вступил все же с некоторой задержкой, в феврале 1788 г.[2]

Императрица словно бы забыла о Греческом проекте. Манифест о объявлении войны содержал знаменательную фразу: Кючук — Кайнарджийским миром Россия доказала, "что и в счастливой войне не приобретение, но оборона и спокойствие государства нашим были предметом". Совет при высочайшем дворе в части желательных приращений ограничивался междуречьем Буга и Днестра, никаких поползновений на балканские земли не намечалось[3].

Главный ударный кулак представляла Екатеринославская армия (80 тыс. человек) под командованием Потемкина. Ей предписывалось занятие междуречья, взятие крепости Очаков, оккупация Бессарабии. Прославленный полководец П.А. Румянцев оказался задвинутым на второй

inslav



Русско-турецкая война 1787—1791 гг.

план, ему предоставили начальство над Украинской армией (35 тыс., по сути вспомогательной, с задачей следить за Польшей и удерживать фронт в междуречье.

К сотрудничеству с балканскими народами правительство Екатерины отнеслось серьезно. 11/22 февраля 1788 г. Екатерина подписала обращение к "именитым представителям и всем обитателям славного рода славянского, сербским, черногорским и прочим", в котором призывала их, "воспомянув дела славных предков ваших, нам единоплеменных", содействовать всеми силами российскому оружию на "поражение турков"[4].

Ситуация сложилась запутанная. Союзная Австрия, владевшая в 1718—1739 гг. значительной частью Сербии, включая Белград, зарилась на эти земли. В ходе переписки по Греческому проекту Екатерина не отвергала претензий Иосифа. Многие кнезы и церковные иерархи продолжали ориентироваться на Габсбургскую монархию в своих надеждах на освобождение, по Белградскому пашалыку рыскали цесарские агенты, раздавая соблазнительные обещания. Успешно шла вербовка и "своих" и "турецких" сербов во фрайкоры, добровольческие формирования императорской армии. Ее командование попыталось овладеть Белградом до официального объявления войны с помощью своих сторонников в городе, готовых открыть его ворота. Но дважды буря на Дунае помешала лодкам с десантом пересечь реку.

Отдельная грамота Екатерины предназначалась черногорцам. Императрица призывала их разделить с россиянами "подвиг противу врагов имени христианского". Но и здесь налицо были свои сложности. История со Степаном Малым сильно подпортила отношения с Цетинье, пособие монастырю прекратили выплачивать. Российские миссионеры, прибыв на место, столкнулись с австрийскими. Те явились в сопровождении батальона солдат (400 штыков), обоза с ружьями, порохом, свинцом и зерном и немалою казною (100 тыс. талеров), так что и тут предвиделось соперничество с дорогим союзником[5].

Большие надежды возлагались в Петербурге на поддержку населения Далматинского побережья — греков, южных славян и албанцев. Собирались повторить славную архипелагскую экспедицию А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова, "ударить в мягкое подбрюшье Османской империи", ее многотысячеверстное средиземноморское побережье. Военная коллегия приступила к снаряжению сильной, в 16 линейных судов и фрегатов эскадры. Во главе поставили опытного и отважного моряка, адмирала С.К. Грейга.

План сорвался, поскольку из Лондона поступили вести, порушившие его на корню: британские моряки отзывались из российского флота, а без санкции владычицы морей и ее согласия предоставить свои порты для стоянки в пути затея превращалась в авантюру. Но подготовленные для Грейга документы многозначительны, а опыт посланных на Балканы эмиссаров поучителен; на них следует остановиться. Адмиралу для личного сведения и исполнения поручалось иметь в виду: "Отнюдь нет намерения нашего присвоить сие (т.е. балканские земли. — *Авт.*) под обладание наше, а все желания к тому устремлены, дабы доставить им (народам. — *Авт.*) свободу полную в исполнении веры их и отправлении обрядов оной и восстановить гражданскую вольность и безопасность". В занятых областях следовало не приводить жителей к присяге, а брать с них клятву, что они

inslav

"за веру свою и вольность подвизаются"[6]. Завоевание балканских земель заранее исключалось.

Знакомство с документами показывает, какой громадный путь проделала отечественная дипломатия за истекшие с петровских времен 100 лет — от поисков мифической "Шклавонии" до вполне конкретных планов взаимодействия с освободительным движением, со взвешенной оценкой его ресурсов и возможностей. Аксиомой считалось, что оно имеет шансы на успех лишь при опоре на российское оружие. Заранее, в предвидении прибытия эскадры С.К. Грейга, в Триест отправили генерал-поручика И.А. Заборовского для координации действий всех сил на побережье, ему предписывалось умножить десантный отряд "воинством, в Далмации, Албании и Греции набираемым", снабдив его оружием из расчета на 10 тыс. добровольцев. Письмо Заборовского А.А. Безбородко от 25 сентября/6 октября 1788 г. содержит важные обобщения: "Все христианские народы Албании, Далмации и в самой Морее с крайнею нетерпеливостию ожидают прибытия флота, чтоб вступить на службу нашу и напасть на турок, безпрестанно их терзающих", но пока что "все здешние дворы таким объяты страхом, что с неожиданною строгостию стараются соблюдать неутралитет"[7]. Флот, однако, не прибыл, и масштабных восстаний не произошло.

Направленный в Черногорию генерал-майор Д. Неранчич прислал оттуда своего рода аналитическую записку ("Мнение"). Черногорцы, по его словам, могли выставить "по нужде собственной" для защиты от нападения 7—10 тыс. бойцов. В случае нашествия у них поднимается стар и млад — 40 тыс. человек. Иное дело — военные операции вне пределов страны. Неранчич полагал возможным "учредить три тысячи лутчего" войска, своего рода гвардии, хорошо оплачиваемой. Заборовский считал, что черногорцы вообще не пригодны для сражений "на ровном месте", только в родных горах[8].

Неудача постигла два императорских двора в их стремлении привлечь на свою сторону шкодерского (по документам — скутарийского) пашу Махмуда Бушати, обладавшего небольшой армией и поднявшего восстание против султана. Тот поставил условием своего сотрудничества солидную субсидию и прибытие к албанским берегам эскадры в шесть линейных кораблей и шесть фрегатов. Он обещал тогда "открыть удобный путь войскам российским в Константинополь".

Все обернулось блефом. Приехавшая в Шкодер австрийская миссия ссудила ему 50 тыс. дукатов; по отъезде, вблизи города, на цесарцев напали неизвестные, предавшие их смерти. Г.Л. Арш полагает, что провокацию устроили влиятельные сторонники ориентации на Высокую Порту. После трагического эпизода Вена и Петербург прекратили сношения с пашой, а султан его "простил" и назначил сераскером (главнокомандующим) войсками в Албании.

В целом российская политика в отношении южных славян и всех балканцев отличалась взвешенностью и сугубым реализмом: содействие с их стороны бралось в расчет, но значение его не преувеличивалось: "Народы, единоверные с нами, восстанут против турков, но их присоединенное пособие не составит нужной силы, буде мысли простирать на потрясение монархии турецкой". Никаких авантюрных замыслов, вроде предлагавшегося во время прошлой войны Г.Г. Орловым прыжка к Стамбулу, не возникало[9].

inslav

Далеко не без сучка и задоринки развивались военные операции. Турки не ждали пассивно сосредоточения сил неприятеля, уже с конца августа они предпринимали нападение на крепость Кинбурн в устье Днепро-Бугского лимана, прикрывавшую подступы к Крыму. 1/12 октября А.В. Суворов в отчаянной сече отбил генеральную атаку. Г.А. Потемкин в сентябре отправил флот в район Варны, где его настигла страшная буря, разметавшая корабли, порвавшая паруса, поломавшая мачты. Получив известия о бедствии, да еще преувеличивавшие размеры катастрофы, фельдмаршал впал в отчаяние: "Флот севастопольский разбит бурею... Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки", — писал главнокомандующий, и запросился в отставку[10].

Пришлось Екатерине приводить в чувство своего любимца и "воспитанника". "Оставь унылую таковую мысль... Я думаю, что в военное время фельдмаршалу надлежит при армии находиться... Вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живет и делает, что хочет. Вы принадлежите государству, Вы принадлежите мне". Отвергла она и неудачное предложение Потемкина — оставить Крым, дабы завлечь врага в глубь России. Государыня вполне разумно замечала: "Начать же войну эвакуацией провинции, которая доднесь не в опасности, кажется, спешить не для чего", да и "на степи едва ли удобно концентрировать оборону"[11].

А на международном горизонте сгущались тучи, рывка к лидерству в Европе Екатерине не простили. Первый прусский министр Э.Ф. Герцберг сочинил план, имевший целью прервать бег России к могуществу. По его замыслу следовало подождать, пока россияне и австрийцы увязнут в балканских делах, и тогда, опираясь на поддержку Великобритании, приступить к разделу Польши, забрав себе Данциг (Гданьск) и Торн (Торунь), Речь Посполитую компенсировать отнятой у Австрии Галицией, а Габсбургам передать Дунайские княжества[12].

Тревогу внушала позиция Польши; раны, причиненные общественному сознанию разделом ее владений, не затянулись. Екатерина и А.А. Безбородко попытались упредить возможный переход Варшавы на прусско-британскую сторону, но запрошенная королем Станиславом-Августом цена (Молдавия по реку Серет) показалась им чрезмерной, и переговоры оборвались.

Беда пришла с той стороны, откуда ее не ожидали: экзальтированный шведский король Густав III, двоюродный брат Екатерины по матери, объявил России войну, предъявив требования столь непомерные, что государыня подумала: "не сошел ли с ума" кузен, "он такой же лукавец, как глупец и лгун"[13], — а именно, возвращение Швеции части Финляндии, включая Кексгольм, разоружение Балтийского флота, посредничество короля в мирном урегулировании между Россией и Высокой Портой с условием передачи последней Крыма (а Густав успел заключить с Турцией союз). Царица назвала предъявленные условия "сумасшедшей нотой". В ее переписке с Потемкиным зазвучала тревога: на западных границах империи образовалось полукольцо недругов — Швеция — Пруссия — Польша — Османская держава при поддержке и покровительстве Великобритании. Отсюда — грустная констатация: "Предпишутся самые легкие кондиции, как, например, отдача Финляндии, а может быть и Лифляндии — Швеции, Белоруссии — Польше; по Самару-реку — туркам". Но бодрости духа государыня не теряла: "Они поза-

inslav

были... с кем дело имеют, в том и надежду кладут, дураки, что мы уступчивы будем"[14].

Особую озабоченность вызывала позиция Берлина, сконцентрировавшего 40-тысячную армию на границе: "прусский дурак не унимается" (т.е. король Фридрих-Вильгельм II), волновалась Екатерина, "законы принять от прусского короля мне не сродно, а России еще менее". И следовало указание фельдмаршалу: "Возьми Очаков и сделай мир с турками, тогда увидим как осядутся как снег на степи после оттепели..."[15].

К счастью, шведское вторжение в российские пределы закончилось конфузом, спешно переброшенные к рубежу войска его остановили, ни одной крепости наступающим взять не удалось. Король Густав III действовал без санкции риксдага, в офицерском корпусе царило недовольство, финские полки сражались неохотно, их командование начало сношения с русскими на предмет провозглашения независимости Финляндии. Поскольку организовать экспедицию в Средиземное море не удалось, оставшаяся на Балтике эскадра встретила шведов во всеоружии. Адмирал С.К. Грейг в сражении у острова Гогланд нанес поражение шведскому флоту, оставшиеся на плаву корабли укрылись в гавани Свеаборга, которую Грейг блокировал.

Но судьбы всей войны решались на юге. Лишь в июне 1788 г. Потемкин, действуя неторопливо, что раздражало многих и в армии, и в политических кругах, осадил Очаков. Только 6/17 декабря последовал штурм, проведенный по всем канонам тогдашней военной науки. Неприятельские потери составили 4,5 тыс. убитыми, почти столько же пленными (российские — 1 тыс. убитыми и 2 тыс. ранеными). Императрица тепло поздравила победителя: "За ушки взявши обоими руками мысленно тебя целую", и осыпала его наградами[16].

Войска устроились на зимних квартирах, а Потемкин отправился в Петербург.

У австрийцев кампания 1788 г. началась с успеха, а завершилась провалом. Воинские лавры являлись затаенной мечтой императора Иосифа II, и он определил себя на роль главнокомандующего, не имея и тени стратегических талантов. Его личный друг, глава гофкригсрата И.Ф. Ласси (кстати, сын генерала русской службы Петра Петровича, победителя шведов в 1741—1742 гг.), придерживался взглядов, которые можно назвать антисуворовскими. В основу стратегического замысла он поставил своеобразный принцип — избегать столкновения с основными турецкими силами, предоставив это союзнику. Иосиф II, свидетельствует его биограф, "вместо того, чтобы следовать советам русских и сосредоточить силы для фронтальной атаки, послушался Ласси и выбрал ведение осадных операций"[17].

Цесарь двинул в бой немалые силы — 150 тыс. солдат и офицеров, но растянул их на громадном пространстве от Днестра до Адриатики; совместно с полками Румянцева удалось взять Хотин, но под Белградом австрийцы застряли, и неприятельский корпус Юсуфа-паши без труда проник через тонкую завесу их войск в Банат. Император снял осаду Белграда и устремился на выручку своим, но в бою при Лугоше (Лугоже) 10/21 сентября потерпел неудачу. Отступление превратилось для армии в катастрофу. Случайная ночная стычка между венгерскими гусарами и пехотой закончилась перестрелкой, которую в темноте и царившем беспорядке приписали нападению турок, и началось повальное бегство. Свита императо-

inslav

ра испарилась, и его, по словам Потемкина, "чуть было самого в куче не застрелили". Подоспевший с отрядом граф Кинский предоставил цесарю коня для бегства[18].

Иосиф пережил глубокое душевное потрясение, перестал гоняться за воинской славой, заключил с турками бессрочное перемирие. Ткань его державы трещала по швам. Рекрутские наборы и военные налоги вызвали повсеместное недовольство, в национальных районах оно обострялось политикой германизации. Иосиф не удосужился пройти процедуру коронования в Пожони (Пресбурге, ныне — Братислава), в Венгрии его именовали "королем в шляпе", а не в короне, т.е. сомнительным с точки зрения легитимности. Верхом безрассудства явился перенос мадьярской национальной святыни, короны Св. Иштвана (Стефана) на хранение в Вену. Магнаты и дворянство находились в открытой оппозиции к императору. В Бельгии назревала революция. На границе сосредоточилась армия Фридриха-Вильгельма II, готовая к вторжению в Богемию.

По сути дела, 1789 год Россия встретила в одиночестве против врагов на севере и юге. Весной Украинская армия освободила от турок Нижний Дунай, заняла Галац. На этом славная карьера Петра Александровича Румянцева завершилась. Потемкин тяготился выдающимся подчиненным, и того, под благовидным предлогом заботы о пошатнувшемся здоровье, освободили от командования. Османы и не думали идти на мировую. Султанский престол после смерти дряхлого Абдул-Хамида I занял молодой, энергичный, честолюбивый и склонный к реформаторству Селим III. Цепь крепостей — Килия, Исакча, Тулча, Браилов (Брэила), Журжево (Джурджу) и твердыня Измаила — охраняла течение Дуная. Перемирие с австрийцами Селим прервал.

В кампании 1789 г. расцвел полководческий гений А.В. Суворова, командовавшего 3-й дивизией, состоявшей из пяти пехотных и семи конных полков. Во взаимодействии с австрийским корпусом принца Ф.И. Кобург-Саксена он нанес поражение туркам под Фокшанами и разгромил 90-тысячную армию великого везира в сражении при Рымнике (в австрийской историографии — при Мартинешти) 11/12 сентября. Екатерина наградила его Георгиевским крестом I степени, осыпанной бриллиантами шпагой. Александр Васильевич получил графский титул двух империй — Российской и Германской[19].

Потемкин лето и осень провел под Бендерами. Плотная осада привела к капитуляции крепости на условии свободного выхода из нее гарнизона. Попутно был занят крошечный поселок Хаджибей, будущая Одесса. Австрийцы, воодушевленные успехом под Рымником, добились сдачи Белградской крепости. Принц Кобург, возведенный в фельдмаршалы, вступил в Бухарест. Победы, победы... Но решающего удара нанести не удалось, на третий год войны — переправиться через Дунай, как то советовал Суворов, не смогли.

На севере адмирал В.Я. Чичагов, сменивший умершего С.К. Грейга, успешно сразился со шведским флотом у острова Эланд, а принц К. Нассау-Зиген, командовавший галерами, нанес шведам крупное поражение у Роченсальма; и все же их морское могущество сломлено не было.

1790 год наступил при мрачных предзнаменованиях. Пруссия довела численность своей армии до 180 тыс., сосредоточила войска на границах с Австрией и Россией, заключила договор с Высокой Портой, посулив той

inslav

возвращение Крыма. Российские полки с Балкан перебрасывались на север. На Дунае обрисовывался оборонительный вариант предстоявшей кампании, Очаков, Аккерман и Бендеры Потемкин предлагал срыть из-за нехватки сил для их защиты. Предусматривались активные операции флота на Черном море и наступление на Кубани. Влияние фельдмаршала при дворе падало: "пакостники мои неусыпны в злодействах", жаловался светлейший. Екатерина выбрала себе очередного фаворита не из числа подчиненных Потемкина, как то водилось ранее, приблизив к себе юного конногвардейца П.А. Зубова. Явно пытаясь смягчить реакцию вспыльчивого князя Таврического, она писала ему: "Я знаю, ты меня любишь и ничем не оскорбишь". Маневр удался, Потемкин отвечал: "Матушка моя родная, могу ли я не любить смиренного человека, который тебе угождает". А Зубов стал играть отнюдь не утешительную роль при стареющей императрице, как надеялся фельдмаршал, и сделался центральной фигурой в антипотемкинской придворной группировке. В отношениях Екатерины и Григория Александровича повеяло холодком. Фельдмаршал считал необходимым пойти на уступки Пруссии, государыня упрямилась и советовала другу: "Плюнь на пруссаков, мы им на пакость их отмстим авось-либо"[20]. Потемкин полагал опасным рассчитывать "на авось".

Император Иосиф II доживал последние месяцы в безнадежности и тоске. Союзу с Россией он не изменил, он был продлен в 1789 г. на восемь лет. Но тогда же, под влиянием великих событий во Франции в Бельгии, вспыхнула так называемая Брабантская революция, и австрийские гарнизоны покинули страну. Обстановка в Венгрии достигла такого накала, что Иосиф отказался от своих реформаторских и централизаторских попыток и вернул в Пожонь корону.

Императору даже умирать полагалось по церемониалу, торжественно и парадно. Его подняли с постели, одели в белый фельдмаршальский мундир и усадили в кресло. 9/20 февраля наступил последний час.

Брат и наследник, Леопольд, круто повернул руль политики, — прочь от России. Ситуация в державе почти что отчаянная, войска из Бельгии изгнаны, Венгрия в неповиновении, из войны с Турцией не выбрались, на границе — полчища пруссаков. Леопольд сразу стал обладателем букета титулов — король Богемии, Венгрии, Хорватии, Далмации и даже Иерусалима (!), эрцгерцог Австрии, великий князь Трансильвании и "прочая, и прочая, и прочая". Но для получения самого драгоценного и престижного, императора Священной Римской империи германской нации, предстояло пройти процедуру избрания курфюрстами, среди которых — прусский монарх Фридрих-Вильгельм II и герцог Ганновера, он же английский король Георг III[21]. Так что у Леопольда существовали веские причины для отказа от активного экспансионистского курса, присущего Иосифу.

Военные действия против турок по инерции продолжались до лета. Принц Кобург сильно подпортил свою репутацию, прозевав вылазку гарнизона осажденной крепости Журжево (Джурджу). 10 июня он сам отправился в рекогносцировку по Дунаю на лодке, кавалерия занялась пополнением фуража, а пехота уселась за обед. Турки совершили стремительную вылазку, обратив цесарских солдат, у которых ружья почему-то оказались незаряженными, в бегство и захватив артиллерию. "Так испортил глупый Кобург, что и исправить трудно", — досадовал Потемкин. Сотрудничество с союзниками оставило у него неприятный осадок, скром-

inslav

ные успехи на поле боя они соединяли с крайним высокомерием и третированием русских, что проявлялось, в частности, в отказе пускать их на квартиры в городах, где располагались австрийские гарнизоны: цесарцы заняли "все лутчие места, а я жмусь с войсками как нищий. Разве русские люди — свиньи, что должны терпеть всякую нужду", — возмущался фельдмаршал[22].

В июне—июле 1790 г. в силезском городе Рейхенбах (ныне — Дзержонов в Польше) состоялась конференция Австрии, Пруссии, Великобритании и Голландии для улаживания ссоры между немецкими дворами. Екатерина приглашение отклонила, назвав подготавливаемые к подписанию документы "постыдными". Незримым пятым участником совещания являлась французская революция: угроза, нависшая над "коронованными тиранами", побуждала собравшихся преступать через разногласия. Австрия согласилась выйти из войны с Турцией на условиях статус-кво анте беллум (существовавшей до войны ситуации), перемирие было заключено в сентябре. На запрос из Петербурга — выполнит ли Вена союзные обязательства в случае, если Фридрих-Вильгельм II все же нападет на Россию, последовал отрицательный ответ. Но в российской переписке тех дней не ощущается гнева против "изменницы"; уж очень в тупиковой ситуации очутился Леопольд.

Прусский уполномоченный в Рейхенбахе обещал посодействовать восстановлению власти Габсбургов в Бельгии. Берлину пришлось отложить притязания на Данциг и Торн, делегаты Великобритании и Нидерландов дали понять, что в противном случае они откажутся от союзных обязательств в отношении Пруссии. В декабря 1790 г. австрийские войска вошли в Брюссель. Путь к сотрудничеству двух немецких дворов против Франции был открыт.

Россия вновь осталась одна против всех. Но тут блеснул луч надежды. Берлин, расставшись на время с мечтами о добыче в Польше, потерял интерес к союзу с Высокой Портой, и договор с нею остался нератифицированным, пункт о Крыме отпал.

На Балтике военные действия развертывались благоприятно для России. 2 мая шведы атаковали эскадру Чичагова на рейде Ревеля (Таллина), но потерпели неудачу. 22—24-го числа того же месяца произошло генеральное сражение у Красной Горки, совсем вблизи Петербурга, — гул выстрелов доносился до города и попахивало порохом. Шведы отступили и укрылись в Выборгской бухте. Через месяц они вырвались-таки из блокады, но ценой потери пяти кораблей и убыли в 5 тыс. пленными. Правда, в том же июне месяце случилась большая и досадная неудача. Командование усвоило пагубную привычку отмечать победами торжественные даты царствующих особ. 28 июня принц Нассау ворвался со своими галерами в бухту Швейзунда, угодил под перекрестный огонь береговых батарей и, по словам секретаря императрицы А.В. Храповицкого, "потерял прамы*, 8 галер, 4 фрегата и свою голову" (последнее, разумеется, фигурально)[23].

И вдруг непредсказуемый Густав Шведский, утративший веру в возможность победы и сталкивавшийся с широкой оппозицией в стране, преподнес объединившейся против России "Европе" неприятный сюрприз,

* Прама — плоскодонное судно с тяжелой артиллерией на борту.

inslav

пойдя на мир: 3/14 августа стороны подписали договор на условиях "неприкосновенной целости границ". Извещая Потемкина о завершении "войны, на зрелище от столицы нашей неудаленном", государыня добавляла с явным намеком: "Одну лапу мы из грязи вытащили. Как вытащим другую, то пропоем Аллилуя"[24].

Но пока что петь было рано. Крепость Измаил с 30-тысячным гарнизоном, прикрывавшая пути вторжения за Дунай, оставалась непокоренной, осаждавшие ее генералы на штурм не решались. Военный совет, в предвидении зимы, постановил снять осаду. И тогда Потемкин решил поручить ее взятие Суворову. Тот еще по пути к Измаилу повернул назад отходившие от города полки. Пять дней он отвел на подготовку к приступу, еще одни сутки (фактически растянувшиеся на трое) предоставил на размышление коменданту Айдосу-Мехмед-паше. На рассвете 11/22 декабря он предпринял штурм, с суши и с Дуная. Сеча произошла жаркая, турки сопротивлялись отчаянно, свыше 24 тыс. их полегли на месте, 9 тыс. сдались в плен. Потери суворовцев — 4 тыс., особо тяжелые жертвы понес командный состав, из 650 участвовавших в приступе офицеров 400 пали смертью или получили ранения. Дворяне жизнью своей запечатлели службу Отечеству[25].

Петербург ознаменовал победу молебствиями, колокольным звоном и пушечною пальбою. Суворову присвоили почетное, но декоративное звание подполковника Семеновского полка. Заслуженного фельдмаршальского жезла он не получил. Великий полководец медленно продвигался по служебной лестнице, и лишь сравнительно недавно (1786 г.) стал полным генералом; перед ним, по старшинству, числилось немало старцев с солидным стажем непорочной службы.

На Черном море молодой контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков с эскадрой в 16 линейных кораблей смело крейсировал, перехватывая турецких "купцов", прерывая снабжение войск неприятеля. 8/19 июля он дал бой эскадре капудана-паши в Таманском проливе и изрядно ее потрепал; в августе провел успешную операцию вблизи Хаджибея.

Г.А. Потемкин, подводя итоги кампании, рапортовал императрице не без хвастовства (на кое был падок): "Тульча покорена, флотилия турецкая разбита, и Исакча, магазейн или депо всей армии и флотилии турецкой занята со множеством всяких припасов. Судов потоплено, повреждено до полутораста..."[26]. И, как венец всего, взят Измаил.

И все же решающего успеха снова достичь не удалось, войска удалились на зимние квартиры, а османы получили несколько месяцев на залечивание ран и приведение дел в порядок.

В Петербурге фельдмаршала не ждал триумфальный прием. Он оставил генерал-аншефу Н.В. Репнину диспозицию на 1791 г., отнюдь не предвещавшую завершение войны: часть войск Дунайской армии отправить на север, к польской границе, а против Турции перейти к обороне, удерживать Галап, Измаил и Очаков, остальные крепости срыть; не допускать вторжения неприятеля через Дунай; флоту — "искать турецкого и сражаться, силясь наводить страх, при устье Босфора становясь". На Кавказе взять Анапу и не допускать переброски османских войск оттуда на Балканы[27].

В столице Потемкин угодил в самое пекло внешнеполитических осложнений и дворцовых интриг. Екатерина не скрывала своего недовольства медлительностью фельдмаршала и требовала искать с неприятелем

inslav

встречи в поле и перенести операции на правый берег Дуная. Их споры — идти ли на уступки пруссакам и прочим оппонентам — перерастали в ссоры. В записках государыни, отправляемых Потемкину, появились прежде неслыханные раздраженные ноты: "Еже ли хочешь свалить камень с моего сердца, хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силы сухопутные и морские произвести действие наискорее, а то войну протянешь еще долго". Лишь 11/22 мая тот послал в Яссы соответствующее распоряжение, приказав действовать "наверное", т.е. без риска[28]. Он умолял царицу: "Выслушай меня как мать и благодетельница", и просил "переманить на свою сторону Густава III Шведского и толстого Фридриха" Прусского — одного щедрой субсидией, другого — согласием на территориальные приращения в Польше[29].

Оба тяжело переживали размолвки, императрица удалялась в личные покои выплакаться, фельдмаршал, случалось, шел к священнику на исповедь. Всевидящий и всеслышащий камердинер Захар Зотов, красочно изображенный в повествовании П.В. Стегния[30], передавал сведения о ссорах А.В. Храповицкому, из дневника которого эта закулисная история стала известна и нам.

Весной 1791 г. международная обстановка накалилась до предела. Выдвинутую правительством Екатерины программу мирного урегулирования никак нельзя назвать экспансионистской: подтверждение прежних трактатов, присоединение полосы земли между реками Буг и Днестр, утверждение на Черном море. Никаких поползновений на балканские земли. Молдавию хотели было "зделать землею, ни от кого не зависимою с собственным князем, которого наименовать заранее... Не будет тут и зависти такой как естли бы Молдавии остаться у нас"[31]. Но и эту мысль отбросили.

Программа встретила резкий отпор со стороны Лондона, к которому присоединился Берлин со своими далеко идущими притязаниями. Сент-Джеймсскому кабинету мерещился прорыв андреевского флага на британские коммуникации в Средиземное море и потрясение власти султана, исправно выполнявшего обязанности стража Черноморских проливов.

Премьер-министр Вильям Питт-младший добился у парламента санкции на снаряжение и отправку на Балтику сильной, в 36 линейных кораблей, морской армады. На суше Россию ожидала встреча с прусской и, возможно, польской армиями. Э.И. Герцберг и король Фридрих-Вильгельм спешно реанимировали свои планы, Польшу предполагалось вознаградить за потери отторгнутыми у России землями: "Пруссак паки заговаривает полякам, чтоб ему уступили Данциг и Торн сей раз на наш щет. Он всесветский распорядитель чужаго"[32].

Войск для отпора подобной силище не набиралось даже на бумаге. Екатерина и Потемкин, уже в полном согласии, полагали нужным прибегнуть к методам народной войны, к казачьему ополчению. Императрица своим рескриптом назначила фельдмаршала великим гетманом Екатеринославского и Черноморского казачьих войск под именем Грицка Нечесы (1790 г.). А.А. Безбородко сообщал в Лондон послу С.Р. Воронцову: "На Украине Польской мы сделаем конфедерацию наших единоверных примерную той, которая гетманом Хмельницким была сделана, и тем поставим столько войска, что займем всю польскую армию"[33].

inslav

Шведский король Густав III занимался откровенным шантажом: "Вы видите мои вооружения... Я не скрываю от вас, что оные употреблены будут в ту или иную сторону". По словам С.Р. Воронцова, монарх стремился продать себя подороже. Пришлось вступить с Густавом в сношения и раскошелиться на 350 тыс. дукатов, позднее даже заключить с ним союз[34]. Опасность нападения с севера удалось устранить. Переговоры Герцберга с поляками зашли в тупик, уступать богатые торговые города и порты те не желали, так что отпал еще один возможный участник коалиции. Но опасность не миновала, и кризис наступил весной 1791 г. В конце марта Питт направил в Берлин на согласование текст ультиматума двух держав России с требованием отказаться от присоединения междуречья Буга и Днестра и крепости Очаков и согласиться на присоединение к Пруссии Данцига. Срок принятия — десять дней, потом — разрыв отношений и война.

Грозная нота застряла в Берлине. Питт допустил грубейший просчет в оценке настроений общественности, которая не понимала и не принимала войны из-за никому не ведомого Очакова, притулившегося где-то на обочине Европы. Влиятельные круги Сити не собирались рушить выгоднейшую торговлю с Россией. Завязалась "схватка перьев", и в полемике оппозиция одержала верх над кабинетом. Состав посольства, руководимый С.Р. Воронцовым, деятельно участвовал в дискуссии, поставляя политикам и публицистам материалы, рисовавшие в самом привлекательном свете выгоды от коммерции с Россией, и в самых мрачных тонах — пагубу от ее прекращения. Сотрудники посольства взялись за перо и сочинили несколько памфлетов, не обозначив по скромности свои имена. Сам С.Р. Воронцов провел консультации с лидером вигов в палате общин Чарлзом Фоксом, тот выступил в парламенте с громовой речью, уличая премьера в забвении государственных интересов, и Питт сдался. Планы тогдашних ястребов были сорваны, флот разоружен, ультиматум отозван с полпути. А в Петербурге появился некий путешественник (вояжер) Фолкнер (Фальконер по камер-фурьерскому журналу), перед которым сразу распахнулись двери Коллегии иностранных дел и Зимнего дворца. Любознательный иностранец приступил к беседам с вице-канцлером И.А. Остерманом и удостоился приема у императрицы (чего, случалось, месяцами дожидались полномочные послы). У него обнаружились верительные грамоты, он преобразился в дипломата и выразил согласие на основные российские требования по мирному урегулированию[35]. Пруссакам оставалось присоединиться к достигнутой договоренности, кляня всем известное коварство Альбиона.

Наконец-то Россия осталась один на один с изрядно потрепанной Османской империей!

28 апреля Потемкин закатил пир, затмивший по роскоши и изысканности подаваемых блюд все виденное самими и услышанное от отцов. Разумеется, Екатерина присутствовала и ласково беседовала со светлейшим. Но все понимали — наступил закат его влияния. В политике восторжествовало царицыно упорство и упрямство. Позицию П.А. Зубова и окружавшей его камарильи подорвать не удалось. Признавать поражение не хотелось, фельдмаршал задержался в столице и выехал в армию лишь в июле.

К счастью, генерал-аншеф Н.В. Репнин действовал самостоятельно и решительно. В марте состоялся первый "поиск" (после трех с половиной

inslav

лет войны) на правом берегу Дуная. В июне тогда еще генерал-майор Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов разбил 20-тысячный турецкий корпус при Бабадаге. 27-го числа того же месяца сам Репнин разгромил главные силы великого везира у Мачина. Добрые вести поступали с Кавказа — И.В. Гудович приступом взял Анапу, пленил 8 тыс. неприятелей, в том числе трехбунчужного пашу Мустафу и предводителя чеченцев Ушурму (Шах Мансура). Завершил победоносную кампанию 1791 г. адмирал Ф.Ф. Ушаков на море. 31 июля (11 августа) у берегов Малой Азии, на виду у крепости Калиакрии, он разгромил объединенный турецко-алжирский флот[36]. Прибытие на рейд Константинополя израненных, с пробитыми бортами и без мачт кораблей убедило султана Селима и диван — война проиграна. Надежд на крупную англо-прусско-польскую диверсию не осталось.

С явившимися к нему османскими уполномоченными Репнин повел себя точно так же, как П.А. Румянцев при Кючук-Кайнарджи, наотрез отказался от переговоров о перемирии, — немедленная капитуляция и прелиминарный мир, или он берет Мачин и пленяет великого везира. 31 июля/11 августа прелиминарный договор, основанный на пунктах, оставленных Потемкиным, был подписан. Екатерина "с особливым удовольствием" усмотрела в акте "соблюдение всех тех условий, которые мы непременными в основании мира полагали". Репнину пожаловали Георгиевский крест I степени, высшую награду для полководца.

Иначе взглянул на дело Потемкин. Он прискакал в Яссы 1/12 августа, т.е. буквально на следующий день после капитуляции, был недоволен и раздражен: представилось, что Репнин похитил у него венец победителя. В дополнение к достигнутому он потребовал контрибуции в 20 млн пиастров[37]. Два месяца шли совещания с турками, и те засобирались домой. Впору было садиться за составление диспозиции кампании 1792 г.

Потемкин угасал. Светлейший не выходил из состояния меланхолии, болезнь ("желчная лихорадка") его мучила, его с трудом убеждали принимать хину. Сентябрь выдался томительно-жарким. 4/15 октября фельдмаршал продиктовал последнее письмо царице, держать в руке перо не было сил: "Одно спасение остается — оставить сей город, и я велел везти себя в Николаев"[38]. 5-го он тронулся в путь, сопровождаемый любимой племянницей Александрой Браницкой и небольшой свитой. Отъехав 40 верст, он почувствовал себя совсем плохо, остановил карету. Его усадили в кресло в тени под деревом. Здесь его застала смерть. Конвойный казак вынул из кармана шаровар два пятака и прикрыл ими очи князя двух могущественных империй — Российской и Германской.

Узнав о кончине светлейшего, Екатерина слегла в постель. Забылись размолвки и ссоры, осталась горечь потери. Сошел в могилу ее соратник, друг, соправитель, преданный России и ей. Императрица молвила Храповицкому: "Он был настоящий дворянин, умный человек, его нельзя было купить. Все будет не то!"[39]. В этом "все" старой женщины — суть: вместе с Потемкиным отошли в прошлое великие деяния ее правления.

Но жизнь брала свое. Завершить переговоры с османами взялся А.А. Безбородко. Он поступился выдвинутым Потемкиным требованием контрибуции, турки воспрянули духом. По Ясскому договору от 29 декабря 1791 г. /9 января 1792 г. Высокая Порта подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского мира, акта 1783 г. о присоединении Крыма к России,

inslav

признала переход к последней междуречья Буга и Днестра, обещала обеспечить правый берег Кубани от разбойничьих набегов с левобережья, обязалась сохранить за Дунайскими княжествами прежние права, отказалась от своих притязаний на грузинские земли[40].

Конечно же, не в скромных земельных приращениях заключается историческое значение Ясского мира. К ним, по большому счету, и не стремились; уже утвердилось мнение о территориальной насыщенности России. Сущность договора — в подтверждении и утверждении прежде завоеванного и достигнутого, которое стало необратимым. Подписанный в Яссах акт развил и укрепил заложенные в Кючук-Кайнарджи предпосылки для приобщения к державе южных степей, хозяйственного освоения обширного причерноморского региона. Во время путешествия в Крым Екатерина воочию убедилась, что благосостояние и богатство России будут прирастать Екатеринославщиной и Тавридой. Присоединение полуострова и создание Черноморского флота обеспечили рубежи империи на юге. Подтверждалось покровительство христианским народам Юго-Восточной Европы, что, в перспективе, способствовало их освобождению. Россия утвердилась на Балканах.

Но спокойствия не наступило. Казалось бы, вся монархическая Европа занялась борьбой с революционной Францией. В войну с нею втянулись австрийцы, пруссаки и другие немцы, англичане, шотландцы, ирландцы, итальянцы, голландцы, испанцы. Россиян среди них не было. Екатерина сражалась с "гидрой о 1200 головах" словесно; что же касается дел, то она полагала, что Россия найдет их поближе к своим границам[41].

Но галльский завоевательный задор не угас, и не ограничивался Западом. Фельяны, жирондисты, якобинцы, сменявшиеся у власти в Париже, оставались верны заветам короля Франциска I о дружбе, сотрудничестве и покровительстве султанскому режиму — никакой революционной пропаганды, уважение к исламу. Якобинский клуб отказался признать своим филиалом образовавшееся на берегах Босфора Народное общество. Появились мысли о возрождении Восточного барьера. В конце 1792 г. в Стамбул прибыл новый посол Симонвиль. Министр иностранных дел П. Лебрен снабдил его инструкцией, которая вполне походила на бумаги из недр канцелярии Людовика XV: "Никогда еще не создавалось условий, более способствующих тому, чтобы Порта нанесла разящий удар для отмщения агрессии Австрийского дома и позорному миру, который Великий сеньор* был вынужден заключить с императрицей Екатериной". Турция с помощью французского флота, который появится на Черном море, "сможет вернуть себе Крым и Херсон"[42].

Режимы в Париже менялись, но позиция в отношении Османской империи оставалась прежней. В мае 1793 г. член Комитета общественного спасения Н. Барер вещал с трибуны конвента: "Черное море и Балтика — могут ли они служить препятствием для честолюбия? Север и Восток — не являются ли они естественным источником, поставляющим нам искренних союзников? Порабощенная и деградирующая Польша — разве останется она навсегда под кнутом Екатерины и под штыком Фридриха?"[43]. В умах парижских политиков уже возникала картина возрождения Восточного барьера. В Петербурге серьезно считались с подобной перспекти-

* Т.е. султан.

inslav

вой, и в первую очередь с возможной новой диверсией со стороны Высокой Порты, о чем свидетельствует составленный А.В. Суворовым в 1793 г. конкретный план "окончания вечной войны с турками"[44]. На сей раз натравить османов на Россию не удалось, в диване возобладал здравый смысл, в Стамбуле с почетом приняли российского посланника, а им был М.И. Кутузов. Затем галльский экспансионизм привел к тому, что произошло нечто, не поддававшееся предвидению и предсказанию, — союз между Россией и Турцией. Но это уже при Павле I.

[1] *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 267, 428; Очерки истории СССР, XVIII в.: Вторая половина. М., 1956. С. 387.
[2] Архив Государственного совета (АГС). СПб., 1867. Т. 1. Стб. 504; Сборник императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1881. Т. 23. С. 527; Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 785.
[3] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 781.
[4] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 334.
[5] Там же. С. 339, 340.
[6] *Петров А.Н.* Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880. Т. 1. Приложения. С. 25.
[7] Политические и культурные отношения... С. 335—338, 354.
[8] Там же. С. 351—354.
[9] Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 253; см. также: Настоящее издание. С. 127; АГС. Т. 1. Стб. 102.
[10] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 232, 785.
[11] Там же. С. 233, 239, 529.
[12] The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1922. Vol. 1. P.19.
[13] *Елисеева О.И.* Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787—1791 гг. М., 1997. С. 57, 58, 73; *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 502; *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 226; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 304.
[14] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 227, 228.
[15] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 420.
[16] *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 74.
[17] *Fejtö F.* Un Habsburg revolutionnaire Joseph II. P., 1953. P. 310.
[18] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 180—182; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 844.
[19] *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 72; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 378.
[20] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 409; *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 84—86.
[21] *Митрофанов П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907. С. 182.
[22] *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 100; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 844.
[23] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 918.
[24] Там же. С. 426; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 759. Л. 81.
[25] *Шахмагонов Н.Ф.* От Очакова до Измаила. М., 1991.
[26] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 195, 196.
[27] Там же. С. 196; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 938.
[28] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 197; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 945, 946; *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 115.
[29] *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 110; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 941, 943.
[30] *Стегний П.В.* Хроники времен Екатерины II. М., 2002.
[31] *Григорович Н.* Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событием его времени // Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 29. С. 520—521; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 404, 906.
[32] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 426.
[33] Там же. С. 632, 901.

inslav

[34] Там же. С. 940, 942; Екатерина воспользовалась страстным желанием кузена учинить интервенцию против революционной Франции. Царица обещала предоставить 6 тыс. солдат для участия в десанте. Ничего не воспоследовало, императрице было важно отвлечь соседа от мыслей о нападении на Россию. В 1792 г. Густав III пал жертвой заговора недовольных офицеров. См.: *Виноградов В.Н.* Дипломатия Екатерины Великой. Очерк 3 // ННИ. 2001. № 6. С. 117.

[35] *Третьяк А.И.* Очаковский кризис и "русская тревога" 1791 г. в Великобритании. А.В. Суворов глазами современников и потомков. Тирасполь, 2002. С. 38—44. (Приднепровские исторические чтения); Вып. 1: Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 945, 946, 949.

[36] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 211, 223.

[37] Там же. Т. 2. Приложения. С. 44—47.

[38] Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 470.

[39] Там же. С. 913.

[40] Текст Ясского договора см.: *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869; Восточный вопрос в конце XVIII — начале XIX в. Бендеры, 1999.

[41] *Виноградов В.Н.* Указ. соч.

[42] *Sorel A.* L'Europe et la Revolution française. P., 1922. Pt. 2. P. 303, 304.

[43] Ibid. P. 398.

[44] *Благодатских И.М.* Суворовский план 1793 г. наступательной войны с Турцией // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998.

inslav

"Восточный роман" генерала Бонапарта и балканские грезы императора Павла

Екатерина скончалась 6/17 ноября 1796 г., и в Зимнем дворце "зашумели шарфы, ботфорты, тесаки и будто по завоеванию города ворвались в покои везде воинские люди с великим шумом" (Г.Р. Державин). Пришли гатчинцы[1]. На плацу император Павел Петрович спешно переучивал военному делу прославленные потемкинские и суворовские полки. Запомнился его зычный голос: "Что же вы, ракалии, не маршируете! Вперед, марш!" (Прежде подавали команду "Ступай!"). Убеленные сединами, увешанные звездами генералы учились шагать, равняться, отдавать честь эспантоном. Полицейские и драгуны прямо на улицах столицы сдирали с "вольнодумцев" запрещенные фраки и круглые шляпы, а, случалось, по излишнему усердию, и панталоны. В канцеляриях свечи зажигали в 7 час. утра в зимней полутьме. Сенат собирался за столом в 8 час. Пришел конец екатерининской "распущенности". Император, трудов не жалея, наводил "порядок". Сам с утра, в холод и зной, в осеннюю слякость и снежную метель муштрует на площади войска. Здесь же, на смотрах и парадах, ломалась карьера одних, сказочно возвышались другие. Энергия Павла Петровича впечатляет: 9 сентября 1797 г. уволены со службы 15 генералов; 17 октября — 120 унтер-офицеров Преображенского полка (почти все!); 7 марта 1800 г. — 31 генерал. Всего за неполных пять лет правления он изгнал из армии 7 фельдмаршалов, включая Суворова, более 300 генералов и 2 тыс. штаб- и обер-офицеров. Непослушному Суворову пришлось удалиться в село Кончанское под "неприметный" (!) надзор коллежского асессора Николева. Из 132 офицеров конной гвардии сумели уцелеть лишь двое. Вместо удобной и простой формы, введенной Потемкиным ("солдат должен быть таков — что встал, то и готов"), которую Павел Петрович именовал "мужицкой", ввели новую, прусского образца 50-летней давности — узкий мундир, множество пуговиц. В казармах цирюльники обстригали служивых, мазали головы салом и водружали на них парики с косичками установленной длины. В довершение всего унтер-офицеров, костяк войска, вооружили... алебардами. Так красиво они смотрелись со средневековым оружием на парадах![2].

В трудах историков в советское время монархов, за исключением Петра I, отодвинули на обочину истории, она развивалась как бы без них. О царственных особах вспоминали лишь для того, чтобы уличить их в реакционности. Образ Павла подавался в мрачном свете. Сейчас наступила перемена, идет поиск положительного, привлекательного, выдающегося в

inslav

их деяниях. Павел Петрович причислен к лику замечательных людей, о чем свидетельствует выход в свет его биографии в известной серии публикаций.

Мы хотели бы избежать крайностей и остановиться в своей характеристике на золотой середине. Павел был человеком крайне неуравновешенным и неврастеничным, вспыльчивым и взбалмошным, но вовсе не слабоумным или душевнобольным, каким его иногда изображали. Он получил хорошее домашнее образование, кроме родного языка говорил по-французски и по-немецки, разбирался в церковно-славянском, был знаком с итальянским, ориентировался в истории и географии, проявлял способности к математике, в беседах отличался остроумием и меткими характеристиками. Ростом Павел не вышел, но был крепок телом, прекрасно ездил верхом, слыл искусным танцором и на придворных балах шел с супругой Марией Федоровной первой парой в менуэте[3].

На престол он вступил с самыми благими намерениями, объявив всенародно, что не собирается "отказать любезным подданным в пренужном и желанном ими отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений"[4]. Численность армии он сократил на треть, уменьшил рекрутские наборы, снял недоимки по налогам (на сумму в 7 млн 500 тыс. руб.), объявил об ограничении барщины тремя днями в неделю, запретил продавать дворовых без земли и разлучать семьи при переходе из рук в руки. Впервые ему присягали как императору крепостные крестьяне, на них стали смотреть как на подданных, а не как на говорящую вещь. При Павле открыли университет в Дерпте (Тарту), училище для офицерских сирот, Медико-хирургическую академию, ведомство императрицы Марии Федоровны по делам благотворительным, много школ для солдатских детей. Но часто все совершалось непродуманно и скоропалительно. Вроде бы благое дело — ограничение барщины — обернулось для многих крепостных пагубой, ибо раньше в целых областях, например на Украине, она была менее тягостной, теперь же помещики сочли три дня чем-то вроде нормы. Присягу крепостные восприняли как предоставление им определенных прав. В Орловской и некоторых других губерниях произошли восстания с требованием перевести их в разряд государственных крестьян, жестоко подавленные. А царь по случаю коронации рóздал 80 тыс. "душ" в частные руки, всего же за пять лет правления — более 500 тыс.[5]

Некоторые действия помазанника Божия были столь несуразны, что рождали у верноподданных мысль: а все ли у царя в голове дома? Так, он вздумал навести порядок и мир в Европе, созвав монархов в Петербурге на некий рыцарский турнир, о чем и объявил в "Гамбургской газете"[6]. Никто, правда, не откликнулся, а то было бы интересно, на чем венценосцы сводили бы счеты — на мечах, шпагах, пистолетах?

Еще будучи цесаревичем, Павел на бумаге излагал вполне здравые мысли: "Предмет каждого общества — блаженство каждого и всех"; "Доходы государства — государственные, а не государя". А Екатерина жаловалась Потемкину на безумное мотовство первой своей невестки, Наталии Алексеевны: "Есть ли все счесть с тем, что дала, то более пятисот тысяч в год на них изошло, и все еще в нужде. А спасибо и благодарности ни на грош". Особо — о цесаревне: Полтора года прошло (со дня бракосочетания. — *Авт.*), а "мы ни слова не знаем по-русски... У нас нет времени этим заняться, все у нас вверх дном"[7]. Со своей второй женой, Марией

inslav

Федоровной, Павел совершил вояж по Европе под именем графов Северных (1780 г.). Оттуда он привез 200 сундуков всяких вещей. Вдобавок Павел обещал уплатить немалые долги тестя, герцога Вюртембергского, но тут уж Екатерина воспротивилась.

Павлу ставят в заслугу освобождение Н.И. Новикова из крепости, А.Н. Радищева и Т. Костюшки из ссылки. Но он же в минуту гнева или каприза лишал чинов и орденов и отправлял в отдаленные деревни, а то и в тюрьму, сотни и сотни людей. Александр I при восшествии на престол амнистировал 13 тыс. человек, таков был масштаб произвола родителя. Неудивительно, что добрые замыслы Павла Петровича забывались, а злые и запальчивые поступки запечатлевались в памяти современников. Один из них писал: "Голова его представляла лабиринт, в котором рассудок запутывался". С этим мнением соглашался великий князь Константин: "Отец объявил войну здравому смыслу с твердым намерением не заключать мира"[8].

Правление Павла нельзя осмыслить без обращения к его юности и зрелости, к десятилетиям, проведенным в страхе и ненависти к матери. Он считал себя законным наследником Петра III, отстраненного Екатериной от престола. Отсюда — обожествление Петра Федоровича, доходившее до кощунства вроде коронования его трупа в 1796 г. Отец такой признательности не заслужил, сыну он уделял мало внимания, в манифесте при воцарении его имени не упомянул. Во время царствования зашел к Павлу 2—3 раза, но, узнав, что на счету у мальчика числилось 150 тыс. руб. немедленно присвоил их себе.

И все же не чувства играли главную роль в отчуждении и молчаливом противостоянии матери и сына, а обнаружившаяся в их взглядах пропасть на методы правления. Свое совершеннолетие Павел ознаменовал составлением записки "Рассуждение о государстве вообще, числе войск, потребных для защиты оного, и касательно обороны всех пределов" (1774 г.). Не сохранилось свидетельств о реакции государыни на врученный ей меморандум. Ответом явилось все ее поведение относительно сына. "Рассуждение" представляло вызов всему тому, что она совершила или собиралась совершить: отказаться от каких-либо завоеваний и союзов, отгородиться от мира цепью крепостей, превратить солдат в наследственную касту, обустроить войско для обороны (прообраз военных поселений), бороться с продажностью чиновников и разболтанностью государственного аппарата с помощью иерархической субординации. Никакой выборности, ликвидация дворянских собраний, безоговорочное подчинение сверху донизу. Монарх как единственный созидатель, толкователь и исполнитель законов (позднейшая формула — "нет лутче образа как самодержавие, ибо соединяет в себе силу законов и скорость власти одного")[9]. Централизация и субординация, безусловное подчинение императорской воле, никаких размышлений и рассуждений. Обрисованные порядки слегка напоминали казарму. Екатерина почувствовала в сыне могильщика своих преобразований. В 1776 г. она допустила оплошность, отпустив его, после смерти Наталии Алексеевны, на сватовство в Берлин. Павел пришел в восторг от всего увиденного: вот где царит порядок, вот где поддерживается дисциплина! Он сделался поклонником всего прусского и прежде всего непобедимой армии Фридриха Великого. По возвращении в Россию он вступил в тайную переписку со своим кумиром. Его надежды на то, что мать разделит с ним власть, не сбылись. Ему отдавали почести, он числил-

inslav

ся великим адмиралом, но ни в свой совет, ни в сенат Екатерина сына не допустила. Ходили слухи, вполне достоверные, что императрица собирается отстранить его от престола, недаром она с таким нетерпением ожидала и с такой радостью встретила рождение внуков — Александра (1777 г.) и Константина (1779 г.), отобрала их у родителей и окружила заботой. Есть веские, документально подтвержденные свидетельства, что в Александре она видела своего наследника.

Павел затаился в Гатчине, предаваясь с упоением (если не сказать — с исступлением) любимому занятию — муштровке солдат. Он обзавелся маленькой армией, пригласил к себе на службу некоего прусского майора, как непогрешимого законодателя в искусстве строя и парада, и половину дня проводил на плацу. О его кругозоре в делах армейских можно составить представление из того же его "Рассуждения", в коем расписывалось "всем, начиная от фельдмаршала и кончая рядовым" все то, что им дóлжно делать, "начиная о мундирных вещах и кончая о строе". Цесаревич ограничивал военную премудрость униформой и парадом. Екатерина ворчала, но терпела ("в Гатчине в куклы играть можно без всяких толков"), по крайней мере, в дела наследник не вмешивается.

В 1788 г. Павел запросился на фронт волонтером. После долгих проволочек императрица разрешила ему поездку, но не на юг, в штаб-квартиру властного и вспыльчивого Потемкина ("великая княгиня брюхата... и он до ее родин не поедет уже", — успокаивала она фельдмаршала). В следующем году цесаревич съездил в Финляндию к малозаметному и покладистому А.П. Мусину-Пушкину. Перед отъездом Павел оставил инструкцию Марии Федоровне, как действовать на случай внезапной кончины матери, из которой следовало, сколь нетерпеливо он ожидал этого события[10]. Супруге он оставил шифры для конфиденциальной переписки, показательные и для характеристики обстановки при дворе, и как свидетельство пессимизма самого Павла. Он предусматривал следующие обстоятельства: "Наши дела очень плохи"; "Мы будем вынуждены покинуть все наши крепости и сосредоточиться в Выборге"; "В армии царит беспорядок"; "Императрица пытается меня скомпрометировать". В числе шифров со стороны Марии Федоровны значились следующие: "Императрица плохо себя чувствует"; "Императрица сильно больна"; "У меня есть письма к Вам от короля Пруссии"; "Ваши письма перлюстрируются"; "Я покинута и одинока"[11].

В армии Павел Петрович не задержался, рассорился с Мусиным-Пушкиным и затаился в Гатчине. Он резко отзывался о распущенности "большого двора", презирал последнего любимца матери П.А. Зубова, и со страхом ждал — не передаст ли государыня престол обожаемому Александру, — и так до памятного ноябрьского дня 1796 г.

На смену мудрой государыне, окруженной опытными советниками и блистательными генералами, но все же не сумевшей или не посмевшей осуществить многое из задуманного, убоясь крестьянских бунтов и гнева дворянства, пришел истеричный эгоцентрист. Формула: "Каждый человек имеет значение поскольку я с ним говорю", а не сам по себе, делала ненужным обращение по делам государства к людям ума, таланта и характера. Стремительное возвышение брадобрея И.П. Кутайсова в графы символично — уж кто, как ни цирюльник ближе к августейшей особе? Павел сумел сделать так, что все его деяния толковались современниками не в его

inslav

пользу: "Царский гнев предстал истерикой душевнобольного, царская воля — манией идиота, царская милость — капризами деспота, царский суд — расправой тирана", — пишет его биограф[12].

Внешняя политика требует от людей, ее проводящих, холодного рассудка, выдержки, умения выжидать, терпеть и маневрировать, принимать взвешенные решения, всего того, чем Павел не обладал и в помине. Дипломатия не терпит взрывчатого темперамента. Трудно уловить какую-либо последовательность в деятельности Павла Петровича на сем хлопотливом поприще. Он начал с попытки восстановить мир на континенте, продолжил войной с революционной Францией и завершил подготовкой войны с Великобританией.

Канцлер А.А. Безбородко, к которому царь благоволил, ибо Александр Андреевич, по слухам, помог ему уничтожить документ, лишавший его права на престол, стоял за продолжение екатерининского курса: "Авось либо Бог даст мне под конец министерства еще миром отвратить бурю, которая теперь была бы гораздо посильнее"[13].

Павел завязал было секретные переговоры с парижской Директорией, но его инициатива повисла в воздухе. Франция торжествовала. Генерал Наполеон Бонапарт завершал итальянскую кампанию и диктовал свои условия Священной Римской империи германской нации. На переговорах в Кампоформио он кричал в лицо престарелому ветерану дипломатии Л. Кобенцлю: "Ваша империя — старая служанка, которая привыкла к тому, что ее все насилуют... Вы торгуетесь здесь со мной, а забываете, что окружены моими гренадерами". В гневе он швырнул на пол и вдребезги разбил драгоценный сервиз. По мирному договору Австрия уступила Франции Бельгию, согласилась на установление границы по Рейну и образование в Северной Италии Цизальпинской республики. В возмещение Габсбургам передали Венецию, включая ее владения на Далматинском побережье Адриатики. Так по воле 28-летнего генерала прекратила существование Республика Святого Марка, история которой насчитывала полторы тысячи лет.

10 декабря 1797 г. Париж чествовал победителя. "Несметные толпы народа запрудили улицы... Экипаж генерала, сопровождаемый почетным эскортом, с трудом продвигался вперед — так плотно окружали его тысячи людей, выкрикивавших приветствия". Во дворе Люксембургского замка собралась элита республики. Приветствовавший триумфатора член Директории П. Баррас представил итальянскую компанию как отмщение за покорение Галлии, учиненное Юлием Цезарем: "Он принес на нашу землю рабство и разрушение, Вы принесли его античной родине свободу и жизнь". Оратор скромно умолчал при этом, что Италия была разграблена, из нее были выкачаны миллионы на пополнение оскудевшей парижской казны и вывезены несметные сокровища искусства. Скептически отнеслись к торжеству лишь старые республиканцы: "Столько славы несовместимо со свободой"[14].

В души членов Директории закралось сомнение: а останется ли своенравный Бонапарт, и в Италии мало прислушивавшийся к советам из Парижа, генералом республики в подлинном смысле этого слова? Станет ли он подчиняться конституционной власти? Поэтому родившийся в голове честолюбца план — предпринять экспедицию в Египет, чтобы оттуда добраться до Индии и тем самым нанести сокрушительный удар по Британ-

inslav

ской империи, — возражений не вызвал, Бонапарта хотели сплавить подальше. Солнечным утром 19 мая 1798 г. грозный флот — линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги — с 36-тысячной армией на борту, снялся с якоря в Тулоне и взял курс на страну пирамид[15].

Египет являлся вассальным владением султана, вторжение в него перечеркивало более чем 200-летнюю историю безоблачных отношений Парижа и Стамбула; Турция исправно служила южным звеном Восточного барьера, сооруженного двумя Людовиками, — XIV и XV. А тут открытый вызов старому другу и верному союзнику.

Беда свалилась на турок, как снег на голову. Еще осенью 1796 г. в Стамбуле побывала миссия генерала Обера дю Байе с опытными военными специалистами, пушками и ружьями новейших образцов и заверениями в незыблемой дружбе. А в году 1797-м французы высадились на Ионических островах, бывшем венецианском владении, на расстоянии ружейного выстрела от Албании, и Бонапарт писал тогда Директории: "Обладание Ионическими островами дает Французской республике возможность или сохранить Османскую империю, либо захватить ее часть". В Константинополе, хотя и не знали об откровениях генерала, но четко сознавали размеры нависшей опасности[16]. А теперь — Египет... Правда, Наполеон в письмах великому везиру представлял события в ином свете: две империи — Российская и Габсбургская — "предварительно уже поделившие Польшу, вынашивают те же замыслы относительно Турции. В создавшихся условиях Блистательная Порта должна воспринимать французскую армию как преданную ей и готовую выступить против ее врагов". Но таковых тогда не существовало. Порта пребывала в условиях мира, и грубая стряпня Бонапарта с целью втянуть Турцию в новый конфликт успеха не имела. Султан Селим III негодовал, и в сентябре 1798 г. последовало объявление войны Франции. Директория так сообщила об этом Наполеону в письме: будто бы "сбитая с толку коварными советами и угрозами" Лондона и Петербурга, Порта обратила оружие против своего "старого друга" в составе "чудовищной (т.е. второй. — *Авт.*) коалиции" держав[17]. Так Османская империя, к изумлению современников, оказалась брошенной в объятия недавнего противника — России.

Представляется, что в разыгравшихся событиях личный фактор сыграл важную, если не решающую роль. Слава способна опьянять самую трезвую голову. Все удавалось Наполеону; взяв под команду в 1796 г. 30-тысячную армию, находившуюся в пренебрежении у правительства, плохо экипированную и вооруженную, он завоевал с нею Италию и привел на грань катастрофы Германскую империю. Почему бы не повторить опыт с другой империей, Британской? С высоты веков египетский поход предстает грандиозной авантюрой, недаром его именуют "восточным романом" генерала Бонапарта. После впечатляющих побед, воспетых во французской историографии, Наполеон бросил приведенное им на край света войско на произвол судьбы, выступавшей на сей раз в облике англичан; 23 августа 1799 г. он отплыл из Александрии, захватив с собой лучших генералов, отряд в 200 солдат и, отдадим ему должное, ученых. Остаткам армии, истребляемой чумой, предстояло умереть или сдаться. Сдача состоялась в сентябре 1801 г. Неприятель обошелся с солдатами гуманнее, нежели свой командующий: им сохранили оружие и на британских судах вывезли в Европу[18].

inslav

А на континенте за прошедшие в отсутствие Бонапарта полтора года ситуация изменилась к пагубе для Франции. Идея государственного переворота и избавления от прогнившего и разложившегося режима Директории витала в воздухе. Разумеется, Наполеон скрыл, что оставил армию на погибель. Нет, она находится "во вполне удовлетворительном состоянии", он же явился, чтобы спасти родину от обрушившихся на нее бед. 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. переворот состоялся, гражданин Наполеон Бонапарт превратился официально в первого консула, а фактически — в диктатора страны, окруженной кольцом врагов — Великобритания, Австрия, Россия.

Генерал Бонапарт нанес тяжелый удар по отношениям с Россией и, что не менее важно, по чувствам императора Павла, когда по пути к Египту захватил остров Мальту (июнь 1798 г.) и, между прочими распоряжениями, приказал русскому консулу убраться из Лавалетты, дав на сборы три часа. Рыцари ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского) разбежались кто куда. Никакие существенные русские интересы на Мальте не пострадали за отсутствием таковых. Но...

Польские капитулы ордена догадались избрать Павла великим магистром. Не все прошло гладко с точки зрения формы, действующий гроссмейстер Гомпеш был жив-здоров, хотя и находился в бегах. Вмешалась габсбургская дипломатия и уговорила Гомпеша подать в отставку: Россию втягивали в антифранцузскую коалицию. Склонный к мистицизму, преисполненный рыцарских чувств Павел принял в Петербурге делегацию "братьев", привезших с собой все полагающиеся регалии, и в выспренных выражениях сообщил подданным о принятии сана. К своим новым обязанностям он отнесся серьезно, в Петербурге проходили какие-то шествия, жгли ритуальные костры. Император разрешил изгнанным Екатериной из России иезуитам вернуться в страну, поползли слухи, что царь-батюшка поддался на католическую ересь. Ход "мальтийским конем" увенчался успехом, в октябре 1798 г., по словам вполне верноподданого историка Н.К. Шильдера, "коалиции* удалось выманить русские войска за границу"; "Екатерина, — замечал он, — не занялась бы спасением Европы"[19].

Гораздо более продуманными и целеустремленными выглядят действия российской дипломатии на юге, в зоне ее непосредственных интересов, — вторжение французов на Ионические острова знаменовало их проникновение на Балканы. Зондаж в Константинополе выявил общность взглядов на необходимость дать отпор зарвавшимся галлам, и не только по соображениям стратегии. Обе стороны стояли на почве легитимизма и охранительных начал. Реис-эффенди Ахмед Афиф-паша вел с посланником В.С. Томарой прямо-таки задушевные беседы: в отличие от обычных, из-за земли, столкновений, "война с Францией — это вопрос о существовании Османской империи и ислама вообще, так как французы идут сокрушать всеобщие правила, престолы, веру и все, что есть священного на свете". "Реальная опасность потерять свои владения, а может быть, и независимость, привела Османскую империю к союзу с Россией. Стремление оградить свои политические и экономические интересы на Ближнем Востоке и борьба с растущим влиянием идей Французской революции привели

* Вторая антифранцузская коалиция включала Великобританию, Австрию, Россию, Неаполитанское королевство, Турцию.

inslav

Россию к союзу с Османской империей", — констатирует В.И. Шеремет[20]. И в Стамбуле, и Петербурге восторжествовала точка зрения "партии мира" — курс на сотрудничество на базе Ясского договора. Селим III ассоциировал активную восточную политику России с личностями Екатерины II и Потемкина, ушедших в небытие, с берегов Невы к нему поступали успокоительные заверения. В начале августа 1798 г., после битвы у пирамид, султан обратился к Павлу I за помощью.

Завязавшиеся переговоры шли гладко, но еще задолго до их завершения приступили к действу. 23 августа / 2 сентября эскадра под флагом адмирала Ф.Ф. Ушакова прибыла на Босфор. Прием превзошел всякие ожидания, "по всем ведомствам Блистательная Порта... весь народ Константинополя... бесподобно обрадованы: учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны", — докладывал Ушаков[21]. Селим III инкогнито посетил флагманский корабль, и уже официально щедро одарил адмирала. Корабли получили санкцию на свободный проход через Босфор и Дарданеллы. 30 сентября (10 октября) султан порвал отношения с Францией, и послу П. Рюффену пришлось переселиться в Семибашенный замок, хотя и поместили его на более комфортабельных, нежели его русских коллег, условиях, ему подавали даже кофе. Канцлер А.А. Безбородко изумлялся: "Надо же было вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвесть вещь, какую я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял: союз наш с Портою и переход флота нашего через Канал"[22]. Во главе объединенной русско-турецкой эскадры был поставлен Ушаков, ему в помощь дан патрон-бей (контр-адмирал) Абдул Кадыр, опытный и смелый моряк.

28 сентября / 9 октября эскадра подошла к острову Цериго. Корабли штурмовали бастионы — пушечный огонь с моря, приступы десанта с суши. Французский гарнизон сопротивлялся храбро, но всего три дня. Ушаков проявил себя как тонкий политик и гуманный человек: пленным сохранили знамена и оружие и отпустили их "под честное слово" — не воевать против России. Жителям адмирал объявил, что предоставляет управление островом выборным лицам "из дворян и лучших обывателей и граждан", т.е. ввел на Цериго местное самоуправление. 14/25 октября та же участь постигла крепость на острове Занте. Здесь пленных французов пришлось приводить на суда в окружении караула, чтобы их не растерзали греки, озлобленные грабительскими нравами оккупантов[23]. "Дело" на острове Кефалония облегчилось тем, что жители еще до подхода кораблей восстали и загнали французов за крепостные стены, так что высадиться на берег удалось беспрепятственно. Затем наступила очередь островов Итака и Святая Мавра. С трудом удалось избежать столкновения с могущественными и свирепым Али-пашой Янинским*. Недолго пришлось задержаться у острова Корфу, самого большого в архипелаге и хорошо укрепленного венецианцами. 3-тысячный гарнизон укрылся в крепости. Чтобы избежать больших потерь при штурме, Ушаков решил предварительно взять небольшой гористый островок Видо, высоты которого господствовали над окружающей местностью. 18 февраля / 1 марта 1799 г. это удалось осуществить, и комендант крепости, считая бесполезным дальнейшее кровопролитие, сложил оружие. Побе-

* Об Али-паше см. С. 497 и далее.

inslav

дителям достались богатые трофеи — более 400 пушек, гаубиц и мортир, 5,5 тыс. ружей, несколько кораблей. "Радость греков была неописана и непритворна. Русские зашли как будто на свою родину", — вспоминал очевидец. Адмирал приступил к организации на острове самоуправления. Суворов в своем поздравлении писал: "Ура! Русскому флоту! ...Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом!"[24]. Архипелагская эпопея на том завершилась.

23 декабря 1798 г. / 3 января 1799 г. состоялось подписание оборонительного союзного договора с Турцией, предусматривавшего свободный проход Черноморского флота через Босфор и Дарданеллы на срок восемь лет. Стороны объявили этот акваторий закрытым для военных кораблей прочих государств; Россия гарантировала Османской империи целостность ее владений в пределах, существовавших до наполеоновского нашествия; Турция засвидетельствовала отсутствие у нее территориальных притязаний к союзнику. Совокупность подписанных условий способствовала упрочению безопасности южных российских рубежей. Обозначились контуры отношений двух стран в духе согласия в рамках, очерченных Ясским договором[25]. Высокая Порта примкнула ко второй антифранцузской коалиции.

А на Средиземном море Ушаков продолжал победоносную кампанию. Отношения с англичанами у него не сложились. Адмирал Г. Нельсон считал эскадру под Андреевским флагом вспомогательной силой, призванной обслуживать британские интересы, и настаивал на отправке ее в египетские воды на помощь капитану Худу: "Египет — первая цель, Корфу — второстепенная". Ушаков рассуждал иначе и полагал, что России следует запастись ключами от подступов с моря к Западным Балканам. Властный британец, которому не удалось поставить союзника под свой контроль, в выражениях не стеснялся (разумеется, во внутренней переписке): "Я ненавижу русских... Адмирал-негодяй"[26].

Закончив операции на островах, Ушаков хотел отправиться к Мальте на помощь кораблям его величества, блокировавших остров: Павел I, как никак, числился великим магистром. Не тут-то было! В письме, датированным 23 марта 1799 г., Нельсон сообщал ему о скорой сдаче французов на острове, где повсюду, за исключением Лавалетты, развеваются неаполитанские и британские флаги, а жители "поставили себя под покровительство Великобритании"[27]. Владычица морей желала утвердиться на Мальте, занимающей господствующие позиции в Западном Средиземноморье. Пришлось Ушакову отправляться к берегам Неаполя и восстанавливать там власть тупого и ограниченного тирана, короля Фердинанда.

Далеко не безоблачно складывались отношения с Высокой Портой. Австрийцы по Кампоформийскому договору 1797 г. обзавелись полосой земли на Далматинском побережье Адриатики, французы аннексировали Ионические острова, и все это крайне осложнило ситуацию. Черногорский митрополит Петр I Негош жаловался в письме Павлу от 3/14 сентября 1797 г.: "сила австрийского оружия" простерлась "до самой Черной горы".

Павел живо откликнулся на обращение митрополита, импульсивность его натуры проявилась в самом тоне его грамоты Негошу и старейшинам: "Усмотрев же ваше прошение о подтверждении императорского нашего благоволения о неоставлении вас и всего черногорского и бердского сла-

inslav

вяно-сербского общества нашим императорским покровительством по единоверию и уважению к вашей храбрости и заслугам, восхотели мы подать вам ...новые удостоверения, что мы не перестанем принимать участие в жребии вашем". На полях прошения — царские пометы: "выдать"; "послать грамоту в требуемом смысле"; "дать крест"[28]. Цетинскому монастырю выслали "милостинные деньги" за прошедшие годы и на шесть лет вперед, установили ежегодную "пенсию или пособие" в размере 3 тыс. червонных (9 тыс. руб.). Архимандриту Вукотичу, посланцу Негоша, пожаловали золотой крест и снабдили его церковными книгами, посланникам в Константинополе и Неаполе, резиденту в Дубровнике (Рагузе) предписали защищать черногорские интересы.

Существовали обстоятельства, побуждавшие относиться к Негошу с особым вниманием. Зловредный Буонапарте, сообщал консул с острова Корфу, совращал население "демократическими мыслями", он разослал "во все острова востока, бывшие перед тем венецианскими, повеление, дабы знать жителям Мореи, Кандии, Албании его намерения касательно сей любезной стороны и предлагал войска для возвращения вольности потомкам Ликурга..." Логично было предположить, что славяне тоже подвергнутся соблазнам. Митрополит Негош, хоть и не потомок Ликурга, с посланием Бонапарта ознакомился, и российская консульская служба раздобыла его письмо генералу[29]. Последствий оно не имело, но следовало быть начеку.

Павел очутился в деликатном положении: поступавшие с Балкан жалобы на притеснения и обиды касались Высокой Порты и Габсбургской монархии, с которыми он вступил в союз и поэтому не мог портить отношений и ссориться. Царская грамота южным славянам содержала многозначительную фразу: "...Мы не перестанем принимать участие в жребии вашем поколику положение наше позволит"[30]. Ведомство иностранных дел успокаивало себя тем, что Вене и Стамбулу совсем не к чему обострять отношения с Россией на почве балканских дел. В обращении к христианам рассеивались их опасения и тревоги, а резидентам предписывалось внимательно следить за ситуацией, дабы заблаговременно дипломатическими мерами предупреждать конфликты. Посланнику в Стамбуле В.С. Томаре царь выражал уверенность, что Порта перестала руководствоваться "прежними правилами лютости в рассуждении христиан" и впредь "не будет притеснять народ черногорский", требуя от дипломата прибегать к "заступлению дружескому" и "свойственному по единоверию участию в пользе сего народа"[31]. Самим черногорцам император обещал дипломатическое заступничество: "Не полагаем мы, — говорилось в грамоте от 1/22 января 1799 г., — чтоб со стороны Римского императора и Порты Оттоманской могли чинимы быть вам какия-либо притеснения в законных правах ваших, о чем мы, тщася о благосостоянии вашем, повелели послу нашему в Вене и министру в Константинополе отозваться". Особо подчеркивалась роль эскадры Ушакова, как фактора смягчения напряженности: "...Тем менее можете вы подвержены быть какой-либо опасности и потому еще, что флот наш, обретающийся ныне в Средиземном море для действий противу народа, покушающегося везде истребить законные правления и, что еще больше, ищущего вредить вере христианской (то бишь французов. — *Авт.*), не оставит в нужде всякую помощь вам оказать"[32].

inslav

Действительно, завершающие годы XVIII столетия выдались на Балканах сравнительно спокойными в смысле межэтнических конфликтов. В Петербурге утверждалась мысль о выгодности добрых отношений со "слабым соседом" на юге, Османской империей. Росло чувство неотвратимости схватки с наследником и могильщиком Французской революции.

Император Франц обратился к Павлу с просьбой назначить А.В. Суворова главнокомандующим союзными войсками в Италии. В Кончанском появился гонец с царским письмом. Монарх просил полководца забыть старые обиды. Тот последовал просьбе. 4/15 апреля 1799 г. он прибыл на место и продемонстрировал своего рода мастер-класс военного искусства, блиц-криг образца XVIII столетия: взял крепости Брешию и Бергамо; нанес французам поражение на реке Адда; занял Турин; разгромил неприятеля на реке Треббия; одержал победу в бою при Нови (4/15 августа). В четыре месяца он очистил от неприятеля Северную Италию, перечеркнув итоги 2-х летней кампании Бонапарта. Суворов сделал свое дело, и ему следовало, по логике союзников, удалиться. Его отправили в Швейцарию на соединение со сражавшимся там корпусом А.М. Римского-Корсакова. Последовал легендарный швейцарский поход. Преодолев перевалы Альп, Суворов российских войск там не обнаружил, они были разбиты вместе с поддерживавшими их австрийцами и частично пленены. Фельдмаршал с большими потерями прорвался через горы в Австрию и прибыл в Аугсбург.

Павел I на интриги союзников реагировал с присущей ему порывистой резкостью. "Бескорыстный романтик реставрации старого порядка и вторжения во Францию, Павел I возненавидел коалицию", — писал А.С. Трачевский[33]. Цесарцы не спешили с возвращением на троны свергнутых монархов. Царь заявил, что впредь не намерен приносить русских солдат в жертву австрийским территориальным притязаниям. 11/22 октября Суворов получил приказание возвращаться с войсками на родину, а царь порвал союз с Габсбургами.

Итальянская кампания — завершение карьеры великого полководца и вершина его славы. Суворов удостоился высших почестей — генералиссимус, светлейший князь Италийский, принц Сардинского королевства. В Петербурге ему готовили торжественную встречу, но к приезду героя настроение взбалмошного царя изменилось. Никаких торжеств, болезнь и смерть, похороны по рангу фельдмаршала, а не генералиссимуса. Павел в похоронной процессии не участвовал, но наблюдал ее из переулка. Почему?... Много загадок оставил после себя "романтический наш император", как его именовал Пушкин.

В тупик зашло сотрудничество с англичанами. Над Мальтой развевался британский флаг, царь, как великий магистр ордена иоаннитов, оказался в глупом положении — все происходило так, будто его прав не существовало. Из Лондона пришел осторожный запрос: вот в острове Корсика британский кабинет не заинтересован, не желает ли самодержец "освободить" его?[34]. Совместная англо-русская экспедиция в Голландии завершилась катастрофой. Вдобавок ко всему британское адмиралтейство присвоило себе право контроля над морским судоходством. Корабли его величества останавливали для досмотра суда нейтральных и даже союзных государств под предлогом борьбы со снабжением Франции. Произвол царил

inslav

полнейший. 25 августа / 5 сентября 1800 г. Павел объявил о разрыве отношений с Англией.

Тут бы остановиться, "терпеливо и не изнуряя себя", как он ранее выражался, поразмыслить, подождать, выжидая событий. Но нет. Терпения не хватало, выдержка отсутствовала. Последовал запрет на выгодную и прибыльную торговлю с Великобританией.

В Париже следили за развалом вражеской коалиции в оба глаза. Только что назначивший сам себя первым консулом Наполеон Бонапарт и министр иностранных дел Ш.М. Талейран приступили к далеко идущей игре в целях сближения с Россией, воспользовавшись самым что ни есть благородным предлогом — обменом пленных. Бонапарт пригласил к себе нескольких русских офицеров и ласково с ними беседовал. Те написали ему благодарственное письмо, которое немедленно появилось в официальном "Монитёре". Прибывшего во Францию генерала Г.М. Спренгпортена встретили с почестями, не полагавшимися ему по чину, выразили готовность отправить в Россию 6 тыс. военнопленных не только с оружием и знаменами, но и сшить им новую форму взамен износившейся. В Париже отыскали меч одного из гроссмейстеров Мальтийского ордена и поднесли его Павлу в дар, намекая на то, что британцы оставили царя с носом. 19 июля 1800 г. Талейран сочинил послание на имя своего российского коллеги, но предназначенное для царских глаз. Тонкая игра на оскорбленных чувствах Павла Петровича должна была укрепить его в мысли, что Париж готов к урегулированию хоть немедленно. Первый консул Французской республики знает, что "англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию российских войск". Брошенная как бы мимоходом фраза о "возвращении Бонапарта из Египта" ненавязчиво напоминала о том, что он против Суворова не воевал. Высокая оценка заслуг русских войск выставляла напоказ недостойное поведение союзников[35].

Парижским сиренам удалось использовать в своих интересах бурный темперамент Павла Петровича (или, как изящно выражались французы, присущую ему "изумительную подвижность ума"). Ориентировавшийся на Великобританию первоприсутствовавший в коллегии иностранных дел Н.П. Панин получил отставку и был заменен Ф.В. Ростопчиным. Его перу принадлежит записка на высочайшее имя от 2/14 октября 1800 г., по сути дела манифест нового этапа внешней политики, одобренный царем ("Апробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оного. Дай Бог, чтобы по сему было"). Записка предавала анафеме прежних союзников. Австрия характеризовалась так: "Подвигаемая корыстью, ослепленная гордостью, отказавшись от всех, кроме химерических завоеваний" (следует помета царя: "Чего захотели от слепой курицы!"). Зловредная Великобритания "угрозами, хитростью и деньгами" двинула державы против Франции (замечание Павла: "И нас, грешных"), завладела торговлей по всему свету, "присвоила себе право осматривать корабли всех земель". И Англия, и Франция нажились на войне, одна Россия вышла из нее без всякого прибытка и с потерей 23 тыс. солдат. Франция, прожив десять лет "без закона и без правительства", предалась в самовластье "иноземца Бонапарта", которому нужен мир, дабы утвердить себя "в начальстве", приобрести признательность народа и всей Европы. Ростопчин не тешил себя иллюзией насчет проч-

inslav

ности миролюбивых устремлений Наполеона: "Бонапарт употребит покой внутренний на приготовления против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и будет не соперница, а злодей Франции".

Положение России Ростопчин представлял в розовом свете: "Австрия ползает перед Вами, дабы восстать против Франции"; "Бонапарт старается всячески снискать благорасположение Ваше для лучшего успеха в заключении мира с Англией". Следует не таскать для других каштаны из огня войны, а превратиться в арбитра Европы: "Россия как положением своим, так равно неистощимою силою, есть и будет первая держава мира, и по сему самому ей должно недремлющим оком иметь надзор над всеми движениями и связями государей, сильных в Европе, дабы они сами собою или содействием подвластных держав чего-либо предосудительного России" не свершили.

В своем меморандуме Ростопчин уделил внимание и Восточному вопросу: Турция, "расстроенная во всех частях", безнадежно больна и на грани развала. При случае можно приступить к ее разделу: "Россия возьмет Романею, Булгарию и Молдавию, Австрия — Боснию, Сербию и Валахию" (помета царя: "Не много ль?"). Франции предоставлялся Египет. "Грецию со всеми островами Архипелагскими учредить по примеру венецианских островов республикою", а "по времени греки и сами подойдут под скипетр Российский" (помета Павла: "А можно и подвести")[36]. Союз с Османской империей в записке выглядел конъюнктурной комбинацией, ориентация на "слабого соседа" перечеркивалась, допускался переход к откровенному экспансионизму без оглядки на то, к каким тяжелым последствиям это приведет.

Меморандум Ф.В. Ростопчина не стал и не мог стать провозвестником нового курса во внешней политике России. Павловская дипломатия в известной мере восприняла высказанную еще Петром и Екатериной мысль об отсутствии у России антагонистических противоречий с Францией, "так как взаимно оба государства, Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не смогут быть вынуждены вредить друг другу, то они могут, соединившись и постоянно поддерживая дружеские отношения, воспрепятствовать, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству не могли повредить их интересам"[37]. Тезис сам по себе был превосходен и свидетельствовал о серьезных размышлениях об установлении прочного мира. Но он же предполагал отказ и той и другой стороны от далеко идущих территориальных притязаний, способных нарушить баланс сил на континенте. А ведь Наполеон этим занимался всю жизнь! Если же учесть "изумительную подвижность ума" Павла Петровича, его постоянное шараханье из стороны в сторону, то шансов на установление вообще какого-либо прочного и постоянного внешнеполитического курса при нем не существовало никаких.

И все же завязавшаяся между монархом и консулом корреспонденция содержала немало примечательного. 18/29 декабря 1799 г. Павел изложил некоторые важные постулаты: "Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся возвратить миру спокойствие и тишину, в которых он нуждается"[38]. Профессор А.З. Манфред счел эту фразу в

inslav

устах самодержца "знаменитой", по сути дела, республиканские принципы признавались как имеющие право на существование, и Павел высказывался против вмешательства во внутренние дела других государств. Он молчаливо смирился с произошедшими во Франции революционными изменениями. Бонапарт допускался в сонм европейских властителей, но на определенных условиях, включавших отказ от дальнейших завоеваний. Павел и Ростопчин, стоя на позициях монархического легитимизма, требовали возвращения Мальты ордену; "водворения Сардинского короля в его владениях"; "неприкосновенности земель" монархов Баварии, Неаполя и Вюртемберга[39].

Все это было совершенно неприемлемо для Наполеона, и завязавшиеся переговоры забуксовали. От России в них участвовал вельможа старого закала С.А. Колычев, упрямый и высокомерный. На лесть он не поддавался, от предложенной роскошной резиденции отказался, предпочтя ей особняк посольства, был угрюм и спесив. Талейран именовал его, разумеется, за глаза, нахалом и болваном. Но нить переговоров французы не рвали, Бонапарт не топал ногами и не был посуды, как в иных случаях. Колычев разгадал и цели их, и тактику: "Весьма ясно желание правительства вовлечь Россию в убыточную войну не только с Англией, но и с самою Портою, дабы лишить ее сего союзника", а в дальнейшем "ослабить и унизить государство, которое одно только может удержать равновесие в Европе", т.е. Россию. Единственно, что удалось добиться Колычеву, так это признания Ионической республики. Дальнейшие беседы становились бесперспективными: "Не взирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россиею — ни малейшей искренности"[40].

И тем не менее Павел позволил парижским соблазнителям уловить себя в их сети. Император получил письмо от первого консула с предложением совместной русско-французской экспедиции в Индию по маршруту Астрабад — Кандагар — река Инд. Современник назвал присланную бумагу "лукавым планом с целью пленить безудержную фантазию императора"[41]. И пленил! 12/24 января 1801 г. атаман Всевеликого войска Донского В.П. Орлов-Денисов получил рескрипт с указанием поднять полки и двинуть их к Оренбургу и далее "через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, на ней лежащие", которые "разорить и угнетенных владельцев освободить и ласкою привесть России в ту же зависимость, в коей они у англичан, и торг обратить к нам". По голой, продуваемой лютыми зимними ветрами степи двинулись казаки, много людей потеряли при переправе через разлившуюся Волгу, идя в неведомую Индию (хотя состояния войны с Англией не существовало). Зачем все это? Какие государственные интересы России побуждали императора действовать на руку Бонапарту? Зачем было налагать запрет на торговлю с Великобританией, вызывая недовольство влиятельных кругов дворянства и купечества? Учинять поход в Индию, карту которой с трудом нашли и послали вдогонку донцам?[42]

Скорбный путь Войска Донского прервала страшная ночь с 11 на 12 марта 1801 г. На рассвете смертельно бледный, с трясущимися губами великий князь Александр Павлович вышел к охранявшим Михайловский замок солдатам Семеновского полка и сказал, что отец скончался от апоплексического удара.

inslav

[1] Цит. по: В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 326.
[2] *Шильдер Н.К.* Император Павел I. М., 1996. С. 271; *Песков А.М.* Павел I. М., 2000. С. 59 (Жизнь замечательных людей).
[3] Там же. С. 212.
[4] Сборник императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 70. СПб., 1890. С. VI.
[5] В борьбе за власть. С. 380—382, 357.
[6] *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 426.
[7] *Песков А.М.* Указ. соч. С. 325, 271, 272.
[8] Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 409; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 446.
[9] *Песков А.М.* Указ. соч. С. 326.
[10] Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 175—176; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 101, 225.
[11] *Стегний П.В.* Хроники времен Екатерины II. М., 2001. С. 422—436.
[12] В борьбе за власть. С. 331; *Песков А.М.* Указ. соч. С. 114.
[13] История СССР. М., 1967. Т. 3. С. 74.
[14] *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 187, 189, 190; Наполеон: Избранные произведения. М., 1941. С. 251.
[15] *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 207.
[16] Век Екатерины II. С. 51—52.
[17] Correspendance inedite oficielle et confidentielle de Napoleon Bonaparte. P., 1919. P. 121—122, 248.
[18] *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 256, 237.
[19] *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 379, 487.
[20] Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 52, 46.
[21] *Тарле Е.В.* Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 149.
[22] Там же. С. 154.
[23] Там же. С. 162.
[24] Там же. С. 207—209.
[25] О русско-турецком договоре см.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.
[26] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 231—233.
[27] Там же. С. 238.
[28] Политические и культурные отношения России и югославянскими землями в XVIII в.: Документ. М., 1984. С. 375, 377.
[29] *Бажова А.П.* Россия и югославяне в конце XVIII — начале XIX в. М., 1996. С. 24; Политические и культурные отношения... С. 384—385.
[30] Политические и культурные отношения... С. 377.
[31] Там же. С. 387.
[32] Там же. С. 385.
[33] *Трачевский А.С.* Наполеон I: первые шаги в консульстве. М., 1907. С. 165.
[34] *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 358.
[35] Сб. РИО. Т. 70. С. 1; *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 351.
[36] Русский архив. 1878. Т. 1. С. 104—110.
[37] Сб. РИО. Т. 70. С. XI.
[38] *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 339.
[39] Сб. РИО. Т. 70. С. X—XI.
[40] Там же. С. XXVI.
[41] Проект экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапартом. М., 1847.
[42] *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 396, 401, 476.

inslav

Часть вторая

БАЛКАНСКАЯ ПАНОРАМА

inslav

Дунайские княжества – автономные, но под двойным гнетом

Молдавия и Валахия занимали в Османской империи особое положение, сохранив свою государственность, хотя и в урезанном виде. Периферийное положение на границе с Венгрией и Польшей объясняло многое в их судьбе. Процесс турецкого завоевания растянулся на десятилетия, и трудно даже указать точную дату установления в господарствах, как они тогда именовались, османского владычества. Валашский князь Мирча Старый согласился выплачивать султану скромную дань, фактически – плату за мир, в 1415 г., молдавский воевода Петру Арон – в 1456 г., но и после этого сопротивления захватчикам не прекращалось. Господари и высшее духовенство искали опоры в Венгрии, Польше и у австрийских Габсбургов. Молдавия уже в XV в. установила связи с Русью на высоком уровне: Штефан III Великий (1457 – 1504) был женат на киевской княжне, а свою дочь Елену (Елену Волошанку в российской истории) выдал замуж за сына Ивана III Ивана Ивановича Молодого. Сопротивление захватчикам подрывалось феодальной раздробленностью в княжествах, борьбой и грызней боярских группировок, из которых некоторые ориентировались на Порту, и соперничеством и спорами между князьями Молдавии и Валахии, иногда приводившими к вооруженному столкновению между ними. Два события самым пагубным образом повлияли на и без того неравное противоборство с Османской империей: в 1475 г. султанские войска высадились в Крыму – ханство, обладавшее немалым военным потенциалом, превратилось в преданного вассала Высокой Порты; битва при Мохаче в 1526 г., после которой исчезло самостоятельное Венгерское королевство. Слабая внешняя опора у княжеств почти исчезла, а натиск османских орд возрастал. Характерно, что, по легенде, молдавский князь Штефан Великий, упорно и в целом успешно сопротивлявшийся захватчикам, на смертном одре советовал сыну Богдану подчиниться Высокой Порте. Принято считать, что реально ее власть над Валахией утвердилась в середине XV в., а над Молдавией – столетием позже. На первых порах вассалитет ограничивался выплатой скромной и нерегулярной дани (3 тыс. дукатов для Валахии и 2 тыс. для Молдавии), которая позднее превратилась в ежегодную и возросла соответственно до 130 и 26 тыс. золотых[1]. От господарств были отторгнуты значительные территории, превращенные в райяты (Хотин, Измаил, Бендеры, Килия, Брэила, Джурджу, Турну-Северин). Пушки с крепостных стен помогали держать население в послушании.

inslav

Успешно завершившаяся для Священной лиги война 1683—1699 гг. привела к созданию новой ситуации в Юго-Восточной Европе: христиане превратились в сторону наступающую, а османы — обороняющуюся. Дунайские княжества оказались на первой линии их обороны. И это — на фоне общего кризиса, охватившего империю султанов. Тимарная система землевладения изживала себя, основанная на ней военная структура рухнула, бюджет сводился с неизменным дефицитом, долги государства росли как на дрожжах, администрация прогнила во всех своих звеньях. Высокая Порта закручивала гайки, стремясь выжать из Дунайских княжеств как можно больше ресурсов. Она не посягала на их государственное устройство, систему управления и законодательство, не мешала связям митрополии с Константинопольской патриархией. Восточное владычество часто носит примитивно-грабительский характер, история Золотой Орды тому пример. Но подати в пользу Порты взимались все строже и все в больших размерах. Избранные господарскими собраниями (которые стали именоваться на турецкий манер диванами) князья утверждались султаном. Но уже с XVII в. перешли к прямому назначению ставленников Порты на престолы. В знак покорности те отправляли в Стамбул сыновей или близких родственников в качестве заложников. Новоназначенный владыка вносил в казну немалую сумму (большой мукерар). Обычный срок правления устанавливался в три года, угодных господарей оставляли править на второй и более сроки, разумеется, взимая за это полагающийся побор. Система пришлась по вкусу, платеж стали взимать ежегодно. В XVI—XVII вв. на валашском престоле побывало 48, на молдавском — 50 счастливчиков. Несмотря на расходы, в претендентах недостатка не ощущалось, место слыло заманчивым.

Помимо денежной дани княжества несли повинности натурой — поставляли в Стамбул зерно, овец, крупный рогатый скот, масло, мед, животный жир, к тому же по сильно заниженным, по сравнению с рыночными, ценам, которые назначал "покупатель", турецкая сторона. Таким же порядком "продавался" строительный и корабельный лес, причем "платежи" султанская казна осуществляла не наличными, а вычитала их из суммы дани.

Высокая Порта установила контроль над внешней политикой Молдавии и Валахии. Отряды их войск участвовали в войнах империи в составе султанской армии. Жители содержали ее во время постоя в княжествах, снабжали продовольствием и фуражом, строили и чинили крепости, дороги и мосты.

По букве закона господари не имели права вступать в сношения с другими странами, заключать с ними какие-либо соглашения. На деле Высокая Порта терпимо относилась к их связям с соседями по текущим делам, но жестко пресекала всякую попытку вассалов выйти из повиновения, если таковая раскрывалась. Господари, однако, в совершенстве постигли науку тайных переговоров и закулисных сделок, действуя иногда на два фронта. В 30-е годы XVII в., когда лихие донские атаманы захватили крепость Азов и сели там в осаду, а правительство царя Михаила Федоровича, по горло занятое тяжбой с Польшей, не знало, как выбраться из затруднительного положения, молдавский господарь Василе Лупу своими советами ему в том помогал, а молдавские войска в составе турецкой армии осаждали Азов.

inslav

С конце 80-х годов XVII в. валашский князь Константин Брынковяну держал при московском дворе своего представителя — Г. Кастриота, а потом — Панайота Раду. Не забывал Брынковяну и о связях с Габсбургами и даже получил от них титул князя Священной Римской империи германской нации.

С османским господством элита княжеств в своем подавляющем большинстве не смирилась и искала путей к освобождению в опоре на христианский мир. Габсбургскую монархию в роли избавительницы видели немногие. На памяти был опыт войны Священной лиги с османами (1683—1699). Цесарцы заняли тогда часть сербских земель, а потом их покинули. И в 1690 г. произошел великий исход из родных мест в страхе перед расправой турок. 40 тыс. семей с детьми, домашним скарбом и скотом, всего свыше 100 тыс. человек, покинули дома и двинулись в неведомые австрийские владения, оставив храмы и могилы предков, покинув колыбель своей государственности — Старую Сербию. Эта трагедия не изжита и поныне, когда Старая Сербия известна под именем Косово, и из нее изгоняются последние остатки сербского населения под натиском албанцев. Нет, избави Бог от подобного "освобождения"![2]

Пугала вероятность утраты православной религии под натиском католицизма в случае перехода под австрийское покровительство, а вместе с нею и этнического и культурного лица. Посланец валашского князя К. Брынковяну при дворе Петра I Г. Кастриот жаловался: в Венгрии и Трансильвании паписты и иезуиты "беснуются на православных более, чем на турков". Следовала просьба, чтобы государь Всероссийский принял валахов "под свою державу в подданство": "Все мы готовы соединиться и будем прославлять имя всемирного самодержца, Российского государя, а не цесарево" (1698 г.). Тогда же молдавский господарь Антиох Кантемир обращался к Петру: он, "по примеру владетеля мултянского желает быть со всем народом земли Волоской под обороною его, великого государя"[3].

В 1703 г. в Бухаресте вышла книга "Догматическое учение восточной церкви". Петр I именовался в ней "императором всея Великия и Малыя и Белые Руси и многих других земель на Востоке и Западе". В следующем году ближний стольник П.А. Толстой проездом в Константинополь остановился в Яссах. Господарь воспользовался случаем и просил его походатайствовать перед царем о принятии княжества в российское подданство[4].

Победа под Полтавой пробудила в Молдавии и Валахии надежду: час освобождения близок; Константину Брынковяну, на которого дождем сыпались требования Высокой Порты об увеличении дани и посылке людей с транспортом на строительство крепостей, решился на далеко идущий шаг. Он заключил с Петром договор (1709 г.), по которому обещал в случае войны с Турцией и прибытия в Валахию российских войск содействовать восстаниям сербов и болгар и предоставить царю 30 тыс. пеших и конных вооруженных людей[5].

Подозрительные сношения молдаван и валахов с Петербургом тревожили Высокую Порту. Беспокойство возросло в связи с объявлением в ноябре 1710 г. войны России. Тогда же произошло смещение Михаила Раковицы с престола в Яссах и назначение на пост Димитрия Кантемира. Кабы знал, кабы ведал султан Ахмед III, что творит, подписывая соответствующий ферман!

inslav

Д. Кантемир, сын и брат молдавских господарей, провел несколько лет в Стамбуле в качестве заложника, и слыл там своим человеком. Великий книгочей, обладатель блистательных дарований, знаток многих языков, включая турецкий, латинский, французский, а позднее и русский, он с молодых лет пристастился к ученым трудам. В 25 он выпустил книгу философских размышлений "Диван, или спор мудреца с миром или суд души с телом", за которой последовали трактат о музыке и своего рода политический памфлет под названием "Иероглифическая история", в котором бичевался боярский феодальный режим и доказывались преимущества абсолютистского правления[6].

Порта сомневалась в лояльности засидевшегося на валашском троне (20 лет!) К. Брынковяну и стремилась укрепить свои позиции в ближнем к России порубежье, в Молдавии. Вышло совсем наоборот. Д. Кантемир своим светлым умом сознавал, что турецкое господство изжило себя и привязанность княжества к османской махине обрекала его на застой. Еще будучи в Стамбуле, он посещал П.А. Толстого в его заточении в Семибашенном замке и выносил на волю "цидули" дипломата-узника. Утвердившись на троне в Яссах, он вступил в контакт с Петром I, итогом которого стал "Диплом и пункты", подписанный царем в Луцке в апреле 1711 г.[7], предусматривавшие вхождение Молдавии в состав России на условиях широкой автономии: сохранялись прежние законы, княжеский сан, роль боярства в управлении страной, административная система, гарантировалось уважение к традициям и обычаям населения. Петр обещал после победы над Турцией восстановить старые границы Молдавии, вернув в ее состав земли, на которых османы учредили райяты. Престол в Яссах признавался наследственным в роде Кантемиров.

Есть основания полагать, что Петр просто подписал составленный Кантемиром текст "Диплома". Господарь собирался покончить со своеволием боярства, т.е. проделать то, что царь осуществил в России, и учредить в княжестве абсолютистский строй. Петр обещал не вмешиваться во внутренние молдавские дела, и даже отказался от права принимать боярские петиции. Кантемиру представлялось, что удалось договориться об освобождении страны в оптимальном для нее варианте.

В мае 1711 г. войска под командованием Б.П. Шереметева перешли реку Прут. Кантемир обратился с воззванием к духовенству, боярам, служилым людям и всему народу, в котором перечислил многие неправды турецкого владычества и в заключение писал: и "вот явился Петр Алексеевич, царь России... Необходимо и нам в вооруженном союзе с ним выступить, и всем сердцем связать с ним нашу судьбу". Начался набор в войско. Но ввиду стремительно развивавшихся событий вместо обещанных 17 тыс. удалось поставить под знамена едва 5. Многие великие бояре, усмотрев в "Дипломе и пунктах" ущемление своих прав, критиковали действия князя в диване и в бой не рвались[8].

Дальше все пошло вкривь и вкось. Солнце выжгло поля, армия Шереметева не получила нужного ей продовольствия и фуража. Упредить переправу войск великого везира Мехмеда Балтаджи-паши через Дунай не удалось. Отряд молдаван под командованием самого Кантемира не смог оказать сопротивление турецкому авангарду на реке Прут, и отступил. Константин Брынковяну на помощь не пришел. Он не нарушил буквы подписанной с Петром конвенции, по которой обязывался выступить

inslav

лишь с прибытием в Валахию русских войск, чего не случилось. Но старый господарь явно оробел: он послал к царю Г. Кастриота с предложением своих услуг в заключении мира с турками. И он же воспрепятствовал переходу сербов из австрийских владений через Валахию на помощь к Петру. Он переслал Балтаджи-паше текст "Диплома и пунктов", снабдив корреспонденцию советом — разгромить "московитов" на территории Молдавии[9].

Запоздалые маневры не спасли Брынковяну. В самом Валашском княжестве существовала пророссийски настроенная боярская группировка во главе с кланом Кантакузино. Отряд Тома Кантакузино, без ведома и согласия господаря, соединился с русскими, правда, не с основными силами, а с полками генерала Ренне, вступившими в Брэилу (Браилов), что, в глазах Высокой Порты, усугубило провинности Брынковяну.

И разразилась трагедия на реке Прут[10]. Петр отверг требование Балтаджи-паши о выдаче Кантемира на расправу. Господарь со своими сторонниками удалился в Россию, но не в изгнание или эмиграцию. Царь Петр своих друзей не забывал. Кантемир со своим потомством получил княжеское достоинство России, стал советником государя по восточным делам, на берегах Невы расцвел его талант выдающегося ученого, а его сын Антиох прославился на ниве русской поэзии.

А в истории Дунайских княжеств наступила новая эпоха, названная фанариотской. Князья из местных уроженцев утратили доверие Высокой Порты, и она перешла к прямому назначению господарей из представителей знатных греческих фамилий, традиционно проживавших в стамбульском квартале Фанар. Они выделялись своей образованностью, знанием языков, навыками в управлении, — высокие государственные должности драгомана Порты и драгомана флота стали их монополией. И раньше случалось, что лица греческого происхождения занимали господарские престолы в Яссах и Бухаресте. Теперь это превратилось в систему. В 1711 г. первый фанариот, Николае Маврокордат, прибыл в молдавскую столицу. В Валахии смена режима произошла немного позже, после того, как оппозиционно настроенное боярство направило в Стамбул доносы на Константина Брынковяну, — а грехов перед Высокой Портой у него накопилось достаточно. Старого князя вызвали в столицу империи вместе с четырьмя сыновьями и заставили присутствовать при их казни; младший, совсем юнец, умолял сохранить ему жизнь, соглашаясь принять ислам. Палачи его не пощадили. Потом предали смерти и отца (1714 г.) Через два года пришла очередь и посаженного на престол в Бухаресте ярого врага Брынковяну, Штефана Кантакузино, его тоже казнили, обвинив в сношениях с австрийцами, с которыми Порта в 1715 г. вступила в войну. Трон в Бухаресте занял фанариот Н. Маврокордат. Система действовала в княжествах больше 100 лет, до 1821 г.

Исправление должности господаря считалось и являлось делом не только почетным, но и высокодоходным, и назначение сопровождалось большими тратами, не только официальными, но и богатыми дарами влиятельным сановникам и даже обитательницам сераля, начиная с султанши-валиде, матери падишаха. Дары полагалось повторять в случае продления 3-летнего срока правления, а то и чаще. Господари превратились в должностных лиц Высокой Порты, их часто переводили с одного престола на другой. Чемпионом по этой части стал Константин Маврокордат, де-

inslav

сять раз княживший попеременно в Бухаресте и Яссах. В 1749 г. он отказался платить требуемую сумму, и быстро очутился в ссылке на острове Лемнос. Здесь он одумался, внес деньги в казну, — но всего лишь за освобождение[11].

"Принимая участие в управлении Оттоманской империей, фанариоты превратились в орудие, с помощью которого суверенная власть контролировала Молдавию и Валахию, не отменяя формально их автономии во внутренних делах"[12]. Современная румынская историография подчеркивает факт сохранения двумя странами своего автономного статуса. Высокая Порта не вмешивалась в повседневное управление, княжества сами должны были преодолевать трудности, связанные с последствиями частых в XVIII столетии войн и регулярными неурожаями; от фанариотов, помимо денег, требовалось обеспечить лояльность и послушание населения. По сути дела, Молдавия и Валахия отдавались им на откуп. Справедлива констатация: "Турецко-фанариотский режим в Молдавии и Валахии явился периодом максимальной турецкой эксплуатации и дальнейшего сужения их политической автономии". Общая сумма дани и прочих выплат, причитавшихся с Валахии, достигала 650 тыс. талеров. Высокая Порта то и дело вспоминала о "старых обычаях" — поставках в Константинополь за бесценок зерна, скота, леса, о привлечении мужиков вместе с лошадьми на строительство дорог, мостов и крепостей. В фанариотский период к крепостям Хотин и Измаил были прирезаны участки земли на правах райята — Порта крепила оборону на рубежах с Россией[13]. Княжества лишились права содержать свои вооруженные силы, господари сохранили лишь небольшие отряды наемников. Да и сами князья, которых Высокая Порта сменяла в любое время за действительные или мнимые проступки, являлись ее ставленниками и отличались от наемников разве что тем, что им не платили за службу, а они сами щедро оплачивали предоставляемую должность.

Очередной назначенец прибывал в страну в сопровождении многочисленной свиты из греков, занимавших важные и доходные должности. Но, не имея корней в обществе, не располагая земельными угодьями, стесненные кратким, обычно 3-летним сроком правления, пришельцы не могли монополизировать власть, оттеснив от нее местных уроженцев. Некоторые из приближенных покидали княжество вместе с господарем, но другие оставались и вливались в боярское сословие. Господарский совет продолжал функционировать, обсуждая важнейшие дела.

В Дунайских княжествах установилась система двойного, османского и фанариотского гнета. И все же правление греков нельзя изображать сплошь черной краской. Фанариоты представляли тончайшую прослойку тогдашней балканской интеллектуальной и культурной элиты, знакомой с идеями Просвещения. С их деятельностью связано приобщение верхов молдаво-валашского общества к греческому языку и культуре, с реформами в сфере аграрных отношений и государственного строя[14].

После австро-турецкой войны 1715—1718 гг. к Габсбургам отошла западная часть Валахии — Олтения. Современникам было что сравнить, и они приходили к выводу, что австрийское господство не слаще турецкого.

Цесарцы пришли на земли, опустошенные боями и обезлюдевшие. Терроризованные жители бежали, куда глаза глядят — за рубеж, в горы и леса. 1/5 часть сел находилась в забросе, в остальных население сильно по-

inslav

редело. Пришельцы не стали ломать сложившуюся в провинции систему управления, господарский совет под иным названием продолжал существовать во главе с великим баном Г. Кантакузино, но под контролем военного командования и "верховного директора" из австрийцев. Все понимали: необходимо принять меры для возвращения жителей на места обитания, пообещав им облегчение участи. Многочисленные прежде поборы заменили фиксированным подоходным налогом. Демографическая ситуация несколько улучшилась, наступил своего рода бум в производстве зерна. И все же говорить об экономической стабильности не приходилось. Чиновники из бояр, заинтересованные в притоке рабочей силы в свои вотчины, переманивали к себе крестьян из монастырских и бывших господарских владений. Пытаясь навести порядок, австрийские власти провели перепись населения и осуществили своеобразную чистку боярства, — лишь несколько знатных фамилий получили дворянское достоинство, все прочие перешли в разряд налогоплательщиков. Местное чиновничество направляло в Вену заведомо заниженные данные о числе жителей и, стало быть, о сумме собранных платежей, реализуя разницу в свою пользу — казнокрадство процветало на румынских землях при всех режимах. Австрийцы усилили свое присутствие в управлении провинцией, прогнали Г. Кантакузино с должности, но в попытке искоренить мздоимство потерпели неудачу. Православную церковь они обидели, прервав ее связи с Константинопольской партиархией и подчинив ее сербскому патриарху в Пече, а еще более — опытом с учреждением в Олтении католического епископства, не удавшимся по причине отсутствия достаточного числа прихожан.

В 1736 г. Габсбурги вновь вступили в войну с османами. В Олтении начались реквизиции для нужд армии. Верх в военных действиях одержали турки, провинция стала жертвой поборов и грабежей как со стороны отступавших цесарцев, так и наступавших османов. И на тех и на других нападали четы гайдуков — полумстителей народных, полуразбойников, не щадивших и боярские усадьбы. У народа остались горькие воспоминания об Олтении "под Габсбургами", — не освобождение, а оккупация. «И бояре, и клир, чьи права были попраны, и крестьяне, подвергавшиеся гнету пуще прежнего, стали ненавидеть австрийских "покровителей"... Вся страна по правому берегу реки Олт радовалась возвращению в 1739 г. в турецкую зависимость»[15].

Позиции проавстрийской группировки в боярстве и духовенстве княжеств сошли почти на нет, ориентация на Россию стала доминирующей. Но не следует упрощать положение и пренебрегать другой тенденцией, нашедшей отражение в румынских источниках. В упоминавшейся русско-австро-турецкой войне 1735—1739 гг. "бояре, в целом, заняли оппортунистическую позицию. Они ожидали развертывания событий, чтобы уточнить свою политическую ориентацию"[16]. Известно, например, что группа молдавских великих бояр просила бендерского сераскера заверить Высокую Порту в их лояльности и подданической преданности.

Но в большинстве своем не только "низы", но и "верхи" общества склонялись на сторону России. Уже в 1736 г. к императрице Анне Иоанновне поступили петиции из Валахии. В отличие от прошлых времен просителями выступали не князья (господари-фанариоты при приближении российской армии ударялись в бега), а митрополит и бояре. Они умоляли

inslav

избавить их от "тяжкого и тиранского ига турецкого, которые оттоль многих лет в подданство нас привели и тяжко всяким обременением и суровостию варварскою замучили, ругая непорочную и чистую православную христианскую веру, и другими тягчайшими и несносными озлоблениями". Посланец Преда Друганеску представил в Коллегию иностранных дел списки бояр и монастырей, изъявивших желание принять российское подданство (более 100 семей и 70 монастырей). И только пять бояр склонялись на сторону Австрии.

В грамоте от 25 апреля 1737 г., явно имея в виду предстоявшие мирные переговоры, митрополит Штефан и бояре просили "или чрез посредство мира, или чрез императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привесть в православное вашего величества подданство"[17].

Прошения не остались без отклика. В августе того же 1737 г. в Немирове открылись переговоры. Российская делегация предъявила на них требования, явно навеянные полученными петициями, но столь же явно не отвечавшие пока еще скромным успехам на поле боя, и среди них — превращение Валахии и Молдавии в "вольные княжества" под покровительством царицы. Поскольку нога российского солдата еще не вступала на их землю, эта и некоторые другие претензии отдавали дипломатическим нахальством. К тому же открыто на валашскую территорию до реки Дымбовица претендовали австрийцы, так что между союзниками согласия не существовало. Переговоры зашли в тупик[18].

Лишь в мае 1739 г. российские войска под командованием фельдмаршала Б.Х. Миниха перешли Днестр. Союзная Австрия уже вышла из строя, понеся ряд поражений, и занялась поисками мира. Миних в битве при Ставучанах нанес поражение 90-тысячной армии Вели-паши (17/28 августа), и взял крепость Хотин. Офицерами в его армии служили племянники Димитрия Кантемира Константин и Думитрашку, возглавлявшие в Молдавии "русскую партию". Вблизи Ясс, на берегу реки Прут, в тех местах, где разыгралась трагедия 1711 г., россиян встретила делегация духовенства и бояр, вручившая петицию на имя царицы. Этот документ интересен тем, что в нем излагались желательные условия перехода под протекцию России. Княжество обязывалось не иметь никаких сношений с ее врагами, поставлять армии продовольствие и фураж, содержать гарнизоны и госпитали, предоставлять рабочую силу с подводами для строительства укреплений. Важна часть петиции, в которой говорилось об испрашиваемых правах: Россия не должна вмешиваться во внутренние дела Молдавии, ее привилегии, не посягать на государственное устройство и прерогативы боярства. Миних обещал отдать приказ о "нечинении подданным сея земли ни малейших обид" и поддержании войсками наистрожайшей дисциплины[19].

Полководец придавал большое значение завязавшимся сношениям: "Понеже здешняя молдавская земля весьма преизрядная, не хуже Лифляндии, и люди сей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию со слезами, и поэтому весьма потребно эту землю удержать".

Увы, это оказалось за пределами возможного, петиция осталась лишь декларацией о намерениях, она осталась в ставке фельдмаршала; он не успел переслать ее в Петербург. Габсбурги пошли на заключение мира с тур-

inslav

ками на унизительных для себя условиях, отказавшись от Олтении и сербских земель. Нависала война России со Швецией, и отечественная дипломатия совершила крутой вираж от крайней требовательности к необъяснимому смирению. На роль посредника в переговорах с Портой почему-то пригласили де Вильнева, посла Франции в Стамбуле, державы, придерживавшейся крайне неприязненной к России позиции в европейских делах. В итоге, понеся максимальные жертвы на поле боя, Россия удовлетворялась минимумом уступок с турецкой стороны по заключенному в Белграде (сентябрь 1739 г.) договору: Высокая Порта уступила Азов, но без права укреплять его; земля к югу от города не подлежала заселению и служила "бариерою" между двумя империями; Россия не получила права судоходства ни на Черном, ни даже на Азовском море. О Дунайских княжествах в договоре не упоминалось.

Но кризис 30-х годов показал: стремление стать под защиту северного соседа, признав свое подданство, превратилось в константу внешнеполитических усилий элиты Дунайских княжеств. Стоя на почве реализма, она сознавала, что освободиться можно лишь при могучей поддержке извне и при вхождении в состав Российского государства. Это делает честь широте кругозора и прагматичности мышления высшего духовенства и подавляющей части крупного боярства.

Последовавшие за замирением почти три десятилетия не давали материала для новых попыток на пути освобождения. Центр тяжести международных отношений переместился в Центральную Европу, обильно лилась кровь в двух войнах за Австрийское наследство и в Семилетней. Помощи балканцам было ждать неоткуда. Все изменилось и надежды возродились, когда в 1768 г. вспыхнула очередная русско-турецкая война. Ориентация на Австрию изжила себя, произошло крутое размежевание между бывшими союзниками. Габсбургская монархия считала Балканы сферой своих интересов, стремление России закрепиться в регионе пугало Вену, выход соперницы к устьям Дуная представлялся овладением господствующими позициями на подступах к Юго-Восточной Европе. Молодой и честолюбивый император Иосиф II решил сопротивляться всеми мерами продвижению российских войск, допуская даже удар по их тылам.

Екатерина II озаботилась установлением связей с пророссийски настроенной группировкой боярства в княжествах. Весной 1769 г. подполковник Н. Каразин доставил ее вожакам письмо императрицы и обращенный к населению манифест с призывом к борьбе против османов. Обращение встретило живейший отклик. В конце сентября 1769 г. части армии П.А. Румянцева вступили в Яссы, восторженно встреченные жителями. Духовенство во главе с митрополитом Гавриилом провело в соборном храме молебен и стало приводить горожан к присяге императрице. В российскую армию вступило 6 тыс. молдаван. Ободряющие вести поступали из Валахии. В Бухаресте активизировались сторонники "русской партии", руководимые Пырву Кантакузино. Бухарестцы восстали, схватили господаря Григоре Гику и передали его Румянцеву. В 1770 г., после сражения при Кагуле, в котором участвовали и волонтеры из Дунайских княжеств, российские войска заняли всю их территорию[20].

Пришло время всерьез подумать об условиях мира. Программа его вырабатывалась с оглядкой на враждебность Австрии и в условиях непрекращавшихся интриг французского короля Людовика XV в пользу Высокой

inslav

Порты. В сентябре 1770 г. первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Н.И. Панин изложил наметки мирных условий. Дунайским княжествам в них уделялось большое внимание. В записке Панина говорилось: "Понеже е.и.в. с самого своего восшествия на престол показать изволила своею политическою системою, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель", то она готова пожертвовать полагающимися России возмещениями за понесенные убытки, "если Молдавия и Валахия оставлены будут в независимости и Дунай будет поставлен турецкою границею"[21]. Здесь четко прослеживается продолжение намеченного еще Петром I курса на возрождение государственности народов Юго-Восточной Европы под покровительством России.

В январе 1771 г. Екатерина Алексеевна сама взялась за перо, пытаясь развеять австрийские страхи: "Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавии и Валахии, но я откажусь от этого вознаграждения, если предпочтут сделать два княжества независимыми". Она готова проявить бескорыстие, и Вена "должна быть довольна соседством маленького молдовалашского государства, несравненно более слабого и независимого равно от трех империй" (Турецкой, Российской и Габсбургской); "Я не подвигаю своих границ ни на пядь"[22].

Подобная программа отвечала заветным мечтаниям молдаван и валахов. Их ходатаи явились в Петербург еще весной 1770 г. "Мы, все жители молдавские, весь духовный и мирской чин", — свидетельствовали посланцы из Ясс, — "яко верноподданные рабы вашему императорскому величеству всеподданнейше приносим наше благодарение и покорение со всяким нашим благоволением и повиновением ко всяким вашего императорского величества повелениям и в верности подданства вашего с клятвенным обещанием" (петиция от 16 декабря 1769 г.). В том же духе составили грамоту "кротчайшей, непобедимой, боговенчанной, благочестивейшей, великолепной самодержице" валашские церковные и светские иерархии: "Всеусерднейше мы молим, да примет ваше величество места наши под неотъемлемое покровительство и утвердите нас непобедимою защитою, присовокупя к империи вашего величества..."[23].

Молдавская петиция содержала конкретные пожелания: управление княжеством поручить 12 крупным боярам, чиновничьи должности предоставлять боярским сыновьям, вернуть стране "старые границы" и в первую очередь — город Хотин, добиться срытия турецких крепостей в Брэиле и Бендерах. Молдавия соглашалась содержать 12 тыс. своих солдат и 5 тыс. российских. Валахи ходатайствовали в общей форме, но соглашались предоставить 20-тысячное войско. Любопытно, что они просили учредить у них академию наук, ремесел и языков (в чем прослеживалось влияние французских экциклопедистов)[24].

Екатерина отнеслась к прибывшим к ней миссиям чрезвычайно серьезно. Она приняла депутатов в аудиенции (28 марта 1770 г.) и заявила о "принятии под свой покров обоих княжеств". Она пожелала ознакомиться с их состоянием, о чем свидетельствует ее записка Н.И. Панину: "Позовите к себе Молдавских, а потом и Волошских депутатов и скажите им, что, вследствие моей к ним протекции, и дабы мне с основанием можно было иметь о них попечение, я желаю, чтобы они подали мне чрез Вас: 1) описание их нынешнего состояния и всей земли их, а также доходы тех земель; 2) в чем состоят их нужды, недостатки и желания"[25].

inslav

Однако сама формула — принятие под покров — не содержала конкретных обязательств, что объяснялось полнейшей неясностью насчет того, чего же удастся достичь в их отношении. В Петербурге посланцев задержали на несколько месяцев, надеясь склонить австрийцев к выгодным для России условиям мира. В июне 1770 г. Совет при высочайшем дворе решил депутатов "отсюда не отпускать и сделать о них какое-либо определение"[26]. Они присутствовали на церковных службах, дворцовых приемах, посещали театры и музеи, гуляли в дворцовых парках.

Надежда не сбылась. Вена держалась непримиримо и успокоительным заверениям не верила. Старый лис, канцлер Венцеслав Кауниц в почтительнейшем "словесном ответе на конфиденциальное изложение русской императрицы о мире с турками" наложил запрет на ее замыслы: "Мир на таком основании даст Российской империи громадное могущество, а империи Оттоманской падение в перспективе более или менее отдаленное, но неизбежное"[27].

В своем кругу Екатерина изъяснялась в иных тонах, нежели в переписке с венским двором, и не щеголяла своим бескорыстием: "Дабы же никакой лишней зависти на себя не навлечь, то Молдавию и Валахию объявить княжествами под протекциею, а князьям быть или временным, от России поставленными, или наследственными, как ныне есть Курляндия. В крепостях Хотинской, Бендерской и где еще за нужное признано будет, быть российским гарнизонам"[28]. Царица собиралась прорваться к Дунаю и встать твердой ногою у устья реки, поставив под контроль судоходство.

Как обычно, желания разошлись с действительностью. До Коллегии иностранных дел дошли сведения о заключенном в июле 1771 г. между Турцией и Австрией договоре, по которому последняя обязывалась добиться от России "путем переговоров или силою оружия" (!!) заключения мира на условиях отказа ее от завоеванных "крепостей, провинций и территорий"[29].

Когда в Петербурге стихло возмущение коварством Габсбургов, Совет при высочайшем дворе осознал, что придется бить отбой. 12/22 ноября 1771 г. Н.И. Панин сообщал Г.Г. Орлову: "Всемилостивейшая государыня соизволила отступить от требования своего отторжении Молдавии и Валахии от Турецкой империи с тем, однако, чтобы эти два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в турецкое подданство"[30]. Этот маневр и согласие на раздел Речи Посполитой спасли Россию от прямого вмешательства императора Иосифа II в войну. Но еще предстояли хлопоты над тем, как обеспечить сносное существование Дунайских княжеств в составе Османской империи.

Видимо, молдаване и валахи не сразу осознали резкое ухудшение сложившейся вокруг княжеств ситуации. В январе 1771 г. валашские бояре в петиции Екатерине II выражали надежду, что не будут вновь "подвержены под варварское и тиранское иго" и им суждено впредь "пребывать всегда под одним и тем же правлением и покровительством... российского самодержавия". А в ноябре под пером Н.И. Панина появилась формула, очевидно, с молдаво-валашской подачи, о предоставлении им в Османской империи прав, с которыми они некогда вошли в нее, — самостоятельно в Коллегии иностранных дел ее измыслить не могли. То же самое повторялось в инструкции А.М. Обрезкову, ведшему переговоры с Портой, и датированной 21 апреля 1772 г.[31] Это свидетельствует об активном под-

inslav

ключении румынской стороны к выработке будущего статуса княжеств, притом что их оставление в составе Османской империи считалось решенным.

Л.Е. Семенова провела анализ "разных просительных писем валахов и молдаван" до и во время фокшанского (июль—август 1772 г.) и бухарестского (сентябрь 1772 — март 1773 г.) этапов мирных переговоров, когда были согласованы многие условия, и пришла к выводу, что просьбы о восстановлении прав и привилегий не сопровождались их конкретизацией и их существование не атрибутировалось к какому-либо султанскому правлению или какой-либо конкретной дате[32]. В статье 16 Кючук-Кайнарджийского мира их явно ошибочно отнесли к правлению Мехмеда IV (1649—1687), т.е. когда автономия княжеств была уже значительно урезана.

Договор явился вехой переломного значения в истории княжеств, он внес серьезные изменения в их статус в составе Османской империи. Провозглашалась свобода исповедания православной религии, амнистия всем, кто в ходе войны выступал против Порты, а также сохранение ими прежних должностей, возвращение монастырям и частным лицам земель вокруг крепостей, у них отторгнутых, заявлялось о праве жителей переселяться в другие страны со всем своим имуществом, прощались прежние долги по платежам Высокой Порте. Впредь верховная власть обещала взимать оные платежи "со всем возможным гуманизмом". Турецким должностным лицам воспрещалось заниматься самовольными поборами. Господари получили право иметь своих представителей при султанском дворе. Особо важное значение имел пункт о предоставлении российским посланникам возможности выступать в пользу княжеств и обещание Блистательной Порты относиться с должным вниманием к подобным ходатайствам[33].

В Бухаресте и Яссах вспомнили, что при блаженной памяти султане Мехмеде IV не было изжито правило о выборе господаря местным боярством. Но вернуться к этому обычаю значило посягнуть на фанариотский режим, и бояре оробели. Пока валахи искали подходящую кандидатуру (Шт. Пыршковяну, более известные лица отказались от сомнительной и опасной чести), пока подбирали смельчаков, готовых предстать пред грозные очи падишаха, — время было упущено. Порта назначила господарем образованного грека Александра Ипсиланти[34]. Но все же предусматривался 7-летний срок правления и несменяемость князей без серьезной и явной вины с их стороны, что рождало надежду на установление в Валахии определенной стабильности.

В тексте Кючук-Кайнарджийского договора права и привилегии княжеств излагались в общей форме; настоятельно требовалась их конкретизация. В июле 1774 г. лучшие люди Валахии, как они тогда назывались, обратились к фельдмаршалу П.А. Румянцеву с анафорой (представлением), в которой эта конкретизация излагалась. По совету полководца депутаты двух княжеств (порознь) подали султану прошения об утверждении этих прав. Высокой Порте очень не хотелось осуществлять просьбу — это означало принять на себя большие и далеко идущие обязательства. Понадобился нажим российской дипломатии, чтобы в декабре 1774 г. появились два хатт-и-хумаюна (августейших указа)[35]. В них вновь подтверждалось, что смещение господарей возможно лишь в случае доказанной вины с их

inslav

стороны. Фиксированная дань подлежала отправке в Стамбул раз в два года. Поставки зерна, скота и стройматериалов в количествах, соответствовавших возможностям Валахии и Молдавии, следовало производить по рыночной стоимости. Стоимость работ по рубке и перевозке леса вычиталась из дани. Турецкие торговцы могли появляться в княжествах, лишь имея на то разрешение властей. Они не имели права заниматься земледелием, животноводством и ростовщичеством. Прочим туркам въезд запрещался. Господари могли назначать на все административные должности в стране. Должностные лица Порты, следуя по делам, не могли сворачивать с пути, заниматься вымогательствами и требовать на почтовых станциях бóльшего числа лошадей, чем им полагалось по рангу. Хумаюны напоминали, что князьям следует дважды в неделю лично присутствовать в диванах при обсуждении дел. В указах подчеркивалась необходимость проявлять уважение к обычаям и нравам, царившим в Молдавии и Валахии, и к одежде их жителей.

Тогда же, в середине 70-х годов, появились версии о наличии относящихся к XV — началу XVI в. так называемых капитуляций или старых договоров между Высокой Портой и княжествами, фиксировавших широкие автономные права последних[36]. Текстов этих якобы существовавших документов не сохранилось. Само их появление Л.Е. Семенова объясняет стремлением боярства подкрепить историческими доводами установление желательного статуса Валахии и Молдавии в составе Османской державы, того, что нашел отражение в упомянутых петициях. Семенова относит появление первых текстов этих договоров к 1775 г. в ответ на запрос генерала Н.В. Репнина. Подвергнув анализу тексты так называемых старых договоров, обратившись к вероятным источникам их создания, она вскрыла ряд фактических неточностей, включая путаницу в датах, что, разумеется, было немыслимо, будь эти акты подлинными[37]. В жизни, указывает она, в течение веков статус Молдавии и Валахии зависел от степени их сопротивления завоевателям и состояния Османской империи, их значительная самостоятельность в XV—XVI вв. сошла почти на нет при фанариотах. Мы разделяем точку зрения Л.Е. Семеновой. Ранее подобный взгляд высказывал известный румынский историк Николае Йорга. По его словам, Е. Вэкэреску, допущенный в архивы Стамбула, сообщил о наличии там "формальных актов, якобы им открытых, но в действительности им сфабрикованных, по которым старые султаны обеспечивали княжествам, со времени их подчинения, права, желательные в данный момент". Менее определенную формулировку дает Шт. Штефанеску в недавно вышедшей книге. Он пишет о "капитуляциях, составленных, возможно, Николае Костиным и великим боярином Енэкице Вэкэреску"[38]. Можно считать, что хатт-и-хумаюны 1774 г. и соответствующие статьи Кючук-Кайнарджийского мира содержали первую, реальную и достоверную фиксацию статуса Молдавии и Валахии в составе Османской империи. До той поры он мог меняться султанами по своей воле и произволу: "Главная особенность отношений княжеств с Портою состояла в том, что они законодательно не регулировались", а "навязывались силой"; не существовало "никакой гарантии их длительности и уважения к ним" со стороны державы-сюзерена[39]. С этим узаконенным произволом было покончено. Автономия Дунайских княжеств, почти сошедшая на нет в фанариотскую эпоху, обрела зримые черты.

inslav

Сказанное не значит, что Высокая Порта стала лояльно соблюдать взятые на себя обязательства. Саботаж договора начался немедленно. Камнем преткновения стал Крым, драгоценнейший алмаз в тюрбане султана, но и молдаво-валашские дела служили предметом споров — Стамбул не желал соблюдать договоренности относительно несменяемости господарей, возвращения княжествам прилегавших к крепостям земель, способа взимания дани, размеров оплаты за поставляемые продукты. Понадобились длительные усилия с российской стороны, завершившиеся подписанием Айналы-Кавакской конвенции (1779 г.), чтобы подтвердить "все сомнительства без повреждения" Кючук-Кайнарджийского мира.

Тяжкий удар обрушился на Молдавию после ухода оттуда войск П.А. Румянцева. Северную часть ее заняли австрийцы. Хитроумный канцлер Венцеслав Кауниц тщательно готовил оккупацию: "Как только русские эвакуируют Молдавию, мы установим наш герб с орлом на рубежах". Отторгнуты были три северных уезда с древней столицей княжества Сучавой и местом захоронения национального героя Штефана III Великого. Господарь Григоре Гика повел себя мужественно, протестовал, призывал Порту вспомнить о долге сюзерена, выступить в защиту попранных прав, прибег даже к угрозе — поискать другого покровителя. Но Стамбул был занят конфликтом с Россией вокруг Крыма и нуждался в поддержке Европы. Екатерина II по той же причине не желала ссориться с Иосифом II и умыла руки. Российский ответ гласил: провинция передана Порте, и той надлежит заниматься указанным делом. Что и последовало: 7/17 мая 1775 г. Турция признала переход к Габсбургам трех молдавских уездов, получивших название Буковина[40]. После этого улетучились последние надежды на Австрию как освободительницу и покровительницу балканских народов. Оставалось уповать на одну лишь державу, на Россию.

Князь Г. Гика поплатился головой за свою смелость: в 1777 г. проезжавший через Яссы знакомый ага пригласил его на чашку кофе. Когда кофе выпили, появились янычары и задушили Гику шелковым шнурком, как полагалось умертвлять особу столь высокого ранга.

Жизнь в княжествах постепенно налаживалась после опустошений войны, чему способствовала череда урожайных лет. Зерно в изобилии поступало на внутренний рынок и в растущих количествах вывозилось за рубеж. Цены стояли низкие — корову можно было купить за 5 лей, яремного вола — за 6, рабочую лошадь — за 10. Сказывалась известная упорядоченность отношений с Высокой Портой[41].

Среди фанариотов встречались люди просвещенные, высокой культуры. Вот впечатляющий перечень деяний Александра Ипсиланти за восемь лет правления в Валахии (1774—1782): он упростил и несколько облегчил налогообложение, установил жалованье чиновникам, ранее существовавшим за счет поборов с населения, реорганизовал почтовую службу, расширил сеть школ, открыл приют для детей-сирот, построил здание для училища Св. Спиридона, разновидности лицея, в котором телесные наказания запрещались под влиянием школы Песталоцци ("только упреки, а не издевательство и не порка"). При нем прорыли отводный канал от реки Дымбовица, а то раньше в половодье улицы Бухареста затапливались водой; был воздвигнут новый княжеский дворец[42].

В 1837 г., в пору, когда нашу страну еще не обвиняли в необузданном стремлении к захватам, молодой Михаил Когэлничану, в будущем — вы-

inslav

дающийся государственный деятель Румынии, писал: "Россия, завоевав однажды право на вмешательство по делам княжеств перед Портой, не упускала случая для того, чтобы улучшить политическую ситуацию Молдавии и Валахии". В 1782 г. посланники России и Австрии, тогда находившихся в союзе, исторгли у султана сенед (обязательство международного характера), устанавливавшее сумму ежегодных платежей для Валахии — 445 тыс. и для Молдавии — 253 тыс. пиастров (лей), и "больше требовать нельзя"[43]. Спешим оговориться: требовали и вымогали больше, но все же Порте пришлось несколько уменьшить свои аппетиты: по подсчетам валашских бояр, в 1772 г., до войны, в стамбульскую казну поступило 2 млн пиастров.

Не следует думать, что все зло исходило из Константинополя, и приукрашивать царившие в фанариотской и боярской среде нравы. Приведем несколько живых картинок из той эпохи.

Дочери валашского господаря А. Ипсиланти, девицы 16 и 17 лет, воспитанные зарубежными боннами, глубоко переживали унизительное положение родины. Однажды ночью они, одетые в европейские платья, бежали из дворца. Наутро их хватились, но посланные вдогонку албанцы из княжеской стражи перехватить беглянок не сумели. Объявились они в Трансильвании, потом добрались до Вены и повсюду агитировали в пользу освобождения княжества. Ипсиланти, боясь быть обвиненным в сговоре с дочерьми с последующим лишением жизни, поспешил подать прошение об отставке. Блудные дочери вернулись в лоно семьи. И все же это мелкое, по сути дела, происшествие показало, сколь шатким являлось положение господарей[44].

Ипсиланти сменил на престоле Николае Караджа, обремененный многодетной семьей и сравнительно небогатый. Чтобы преподнести полагавшиеся при назначении дары, он, еще не покинув берегов Босфора, обложил Валахию налогом. Правда, мздоимство его, в конце концов, и подвело. В Бухарест уж прибыл бдительный русский консул, "воевода прибегал к тысяче уловок", чтобы помешать ему присоединить свой голос к жалобам обывателей на самоуправство господаря, но это ему не удалось, и в 1783 г. Караджу сместили[45].

Совсем скандальная история разыгралась при водворении на бухарестский престол Н. Маврогени (1784 г.). У него объявился влиятельный соперник в лице некоего Петраки, человека безгранично богатого (еще бы — управлял стамбульским монетным двором). Однако Маврогени поднаторел в интригах, и ему удалось засадить Петраки в тюрьму, благо, видимо, было за что, и даже выхлопотать ферман о его казни. В день торжества, когда Маврогени, получив инвеституру, выезжал на благородном коне со двора, к нему подвели измученного пытками Петраки, заставили того поцеловать стремя и просить о пощаде; в ответ новоназначенный принц подал сигнал палачу, и тот снес Петраки голову.

Маврогени зарекомендовал себя верным слугой Высокой Порты, и та закрывала глаза на его злоупотребления и самодурство. Маврогени слыл большим оригиналом, разгуливал по Бухаресту, переодетый священником, а в иных случаях разъезжал по улицам в пролетке, запряженной... оленями. Он штрафовал бояр за малейшие и даже мнимые провинности, обирал торговцев, но в то же время свирепо преследовал воров, сажая их на кол, так что разбои на дорогах почти прекратились. Маврогени загля-

inslav

дывал в историю Древнего Рима и, в подражание Калигуле, ввел своего коня, правда, не в сенат, за отсутствием такового, а в диван, и предоставил благородному животному боярское звание ключера[46].

Так что прогресс в Дунайских княжествах пробирался вперед медленно и через завалы не только экономической и политической отсталости, но и стародедовских нравов.

В 1782 г. появился на свет знаменитый Греческий проект Екатерины II, умозрительный и не имевший ни малейших шансов на осуществление ни тогда, ни в дальнейшем, но чрезвычайно интересный как этап в развитии балканской стратегии России[47]. К Дунайским княжествам он имел прямое отношение, ибо предусматривал образование государства Дакия в составе Валахии, Молдавии и Бессарабии. Название оно получило от существовавшего в начале нашей эры союза племен, предков румын, но тогдашняя Дакия распространялась на Валахию и Трансильванию, а не на Молдавию. Возможно, неточность произошла по причине слабого еще знакомства с античной историей; распространять "екатерининскую" Дакию на Трансильванию было опасно и по политическим соображениям, поскольку последняя входила во владения союзного тогда уже императора Иосифа II.

Две черты документа заслуживают быть отмеченными: он, под иным названием, предусматривал образование государства, позднее ставшего известным как Румыния, и, что интересно, Дакии предоставлялась гораздо бóльшая степень самостоятельности, чем, скажем, Молдавии по "Диплому и пунктам" Петра I. В своем письме Иосифу II Екатерина Алексеевна высказывалась в пользу создания государства-барьера между тремя империями — Российской, Османской и Габсбургской, от них независимого, во главе с христианским монархом, на которого можно положиться. Дакия никогда не должна была объединяться ни с Австрией, ни с Россией. Последняя на Дакию не претендует, говорилось в письме, ее притязания ограничиваются крепостью Очаков в Днепровском лимане и полосой земли между реками Буг и Прут. Конечно же, царица толковала независимость на свой манер и полагала, что сумеет обеспечить в Дакии соответствующее влияние, но сам факт отказа самодержавия от планов прямого захвата не только балканских, но и примыкавших к ним земель знаменовал его переход к экспансии политической.

Иосиф II в своем ответе на послание царицы обрисовал впечатляющую картину непосредственного включения в состав своей монархии всей западной части Балканского полуострова. Австрийский территориальный экспансионизм столкнулся с российскими планами образования по рубежам империи цепи национальных православных государств, хотя и зависимых от царизма. Переговоры заглохли, не увенчавшись каким-либо результатом. Но, как звено в разработке балканского курса внешней политики России, Греческий проект представляет чрезвычайный интерес[48].

Война 1787—1791 гг. принесла княжествам множество бедствий. Сперва на их землях появились турецкие войска в скромном числе (12 тыс.), но, как отмечает Шт. Штефанеску, вполне достаточным для того, чтобы грабить и опустошать страну[49]. К ним присоединился валашский господарь Николае Маврогени с отрядом разноплеменной и буйной наемной солдатни. Весной 1788 г. пожаловали австрийцы и временно заняли Яссы и Бухарест. Однако в августе турки и татары при поддержке Мавро-

inslav

гени почти вытеснили цесарцев из княжеств. В сентябре на сцене появилась Украинская армия П.А. Румянцева. В Яссах расположился российский штаб, а в гористой местности, в Романе — австрийский; разделительной линией между двумя армиями стала река Серет. Согласие между союзниками не существовало. Совет при высочайшем дворе высказался за превращение земель княжеств в "независимую область", создав тем самым "пространную бариеру" с Турцией, а заодно и с Габсбургской империей. Это позвлило бы не только отторгнуть Молдавию и Валахию от Турции, но и воспротивиться их захвату со стороны любезного союзника, кайзера Иосифа II. Предложение венского гофкригсрата — взять на себя оккупацию всей Молдавии, без участия в ней российских войск, было вежливо, но твердо отклонено: в Петербурге усмотрели в нем стремление союзника расположиться в княжествах всерьез и надолго.

Из Молдавии, опустошенной по очереди турками и австрийцами, в штаб Румянцева поступали просьбы о помощи. Летом 1788 г. фельдмаршал сообщал царице, что почти все бояре и члены дивана настроены антиавстрийски и "лучше хотят всем их имением жертвовать и навсегда в пределы вашему императорскому величеству принадлежащие удалиться, нежели под сим игом, кои они тяжчее турецкого себе воображают, оставаться"[50]. Румянцев пытался удалить союзников из княжества, но те пренебрегали его просьбой. В Яссах делами управлял консул Лашкарев с помощью дивана, в Романе — габсбургское командование; более того, в 1790 г. австрийская зона перешла в ведение гражданских властей Галиции, что отражало экспансионистские устремления Вены.

В российскую армию влилось немало молдавских волонтеров, по некоторым данным — до 6 тыс. человек. После отставки Румянцева свою резиденцию в Яссы перенес блистательный князь Г.А. Потемкин-Таврический. И начались балы, приемы, театральные представления. Фельдмаршал выписал в Яссы свой оркестр, хор, балетную труппу, предпринял издание первой в княжествах газеты на французском языке — "Курьер де Молдави". Распространились слухи, что светлейший собирается воссесть на трон проектируемой Дакии (что документально не подтверждено).

А "низам" было худо, содержание российской армии, сопровождавшееся злоупотреблениями местных властей, наживавшихся на поставках, ложилось на их плечи. Отношения с австрийским командованием сложились у Потемкина далеко не гладко, но война знала и примеры славного сотрудничества. Самый знаменательный из них — победа под Рымником, в которой русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова разгромили армию великого везира (11/21 сентября 1789 г.). После этого габсбургский фельдмаршал принц И. Саксен-Кобургский вступил в Бухарест и занял всю Валахию. Попытку диверсии со стороны господаря Н. Маврогени, переправившегося со своим отрядом из Болгарии через Дунай, австрийцы отбили; верный слуга Высокой Порты впал в немилость, его заподозрили в измене и предали казни.

После смерти Иосифа II его брат и преемник Леопольд, по многим причинам, изложенным выше[51], пошел на заключение сепаратного мира. После четырех лет тяжелейшей войны, порой грозившей перерасти в общеевропейскую, и достижения ее непосредственных целей, 28 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) был подписан Ясский договор между Россией и Турцией. Порта обязалась "свято, ненарушимо и точно исполнять" приня-

inslav

тые на себя обязательства по Кючук-Кайнарджийскому трактату и развивавшим его положения договоренностям. Тем самым подтверждался и статус Дунайских княжеств. Относительно Молдавии предусматривались дополнительные налоговые послабления. Она становилась непосредственной соседкой России[52]. Высокой Порте приходилось считаться с активностью российских консулов в Бухаресте и Яссах, не оставлявших население своими заботами.

Ничего похожего на успокоение в Османской империи не наступило. По соседству с Дунайскими княжествами на болгарских землях свирепствовали банды кирджалиев из турок, боснийцев, албанцев, татар, болгар, восставших против произвола местных властей, а заодно грабивших и опустошавших села и городки. Подняли голову местные правители-аяны. Среди них выделился сын янычарского военачальника Осман Пазванд-оглу, утвердившийся в важной дунайской крепости Видин. Его самоуправство дошло до того, что султан Селим III двинул против него войска. Пазванд отбил штурм Видина (1798 г.), посрамленный падишах решил приручить мятежного пашу милостями, и пожаловал Пазванду чин трехбунчужного паши (т.е. полного генерала). Но грабительские налеты продолжались, и Дунай не служил для банд преградою (основной свой "подвиг" они учинили в 1801 г., разграбив и предав огню город Крайову).

Внимание европейских дворов всерьез и надолго обратилось в сторону революционной Франции, балканское направление их политики утратило свой приоритет. Сполохи великой революции докатились и до Балкан. Конечно, было бы заблуждением преувеличивать здесь влияние ее идей. По западным меркам Румелия, как тогда именовалась европейская часть Османской империи, пребывала еще в глубоком Средневековье, и при почти поголовной неграмотности населения ознакомиться с достижениями Просвещения могли лишь единицы. Прочим предстояло одолеть букварь, перейти к псалтырю и т.д. Дунайским княжествам понадобилось полвека, чтобы "дорасти" до усвоения наследства революции. А пока что доходившие с Запада идеи привлекли внимание тончайшей прослойки просветителей, книжников, как их называли, принадлежавших почти без исключения к сословию крупных бояр. Печать классовой принадлежности отчетливо видна на их подходе к духовному наследию революции. Они восприняли идею народного суверенитета, придав ей антитурецкий характер, и прошли мимо социальной программы. Нашла отклик мысль Ж.-Ж. Руссо об общественном договоре, но в определенной интерпретации, иностранное господство считалось несовместимым с ним. Республиканская форма правления трактовалась ограничительно, как установление власти крупных бояр (а в XIX столетии — и средних). Признание частной собственности всех видов священной и неприкосновенной, уважение к ней, к личности и чести встречало единодушное одобрение, — все эти постулаты воспринимались как величайшая ценность в обстановке произвола, царившего в Османской империи. Положение о праве народа свергать угнетателей было практически проигнорировано, как и антицерковный настрой якобинцев, неуместный в странах, где православие являлось идейным знаменем освободительного движения. Что касается эгалитаристской концепции Ж.-Ж. Руссо, положений о демократизации социального строя и политического режима, то румынские мыслители той поры, выходцы из боярской среды, сохранили по сему поводу мертвое молчание.

inslav

С другой стороны, никаких призывов типа "мир хижинам, война дворцам" с берегов Сены до Балкан не доносилось. Сменявшие друг друга у власти фельяны, жирондисты, якобинцы наперебой заверяли султана Селима III в дружбе и глубоком пиететете перед исламом. Якобинский клуб отверг просьбу своих немногочисленных сторонников в Константинополе из числа иностранцев — признать основанное ими Народное общество своим филиалом. Имевшие к тому времени 200-летнюю историю связи Парижа со Стамбулом, обеспечивавшие Франции прочные экономические и политические позиции в Турции, ценились превыше всего[53].

Так что особых причин для тревоги по поводу проникновения "революционной заразы" в края близлежащие ни у самодержавия, ни у Габсбургом не существовало, по крайней мере, что касалось южных рубежей. С влиянием же проникавших в Дунайские княжества французских агентов российские консулы боролись вполне успешно. В марте 1795 г. Комитет общественного спасения предписал "гражданину Константину Стамати", которому надлежало утвердиться в Бухаресте или в Яссах, собирать сведения насчет "нынешнего состояния провинций Молдавия и Валахия и точные данные о соседних областях". Особо подчеркивалась задача сбора "информации о замыслах России и Австрии, передвижении и числе войск, состоянии умов жителей указанных провинций и окружающих турецких, австрийских, польских и русских" земель. В случае возникновения войны Стамати должен был везде, где только можно, твердить об "идентичности интересов и тесных связях, существующих между Французской республикой и Оттоманской Портой". Посланцу предписывалось "сблизиться с польскими патриотами" (эмигрантами, бежавшими в княжества после подавления восстания Тадеуша Костюшко).

Поколебать умы в Молдавии и Валахии Стамати не удалось. Он жаловался Комитету общественного спасения в Париже: "Хитрый Ласкаров (консул в Бухаресте Лашкарев. — *Авт.*), искуснейший интриган из греков, которого Россия напустила на турок, и его протеже, вице-консул в Молдавии, тоже грек, расставили капканы, чтобы избавиться от меня". Смысл длинных и путанных объяснений Стамати с начальством сводился к тому, что его разоблачили: "Секретный агент не может долго действовать, не будучи раскрыт под бдительным оком тех, кто заинтересован в том, чтобы раскрыть его замыслы". Как он ни скрывался, как ни скромничал, его "миссия немедленно стала известна". Пришлось удалиться[54].

Разумеется, суть дела заключалась не в злоключениях отдельного агента, а в том, что почва для восприятия "французских идей" на Балканах еще не созрела, и к тому же великая революция под знаменами оных идей пустилась во все тяжкие завоевания, унаследовав традиции "короля солнца" и далеко затмив Людовика XIV на этом пути. В 1798 г. Наполеон Бонапарт предпринял поход в Египет, и случилось то, что представлялось немыслимым — Турция оказалась в союзе с Россией.

Умственная элита Дунайских княжеств, при несомненном сочувствии ко многим идеям Просвещения, в плане внешнеполитическом не изменила ориентации на Россию. Этому способствовала их собственная социальная принадлежность, как и впечатляющая мощь Российского государства. Выбор отсутствовал. Существовала и определенная идеализация России, и не только среди крестьянской массы, верившей в православного царя, но и среди интеллектуалов. В княжествах появился румынский перевод

inslav

наказа Екатерины II комиссии по составлению нового свода законов, в котором она выступила в ореоле сторонницы просветительских идей. И уж если Вольтер утверждал: разум шествует по Европе, и его "хорошо понимают в Берлине, Москве, Копенгагене и Стокгольме", то извинительно было заблуждаться насчет дел в царской вотчине и просвещенным боярам княжеств.

В конце XVIII в. держава-покровительница занимала в отношении Молдавии и Валахии весьма деликатную позицию: Павел I вступил в союз с султаном Селимом III для борьбы с Наполеоном; раскачивать османскую ладью и поощрять мятежные настроения подданных-христиан не годилось. Отсюда — преподносимые им из Петербурга советы проявлять умеренность и долготерпение. Поступавшие с Балкан жалобы на обиды и притеснения относились к союзникам России — Австрии и Турции, с которыми следовало не портить, а укреплять отношения. В царских обращениях к балканцам появилась формула: "Мы не перестанем принимать участие в жребии вашем, поколику положение наше позволит"[55]. Павел уповал на то, что не в интересах султана омрачать отношения с ним. Он выражал уверенность, что Порта перестанет руководствоваться "прежними правилами лютости в рассуждении христиан" и сменит гнев на милость.

Великая задача освобождения выпала на долю XIX столетия.

[1] Краткая история Румынии. М., 1986. С. 68.
[2] Там же. С. 69.
[3] *Богословский М.М.* Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 507—508. См. также: Настоящее изд. С. 56.
[4] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 472—474; *Лещиловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопр. истории. 2001. № 2. С. 49; *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 132.
[5] *Bezviconi G.* Contribuţii la istoria relaţiiler româno-ruse. Bucureşti, 1962. P. 122.
[6] См. главу о культуре Дунайских княжеств.
[7] Настоящее изд. С. 57.
[8] Istoria României. Bucureşti, 1964. Vol. 3. P. 216, 217.
[9] Ibid. P. 217.
[10] См. гл. "Трагедия на реке Прут".
[11] Istoria României. Vol. 3. P. 348; *Stefanescu St.* Istoria româanilor din secolul ai XVIII-lea. Bucureşti, 1999. P. 37.
[12] *Barbulescu N.* et al. Istoria României. Bucureşti, 1998. P. 299.
[13] Istoria României. Vol. 3. P. 340, 348.
[14] См. гл. о культуре Дунайских княжеств.
[15] *Stefanescu St.* Op. cit. P. 31.
[16] Istoria României. Vol. 3. P. 473, 474. О войне 1735—1739 гг. см. 77—82.
[17] *Виноградов В.Н., Семенова Л.Е.* Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII — начале XIX в. // Балканские народы и европейские правительства. М., 1982. С. 21—22.
[18] *Соловьев С.М.* Сочинения. М.. 1993. Кн. 10. С. 420; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской политике, 1725—1739. М., 1976. С. 258; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 85.
[19] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 454; *Виноградов В.Н., Семенова Л.Е.* Указ. соч. С. 14.
[20] Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 134.
[21] Архив Государственного совета (АГС). СПб., 1869. Т. 1. Стб. 60—61; Век Екатерины II. С. 98; см. также гл.: Екатерина II и прорыв России на Балканы.
[22] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1994. Кн. 14. С. 445.
[23] *Виноградов В.Н., Семенова Л.Е.* Указ. соч. С. 35—36, 26—27.

inslav

[24] *Stefaneseu St.* Op. cit. P. 42.
[25] Письма и записки императрицы Екатерины II к графу Н.И. Панину. СПб., 1863. С. 113.
[26] АГС. Т. 1. Стб. 50.
[27] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 459—461.
[28] Письма и записки... С. 115—116.
[29] Век Екатерины II. С. 101.
[30] Русский архив. 1880. Кн. 3. С. 246.
[31] *Семенова Л.Е.* Отношения Дунайских княжеств с Османской империей: (К вопросу о капитуляциях) // Новая и новейшая история (ННИ). 1986. № 5. С. 70.
[32] Там же. С. 70, 74.
[33] *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 435—346; Histoire de la Valachie // Kogalniceanu M. Opere. Bucureşti, 1946. T. 1. P. 476—479.
[34] Histoire de la Valachie. P. 479.
[35] Ibid. P. 480—486.
[36] *Vintu C., Florescu G.* Unirea Principatelor in lumina actelor fundamentale şi constitutionale. Bucureşti, 1965. P. 41—42.
[37] *Семенова Л.Е.* Отношения Дунайских княжеств... С. 76; *Семенова Л.Е.* Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV — первая треть XVI в.). М., 1994. С. 35—55.
[38] *Iorga H.* Histoire des relations russo-roumaine. Jassy, 1917. P. 178; *Stefanescu St.* Op. cit. P. 44.
[39] *Vintu L., Florescu G.* Op. cit. P. 41—42.
[40] Rapirea Bucovinei // Kogalniceanu M. Opare. P. 703, 695, 708.
[41] *Giurescu C., Giurescu D.* Istoria romanilor. Bucureşti, 1975. P. 500.
[42] *Stefanescu St.* Op. cit. P. 48—49.
[43] Ibid. P. 21; *Kogalniceanu M.* Opere. P. 488—489.
[44] *Kogalniceanu M.* Opere. P. 490.
[45] Ibid. P. 491.
[46] Ibid. P. 495—497.
[47] О Греческом проекте см.: Настоящее изд. С. 140—142.
[48] *Стегний П.В.* Еще раз о Греческом проекте Екатерины II // ННИ. 2002. № 4.
[49] *Stefanescu St.* Op. cit. P. 51.
[50] Век Екатерины II. С. 248.
[51] См.: Настоящее изд. С. 153—154.
[52] *Юзефович Т.П.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 41—49; Подробный анализ отношений России с Дунайскими княжествами в конце XVIII в. см.: *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России. Кишинев, 1975.
[53] *Vinogradov V.N.* Quelques considerations sur l'impact de la revolution française dans les Balkans // Etudes balicaniques. 1991. N 1.
[54] Sud-Estul European in vremea revoluţiei francese. Bucureşti, 1994. P. 142.
[55] См.: Настоящее изд. С. 171.

inslav

Социально-экономическое развитие Валашского и Молдавского княжеств в XVIII веке

Начало XVIII в. стало для империи османов временем экономической деградации, связанной с территориальными потерями и непомерными расходами на ведение бесконечных войн. Издержки своих поражений Порта перекладывала в первую очередь на плечи подвластных народов. Для Молдавии и Валахии ухудшение экономического состояния Османской империи обернулось усилением зависимости от султана и возрастанием многочисленных денежных и натуральных платежей и повинностей. Подсчет сумм всех известных платежей княжеств в султанскую казну, как официальных, так и неофициальных, показывает, что если на протяжении XVII в. их объем был в основном стабильным и равнялся в переводе на золото примерно 100 тыс. дукатов в год, то в 1694 — 1703 гг. эта сумма удвоилась, достигнув 218 тыс. дукатов. В середине XVIII в. общая сумма платежей княжеств в пользу Порты равнялась уже 350 тыс. дукатов[1].

Особенно отрицательно на экономике княжеств сказалось установление власти господарей-фанариотов с 1711 г. в Молдавии, в Валахии — с 1716 г., что привело к вытеснению системы выборности господарей местным боярством, с последующим утверждением Портой, системой прямого назначения султаном. Тяжелым бременем для княжеств стала уплата взносов за назначение и периодическое утверждение господарей на престоле в Яссах и Бухаресте (большой и малый мукарер). В начале XVIII в. в Молдавии общая сумма, уплачиваемая при новом назначении на престол, с учетом официального взноса и взяток турецким сановникам, составляла около 300 тыс. лей, а ежегодный малый мукарер — 25 тыс. лей. Но уже к середине столетия только малый мукарер Молдавии достиг 150 тыс. лей, а Валахии — 250 тыс. лей. За период между 1730 — 1763 гг. общая сумма, внесенная за валашский престол, составила 8 млн лей[2].

Стремясь получить бóльшие суммы денег от продажи престолов, Порта часто сменяла господарей в княжествах, не дожидаясь окончания предусматривавшегося 3-летнего срока правления. Причиной смены зачастую становилось обещание того или иного конкурента уплатить больше за получение престола. За период между 1711 — 1769 гг. в Молдавии произошло 16, а в Валахии — 20 смен господарей.

Возрастала и сумма харача, основной ежегодной дани. В начале XVIII в. султан увеличил сумму харача только для Валахии, поскольку Молдавия в результате польско-османских войн в конце XVII в. оказалась разоренной. К 1703 г. эта дань составила 92 тыс. золотых по сравнению с

inslav

54 тыс. 600 золотыми, уплачивавшимися Порте в конце предшествующего столетия[3].

Часто в счет харача княжества поставляли по сниженным (монопольным) ценам зерно, дефицит в котором Османская империя испытывала в результате территориальных потерь, прекращения ввоза хлеба из Египта и экономического упадка ряда сельскохозяйственных районов.

Выросли с начала XVIII в. и трудовые повинности княжеств в пользу Порты, в частности работы по ремонту дорог и крепостей, доставка к ним продовольствия и грузов военного назначения. Связано это было с тем, что территории Валахии и Молдавии все чаще оказывались театром военных действий или прифронтовым районом. Так, в 1715 г. Валахия предоставила 1230 упряжек для османской армии в связи с кампанией в Морее, а в 1724 г., готовясь к войне с Россией, Порта отправила в крепость Видин 1 тыс. повозок и по 1 тыс. конных и пеших валашских крестьян для выполнения различных вспомогательных работ[4].

Рост экономической эксплуатации княжеств приводил ко все бóльшему вмешательству Стамбула в их внутренние дела. За деятельностью диванов в Яссах и Бухаресте стали наблюдать султанские представители-эфенди, хотя официально их функция заключалась в решении споров между мусульманским и христианским населением княжеств[5].

Выполнение господарями требований Порты, стремление их возместить расходы, связанные с получением престола, ложились непосильным налоговым бременем на население княжеств. Податной гнет и военные разорения приводили к бегству их жителей. Многие села пустели, плодородные земли оказывались заброшенными[6]. В ходе войн Османской империи с Речью Посполитой и Австрией (конец XVII в., 1717—1718, 1735—1739 гг.) особенно пострадали северные уезды Молдавии. Показательно, что в 1591 г. здесь проживало около половины населения княжества, а в 1747 г. здесь осталась лишь 1/3 жителей[7]. Численность населения падала и в Валахии, о чем свидетельствуют данные австрийской администрации периода войны 1735—1739 гг., а также цифры податных переписей, относящихся к 1768—1774 гг.[8] Сокращение числа жителей княжеств происходило и за счет эмиграции, главным образом на Южную Украину, в Трансильванию, в восточные воеводства Речи Посполитой.

Запустение сел заставляло господарей привлекать новых поселенцев путем предоставления налоговых льгот, что приводило к возвращению местных беженцев, а также притоку новых жителей из-за Дуная[9]. Однако усиление податного гнета вызывало повторные побеги.

Сокращение людских ресурсов княжеств отрицательно сказывалось на развитии их экономики, в первую очередь сельского хозяйства, и социальных отношений. Даже самые плодородные районы оставались слабо заселенными, большие участки не засевались, орудия труда не совершенствовались. Скотоводство продолжало преобладать над земледелием. Но рост налогов на скот, падение уровня экспорта на европейский рынок, военные разорения обусловили снижение поголовья скота в княжествах, включая рабочего, и, как следствие, привело к упадку техники земледелия.

На территориях предгорий и на плоскогорье господствовала животноводческо-земледельческая система. Районы виноградарства и садоводства представляли редкие очаги интенсивного земледелия и промыслов[10]. Зерно

inslav

производилось главным образом для внутреннего потребления и лишь небольшая его часть шла на вывоз[11]. В то же время в Валахии лучше использовались пахотные земли, больше собиралось зерна. В отдельные урожайные годы, особенно в начале XVIII в., зерно экспортировалось в австрийские владения[12]. Основными зерновыми культурами были пшеница, рожь, просо, ячмень. К середине столетия ведущей среди них становится кукуруза.

Доходной отраслью являлись виноградарство и производство вина, которые были сосредоточены главным образом в вотчинах крупных феодалов, особенно в монастырях[13]. Значительное место занимало и пчеловодство, также приносившее казне большие доходы. Развитие этой отрасли в вотчинных хозяйствах стимулировали льготы и частичное освобождение феодалов от налогов. Распространение пчеловодства в крестьянских хозяйствах затруднялось взиманием двойной десятины с ульев (в пользу феодала и государства)[14].

В целом в первой половине XVIII в. упадок охватил основные отрасли сельского хозяйства Молдавии и Валахии. Только в третьей четверти столетия появились признаки частичного преодоления застоя, что обусловливалось жизнью населения в условиях мира, ростом спроса на сельскохозяйственную продукцию княжеств на европейском рынке. Стали осваиваться новые земли, расширился севооборот, вводились новые культуры. Но в крестьянских хозяйствах мало что изменилось — препятствием являлось сохранение в 50—60-х годах чрезвычайно высокой нормы феодально-государственной эксплуатации.

Экономический упадок первой половины XVIII в. сказался и на состоянии городов, особенно в Молдавии. Многие молдавские города, теряя жителей, приобретали черты сельских поселений. Показательно, что в столице княжества Яссах в первой половине XVIII в. проживало 10—15 тыс. жителей, в то время как в середине предшествующего столетия их насчитывалось 35—48 тыс.[15] Запустели такие города, как Байя, Бырлад, Васлуй, Котнарь и др.[16] В Валахии, где экономический упадок проявился позже и слабее, чем в Молдавии, города пострадали в меньшей мере. Но и здесь происходило снижение численности их населения и запустение некоторых городов[17].

Все это не могло не сказаться на состоянии ремесленного производства. В Молдавии в первой половине XVIII в. происходило сокращение числа ремесленных специальностей в области строительства, обработки металлов и ткацкого дела. Несколько иной была эволюция ремесленного производства в менее затронутой экономическим упадком Валахии. До второй трети столетия здесь углублялся процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, росло число ремесленных специальностей. В Бухаресте появились новые улицы ремесленников, носившие названия отдельных специальностей[18]. Однако со второй трети XVIII в. и здесь начался застой в ремесленном производстве. Правда, некоторое его оживление в княжествах проявлялось в отраслях, связанных с потребностями господствующего класса в предметах роскоши, а беднейших слоев населения — в дешевых ремесленных изделиях. Серьезным препятствием на пути развития ремесел в княжествах, помимо высоких государственных налогов и пошлин, являлся также беспрепятственный ввоз на их территорию более дешевых ремесленных изделий из соседних стран (Австрии, Саксонии, Пруссии, Польши и др.)[19].

inslav

Ремесленное производство молдавских и валашских городов существовало в характерных для Средневековья цеховых рамках. Каждый цех имел свой устав, определявший организацию труда, порядок сбыта готовой продукции, прием новых мастеров, подмастерьев и учеников. Внутри цехов происходила имущественная дифференциация. Большинство ремесленников работало на заказ. Только незначительная часть состоятельных мастеров свободно продавала свои изделия на городских торгах, выступая и в роли скупщиков.

Наряду с городским существовало вотчинное и сельское ремесло. Вотчинные ремесленники обслуживали нужды барского хозяйства. Среди них были и наемные люди, работавшие за денежное вознаграждение. Однако применение вольнонаемного труда ремесленников в вотчинном хозяйстве княжеств было до последней четверти XVIII в. спорадическим явлением[20]. Потребности сельского населения удовлетворяло в основном домашнее ремесло.

Самым значительным и древним промыслом Молдавии и Валахии был соляной. На соляных копях работали и свободные крестьяне за плату, но главной рабочей силой здесь были феодально-зависимые крестьяне, отбывавшие барщину. Добыча соли составляла монополию господарей, которые были заинтересованы в стабильности доходов от промысла.

В XVIII в. в Дунайских княжествах появилось несколько мануфактур, основанных на труде зависимых крестьян. Они были открыты светскими и духовными феодалами при содействии господарей и рассчитаны на удовлетворение потребностей господарского двора и его канцелярии в бумаге, стекле, сукне и т.д. В 80-е годы появилась суконная мануфактура под Бухарестом. Тогда же в столице возникло предприятие по производству свечей. В молдавском уезде Бакэу в 1740 г. начала действовать стекольная мануфактура. В Яссах с 1752 г. известно предприятие, производившее свечи, а в предместье города в 60-е годы была создана суконная мануфактура[21].

Городские и сельские ремесленники сбывали свою продукцию на ярмарках и торгах, где продавали свои товары и крестьяне, и крупные землевладельцы. Видное место во внутренней торговле принадлежало продукции животноводства. Торговля зерном, более значительная в Валахии, занимала в ярмарочном хозяйстве скромное место. Основные денежные доходы вотчинникам приносила торговля вином[22]. Широко распространенным товаром на ярмарках были также мед, воск, изделия сельского ремесла.

Принудительные поставки продовольствия в Турцию, общий упадок производства обусловили в первой половине XVIII в. сужение внутреннего рынка. Крестьяне, нуждавшиеся в деньгах для уплаты высоких государственных налогов, вынуждены были нередко сбывать на рынке не только излишки, но и часть необходимого продукта. Это приводило к тому, что большинство сельских жителей не могло приобретать городские ремесленные изделия, ограничиваясь предметами домашнего ремесла. В связи с этим в некоторых городах перестали проводиться еженедельные торги. Все же многие ярмарки сохранились, а в 50 — 60-е годы появились и новые, преимущественно в тех городах, где ранее существовали постоянные рынки. В Валахии в это время пользовались известностью ярмарки под Бухарестом, Кымпулунгом, Бузеу. Особо популярной была ярмарка в Крайове. В Молдавии, наряду с существовавшей ярмаркой около Ясс, в середине XVIII в. возникли новые ярмарки у Ботошан, Сирета и др.[23]

inslav

На развитии внутренней торговли отрицательно сказывалось предоставление господарями льгот иностранным купцам в ущерб местным торговцам. Иностранцы освобождались от государственных повинностей и платили более низкие пошлины. В городах проживало немало турецких купцов, являвшихся видными поставщиками товаров[24].

Тяжело отражалась на состоянии внутреннего рынка передача многих городов во владение светским и духовным феодалам, которые требовали с горожан, помимо установленных казной государственных повинностей, ряд дополнительных налогов и пошлин. Феодал имел исключительное право на торговые и ярмарочные сборы, продажу определенных видов товаров; с горожан, занимавшихся сельским хозяйством, он собирал десятину, заставлял выполнять барщинные работы[25].

Но главным тормозом была усиливавшаяся в XVIII в. османская монополия на экспорт продуктов сельского хозяйства. Особенно страдал внутренний рынок в результате распоряжений господарей, запрещавших местным купцам торговать зерном и скотом, пока не будут выполнены требования Порты. Наиболее тяжелыми для княжеств стали возросшие поставки в Стамбул зерна[26]. По монопольным ценам в Турцию поставлялись также скот, мед, воск, животные жиры, масло и другие продукты скотоводства. Кроме того, сельскохозяйственные товары из княжеств поступали в Османскую империю в результате торговых операций турецких купцов, привозивших в Молдавию и Валахию текстильные товары, изделия из металла, кофе, рис, восточные пряности.

Часть товаров, не подлежавших или лишь частично подлежавших монопольной закупке, вывозилась и в другие страны. Посредниками в экспорте молдавских и валашских товаров в Центральную и Западную Европу были Польша и Трансильвания. Оживление торговых связей с Трансильванией относится к середине столетия, когда валашские господари снизили пошлины на трансильванские товары. Греческие купеческие кампании Брашова и Сибиу вели постоянную торговлю с Валахией. В 40—60-е годы наладился торговый обмен Молдавии с Польшей и Западной Украиной. Благодаря армянским купцам из польских восточных воеводств установились торговые связи между Молдавией и Центральной Европой[27].

Торговля между самими княжествами оставалась по-прежнему незначительной. В Валахию ввозилась главным образом молдавская водка, из Валахии в Молдавию — грубое сукно, стекло, иногда зерно.

В третьей четверти XVIII в. вырос торговый оборот княжеств с Австрией, Пруссией, Россией и Украиной, установились связи с Англией, Францией. Крупный рогатый скот стал отправляться в первую очередь в Силезию, в Австрию и Пруссию княжества экспортировали лошадей. В экспорте Молдавии и Валахии на Украину и в Россию преобладали вино, сушеные фрукты, орехи, воск. Импорт княжеств из названных стран состоял главным образом из предметов роскоши и некоторых ремесленных товаров. Из Пруссии и других немецких земель ввозились металлические изделия, зеркала, часы и др. Дорогие ткани, сукно, стекло, посуда поступали из Австрии. Предметы роскоши привозились из Венеции, Франции, Англии, а также Австрии. Из России и с Украины в Молдавию и Валахию везли меха, шкуры, железные изделия, полотно и др.[28]

inslav

Развитие внешней торговли княжеств стимулировали проходившие через их территорию торговые пути, связывавшие Турцию с Польшей, Россией, Украиной, Австрией и другими странами Западной Европы. Транзитная торговля приносила казне княжеств крупные таможенные доходы. Но накопления торгового капитала здесь не происходило. Деньги из княжеств по-прежнему уходили в виде дани Порте, вывозились иностранными купцами, тратились на роскошную жизнь "верков".

Следствием возросшей экономической эксплуатации княжеств османами стало дальнейшее укрепление феодально-государственных отношений, сокращение числа крупных боярских и церковно-монастырских вотчин, являвшихся к началу XVIII в. господствующими формами феодального землевладения. Одновременно шел процесс разорения мелких вотчинников, увеличения удельного веса мелкого землевладения[29]. Снижались вотчинные доходы, хотя отдельные монастырские владения в Валахии сохраняли неплохой уровень доходов[30]. Светские феодалы предпочитали сдавать свои вотчины в аренду, главным образом иностранцам; в деревне появилась прослойка арендаторов-посредников.

Преобладающим видом ренты на всем протяжении XVIII в. оставался натуральный оброк — десятина (дижма). Барщина применялась преимущественно при сенокошении, доставке дров, дворовых работах и реже при вспашке земли[31]. К середине столетия значительное распространение получил перевод барщины и десятины на деньги, что не являлось, однако, признаком разложения феодальных отношений. Коммутация владельческих повинностей крестьян диктовалась в первую очередь продолжавшимся застоем в ценах на продукты сельского хозяйства и сокращением вотчинного производства в целом. В 50—60-е годы в условиях частичного преодоления экономического упадка наметился рост вотчинного производства. Более заметную роль в хозяйстве вотчинников стал играть наемный труд крестьян[32]. Наметившиеся тенденции в аграрных отношениях в княжествах отражали процесс их приспособления к происшедшим изменениям в формах присвоения прибавочного продукта, т.е. к росту государственных повинностей, вызванному усилением османского податного гнета.

Государственные подати были основной формой присвоения прибавочного продукта централизованным путем. В первые десятилетия XVIII в. их насчитывалось несколько десятков. С населения в казну собирали подушный налог и налог с имущества, взимались различные пошлины, штрафы, сборы в пользу должностных лиц и прочие платежи. Крестьяне платили многочисленные натуральные поимущественные подати и выполняли отработочные повинности в пользу государства (заготовка леса, косьба, работа на господарских виноградниках и др.). Государственные обязательства крестьян во второй половине XVIII в. стали в 6—8 раз превосходить частновладельческие[33].

В целях обеспечения доходов господари принимали меры к упорядочению системы налогообложения. С начала века в княжествах была введена система взимания налогов — рупта, заключавшаяся в объединении части или всех налогов в единую сумму, уплачиваемую селом казне в несколько приемов. Установленная для села общая сумма рупты распределялась среди жителей в соответствии с их имущественным положением и взималась четыре раза в год (по "четвертям"). Но уже в последующие годы с ростом налогового бремени количество "четвертей" было доведено до шести[34].

inslav

За раздел централизованной ренты шла борьба между местным боярством и пришлыми боярами-фанариотами, выливавшаяся нередко в открытые столкновения, в которых участвовали и широкие слои населения. Одновременно нарастал протест народных масс против усиливавшегося государственного податного гнета: крестьяне отказывались от уплаты налогов, бежали в соседние страны[35]. Особенно широкое распространение в XVIII в. в Дунайских княжествах получило движение гайдуков ("разбойников"), объединявшее вооруженные отряды крестьян, которые нападали на барские усадьбы, представителей администрации, сборщиков налогов и т.д. В действиях гайдуков сочетался протест против социального угнетения с выступлением против османского господства и его носителей — фанариотов. Наиболее ярко эта черта гайдуцкого движения проявилась во время военных действий русских войск на территории княжеств в ходе войн России с Турцией[36].

Угнетенные слои городского населения вели борьбу против богатой верхушки городов, купцов, ростовщиков, цеховых мастеров. К обострению этой борьбы приводила отмеченная выше передача некоторых городов во владение отдельным боярам и монастырям[37].

Недовольство возрастанием фискального бремени и злоупотреблениями сборщиков налогов выливалось в народные восстания. Нередко толчком служили выступления против господарей-фанариотов местных бояр, стремившихся направить против них гнев народных масс. Наиболее крупным из таких движений было восстание 1717 г. в Молдавии, когда недовольство бояр правлением господаря Михаила Раковицы спровоцировало вооруженные действия крестьян и горожан, надеявшихся избавиться от ненавистного господарского гнета[38]. Подобные выступления происходили в молдавских городах Роман, Бакэу, Галац и Фокшаны во время русско-турецкой войны 1736—1739 гг.[39] Недовольство разорительными государственными поборами во время правления Константина Раковицы (1753—1756) вызвало восстание населения Бухареста. В 1765 г. здесь произошли волнения горожан, требовавших снижения податей[40].

Экономические трудности и нарастание недовольства крестьян и горожан заставили господарей и боярство пойти на перемены в фискальных и аграрных отношениях. Через введение ряда новых налоговых и аграрных законов была проведена регламентация и законодательное оформление форм присвоения прибавочного продукта с целью преодоления хозяйственного упадка в княжествах.

Константин Маврокордат, будучи в середине XVIII в. в разные годы то валашским, то молдавским господарем, провел серию реформ, касавшихся организации структуры господствующего класса, системы местного управления, усиления контроля над судом и церковью. Рядом актов служилое боярство, существовавшее за счет отчислений от централизованной ренты, в зависимости от занимаемой должности было разделено на три ранга, каждый из которых имел определенные доходы и привилегии. Потомки бояр первых двух рангов составляли сословие, называемое нямурь, третьего ранга — мазылы. Бояре, получившие высшие чины, освобождались от подушной подати. Мазылы — потомки бояр, имевших низшие должности, — также стали освобождаться от подати и передавать по наследству свое звание, дававшее право на привилегии при уплате нало-

inslav

гов. Введение такого положения должно было приостановить разорение потерявших должности светских феодалов[41].

Рядом распоряжений регламентировалась та часть централизованной ренты, которая шла в пользу служилого боярства. Были приняты меры к строгому определению размера отчислений от налогов в пользу фискального аппарата. Для каждого должностного лица устанавливалось жалованье, которое выплачивалось из средств, получаемых за счет взимания с каждого налогоплательщика дополнительных сумм на содержание фискального аппарата. К. Маврокордат законодательно оформил распространенную в княжествах систему эксплуатации крестьян-скутельников, освобожденных от государственных налогов и обязанных взамен выполнять повинности в пользу должностного лица при сохранении всех обязательств перед вотчинником, т.е. владельцем земли. Для каждого представителя феодально-государственной иерархии устанавливалось определенное число скутельников. Таким образом, происходило разделение ренты между землевладельцем и служилым боярином, превращая скутельничество в переходную форму от частновладельческой к централизованной системе эксплуатации крестьян[42].

Обеспокоенные массовым бегством крестьян, господари были заинтересованы в укреплении платежеспособности крестьянского двора и обеспечении стабильности государственных доходов. С этой целью уложениями К. Маврокордата 1746 г. в Валахии и 1749 г. в Молдавии отменялась личная зависимость крестьян от феодала. Бывшие крепостные переходили в ряды феодально-зависимого населения. Впредь крестьяне, сидевшие в феодальных вотчинах, обязаны были выполнять барщину 24 дня в году в Молдавии и 12 дней — в Валахии. В обоих княжествах крестьяне должны были вносить вотчиннику десятину со всего, что производилось в их хозяйстве[43].

В то же время усилилась зависимость крестьян от государства. Они лишались права покидать то село, в котором были зарегистрированы податной переписью как налогоплательщики. Переход мог быть осуществлен только с разрешения властей[44]. К податному населению была причислена и бóльшая часть военно-служилого сословия.

К. Маврокордат ввел изменения в налогообложение населения. Отменив ряд налогов, он увеличил размер подворной подати — бира, которая по системе рупта должна была взиматься деньгами 4 раза в год[45]. От уплаты бира освобождались бояре, монастыри, священники. Уже при Маврокордате и его преемниках количество четвертей, взимаемых с населения в счет бира, увеличилось, были восстановлены некоторые старые налоги. Так, в Валахии в 1770 г. собирали до 20 четвертей в год[46]. Изменения, внесенные реформами К. Маврокордата в систему налогообложения, усилили государственные формы эксплуатации податного населения княжеств.

Одновременно в середине XVIII в. было унифицировано и еще больше подчинено центральной власти уездное управление. Административные, фискальные и судебные функции должны были выполнять поставленные во главе каждого уезда два исправника, имевшие в своем распоряжении по нескольку служилых людей во главе с капитанами. Сельская администрация, регулировавшая взаимоотношения государственной власти и землевладельцев с крестьянами, состояла в Валахии из пыркалабов, а в Мол-

inslav

давии из ворничеев и ватаманов, функции которых к середине века полностью слились, что привело к ликвидации института ватаманов.

В административном устройстве Валахии некоторые региональные особенности сохраняла Олтения. В период господства здесь Габсбургов (1718—1739) главой администрации был великий бан, при котором существовал совет (диван) из четырех бояр. Резиденция бана располагалась в г. Крайове. Представители администрации назначались на три года и являлись высшей судебной инстанцией. В задачи центрального управления входило сохранение общественного порядка и распределение государственных повинностей по уездам. После ликвидации австрийской власти в Олтении роль великих банов стала падать, особенно после назначения с 1761 г. второго соправителя провинции — наместника Крайовы. С введением института наместничества автономия Олтении в составе Валашского княжества постепенно была сведена на нет[47].

На определенные территории княжеств юрисдикция молдавских и валашских господарей не распространялась. Это были крепости Джурджу, Турну, Брэила и др. С расположенными вокруг них землями они представляли собой турецкие райи, которые вместе с провинцией Добруджа составляли Силистрийский пашалык. В судебно-административном отношении его территория делилась на округа, находившиеся под юрисдикцией кадиев. В 1713 г. к Силистрийскому пашалыку была присоединена Хотинская райя.

Подавляющая часть жителей Силистрийского пашалыка состояла из местного населения, турки жили главным образом в городах, а также являлись держателями тимаров и зиаметов на правах условного землевладения, будучи обычно выходцами из янычарского корпуса или военачальниками гарнизонов местных крепостей. С населения в принудительной форме требовали в возрастающем количестве продовольствие для Стамбула и для снабжения местных гарнизонов. Жители райя постоянно привлекались для работ по ремонту и реконструкции крепостей. Под видом сыска беглых крестьян османы часто вторгались на территории близлежащих валашских и молдавских уездов, забирали у жителей скот, облагали их денежными поборами[48].

Реформами К. Маврокордата были внесены изменения и в судопроизводство княжеств. При господарском дворе учреждался специальный институт судей, назначавшихся из великих бояр, а также устанавливалось письменное ведение дел в ходе судебных разбирательств[49].

Реформы коснулись и церкви. В XVIII в. в Молдавии и Валахии существовали по одной митрополии и по три епископства. Сучавской, или Молдавской, митрополии подчинялись Романское, Хушское и Рэдэуцкое епископства, а Бухарестской, или Угровлахийской, — епископства Рымника, Бузэу и Арджеша. Бухарестская митрополия распространяла свою власть и на православную церковь Трансильвании. Митрополиты были подчинены юрисдикции константинопольского патриарха, пользуясь при этом широкой автономией. Однако фактически власть над церковью осуществляли господари. С согласия господаря и совета бояр епископы выбирали митрополитов, которые затем утверждались патриархом. Распоряжением от 1761 г. К. Маврокордат ограничил отчисления от дохода валашских монастырей зарубежным православным монастырям 5-ю %. Устанавливался контроль над деятельностью игуменов, которые должны были

inslav

отчитываться перед господарем; предписывалось также их избрание из среды местных монахов[50].

Итак, с установлением правления господарей-фанариотов произошло дальнейшее ухудшение социально-экономического положения Молдавии и Валахии в системе Османской империи. Порта, стремясь покрыть все возраставший финансовый дефицит империи, увеличивала взимавшиеся с княжеств подати. Следствием возрастания османских экономических требований было усиление государственного податного гнета, ставшего причиной экономического спада в княжествах. Проведенная в середине XVIII в. К. Маврокордатом серия реформ представляла попытку регламентации и законодательного оформления форм присвоения прибавочного продукта в условиях возрастания централизованной ренты с целью преодоления хозяйственного упадка в княжествах.

* * *

В условиях наметившегося в третьей четверти XVIII столетия преодоления упадка в экономике Молдавии и Валахии все более отчетливо проявлялись две противоположные тенденции — зарождение элементов капиталистических отношений и дальнейшее развитие феодальных форм хозяйства. Вторая тенденция на протяжении рассматриваемого времени оставалась преобладающей, чему способствовало сохранение господства Османской империи. Серьезным препятствием на пути развития капиталистического уклада была торговая монополия Порты на экспорт из княжеств зерна и скота, а также предоставление ею торговых привилегий иностранным купцам на территории княжеств.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. и изданные султаном в том же году под давлением русской дипломатии хаттишерифы, освободив Молдавию и Валахию от ряда тяжелых податей и повинностей, ограничив турецкую торговую монополию и восстановив ряд утраченных княжествами прав политической автономии, создали определенные условия, необходимые для прогресса их экономики и хозяйства (см. с. 131—132).

Зафиксированная в Кючук-Кайнарджийском договоре свобода торгового судоходства по Черному морю и Дунаю способствовала вовлечению княжеств в сферу международного товарооборота, что стимулировало зарождение элементов капиталистического уклада. В княжествах этот процесс проявлялся в росте товарно-денежных отношений, проникновении их в сельское хозяйство, в углублении общественного разделения труда и в росте городов, появлении новых форм промышленного производства — простой кооперации и мануфактуры. Но развитие этих явлений сильно сдерживалось османским господством в княжествах, обусловившим специфику процесса первоначального накопления капитала, который ограничивался сферой торговли и ростовщичества.

Расширившиеся после 1774 г. возможности сбыта сельскохозяйственной продукции вызвали рост зернового производства, заинтересованность в котором проявляли не только господари, но и Порта, скупавшая значительную часть урожая. В конце XVIII в. господари издавали распоряжения главам уездов силой заставлять крестьян расширять посевы зерновых, особенно пшеницы[51]. Помимо пшеницы основной посевной культурой в княжествах становилась кукуруза; сеяли здесь также рожь, ячмень, овес, про-

inslav

со, гречиху. По темпам роста к концу столетия первенствовала пшеница[52]. Значительное место в хозяйстве занимали бахчевые культуры, горох, фасоль. Сравнительно большое распространение получили виноградарство и виноделие. Вино изготовлялось почти во всех крестьянских хозяйствах, но монополия на его продажу принадлежала боярам и монастырям.

В вотчинах светских и духовных феодалов росло производство товарного зерна. Приспосабливаясь к запросам рынка, бояре расширяли посевные площади, при этом усиливалась вотчинная эксплуатация крестьян[53]. В некоторых вотчинах использовался наемный труд, но в основном при обработке виноградников и лишь в незначительной степени в зерновом хозяйстве.

Главной отраслью сельской экономики и после 1774 г. оставалось животноводство[54]. Современники, отмечая эту его роль, ссылались и на отсталость земледелия, его низкую культуру. В. Бестужев-Рюмин в записке об экономическом положении Молдавии и Валахии в 1812 г. писал, что при "всем множественном количестве земли... оная, кроме виноградных насаждений, владетелю денежного доходу не приносит и почти ли не вся впусте остается"[55].

Но и животноводство, как правило, велось экстенсивно. Лишь в крупных боярских вотчинах заготавливались запасы кормов и устраивались постоянные загоны для скота. Большинство вотчинных и крестьянских хозяйств держали скот на подножном корму почти круглый год, из-за чего часто случались падежи, особенно зимой. И все же в последней четверти XVIII в. поголовье скота постепенно росло[56]. Наиболее прибыльным при экстенсивности отрасли было овцеводство, особенно распространенное в Валахии. Шерсть являлась одним из основных предметов торговли на рынках в самих княжествах и в больших количествах вывозилась за границу.

После 1774 г. отмечался прогресс в развитии ремесленного производства, углублялась его специализация и на селе, и в городе. Сельское ремесло и домашние промыслы были связаны главным образом с переработкой сельскохозяйственной продукции, выделкой кожи, изготовлением одежды, обуви, кузнечным делом, строительными и кровельными работами и т.д. Происходила специализация жителей сел, районов по производству определенных изделий и предметов домашнего ремесла, росло число специальностей среди сельских ремесленников[57]. По мере роста производства некоторые отрасли сельского ремесла переходили к работе на рынок, в связи с чем появлялись посредники-скупщики готовой продукции, подчинявшие себе мелких ремесленников[58]. Часть сельских ремесленников была занята в боярских хозяйствах на работах по обслуживанию мельниц, сукновален и винокурен, по ткачеству, обработке металла и дерева. Часто вотчинники привлекали ремесленных мастеров за плату[59].

Основными центрами, где сосредоточивались ремесленное и мануфактурное производство, были города, в которых сохранились цехи. Увеличение количества цехов было одним из показателей роста городского населения. В 1776 г. в Яссах насчитывалось 33 цеха (швейников, сапожников, пекарей, мясников, ковровых дел мастеров, плотников, каменщиков и др.). В конце XVIII в. появились новые цехи — красильщиков, извозчиков и др. К этому времени в Бухаресте насчитывалось 40 цехов. Существовали они в Бырладе, Ботошанах, Галаце и других городах[60].

inslav

Мануфактуры насчитывались единицами даже в последние десятилетия XVIII в. Их создание тормозилось недостатком капитала, уходившего в Турцию, и, как следствие, замедленным процессом первоначального накопления. Первые мануфактуры и большие мастерские возникали не путем кооперации мелких ремесел, а создавались крупными боярами при поддержке господарей или их окружения главным образом с применением принудительного труда зависимых крестьян. Работавшие на этих предприятиях крестьяне освобождались от уплаты государственных податей и налогов. Владельцы мануфактур обязаны были платить государству компенсацию за предоставление рабочей силы. К работе на предприятиях привлекались также осужденные за долги и разные проступки женщины, использовался и детский труд[61].

К наемному труду прибегали редко. В качестве вольнонаемных привлекались иностранные квалифицированные специалисты, составлявшие, однако, незначительную часть от общего числа работников. Малопроизводительный принудительный труд делал такие предприятия нерентабельными, и к началу XIX в. они все чаще уступали место основанным на наемном труде мануфактурам, которые открывали в княжествах иностранные предприниматели, купцы, ростовщики, представители разбогатевшей цеховой верхушки.

К концу XVIII в. в Валахии действовали две суконные мануфактуры, одна бумажная и несколько стекольных мастерских. В это же время в Молдавии работала мануфактура по производству сукна, стекольная мастерская и судоверфь в Галаце[62].

В рассматриваемый период в княжествах наблюдался быстрый рост городов и местечек городского типа, в частности за счет сел, расположенных вдоль торговых путей. Бояре и монастыри добивались от господарей грамот о предоставлении некоторым своим селам статуса городов и местечек, что сопровождалось официальным получением права на проведение ярмарок и определением размеров обязательств горожан перед государством и землевладельцами[63]. В городах и местечках сосредоточивалось торгово-ремесленное население, в основном порвавшее связи с сельским хозяйством. Так, по данным исследователей, в Молдавии с 1774 по 1829 г. возникли 47 новых городов и местечек[64].

Одновременно росло торгово-ремесленное население старых городов (Бухареста, Ясс, Ботошан, Хуша, Хырлэу и др.). Так, в Бухаресте, насчитывавшем в середине XVIII в. не более 30 тыс. жителей, в 1808 г. проживало до 43 тыс. человек. Численность населения Ясс выросла с 1774 по 1831 г. примерно с 10 до 48 тыс.[65] Однако рост и развитие одних центров сопровождались запустением и разорением других. В Молдавии во второй половине XVIII в. пришли в упадок Байя, Тротуш, Котнарь и др.[66] Отрицательно сказывалось на состоянии городов нахождение многих из них под властью бояр и монастырей. Их жители должны были платить властям налог с дома и пошлины за торговлю товарами и спиртными напитками. Те, кто обрабатывал землю в пригородах, обязаны были выполнять барщину и платить оброк, как и зависимые крестьяне.

Рост городов стимулировал развитие внутренней торговли, главной формой которой являлись ярмарки. Их значение в конце столетия заметно выросло. Наиболее крупными в Валахии были ежегодные ярмарки в Бухаресте и Крайове, в Молдавии — в Яссах, Галаце, Фокшанах, Ботоша-

inslav

нах. Многие местные ярмарки превращались в еженедельные базары с постоянными лавками.

Заметную роль в торговле княжеств стала играть сформировавшаяся к концу XVIII в. прослойка крупного купечества. Купцы выступали в качестве оптовых торговцев, скупщиков, ростовщиков, имевших широкую клиентуру в крупных городах и местечках.

Ограничение турецкой торговой монополии по условиям Кючук-Кайнарджийского мира[67] привело к некоторому оживлению внешней торговли княжеств. Молдавия и Валахия могли экспортировать, однако, только те товары, на которые не распространялась монополия Порты (вино, фрукты, соль, рыбу, табак, сырые кожи и др.). Что касается хлеба, скота (особенно овец), меда, воска, селитры, леса и др., то княжества имели право вывозить эти товары в другие страны лишь после выполнения своих обязательств перед Стамбулом.

Сложившиеся после 1774 г. условия международной черноморской и дунайской торговли способствовали росту связей княжеств с рядом стран. Положительную роль здесь сыграло открытие в конце XVIII в. иностранных консульств. В 1781 г. в Бухаресте начало действовать русское консульство. В 1783 г. было открыто консульство Австрии, в следующем 1784 г. — прусское, в 1795 г. — французское и в 1801 г. — английское[68]. Рынок Молдавии и Валахии стал быстро наводняться иностранными товарами, что пагубно влияло на местное производство и внутреннюю торговлю. Отрицательно сказывалось и использование иностранными торговцами привилегий на основе режима капитуляций, предоставленного Портой ряду стран. Торговые привилегии позволяли иностранным подданным вывозить из княжеств по низким ценам сырье и другие товары.

Основной статьей экспорта по-прежнему оставались сельскохозяйственные товары и сырье. Они экспортировались главным образом в Австрию, Турцию, Россию, Англию, Францию и Пруссию. Импортировались в основном промышленные изделия и предметы роскоши. Сохраняла свою роль и транзитная торговля многих стран Европы с балканскими землями через Молдавию и Валахию, которые находились на пересечении важных торговых путей, связывавших Турцию с Австрией, немецкими землями, с Польшей, Украиной и Россией.

Особенно оживленными в конце XVIII в. становятся торговые отношения княжеств с Россией. Этому способствовали условия Кючук-Кайнарджийского мира и русско-турецкого торгового договора 1783 г., которые предоставляли российским купцам свободу торговли во всех областях Турецкой империи, в том числе и Дунайских княжествах, а молдавским и валашским торговцам, как османским подданным, право наибольшего благоприятствования в торговле с Россией[69].

Молдавия и Валахия поставляли на русский рынок главным образом вино и фрукты, а также невыделанную кожу, овечью шерсть, соль, соленую рыбу, скот, строительный лес и другие товары, в том числе австрийские и турецкие. Ассортимент русских товаров, ввозимых в княжества в конце XVIII в., расширился. Наряду с мехами, продолжавшими традиционно оставаться главным предметом импорта из России, в княжества поступали железо и железные изделия, полотняные и суконные ткани, текстильные и кожаные изделия, посуда, предметы из золота и драгоценных

inslav

камней, рыба и рыбья кость, паюсная икра и пр. Возросли и объемы товарооборота в торговле с Россией[70].

Последствия Кючук-Кайнарджийского мира сказались и на социальных отношениях в Молдавии и Валахии. С ограничением турецкой монополии на вывоз хлеба и других продуктов сельского хозяйства усилилось стремление вотчинников к увеличению товарного производства, что вело к сокращению крестьянского землепользования. Сначала это коснулось прав крестьян на пользование лесами под предлогом сохранения лесов от хищнического истребления. В 1792 г. молдавский господарь Александр Морузи особым уложением ввел для крестьян десятину за право пользования ими. В Валахии подобного акта не было издано, однако многочисленные частные указы привели к тому же результату в смысле уплаты десятины[71]. Ограничивалось для крестьян также пользование лугами и пастбищами.

Урезав землепользование крестьян, вотчинники стали расширять барскую запашку и развивать товарное скотоводство. Сокращение крестьянских наделов и угодий сопровождалось увеличением барщинной повинности зависимых крестьян и дневного "урока" (объема работы). В 1780 г. валашский господарь Александр Ипсиланти законодательно установил барщину в 12 дней в году[72]. В Молдавии крестьяне за пользование наделом земли обязаны были отбывать в пользу владельца барщину от 12 до 24 дней в году в зависимости от размера надела и количества рабочего скота. Но здесь господарем Григорием Гикой была установлена урочная барщина, причем объем "дневных" работ был настолько велик, что его едва можно было выполнить за два дня[73].

Несмотря на возрастание числа барщинных дней, удельный вес барщины среди других повинностей крестьян Дунайских княжеств был значительно ниже, чем в других странах Центральной и Восточной Европы. Основной формой эксплуатации крестьян в Молдавии и Валахии к концу XVIII в. оставались государственные налоги[74], хотя некоторое ослабление государственно-податного гнета происходило в связи с ограничением после 1774 г. возможностей экономической эксплуатации княжеств Портой. Наряду с основным подворным налогом — биром, взимавшимся по четвертям, податное население должно было вносить ряд прямых налогов с сельскохозяйственного производства (десятина с ульев, вина, со скота и др.), а также косвенные налоги (с соли, за содержание корчмы и т.д.).

Усилия господарей княжеств были направлены на обеспечение стабильного поступления доходов в казну. В 1775 г. валашский господарь Александр Ипсиланти разделил все податное население княжества — бирников — на так называемые люды, в которые входило в зависимости от имущественного положения от 3 до 12 дворов, связанных круговой порукой. В Молдавии бирники были расписаны по "числам" соответственно месту проживания, где они выполняли государственные повинности. Каждая "числа", как и валашская "люда", выполняла повинности в одинаковых размерах, которые заранее не были известны и назначались произвольно[75]. От уплаты бира и несения всех государственных отработочных повинностей освобождались скутельники и слуги, которые прикреплялись к боярам и монастырям для несения повинностей в их пользу. В начале XIX в. взимание бира было распространено и на скутельников. На со-

inslav

держание чиновничьего аппарата жители обоих княжеств платили специальный налог, составлявший приблизительно четверть бира.

В конце XVIII в. росла концентрация земельной собственности в руках светских и духовных феодалов. Шел процесс захвата боярами и монастырями владений мелких землевладельцев — молдавских резешей и валашских мошнян. Теряя свои земельные участки, многие из них переходили на положение зависимых крестьян. Составляя 2% от общего числа населения, боярство и духовенство сосредоточивало в своих руках около 70% земельных угодий[76].

Увеличение государственных и вотчинных повинностей, сокращение наделов крестьян и ограничение их прав в землепользовании вызывали все возраставший протест крестьянства. К концу XVIII в. распространенной его формой становятся жалобы на злоупотребления сборщиков налогов, на рост вотчинных и государственных повинностей. Крестьяне бежали в соседние страны, поджигали боярские имения, убивали сборщиков податей и феодалов. Расширилось движение гайдуков, ряды которых пополняли волонтеры, участвовавшие в военных действиях на стороне русских войск в периоды войн России с Турцией[77].

Итак, наметившийся после 1774 г. прогресс в экономике Дунайских княжеств происходил на основе дальнейшего развития феодальных форм хозяйствования. Формирование элементов капиталистического уклада сдерживалось сохранением здесь османского господства, отрицательно влиявшего на все стороны жизни княжеств.

[1] *Berza M.* Variaţiile expluaterii Ţării Româneştti în secolele XVI—XVIII // Studii. 1958. N 2. P. 68.
[2] Ibid.
[3] *Berza M.* Haraciul Moldovei şi Ţării Româneşti în sec. XV—XIX // Studii şi materiale de istorie medie. Bucureşti, 1957. Vol. 2. P. 45.
[4] "Revoluţiile Valachiei" de A. Maria del Chiaro. Iaşi, 1929. P. 185.
[5] *Striban P.* Divan-efendi în Ţara Românească in sec. XVII—XIX // Studii. 1968. N 5. P. 881—896.
[6] *Papacostea Ş.* Populaţia Ţării Româneşti în ajunul reformelor lui C. Mavrocordat // Studii. 1966. N 5; *Constantiniu F.* Relaţiile agrare din Ţara Românească în sec. al XVIII-lea. Bucureşti, 1972. P. 110—112; *Драгнев Д.М.* Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях в XVII в. // Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1972.
[7] *Драгнев Д.М.* Указ. соч. С. 301.
[8] *Papacostea S.* Op. cit. P. 937—938; *Constantiniu F.* Situaţia clăcaşilor din Tara Românească în perioada 1746—1774 // Studii. 1959. N 3. P. 78—79.
[9] *Constantiniu F.* Op. cit. P. 100; *Vlad M.* Colonizarea rurala în Ţara Românească şi Moldova (sec. XV—XVIII). Bucureşti, 1973. P. 77—92.
[10] *Stahl H.* Contribuţii la studiul sateler devălmaşe româneşti. Bucureşti, 1958. Vol. 1. P. 223—232; *Драгнев Д.М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии. Кишинев, 1975. С. 87—123.
[11] *Columbeanu S.* Grandes exploitations dominiales en Valachie au XVIII siècle. Bucureşti, 1974. P. 56—64.
[12] *Papacostea Ş.* Contribuţii la problema relaţiilor a agrară în Ţara Românească în prima jum. al veaculului XVIII-lea // Studii si materiale... 1959. Vol. 3. P. 300.
[13] *Giurescu C.* Istoricul podgoriei Odobeştilor. Bucureşti, 1969. P. 21—22.
[14] *Columbeanu S.* Op. cit. P. 102—105.
[15] *Giurea D.* Noi consideraţii privind oraşele şi tîrgurile din Moldova în sec. XIV—XIX // Anuarul Institutului de istorie şi arheologie din Iaşi. VII. 1970. P. 34.

inslav

[16] *Panaitescu P.* Călători poloni în Ţările române. Bucureşti, 1930. P. 77—106.
[17] Istoria României. Bucureşti, 1964. Vol. 3. P. 383.
[18] *Cerban Ş.* Breslele bucureştene în sec. XVIII // Studii. 1959. N 6. P. 1.
[19] *Olteanu S., Şerban C.* Meşteşugurile în Ţara Românească şi Moldova in evul medie. Bucureşti, 1969. P. 275—277.
[20] Ibid. P. 251—263.
[21] Istoria României. Vol. 3. P. 367—370.
[22] Genealogia Cantacuzinilor. Bucureşti, 1902. P. 465—469; *Columbeanu S.* Op. cit. P. 147—148.
[23] Istoria României. Vol. 3. P. 372—373.
[24] *Caproşu I.* Camătă şi cămători în Moldova în epoca fanariotă // Anuarul Institutului... 1971. P. 27—58.
[25] *Ciurea D.* Precizări în problema marii proprietăţi feodale din Moldova în sec. XVII—XVIII // Studii. 1969. N 1.
[26] *Constantiniu F.* Situaţia... P. 74; *Idem.* Relaţiile agrare...
[27] *Драгнев Д.М.* Сельское хозяйство... С. 147—148.
[28] Istoria României. Vol. 3. P. 370—380; *Черноводяну П.* Экономические отношения румынских княжеств с Западом // Международный конгресс экономической истории. Л., 1970. С. 1—7.
[29] *Советов П.В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 456—486.
[30] *Columbeanu S.* Date privitoare la economia agrară din Ţara Românească în prima jumătate a sec. al XVIII-lea // Studii. 1962. N 1. P. 132—133.
[31] *Mihordea V.* Relaţiile agrare din sec. XVIII-lea în Moldova. Bucureşti, 1968. P. 93—105.
[32] *Constantiniu F.* Relaţiile agrare... P. 182—187.
[33] *Советов П.В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980. С. 196—233; *Дмитриев П.Г., Советов П.В.* Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии в XV—XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1965. С. 278—280.
[34] *Grigoraş N.* Instituţii feudale în Moldova. Bucureşti, 1971. Vol. 1. P. 128—133.
[35] *Iscru G.* Fuga ţăranilor — forma principală de luptă împotriva expluatării în veacul al XVIII-lea în Ţara Românească // Studii. 1965. N 1. P. 125—146; *Camariano-Cioran A.* Rapoartele inedite ale capuchehaielor lui C. Mavrocordat // Studii. 1961. N 4. P. 964—965.
[36] *Драгнев Д.М.* Гайдуки — народные мстители. Кишинев, 1962.
[37] *Ciurea D.* Noi contribuţii privind oraşele si îrgurile din Moldova in sec. XIV—XIX // Anuarul... VII. 1970. P. 36—47.
[38] *Neculce I.* Letopiseţul Ţării Moldovei. Bucureşti, 1959. P. 284, 291.
[39] *Кочубинский А.А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Одесса, 1889. С. 495.
[40] Genealogia Cantacuzinilor... P. 137; Studii şi documente cu privire la istoria. Vol. 22. Bucureşti, 1913. P. 91.
[41] *Minea I.* "Reforma" lui C. Mavrocordat // Cercetări istorice. 1927. N 2/3. P. 158.
[42] *Гросул В.Я., Дмитриев П.Г., Советов П.В.* Переходные формы феодальной эксплуатации крестьян Молдавии XVIII — начала XIX в. // Изв. АН Молдавии. 1967. № 2.
[43] См.: *Constantiniu F.* Relaţii agrare...; *Mihordea V.* Maitres du sol et paysans dans les Principautes Roumaines. Bucureşti, 1971.
[44] *Драгнев Д.М.* К вопросу о праве перехода молдавских крестьян в сер. XVIII в. // Изв. АН Молдавии. 1963. № 2.
[45] *Corivan N.* Aplicarea aşezămîntului fiscal a lui C. Mavrocordat privitor la perceperea birului (1741—1743) // Studii şi cercetări. Iaşi, 1955. N 3/4. P. 51—76.
[46] Genealogia Cantacuzinilor... P. 483.
[47] *Ştefănescu Şt.* Bănia în Ţara Românească. Bucureşti, 1965.
[48] *Totoiu I.* Paşaîicurile şi raialele pe teritoriul Ţărilor române// Istoria României. Vol. 3. P. 34.
[49] Studii şi documente... Bucureşti, 1904. Vol. 6. P. 243.
[50] *Minea I.* Op. cit. P. 98—105.

inslav

[51] *Mihordea V.* Maitres du sol... P. 30, 31.
[52] *Adam I., Marcu N.* Studii despre dezvoltarea capitalismului în agricultura României. Bucureşti, 1959. Vol. 1. P. 7.
[53] *Georgescu-Buzău G.* Descompunerea feodalismului şi începuturile capitalismului în Ţara Românească şi Moldova. Bucureşti, 1949. P. 5, 6; *Vianu S.* Cu privire la problema descompunerii feudalismului în Ţările Române // Studii şi referate privind istoria Romaniei. Bucureşti, 1954. Vol. 1. P. 801—809.
[54] *Mihordea V.* Maitres du sol... P. 32, 48.
[55] *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966. С. 47.
[56] См.: *Яковенко И.* Молдавия и Валахия с 1820 по 1829 г. СПб., 1834. С. 129; *Гросул В.Я.* Указ. соч. С. 61.
[57] *Дмитриев П.Г.* Турецко-фанариотский гнет и его влияние на генезис капитализма в крестьянском хозяйстве Молдавии во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1984. С. 439.
[58] *Vianu S.* Op. cit. P. 825—827.
[59] *Olteanu St., Şerban C.* Meşteşugurile din Ţara Românească şi Moldova în evul mediu. Bucureşti, 1959. P. 328, 348.
[60] *Vianu S.* Op. cit. P. 824; *Şerban S.* Oraşul Bucureşti în timpul turco-fanariot // Istoria oraşului. Bucureşti. Vol. 1. P. 141.
[61] *Şerban S.* Intreprinderea manufacturiera de postav de le Pociovaliste şi Bucureşti // Studii. 1952. N 3. P. 96.
[62] *Adam I., Marcu N.* Op. cit. P. 8.
[63] *Ciurea D.* Oraşele şi tîrgurile din Moldova în cadrul perioadei de descompunere a feudalismului // Studii şi cercetări ştiinţifice. Iaşi, 1956. N 1. P. 101—102.
[64] *Ciurea D.* Op. cit. P. 100—102; *Columbeanu S.* O statistica negustoreasca şi fiseală de la 1824 în Ţara Românească// Studii. 1960. N 4. P. 196; *Cocirla P.* Tîrgurile sau oraşele Moldovoi in epoca feadală. Chisinău, 1991.
[65] *Ciurea D.* Op. cit. P. 100, 104; Istoria oraşului Bucureşti. Vol. 1. P. 133.
[66] *Giurea D.* Op. cit. P. 100.
[67] *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 299—301.
[68] *Georgescu-Buzău G.* Op. cit. P. 7.
[69] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 21. С. 990; *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 352—353; *Семенова Л.Е.* Молдавия и Валахия в балканской политике России: (Экономические аспекты) // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1999. С. 141—144.
[70] *Виану А.* Данные о румыно-украинских и румыно-русских торговых отношениях в XVIII в. // О румыно-русских и румыно-советских связях. М., 1960. С. 142—144, 150—152.
[71] *Stahl H.* Op. cit. P. 379—386.
[72] Pravilniceasca Condica, 1780. Bucureşti, 1957. P. 80.
[73] *Гросул В.Я.* Указ. соч. С. 76.
[74] См.: *Ştefănescu Ş.* Istoria românilor în sec. XVIII-lea. Bucureşti, 1999.
[75] Istoria României... P. 702—703.
[76] Ibid. P. 636—639; *Драгнев Д.М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии. Кишинев, 1975. С. 210, 212—213; *Гросул Я.С., Драгнев Д.М., Советов П.В.* Основные этапы развития и разложения резешского земледелия в Молдавии // Учен. зап. Кишинев. гос. ун-та. 1965. Т. 79. С. 163—183.
[77] О протесте крестьян см.: *Дмитриев П.Г.* Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVIII — начале XIX в. // Изв. Молд. фил. АН СССР. 1959. № 2; *Драгнев Д.М.* Гайдуки — народные мстители. Кишинев, 1962; *Oţetea A.* Consideraţii asupra trecerii de la feudalism la capitalism in Moldova şi Ţara Românească // Studii şi materiale... 1960. Vol. 4.

inslav

Культура Дунайских княжеств

"Молдавию и Валахию следует рассматривать как два корабля, на долю которых редко выпадают часы отдыха и покоя", — это слова секретаря князя Константина Брынковяну Антона Марии дель Кьяро, человека, побывавшего в самом центре бурных событий начала XVIII в. Тем поразительнее, что в эту драматическую эпоху, отмеченную тяжкими политическими потрясениями, культура, как бы в противовес им, выдвигает ряд щедро одаренных, ярких деятелей, чьи творения стали и для современников, и для поколений потомков важными вехами в их духовном развитии.

Сама история настойчиво выдвигала наметившуюся уже в трудах деятелей культуры XVII в. задачу усиления процессов культурной унификации княжеств, создания некоего культурного синтеза феодальной эпохи как необходимой ступени для перехода к высотам новой духовности. Творения Николае Костина, Димитрия Кантемира, Иона Некулче и других в Молдавии, Антима Ивиряну, стольника Кантакузино, Раду Гречану и других в Валахии и многих менее известных строителей культуры так же, как и веяния, рожденные знакомством с достижениями "Трансильванской школы", придают эпохе неповторимый облик, впечатляющий своим многообразием и красочностью.

Начальным этапом этого развития стало в Валахии княжение К. Брынковяну, объединившее в одно целое конец XVII и начало XVIII в. "Стоя у кормила корабля, посреди подлинного политического апокалипсиса, в ходе которого пересматривалось соотношение сил в Восточной Европе"[1], князь отдавал немало сил и средств делу становления культуры — в области архитектуры, книгопечатания, народного образования, утверждения румынского языка в религиозной литературе, а также переводов со старославянского, новогреческого и других языков. Множится издание различных хронографов и "книг мудрости", своего рода учебников поведения князей и рядовых граждан, поучений, содержащих сведения о достижениях науки, об обязанностях гражданина и т.д. Так были заложены основы тех главных направлений, по которым пойдет развитие культуры в княжествах на протяжении всего XVIII столетия.

Именно со времен княжения К. Брынковяну сохраняются поныне замечательные образцы гражданской архитектуры — прекрасные дворцы Потлошь и Могошоая, украшенные лоджиями, крытыми балконами, богатой орнаментацией. Монастырь Хурезу остается также образцом архитектуры того времени, в котором восточные традиции гармонически соче-

inslav

таются с итальянским барокко. Менее очевидны успехи архитектуры и храмовой росписи в Молдавии. Все настойчивее проникают в архитектуру — прежде всего храмовую — элементы неоклассицизма и барокко. Фасады построенных в 1761 г. в Яссах церквей Св. Георгия и Св. Феодора украшены коринфскими колоннами. Своей красотой и вместимостью отличался дворец Фрумоаса, построенный в 1733 г. князем Григоре Гикой II с помощью приглашенных из Константинополя мастеров. К услугам иноземного художника, швейцарца Лиотара, прибегает и валашский князь Константин Маврокордат, заказавший гостю ряд портретов членов семьи и видных вельмож. Наиболее просвещенные фанариотские господари оставляли в княжествах выстроенные при их попечении новые больницы, школы, акведуки и др.

Среди художественных изделий особенно ценилась в княжествах миниатюра (как в Валахии, так и в Молдавии). Искусство ковроделия и художественной вышивки также пользовалось большим спросом[2].

В народном образовании наметились значительные сдвиги. Уже в первые десятилетия XVIII в. в Молдавии наряду с греческими начальными школами действуют и школы с преподаванием на родном языке. По указу Григоре Гики II были открыты епископские школы в Рэдэуце, Романе и Хуше с преподаванием на славянском и родном языках. Начальные школы открываются во многих уездах, а в Ботошанах, Бырладе, Галаце и Фокшанах — эллинские школы типа гимназий. Образцами для учебников служат русские книги. В 1746 г. выходит русская грамматика и русско-молдавский словарь. В 1755 г. издается первый букварь. В 1773 г. архимандрит Макарий создает "Молдавскую грамматику" по образцу грамматики Мелентия Смотрицкого. В 1785 г. выходит перевод "Географии", изданной 15 лет тому назад в Петербурге. Учебник математики трудами поэта М. Мило появляется в конце века. В это же время А. Хотиниул публикует "Элементы арифметики", "Общую географию" (переложение "Географии" Буфиера). Этим же автором опубликован учебник, содержащий элементы физики, этики и природоведения, в котором преобладают тенденции материалистического объяснения жизни (1796 г.).

Подобные же процессы происходят и в Валахии. В 1726 г. в Рымнике выходит перевод книги Феофана Прокоповича "Первое учение отроков", а затем сербо-румыно-немецкие буквари. В 1777 г. в Вене издается двуязычное (румыно-немецкое) "Руководство про честь", адресованное не только школьникам, но и ремесленникам, крестьянам, содержащее множество конкретных советов по ведению хозяйства и уходу за собственным здоровьем.

В созданном князем Брынковяну господарском училище при монастыре Св. Саввы обучение велось на славянском и греческом языках. Среди предметов преподавания — латынь, филология, философия, история, математика, география, физика, творческое наследие Гомера, Софокла, Эврипида, Пиндара, Аристотеля и др. Лучшие переводчики латинских, греческих произведений, изданных в княжествах в последующие десятилетия, получили именно здесь свои знания. Позднее этот прообраз будущего бухарестского университета будет вести преподавание на румынском языке.

В Молдавии стараниями князя Н. Маврокордата проводит активную педагогическую деятельность "Княжеская академия", где главным пред-

inslav

метом были греческий язык и литература. Позднее, в годы княжения Григория Гики II, помимо классических предметов академия включает в свою программу арифметику, геометрию, алгебру, тригонометрию. Здесь постепенно утверждаются теории Ньютона, Коперника, Галилея.

Важнейшим средством развития и распространения культуры в княжествах становятся книги, все в большем количестве печатаемые во множестве типографий, открытых благодаря стараниям церковных иерархов при содействии господарей. В Валахии, например, с самого начала столетия активно действуют три типографии — в Буззэу, Рымнике и Бухаресте. Десятки румынских, двуязычных румыно-греческих и даже арабских текстов выходят в свет в эти годы. Более того, по требованию патриарха Антиохии из Валахии в город Алеп переправляется оборудование для полноценной типографии с арабским шрифтом. Известно, что Антим Ивиряну, грузин по происхождению, направил в родную Грузию ученика, дабы тот помог в реорганизации местной типографии.

Несомненное возобладание румынских текстов над славянскими и греческими наблюдается и в Молдавии. Богато оборудованная типография начинает действовать в Яссах в 1714 г. при храме Св. Саввы. И сразу выходят три книги: на румынском — "Синопсис", на славянском — "Литургия" и на греческом — "Точное изложение православной веры" Иоанна Дамаскина. Напечатанный попечением митрополита Георгия в 1723 г. "Сборник" содержит пересказ легенды о посещении византийским императором Иоанном Палеологом князя Александра Доброго. Затем в 30-е годы выходят " Антологион, или словесные цветы", "Октоих", "Славянская псалтырь" и др. В середине века расцвет книгопечатания связан с именем Дуки Сотириовича, основавшего первую частную типографию в Молдавии. Уроженец острова Тасос, он считал себя обязанным перед новой родиной "воздать ей в знак благодарности" как можно больше нужных книг. За десять лет в его типографии выходят 15 религиозных изданий — от "Псалтыри" до "Канона и жития святого Спиридона" и "Собрания молитв". В начале второй половины века типография при митрополии выпускает в свет "Молитвенник", "Духовный алфавит", "Собрание поучений" и первый в Молдавии "Букварь" (1755 г.).

Хотя светские произведения (кроме хронографов) не печатались в типографиях при монастырях, необходимо отметить, что религиозные книги на родном языке донесли до нас многие ценные элементы народного языка, выразительные словосочетания, идиомы и т.д.

Широкое распространение в эти годы получают русские книги, поступавшие из России различными путями. Этому в значительной мере содействовала и деятельность русского печатника М. Стрельбицкого, издавшего в Яссах ряд книг. В походной типографии при армии Г.А. Потемкина была напечатана в 1790 г. первая газета на французском языке "Курьер де Молдави".

Развитие книгопечатания с необходимостью предполагало появление книгохранилищ, библиотек. В Валахии уже в начале столетия пользовалась широкой известностью библиотека монастыря Хурезу. В последнее время обнаружилось, что эта библиотека получала из Парижа издаваемую там Дю Канжем под патронажем Людовика XIV серию творений византийских писателей параллельно на греческом и латинском языках. Нельзя, однако, не отметить, что в этой библиотеке, как и в других монастырских

inslav

книгохранилищах, все чаще в середине века и особенно во второй его половине появляются книги светского характера, исторические и литературные произведения, в частности труды античных писателей в переводах на французский, итальянский, греческий и русский языки.

Важными вехами в культуре Молдавии становятся открытые при содействии господарей и крупных вельмож библиотеки (помимо хранилищ рукописей в монастырях Нямцу, Драгомирна и др.). Заметно меняется характер монастырских библиотек: уже в 30-е годы, например, в библиотеке монастыря Галаты можно было найти исторические и литературные издания на греческом и латинском языках. Особо славилась библиотека, основанная князем Николаем Маврокордатом, на полках которой прекрасно уживались творения античных авторов, отцов церкви и книги писателей-гуманистов.

Религиозная литература получает в XVIII столетии особое развитие. Речь уже идет не только о богослужебных книгах, заметно увеличивается число произведений, авторы которых исследуют содержание священных книг и предлагают свой комментарий к их тексту. Появляется также немало книг, предметом которых становится христианская мораль.

В Молдавии епископ Ро́мана Пахомий, близкий соратник Димитрия Ростовского, жившего долгие годы в Киевско-Печерской лавре, вводит в церковный обиход "московский чин", обогащает понятие схимничества поучениями киевского владыки, собирает богатую библиотеку из церковно-славянских и русских книг, в том числе сочинения Димитрия Ростовского, прозванного "вторым Хрисостомом" (златоустом).

Митрополит Яков Путнянул сыграл важную роль в реорганизации типографии Ясской митрополии, где и напечатал свое сочинение "Собрание поучений". Нямецкий иеромонах Козма — автор пользовавшегося большой популярностью "Жития святого Василе Нового", переведенного с греческого. Он же приложил много усилий для ознакомления как можно большего числа читателей с "Чудесами Богородицы", компиляцией критского монаха Ландоса. Одновременно большое распространение получают апокрифы: "Житие святого Алексе, божьего человека", "Снисхождение Богородицы в преисподнюю" и др.

В Валахии приглашенный из Константинополя князем К. Брынковяну грузин Антим Ивиряну (1660—1716) становится одним из зачинателей печатания религиозных книг на румынском языке. Ксилограф, иллюстратор, график, каллиграф, издатель, типограф, переводчик, автор книг и стихотворных посвящений, Ивиряну создал целую школу издателей румынских книг. В типографиях Бухареста, Снагова, Рымника, Тырговиште и других городов его попечением за несколько лет выходит 38 книг — из них 24 на румынском языке ("Молитвенник", "Октоих", "Часослов" и др. — все в начале XVIII в.). При этом талантливый книжник уделял особое внимание художественному оформлению произведений. Более того, он дарит князю Брынковяну альбом "Лики Ветхого и Нового завета", содержащий около 500 рисунков на библейские темы. Рисунки сопровождал богатый комментарий. В 1714 г. Ивиряну издает сборник правовых текстов, озаглавленный "Главы приказаний".

Значителен вклад в развитие румынской культуры "Предик" ("Дидахий") Антима Ивиряну, сочиненных автором, начиная с 1709 г. и до конца жизни, но опубликованных лишь столетие спустя после его гибели. Руко-

inslav

писные копии "Предик" привлекали поколения священнослужителей ярким языком, блистательными ораторскими приемами, особой нравственной нацеленностью. Сочиненные под несомненным воздействием правил и традиций византийского витийства, проповеди Ивиряну стали своеобразной летописью современных нравов. Называя язвы общественной жизни, автор предлагал решения, подсказанные Священным писанием, широко комментируя их и развивая, делая более наглядными своими зрительными образами, воображаемыми им картинами. Считая себя "духовным рыболовом", использующим "удочку слова", ученый митрополит оставил последователям и потомкам образцы обогащения родного языка новой лексикой, метафорами, сравнениями, ожившими позднее во многих произведениях классиков румынской литературы[3].

В поддержку усилиям А. Ивиряну братья Раду и Шербан Гречану, высокообразованные вельможи, переводят с греческого "Православную исповедь" П. Мовилэ, а в 1691 г. в их же переводе выходят на румынском языке "Жемчужины" Иоанна Златоуста. Затем усилиями тех же братьев выходят "Синаксары" (краткие изложения житий святых) и греческие "Минеи". Все эти произведения были своеобразным дополнением к осуществленному братьями Гречану переводу Библии на румынский язык (1688 г.).

Оценивая значимость процессов, происходивших в деле становления религиозной литературы на румынском языке, следует подчеркнуть, что именно в этот период наблюдается определенное изменение соотношения религиозных и светских изданий в пользу последних. Тем самым усиливаются тенденции совершенствования личности не только средствами религиозного воздействия, но и светскими источниками (толкования явлений природы, достижения науки, творения художников слова и т.д.). Все это, разумеется, происходило не без воздействия веяний "просвещенной Европы". Немалую роль сыграли в этих процессах "книги мудрости" (народные книги), проникавшие в дома жителей княжеств в гораздо большем количестве, чем все остальные. Книги эти предназначались разным адресатам: одни обращались к широкой аудитории верующих, "граждан", другие — к князьям, либо высокопоставленным вельможам. Первые рассматривали общие вопросы поведения человека в обществе и дома, вторые касались проблем руководства обществом и государством, личных качеств и обязанностей господарей и их приближенных[4].

Широкое распространение в княжествах получают многочисленные копии перевода "Диоптры" ("Зерцала") Ф. Монотропоса, который предлагал читателям поучительный синтез христианских догм и элементов учения Аристотеля и неоплатоников. Столь же распространены были "Христианские поучения", напечатанные в 1700 г. в переводе Г. Радовича и обращенные не к священникам, а к светским читателям. Одновременно выходят в свет и "услаждающие" книги, текст которых содержал и элементы народных традиций, не признанных церковью ("Александрия", "Цветок даров", "Греческие и римские параллели" Плутарха и др.). Многие из подобных изданий — рукописных или напечатанных — отличаются тем, что их авторы стремились обсудить в них животрепещущие проблемы современности. Этому содействовало и появление книг типа "Философских притч", изданных Антимом Ивиряну, в переводе с итальянского, которые все настойчивее переносили читателя из мира религиозных догм в мир повседневных человеческих страстей и забот. Постепенно утверждаются

inslav

основы того "православного рационализма", который станет своеобразным мостом, соединяющим мир духовных исканий восточноевропейского региона с истинами западноевропейского гуманизма. Именно в этом направлении воздействуют на самосознание читателей многочисленные сборники максим, хозяйственных советов, учебники гражданского поведения, ставшие доступными особенно во второй половине XVIII в. При этом авторы сборников все чаще обогащают содержание книг высказываниями европейских просветителей.

Что же касается "Зерцал князя", то в Валахии подобные произведения обнаруживают явственные следы воздействия знаменитых "Поучений князя Нягое сыну своему Феодосию" (XVI в.). Важные положения "Поучений" (трон — освящен решением вышней силы, отсюда обязанность князя служить родному народу, быть милостивым по отношению к подданным, знать во всем меру, беречь казну, проявлять достоинство и понимание при общении с послами других стран и т.д.) перекочевывают из одного издания "княжеских зерцал" в другое, включая "Советы" А. Ивиряну и "Политический театр" А. Марлиануса и др. Переводы многих книг с церковно-славянского, греческого, итальянского и других языков способствовали утверждению румынского языка в письменной литературе, развивали вкус к чтению, содействовали постепенному проникновению светских начал в эту область, повороту от византийского, греческого Востока к просветительству Запада, той части Европы, где хранились достоверные свидетельства латинского происхождения жителей Дунайских княжеств. Именно исследованию этого основополагающего факта и посвятили свои усилия творцы исторической литературы в княжествах.

XVIII столетие ознаменовалось в княжествах появлением значительного числа исторических произведений преимущественно на родном языке. Особенно выделяются две категории работ: первые, содержащие в различной пропорции элементы хронографического и летописного стиля, вторые, в которых преобладает научно-исследовательский характер. Заметно расширяется круг авторов работ первой группы, прежде всего за счет участия представителей среднего и малого боярства (что было редким явлением в XVII в.). Это обусловило зависимость авторов от воли заказчиков, князей и крупных бояр, всяческое приукрашивание их действий, обилие субъективных оценок. Тем самым как бы возрождался жанр "семейной княжеской летописи", характерный для XV—XVI вв. Так составлены летописания князей Н. Маврокордата, М. Раковицэ, Гр. Гики и др.

Одновременно учащаются попытки объединения прежних летописей в объемистые сборники, охватывающие историю княжеств с первых дней их возникновения. Еще более знаменательно появление параллельных историй Валахии и Молдавии на основе летописей двух княжеств.

Значительно расширяется при этом сеть источников — вплоть до "универсалов" Петра Великого. Вместе с тем авторы стремятся как можно шире учесть события, происходившие в соседних странах.

Неизменным в большинстве случае при объяснении тех или иных исторических событий остается принцип провиденциальности, объяснение исторических сдвигов высшей мудростью провидения. Не обходят вниманием авторы и тему страданий угнетенного народа, замученного непосильной данью — и турецким захватчикам, и их ставленникам — фанариотским сановникам. Отсюда прочитываемое сквозь строки — а порой и

inslav

открыто — упование на обретение независимости при помощи соседних христианских государств, в первую очередь России.

Следует отметить, что авторы многих исторических произведений обнаруживают несомненный повествовательный дар, язык текстов — при всем наличии грецизмов и тюркизмов — выразителен и доходчив.

Указанные отличительные особенности можно отнести к таким произведениям, как "Псевдо-Мусте" (анонимная летопись Раковицэ, (1661—1729), "Молдавская летопись" Аксинте Урикару (времен княжения Н. Маврокордата), "Псевдо-Амирас" (летопись истории Молдавии с 1661 по 1733 г.) и др.

Особую ценность представляют труды Николая Костина (1660—1712), сына летописца Мирона Костина. Несмотря на то что он активно участвовал в политических баталиях своего времени и был облечен высокой ответственностью в государственных делах, Н. Костин постоянно изыскивал возможности для написания исторических трудов, наиболее известные из которых — "Летопись Молдавской земли от сотворения мира до 1601 г." и "Хроника княжения Н. Маврокордата и Д. Кантемира". Сохранилось также переложение романа Антонио де Гевара, посвященного эпохе Марка Аврелия и названного переводчиком "Куранты царей".

Летопись Н. Костина представляет, в сущности, ценную для своего времени компиляцию трудов летописцев XVII в. с вкраплениями из исторических произведений современников — польских, венгерских, русских авторов.

В краткой летописи, посвященной княжению Н. Маврокордата и Д. Кантемира, можно найти важные для этой эпохи данные и сведения, а также размышления автора о вреде вечных интриг и столкновений между различными боярскими кланами и партиями. Столь же поучительны мысли Н. Костина о значении для страны доброго отношения владетелей к наукам и знаниям, а также к церкви, о необходимости всячески противостоять насилию богатых над бедными и т.д.

Осуществленный Н. Костином перевод романа Гевары — первый образец западного романа, ставшего достоянием читателя в княжествах. Книга привлекла внимание летописца своей направленностью против засилия владетельных особ, против нарушения прав и достоинства простого человека. Кроме того, читатель узнавал со страниц романа о деяниях просвещенных античных властителей, которые окружали себя знаменитыми учеными и мудрецами, вели переписку с известными философами и советовались с ними в час ответственных решений.

Константин Кантакузино, младший брат Шербана Кантакузино, получивший широкое европейское образование, — автор "Истории Валахии", в которой он стремился дополнить недостаточно документированное творение летописца Мирона Костина. Богатые архивные свидетельства, новые источники (Бонфиний, Страбон, Прокопий Кесарийский, Флавио Биондо и др.) позволили автору выстроить систему доказательств о дакоримском происхождении родного народа и единстве населения княжеств. Повествование ведется со времени похода императора Траяна (начало II в. н.э.) и внезапно обрывается на IV в. (годы вторжения гуннов). Но и в этом виде "История" содержит достаточно убедительные аргументы в пользу права населения княжества, носителя традиций древней цивилизации, на независимое существование и свободную жизнь. Барочное сочетание

inslav

размышления и эрудированного комментария, философских раздумий о величии и падении крупных империй в духе итальянских неоаристотельцев, выразительные портреты исторических деятелей сделали творение Кантакузино важным подспорьем для многих исследователей истории румынского народа.

По повелению валашского князя К. Брынковяну Раду Гречану старательно запечатлел в летописи, скорее напоминавшей официальный бюллетень господарского двора, наиболее важные события эпохи, создавая запоминающуюся фреску тех лет. Менее ярко написана первая часть, до поражения русских и молдавских войск в 1711 г. Князю Д. Кантемиру посвящены язвительные страницы, отражающие враждебные отношения между господарями двух княжеств. Вместе с тем Гречану гневно бичует жестокость и алчность турецких поработителей, дикие нравы султанского двора.

Своеобразным дополнением к летописи Р. Гречану стала анонимная "История Валахии с октября 1688 г. до марта 1717 г.". Труд неведомого автора напоминает скорее жанр мемуаров, в них он, явный сторонник политики Брынковяну, приводит убедительные детали, рисующие сложное положение княжества в центре столкновения интересов трех могучих соседних империй. Сделано это с художественным блеском, нечасто встречающимся в историографических произведениях XVIII в.

Интерес к проблеме происхождения румын столь силен, что даже служители церкви считают себя обязанными в своих богословских изданиях рассмотреть эту проблематику. Так, Рымникский епископ Кесарий в предисловиях к переводу "Миней" рассказывает о периодизации истории румын, о древнем их происхождении, о величии римской эпохи (1776 — 1780) и т.д.

Среди высокообразованных представителей боярского класса, содействовавших своими знаниями и владением иностранных языков — как восточных, так и западноевропейских — постепенному становлению в недрах феодальной культуры просветительских начал, заметное место принадлежит семье Вэкэреску. Первым был боярин Енэкицэ Вэкэреску (1740 — 1797), который, хотя занимал высокие посты в иерархии княжеских должностей и налаживал тесные отношения с руководящими кругами Порты, оказался весьма восприимчивым к новым идеям, шедшим с Запада. В Валахии, а затем в Вене публикуется работа валашского боярина под названием "Замечания или размышления по поводу порядков и правил румынской грамматики". Впервые в грамматическом справочнике утверждается необходимость заимствований, важность для языка неологизмов. Впервые представлена в нем глава "О поэтике", предваренная кратким стилистическим трактатом. Стихотворные вкрапления оказались столь созвучны эпохе, что стали поистине народными ("В саду", "Горестная голубка", "Пой, сердечко, пой" и др.).

Но Е. Вэкэреску остался в истории культуры княжеств не только как один из зачинателей румынской лирики. Вслед за Д. Кантемиром и, несомненно, под воздействием его трудов он создает "Историю могущественных оттоманских властителей" (1792 г.). Особый интерес и по сию пору вызывает вторая часть "Истории", в которой автор создал, в сущности, нечто вроде летописи собственной жизни на фоне исторических событий того времени. Получилась своеобразная смесь всемирной истории, авто-

inslav

биографии и мемориалистики. Сыновья Е. Вэкэреску, Алеку (1762—1799) и Николае (1784—1828), а также внук Янку (1791—1863) внесли заметный вклад в развитие лирической поэзии Румынии[5].

Особняком стоят хроники, написанные на греческом языке и не вошедшие в последующие румынские исторические компиляции. Их перевод на румынский появился, за редкими исключениями, гораздо позднее. Митрофан Григорас — автор хроники 1714—1716 гг. В "Дакийских эфемеридах" К. Дапонте содержатся сведения о важнейших событиях в Молдавском и Валашском княжествах периода 1736—1739 гг. Этому же автору принадлежит и "Каталог наиболее значительных особ в XVIII веке".

Особое место в развитии культуры занимает Димитрий Кантемир (1673—1723). Сын князя Молдавии Константина Кантемира, выходца из среды зажиточного крестьянства, Димитрий провел годы молодости в столице Турецкой империи, будучи заложником султанского двора. Это был период накопления богатых знаний — исторических, лингвистических (он владел греческим, латинским, старославянским, французским и другими языками), философских, музыкальных. Послы Франции и Голландии снабжали княжича новыми книгами, в том числе творениями европейских гуманистов. Собиратель редких археологических находок, древних турецких, персидских, арабских рукописей, Кантемир одновременно сочинял турецкую музыку, записывая ее при помощи особых нот — чем и занял почетное место в ее истории.

Став в 1710 г. князем Молдавии, Кантемир прилагал неустанные усилия с целью освобождения родины от османского гнета, для чего наладил тесные связи с Петром I. После битвы при Стэнилешть он переезжает со свитой вельможных бояр и 4 тыс. служителей в Россию. Пребывание в окружении российского самодержца, жизнь в условиях бурно обновляющегося государства, несомненно, наложили отпечаток на мировоззрение и труды ученого князя. Его богатое творчество — это цепь важнейших для родной культуры произведений, отражающих своей спецификой особенности жизни автора: от жадного освоения богатств мира — к опыту людей и жизни, окрашенному сатирой и ностальгией, и далее к воплощению широко документированных, глубоко осмысленных в свете накопленного опыта монументальных творений, вызвавших интерес во всей Европе.

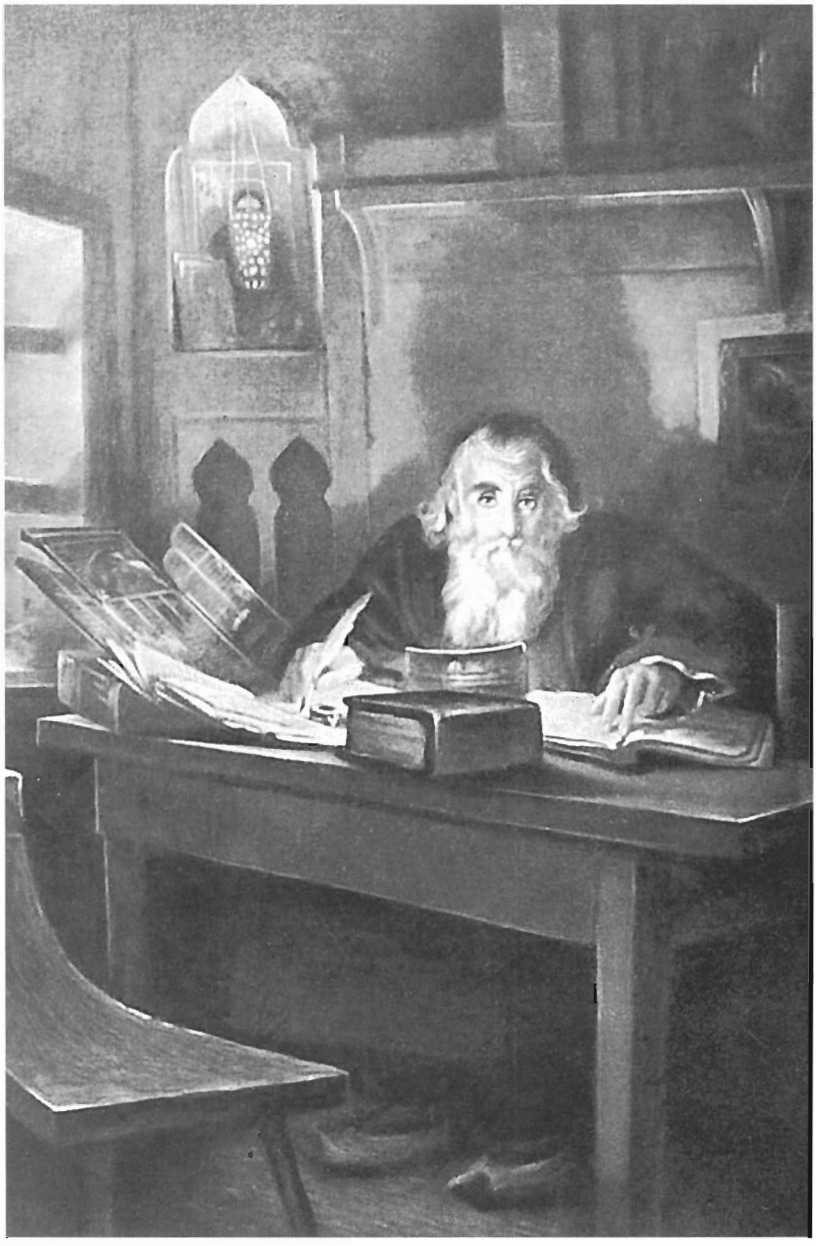
Первое произведение Кантемира вышло в свет еще в 1698 г. на румынском и греческом языках. "Диван, или спор мудреца с миром, или суд души с телом" был своеобразным синтезом прозвучавших уже в XVII в. мотивов "суеты сует", "равенства людей перед смертью", "возрастов мира" и др. И все же это было первое в родной культуре произведение, в котором в литературной форме рассматривались проблемы взаимоотношения личности и общества, телесного и духовного в человеке, материи и духа. В отличие от известных ему греческих "Диоптр" — эсхатологического характера — автор "Дивана" широко использует наследие греческих стоиков и традиции восточной нравственности для того, чтобы в диалогах "мудреца" с "миром" отразить в завуалированной форме эпизоды бескомпромиссной борьбы за власть вельможных кланов Молдавии. Во всех рассуждениях автора просматривается стремление сблизить нормы христианской морали с учением Эразма Роттердамского и других европейских гуманистов. Жизнь выступает как постоянный спектакль, комедия и трагедия чередуются, а торжествует лишь вечная "изменчивая судьба", а если что-то и мо-

inslav

Укрепленный дом (кула), вторая половина XVIII в. Валахия.

Князь-реформатор Константин Маврокордат

inslav



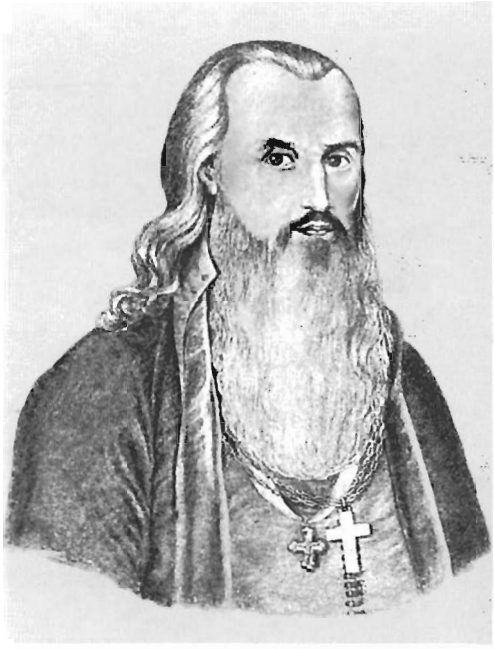
Паисий Хилендарский

inslav

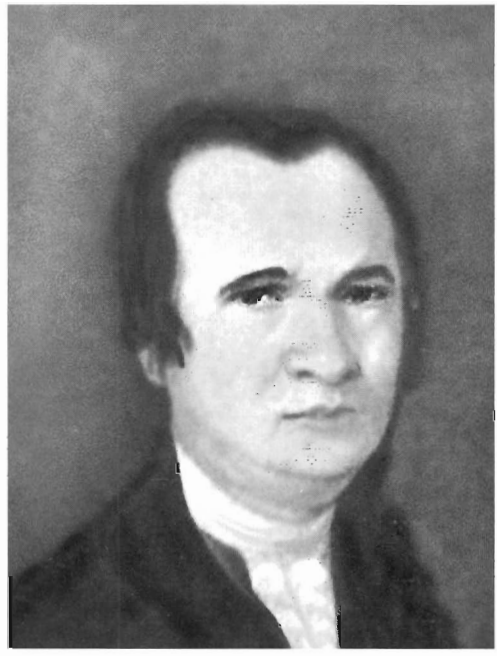
Жилой дом
в селе Копривштица,
XVIII в. Болгария

Рильский монастырь

inslav



Йован Раич



Досифей Обрадович

Цетинский монастырь

inslav

Черногорский митрополит Петр I Петрович Негош

Янычар

inslav

Султан Селим III

Ламброс Кацонис

Ригас Велестинлис

inslav

Евгеній Булгаръ.

Архіепископъ Славенскій и Херсонскій

Изъ Собранія Нонларетовъ издаваемыхъ Платономъ Бекетовымъ

Е. Булгарис

inslav

Хилендарский монастырь

inslav

жет этому помешать, так это знания и учеба. Потому идеалом автора остается жизнедеятельный, широкообразованный гражданин. Как бы в подкрепление этим выводам, в третьей части работы приводится полное переложение маленького этического трактата польского гуманиста Виссоватиуса "Стимулирование достоинств и сдерживание пороков". Все сказанное дает полное основание утверждать, что первое творение ученого автора носит не религиозный характер, как утверждалось долгое время, а этико-философский. Как и во многих других областях, и здесь Кантемиру принадлежит несомненное первенство в истории румынской культуры.

В 1705 г. выходит на румынском языке роман Д. Кантемира "Иероглифическая история". Плод социальных и политических размышлений автора, задуманный как политический памфлет, роман молдавского властителя беспощадно выставляет напоказ язвы боярского феодального режима и всячески подчеркивает блага просвещенного абсолютизма. Образцом — по признанию самого Кантемира — послужил ему роман "Эфиопика" Гелиодора (III в.). По жанру это нечто близкое к героико-комической поэме в прозе: аллегорические персонажи, звери и птицы, олицетворяющие конкретных исторических деятелей эпохи, живут на страницах произведения в неутихающей, бескомпромиссной борьбе за власть. В тексте легко просматриваются следы воздействия языка "народных книг": в нем изобилуют сентенции, максимы, поговорки, басни, притчи, разговорные обороты. Но вместе с тем язык обогащен неологизмами, подробно объясненными в комментариях, с целью приучения читателя к "риторическим приемам", к приемам художественного воплощения. Только таким образом, убеждает читателя автор, преходящая действительность обретает вечное существование, побеждая "тиранию забвения".

Живя в России после 1711 г., Кантемир сочиняет в 1715—1716 гг. "Описание древнего и современного государства Молдовы", подлинную энциклопедию жизни родной страны, заказанную автору Берлинской академией наук, чьим членом незадолго до этого он был избран. География страны, климат, мир растительный и мир животный, богатства земли описаны в тесной связи с жизнью обитателей ее. Тяжкое положение населения объясняется тяготами беспощадного турецкого гнета, непомерными поборами, вмешательством поработителей во внутренние дела Молдавии. Алчность боярской верхушки занимает не последнее место в этом перечне.

Ценнейшие данные об обычаях народа, обрядах, легендах, творениях народного гения сохраняют свое значение и по сей день. Этим объясняется тот интерес, который вызвала книга (написанная на латинском языке) в Европе. Немецкий перевод появляется в 1769—1770 гг., русский — в 1789 г.[6]

На латинском же языке написана и "История возвышения и упадка Оттоманской империи" (1716 г.). Текст насыщен множеством сведений об обычаях и нравах повелителей Балкан. Осуждая политику Порты, автор вместе с тем приводит ценные факты, свидетельствующие об уровне образования, организации армии, развитии искусств (музыки и литературы) и т.д. Но главная цель труда — убедить читателей, что в Турции происходят явно различимые процессы распада империи, что еще больше подчеркивало обреченность владычества турок в странах Восточной Европы. Именно поэтому уже в 30—40-е годы XVIII столетия появляются переводы труда Д. Кантемира на английский, французский и немецкий языки. Много полезного почерпнули в труде молдавского князя Гюго, Байрон, Вольтер.

inslav

1719—1722 гг. — период создания Д. Кантемиром "Хроники стародавности романо-молдо-влахов". Цель работы — доказать, вслед за летописцами XVII в., что народ княжеств — прямой наследник древней цивилизации, изменившей лицо Европы, что дает ему право на свободное, независимое существование в ряду других свободных народов континента. Созданный в ответ на предложение Берлинской академии, труд Кантемира поражает обилием источников и ссылок (около 150), включающих исторические и литературные произведения на латинском, болгарском, сербском, венгерском, польском, русском и других языках. Автор исходит из глубокого убеждения, что "история предполагает не веру, а знания".

Другой труд князя — "Жизнь К. Кантемира" — посвящен биографии отца, разумеется, весьма субъективный, с явным стремлением доказать благотворные для Молдавии последствия пребывания отца на троне. Труд ценен тем, что представляет первую монографию, прослеживающую с научной достоверностью этапы жизни и княжения молдавского господаря.

Как и в "Хронике", в этом труде Кантемир показал себя искусным мастером построения на латинском языке обширных речевых периодов, по образцу древних ораторов, среди которых он особенно ценил Цицерона.

В Петербурге были опубликованы последние работы князя — "Темные места", посвященная проблемам воспитания, и "Система магомеданской религии", содержащая богатый материал об особенностях веры последователей Корана, и — что особенно интересно — их отражения в фольклорных творениях и предрассудках.

Творчество Д. Кантемира позволяет с полным основанием говорить о нем как об одном из наиболее ярких и широко известных в мире творцов румынской культуры.

Близкий соратник Д. Кантемира, крупный сановник и образованный книжник Ион Некулче последовал за своим князем в 1711 г. в Россию и вернулся на родину лишь в 1720 г. Последние годы его жизни были отданы работе над знаменитой "Летописью Молдавского княжества от Дабижы-Господаря до второго княжения Константина Маврокордата" (1661—1743).

Написанная "поминания ради князей" летопись на самом деле насыщена эпизодами, подчеркивающими ведущую роль крупного боярства в исторической судьбе Молдавии, губительные последствия турецкого гнета и господства фанариотов, и выражающими надежду на то, что независимость страны возможна лишь в результате вмешательства России. Летописец отмечает, что князь Раковицэ искал союза с Россией, "увидев ее и уверовав, что в скором времени настанет победа христианства. И не только Михай-господарь так считал, но и князь Брынковяну, и вся сербская земля уговорилась с москалем и ежечасно жаждала радости освобождения"[7].

Последняя часть летописи, описывающая события конца жизни автора (1733—1743), обретает форму своеобразного дневника, одного из первых образчиков румынской мемуарной литературы. Неповторимый характер труда летописца обусловлен и тем, что он обильно и искусно использует богатства устной народной традиции. Особенно это ощутимо в предпосланном тексту летописи своде легенд и народных преданий о событиях XV—XVII вв., озаглавленном "Некоторые словеса" и состоящем из 46 легенд и преданий. В них Некулче достигает вершин повествователь-

inslav

ного искусства. Язык насыщен народными оборотами, яркими описаниями, сравнениями, поговорками, искусно нарисованы портреты исторических лиц, умело соблюдено равновесие между архаизмами и неологизмами. Постоянные обращения автора к читателям превращают эту часть творения Некулче в своеобразный диалог, направленный на то, чтобы заострить интерес читателя к урокам истории, помочь ему глубже постигнуть смысл описанных событий.

"Летопись" Некулче, оцененная как важнейшее творение румынской историографии XVIII в. остается вместе с тем неиссякающим источником для многих представителей последующих писательских поколений Румынии и Молдавии[8].

Картина развития культуры в Дунайских княжествах в XVIII столетии была бы неполной, если не рассмотреть значение вклада, внесенного творениями главных представителей "Трансильванской школы" — широкого движения, оформившегося по ту сторону Карпат в общем русле Просвещения. Основные идеологи движения — С. Мику (1745—1806), Г. Шинкай (1754—1816), И. Будай-Деляну (1761—1820) и П. Майор (1761—1821).

Исключительно важен — при всех попытках не оправдавшей себя чрезмерной латинизации языка, при полном отрицании воздействия на его формирование славянских языков — вклад деятелей "Трансильванской школы" в становление основ румынского языка и выявление истоков его происхождения. Одним из ктиторов современной румынской филологии выступает С. Мику, опубликовавший прежде всего "Молитвенник" (1799 г.) на румынском языке, но латинскими буквами. В трудах трансильванских деятелей использование латинской орфографии становилось аргументом в пользу происхождения самого румынского народа, сближения его с романскими народами Западной Европы. В 1780 г. С. Мику создает учебное пособие "Элементы дако-римского, или валашского языка" — первую напечатанную грамматику румынского языка (тоже латинским шрифтом). В рукописи остался сочиненный им "Валашско-латинский словарь", вышедший только в 1825 г.[9]

Соратник С. Мику П. Майор продолжил эту работу, постоянно подчеркивая при этом, что родной язык произошел не из классической, а из народной латыни. Работы Майора, менее грандиозные по замыслу, были, однако, нацелены на восприятие этих идей широкими кругами читателей, которым предстояло значительно пересмотреть свои воззрения на роль родного языка, его происхождение и средства орфографического оформления. Наиболее важные труды Майора — "Диссертация о началах румынского языка", напечатанная только в 1812 г., и "Диалог о началах румынского языка между племянником и дядей".

И. Будай-Деляну, автор знаменитой поэмы "Цыганиада", тоже оставил труды, свидетельствовавшие о его неустанном интересе к проблемам родного языка: "Основы грамматики румынского языка, называемого валашским" (латинским шрифтом) и "Румыно-германский словарь" в 10 томах, из которых был завершен лишь первый.

Не менее значимы и труды деятелей "Трансильванской школы" в области истории. С. Мику — автор 4-томного исследования "История, деяния и поступки румын", за небольшим исключением оставшейся в рукописи. Знаменательно, что автор считал обязательным для себя проследить историю родного народа с самых истоков возникновения римской

inslav

цивилизации. На латинском языке написан другой труд С. Мику — "Краткая история происхождения и развития Дако-римского народа", в котором особое внимание автор уделяет истории румынской церкви, раздираемой в те годы борьбой между православными и униатскими служителями культа.

Огромный исторический архив собрал Д. Шинкай, в первую очередь в библиотеке конгрегации Святой веры Ватикана. Из 26 томов коллекции автор составил выжимку, назвав ее "Хроника румын и других народов, настолько смешавшихся с румынами, что постигать события, деяния и поступки каждого в отдельности невозможно". Но труд этот, поражающий обилием истоков, критическим отношением к ним, а также широтой охвата материала, был запрещен цензурой, так как содержал страницы, свидетельствовавшие о насильственном внедрении католической веры среди православных, и увидел свет лишь к середине следующего столетия.

П. Майор опубликовал в 1812 г. "Историю начал румынского народа в Дакии". Горячий сторонник перехода на латинскую орфографию, Майор дополняет "Историю" двумя главами филологического характера: "Диссертация о началах румынского языка" и "Диссертация о древней румынской литературе".

В том же русле написаны и труды И. Будай-Деляну: "О происхождении населения Трансильвании, с историко-критическими примечаниями", а также "О единстве трех наций Трансильвании", в котором автор ратует за обретение румынами равных прав с другими нациями, населяющими Трансильванию.

Все эти столь важные для румынской культуры работы, ставшие уже в рукописях достоянием широких кругов читателей, были дополнены неустанным трудом представителей "Трансильванской школы", направленным на открытие новых школ, гимназий, подготовку для них кадров преподавателей, перевод пособий, включая философские труды, пронизанные идеями европейского просветительства.

Итак, если в Валахии и Молдавии культура выдвигала лишь отдельные яркие личности, окруженные малым числом учеников и последователей, то культуру румын Трансильвании питало движение, возглавляемое "Школой" и ставшее достоянием широких слоев населения. Этому содействовали и прямые обращения к народу деятелей "Школы" в предиках, которые оглашались на румынской языке по случаю различных религиозных празднеств. Многие из них были опубликованы в сборниках "Дидахий", "Предик", изданных П. Майором.

Так создавались начала культуры, доступной широким слоям населения, а не только образованной верхушке.

Если учесть, что корифеи "Школы" творчески освоили достижения культурных деятелей Валахии и Молдавии и развили их (в том числе и незавершенные замыслы), подняв на новую ступень, то нетрудно понять, каким благотворным и своевременным было воздействие идей и творений "Трансильванской школы" в княжествах, задавленных фанариотским гнетом и турецким мздоимством. В этом следует видеть начала того движения в пользу создания новой культуры на основах латинской цивилизации, которая будет все более настойчиво утверждаться на протяжении первой половины XIX в.

inslav

Отдельные стороны наследия "Трансильванской школы" — "спрямление" этногенеза румын, как непосредственных потомков римских переселенцев, игнорирование славянского влияния на формирование языка, подчеркивание исключительности их положения на Балканах как представителей латинской цивилизации, в дальнейшем использовались различными румынскими националистическими течениями.

[1] *Ivaşcu G.* Istoria literaturii române. Bucureşti, 1969. Vol. 1. P. 167.
[2] Краткая история Румынии. М., 1987. С. 161—162.
[3] Scriitori români. Bucureşti, 1978. P. 32.
[4] *Duţu A.* Cărţile de înţelepciune în cultura română. Bucureşti, 1972.
[5] Dicţionárul literaturii române de la origine pînă la 1900. Bucureşti, 1979. P. 893.
[6] *Curticăpeanu D.* Orizonturile vieţii în literatura veche românească. Bucureşti, 1975.
[7] История литературий молдовенешть. Кишинэу, 1986. Вып. 1. П. 316.
[8] *Русев Е.* Слова кроникэряскэ-екоул бэтрыней Молдове. Кишинэу, 1974.
[9] *Iorga N.* Istoria literaturii româneşti. Introducere Sintetică. Bucureşti, 1977.

inslav

Кризис османской военно-ленной системы (социально-экономическое развитие болгарских земель в XVIII веке)

Характеризуя особенности османского общества XV – XVIII вв., специалисты нередко отмечают в качестве его важнейшей отличительной черты высокую степень гетерогенности[1]. Эта неоднородность, явившаяся прямым следствием механического объединения многочисленных народов и племен с разнотипными общественными укладами, продолжала веками существовать, не встречая серьезного противодействия со стороны властей. Порта стремилась не столько к унификации порядков в различных районах империи, сколько к использованию этой специфики общества для укрепления своей власти. Не препятствуя сохранению в регионах местных обычаев, предоставляя многим группам населения определенную автономию в вопросах самоуправления, власти тем самым фактически препятствовали созданию единого внутреннего антиосманского фронта.

Побочным результатом этой достаточно дальновидной политики стала различная направленность и темпы социально-экономических процессов в регионах, их слабые производственные и социокультурные связи. Значительная степень внутренней автономии и сохранение ярко выраженной местной специфики были особенно характерны для отдаленных от столицы периферийных районов. К сожалению, это наблюдение не относится к болгарским землям. На их долю выпала иная участь.

Геополитическое положение и в первую очередь территориальная близость к центральным столичным районам империи стали причиной того, что земли болгар оказались в числе территорий, чья интеграция в состав новых общественных структур была максимально полной и где османы попытались наиболее последовательно воплотить в жизнь те свои представления, которые соответствовали воззрениям на идеальное устройство общества. Это привело к чрезвычайно высокой степени вписываемости истории социально-экономического развития болгарского народа XV – XVIII вв. в общую канву развития османского общества. Более того, можно даже сказать, что в данный период болгарский регион представлял собой едва ли не эталонный образец для анализа функционирования механизма османской социально-экономической системы. По этой причине целесообразно рассматривать кризис военно-ленной системы, потрясший до основания империю османов в XVIII в., на конкретном документальном материале, связанном своим происхождением с областями проживания болгарского народа.

inslav

В современной историографии много пишется об изменениях, происходивших в XVIII в. в социально-экономической структуре Османской империи. Первопричину их исследователи видят прежде всего в разложении спахийской (тимарной) системы землевладения. Поскольку процесс этот был чрезвычайно длительным, а его последствия имели решающее значение для государства, затронув все сферы общественной жизни, имеет смысл несколько более подробно остановиться на истории данного вопроса.

В своих основных чертах османская система ленного землевладения сложилась в XV в. Двумя ее наиболее характерными особенностями было провозглашение верховной и неограниченной собственности государства в лице султана на все мирийские, т.е. государственные земли (куда входил основной фонд пашни) и учреждение на их основе института условного служебного землевладения (спахилыка). Спахилык стал на несколько столетий основной формой землевладения в Османской империи. Бóльшая часть государственных земель была оценена по степени их доходности. Из этого фонда власти наделяли так называемых людей меча, т.е. ополченцев, условными земельными пожалованиями. Собственность на землю сохранялась в руках государства, но держатель получал право на отчисление в свою пользу части установленных властями налогов. В ответ спахии принимали на себя ряд определенных обязательств. Как правило, они касались участия в феодальном ополчении. Держатели мелких земельных владений служили сами, а более крупных — приводили с собой вооруженный отряд.

Опасаясь превращения условных держаний в наследственные, османское законодательство стремилось придать статусу спахий и их взаимоотношениям с податным крестьянским населением (райей) ярко выраженный публично-правовой характер. Это отразилось прежде всего на порядке наследования спахилыка. Оно было возможно только при приеме на себя соответствующих служебных обязанностей. При этом размеры земельного владения урезались до установленного законом минимума. Их увеличение ставилось в прямую зависимость от усердия наследника на службе государству. Владельческие права на землю также носили крайне ограниченный характер. Продажа, покупка или дарение земли были строго запрещены.

Права спахий в отношении приписанных к ленным держаниям крестьян строго регламентировались. Огромное значение в этом отношении имело то обстоятельство, что в своих владениях подавляющее большинство держателей, т.е. собственно тимариотов, не обладало иммунитетом. Публичная власть над приписанным населением принадлежала не им, а государству. Это касалось полицейских, судебных и в основной своей части фискальных функций. Одновременно наследственные права непосредственных производителей подтверждались в законодательном порядке. Право владения земельным фондом (при признании верховной собственности государства) закреплялось за сельской общиной, а личные хозяйства и участки за крестьянами-производителями. Сам же спахий получал право лишь на временное владение личной усадьбой — чифтликом (размером не больше одного крестьянского надела). При этом ему строго запрещалось расширять его. Справедливости ради стоит отметить, что в первые столетия спахии особенно и не стремились

inslav

к этому. Занятые в бесконечных военных походах, обеспечивавших их богатыми трофеями, они не имели ни возможности, ни желания заниматься сельскохозяйственной деятельностью. В тот период нередки были случаи неиспользования чифтлика или передачи его в аренду сельской общине с правом получения ренты.

Важнейшим рычагом воздействия государства на спахийское ополчение, обеспечивавшее его строгое подчинение и дисциплину, была практика частых перераспределений ленных владений. Спахийский земельный фонд находился в состоянии постоянного движения. В случае необходимости любое ленное держание без каких-либо осложнений могло быть отнято у одного владельца и передано другому или же раздроблено (разделено в совместное пользование), или, наоборот, укрупнено. Таким способом власть обеспечивала сохранение служебно-военного характера земельной собственности и одновременно стремилась обезопасить себя от появления родовой земельной аристократии.

В соответствии с заслугами перед государством различались и виды земельных пожалований. Наиболее распространенной формой спахилыка были тимары, которыми обычно наделялись рядовые воины. Их доходность оценивалась до 20 тыс. акче. Далее по степени доходности следовали зеаметы (от 20 до 100 тыс. акче). Наиболее привилегированным и крупным видом пожалований были хассы (более 100 тыс. акче). Владельцами их кроме членов султанской фамилии обычно становились крупные сановники (везиры, бейлербеи и др.). Под хассы выделялись наиболее удобные и плодородные земли.

Эта категория владений пользовалась более широким фискальным и административным иммунитетом. Поскольку обычно хассы принадлежали чиновникам, возглавлявшим военно-административные единицы, для контроля над хозяйством назначался управляющий. В его компетенцию входили фискальные и полицейские функции над приписанным населением. Но при этом контроль над сбором собственно государственной части налогов и общий надзор над спахилыком все равно оставался в руках верховной власти. Отличительной особенностью хассов был и крупный размер личного хозяйства держателя, что открывало возможности для дополнительного обогащения и способствовало появлению заинтересованности в сельскохозяйственной деятельности.

Параллельно в Османской империи изначально существовал относительно небольшой слой феодальных владений, не связанных со служебным землевладением — мюльки. Они находились в полной частной собственности с правом купли—продажи, наследования, дарения. Их владельцы иногда даже обладали правом на сбор ряда государственных налогов в свою пользу. Собственниками мюльков могли быть члены султанской фамилии, военачальники, сановники.

Близкий к мюлькам статус имели и вакуфы — владения религиозных учреждений. Однако в отличие от обычных мюльков, имущество которых в любой момент могло быть конфисковано султаном, вакуфы относились к категории неотчуждаемой и неприкосновенной собственности. В дальнейшем это стало причиной массового перевода мюльков в вакуфы. Посредством завещаний часть доходов частных имений выделялась на поддержание какого-либо религиозного учреждения, позволяя переводить имущество в ранг неприкосновенного. В качестве управляющего этим

inslav

имуществом определялся хозяин мюлька и его потомки, что обеспечивало закрепление части доходов за семьей на вечные времена.

В своем классическом варианте военно-ленная система просуществовала недолго. Уже во второй половине XVI в. в аграрных отношениях начали набирать силу тенденции, свидетельствующие о наступательном развитии частновладельческих элементов в экономике. Связано это было сразу с несколькими факторами.

Победоносное наступление османской армии и поступление в страну гигантской военной добычи изменили сам облик спахий, сферу их материальных интересов и образ жизни. В обществе возросла роль денег. Вместе с тем возможности их поступления во второй половине XVI в. начали сокращаться. Расширение границ Османской империи делало уже нерентабельным использование главной силы султанского войска — спахийской конницы. Сбор ополченцев и передвижение к месту предполагаемых военных действий стали теперь занимать слишком много времени, а неспособность конницы воевать зимой ставила под удар возлагавшиеся на нее военно-стратегические задачи. Это не могло не отразиться на военных успехах империи и состоянии ее финансов. Экономика, ориентированная на экстенсивный путь развития и поставленная в зависимость от масштабной внешней экспансии, начала терять динамику роста.

Ситуацию усугубил мировой финансовый кризис, связанный с "революцией цен" в Европе и изменением торговой конъюнктуры в связи с завоеванием Америки. Для Османской империи поступление дешевых драгоценных металлов из Америки и перемещение направления традиционных торговых потоков означали приход инфляции и обесценивания основной денежной единицы — серебряного акче. Цены и налоги резко возросли, но жестко зафиксированные доходы спахий с их держаний остались на прежнем уровне. Итогом стало обнищание основного слоя османского феодального общества. В частности, в Восточной Румелии доля тимариотов в общем объеме феодальной ренты упала с 50—70% в начале XVI в. до 20—25% в конце столетия, зачастую перестав покрывать даже расходы на военные сборы[2].

Происходящие перемены предопределили возникновение внутреннего раскола внутри спахий. Судьба владельцев мелких тимаров и зеаметов, с одной стороны, и хассов — с другой, начала развиваться по различным сценариям. Жесткая регламентация прав и небольшой доход первых не только препятствовали их обогащению, но нередко приводили и к дефеодализации. Одновременно владельцы крупных сбережений все более обогащались, используя свои иммунитетные права и находя (благодаря своему служебному положению) способы превращения условных держаний в частновладельческие.

Глубокие изменения в системе спахилыка привели в конечном итоге к полному беспорядку в системе регистрации служебных леннов и соответственно к неразберихе при сборе ополченцев. Особенно это отразилось на состоянии главного подразделения османского войска — спахийской конницы. Несмотря на частые проверки, число уклонистов постоянно росло. Серьезная попытка восстановления боеспособности ополчения была предпринята во второй половине XVII в. великим везиром Мехмедом Кёпрюлю и его преемниками. В результате жестоких репрессий на время удалось добиться восстановления дисциплины в среде тимариотов. Одна-

inslav

ко уже в XVIII в. реальное значение провинциального конного ополчения для османской армии свелось к минимуму.

Важную роль в подрыве военно-ленной системы сыграло и само государство. Ограниченные возможности ополчения вынуждали его все больше опираться на профессиональную армию, главным боевым ядром которой был янычарский корпус. Влияние янычар при дворе росло, а их содержание превращалось в постоянную проблему государственной казны.

Обеспокоенное бесконечным денежным дефицитом, правительство пыталось поправить положение дел через передачу на откуп сбора доходов с все большего количества мирийских земель. В принципе в Османской империи откупная система в различных областях экономики была явлением традиционным, но в так называемый классический период она не использовалась в ущерб спахилыку. С ростом бюджетного дефицита масштабы передачи сбора на откуп налогов с мирийских земель стали все более возрастать, однако ожидаемых результатов это не приносило. Причина состояла в распространившейся в XVII в. практике перепродажи откупов, при которой новые владельцы уже не были напрямую ответственны перед верховной властью за принятые их предшественниками обязательства. В результате фискальный гнет усиливался, но казна не получала ожидаемых поступлений.

Одновременно власти решились на допуск в систему спахилыка никогда не воевавших придворных. В счет оплаты жалованья им передавалась часть доходов от держаний. Это новшество опять не решило финансовых проблем казны, но усилило проникновение в сферу землевладения лиц, не имевших никакого отношения к воинской службе — дворцовой аристократии, чиновников.

В XVIII в. Османская империя вступала в разгар процесса интенсивного разложения спахийской системы и утверждения иных аграрных порядков. В их основе, по наблюдению российского османиста М.С. Мейера, лежали изменившиеся отношения между землевладельцами и государством, с одной стороны, и между крестьянами и землевладельцами — с другой[3]. На Балканах, и в болгарских землях в частности, основной единицей новой аграрной структуры постепенно становился чифтлик.

Своей трансформацией из небольшой личной усадьбы в составе ленного держания в полноценное частновладельческое хозяйство чифтлик обязан сразу нескольким факторам. Один из них в значительной степени связан с высочайшим указом 1694—1695 гг., открывшим дорогу распространению практики пожизненных откупов — маликяне.

Реформа откупной системы была вызвана к жизни все тем же хроническим бюджетным дефицитом и дополнительными финансовыми трудностями во время войны с государствами Священной лиги. Наиболее простой способ решения проблемы властям виделся в перераспределении доходов феодальной ренты в пользу государства. С этой целью в начале XVIII в. произошло массовое изъятие тимаров у спахиев и передача их в султанские и государственные хассы. По оценке историков, тем самым был нанесен сокрушительный удар по спахийской системе землевладения, а в болгарских землях она вообще была поставлена на грань уничтожения[4]. Однако целью данного мероприятия было не стремление к увеличению собственных земель короны, а расширение площадей, пригодных для превращения в маликяне (сдаче их в пожизненный откуп).

inslav

Введенная сначала в азиатских провинциях империи, она на первых порах неплохо себя зарекомендовала и была признана перспективной для широкого использования. Задуманная как средство противодействия злоупотреблениям откупщиков и их уходу от принятых перед государством финансовых обязательств, маликяне быстро превратилась в базу для развития частновладельческого сектора в экономике. Маликяне предусматривала изменение практики системы откупа. Ранее его стоимость устанавливалась на аукционе и выплачивалась сразу. Маликяне предполагала единовременную выплату крупного аванса и дальнейших ежегодных пожизненных взносов. Первоначально владелец маликяне должен был выплатить сумму в размере 2—8-кратной стоимости предполагаемых ежегодных сборов, которые он намеревался собирать в дальнейшем, а затем ежегодно проплачивать стоимость ежегодного откупа (или его оговоренную часть). Взамен государство уступало ему право полного распоряжения источником дохода — от сдачи в субаренду до полного отчуждения. Власти имели право передачи маликяне другому лицу лишь после смерти владельца или в случае невыполнения условий договора. При их соблюдении возможность вмешательства властей в деятельность откупщиков сводилась до минимума.

Главное же — владельцы маликяне оказывались избавлены от жесткой регламентации государства по отношению к крестьянам, что способствовало распространению частноправовых отношений в аграрном секторе экономики. Одновременно через систему субаренды откупов происходил интенсивный приток денежного капитала в сельское хозяйство. Создавались условия для включения земель сельскохозяйственного назначения в торговый оборот и вытеснения государства из аграрной сферы. В избавленных от опеки верховных властей землях новой формой ведения сельского хозяйства становился чифтлик — частновладельческое товарное хозяйство, использующее труд батраков и поденщиков.

Чифтликская форма землевладения оформлялась и непосредственно за счет разложения самого спахилыка. Заинтересованность в плодах сельскохозяйственной деятельности толкала крупных держателей на поиски путей по расширению размеров своей усадьбы. Османское земельное законодательство предусматривало возможность законной продажи производителями своих наследственных прав на землю. И хотя это происходило при контроле властей, тем не менее в условиях кризиса государственной власти, усугублявшегося на протяжении всего XVIII столетия, это обстоятельство открывало законный путь для создания крупных товарных хозяйств. Вероятно, не случайно именно в этот период рыночная цена тапу — документа, закрепляющего наследственные права крестьян на обрабатываемую землю, подскочила более чем в 2 раза, превысив стоимость самого земельного участка[5]. Однако продажа тапу не означала чаще всего обезземеливания крестьянства. Новые землевладельцы стремились обычно не к удалению непосредственных производителей с земли, а к захвату владельческих прав и превращению крестьян в арендаторов-издольщиков.

Часто процесс передачи владельческих прав происходил и посредством конфискации имущества несостоятельных налоговых должников. Неспособность справиться с возросшими налоговыми платежами нередко вынуждала крестьян обращаться за займом к феодалам или ростов-

inslav

щикам. Гарантом сделки при этом часто становились сельскохозяйственные угодья, переходившие в случае невыплаты долга к новому владельцу. Но наряду с законным существовали и иные способы, в том числе и силовые захваты.

Исследования показывают, что первоначально чифтлики, по крайней мере в болгарских землях, не были велики. К примеру, на юго-западе Болгарии и в районах Македонии, где они появились довольно рано, их площадь не превышала 25—50 га, что соответствовало приблизительно двум-пяти крестьянским наделам[6]. Преобладание мелких чифтликов не исключало появления крупных, особенно в районах, специализирующихся на скотоводстве. Однако, по мнению специалистов, превращение их в товарные помещичьи хозяйства не было типично для XVIII в., и доходы от сбыта продукции еще значительно уступали поступлениям от рентных платежей[7].

Необходимо особо подчеркнуть, что широкое распространение чифтликского землевладения является одной из характерных особенностей развития экономики Болгарии XVIII в. Именно эти территории, входящие в состав так называемой Восточной Румелии, становятся в этот период одной из основных сельскохозяйственных житниц Османской империи, в обилии снабжающих его наиболее крупные города и столичные центры хлебом, мясом и другими продуктами. Возможным это стало прежде всего благодаря широким масштабам происходящих здесь новых сдвигов в агрокультуре, опирающихся на увеличение удельного веса частного сектора в общей структуре сельского хозяйства.

Но основа частновладельческих хозяйств в этом районе была заложена еще в эпоху османского завоевания (XIV—XV вв.), когда верховная власть поощряла появление частновладельческих мюльков в Восточной Румелии[8]. В тот период ими активно одаривались удачливые полководцы и родовитые тюркские колонисты из Малой Азии. При помощи распространения этой формы землевладения власти пытались решить задачу восстановления опустошенных при завоевании районов и одновременно укрепить безопасность в стратегически важном столичном регионе. Как показали исследования болгарского историка Б. Цветковой, именно таким образом здесь изначально оформилась относительно широкая прослойка частновладельческих хозяйств[9].

В XVIII в. серьезную лепту в оформление новых аграрных порядков внесли янычары. Верховная власть многократно задолжавшая им жалованье, пыталась обезопасить себя от мятежных войск посредством удаления их из столицы. Размещение янычарских гарнизонов на окраинах империи позволяло параллельно решать также задачу усиления охраны границ. Но в провинции янычары оказались на особом положении, вне сферы действия основного законодательства. Они не подчинялись местным административным органам, а лишь своим офицерам. Им разрешалось заниматься хозяйственной деятельностью, но при этом они сохраняли свои привилегии — освобождение от налогов, сборов, пошлин и т.д. Янычарский статус открывал возможности и для облегченного доступа к получению земли в частную собственность. Началось широкое проникновение янычар в сферу феодального землевладения. По наблюдениям специалистов присутствие этого элемента в структуре частного землевладения Болгарии на протяжении XVIII в. непрерывно нарастало[10].

inslav

В северо-западной и северной Болгарии уже с начала столетия янычарство стало одной из основных групп в составе нового слоя землевладельцев[11]. Зачастую этот процесс происходил за счет сокращения мирийского фонда. Исследования болгарского историка Хр. Гандева наглядно продемонстрировали один из возможных механизмов передачи государственных земель в частную собственность на примере изменения статуса крупных земельных владений в Видинском и Софийском районах[12]. В 1701 г. земли, традиционно входившие здесь в состав султанских хассов и обладавшие широким иммунитетом, были переведены в разряд мирийских. Местная администрация сумела воспользоваться чиновничьей неразберихой и тем обстоятельством, что у султанских крестьян не было на руках документов, подтверждающих их наследственные права на землю. Результатом стала передача сельскохозяйственных угодий в руки частных владельцев. В особом выигрыше от этой операции оказались местные янычары. Крестьяне же смогли сохранить за собой лишь приусадебные участки, потеряв права на основной земельный фонд.

Большое количество чифтликов возникло уже в первой половине XVIII в. также в Русенском и Никопольском районах[13]. Плодородные районы Подунавья, Северо-Западной и Западной Болгарии быстро становились областью интенсивного частновладельческого земледелия. Сказывалось влияние относительно развитой инфраструктуры региона, обилие торговых и ремесленных центров, обеспечивавших сбыт сельскохозяйственной продукции, а также близость европейских рынков. Аналогичная ситуация складывалась в Южной и Средней Македонии, в районах, прилегающих к побережью Эгейского моря, в долине р. Марица. Их привлекательность для владельцев чифтликов объяснялась прежде всего наличием условий для выращивания технических культур — табака, хлопка, тутовых деревьев и других, позволявших развернуть крупное хозяйство, ориентированное на внутренний и внешний рынок.

Особенных размахов наступление чифтликского землевладения достигло во второй половине XVIII в. Этому в значительной степени способствовал рост самовластия местных аянов. Насильственный захват и скупка ими крестьянских земель становятся в этот период повсеместным явлением. Исследования показывают, что в Македонии, например, известны случаи присвоения аянами территорий целых общин[14]. Особенно же преуспел на этом поприще знаменитый видинский властитель эпохи феодальной анархии последней четверти столетия Осман Пазвант-оглы. Известно, в частности, что земли, оформленные как его частная собственность, составляли около 1/3 контролируемых им территорий, распространяясь широкой полосой вдоль Дуная[15].

Но при этом необходимо особо отметить, что наступление чифтликской системы землевладения далеко не всегда происходило путем беззаконных захватов. Нередко причиной возникновения новых частнособственнических владений становился сам факт появления больших массивов бесхозных земель. Обстановка анархии и сепаратизма, постепенно захлестнувшая империю к концу XVIII в., привела к гибели и массовой миграции крестьянства. Обезлюдевшими подчас оказывались не только отдельные села, но и целые районы. Брошенные земли подлежали конфискации государством с их последующей перепродажей, а новые владельцы становились уже законными собственниками купленной земли.

inslav

Кризисом спахийского землевладения и развитием чифтликского хозяйства не исчерпывались, однако, процессы, наблюдавшиеся в XVIII в. в сфере земельных отношений. Параллельно с частными владениями и условными держаниями в болгарских землях продолжали существовать и традиционные формы крестьянского хозяйствования. В данном случае речь идет о сельской общине. Завоевав Балканы, османы сохранили общину практически в неизменном виде, поскольку она исключительно удачно вписывалась в тимарную систему. Именно благодаря сохранению традиционного общинного землевладения и стало возможным развитие системы условных ленных держаний. Крестьяне-производители выполняли как бы роль буфера между верховным собственником земли в лице государства и временным пользователем, в роли которого выступал спахия. Получив подтверждение своих наследственных прав на обрабатываемую землю, они становились своеобразным гарантом сохранения условного характера спахилыка, тормозя процессы формирования новой феодальной знати. И лишь кризис османской военно-ленной системы, стимулировавший рост частной земельной собственности, открыл новую страницу в истории общины, стимулируя ее внутреннее перерождение.

Однако в XVIII в. эти процессы начали проявляться еще только на уровне тенденций. Так, исследование, проведенное Е. Грозданoвой, показывает, что на протяжении XV – XVIII вв. болгарская сельская община демонстрировала поразительную устойчивость с точки зрения сохранения своей внутренней традиционной структуры и характера. И хотя к концу XVIII столетия процессы внутренней дифференциации начали набирать силу, однако их результаты еще не привели к изменениям принципиального характера[16]. Сельская община в своем практически неизменном виде продолжала оставаться во многих районах Болгариии по существу основной производительной ячейкой сельскохозяйственной продукции. Приоритет традиционной системы был наиболее типичен для районов Добруджи, Фракии и отчасти Северной Болгарии. В них сохранялся значительный фонд свободных, необработанных земель, что в известной мере спасало местных производителей от покушений на общинный фонд.

Главную роль в защите общинной системы играли непосредственно сами османские власти. Кроме причин политического характера, связанных с необходимостью дополнительных ограничений прав спахиев на земельную собственность, важное значение имели и фискальные соображения. Государство изначально стало рассматривать общину в качестве своеобразной первичной административной ячейки, осуществлявшей распределение и сбор налогов. Немаловажным в глазах властей было, вероятно, и то обстоятельство, что вся эта регулярная, кропотливая и, в общем-то, чиновничья работа проводилась местными старейшинами и, выборными представителями общины совершенно бесплатно (вплоть до 30-х годов XIX в.).

Особое удобство для властей представляла традиционная практика коллективной ответственности в сфере налогообложения и уголовно наказуемых деяний. Ответственность за своевременную выплату всех причитающихся платежей лежала на общине в целом. Эта система гарантировала осуществление не только строгого внутреннего контроля за сбором налогов, но и минимализировала процессы миграции. Не заинтересованные в увеличении своего налогового бремени, общинники стремились не

inslav

допускать переселения с места "приписки" кого-либо из своих соседей. На них же лежала и коллективная ответственность за соблюдение правопорядка на общинных землях.

Встав на защиту общины, османские власти законодательно подтвердили сохранение ее традиционной системы землепользования. Особую важность представляло признание ее юридических прав на земельный фонд в тех границах, которые сложились с доосманских "старых времен"[17]. Причем описание этих границ проводилось самими местными старейшинами, чиновники их лишь документально фиксировали. Что касается системы землепользования, крестьяне сохраняли свои владельческие права на обрабатываемую землю, включая права купли—продажи и бесплатного наследования. Но это касалось лишь их личной собственности — дом, земельный участок, сад, огород, виноградник. Земли совместного пользования — пастбища, водопои — по-прежнему закреплялись за общиной в целом и фактически находились вне сферы возможных рыночных отношений. Такой подход османских властей способствовал консервации традиционного статуса общины, защиты прав ее членов от внешних посягательств.

Однако развитие в обществе рыночных отношений не могло не подтачивать общину изнутри. Данные налоговых регистров свидетельствуют, что в XVIII в. наблюдается начало процессов активной имущественной дифференциации в среде крестьянства. Хотя справедливости ради необходимо отметить, что это явление было характерно прежде всего для районов развитого чифтликского земледелия. В частности, данные о сборе джизие в Тырновском крае в первой половине XVIII в. констатируют наличие наряду с зажиточными (28,3%) и богатыми крестьянами (5,5%) большого количества малоземельных и безземельных общинников (66,2%)[18]. В районах традиционного общинного земледелия соотношение было несколько иным, склоняясь в пользу крестьян со средним уровнем достатка. Однако к концу столетия рост удельного веса хозяйств сельских старейшин и первенцев в общей структуре общины начинает нарастать повсеместно.

Большое значение для активизации процессов имущественного расслоения в условиях развития товарно-денежных отношений имело наличие у крестьян фактически частнособственнических прав на свой земельный участок. Так, в отличие, к примеру, от России, где общинный земельный фонд периодически перетасовывался, находясь в непрерывном движении, болгарские общинники получали свои земли в постоянное владение. Это обстоятельство способствовало накоплению богатств внутри семьи, оформлению зажиточной прослойки, становлению богатых и влиятельных крестьянских родов.

В усилении влияния и росте благосостояния таких родов были прямо заинтересованы и османские власти. Связано это оказалось прежде всего, с механизмом выплаты налоговых сборов в рамках практики коллективной ответственности. По сложившейся традиции именно наиболее состоятельные члены общины (старейшины и первенцы) гарантировали перед властями всем своим имуществом, а нередко и личной свободой своевременное выполнение общинных налоговых обязательств. В свою очередь, принятие ими на себя забот по распределению и сбору налогов способствовало дальнейшему обогащению общинной верхушки, так как предо-

inslav

ставляло возможности для различного рода манипуляций, вплоть до минимализации своего личного вклада.

Так, в XVIII в. начали формироваться объективные условия для разложения общины изнутри. Из крайне замкнутого, относительно гомогенного коллектива она постепенно начала превращаться в формальное объединение, члены которого различались и по уровню материального достатка, и по роли в процессе сельскохозяйственного производства. Однако в XVIII в. эти процессы еще только начали набирать силу. Для крестьян в этот период актуальными были не социальные конфликты внутри общины, а совместная защита от наступления ростовщического капитала[19].

Замена натуральных сборов денежными, постоянный рост налогов и массовая передача их на откуп все чаще создавали трудности при сборе необходимых сумм. Рост налоговых задолжностей вынуждал искать помощи у ростовщиков. При заключении коллективных договоров обычно предусматривался залог недвижимостью (земельные участки, виноградники, постройки и т.д.). Это открывало возможности для проникновения ростовщического капитала в сферу землевладения.

Заинтересованность ростовщиков в захвате земельной собственности наблюдалась прежде всего в районах распространения товарного земледелия. В Болгарии в этом отношении особенно выделялись юго-западные земли. О масштабности данных процессов в этом регионе позволяет судить специальный ферман, изданный властями в 1795 г. Он был адресован судебным властям Беломорской Фракии и Македонии и был призван препятствовать превращению общинных земель в чифтлики. Ферман прямо обвинял местных ростовщиков в закабалении крестьян и принуждении их к передаче своей земли в счет погашения задолжностей. В связи с этим кадиям запрещалось нотариально регистрировать подобные сделки[20]. Однако, несмотря на судорожное противодействие властей, именно так закреплялся один из путей разрушения традиционной общины, обезземеливания крестьянства и создания чифтликского землевладения.

Эволюция аграрных отношений оказала решающее влияние на все сферы жизни османского общества. Появление товарного земледелия, рост объемов сельскохозяйственной продукции, все бóльшая заинтересованность производителей в выращивании технических культур (хлопка, табака, шелковичных деревьев), продукция которых была предназначена на рынок, а не на личное потребление, способствовали развитию городов, торговли, расширению ремесленного производства. В свою очередь, интеграция села в городскую экономику предопределяла неизбежность все большего проникновения товарно-денежных отношений в бытовой уклад сельских жителей.

Одним из прямых последствий сдвигов в агрикультуре стало увеличение объемов сельскохозяйственного производства в балканских провинциях Османской империи и расширение экспорта его продуктов в страны Европы[21]. Практически на всем протяжении XVIII в. (кроме конца столетия) для экономики Болгарии характерен плавный подъем. Основным объектом вывоза из болгарских земель становится сельскохозяйственное сырье — шерсть, хлопок, шелк-сырец, кожи, табак, воск, розовое масло. Что касается зерна, то хотя по объемам производства оно занимало в региональной экономике лидирующее место, его экспорт из Османской империи был фактически запрещен. Исключения разрешались только с

inslav

санкции великого везира. Для властей снабжение населения империи основными продуктами питания, прежде всего хлебом и мясом, традиционно являлось одной из основных составляющих системы обеспечения национальной безопасности страны. И этот подход был исторически оправдан, так как в феодальном обществе с его слабо развитыми рыночными отношениями и при наличии примитивных транспортных средств любой сбой в обеспечении крупных городских центров продуктами первой необходимости мог привести к дезорганизации внутриполитической ситуации. Поэтому не только вывоз, но и нерегламентированная торговля этими товарами были строго запрещены. Государственное вмешательство в торговлю зерном являлось характерным элементом османской экономики и осуществлялось посредством контроля за ценами и поставками продукции. И хотя контрабандный вывоз всегда существовал, из реальной рыночный торговли этот важнейший продукт земледелия был фактически изъят.

Аналогичная ситуация складывалась и в области торговли скотом. Джелепство — отрасль товарного скотоводства, ориентированного на скупку и перепродажу на мясо овец, коз и другого скота, — получила в болгарских землях чрезвычайное распространение. Именно в этой сфере в XVIII в. наблюдается становление первых богатых и влиятельных болгарских буржуазных родов — Чалыковцев, Хаджигеоргиевых и др. Позиции болгарских скотопромышленников в снабжении османской армии, городов Румелии и самого Стамбула продуктами животноводства были исключительно прочными. Не в последнюю очередь это объясняется и тем, что этот бизнес был для них традиционным. Есть информация, что уже в XV в. болгарские купцы имели подряды на поставку мяса в армию османов[22]. С течением времени скупка скота в районах Балканских гор, Родоп и Добруджи с последующей его перепродажей превратилась в рамках внутриимперского межэтнического разделения труда едва ли не в национальный болгарский промысел. Однако он был обязан обслуживать прежде всего и стратегические интересы государства.

В этой ситуации истинным лидером болгарского экспорта в XVIII в. становится текстильное сырье, пользующееся большим спросом на рынках Западной и Центральной Европы. Через купцов-посредников местные шерсть и хлопок регулярно отправлялись через Салоники, Адрианополь и Кавалу для обеспечения текстильной промышленности Западной Европы. С рынками Центральной Европы болгарские купцы работали непосредственно сами.

По условиям Пожаревацкого мирного договора 1718 г. подданные Австрийской и Османской империй получали право свободной торговли товарами собственного производства при условии выплаты 3%-й пошлины. Эти договоренности открыли новую страницу в истории балканской торговли, обеспечив местным купцам прямой выход на рынок Венгрии, Австрии, Германии. В торговые сделки со странами Центральной Европы оказалось быстро вовлеченным население северной Болгарии, юго-западных и южных земель[23]. Одновременно эта торговля явилась мощным стимулом для роста и обогащения придунайских городов — Видина, Никополя, Русе, Свищова и др.

Масштабы торговли текстильным сырьем были весьма значительны. Известно, например, что в период 1700—1750 гг. саксонские текстильные

inslav

мануфактуры в основном пользовались хлопком из юго-западных болгарских земель[24], что в Трансильвании его экспорт в 1767 – 1776 гг. ежегодно увеличивался на 3 тыс. тонн[25]. Что касается шерсти, хотя она в основном поступала на рынки Западной Европы, но и ее объем вывоза на север постоянно нарастал. Так, в Трансильвании за тот же период ее продажа ежегодно увеличивалась на 2 тыс. тонн[26]. Торговля шелком-сырцом занимала более скромное место, но и его вывоз по самым скромным подсчетам ежегодно превышал 200 тыс. кг[27].

Главными центрами болгарской торговли за рубежом стали трансильванские города Брашов и Сибиу, где давно существовали колонии болгар. С начала XVIII в. ведет отсчет и развитие болгаро-русской торговли. Ее основой стала образованная в г. Нежин колония балканских купцов, так называемое нежинское братство, получившее в 1710 г. торговые привилегии от Петра I. В среде этого многонационального братства количество собственно болгарских купцов начало особенно нарастать во второй половине столетия[28]. Из России в болгарские земли везли прежде всего железо, церковные одежды, книги, парчу. В Россию ввозились хлопок, шерсть, табак, бакалея и ряд других товаров местного производства.

Одновременно с внешней торговлей развивается и внутренняя торговля. Наряду с коробейниками и воскресными базарами все большее значение получают ежегодные ярмарки, ориентированные, как правило, на крупно- и мелкооптовую торговлю с большим оборотом наличных средств. Наиболее известной в XVIII в. была Узунджовская ярмарка, переживавшая расцвет в первой половине столетия и остававшаяся крупнейшей вплоть до XIX в. По существу, в тот период она имела статус общенациональной, собирая сельскохозяйственных производителей, ремесленников и торговцев со всех уголков Болгарии. Большой популярностью пользовалась ярмарка в г. Сяр, специализировавшаяся в основном на продаже хлопка. К середине XVIII в. все большее значение начинают приобретать ярмарки в городах Свищов, Неврокоп, Кукуш, со второй половины столетия в г. Сливен. Характерная деталь — расширению ярмарочной торговли не смогли положить конец даже анархия и феодальные усобицы рубежа XVIII – XIX вв. Так, например, в 1799 г. в самый их разгар и едва ли не в центре вооруженных столкновений открылась традиционная Сливенская ярмарка, которая по оценке австрийского представителя при Порте была в тот год "одной из наиболее богатых... (за последние годы) ... особенно по количеству товаров, привезенных из Германии"[29].

Однако говоря о расцвете внутренней торговли в болгарских землях, необходимо отметить, что, несмотря на развитие рыночных отношений, она на протяжении всего XVIII в. продолжала находиться в тисках средневековой государственной регламентации, типичной для стран мусульманского Востока. Разносторонний административный контроль за базарами, как и в предшествующие столетия, по-прежнему осуществлялся местными чиновниками-мухтесибами и их штатом. Они следили за соблюдением режима фиксированных цен на продукты питания, сырье, предметы первой необходимости. Установление нормированных цен продолжало совершаться централизованно и на длительный период времени (обычно на десятилетия). Обнародование цен носило официальный характер и было обычно связано с восшествием на престол нового султана или какими-либо чрезвычайными обстоятельствами. Цены-нормы были призваны фик-

inslav

сировать верхнюю ценовую границу, но не запрещали продажу по более низким ставкам.

Строгое соблюдение османскими полицейскими органами подобных правил торговли тормозило развитие в обществе рыночных отношений и становление крупного торгового капитала. Ситуация усугублялась процессом обесценивания местной валюты и ростом инфляции. Данный болгарским историком Н. Тодоровым анализ динамики колебания цен на основные продукты потребления в городах Русе, Видин, София показал, в частности, их постоянное стремление к первоначально заданным величинам на протяжении почти всего XVIII в.[30] И хотя автор оперирует статистикой, относящейся к периоду до 70-х годов, т.е. эпохе предшествующей феодальной анархии, и очень осторожно высказывается о причинах этого явления, думается, в рамках естественных процессов они вряд ли объяснимы.

И тем не менее вопреки жесткой внешней регламентации торговые отношения развивались, обеспечивая приток больших денежных капиталов в города. В XVIII в. (за исключением конца столетия) городская экономика Болгарии интенсивно развивалась. В значительной степени этому способствовало увеличение численности городского населения за счет притока обезземеленного крестьянства и рост благосостояния проживавших в городах феодалов. Оба эти фактора содействовали активизации местных рынков. Первый самим фактом своего существования обеспечивал увеличение спроса на предметы первой необходимости. Второй стимулировал совершенствование продукции ремесленников, особенно специализировавшихся на изготовлении предметов роскоши.

Однако расширение ремесленного производства в XVIII в. так же, как и торговли, продолжало происходить под внимательным контролем государства. Средневековые восточные представления о создании наиболее благоприятных условий для функционирования города заставляли чиновников осуществлять контроль за всеми процессами ремесленного производства. Главным орудием государства в этом отношении были традиционные восточные ремесленные корпорации — эснафы. В XVIII в. на территории Румелии они продолжали сохранять статус главной городской хозяйственной структуры[31]. И даже несмотря на то что к концу столетия постановления их администрации постепенно начали терять характер обязательных, альтернативные способы производства появились в болгарских землях лишь в XIX в.

В османском обществе эснаф был всеохватывающей хозяйственной и общественной организацией. Основной его функцией изначально был контроль за производством и продажей ремесленной продукции. Государство последовательно поддерживало эснафы, рассматривая их как важнейший фискальный орган и инструмент своего активного вмешательства в городскую экономику. Регламентации и контролю подлежали все производственные и торговые процессы — снабжение сырьем, технология производства, оплата труда, цены на сырье и готовую продукцию. Без вступления в эснаф ремесленник не мог быть полноценным членом городского производственного сообщества и не мог рассчитывать на открытие собственного дела. Необходимо особо отметить, что для развития эснафов на Балканах особое значение сыграла их открытость для христиан и евреев. Большинство из них формировалось и функционировало без учета

inslav

конфессиональных и этнических различий, хотя могли существовать и параллельные организации.

Исследования показывают большое единообразие в структуре эснафских организаций на территории всего Балканского полуострова[32]. В течение всего периода существования их внутренняя структура практически не претерпела изменений. Прежде всего в ней четко разграничивались три звена — мастер, подмастерье, ученик. Для открытия собственной мастерской прохождение этих трех ступеней было обязательным условием. Однако не единственным. Новым мастерам требовалось также получить документ о праве собственности на мастерскую (гедик). Процедура его выдачи давала возможность как ремесленному сообществу, так и государству регулировать в соответствии с потребностями открытие новых ремесленных лавок.

Структура эснафа предусматривала также элементы внутреннего самоуправления. Администрация корпораций имела выборный, временный характер. Ее главой был кехайя, избираемый собранием мастеров между старейшинами цеха и утверждаемый властями в лице кадии. Однако верховным органом оставался совет старейшин, где наиболее авторитетные мастера решали все важнейшие вопросы хозяйственной жизни.

Наибольший государственный контроль наблюдался над корпорациями, чья профессиональная деятельность хотя бы отчасти обслуживала нужды армии, т.е. имела стратегическое значение. В болгарских землях это были эснафы, связанные с металлургией — добычей и переработкой руд, изготовлением из них различных орудий и оружия. Их центрами традиционно были Чипровец, Желязна, Клисура,Чирпан, Брезник, Самоков, Сливен. Работа проживавших в них ремесленников-металлургов, была ориентирована прежде всего на внутренний рынок и на государственный заказ.

Совсем иной масштаб включенности в рынок был у эснафов, обслуживающих экспорт. Среди такого рода корпораций старейшими в болгарских землях были кожевенные. Этим промыслом местные ремесленники активно занимались еще с доосманских времен, и именно документы, касающиеся их деятельности, являются наиболее древними из сохранившихся цеховых актов (начало XVI в.)[33]. С течением времени объемы кожевенного производства в их среде все более нарастали, становясь важнейшей статьей экспорта. Не в последнюю очередь это, вероятно, было связано и с отсутствием серьезной конкуренции со стороны мусульман, вызванной определенными ритуальными ограничениями, распространявшимися на данную сферу деятельности. В XVIII в. трудно было найти город, в котором не было бы мастерских по производству и обработке кож. Среди них особо выделялись объемом производства София, Враца, Русе, Габрово и др.

Большой известностью пользовались абаджийские эснафы, производившие грубошерстное сукно и изделия из него. Главным центром абаджийства в болгарских землях исторически был г. Пловдив. Уже в XVI в. пловдивская аба закупалась для нужд армии. Наиболее же старые из сохранившихся документов в составе кондика пловдивского абаджийского эснафа содержат данные, начиная с 1685 г.[34]. Судя по материалам кондика, в XVIII в. количество мастеров, желавших заниматься этим промыслом, имело тенденцию к неконтролируемому росту, вызывая серьезную

inslav

озабоченность цеховой администрации и являясь одновременно надежным свидетельством растущих потребностей рынка.

В связи с расширением спроса в абаджийское производство в этот период оказались активно вовлечены и соседние с Пловдивом города — Татар Пазарджик, Копривщица, Пирдоп. В течение столетия по этой же причине постоянно меняется и характер абаджийского производства. Если первоначально пловдивские абаджии работали исключительно на заказ, используя материал клиента, то постепенно основное место начала занимать работа на рынок из своего материала, но не произведенного, а купленного в сельских мастерских. На производстве абы в основном специализировались жители родопских сел. Происходил процесс разделения труда. Однако, несмотря на то что именно в абаджийстве наиболее рано проявились первые признаки организации мануфактурного производства, по отношению к XVIII в. говорить о них было бы преждевременно[35]. Тем не менее стабильный рост абаджийства является характерной особенностью хозяйственной жизни болгар на всем протяжении столетия. Кроме Пловдива и окрестных городов, крупными центрами его производства постепенно становятся Котел, Жеравна, Тырново, Шумен, Сливен, Самоков и др.

В конце XVIII в. начинает оформляться и новая специализация в рамках абаджийства — производство шнуров для украшения национальной одежды (гайтанджийство). Особое развитие эта отрасль получила в XIX в., однако и в рассматриваемый период ряд населенных пунктов у подножия Балкан (прежде всего Копривщица, Карлово, Калофер) уже начали уделять этому ремеслу повышенное внимание. Тем более что продукция такого рода пользовалась спросом не только на местных рынках, но также на базарах Сербии и Боснии.

Ориентация внешнего и внутреннего рынка на текстильное сырье способствовала развитию и относительно нового для болгарских ремесленников дела — производства шелка-сырца. Продажа шелка на рынках Центральной Европы стала особенно выгодной после запрета, введенного Испанией на его вывоз в 1700 г. Культивирование тутовых деревьев приняло наиболее широкие масштабы в северо-западной Болгарии. Крупнейшим центром по обработке шелковичных коконов стал г. Враца. Однако довольно быстро и другие районы начали включаться в новое мероприятие. Переработкой шелковых коконов стали заниматься в Габрово, Старой Загоре, Хасково и других местах.

Оценивая роль эснафов в развитии городской экономики Болгарии, необходимо еще раз подчеркнуть, что в рассматриваемый период она была двойственной. С одной стороны, на протяжении всего XVIII в. в их рамках происходил постоянный прирост ремесленного производства. Результаты подсчетов турецкого историка М. Генча свидетельствуют, что за столетие (за исключением периода дестабилизации в конце столетия) его прирост на Балканах и в Малой Азии составил почти 100%[36]. С другой — стремясь сохранить высокие доходы в условиях сокращающегося спроса, вызванного большими объемами относительно дешевого европейского импорта, эснафы ужесточали цеховую регламентацию, тем самым уменьшая количество новых членов. Как уже ранее упоминалось, подробная документация сохранившегося кондика пловдивского абаджийского эснафа показывает, что на протяжении всего столетия забота о сокращении производства была едва ли не главной проблемой цеховой администрации.

inslav

Результатом ее стараний, подкрепленных соответствующими распоряжениями правительства, стало постепенное сокращение числа мастерских, занятых в этом чрезвычайно выгодном промысле. По всей вероятности, именно поддерживаемая Портой борьба цехов за монополию явилась одной из основных причин задержки появления в XVIII в. даже в этой относительно развитой сфере ремесла мануфактурного и фабричного производства. Соответственно и становление специализирующейся на текстиле крупной местной буржуазии также откладывалось. К концу XVIII в. экономика Болгарии вплотную подошла, но еще не переступила черты, за которой началось развитие собственно капитализма.

Характеризуя в целом итоги кризиса османской военно-ленной системы и социально-экономического развития болгарских земель, можно сказать, что XVIII век стал веком перелома, растянутым на целое столетие переходным периодом к капитализму. Вместе с остальными народами Османской империи болгары мучительно переживали затяжной "структурный кризис" прежней системы. Однако, как точно отметил М.С. Мейер, несмотря на тяжелые последствия кризиса для всех сфер жизни общества, "сдвиги в социально-экономической жизни Османской империи не дают оснований для безоговорочных выводов о застое и упадке. Скорее можно говорить о положительных результатах перемен, которые означают переход феодального общества на более высокий стадиальный уровень, отмеченный развитием частнособственнических тенденций"[37].

[1] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 12, 16, 92; *Орешкова С.Ф.* Османский феодализм: Типологические наблюдения // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 113.

[2] *Мутафчиева В.* Аграрните отношения в Османската империя през XV – XVI вв. София, 1962. С. 243.

[3] *Мейер М.С.* Указ.соч. С. 22.

[4] *Mutafcieva V., Dimitrov Str.* Sur l'etat du system des timars des XVII – XVIII ss. Sofia, 1968. P. 34 – 35, 45.

[5] *Мейер М.С.* Указ. соч. С. 25.

[6] *McGowan B.* Economic life in Ottoman Empire: Taxation, trade and the struggle for land, 1600 – 1800. Cambridge, 1981. P. 79.

[7] Ibid. P. 170 – 171; *Мейер М.С.* Указ. соч. С. 26 – 28.

[8] *Мутафчиева В.* Към въпроса за състава и облика на османската феодална класа през XV – XVI в. // Исторически преглед. 1961. № 6. С. 46 – 81.

[9] *Цветкова Б.* Паметна битка на народите. Варна, 1979. С. 118 – 121.

[10] *Георгиева Цв.* Настаняване и заселване на еничарите в българските земи // Известия на Българското историческо дружество. София, 1972. Т. 28. С. 55 – 66.

[11] *Гандев Хр.* Зараждане на капиталистически отношения в чифлишкото стопанство на Северозападна България през XVIII в. София, 1962. С. 99.

[12] Там же.

[13] *Димитров Стр.* Към историята на чифликчийството в Русенско // Исторически преглед. 1958. № 4. С. 84 – 98.

[14] *Христов Хр.* Аграрните отношения в Македония през XIX и началото на XX в. София, 1964. С. 46.

[15] *Мутафчиева В.* Кърджалийско време. София, 1977. С. 112.

[16] *Грозданова Е.* Българската селска община през XV – XVIII в. София, 1979.

[17] Там же. С. 30.

[18] *Димитров Стр., Стойков Р.* Социалната дифференциация сред селячество в Търновско в края на XVII и началото на XVIII в. // Известия на Института по история. София, 1964. Т. 14/15. С. 187 – 190.

inslav

[19] *Грозданова Е.* Указ соч. С. 102—119.
[20] *Христов Хр.* Указ. соч. С. 46—47.
[21] *Mantra R.* The transformation of trade in the Ottoman Empire in the XVIII century // Studies in eighteenth century islamic history. Amsterdam, 1977. P. 217—235.
[22] *Cvetkova B.* Le service des celep et ravitaillement en bétal dans I'Empire ottoman (XV—XVIIIe s.) // Etudes historiques. 1966. N 2. P. 165—167.
[23] *Бур-Марковска М.* Търговски връзки между Балканите и Средна Европа през XVII—XVIII в. // Из история на търговията в българските земи през XV—XIX в. София, 1978. С. 189—228.
[24] *Forberger R.* Die Manifaktur in Sachsen. B., 1958. S. 79.
[25] *Бур-Марковска М.* Балканские купцы в Венгрии — XVIII в. // Etudes balkaniques. 1972. № 3. P. 52—53.
[26] Там же.
[27] *Паскалева В.* Развитие на градското стопанство и генезис на българската буржоазия през XVIII в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962. С. 81.
[28] *Хаджиниколов В.* Българо-руски стопански отношения и връзки до освобождението ни от турско иго // Трудове на Висшия икономически институт "Карл Маркс". София, 1957. Т. 1. С. 60—61, 83—84.
[29] *Мутафчиева В.* Кърджалийско време... С. 199.
[30] *Тодоров Н.* Балканският град: XV—XIX век: Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972. С. 132—136.
[31] Там же, С. 110—116.
[32] Там же. С. 116—118.
[33] Там же. С. 119.
[34] *Апостолидис М., Пеев А.* Кондика на пловдивския абаджийски еснаф // Годишник на народната библиотека в Пловдив. София, 1931. Т . 1/2. С. 56—60.
[35] *Тодоров Н.* Балканският град... С. 199—206.
[36] *Мейер М.С.* Указ. соч. С. 44.
[37] Там же. С. 81.

inslav

На пути к феодальной анархии (болгары под властью турецкого султана)

Кризис, поразивший Османскую империю в XVIII столетии, не ограничился социально-экономической сферой. Военно-феодальное по своей сути государство османов на протяжении столетий фактически подчиняло все свое внутреннее устройство задаче организации вооруженных сил. Это нашло непосредственное отражение и в структуре его общественно-политической надстройки, получившей в историографии наименование военно-административной системы. До тех пор, пока тимарная система, являвшаяся краеугольным камнем этой системы и определявшая не только структуру землевладения, но прежде всего механизм набора основной части войска (ополчения), справлялась со своей задачей, общество находилось в относительно стабильном состоянии. Но вслед за началом ее упадка последовал и затяжной внутриполитический кризис, сопровождавшийся нарастанием в обществе центробежных тенденций и постепенным ослаблением центральной власти. Анализируя причины возникновения столь серьезных последствий развала системы ленного землевладения, российский историк М.С. Мейер особо подчеркивает значение сопровождавшего его падения роли спахий в обществе, что, в свою очередь, вело к нарушению сложившегося ранее баланса социальных интересов, своеобразного паритета между тремя основными властными группировками, оформившимися в классический период — спахиями, капыкулу и улемами[1].

В XV—XVI вв. в противовес росту авторитета спахий большое влияние при дворе получили так называемые капыкулу ("рабы августейшего порога"). Капыкулу происходили из гулямов, т.е. людей, не рожденных в лоне ислама, а вынужденных по тем или иным причинам принять его. Чаще всего это были дети христианских подданных империи, ставшие мусульманами через механизм налога девширме. Оторванные от своей этнической, конфессиональной и социальной среды, воспитанные в духе исламского фанатизма, они полностью зависели от власти султана и от его милостей. Из капыкулу набирались кадры для служб двора и центрального административного аппарата, формировалась профессиональная гвардия, среди отрядов которой наибольшей известностью пользовались янычары. По существу, все элита "классического" османского общества — великие везиры, министры двора, правители провинций и областей набирались из капыкулу. Этнические же тюрки, из которых формировался, прежде всего, слой спахий, могли претендовать лишь на должности военачальников провинциального ополчения. Такими жесткими и, в общем-то, искусст-

inslav

венными методами османские власти пытались ограничить естественное для феодального общества влияние родовой, в данном случае тюркской аристократии, являвшейся в их представлении носителем племенных центробежных тенденций.

Однако власть и права капыкулу, в свою очередь, также подвергались внешним ограничениям. Их место в системе общественной иерархии, несмотря на занимаемые должности, по существу, не было уж таким высоким. Они оставались всего лишь рабами, находящимися на службе у султана и получавшими казенное жалованье. Их дети не имели права наследовать внешне высокий социальный статус отцов. Основная привилегия, которую зарабатывали их отцы годами государственной службы, состояла в праве потомков перейти в категорию "людей меча" (т.е. спахи) и стать тем самым полноценными членами османского общества.

Внешний контроль над действиями капыкулу, являвшимися представителями центральной власти в провинциях и возглавлявшими административный аппарат, был возложен на улемов. В лице кади (судей) они осуществляли надзор за соблюдением норм шариата и султанских законов, противодействуя потенциальной угрозе роста произвола со стороны капыкулу.

Таким образом, в "классический период" все три властные группировки были разобщены и поставлены под взаимный контроль. Данная система обеспечивала не только укрепление центральной власти в лице султана, но и определенный баланс сил на внутриполитической арене: капыкулу были призваны ограничивать сепаратистские тенденции в среде феодальной аристократии, а улемы контролировать законность деятельности "рабов августейшего порога".

Однако эта система, исключительно эффективная в период становления османского государства, начала давать серьезные сбои уже в XVII в. Вместе с разложением спахийской системы происходило накопление больших денежных средств в руках высших чиновников османской администрации и спахийской элиты. Одновременно через механизм заключения браков происходило постепенное сращивание родовой тюркской аристократии с представителями придворных сановных кругов — выходцев из капыкулу. Следствием этих процессов стало оформление в столице к середине столетия новой прослойки османского общества — профессиональной родовой бюрократии, внутри которой уже фактически отсутствовало деление на капыкулу и спахий. Эта новая социальная общность, объединившая в своем лице потомков "рабов августейшего порога" и элиту тюркской феодальной аристократии, самим фактом своего появления практически положила конец трехчленной структуре правящего класса и открыла новую страницу в общественном развитии Османской империи. Параллельно закончила свое существование и система девширме (последний раз "дань кровью" упоминается в источниках в 1705 г.).

Власть в столице стала постепенно переходить в руки новых мощных кланов, выступавших за повышение роли чиновничьего аппарата и ограничение влияния султанов на управление страной. Большое значение в усилении их позиций сыграло событие вроде бы чисто технического характера — строительство в 1654 г. резиденции великого везира вне территории султанского двора. Это мероприятие ознаменовало собой обособление собственно государственных, профессиональных чиновничьих уч-

inslav

реждений в общей системе управления, повышение роли Порты при общем ослаблении позиций султанского двора. Результатом, в частности, стала ликвидация монополии султана и его окружения в сфере решения вопросов кадровой политики. По подсчетам специалистов, уже в начале XVIII в. султанский двор имел возможность обеспечивать своими кандидатами лишь 26,3% вакансий в центральном аппарате и 38,5% среди губернаторов провинций[2]. Реальная власть в столице оказалась в руках новой олигархии.

Изменение баланса сил в османском обществе и связанный с ним внутриполитический кризис отразился прежде всего на системе провинциального управления. Приблизительно с середины XVII в. правители областей не только перестали выполнять функцию проводников воли султана, с которой они успешно справлялись в XV—XVI вв., но и начали постепенно превращаться в источник провинциального сепаратизма. По мнению историков, именно борьба Порты с неповиновением пашей стала в середине — второй половине XVII в. важнейшим фактором внутриполитической жизни Османской империи[3].

Существенную роль в усилении личной власти, а вместе с ней и сепаратизма пашей сыграло появление в их распоряжении отрядов наемных войск. Их возникновение было напрямую связано с прокатившейся на рубеже XVI—XVII вв. первой волной кризиса османской военно-ленной системы. Ее жертвами стали прежде всего тимариоты Малой Азии, из чьей среды вышло большое количество тюркских деклассированных элементов. Последовавшая череда их восстаний (так называемые восстания джеляли) способствовала дальнейшему осложнению внутриполитической ситуации в обществе. Неожиданно усугубил положение и технический прогресс: именно на этот период пришлось появление ручного огнестрельного оружия. Набор государством на период военных действий в ряды солдат дешевых наемников-мушкетеров из числа бывших тимариотов стал, по мнению турецкого историка Х. Иналджика, важнейшим фактором процесса децентрализации в XVII—XVIII вв.[4] Вычеркнутые по окончании походов из армейских списков, эти воины отказывались сдавать огнестрельное оружие и расходились по провинциям в поисках нового работодателя. Те же, кому не удавалось найти место в свите какого-нибудь паши, пополняли отряды теперь уже современно вооруженных разбойников.

Скопление в центральных областях империи большого количества деклассированных вооруженных людей обеспечило нарушение внутриобщественной безопасности, предопределив необходимость принятия центральной и местной администрацией дополнительных мер по поддержанию порядка. С одобрения Порты первоначально предполагалось, что именно эту функцию и будут выполнять отряды наемных воинов, создаваемых при главах провинциальной администрации. Для их содержания центральная власть разрешила даже собирать местным властям в свою пользу особый чрезвычайный налог. Этот налог дал дополнительную возможность для аккумуляции в руках пашей больших денежных средств. Но одновременно стал причиной возникновения своеобразного порочного круга: чем больше были контролируемые местными правителями экономические ресурсы, тем крупнее отряды личной гвардии, а чем крупнее дружины наемников, тем все более независимую политику паши пытались проводить.

inslav

Осознав опасность, власти попытались запретить содержание частных войск. Начиная с 1688 г. специальными султанскими указами отряды личной гвардии неоднократно запрещались, однако безрезультатно. Ограничить своеволие местных правителей власти попытались и методом сокращения сроков пребывания в должности. Во второй половине XVII в. средняя продолжительность пребывания на высших провинциальных постах постепенно сократилась в среднем до двух лет. Но на практике эта политика лишь усилила алчность и произвол назначенцев, одновременно подрывая в глазах населения авторитет представляемой ими центральной власти.

Итак, к началу XVIII в. Османская империя подошла, имея в своем активе опыт уже почти полувековой борьбы с провинциальным сепаратизмом. И хотя для Восточной Румелии в течение первой половины XVIII столетия не характерны открытые столкновения пашей с центром, однако специфика развития внутриполитической ситуации в этом регионе в целом и в болгарских землях в частности в значительной степени определялась эволюцией и трансформацией наметившихся ранее центробежных тенденцией. Суть происходивших здесь процессов состояла в том, что центральная власть фактически потеряла прежний контроль над ситуацией. В конкретно-историческом проявлении кризис военно-административной системы на территории Восточной Румелии открыл в XVIII столетии широкие возможности для произвола местных властей, разгула вооруженного бандитизма, янычарских бунтов и появления такого нового для османского общества явления, как мятежи аянов.

На бытовом уровне последствия ослабления султанской власти и общего контроля над ситуацией со стороны центра население ощутило прежде всего в фискальной сфере. Налаженный ранее четкий механизм и строгий порядок взимания государственных налогов начал давать сбой. Наиболее слабым звеном в новой системе оказался человеческий фактор, а именно местные власти. Начиная со второй половины XVII в. и особенно в XVIII в. их произвол при сборе налогов стал постоянным фактором повседневной жизни.

Приверженность османов политике традиционализма, нежелание менять издавна укоренившуюся систему налогообложения все дальше загоняли страну в тиски финансового кризиса. На общем фоне постоянной инфляции сохранение не только схемы, но и размеров традиционных четко фиксированных сборов неминуемо вело к реальному снижению их доли в общей сумме денежных поступлений казны. Пытаясь как-то выйти из положения, правительство, не меняя ничего в отношении традиционных налогов, пошло по пути введения все новых и новых чрезвычайных, размеры которых устанавливались в соответствии с рыночной стоимостью местной валюты и потребностями казны. Но эта практика открывала широкие возможности для налоговых злоупотреблений.

Так, разрешение на сбор местных чрезвычайных налогов для обеспечения охраны общественного порядка, на практике быстро привело к появлению многочисленных так называемых незаконных поборов. В 1704 г. правительство даже попыталось законодательно запретить их по всей стране, но безрезультатно. Тяжелейший удар некогда налаженному порядку в налогово-финансовой сфере нанесла и австро-турецкая война 1716—1718 гг., окончательно расстроившая финансы. В условиях хронического недофинансирования Порта была вынуждена официально узако-

inslav

нить введение ряда местных налогов для пополнения расходов администрации округов в военное и мирное время, т.е., по существу, благословить фискальный беспредел провинциальных властей.

Например, в болгарских землях проблема злоупотреблений при сборе налогов в первой половине — середине XVIII в., судя по сохранившимся источникам, стояла очень остро. Специальное исследование болгарского историка Б. Цветковой показывает, что архивы этого времени буквально переполнены документами, содержащими, с одной стороны, жалобы жителей, а с другой — информацию о противодействии, выражавшемся в основном в ведении населением затяжных судебных тяжб[5].

В связи с этим интересно, однако, отметить, что наибольшее возмущение в этот период вызывали даже чрезвычайные поборы, буквально разоряющие население. Создается впечатление, что оно уже научилось относиться к этому явлению как к неизбежному злу. Народное негодование достигало своего апогея в связи с несоблюдением чиновниками правил взимания не чрезвычайных, а традиционных государственных налогов. По-видимому, именно это вызывало самый резкий протест.

Сохранившаяся документация, регистрирующая обращения жителей в кадийские органы по данному поводу, очень многочисленна и охватывает большинство районов Болгарии и Македонии. Население последней, в частности, жаловалось, что местные власти пытаются завышать один из основных налогов — авариз. Подобные претензии возникали и по поводу другого государственного налога — харача. А из западных болгарских земель в центр поступали доносы на администрацию, принявшую негласное решение требовать к исполнению ряд повинностей, которые официально были заменены денежными выплатами (при одновременном сборе и их денежного эквивалента). Наиболее же распространенными были жалобы на произвол чиновников при установлении фиксированных цен на рынках: цены на товары нередко произвольно занижались по отношению к эталонным, объявленным государством[6].

Особенно большие возможности для произвола открылись после введения на рубеже XVII—XVIII вв. новой системы взимания традиционного налога с немусульман — джизие. До этого момента основной единицей его сбора было домовладение. Но поскольку такая практика позволяла уклоняться от выплат арендаторам жилья, то налог был превращен в подушный. При этом сумма налога отныне зависела от масштаба благосостояния налогоплательщика, а оценка этого благосостояния возлагалась на чиновников. В каждом населенном пункте распределялись особые налоговые карты, различавшиеся по трем категориям — для богатых, среднесостоятельных и малоимущих. В зависимости от вида карты джизие налагалось в большем или меньшем размере. Данное нововведение давало чиновникам значительный простор для маневра. Документы свидетельствуют, что часто налоговые карты распределялись крайне несправедливо. Нередко результатом сговора между сборщиками джизие и местными кади становилось вручение среднесостоятельным гражданам налоговых карт для богатых, а малоимущим карт для средних.

Центральная власть, заинтересованная в сохранении благосостояния налогоплательщиков-христиан (как основного источника пополнения казны), пыталась встать на их защиту. Рассылаемые из столицы многочис-

inslav

ленные распоряжения категорически осуждали фискальные нарушения, однако реально повлиять на положение не могли. В болгарских землях особенно тяжелая ситуация в сфере сбора подушной подати сложилась, по всей видимости, в 1730—1731 гг. Некоторые материалы дают основание предполагать, что в этот период по многим районам Болгарии прокатились народные волнения, направленные против злоупотреблений при сборе этого налога. Особенной интенсивностью они отличались в Тырновской, Габровской, Дряновской, Елоховской, Ямбольской и некоторых других околиях[7].

Однако наиболее распространенной формой противодействия населения произволу в XVIII в. были не антиправительственные выступления, а уход на новое место жительства. Что касается переселений, закон официально их не запрещал, но в качестве обязательного условия предусматривал выплату компенсационной суммы за необрабатываемую землю и регистрацию в налоговых органах по новому месту жительства. Но относительно слабая заселенность территории Восточной Румелии, большое количество пустующих земель и жизненная заинтересованность администрации соседних округов в увеличении количества именно своих налогоплательщиков вынуждали местные власти смотреть сквозь пальцы на факты незаконных переселений, т.е. на уходы с прежнего места жительства без выплаты необходимой по закону компенсации. И хотя официально установленный для подобных случаев 10-летний срок возврата беглой райи никто не отменял, однако в реальной жизни местные чиновники предпочитали акцентировать внимание на другой букве закона, предписывающей немедленную налоговую регистрацию по новому адресу.

А христианская райя переселялась активно. Бежали как отдельными семьями, так и целыми селениями. Бежали как в соседние районы, так и в города. Анализ кадийских регистров, проведенный Б. Цветковой, показывает, что чаще всего крестьяне уходили из вакуфных и хасовых сел[8]. В меняющихся социально-экономических условиях относительно независимый статус этих земельных владений создавал управляющим льготные условия для произвольного увеличения налогов, что и определяло повышенную степень мобильности крестьян. Однако, хотя и в меньшей степени, подобная участь не миновала и все другие категории феодальных и государственных владений. Так, например, массовые перемещения зафиксированы в начале столетия во многих селах в районах Пирота, Врацы, Видина, Оряхово, а в середине века в Русенской околии[9].

Говоря о бегстве райи необходимо, впрочем, четко осознавать, что далеко не всегда оно было связано с экономическим фактором. Многочисленные войны, которые Османская империя бесконечно вела на севере Балкан, вынуждали население искать приют в более спокойных районах. В связи с этим историкам известны массовые исходы жителей из мест, прилегающих к театру военных действий. Так, например, было во время войны с государствами Священной лиги, во время австро-русско-турецкой войны 1735—1739 гг. и т.д.

Особую эпоху в истории внутренней миграции населения представляет собой конец XVIII в., сопровождавшийся во многих районах Балкан, и в болгарских землях в частности, военными действиями, разгулом феодальной анархии и бандитизма. В этот период зафиксирован массовый уход жителей с традиционных мест обитания в околиях Софии, Брезника, Ет-

inslav

рополя, Златницы, Пирота, Самокова, Радомира, Берковицы, Кюстендила, Пазарджика и др.[10] В целях спасения жизни и имущества крестьяне стремились обосноваться в городах или относительно крупных укрепленных пунктах, участились случаи бегства в Валахию, Молдавию и даже в южные районы России. Пик этой миграции пришелся в основном на начало XIX в. Переселение за Дунай вызывало особую обеспокоенность властей, так как затрагивало непосредственные интересы казны. Стремясь возвратить потерянных налогоплательщиков, власти не скупились на обещания по предоставлению налоговых льгот и содействию в возврате земли и потерянного имущества.

Кризис османской военно-административной системы быстро привел и к обострению проблемы внутренней безопасности. Например, в "классическую эпоху" (XV—XVI вв.) в болгарских землях, если судить по сохранившимся документам, борьба с разбойниками (в источниках они чаще всего выступают под именем гайдуки или харамии) не была особенно актуальна. Исключения составляли в основном периоды военных действий, обычно сопровождавшиеся появлением дезертиров, мародеров, активизацией деятельности вражеской агентуры и т.д., но османские власти обычно быстро наводили порядок. Однако по мере же ослабления центра положение дел начало меняться.

На протяжении всего XVIII в., начиная с окончания войны с государствами Священной лиги и включая эпоху феодальной анархии рубежа XVIII—XIX вв., источники фиксируют в болгарских землях стабильный рост вооруженного бандитизма. Публикация Б. Цветковой обширной подборки документов, посвященных распространению гайдучества[11], показывает, что пики его активности чаще всего по-прежнему совпадали с военными действиями в придунайском ареале. Однако в отличие от предшествующих веков по мере налаживания мирной жизни безопасность не восстанавливалась. Новая социально-экономическая ситуация в стране обеспечила постоянный приток в разбойничьи шайки все нового пополнения из среды деклассированных элементов (как мусульманского, так и христианского происхождения), а технический прогресс и введение новых принципов комплектования османской армии снабжали их современным вооружением.

Первая волна гайдучества накрыла болгарские земли в первые десятилетия XVIII в. Она была связана с последствиями затянувшихся боевых действий конца XVII в. и войнами 1714—1718 и 1735—1739 гг. От них в этот период больше всего пострадали Македония и придунайские области Болгарии (особенно на северо-западе). Судя по многочисленным документам, банды вооруженных разбойников буквально наводнили эти районы. Особой наглостью отличались отряды, промышлявшие разбоем на самом Дунае и ставшие серьезной угрозой движению корабельного транспорта[12]. Немногим лучше было положение и во внутренних районах. Так, например, в 1705 г. в окрестностях Видина был изловлен отряд Чокана, состоявший из десяти конных и десяти пеших разбойников, терроризировавших местные села и нападавших на путников[13]. С аналогичной группой бандитов боролись в 1707 г. и власти Велеса[14]. В 1709 г. софийская администрация с гордостью рапортовала о поимке разбойников (судя по именам — болгар), промышлявших грабежами по окрестным дорогам и селам. В качестве одного из пострадавших в донесении упоминается некий хри-

inslav

стианин Стойко из Самоковской казы, дом которого был разграблен и дотла сожжен[15]. В 1721 г. власти этого же района боролись с бандой Чавдар-хана, насчитывавшей 20—30 человек, и т.д.[16]

В связи с приведенными примерами стоит особо отметить, что все перечисленные банды донимали власти и население в мирное время. Более того, именно в периоды мирного затишья на всем протяжении первой половины — середины XVIII в. для властей Восточной Румелии стало хорошей традицией ежегодно получать по весне распоряжения, обязывающие их принимать дополнительные меры для борьбы с разбойниками (в связи с появлением зелени в окрестных лесах). Что касается периодов военных кампаний, то кроме обычных разбойников серьезной проблемой была активизация вражеской агентуры. В задачу агентуры кроме сбора необходимой информации обычно входила организация антиправительственных выступлений в целях дестабилизации ситуации в прифронтовой зоне. На протяжении XVIII столетия документально зафиксировано, по крайней мере, несколько подобных акций.

Во время австро-венецианско-турецкой войны 1714—1718 гг. в окрестностях Видина было, по всей видимости, подготовлено восстание[17]. На рубеже 1716—1717 гг. несколько сотен бойцов османской армии и ополченцев были неожиданно отправлены сражаться против большого отряда болгарских повстанцев, укрепившихся в нескольких часах пути от Видина. В письме начальника видинской крепости сообщалось, что во главе его стояли капитаны Георгий, Филимон и Димитр, ранее переселившиеся в Валахию, а затем вернувшиеся, чтобы "бунтовать райю". При разгроме отряда погибли 60 повстанцев и двое из главарей — Филимон и Димитр, а 25 пленников были впоследствии осуждены на каторжные работы. В письме особо отмечается, что в результате проведенной операции удалось захватить переписку мятежников, которые вместе с уцелевшим капитаном Георгием и двумя его ближайшими сподвижниками отправлены в Стамбул.

Следующее выступление было организовано в 1737 г. в западной Болгарии в связи с русско-австрийско-турецкой войной 1735—1739 гг.[18] В его подготовке принимало активное участие австрийское командование, поддерживавшее связи с охридским архиепископом Иоасафом и главой Печской патриархии Арсением IV. Планировалось массовое восстание местного населения, начало которого увязывалось с общим наступлением антитурецких войск в районе Ниша. Однако намечавшимся планам не суждено было сбыться. Информация о готовящейся акции попала в руки турецких властей. Арсений IV был вынужден бежать в Австрию, а Иоасафу с большим трудом удалось оправдаться перед правительством. В результате данного стечения обстоятельств акция оказалась не столь масштабна, как планировалась, но все же достаточно представительна. В июле 1737 г. взятие австрийцами Ниша послужило сигналом для выступления населения Пиротского, Знепольского, Кюстендильского, Брезникского, Дупницкого, Кривопаланского, Берковского и других районов. Среди руководителей восстания османские власти называли ряд болгарских духовных лиц — самоковского владыку Симеона, софийского дьякона Павла Величкова и рильского монаха Тимофея. После разгрома первый из них был казнен, а два других бежали из страны.

Спланированное за Дунаем в качестве вспомогательной акции, восстание после отступления австрийских войск (осенью 1737 г.) было обречено

inslav

на поражение. Против относительно слабо вооруженных отрядов были брошены основные силы османской армии, участвовавшей в боевых действиях. Результатом стали не только массовые жертвы среди населения, но и поток беженцев в австрийские земли. Судя по имеющейся документации, территория Пиротской и Знепольской околий опустела в конечном итоге до такой степени, что османским властям пришлось зазывать налогоплательщиков обратно ценой предоставления больших льгот[19].

В период русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг., когда русские войска впервые вели военные действия непосредственно на болгарской территории, среди местного населения также впервые начала работать прямая агентура и русского командования. Именно тогда в историю русско-болгарских отношений вошло имя подполковника Назара Каразина – болгарина, состоявшего на русской службе. Хорошо ориентирующийся на местности, владеющий турецким и греческим языком, он оказал серьезную помощь в подготовке планируемого наступления и в развертывании антитурецкой агитации среди своих соотечественников. Летом 1768 г. он получил от командования задание по осмотру и снятию планов с турецких крепостей. Переправившись через Дунай, он, едва не погибнув, с успехом выполнил поставленную задачу, пробравшись далеко в глубь турецкой территории вплоть до Адрианополя. Зимой 1769 г. он вновь под видом монаха отправился в пограничные районы Болгарии для сбора сведений стратегического характера и распространения манифеста Екатерины II, призывающего население на борьбу с Портой[20].

Когда в июне 1773 г. армия П.А. Румянцева переправилась на правый берег Дуная, начался новый этап сотрудничества русского командования с местным болгарским населением. Сравнительно малочисленное русское войско было крайне заинтересовано в поддержке извне. По этой причине большое распространение получила практика организации из числа местных жителей добровольческих отрядов, сражавшихся в составе русской армии. В целях набора волонтеров в различные районы Дунайских княжеств и в Болгарию направлялись специальные офицеры. Среди них был и подполковник Н. Каразин. Сохранилась информация, что из своего рейда по болгарским землям он привел в русскую армию около 3 тыс. добровольцев, готовых сражаться под русскими знаменами. Известно также, что во время войны он командовал добровольческим отрядом численностью около 1 тыс. человек, значительное число которых составляли болгары[21].

Архив военно-походной канцелярии армии П.А. Румянцева содержит сведения, что болгары сражались в составе волонтерских отрядов под Силистрой, Пазарджиком, Рущуком, Тутраканом и в других местах. В сражении под Силистрой, например, отличился отряд добровольцев под командованием майора Богданова, а в июле 1773 г. во время похода А.В. Суворова на Тутракан в составе его войска было 680 вновь набранных волонтеров из числа местных жителей[22]. Отряды болгар сражались также в составе русских войск, разбивших в июне 1774 г. 40-тысячный корпус турецких войск, спешивших на помощь великому везиру, осажденному в Шумене[23].

Стремясь как можно более эффективно использовать поддержку местных сил в борьбе против османов, русское командование решило сделать ставку и на активизацию гайдучества. С этой целью князь Потемкин вступил в прямые сношения с отрядами гайдуков, обещая им "за наносимый туркам вред разные выгоды после войны"[24]. Мотивировалось это сотруд-

inslav

ничество тем, что не только скоординированные, но и спонтанные действия дружин гайдуков внутри турецкой территории объективно способствовали военным успехам русских регулярных войск, внося дезорганизацию в тыловые структуры. Не исключено, что под наименованием местных партизанских отрядов именно болгарские гайдуки принимали участие и в сражениях войск Суворова под Тутраканом в мае и июне 1773 г.[25]

Возможно, что и волнения, которые предположительно имели место в Видине в марте 1773 г., были связаны с такого рода сотрудничеством. Некоторые основания для этого предположения дает информация местного кадийского дневника за данный период, где содержится сообщение о конфискации и продаже с торгов имущества и лошадей 34 убитых болгар[26]. Болгарский историк Хр. Гандев склонен рассматривать это сообщение в общем контексте готовящегося наступления русских войск и считает возможным говорить о павших в неравном бою четниках, готовивших в феврале — марте 1773 г. восстание в Видинском крае[27].

Трудно судить, насколько это предположение соответствует истине, для этого слишком мало данных. Однако тот факт, что во время войны 1768 — 1774 гг. и после нее в болгарских землях резко активизировались различного рода вооруженные отряды, у историков не вызывает сомнений. Более того, несмотря на прекращение военных действий, начиная приблизительно со второй половины 70-х годов, регион начал постепенно погружаться в хаос бандитизма и анархии, продолжавшийся вплоть до второго десятилетия XIX в.

Однако сама война послужила лишь толчком для обострения ситуации, а активизация гайдучества явилась одним из следствий затяжного кризиса власти, новый этап которого империя начала переживать в последней четверти XVIII в. Приход его был связан с дальнейшим развалом османской военно-административной системы. Важнейшие социально-экономические сдвиги, происходившие в Османской империи на протяжении XVII — XVIII вв., породили и заставили бороться за власть новый социальный слой, не вписывающийся в классическую схему османского общества — аянские роды.

По своему происхождению роды провинциальной аянской знати резко отличались от традиционной военно-бюрократической элиты эпохи спахийского землевладения. Они не были связаны и с ее современной правящей модификацией в лице профессиональной столичной бюрократии. Напрямую они не принадлежали ни к спахиям, ни к капыкулу, ни к улемам, ни к потомственным столичным чиновникам, а следовательно, у них не было официально зарезервированной ниши во властных структурах. Они были продуктом новой социально-экономической эпохи, выходцами из самых различных мусульманских слоев, сосредоточившими в своих руках огромные денежные богатства, частновладельческую земельную собственность, обладавшими авторитетом и связями на местах. Особенно сильны позиции аянских родов оказались в Румелии и в болгарских землях, в частности являвшихся районами особенно развитого чифтликского земледелия. И когда эта новая общественная сила начала борьбу за место на политической арене, для региона настали тяжелые времена. На протяжении более четверти века именно в болгарских землях происходило, пожалуй, наиболее жесткое противостояние двух властных группировок — столичной и вновь образовавшейся провинциальной элиты.

inslav

Началом своего политического возвышения в середине — второй половине XVII в. аянские роды обязаны центральной власти. Озабоченное в тот период обузданием сепаратизма пашей, государство сделало ставку на усиление на местах роли улемов, а те в свою очередь начали опираться на наиболее влиятельных лиц из состава местных общин. Во многих округах получила распространение практика создания советов (диванов) для решения вопросов текущего административно-финансового управления, призванных параллельно контролировать деятельность правителей областей. Под руководством кади эта работа легла на плечи наиболее богатых и влиятельных представителей местного мусульманского населения. В сферу деятельности советов входили вопросы налогообложения, назначения местных чиновников, рекрутской повинности, установления фиксированных цен на рынке товаров и услуг и т.д. К началу XVIII в. общественный статус аянов и аянских советов был юридически оформлен. Согласно султанским ферманам, местные нотабли уже обязывались участвовать в составе губернских диванов в решении основных вопросов административной и хозяйственной жизни округов.

В XVIII в. рост экономического могущества и повышение социального статуса аянов резко активизировался. Реформирование откупной системы, развитие чифтликского землевладения, рост объемов торгово-ростовщических операций привели к накоплению в их руках огромных богатств. Параллельно расширялись и масштабы их проникновения в сферу провинциального административного управления. Ранее местный чиновничий аппарат формировался в основном из свиты пашей. Стремясь ослабить могущество своих наместников, Порта попыталась пресечь эту практику и санкционировала выдвижение кандидатов из местных нотаблей. Аяны начали занимать административные посты, непосредственно связанные с контролем общественной и хозяйственной жизни в провинции — чиновников, отвечающих за сбор государственных налогов, осуществляющих контроль за рынками и др. Отныне они могли уже состоять на должности главного провинциального казначея, а иногда даже исполнять обязанности управляющего эялетом в отсутствии паши. При этом, по сравнению с назначаемыми и часто меняющимися главами провинциальной администрации, у них было одно важное преимущество — они были местными, что позволяло не только сохранять весьма прибыльные должности длительное время, но и порой превращать их в фактически наследственные.

Параллельно в среде самих аянов начало выстраиваться некое подобие властной иерархии. Из их среды происходило выдвижение одного наиболее влиятельного лица, чей общественный статус подтверждался не только всеобщим признанием, но и особыми документами. Именно этот аян чаще всего становился местным воеводой, и именно в его руках постепенно начала сосредоточиваться реальная власть в провинции. Первоначально право утверждения выборов баш-аяна (главного аяна) принадлежало губернаторам, но уже в 1765 г. Порта, пытаясь установить контроль над новой общественной силой, передала право выдачи соответствующего документа великому везиру. Начавшаяся вскоре война 1768—1774 гг. вынудила правительство отказаться на время от этой практики. Однако, когда в 1779 г. центр попытался к ней вернуться, это лишь спровоцировало конфликт. Время оказалось упущенным, и ситуация вышла из-под кон-

inslav

троля. Властные претензии Порты в этом вопросе остались в основном на бумаге.

Важнейшим условием, способствовавшим превращению аянов в могучую политическую силу, явилась и новая система комплектования османских войск. Реальным источником военной силы империи в XVIII в. стало не развалившееся спахийское ополчение и не погрязшие в хозяйственной деятельности янычары, а наемные областные войска (эялетлю). По мере необходимости Порта поручала наместникам сбор средств и формирование наемных отрядов в подведомственных территориях. Однако без денег и авторитета богатейших аянских родов эта задача была уже невыполнима. Явочным порядком аяны превратились в незаменимый организационный компонент новой схемы набора походного войска, а следовательно, и в основной структурный хребет трансформировавшегося, но остающегося по своей сути военно-феодальным османского общества. Теперь даже при всем желании правительство не могло обойтись без их помощи. Параллельно и сами аяны начали обзаводиться личными вооруженными отрядами, численность которых увеличивалась по мере роста их благосостояния и влияния.

Так, ко второй половине XVIII в. завершался процесс формирования новой могущественной провинциальной олигархии. Как точно подметил М.С. Мейер, в лице аянов произошло соединение богатства с открытыми публично-правовыми возможностями и местными связями[28]. Однако Порта не осознавала, по всей видимости, в полной мере серьезности надвигающегося кризиса власти. Она продолжала рассматривать аянов прежде всего под углом противодействия самовластию наместников и в качестве одного из полезных звеньев при наборе областных войск, не желая допускать даже наиболее влиятельных их представителей в ряды правящей элиты. Потребовались долгие годы кровопролитной борьбы, прежде чем в 1808 г. правительство было вынуждено подписать с представителями ведущих аянских родов так называемый союзный пакт, гарантировавший признание их интересов и зафиксировавший новую расстановку сил в системе власти.

Оценивая сложившуюся в последней четверти XVIII в. внутриполитическую ситуацию в Румелии, крупнейший исследователь этого периода В. Мутафчиева склонна характеризовать ее как эпоху феодальной анархии[29]. По ее мнению, ни одна из существовавших социально-политических группировок не обладала в тот момент властью, необходимой для подавления конкурентов и утверждения своего единоличного господства. При этом все обладали вооруженной силой для борьбы за власть. В этих условиях — децентрализации войска и бесконечного военного противостояния всех и вся — разоренное и обескровленное население (как мусульманского, так и христианского вероисповедания) также вынужденно вовлекалось в военный промысел. Румелия начала погружаться в хаос массового бандитизма.

Однако понятие "феодальная анархия" в данном случае отнюдь не тождественно категории полного безвластия. По наблюдениям В. Мутафчиевой, власть в регионе не столько отсутствовала, сколько пребывала в крайне раздробленном состоянии, а ее осколки имели тенденцию к постоянной смене хозяев. В качестве основных фигурантов на боевом поле, в которое в этот период были превращены болгарские земли, кроме Порты

inslav

выступали видинский правитель Пазвантоглу, русенский аян Трыстеник-лиоглу, татарские ханы на северо-востоке региона, родовые кланы помаков (исламизированных болгар) в Родопах, а также главари многочисленных вооруженных банд невостребованных наемников и местных жителей, терроризировавших законопослушных жителей практически всех округов.

В историографии эта эпоха получила наименование "кырджалийского (бандитского) времени". Его общепринятая датировка обычно ограничивается 1779—1813 гг. Однако 1779 год означает лишь начало первого открытого масштабного похода Порты против мятежных аянов (в данном случае албанских сепаратистов), в то время как реальное противостояние, по мнению В. Мутафчиевой, ведет свое начало приблизительно с середины столетия. В своей капитальной монографии, посвященной этому вопросу, она приводит многочисленные примеры такого рода, касающиеся районов Разграда, южной Добруджи, Казанлыка, Македонии и др.[30] Другое дело, что к концу 70-х годов поведение аянов и их дружин стало уже настолько вызывающим, что потребовало вмешательства правительственных войск. Так, практически параллельно с экспедицией в Эпир в 1779 г. была предпринята карательная акция и в восточную Македонию, где местные аяны фактически превратили районы Мелника, Демирхисара и Петрича в арену для своих военных разборок.

В болгарской народной памяти начало кырджалийского времени связывается с деятельностью так называемых хасковских разбойников. Тогда, в 1785 г., в Родопах (район Хасково) действовала банда в размере 700—800 человек, наводившая ужас на мирные села в окрестностях Пловдива — Старой Загоры. На борьбу с ними был отправлен нарочный командующий — румелийский бейлербей Абди-паша, сумевший разбить хасковский отряд в открытом сражении[31]. В том же 1785 г. начались и откровенные аянские мятежи в северо-восточной Болгарии. Кровавый дележ власти между аянами происходил в Рущуке и Тырговище. По наблюдениям В. Мутафчиевой, именно к этому времени, к 1785 г., в болгарских землях и происходит окончательное оформление "кырджалийства" (по существу бандитизма) как повсеместно распространенного социального явления[32].

Новым толчком для разгула мятежной стихии стала русско-австро-турецкая война 1787—1791 гг. Неудачная для Порты, она еще более накалила обстановку в северо-западной и северо-восточной Болгарии, вызвав обнищание населения и наводнив регион вооруженными дезертирами. Только за первый год войны местные жители были обложены 33 чрезвычайными налогами и 13 раз подвергались рекрутской повинности[33]. Характерной особенностью этих лет стало массовое участие дезертиров в создании кырджалийских банд. Однако во время ведения военных действий власти были озабочены не столько проблемой их ликвидации, сколько возвращением бежавших рекрутов обратно в действующую армию. Специальный ферман тех лет особо подчеркивал желательность их возвращения, а не наказательных действий[34]. Между тем масштабы бандитизма росли. Впервые начала появляться типичная для последующих лет информация об объединении кырджалийских шаек в относительно крупные военные соединения. Об одном из таких, действовавших в горах Разграда и Шумена, упоминается в фермане от 1790 г.[35]

inslav

Окончание войны 1787—1791 гг. не принесло мира на болгарскую землю. Наоборот, противостояние Порты и местных аянов вступило в новую решающую стадию. По существу, началась эпоха военного противостояния Стамбула и Восточной Румелии. Воспользовавшись прекращением военных действий, вступивший на престол в 1789 г. султан Селим III попытался навести порядок хотя бы в районах, непосредственно граничащих со столичным округом. Вначале ему сопутствовала удача. Властям удалось на время усмирить татарских ханов, чьи владения находились в северо-восточной Болгарии и восточной Фракии, а их союзник тырновский аян Осман-эфенди даже был публично казнен. С помощью артиллерии войска подавили сопротивление банд помаков в Родопах и смогли разбить крупные отряды кырджалийских главарей Мечека и Йылыка в районе Делиормана. Головы этих двух главарей были торжественно отправлены в столицу.

Однако успех по наведению порядка носили кратковременный характер. К началу 90-х годов относятся первые опыты реформ Селима III, нацеленные на восстановление дисциплины и боеспособности спахийского войска. В 1792 г. были обнародованы новые законы о тимарах и зеаметах, выдержанные в архаических традициях и ущемлявшие интересы янычарского корпуса. Реакция не заставила себя ждать. Аяны и кырджали в своем противостоянии столице получили мощное подкрепление в виде янычарских мятежей в провинции.

Порта была прекрасно осведомлена о близости провинциальных янычар и румелийских аянов (многие из которых происходили из янычарской среды). В отдаленных от центра провинциях их власть (в том числе в сфере хозяйственной деятельности) к концу столетия стала практически безгранична, а контроль за ними минимален. Стремясь подавить процесс децентрализации, правительство Селима III в 1791 г. попыталось наложить запрет на концентрацию янычар в отдаленных пограничных крепостях. Восстания янычар в Болгарии в 1791—1792 гг. явились реакцией на распоряжение покинуть крепости до лета 1793 г.

В болгарских землях новым центром антиправительственных выступлений стал Видин. Местный янычарский ага Осман Пазвантоглу умело воспользовался сложившейся ситуацией, представив себя в качестве защитника поруганной янычарской чести. В 1792 г. между ним и белградскими мятежниками установились тесные связи и сотрудничество. Озлобленные янычары сербских пограничных крепостей нашли себе приют в Видине. Сам же Пазвантоглу стал, по существу, душой бунта в соседнем пашалыке. Обладая громадными личными богатствами, родовыми связями и влиянием на местных кырджалийских главарей, он обеспечивал мятежников людским пополнением, помогая набирать в видинских селах рекрутов и обеспечивая их оружием. Видинский край, который мятежники щадили, превратился в плацдарм для взбунтовавшихся янычар, откуда они совершали вылазки на соседние сербские земли. В борьбе против нового правителя Видина власти были бессильны. Они слали ферманы, требующие казни бунтовщика, но не могли добиться даже его ареста.

Параллельно обострилась ситуация и в других районах. Активизировались непокорные аяны северо-восточной Болгарии и Добруджи, вступив в тесное взаимодействие с главарями разрозненных кырджалийских банд. Власть, осознавая свою беспомощность, фактически закрывала глаза на полное самовластие аянов таких городов, как Русе, Силистра, Ловеч,

inslav

Севлиево и др. Одновременно хаос распространился и на южную Фракию. В самом начале 1793 г. из Родоп начались сокрушительные набеги банд помаков во главе с Мехмедом Синапом и Дертли Мехмедом. Их действия охватывали громадную территорию, включающую районы Пловдива, Ихтимана, Самокова и даже частично Софии, Пирдопа и Пазарджика. Правительственным войскам несколько раз удавалась разбивать эти отряды, но они имели практически неиссякаемый источник пополнения в среде горцев Родоп.

Власть была уже не в состоянии подавить анархическую стихию, но и антиправительственные силы не могли еще диктовать столице свои условия. Фактически установился своеобразный паритет сил между властными возможностями центра и провинции, результатом которого стала всеобщая амнистия конца 1793 г. Надеясь достичь компромисса и вернуть на свою сторону хотя бы часть законопослушных и лояльных прежде подданных, Порта объявила помилование всем крупным и мелким участникам антиправительственных выступлений. Амнистия действовала два года, однако ее результат оказался прямо противоположен ожидаемому. И аяны, и янычары, и бандиты, и законопослушные прежде граждане расценили этот шаг как признание правительством собственного бессилия перед лицом врагов. Анархия начала набирать обороты с такой силой, что к началу 1796 г. болгарские земли впали в полный хаос.

Не желая признавать своего полного поражения, власти попытались овладеть ситуацией, задействовав на этот раз всю силу государственной машины. Амнистия была отменена. Для усмирения региона специальным военным представителем был назначен Мехмед Хакы-паша, получивший для этой цели неограниченные полномочия. В сложившихся условиях такой подход представлялся единственно возможным. Кырджалийские банды уже начали нападать на крупные города, находящиеся в относительной близости к столице — Пловдив, Пазарджик, Гюмюрджина, Димотика и даже Адрианополь. К этому времени в Черменском санджаке только 3 из 14 каз были свободны от кырджалийских банд[36]. Здесь, на образовавшейся "свободной территории", правили некие Кел Давуд, Кара Фейзи, Арабаджиоглу и Салих Байрактар. Севернее, в районе, прилегающем к Родопам, территорию контролировал Мехмед Синап с союзниками, а южнее и восточнее (район Адрианополя и Гюмюрджины) — Хаджи Манаф.

Не лучше обстояли дела и в Северной Болгарии. Подавляющее большинство местных аянов фактически не признавало власти центра. И хотя некоторые из них, как, например, могущественный аян г. Русе Трыстениклиоглу, не вступали с Портой в прямой конфликт, рассчитывать на их поддержку было трудно. Местные властители были заняты решением своих насущных проблем: они враждовали между собой, группировались в соответствии с текущими интересами, устанавливали договорные отношения, устраивали кровавые разборки за перераспределение территорий и сфер влияния и т.д.

Тем временем Пазвантоглу, пребывая всего-навсего в должности начальника видинских янычар, стал уже фактически единоличным и общепризнанным правителем Видинского края. Он контролировал огромную территорию, включая Тырново, Сливен, Свищов. Ему были союзны аяны городов Севлиево и Ловеч. Дерзость его выросла до такой степени, что ле-

inslav

том 1795 г. подконтрольные ему янычары попытались захватить Белград. Такой наглости Порта снести уже не могла. Результатом стала первая осада Видина правительственными войсками. По некоторым данным, в осаде участвовало до 30 тыс. человек[37], однако результаты были плачевны. Осада бесславно закончилась в феврале 1796 г. объявлением очередной амнистии самому Пазвантоглу и отводом войск.

Публично расписавшись в своем бессилии, Порта лишь подогрела честолюбивые амбиции видинского властителя. К лету 1797 г. контролируемая им территория расширилась уже до Габрова, а набеги его наемников начали распространяться на левобережье Дуная. Их безнаказанность привела к тому, что в сентябре 1797 г. один из его генералов смог достичь даже Бухареста, проникнуть в княжеский дворец и потребовать от князя Ал. Ипсиланти возвращения оставленных на хранение богатств никопольского аяна.

Параллельно росли и политические амбиции мятежника. В его прокламации к населению от 1797 г. уже прямо начали звучать претензии на власть в столице: обличая коррумпированное правительство, он угрожал появиться в Стамбуле во главе 100-тысячного войска и провести судьбоносные для страны реформы[38]. Этим же временем датируется и информация о попытках Пазвантоглу наладить связи с Францией. В марте 1797 г. представитель Директории в Стамбуле Обер де Байе уведомлял свое правительство, что получил через посредников послание от Османа Пазвантоглу, в котором восхвалялся новый государственный порядок в революционной Франции[39].

Амбиции видинского мятежника не только не были секретом для Порты, но, по всей видимости, и несколько ею преувеличивались, вызывая панические настроения во властных структурах. Готовясь дать решающий бой анархии в лице Пазвантоглу, правительство пошло на беспрецедентные меры. Для борьбы с ним были получены четыре специальные фетвы, одна из которых объявляла готовящееся мероприятие войной за веру и провозглашала всякого погибшего бойца шахидом, т.е. павшим за веру (случай довольно редкий для решения внутримусульманских конфликтов). Было также проведено окружное собрание столичных янычар, которое объявило вне закона всех своих сослуживцев, стоящих на стороне бунтовщика. Сам же масштаб военных приготовлений был таков, что дипломатическим агентам приходилось успокаивать представителей иностранных держав.

Военные действия в Северной Болгарии начались в декабре 1797 г. Первоначально для правительственных войск ситуация развивалась удачно. Удалось восстановить хотя бы формальный контроль Порты над такими городами, как Никополь, Русе, София, Габрово, Тырново, Свищов. Турецкий флот продвинулся по Дунаю до Видина, отрезав его от снабженческой базы в Валахии. В мае началась осада города, которая длилась до ноября 1798 г. В ней участвовало до 80 тыс. человек[40]. Однако результат был опять плачевным. Интриги внутри командования приводили к несогласованности в действиях. Громадный численный состав армии требовал налаженной службы тыла, но разоренный анархией край уже не мог прокормить такой массы дополнительной массы людей. Участие в боевых действиях большого количества выходцев из Малой Азии и наемников-албанцев, знаменитых своими зверствами, вконец настроили местное населе-

inslav

ние против центральной власти. Важную роль в провале осады сыграл и внешнеполитический фактор. Египетская экспедиция Бонапарта вынудила султана объявить в сентябре 1798 г. войну Франции и отвести часть войск от Видина на территорию Малой Азии и Греции. Осада с Видина была снята, превратившись в фиктивную "блокаду".

Осада закончилась, но проблема с видинским сепаратистом осталась. Немаловажную роль в оценке ее значимости властями играл и чисто психологический фактор. Выступления О. Пазванд-оглу, хронологически совпавшие с действиями Бонапарта, вызвали панические ассоциации. Причем касалось это не только Порты. Страх перед французской экспансией привел к рождению в этот исторический момент немыслимого прежде русско-турецкого союза. По некоторым данным в конце 1798 г. не исключалась возможность неких совместных русско-турецких военных действий против Видина, в ожидании которых русские войска, сосредоточенные по Днестру, были готовы отправиться в поход по первому сигналу[41]. Но до этого все же дело не дошло. Порта и Пазванд-оглу смогли достичь компромисса. В начале 1799 г. мятежник согласился на очередную амнистию (шестую по счету), за которой вскоре последовало и его официальное признание пашой Видинского края.

Так, на рубеже XVIII—XIX вв. закончился важнейший этап в истории кырджалийства. Однако формальное примирение столицы с главным бунтовщиком Восточной Румелии не означало прихода мира на эту землю. Начавшееся в последние годы столетия соперничество между двумя реальными правителями Северной Болгарии — Пазвантоглу и русенским аяном Трыстениклиоглу вступило в новую фазу. В регионе начались масштабные внутриаянские войны, к которым прибавились и мятежи самих командующих. Анархия достигла верхней точки своего развития, логическим завершением которой явился сначала поход мятежных румелийских аянов на Стамбул, затем фактический захват власти и подписание в 1808 г. упоминавшегося ранее "союзного пакта". Но это уже история иного — XIX столетия.

Оценивая внутриполитические итоги XVIII в. для судеб османского общества, российский историк М.С. Мейер обоснованно отмечает, что прямым результатом кризиса военно-ленной и связанной с ней административной системы стало очевидное "изменение соотношения сил между центром и периферией в пользу последней" и начало выстраивания новой структуры власти[42].

Что касается истории болгар, то затяжной внутриполитический кризис имел для этого народа тяжелейшие, но не вполне однозначные последствия. Безусловно, наступление кырджалийского времени подвергло болгарские земли разорению, сопоставимому лишь с эпохой завоевания османами Балкан. Современные событиям приписки к рукописным сборникам и сохранившиеся народные предания повествуют о бесчисленных бедствиях, выпавших на долю жителей. Вот лишь одно из свидетельств такого рода, записанное в 1798 г. священником из села Трявна: "И тогава турци много зло причиниха на християните и напразно за нищо убивали человеци, и насилвали, и коне взимали, и церкви разсипвали, и неизказани злини причинили... В тия времена восташа разбойници много, които се назоваха... кърджалии, изгориха села много и дойдоха на село Трявна... и уловиха много человеци... и изгориха селото..."[43].

inslav

Будучи не в состоянии защитить население, правительство призвало его к самообороне. Фактически официально была отменена традиционная практика запрета на ношение оружия для христиан. Подверглась пересмотру и доктрина, запрещающая возводить укрепления вокруг населенных пунктов внутри страны. Если в предшествующие века и даже в середине столетия иностранцы дружно отмечали деревенский облик болгарских городов (имея в виду отсутствие укреплений и крепостных стен), то в конце XVIII в. положение кардинальным образом изменилось. Когда в 1794—1799 гг. французский путешественник Ф. Божур посетил Балканы, он особо отметил наличие оборонительных стен у большинства городов Румелии[44].

Население приступило к активной самообороне. Под руководством все тех же аянов и местных первенцев (в том числе и христианских) жители городов и укрывающихся в них крестьян начали возводить укрепления и сообща охранять их от банд. Так, болгарский город Сливен построил стену длиной 1,5 км, а высотой 3 м. Фортификационные сооружения появились в Елене, Жеравне, Котеле и др. Одними из наиболее удачных были оборонительные постройки г. Враца. Крепость, снабженная башнями и окруженная рвом, превратила этот город в один из немногих, устоявших перед кырджалиями.

Практика самообороны принесла неожиданно положительные плоды. Как точно подметила В. Мутафчиева, с благословения властей болгары впервые за четыре столетия получили возможность ощутить себя полноправными людьми. В их руках оказалась не только возможность, но и право строить свои крепости, иметь свое оружие, создавать для защиты свои собственные организации под руководством своих предводителей[45]. В полной мере это движение получило размах лишь в XIX в., послужив мощнейшей базой для всплеска болгарского национального самосознания. Однако важно признать, что феодальная анархия, завершавшая собой историю Османской империи XVIII в., объективно создала необходимые предпосылки для этого процесса.

[1] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 133.
[2] Там же. С. 127.
[3] Там же. С. 158—160; *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в.: Внутренние проблемы и внешнеполитические трудности//Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 5.
[4] *Inalcik H.* Military and fiscal transformation in the Ottoman Empire, 1600—1700 // *Inalcik H.* Studies in Ottoman social and economic history. L., 1985. P. 295.
[5] *Цветкова Б.* За някои форми на съпротива срещу турския феодален строй през XVIII в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962. С. 213—251.
[6] Там же. С. 219.
[7] *Димитров Стр.* Движението против поголовния данък през 1730—1731 гг. // Векове. 1979. № 2. С. 58—62.
[8] *Цветкова Б.* За някои форми... С. 231—232.
[9] Там же. С. 231—234.
[10] Там же. С. 234.
[11] *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през XV—XVIII в. София, 1971.
[12] Там же. С. 292, 305, 323.
[13] Там же. С. 293.

inslav

[14] Там же. С. 294.
[15] Там же. С. 306 – 307.
[16] Там же. С. 324 – 325.
[17] *Цветкова Б.* За някои форми... С. 246.
[18] *Снегаров И.* История на Охридската Архиепископия-патриаршия: От падането ѝ под турците до нейното унищожаване (1394 – 1767). София, 1932. С. 136 – 153.
[19] *Цветкова Б.* За някои форми... С. 236.
[20] *Семенова И.В.* Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в.//Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Т. 2. С. 327-330.
[21] Там же. С. 327, 329
[22] Там же. С. 338.
[23] Там же. С. 339.
[24] Цит. по: *Семенова И.В.* Участие болгар... С. 338.
[25] Там же.
[26] *Гандев Хр.* Един опит за възстание във Видин и Видинско по време на руско-турската война от 1768 – 1774 // Исторически преглед. 1954. № 6. С. 39.
[27] Там же. С. 39 – 52.
[28] *Мейер М.С.* Указ. соч. С. 121 – 122.
[29] *Мутафчиева В.* Кърджалийско време. София, 1977. С. 38.
[30] Там же. С. 47 – 54.
[31] Там же. С. 58 – 59.
[32] Там же. С. 60.
[33] Там же. С. 77 – 78.
[34] Там же.
[35] Там же. С. 80.
[36] Там же. С. 120 – 121.
[37] *Орешков П.* Няколко документа за Пазвантоглу и Софрония Врачански (1800 – 1812) // Сборник на Българската академия на науките. София, 1914. Т. 3. С. 7.
[38] *Мутафчиева В.* Указ. соч. С. 150 – 151.
[39] Там же. С. 152.
[40] *Попов Л.* Принос към изучаване миналото на българското отечество // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1909. Т. 24. С. 22 – 24.
[41] *Мутафчиева В.* Указ. соч. С. 179 – 180.
[42] *Мейер М.С.* Указ. соч. С. 119, 171.
[43] *Славейков П.Р.* Извлечения из летописа на поп Йовчо от Трявна // Сборник на народни умотворения, наука и книжнина. София, 1890. Т. 2. С. 310.
[44] Френски пътеписи за Балканите, XV – XVIII в. / Съст. и ред. Б. Цветкова. София, 1975. С. 404 – 407.
[45] *Мутафчиева В.* Указ. соч. С. 351 – 357.

inslav

У истоков духовного возрождения (болгары под властью Константинопольского патриарха)

В отличие от событий социально-экономической и политической истории, которые хотя и разворачивались на болгарских землях, однако имели по существу не болгарское, а османское происхождение, процессы духовной и этнокультурной жизни болгар развивались как бы в параллельной исторической плоскости. Этой плоскостью было православие. Православная церковь вместе со всей своей паствой оказалась в Османской империи в положении своеобразного "государства в государстве". Именно в рамках этого полуавтономного космополитического "государства" во главе с Константинопольским патриархом, а не империи османов на протяжении долгих веков протекала жизнь православных подданных султана, в том числе и болгар. Причем эта область их существования была в значительной степени официально закрыта от вмешательства мусульманских властей.

Причины возникновения столь неординарной, с точки зрения европейцев, ситуации крылись в особенностях идеологической концепции построения средневекового османского государства. Исламская государственно-теократическая доктрина принципиально не допускала отделения светского начала от духовного и регулировала все проявления жизни мусульманского общества в соответствии с законами шариата. Иноверцы в эту схему изначально не вписывались, поэтому в отношении их была разработана иная концепция. Структурно оформляя в XV в. свое конфессионально гетерогенное общество, османы пошли на создание для "неверных" системы конфессионально-юридической автономии, предусматривавшей существование параллельных исламу конфессионально-организационных структур.

Принцип конфессионально-юридической автономии, обеспечивший выживание и автономное функционирование в Османской империи христианской церкви, оставался и в XVIII в. незыблемым краеугольным камнем теократической системы государственности. Официальный статус христиан в империи по-прежнему определялся позицией Корана в отношении завоеванных немусульманских народов. Для "людей Писания", т.е. монотеистов — иудеев и всех разновидностей христиан, он предполагал не принудительную исламизацию, а оформление отношений на договорной основе. Для получения права исповедания своей религии, они были обязаны вносить в казну строго установленную дань (джизие). Их правовое положение определялось рамками системы миллетов (для православ-

inslav

ных руммилета), предусматривавших, в частности, юридическую автономию традиционных религиозных структур. Официальным главой православного миллета был Константинопольский патриарх. Однако в отличие от своих традиционных функций в новой системе он выполнял обязанности не только духовного главы своей паствы, но и являлся высшим юридическим лицом всей православной общины, ее представителем и посредником перед султаном. Аналогичный, но более низкий статус получали в провинции митрополиты и епископы.

В рамках руммилета традиционный правовой статус церкви и самого патриарха был резко расширен. Прежде всего османы по аналогии с собственными религиозными учреждениями обеспечили православным церковным структурам реальный финансово-экономический иммунитет. Церковные власти были обязаны вносить в государственную казну определенные отчисления, сохраняя в остальном полную самостоятельность, включая наличие собственной налоговой системы. Полная свобода была предоставлена им также в области догматики, культа и церковной дисциплины. Формально османские власти не имели права даже судить священнослужителей без согласия вышестоящих церковных инстанций. Кроме того, также по аналогии с мусульманскими учреждениями православные церковные структуры наделялись не типичными для нее судебными и отчасти судебно-исполнительскими функциями. Особенно это касалось области семейно-брачных и наследственных отношений, где османское государственное право, основанное на шариате, было неприменимо к иноверцам. Право патриаршего, митрополичьего и епископального суда теперь не ограничивалось церковными наказаниями (епитимья и т.д.), а распространялось и на светские (заточение, каторга и др.). О широких правах церковного суда в XV–XVIII вв. свидетельствуют, в частности, сохранившиеся кондики о судебной деятельности архиереев Тырновской и Пловдивской митрополии.

В отличие от возникших в ту же "классическую эпоху" тимарной и военно-административной системы судьба руммилета оказалась на редкость долговечной и стабильной. Даже всеобъемлющий кризис XVIII в. не повлиял на его жизнеспособность. Возможно, причина крылась в отсутствии в его организации заранее заданной властями жесткой внутренней структуры. Касаясь данного вопроса, американский тюрколог Б. Брауде полагает, что взгляд на миллеты, как на сложившуюся еще в XV–XVI вв. четкую административную систему в общей схеме османской государственности, вообще является мифом. С его точки зрения, вплоть до XIX в. управление иноверными подданными султана реализовалось, исходя в основном из общих идеологических установок, а на практике в значительной степени было связано с конкретной ситуацией и деятельностью тех или иных личностей, выступавших от имени своих конфессиональных общин. Соответственно характер лидерства и масштабы власти в различных ситуациях также были разными[1].

Возможно, прямым следствием подобного подхода и была высокая степень внутренней организационной гибкости руммилета, обеспечившая ему большую приспособляемость к меняющимся историческим условиям. К тому же сама его внутренняя структура (если иметь в виду весь комплекс организационных структур православной церкви) находилась вне компетенции шариата и, следовательно, османских властей. А к внутренним проблемам иноверцев Порта вплоть до XIX в. была глубоко равно-

inslav

душна. На практике это равнодушие выражалось, в частности, в полном попустительстве османов внутрицерковным интригам при решении вопросов организационного характера. Это проявилось, например, и при ликвидации Тырновской патриархии на рубеже XIV—XV вв., и при учреждении Печской патриархии в XVI в., и при уничтожении Охридской архиепископии в XVIII в. Необходимо особенно подчеркнуть, что для болгарского народа такая позиция властей имела тяжелые последствия. В отличие от греков и сербов, для которых функционирование системы конфессионально-юридической автономии (при сохранении ими по существу традиционных национальных церковных структур) в значительной степени оборачивалось неким аналогом автономии этно-культурной, болгары оказались лишены этого преимущества. Влившись в состав Константинопольской патриархии, они потеряли свою национальную клерикальную элиту, а вместе с ней и своих представителей перед османскими властями. Очутившись внутри иноэтничного конфессионально-правового поля, болгары уже не могли рассчитывать на отстаивание интересов своего народа представителями греческих или сербских церковных функционеров.

Но каков бы ни был организационный генезис руммилета, сам факт его существования, сложившаяся благодаря ему система правовых реалий практически закрепляли за христианами статус двойной юрисдикции — одновременно по отношению к светским властям в лице султана и церковным в лице патриарха. Возникшая ситуация дала основания некоторым исследователям говорить даже о существовании в Османской империи некоего аналога двойного подданства и сравнивать Константинопольского патриарха с преемником византийского императора, а епископов с его наместниками, правившими в обширном православном государстве, функционировавшем внутри османского общества[2].

Безусловно, данная аналогия носит в основном образный характер и не претендует на политическую корректность. Важной представляется иная сторона вопроса: благодаря возникшей правовой ситуации у иноверцев на субъективном уровне появлялась возможность существовать одновременно как бы в двух реалиях. В качестве верноподданных султана православные разделяли вместе с мусульманами ход социально-экономической истории Османской империи, переживали ее внутри- и внешнеполитические взлеты и падения, периоды благоденствия и кризисов. В качестве же паствы Константинопольского патриарха проживали фактически без вмешательства османских властей в духовную и этническую часть своей истории.

Что касается болгар, источники из Македонии, западной Болгарии, Фракии, Мизии дают некоторые основания предполагать, что на субъективном уровне элементы осознания такого рода двойного подданства действительно имели место. Законный характер власти султана местными христианами признавался, по-видимому, безусловно. Об этом свидетельствует, в частности, закрепление за ним сакрального для славян титула "царь" и производного глагола "царствовать", которые в различных модификациях встречаются в многочисленных приписках к рукописям и сборникам османского периода: "царь", "царь султан", "царь всей земли Романискои и Македонскои и Блъгарскои и Сръбскои" и т.д.[3] Одновременно в тех же источниках можно обнаружить трактовку статуса церковных ие-

inslav

рархов в значении, приближенном к рангу правителей областей. Особенно такой подход был типичен для первых веков османского господства. Так, например, в приписке к Номоканону второй половины XV в. по поводу поездки Охридского архиепископа Дорофея прямо сказано, что он объезжал "весы и села и градовы по области державы своее црковнаа"[4]. В приписке конца XVI в. к Четвероевангелию в одном из плевенских сел также было записано, что "тогда обладающу блъгарскую землю благочестивому архиепископу кир Арсению"[5].

Для XVIII в. акцентация внимания книжников на имени духовного владыки становится уже менее характерна. Однако параллельно с распространенной датировкой событий по времени правления того или иного султана продолжает пользоваться большой популярностью клише, включающее в себя упоминание имени светского и духовного владыки. В текстах нередко сообщается, что некое событие произошло "при царе султане... и при владыке... (следует указание местности. — *Авт.*). Сразу необходимо оговориться, что эта формула имела еще доосманское происхождение. Но используемая ранее по отношению к христианскому государю и церковному иерарху, она подразумевала их взаимную ответственность за судьбы вверенных им Богом подданных. Формальная замена имени православного царя на царя мусульманского превращала ее в бессмыслицу. Нельзя, однако, исключать и вероятность того, что в соответствии с новым соотношением светской и духовной власти привычное клише было заново осмыслено книжниками и использовалось ими вполне сознательно, как исключительно точно отражающее современные реалии фактически двойного подданства.

Наметившаяся уже в первые столетия османского владычества тенденция к конфессионализации менталитета православных подданных султана, связанная прежде всего с адаптированием сознания к конкретно-историческим реалиям, находила поддержку и в политике православной церкви. Вынужденная противостоять распространению ислама, она должна была решать труднейшую задачу консолидации разноплеменной паствы. Главным условием решения этой задачи была необходимость насаждения в обществе внеэтнической, общехристианской идеологии, способной объединить представителей всех некогда враждовавших народов. Идея вселенского православия, не денационализации, а равенства всех православных народов перед Богом и патриаршим престолом стала вплоть до начала XIX в. доминирующей в деятельности Константинопольской патриархии. И хотя в болгарской историографии, особенно среди представителей ее национал-романтического крыла, всегда присутствовали попытки интерполяции в прошлое политических реалий середины XIX в. и навязывания греческому духовенству несуществующих националистических мотивировок, они не выдерживают серьезной критики[6].

Одним из действенных методов формирования в обществе общехристианского сознания оказалось создание и популяризация новых церковных культов, прославляющих современных мучеников, погибших за веру от рук турок. Характерной их особенностью стала откровенная космополитическая тональность и тщательное избегание каких-либо этнических привязок. В отличие от аналогичных произведений доосманской эпохи, национальная принадлежность героев как бы вообще перестала существовать. Вне зависимости от места событий, будь это Константинополь,

inslav

Янина или София, мученический венец за православную веру принимали не греки или болгары, а христиане без рода и племени. Заказчиком этого корпуса мартирий выступила Константинопольская патриархия, она же внимательно заботилась об их тиражировании и распространении в регионах. Подавляющее большинство произведений было посвящено греческим неомученикам, но среди них были и два болгарина — Георгий Новый и Николай Софийский, казненные в XVI в.

В точки зрения пропаганды общехристианских установок две болгарские мартирии весьма показательны, так как их авторы — священник Пейо и Матвей Грамматик сумели продемонстрировать довольно яркие образцы современной внеэтнической идеологии. Прежде всего обращает на себя внимание полное отсутствие в тексте этнического автостереотипа автора и замена его конфессиональным. В частности, оба книжника не только отказались от употребления в тексте болгарского этнонима, последовательно заменяя его конфессионимом ("христиане", "христианский род", "православное сословие" и т.д.), но и проявили склонность к трактовке самого православия в расширенном значении, приближающимся к родовому[7].

Вплоть до середины XVIII в., а точнее до появления "Истории славяно-болгарской" Паисия Хилендарского (1762 г.), эта установка в рукописях болгарских православных книжников была стабильной и неизменной. Термин "болгары" в них употреблялся редко. Все население болгарских земель именовалось не иначе как "христиане". Например, в приписке от 1716 г. к одной из богослужебных книг говорится о "бунтах среди христиан"[8]. В Минее из Македонии 1725 г. отмечается эпидемия среди "христиан и турок"[9]. И даже к концу столетия эта традиция меняется весьма незначительно. Приписки к рукописям двух последних десятилетий XVIII в. — эпохи разгула кырджалийских банд, буквально переполнены жалобами по поводу несчастий, обрушившихся на головы бедных "христиан", но лишь изредка среди них встречается упоминание имени болгар. Чаще всего этноним если и употребляется, то параллельно с конфессионимом, как бы слегка конкретизируя его (например, "страдания бедных христиан... болгар")[10].

Анализируя последствия воздействия церковной пропаганды на самосознание болгарского народа, специалисты склонны оценивать их для XVIII в. как весьма результативные. Исследования показывают, что к середине столетия в основной массе народа приверженность к общехристианской религиозной общности занимала едва ли не главенствующее место в общей структуре самосознания[11]. Одним из наглядных проявлений данной тенденции явилось, в частности, широкое распространение в болгарских землях культов общеправославных святых в ущерб местным[12]. А записи в афонских монастырях и скитах, регистрировавшие в XVIII в. своих дарителей, показывают, что болгары-паломники щедро одаривали в то время все обители и скиты, не выделяя особенно болгарские или славянские[13].

Закономерным следствием конфессионализации самосознания болгар, восприятие ими установок космополитического характера стало катастрофическое падение в обществе интереса к событиям собственной древней истории, рост популярности греческого языка и культуры. Во всяком случае именно эти обвинения выставлял своим непатриотически

inslav

настроенным современникам Паисий Хилендарский. Особенно его беспокоила сфера расширения области применения греческого языка. Лидирующее положение греческого, как средства культурного и внутриконфессионального общения, не в последнюю очередь было связано с этнической принадлежностью и языковыми пристрастиями высшего церковного клира. Это ставило болгарский язык заведомо в неравные условия, способствуя его вытеснению из обихода даже у национальной культурной элиты. О масштабах греческой культурной экспансии Паисий пишет следующее: "Некоторые не хотят знать свой болгарский род, а обращаются к чужой культуре и чужому языку и не заботятся о своем болгарском языке, но учатся читать и говорить по-гречески и стесняются называться болгарами"[14]. Думается, речь в данном случае шла прежде всего о духовенстве и книжниках, в среде которых общался Паисий. Однако позднее эта тенденция распространилась и на представителей зажиточных слоев горожан, постепенно приобретая очертания серьезной проблемы. Однако это произошло лишь в XIX в. Относительно XVIII столетия источники не дают оснований для такого рода заключений. В этот период реальная проблема болгарского народа лежала скорее всего в иной плоскости, хотя также была напрямую связана с деятельностью церкви и процессами конфессионализации сознания.

Многовековое проживание в теократической империи, чрезмерная религиозная идеологизация общества, всестороннее и повсеместное подавление собственно этнической формы самосознания начали оказывать к XVIII в. непосредственное влияние на судьбу болгарского этноса. Обостренное внимание к проблемам религиозной принадлежности ставило дополнительный барьер на пути активизации ассимиляционных процессов, препятствуя свободному проникновению исламской идеологии и культуры в жизнь народа. Вместе с тем излишне идеологизированное общество начало стимулировать зарождение внутри себя конфессионально ориентированных субэтносов. Перемена религии оказывалась в глазах не только духовенства, но и рядового населения актом несовместимым с дальнейшим пребыванием в лоне своего народа. В Болгарии это привело к оформлению на базе некогда единого этнического массива трех слабо связанных между собой этно-религиозных общностей — православной, католической и мусульманской.

До сих пор речь шла исключительно о православных болгарах. Однако начиная с XIV в. в их среде начало появляться большое количество мусульман. Результаты естественной и насильственной исламизации были различны. В тех районах, где тюркское население было многочисленным, смена вероисповедания обычно приводила к быстрой и полной ассимиляции, включая утрату родного языка и этнокультурного облика. В отдаленных, прежде всего горных районах, где этнические тюрки были редкостью, исламизированное местное население часто сохраняло свой бытовой уклад, язык, традиции. Там на месте христианских сел возникали поселения помаков — болгар-мусульман. Такого рода анклавы образовались в основном в результате насильственных исламизаторских акций середины — второй половины XVII в. в районах Родоп, Пирина и Малашевских гор. В условиях конфессионального деления общества помаки оказались в чрезвычайно сложном положении. Приняв ислам, в глазах православных они автоматически переставали быть соотечественниками. Не случайно

inslav

по всей стране за ними прочно утвердилось наименование "помаки", этимология которого хотя и вызывает споры, однако никогда не выходит за рамки нелестных и оскорбительных эпитетов, связанных чаще всего с понятием измены.

В то же время в глазах турок помаки так и не стали полноценными мусульманами. Сохранились свидетельства, что в Восточных Родопах даже в середине XIX в. турки не обращались к ним с традиционным "дин ислям", а лишь "ерум денлии" (т.е. полуверные), а при раздражении бросали — "дйонмета" или "гявурдйонмеси" (изменники веры и своего народа)[15]. Не было особого доверия к помакам и в войсках: их предпочитали распылять среди турок или использовать на подсобных физических работах.

Причины столь подозрительного отношения властей и правоверных мусульман крылись, по всей видимости, в сохранении в среде помаков многочисленных следов христианской обрядности, обычаев и верований. Например, в Родопах помаки вплоть до конца XIX в. продолжали повсеместно соблюдать основные ритуалы, связанные с православными календарными праздниками, практиковать в быту многие христианские обычаи, зачастую лечить болезни с помощью креста, икон, церковных реликвий и т.д. А в отдаленных горных районах женщины пренебрегали даже обязательными для всех мусульманок ограничениями — ношение головного покрывала, запрет на присутствие в местах скопления мужчин и др.[16] И, наконец, что было особенно важно, помаки прекрасно помнили о своем христианском прошлом, включая информацию о родственных связях в среде христиан[17].

Вместе с тем, черты этно-культурной близости не могли полноценно компенсировать факт конфессионального размежевания. Особенно наглядно антагонизм между двумя ветвями одной этнической общности начал проявляться в XIX в., вылившись, в частности, в кровавое подавление помаками некоторых очагов Апрельского восстания 1876 г. Однако и в XVIII в. православному окрестному населению приходилось страдать от рук своих соплеменников. В последней четверти столетия, в период разгула кырджалийства, жители Фракии были буквально затерроризированы бандами болгарских горцев-мусульман. Бесконечные набеги, начавшиеся в 1785 г. действиями так называемых хасковских разбойников, несмотря на все усилия властей, не прекращались вплоть до первых десятилетий XIX в. В 90-е годы XVIII столетия особенно прославились своими зверствами отряды помаков Мехмеда Синапа и Дертли Мехмеда, наводившие ужас не только на фракийскую равнину, но и на жителей центральных районов. Но в фольклоре земляков-помаков имена главарей кырджалийских банд неизменно оставались овеянными легендарной славой. Эта специфика местного менталитета является, возможно, дополнительным косвенным подтверждением тезиса о том, что в условиях теократического общества принятие ислама постепенно, но неминуемо вело к эрозии самосознания, к изменениям, несовместимым в тот период с полноценным пребыванием в лоне болгарской нации[18].

Кроме помаков в XVII в. на территории Болгарии возникло также несколько анклавов католиков. Воспользовавшись появлением папских миссионеров, на рубеже XVI—XVII вв. к религии своих предков вернулись частично ассимилированные потомки саксонских колонистов-рудокопов в северо-западной Болгарии. Они проживали в основном в селах Чипровец,

inslav

Железна, Клисура, Кратово. После разгрома Чипровецкого восстания (1688 г.), главным очагом которого стали именно их общины, они были вынуждены навсегда покинуть пределы Османской империи.

Католицизм на территории Болгарии продолжал распространяться и среди местного населения. Речь в данном случае идет о так называемых павликианах. Самоотверженная деятельность ватиканских миссионеров привела к тому, что к началу XVIII в. в католицизм перешли практически все общины местных еретиков — наследников знаменитых богомилов, сравнительно крупные поселения которых сохранялись в северной Болгарии (район Никополя и Свищова) и во Фракии (район Пловдива). Среди православных за ними на протяжении почти всего османского периода (вплоть до середины XIX в.) прочно удерживался греческий вариант названия богомильской ереси — павликиане. Именно под этим именем они и вошли в историю.

Принятие католичества легитимизировало правовое положение павликиан, оставшихся и в Османской империи фактически изгоями, изолированными от остального христианского населения границами своих конфессионально автономных общин. Однако и официальный отказ от ереси не сблизил их с православными соотечественниками. Во-первых, католиков в болгарском обществе традиционно не любили и единоверцами не считали; во-вторых, слишком еще была свежа память об еретическом прошлом неофитов. Кроме соображений идеологического порядка разобщению способствовал и новый юридический статус павликиан, фактически приравнивавший их к иностранцам. Дело в том, что их общины не входили в структуру миллетов, а были вынесены (также как поселения иностранных купцов, представителей дипломатического корпуса и др.) за пределы правового поля османского государства. Причина была чисто формальная — католическое вероисповедание в Османской империи традиционно имело особый статус. Начало было положено еще в 30-е годы XVI в., когда в результате подписания с Портой капитуляций стала оформляться концепция протектората Франции над католиками и католическими учреждениями на территории империи. Постепенно за Францией было признано право покровительства не только над своими, но и турецкими подданными, принявшими католичество. А с 1740 г. Франция начала представлять перед турецким правительством также и интересы Ватикана, который не имел своего дипломатического агента в Константинополе. К ведомству Ватикана и относилась новая церковная структура, объединявшая общины болгарских павликиан, — Конгрегация по распространению веры (создана в 1622 г.).

Однако, несмотря на то что к началу XVIII в. подавляющее большинство павликиан формально превратилось в правоверных католиков, истинные успехи миссионеров в их среде вплоть до начала XIX в. были весьма относительны. Причина этого заключалась прежде всего в национальной принадлежности павликианского духовенства — оно рекрутировалось в основном из местных жителей и отличалось исключительной веротерпимостью. Лишь после того, как дело в свои руки взяли иезуитские ордена (на севере в 1781 г. итальянцы из ордена пасионистов, а во Фракии с 1836 г. лигуористы), бывшие еретики начали постепенно превращаться, действительно, в католиков. С течением времени это отразилось, в частности, и на их наименовании. К середине XIX в. термин павликиане начал исчезать из обихода.

inslav

Однако в XVIII в. большинство павликиан было католиками главным образом формально. Отчеты миссионеров в Конгрегацию буквально заполнены жалобами на стойкую приверженность новообращенных прежним еретическим верованиям и обрядам. Среди основных чаще всего упоминается традиционная склонность к дуализму и приверженность магическим обрядам. Особое раздражение миссионеров вызывал обычай курбан, предусматривавший жертвоприношение скота с его последующим торжественным поеданием в церкви[19]. В середине XVIII в. папа Бенедикт XIV издал даже специальную инструкцию для болгарских священников, обязующую их бороться с общественными и частными курбанами.

Что касается проблемы этнической самоидентификации, то для павликиан ее не существовало. И до и после принятия католицизма они упорно продолжали считать себя болгарами. Почти во всех письмах, донесениях и прочих материалах XVII—XVIII вв., относящихся к деятельности католических священников — выходцев из местного населения, не просто отмечается, а подчеркивается болгарская этническая принадлежность авторов[20]. Однако православные болгары их таковыми, по всей видимости, не считали.

В докладах миссионеров присутствуют упоминания о холодном отчуждении, царившем в отношении православных к павликианам. Последние считались в их среде отлученными и контакты (даже на бытовом уровне) не поощрялись[21]. Более того, данные топонимики дают основания предполагать, что православные болгары вообще отказывались воспринимать их членами своей этнической общности. По отношению к павликианским селам окрестное население строго придерживалось внешних приемов этноразграничительной практики, используемой прежде всего в этнически смешанных зонах. В случае совместного проживания в регионе представителей различных этносов существовал обычай применять сложносоставные наименования населенных пунктов, в которые в качестве прилагательного включался этноним. Именно так и поступали болгары с павликианскими селами: чаще всего они имели сложносоставное название, куда входил соответствующий конфессионим — Павликянска Брестовица, Павликянска Калугерица и т.д.[22].

На бытовом уровне взаимное неприятие было, по всей вероятности, столь велико, что даже в экстремальных ситуациях павликианам не удавалось уживаться со своими православными соотечественниками. Яркий пример тому — некоторые факты из истории миграции павликиан в Валахию. В период 1726—1730 гг., когда католические общины на территории Османской империи подвергались гонениям, за Дунаем попыталось обосноваться большое количество павликианских семей. Первоначально они разместились в одном из предградий Крайовы, где давно уже существовала православная болгарская колония. Однако взаимопонимания не получилось. Резкое дистанцирование произошло как в отношениях с православными болгарами, так и с собственно католиками — переселенцами из северо-западной Болгарии. Вскоре павликиане были вынуждены покинуть город[23].

В значительной степени поддержанию взаимного антагонизма между двумя ветвями болгарского народа способствовало и духовенство. Перед православным стояла задача борьбы с распространением папского влияния, и поэтому оно всячески старалось натравить османские власти на

inslav

конкурентов. Особенно благоприятные возможности предоставляли в этом отношении австро-турецкие войны. Константинопольская патриархия не упускала случая воспользоваться подозрительностью османских властей в отношении католического клира, имевшего налаженные связи в стане противника. Так, в 20-е годы XVIII в., в промежутке между двумя австро-турецкими войнами, ей удалось инспирировать свирепое гонение на католиков, обвинив их в подготовке антиправительственного мятежа по заданию Австрии и Дубровника. Султан издал даже особый антикатолический ферман, который и поставил католическое духовенство и его паству в положение гонимых, вызвав волну переселений за Дунай.

Однако, говоря об интригах духовенства и его роли в православно-павликианских отношениях, не стоит, по всей вероятности, переоценивать значение политического фактора. В этом регионе Балкан духовная сфера в рассматриваемую эпоху еще не стала областью легко доступной для чисто политических мотивировок. Лишь к середине XIX в. православные болгары цивилизовались настолько, что для достижения своих целей принялись разыгрывать конфессиональную карту, прибегая к шантажу с угрозой перехода в унию. В XVIII столетии болгарское общество все еще продолжало оставаться в вопросах религии глубоко консервативным: такие понятия, как "народность" и "вера", были почти синонимичны, а борьба за свое вероисповедание ассоциировалась в народном сознании с защитой рода. И, вероятно, не случайно Паисий Хилендарский, повествуя об истории своего народа и достаточно подробно останавливаясь на его горестях и проблемах, ни разу даже не вспоминает о самом факте существования болгар с вероисповеданием отличным от православного. Скорее всего для него (так же, как и всех его православных соотечественников), принадлежность к болгарской этнической общности была жестко ограничена рамками вполне определенной конфессии, помаки же и павликиане никакого отношения к ней и ее проблемам не имели.

Распространение в обществе подобных установок, как уже отмечалось, имело довольно негативные последствия для этнической истории болгар, способствуя началу формирования конфессионально ориентированных субэтносов. Вместе с тем абсолютизация в системе общественного сознания псевдотождества "род — вера" — вела к созданию действенного этнозащитного механизма, оберегавшего народ от чуждых внешних влияний. При этом необходимо особо подчеркнуть, что на бытовом уровне само функционирование этого механизма напрямую было связано с новым общественным статусом православных религиозных учреждений. И в этом отношении особую роль сыграли церковно-территориальные общины, на долю которых (в условиях отсутствия национальной церковной организации) в болгарских землях выпала одна из основных функций в деле защиты этнического облика и культурных традиций народа.

Деятельность церковно-территориальных общин была неотъемлемой составной частью и одним из конкретных организационных проявлений системы конфессионально-юридической автономии, и именно с их деятельностью западная историография весьма часто связывает начало процессов формирования наций в лоне Османской империи[24]. Основой организации общин был принцип религиозно-территориального размежевания прихожан. В пределах одного населенного пункта представители различных конфессий были обязаны (в принципе) селиться в различных квар-

inslav

талах, составлявших территориальное ядро религиозной общины. Официальным главой православной общины и ее представителем перед лицом местных властей обычно был местный священник, воспринимавшийся мусульманской администрацией неким аналогом исламского кади (судьи). Священники обладали не только церковной, но и ограниченной судебно-административной властью: подобно кади заверяли завещания, торговые сделки, договоры, разбирали дела о наследовании и т.д. Благодаря их деятельности вмешательство османских властей во внутренние дела общины было минимальным. Специальные исследования показывают, что, по крайней мере, в болгарских землях священники передавали дела в шариатские суды лишь в исключительных случаях, выступая на них при этом в качестве свидетелей, поручителей и представителей своей паствы[25].

Достижение максимального этнозащитного эффекта от деятельности этих замкнутых и полуавтономных объединений на практике было тесно сопряжено всего лишь с одним условием — совпадением этнических границ с административными. При отсутствии внутри общины ярко выраженного этнического многообразия, она автоматически превращалась в крайне консервативный этнокультурный организм, выступающий в роли своеобразной внешней брони. Для болгар, лишенных всех иных внешних этноконсолидирующих структур, этот фактор имел чрезвычайно важное значение. Более того, сам факт выживания именно этого этноса, оказавшегося по сравнению с другими турецкими христианами в наиболее неблагоприятном положении, является ярчайшим доказательством результативности функционирования этих местных объединений.

Специальные исследования показывают, что в Болгарии наибольший этнозащитный эффект от деятельности церковно-территориальных общин достигался в сельской местности, где роль неболгарского этнического компонента в большинстве случаев была незначительна[26]. В городах эффект был выражен значительно слабее из-за смешанного состава населения и специфики организации торгово-ремесленных корпораций — эснафов. В своей деятельности они не были обязаны следовать принципу религиозного размежевания горожан и при наборе своих членов зачастую игнорировали этно-конфессиональный фактор. Результатом была активизация христианско-мусульманских производственных контактов и, как следствие, проникновение исламской культуры в повседневную жизнь городского населения.

Именно этим обстоятельством и следует, по всей видимости, объяснить распространившуюся к XVIII в. внешнюю исламизацию быта городских христиан, повсеместно наблюдаемую иностранцами. У христиан и турок, как писал по этому поводу французский путешественник П. Рико, "почти одни и те же нравы, они мало отличаются друг от друга, если не принимать в расчет разницы религиозной"[27]. Ориентализацию облика и нравов балканских, в том числе и болгарских христиан, отмечал и известный русский путешественник В.Г. Барский, посетивший Балканы в 1725 и 1744 гг.[28]

Проникновение исламских влияний затрагивало в этот период уже не только бытовую культуру, но и искусство. По мнению специалистов, для произведений болгарского искусства XVIII в. был характерен ярко выраженный стилистический эклектизм, проявлявшийся нередко в использовании элементов турецкого орнамента, колористической гаммы и т.д. Причем это касалось не только прикладных изделий ремесленников, ори-

inslav

ентирующихся на вкусы заказчиков и потребности рынка (включая мусульманский), но даже и произведений канонического церковного искусства[29]. Активным было и проникновение турецкой бытовой лексики в болгарский язык, в том числе и книжный. Эта тенденция отчетливо проявилась во второй половине столетия, отмеченной быстрым приближением языка болгарских рукописей к живой разговорной речи[30].

На этом фоне, в условиях бытовой экспансии исламской культуры, и приобретает особую значимость идеологическая направленность политики Константинопольской патриархии. Благодаря ее самоотверженным усилиям едва ли не единственной областью, свободной от этих влияний, оставалась сфера сознания православных христиан. Думается, лишь ценой ее тотальной идеологизации, частичного этнонивелирования самосознания паствы духовенству удалось ограничить ориентализацию в основном чисто внешними проявлениями.

До сих пор речь шла о последствиях "духовного правления" церкви с позиций анализа оценки ее общественного статуса. Однако все это время церковные учреждения продолжали параллельно выполнять и свои традиционные функции, включающие богослужебное действие, монашеское подвижничество и т.д. Напрямую эти области деятельности церкви никогда не были предназначены для поддержания в народе каких-либо элементов этнического самосознания. Однако в условиях османской действительности, вне зависимости от программных установок патриархата, этнического состава клира или административной принадлежности епархий, им неожиданно выпало выполнять эту новую роль. Сам факт сохранения традиционного культового действа оказался в новых условиях определенной гарантией консервации хотя бы части исторической информации, прежних этнокультурных навыков, а, следовательно, косвенным образом влиял на характер самосознания населения.

В соответствии с древней традицией в болгарских церквях в османский период продолжали бережно храниться и по соответствующим случаям зачитываться старые рукописи. Среди них были и синодики, чрезвычайно богатые в информативном отношении, так как они содержали упоминания о болгарских царях и наиболее важных событиях доосманского периода. Так, например, сохранившийся Синодик царя Борила являлся, по существу, краткой летописью государственной жизни Болгарии XIII—XIV вв. Важнейшие историко-информативные функции выполняла и агиография, часто используемая для чтения в массовой аудитории. Особо это относилось к житиям местных святых и тех, чьи мощи хранились в Болгарии. В этом случае в тексте часто присутствовали сюжеты, напрямую связанные с историей Первого и Второго Болгарского царства. К примеру, в широко популярном Житии Ивана Рильского рассказывалось о встрече святого с царем Петром. В Похвальном слове Евфимию Тырновскому — об истории завоевания Болгарии османами и т.д.

Особую же ценность представляли исторические справки, поясняющие обстоятельства появления мощей в болгарских землях. Поскольку чаще всего мощи попадали в Болгарию в качестве военных трофеев, повествование нередко превращалось в панегирик военной доблести болгарских царей. Такого рода справки содержались, например, в часто переписываемых в османский период житиях, принадлежащих перу Евфимия Тырновского. Например, в тексте Похвального слова Иоанну Поливотскому

inslav

присутствовал даже довольно пространный рассказ об обстоятельствах пленения в 1205 г. болгарским царем Калояном латинского императора Балдуина.

Серьезное воздействие на процесс сохранения этнического самосознания оказывали также культы местных святых. К распространенным в среде болгар относились культы Кирилла, Мефодия, Климента, Наума, Ивана Рильского, Гавриила Лесновского, Прохора Пщинского, Михаила Осоговского и некоторых других, которых население считало своими по родовому признаку. В XVI—XVII вв. в связи с общей конфессионализацией сознания внимание ко многим из них сильно ослабло, но начиная приблизительно с середины XVIII в. наблюдается тенденция к повышению их роли в жизни болгарского общества[31].

Особенно это замечание можно отнести к культу Ивана Рильского, постепенно распространившегося из западных областей на всю болгарскую территорию и получившего статус национального небесного заступника. В XVIII в. его образ становится чрезвычайно популярен в книжности, иконографии, фольклоре, а сам он оказывается в болгарских землях единственным святым, имеющим в годовом цикле целых три праздника. Учитывая историческое содержание и информативность этого культа, можно сказать, что в рассматриваемый период он играл одновременно и образовательную, и этнообъединяющую роль, стимулируя пробуждение в широких народных массах патриотических чувств. И, вероятно, не случайно приток паломников в Рильский монастырь нарастал на протяжении всего XVIII в., включая даже опасное для передвижений кырджалийское время.

Однако решающее значение в деле сохранения исторической памяти народа, его культурного наследия, этнического самосознания, в создании условий для появления первых ростков национальной идеологии сыграл, пожалуй, институт монашества, чей статус и права были в полном объеме сохранены османами. Наряду с низшим приходским духовенством монахи остались в болгарском обществе XV—XVIII вв. единственными представителями этнической культурной элиты. Соответственно их роль и авторитет в среде соотечественников были особенно значительны.

Несмотря на резкое сокращение в османский период количества действующих на территории Болгарии монастырских комплексов, их роль в общественной жизни была всегда достаточно высока, а в XVIII в. еще более усилилась. Связан этот процесс оказался прежде всего с развитием чифтликского землевладения, углублением социального расслоения и появлением значительной прослойки зажиточных болгар. Увеличение количества богатых паломников, рост размеров пожертвований, расширение ктиторской деятельности стали характерной особенностью развития монастырской жизни в болгарских землях в XVIII в. Повышение уровня благосостояния монастырей оказывало обратное благотворное влияние и на жизнь светского общества, что выражалось в первую очередь в подъеме образовательного уровня населения.

В XVIII в. образование в Болгарии продолжало сохранять религиозный характер и развивалось в основном на монастырской базе. И хотя сельские и городские общины уже начали предпринимать первые попытки по открытию своих собственных училищ, приглашая в них преподавателей-священников, данное начинание находилось еще в зародыше. Реальное распространение грамотности в среде широких масс напрямую зависело

inslav

от деятельности так называемых келийных училищ, которые действовали при монастырях или под их патронажем.

Особенно большая роль в распространении келийного образования принадлежала Рильскому, Зографскому, Хилендарскому, а также Лесновскому, Етропольскому и некоторым другим более мелким монастырям. Деятельность келийных училищ имела чрезвычайно большое значение для сохранения народом собственного языка и этнического самосознания. Они обеспечили непрерывность в поддержании болгарской письменной традиции в среде широких народных масс, способствовали воспитанию чувства конфессиональной и этнической принадлежности.

Кроме того, монастыри выполняли роль связующей нити между настоящим и историческим прошлым болгарского народа. Книгохранилища не только бережно укрывали старые рукописи, но и пополняли свои собрания за счет создания списков сочинений доосманского периода и приобретения новых книг, в том числе содержащих переводы современных произведений. В XVIII в. последние начали пользоваться особой популярностью, чему в немалой степени способствовала окончательная потеря книжной культурой своей прежней элитарной направленности. Для литературы этого времени стала типична бóльшая степень демократизации, включая повсеместное употребление живого разговорного языка и усиление позиций публицистического начала.

Однако в целом основной костяк книжной продукции XVIII в., особенно его первой половины, по-прежнему составляли традиционные дамаскины — сборники произведений смешанного нравоучительного содержания, получившие некогда свое наименование от имени греческого писателя Дамаскина Студита (XVI в.). Основное отличие от предшествующего столетия состояло, пожалуй, лишь в том, что формируя новые сборники, болгарские книжники, занимаясь подбором переводных сочинений, акцентировали все большее внимание на злободневных темах, являющихся, с их точки зрения, наиболее интересными современной аудитории.

Одним из самых знаменитых и плодовитых составителей болгарских дамаскинов первой половины XVIII в. был монах Рильского монастыря и руководитель местной дамаскинарской школы Иосиф Брадатый (1690 или 1714—?). Его перу принадлежал новый перевод знаменитого "Сокровища" Дамаскина Студита, а также серия сборников, содержащих переводы 128 различных сочинений и крупных извлечений из текстов греческих авторов. В них преобладали короткие поучительные рассказы, жития святых, проповеди и полемические сочинения, направленные против иных конфессий — мусульманства, католицизма, иудаизма и рудиментов народного язычества. Особое беспокойство книжника вызывало распространение ислама и его культуры в среде соотечественников. Он с возмущением обрушивался на вероотступников и тех христиан, которые подражали нравам турок, прямо призывал не соблазняться благами, сопутствующими переходу в мусульманство, и свято беречь веру отцов.

В середине XVIII в. именно внутри монастырских стен появилось на свет и первое болгарское сочинение, содержащее основные элементы будущей национальной идеологии — "История славяно-болгарская" Паисия Хилендарского. О самом авторе и истории написания знаменитого произведения известно чрезвычайно мало. Достоверные сведения ограничиваются, строго говоря, информацией, которая содержится в самой "Исто-

inslav

рии". Из текста ясно, что Паисий — иеромонах Хилендарского монастыря на Афоне; пришел на Святую Гору из Самоковской епархии в 1745 г.; закончил свое сочинение в 1762 г. в возрасте 40 лет; трудился над ним два года, посетив для сбора информации "немецкую землю", Зографский и другие монастыри на Афоне и в Болгарии; подвигла же его на писательский труд "ревность и жалость" к своим болгарским соотечественникам, не имеющим в отличие от греков и сербов сочинений по собственной истории, а также насмешки последних по этому поводу. Вот, собственно, и все. Дата смерти писателя неизвестна.

Для написания "Истории" Паисием использован богатый источниковедческий материал. Среди источников отечественного происхождения это прежде всего древние грамоты болгарских царей, сохранившиеся в монастырских книгохранилищах, а также жития болгарских и других православных святых. Из иностранных источников на первом месте стоит труд дубровницкого аббата Мавро Орбини (вторая половина XVI в. — 1614 г.) "Королевство славян" в русском издании 1722 г. Проповедуемые автором идеи иллиризма (единства всего славянского мира) были глубоко чужды Паисию, но при работе над "Историей" громадную помощь оказал относительно небольшой раздел, содержащий исторические сведения о древних болгарах и их царстве. Вторым источником иностранного происхождения стало сочинение итальянца Цезаря Барония (1538—1607), используемое Паисием в русском переводе под названием "Деяния церковные и гражданские". В нем большое место уделено политической истории Средиземноморья византийского периода (до 1198 г.), что позволило болгарскому монаху почерпнуть сведения об образовании древнего болгарского царства и его взаимоотношениях с соседями.

Широко используя многообразные источники, Паисий создал, однако, не компилятивное, а глубоко оригинальное авторское произведение. "История" насквозь пронизана патриотическими настроениями и отличается весьма тенденциозным подбором и освещением материала. Цель сочинения — пробуждение чувства национальной гордости через восхваление прошлого — формулируется сразу же в авторском предисловии. Паисий прямо обращается к своим соотечественникам: "Внимайте вы, читатели и слушатели рода болгарского, которые любите и имеете пристрастие к своему роду и своему болгарскому отечеству и желаете знать... о своем болгарском роде и о ваших отцах, прадедах и царях, патриархах и святых... как знают все другие племена и народы свой род, язык, имеют историю и все грамотные знают, рассказывают и гордятся своим родом и языком"[32]. Попутно автор клеймит позором грекофилов и прочих "отцеругателей", восхваляя истинные нравственные добродетели простых духом болгар и порицая гордыню и ложную мудрость греков.

Не менее эмоционально и патриотически заострена и основная часть произведения. Рассказ о событиях ранней истории болгар, в основном повторяя канву изложения Мавро Орбини и Цезаря Барония, включает в себя откровенные панегирики во славу боевых подвигов предков. Особую гордость вызывают у автора победы болгар над Византией. Исключительно эмоциональны разделы, посвященные борьбе с османами последнего болгарского царя Ивана Шишмана и страданиям болгар под турецким игом.

Ключевое место в воспитательно-патриотической концепции Паисия занимает рассказ о жизни и деятельности выдающихся болгарских про-

inslav

светителей и церковных деятелей. Желание дополнительно прославить болгарский род побуждает его написать в рамках "Истории" два полностью оригинальных отрывка — о деятельности славянских первоучителей и их учеников. Согласно его версии все они были болгарами. Но если в отношении Кирилла и Мефодия это утверждение подано несколько расплывчато, то все пять учеников — Климент, Сава, Наум, Эразм и Ангеларий — прямо приписаны к болгарскому роду. По версии Паисия, после того как Кирилл изобрел славянскую письменность, братья вместе с учениками начали переводить священные книги именно для болгар, поэтому первоначально они и назывались — болгарские. И лишь позднее, после моравской миссии, эти книги получили наименование словенских.

Касаясь современности, причины нынешнего печального состояния своего народа Паисий склонен усматривать во внешних факторах, называя среди основных "агарянское рабство и греческую архиерейскую власть, от которой болгары страдают"[33]. На общем панегирическом фоне произведения, разоблачения такого рода выглядят особенно жестко и явно нацелены на подъем национальных чувств и освободительных устремлений.

Распространение в среде болгар списков сочинения Паисия Хилендарского действительно приоткрыло новую страницу в истории духовной жизни болгар, положив начало не только возрождению нации, но и развитию дотоле отсутствовавших националистических настроений. Болгарам доходчиво объяснили, что они великая нация, но в отличие от других народов несправедливо обделенная и пребывающая в довольно жалком состоянии. Возникающий при этом комплекс неполноценности был сориентирован на поиск внешних врагов, которые тут же и назывались. Тем самым закладывалась эмоциональная база для развития в обществе проникнутой наступательным духом национально-освободительной идеологии.

Сам Паисий обладал, по всей видимости, элементами мессианской психологии. Он видел свою миссию не только в написании произведения, способного пробудить дух нации, но и считал своим долгом сделать все возможное для его популяризации и распространения в народе. Известно, что уже в 1765 г. он самолично вынес список "Истории" с Афона в болгарские земли, где тот был переписан в с. Котел будущим болгарским епископом Софронием Врачанским. Вскоре им же был сделан и второй список. Еще один список был составлен в 1771 г. священником Алексеем Поповичем в Самокове. В 1772 г. текст "Истории" появился уже и в Рильском монастыре. Далее процесс начал приобретать лавинообразный характер.

После появления "Истории" деятельность болгарских книжников как бы раздвоилась. В последней четверти XVIII в. они продолжали развивать традиционную и в достаточной степени космополитичную линию дамаскинов и в то же время, создавая новые списки "Истории", пропагандировать национал-публицистические идеи Паисия. Такова, например, была деятельность Никифора Рильского, Стояна Каванлышского и некоторых других книжников. Распространением списков Паисия начал свое творчество известный общественный деятель и писатель начала XIX в. Софроний Врачанский.

Активной популяризации первого произведения болгарской национальной публицистики среди населения способствовало и то обстоятельство, что благодаря все более широкому развитию келийного образования

inslav

книжное дело начало постепенно выходить за рамки монастырских стен. Во второй половине XVIII в. переписчиками и составителями рукописей все чаще становились приходские священники и преподаватели келийных училищ, тесно связанные с жизнью народа и оказавшиеся легко восприимчивыми к новым веяниям. Одним из книжников этого нового типа стал учитель из с. Елена Дойно Грамматик, который в 1784 г. не только переписал "Историю" Паисия, но и дополнил ее отрывками из известной книги хорватского просветителя А. Качич-Миошича "Приятный разговор о славянском роде".

Необходимо особо отметить, что хотя до XIX в. сочинение Паисия Хилендарского, распространяемое исключительно в рукописях, имело все же довольно скромную аудиторию, ограниченную в основном кругом книжников, монахов и низшего духовенства, влияние на формирование общественного сознания оно оказывало уже тогда. Прежде всего это влияние прослеживается на уровне обыденного сознания и связано с ростом националистических настроений. К проявлениям такого рода можно, по всей видимости, отнести ремарки, оставляемые иногда современниками на тексте этого сочинения. Так, всего лишь через несколько лет после появления "Истории" священник Георгий из с. Жеравны поместил в одном из ее списков (1776 г.) свои восторженные отзывы, не забыв отметить, что это сочинение будет "на пользу болгарам... и на пакость грекам и сербам"[34]. Аналогичную приписку оставил в 1777 г. и поп Велико из с. Котел[35].

Националистический заряд, привнесенный в общество Паисием, очень скоро сказался на творениях и других книжников. Его можно проследить, например, у Даниила Святогорца — монаха афонского монастыря Св. Георгия. Переводя в 90-х годах на греческий рассказ о Кирилле и Мефодии из книги Дм. Ростовского "Книга житий", он значительно отредактировал текст, придав ему ярко выраженную болгарофильскую направленность. Отталкиваясь от текста Паисия, он создал еще более своеобразную версию деятельности солунских братьев. По его мнению, славянские первоучители составили новую письменность непосредственно для болгар, перевели священные книги не на церковнославянский, а именно на болгарский язык, проповедовали христианство не кому-либо, а болгарам и никуда с христианскими миссиями вообще не ходили[36].

Явное влияние Паисия прослеживается и в сочинении иеросхимонаха Спиридона "История во кратце о болгарском народе славенском" (1792 г.). Вслед за своим знаменитым предшественником автор прославляет подвиги древних болгар и горестно оплакивает их современную тяжкую участь. Так же, как и Паисий, Спиридон вводит в текст откровенное публицистическое начало. Обнаружившийся вдруг комплекс национальной неполноценности заставляет автора пытаться возвеличивать древних болгар не только посредством прославления их подвигов, но и за счет принижения достижений других народов. Негативных оценок Спиридона не избегают даже русские. Так, повествуя о проживании своих соотечественников в Восточной Европе, Спиридон сообщает, что в то время у русских (в отличие от болгар) не было "ни городов, ни сел", что жили они, как "дикие звери", переходя с места на место, и терпели поражения от болгарских принцев[37], что именно болгары открыли им путь к цивилизации, основав первый в их землях город — Новгород[38]. Не забыл Спиридон также напомнить читателям, что хан Батый смог разгромить в XIII в. Русь, но Болгария

inslav

оказалась ему не по плечу (к болгарской он причислял территорию едва ли не всей Венгрии и Сербии)[39].

Касаясь вопроса об отношении книжников к России, необходимо сразу оговориться, что взгляды Спиридона вряд ли можно назвать типичными. Скорее они представляли собой проявление крайней, хотя и находящейся еще в стадии зарождения позиции наивного болгароцентризма. Анализ показывает, что в целом для болгарской книжности XVIII в. обостренный интерес к русской тематике не был характерен[40]. Сам Паисий затрагивал русские сюжеты вскользь, не акцентируя на них особого внимания. В количественном же значении в отношении России в рукописных сборниках этого периода резко преобладали краткие и абсолютно нейтральные в эмоциональном отношении приписки, сообщающие об очередных боевых столкновениях турок с "московом".

Однако, несмотря на это, в заключение все же хотелось несколько подробнее остановиться на данной проблеме, так как место, занимаемое Россией в общественном сознании болгар, все же не было вполне ординарным. Эта неординарность проистекала прежде всего из-за вписанности ее образа в состав различного рода пророчеств, популярных в среде всей православной балканской аудитории. Пророчества относились в подавляющей своей массе к переводной греческой литературе, но были традиционно распространены и в болгарской книжности всего османского периода[41]. Главенствующее место в них изначально занимала идея о божественном предназначении России и об ее освободительной миссии на Балканах. Представления такого рода имели легендарный характер и вели свое происхождение еще от знаменитого пророчества Геннадия Схолария, сделанного в XV в. В своей наиболее популярной в XVIII в. версии оно гласило, что турки возьмут Константинополь и будут властвовать долго, но затем "русский народ, соединясь со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победит вторично"[42]. В середине XVI в. Александрийский патриарх Иоаким находил предсказания относительно возвышения Руси и наследования ею византийского царства в самом Апокалипсисе[43], а если принимать всерьез уверения греческих ходоков в Москву за милостыней, то представления подобного рода в среде христиан и самих турок были едва ли не общераспространенными на протяжении всего XVII в.[44] Эта же позиция транслировалась в Россию и греческими столичными кругами через посредничество русских дипломатических представителей. В XVIII в. отголоски ее можно обнаружить в подчас излишне эмоциональных донесениях русских посланников в Константинополе. Так, например, в 1703 г. в Записке о положении турецкого народа П.А. Толстой сообщал, что турки больше всего боятся русских, так как в их книгах написано, что "держава турецкая будет низвергнута и власть душманская искоренена" именно русскими[45].

Трудно судить, насколько настроения и представления подобного рода имели действительное распространение в среде болгар. Достоверная информация на этот счет отсутствует. Что касается болгарских книжников, то в XVIII в. среди них кроме пророчества Геннадия Схолария особой популярностью пользовалось "Пророчество блаженного Иеронима Агафангела", вошедшее, в частности, в сборник Спиридона Рильского. В той части текста, где восхвалялась доблесть русского оружия, "искореняющего варваров и расширяющего пределы" государства московского, говорится и о грядущем пришествии из России христианского воина, несущем погибель агарянам[46].

inslav

Если же говорить об оригинальной болгарской литературе этого периода, для сохранившихся сочинений элементы мессианско-русофильской направленности в целом не типичны. Ярким исключением является лишь одно. Это "Повесть о московском царе Петре", сохранившаяся в рукописном сборнике 1796 г., составленном священником Пунчо. Основное содержание "Повести" касается истории крещения Руси и основывается на материалах русских летописей, прошедших весьма вольную обработку. Византийский император превращен в ней в болгарского царя, а русский князь Владимир в Петра Буро. Особый интерес представляет заключительная и, как предполагают исследователи, принадлежащая самому Пунчо часть "Повести"[47]. Она содержит откровенный панегирик воинственным русским монархам и являет собой своеобразную попытку осмысления мотивов грядущей освободительной миссии России. Это предназначение трактуется автором как знак благодарности русских своим крестным отцам — болгарам. Предполагается, что русские свято помнят о якобы имевшем место акте принятия крещения от болгар и неустанно молятся об их освобождении от османского гнета[48].

При желании, но с большой натяжкой в ряд болгарских сочинений с элементами русофильской направленности можно занести, пожалуй, еще перевод знаменитой "Стематографии" хорвата Павао Риттера Витезовича, изданной в 1741 г. в Вене болгарином-эмигрантом Христофором Жефаровичем. В ней среди прочих славянских гербов приведен и русский. Здесь же автор сообщает, что русская земля славится мужественными сердцами и вызывает страх у всех своих врагов[49].

Говоря о довольно скромном месте русской тематики в болгарской книжности XVIII в., необходимо отметить, что данная ситуация была, по всей видимости, характерна и для болгарского общественного сознания той эпохи в целом. Анализ показывает, что образ России начал рельефно проступать в менталитете этого народа лишь в XIX в.[50] Существующие же в историографии утверждения о присущей болгарам чуть ли не со времени женитьбы Ивана III на Софье Палеолог вере в освободителя "дядо Ивана" представляются, по меньшей мере, слабо аргументированными[51]. Более убедительно выглядит точка зрения, датирующая начало зарождения такого рода представлений концом XVIII — началом XIX в. и связывающая их с русско-турецкими войнами этого периода[52]. Однако и она не находит документального подтверждения в материалах той эпохи. Достоверные свидетельства о популярности этого образа у болгар относятся едва ли не к середине XIX в.

Если же говорить о генезисе данного образа, можно сделать предположение, что источником распространения мифа о "дядо" (деде), т.е. старце Иване, вполне могли стать поселения русских и запорожских казаков, появившиеся в северо-восточной Болгарии во второй половине XVIII в. (подробно см. в главе "Русские подданные турецкого султана"). Известно, что в среде казачества всегда были популярны песни и предания о "старом царе Иване" — Иване IV Грозном, его казанском походе и соответственно победах над мусульманами. Привнесенные казаками на Балканы, предания именно об этом древнем Иване могли найти отклик у населения региона в силу своей поразительной актуальности. Однако это тема отдельного исследования. В данном случае можно лишь отметить, что косвенным подтверждением указанного предположения слу-

inslav

жит ареал распространения образа "дядо Ивана", ограниченный в основном областями, непосредственно примыкающими к местам поселений выходцев из России. Исследователи фиксируют его наличие, прежде всего, в районах северо-восточной Болгарии, тогда как в других регионах он был малоизвестен или неизвестен вообще[53].

Касаясь причин столь позднего культурного и идеологического проникновения России в болгарские земли, а соответственно и формирования ее образа в общественном сознании, необходимо подчеркнуть, что оно исторически оправдано. Полное отсутствие у болгар официально признанных национальных церковных структур лишало их своих представителей не только перед османскими властями, но и в сфере международных контактов. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в слабой информированности Москвы относительно положения своих единоверцев в этом районе Балкан. К тому же, покровительствуя в XVI—XVIII вв. православным святыням на Востоке, Москва была движима идеями не славянской общности, а вселенского православия, что создавало дополнительные препятствия для налаживания прямых болгаро-русских контактов. Основные пожертвования из России в XVI—XVII вв. шли, прежде всего, на нужды Царьградской патриархии и знаменитых православных монастырей. Болгарам милостыня доставалась в очень небольшом размере и ограничивалась в основном поступлениями в Зографский и Рильский монастырь. Другие монастыри отправляли в Россию просителей очень редко. Связано это было опять же с отсутствием в среде высшего клира представителей болгар, а, следовательно, с трудностями получения необходимых для путешествия поручительных писем.

Со стороны России к XVIII в. также возникли и организационные препоны. Появление большого количества самозванцев привело к обнародованию в 1670 г. распоряжения царя Алексея Михайловича по закрытию пограничных застав для всех просителей, не имеющих царской грамоты. Гарнизонам было приказано отправлять таких ходоков обратно. А в середине XVIII в. русское правительство приняло новые строгие меры против наплыва просителей с Востока. В 1742 г. было решено давать милостыню только монастырям, имеющим русские дарительные грамоты. В этот список не попал ни один болгарский монастырь, включая Рильский. На территориях, имеющих болгарскую паству, лишь несколько македонских монастырей получили право получать раз в пять лет по 175 руб.[54] После вступления этого распоряжения в силу и без того слабые прямые болгаро-русские церковные контакты еще более минимализировались. Соответственным оставалось и место России в общественном сознании населения этого региона Балкан. Лишь войнам рубежа XVIII—XIX вв. и особенно начала XIX в. удалось преломить ситуацию и реально повернуть духовное лицо болгарского народа к России.

[1] *Braude B.* Foundation Myths of the Millet System // Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. N.Y., 1982. Vol. 1. P. 70.

[2] *Iorga N.* Byzance apres Byzance: Continuation de l'histoire de la vie byzantine. Bucarest, 1971.

[3] *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София,1902. С. 35, 103; *Радонич Й.* Епистолар манастира Продром // Споменик. Београд, 1902. Т. 49. С. 63.

inslav

[4] *Ангелов Б.* Из старата българска, руска и сръбски литература. София, 1967. Т. 2. С. 265.
[5] *Цонев Б.* Опис на ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т. 1. С. 52.
[6] Подробно см.: *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримска война. София, 1976. С. 44—60.
[7] *Макарова И.Ф.* Структура автостереотипа болгар в условиях османского владычества (XV—XVI вв.) // Славяне и их соседи: Этно-психологический стереотип в средние века. М., 1990. С. 116—128.
[8] *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. София, 1923. Т. 2. С. 529.
[9] *Стоянов М., Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. София, 1964. Т. 3. С. 986.
[10] Например, см.: *Цонев Б.* Опис на ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т. 1. С. 379—381.
[11] *Иванова Э.А.* Формирование и развитие национального самосознания болгар эпохи национального Возрождения (сер. XVIII — до 70-х годов XIX в.). М., 1985. С. 21—22; *Она же.* Этническое самосознание болгар на этапе перехода от народности к нации // Сов. этнография. 1987. № 2. С. 51—61; *Радкова Р.* Националното самосъзнание на българите през XVIII и началото на XIX в. // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 178—238.
[12] *Георгиева Ц.* Етноинтегрираща функция на култове на българските светци в периода на османского владичество // Българска етнография. 1984. № 1. С. 9; *Иванова Э.А.* Этническое самосознание болгар... С. 56—57.
[13] *Радкова Р.* Националното самосъзнание ... С. 194.
[14] *Паисий Хилендарски.* История славянобългарска / Под ред. П. Динекова. София, 1963. С. 29.
[15] *Шишков Ст.* Избранни произведения. Пловдив, 1965. С. 233.
[16] Там же. С. 220—277.
[17] Там же. С. 227—228.
[18] *Макарова И.Ф.* Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании южнославянских народов. М., 1999. С. 195—232.
[19] *Милетич Л.* Нашите павликиани // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1903. Т. 19. С. 216—217, 30—37.
[20] *Станимиров С.* Политическа дейност на българите-католици през 30—70-те години на XVII век: Към история на българска съпротива. София, 1988.
[21] *Милев Н.* Католишката пропаганда в България през XVII в.: Историческо изследване. София, 1914. С. 44.
[22] *Георгиева Ц.* Содержание и функции этнонима "болгары" в условиях османского владычества // Bulgarian Historical Rev. 1983. N 2. P. 51.
[23] *Милетич Л.* Заселване на католишките българи в Седмоградско и Банат // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1897. Т. 14. С. 347.
[24] *Gibb H., Bowen H.* Islamic Society and the West. V. 1. Oxford, 1957; *Hasluck F.* Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929; *Khaddudi M.* The Islamic Law of Nation. Damascus, 1966; *Karpat K.* Ottoman views and policies towards the Orthodox Christian Charch // Greek Orthodox Theological Review. 1986. N 31. C. 131—155.
[25] *Грозданова Е.* Българска серска община през XV—XVIII вв. София, 1979. С. 86.
[26] Там же. С. 30.
[27] Френски пътеписи за Балканите, XV—XVIII в. / Под ред. Б. Цветкова. София, 1975. С. 407.
[28] *Барский В.Г.* Странствия Василия Григорьевича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885. Т. 3.
[29] *Паскалева-Кабадаиева К.* Ислямски влияния върху българското изкуство през XV—XVIII в. // Проблеми на изкуство. 1980. № 3. С. 25—30.
[30] *Лекова Т.* Сборници със смесено съдържание от XV—XVII в. като отражение на българския светоглед // Старобългаристика. 1987. № 4. С. 73—83; *Мирчев К.* За съдбата на турцизмите в българския език // Известия на Институт за български език. София, 1952. Т. 2. С. 121—130.

inslav

[31] *Георгиева Ц.* Етноинтегрираща функция на българските светци в периода на османското владичество // Българска етнография. 1984. № 1. С. 3—11.
[32] *Паисий Хилендарски.* История славянобългарска. С. 29.
[33] Там же. С. 87.
[34] *Ангелов Б.* Съвременници на Паисий. София, 1963. Т. 2. С. 62.
[35] Там же. С. 63.
[36] *Дубовик О.А.* Религия и церковь в болгарской исторической мысли XVII—XVIII вв. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 98.
[37] *Златарски В.* История во кратце о болгарском народе словенском: Сочинися и списася в лето 1792 Спиридоном иеросхимонахом. София, 1900. С. 13.
[38] Там же.
[39] Там же. С. 76.
[40] *Макарова И.Ф.* Россия в болгарской книжности XVIII — начала XIX в .// XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 27—41.
[41] *Макарова И.Ф.* Легендарные представления болгар о России в XV—XVIII вв. //Российское общество и зарубежные славяне, XVIII — начало XX в. М., 1992. С. 130—140. (Балкан. исслед.; Вып. 16).
[42] *Мутафчиева В.* "Предсказанията" за края на Османската империя: (Към въпроса за руско-балканските културни връзки през XIX в.)// Балкански културни и литературни връзки. София, 1974. С. 113. (Studia balkanica; Вып. 8).
[43] *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церквы. СПб., 1885. Т. 1. С. 151—152.
[44] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношения России к православному Востоку в XVI—XVII столетиях. М., 1885. С. 353.
[45] *Мутафчиева В.* "Предсказанията"... С. 113.
[46] *Ангелов Б.* Неизвестен ръкопис на Спиридон Рильски // Език и литература. 1964. № 3. С. 79—86.
[47] *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки през XVII—XVIII в. София, 1986. С. 121—122; *Ангелов Б.* Български расказ за покръстването на русите // Известия на Институт за българска литература. София, 1958. Т. 6. С. 258.
[48] *Ангелов Б.* Български расказ... С. 259.
[49] *Жефарович Хр.* Стематография. София. 1985. С. 40а.
[50] *Макарова И.Ф.* Россия в представлениях и отношении к ней болгар // Россия и Балканы: Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 142—162.
[51] *Трифонов Ю.* Историческо обяснение на вярата в "Дядо Ивана" (Русия) у българския народ // Библиотека на Славянска беседа. София, 1908. Т. 1. С. 124—199.
[52] *Снегаров И.* Културни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII в. София, 1953. С. 25.
[53] Там же.
[54] Там же. С. 42.

inslav

Сербы в условиях разлома сербского этнического пространства

XVIII век являл собой эпоху переходную и во многом переломную как для всей Европы, так и для Балкан. За время, прошедшее от осады турками Вены в 1683 г. и до подписания Белградского мира между Австрийской империей и Турцией в 1739 г., геополитический расклад сил на Юго-Востоке континета радикально изменился. Захватив обширные территории в балканско-дунайском регионе, Австрия установила границу с османами по рекам Саве и Дунаю, что оказалось одним из главных факторов превращения ее в великую европейскую державу. При этом сам поворот в политике Габсбургов, отныне стоявших во главе не только центральноевропейской, но и *балканской* монархии, датируется рубежом XVII—XVIII вв. — заключением Карловацкого мирного договора в 1699 г. Именно с этого времени активная балканская политика стала важной частью внешнеполитического курса Вены[1].

От турецкого поражения под австрийской столицей до неудачи "цесарцев" у села Гроцка (1739), когда нарушенное равновесие было вновь восстановлено (правда, намного южнее, чем ранее), балканское Подунавье являлось ареной крупнейших сражений с участием величайших полководцев. Приведем только один пример: принц Евгений Савойский, способствовавший, как никто другой, мощному росту влияния Австрии в Европе, трижды одерживал здесь победы над османами — в сражениях под Сентой (1697 г.), где он наголову разбил самого султана Мустафу II; Петроварадином (1716 г.) и Белградом (1717 г.).

Многочисленные австро-турецкие войны конца XVII — первой трети XVIII в. и вытеснение турок за Саву и Дунай привели к тому, что граница двух культурных ареалов сместилась далеко на юг. И, как результат такого сдвига, — политическая, социальная, демографическая и т.д. ситуация в паннонских и балканских землях, которые и составили главный театр военных действий, подверглась значительной трансформации.

Сербы, исторически располагавшиеся точно на оси Вена-Стамбул, а потому гораздо чаще других народов Юго-Востока Европы втягивавшиеся в воронку австро-турецких конфликтов, испытали в то время самые глубокие перемены, которые надолго предопределили их историческую судьбу. Оказавшись в результате массовых переселений в пределах монархии Габсбургов и получив от венских властей немалые привилегии, они приобрели своего рода гарантию физического выживания, чего под турками, естественно, никогда не имели. Попав в орбиту европейской

inslav

культуры, сербы вступили на путь национального возрождения. Как заключила И.И. Лещиловская, "переселение в Австрийскую монархию ввело часть сербов в сферу западной цивилизации. Положение их было более стабильным, чем на Балканах. Это благоприятствовало их общественному развитию"[2].

Параллельно с этим в "турецкой" Сербии складывались такие внутренние условия, которые, будучи оплодотворенными идеями обновления, дозревавшими в сознании образованных сербов из Австрии, могли составить основу будущей освободительной борьбы. И хотя процесс этого "созревания" был труден и долог и вылился в несколько фаз, важно зафиксировать, что именно в первой трети XVIII в. сербы сделали ответственный шаг к своему национальному взлету начала XIX в.

* * *

На протяжении XVI и XVII вв. покоренные турками сербы видели в Австрии христианское государство, боровшееся против исламской Турции, и потому считали ее своим естественным союзником. Во время австро-турецкой войны 1592 – 1606 гг. они впервые восстали против турок и в последующих конфликтах занимали сторону Вены, связывая с ней надежды на освобождение. Самым значительным событием в этом ряду стала Венская война 1683 – 1699 гг., которую вела Священная лига против Турции...

Разгромив, при содействии польского короля Яна Собесского, турок под своей столицей, австрийцы перешли в контрнаступление и погнали противника на юг. В 1688 г. ими был взят Белград, а спустя год сожжено Скопье. Но здесь, в непосредственной близости от Стамбула, порыв армии Леопольда I иссяк. С конца 1689 г. османы при поддержке их верного союзника — татарского хана Хаджи-Селима — нанесли ей ряд тяжелых поражений и, в конце концов, принудили к бегству.

Сербский народ уже в 1683 г. встал на сторону Австрии, чему в немалой мере способствовала удачно проведенная Веной пропагандистская кампания. Распространяя среди населения Балкан "призывные письма", в которых сербы, болгары и другие народы брались под "цесарскую защиту", австрийцы разрешали им сражаться под своими знаменами и давали щедрые обещания. В итоге, по разным оценкам, сербы составляли от $^1/_6$ до $^1/_4$ всей численности австрийских войск.

Понятно, что ожидать милости от турок, в момент, когда в войне наступил перелом, им не приходилось. Возмездие было неотвратимо — начавшееся в 1690 г. турецкое возвращение в Сербию сопровождалось неслыханными зверствами над местным населением. Запись той поры наглядно представляет весь трагизм положения сербов: "Ох! Ох! Ох! Увы мне. Люти страх и беда тогда беше; матер од очесех раздваяху, а от отца сина; младе робляху, а старе секаху и давляху. Тогда на се человеци смрт призиваху, а не живот, од проклетих турака и татара. Увы мне, люте туге!"[3].

Спасаясь от османского террора, тысячи сербских семей были вынуждены оставить родные места и спасаться бегством. Вслед за отступающей австрийской армией, под натиском татарских и албанских орд, огромные толпы беженцев двинулись на север к Белграду. В июне того же года, из Белграда, их лидеры послали в Вену епископа Исайю Джаковича со своими предложениями. Ответом на них стала грамота Леопольда I, датирован-

inslav

ная 21 августа, в которой император принимал сербов "всех вместе и поодиночке под императорскую и королевскую защиту", гарантируя им немалые привилегии[4].

Осенив себя крестным знаменем, беглецы начали переправу через Дунай и Саву, уверенные, что покидают родину совсем ненадолго. Но то был великий сербский исход. Во главе уходившего из Сербии народа шел Печский патриарх Арсений III Чарноевич.

А обезлюдевшие земли Старой Сербии (нынешнего Косова и Метохии) — этой колыбели древней сербской культуры — стали занимать спускавшиеся с гор албанцы. Так начинался тот этнический передел, последствия которого столь трагически проявились на наших глазах. Осуществляя "белый геноцид", т.е. уничтожая средневековые сербские святыни, нынешние потомки завоевателей пытаются стереть все следы исторического присутствия сербов на территории Космета в жарком стремлении представить именно себя его "автохтонными" жителями...

Абсолютное большинство сербских беженцев расселилось по опустевшей в результате войн территории современной Воеводины. В Среме, Бачке, большей части Бараньи сербы к началу XVIII в. оказались единственными жителями; в Славонии и равнинной части Баната — доминирующим населением. Кроме того, они оседали на берегах Дуная и Тисы на своем пути в глубь Европы, подальше от возможного турецкого преследования. Самые состоятельные сумели достичь окрестностей венгерской столицы, поселившись в Буде, Пеште, Сент-Андрее и других местах.

В первые после переселения годы, пока боевые действия продолжались, беженцы надеялись вернуться назад, в Сербию, чему не суждено было сбыться. В конце 1698 г. в Сремских Карловцах был созван конгресс для заключения мира между Османской империей и Священной лигой. Согласно Карловацкому трактату, подписанному в январе 1699 г., султан признавал право императора на венгерский престол. Что касается конкретных территориальных приобретений, то Австрия закрепляла за собой часть Срема и Хорватии[5].

Таким образом, в конце XVII в. произошел крутой перелом в истории сербского народа, который во многом определил перспективу и особенности его дальнейшего развития, продолжая влиять и на его современное бытие. Вызванная турецким вторжением в Европу и длившаяся несколько столетий миграция сербов на север в конце XVII в. привела к качественному изменению: в результате войны 1683—1699 гг. сербский этнос оказался разделен государственными границами на две основные части — турецкую и австрийскую. Третья (меньшая) его часть осела к тому времени в Далмации — тогдашних владениях Венецианской республики[6].

По существующим в научной литературе оценкам, на рубеже XVII—XVIII вв. в Сербии (без Боснии) проживало около 200 тыс. сербов; в Австрийской монархии — до 200 тыс., в том числе 155 тыс. в Венгрии и свыше 40 тыс. в Хорватии; в венецианской Далмации число православных сербов достигало 40 тыс. человек. Эти примерные данные позволили Ю.В. Костяшову сделать вывод о том, что «в начале XVIII в. на территории государства Габсбургов оказался не малый "осколок" сербского этноса, как часто принято думать, но значительная часть сербов, сопоставимая по своей численности с оставшимися в Османской империи соплеменниками»[7].

inslav

В XVIII в. территория расселения сербов в Австрии имела неодинаковое административно-политическое устройство. Так называемый Провинциал (или районы гражданского управления) сперва находился непосредственно под властью Вены, а затем входил в состав Венгрии и Славонии. А на пограничной с Турцией территории вдоль Савы, Тиссы и Дуная в 1702 – 1703 гг. формировалась Потисско-Поморишская граница как область военных поселений, бóльшую часть которых населяли сербы-граничары. Она подчинялась австрийским властям. После многих реформ статус границы был окончательно утвержден "Основным законом" 1807 г.

Положение сербского населения в монархии Габсбургов определялось привилегиями Леопольда I, дарованными в 1690 – 1695 гг. и ставшими основой его правового статуса на многие десятилетия вперед. Привилегии Леопольда (подтверждавшиеся его наследниками в расширительной или суженной форме) гарантировали сербам защиту со стороны императора и местную автономию; свободу вероисповедания и освобождение от выплаты десятины и ряда других податей; право выбора митрополита, объявлявшегося главой православных, на церковно-народном соборе.

Помимо этого, подтверждался давний принцип местного самоуправления – сербам разрешалось жить по их собственным обычаям и управляться свободно избранными вождями. А также признавалась юрисдикция Печского патриарха (позднее – Карловацкого митрополита) над всеми австрийскими сербами: от Темишвара и Буды до хорватского Приморья, причем не только в церковных, но и в мирских делах... Таким образом, именно сербская православная церковь стала главной хранительницей сербской идентичности и народного единства в рамках *нового* инонационального и иноконфессионального окружения, борцом за сохранение политических и религиозных свобод народа.

Впрочем, несмотря на дарованную свободу исповедания, сербы постоянно подвергались религиозному давлению. На протяжении всего XVIII столетия – вплоть до подписания Иосифом II "Патента о веротерпимости" – католическое и униатское духовенство упорно (при скрытой, а то и явной поддержке венских чиновников) навязывало православным унию, поскольку то был один из путей упрочения над ними "цесарской" власти.

Да и сами сербские привилегии стали со временем предметом постоянной борьбы между сербами, стремившимися упрочить свое положение в монархии, и Габсбургами, желавшими ограничить их эксклюзивные права исключительно церковной сферой. Позиция Вены в этом отношении менялась в зависимости от целого ряда конкретных обстоятельств, а именно – взаимоотношений двора с мадьярами и хорватами; необходимости обустройства границы с Турцией и потребности в граничарских войсках; общего внешнеполитического и военного курса Австрии.

Особо важной для повседневной жизни монархии в то неспокойное время являлась пограничная функция сербов – выполняемая ими роль живого щита в ее мягком подбрюшье по Саве и Дунаю. Военные круги были заинтересованы в этой службе граничар. А потому, не имея в своем распоряжении никого, кто мог бы заменить их на оживленной южной границе, власти с вынужденным "пониманием" относились к интересам пра-

inslav

вославных. Покуда в сербах имеется надобность, — нередко слышалось в Вене, — они останутся "нацией, достойной нашей толерантности..."[8]. В 1745 г. в столице империи была создана Иллирская дворцовая канцелярия — специальный орган, занимавшийся сербскими делами. Впрочем, он оказывал на них весьма скромное влияние.

* * *

В первой половине XVIII в., в условиях восстания Ференца II Ракоци и двух войн с Турцией, австрийские императоры были вынуждены неоднократно подтверждать права сербов. Понятно, что делалось это из нужды, почему и нет смысла слишком восхвалять их за отношение к православным, тем более что в перспективе подход к нему уже определился: стремление к сокращению объема привилегий и навязывание унии.

Так, после единодушной (правда, после некоторых колебаний) поддержки, оказанной сербами Леопольду I во время подавления им мадьярского восстания Ракоци в 1703 г., они стали требовать подтверждения своих привилегий. Чего и добились при очередном императоре Иосифе I, подписавшем в августе 1706 г. соответствующий документ. Но перед тем монарх ознакомил с требованиями сербов кардинала Леопольда Колонича, который в своем ответе высказался за непременную унию, как главную цель государственной и церковной политики в отношении "схизматиков". Кроме этого, он призвал к сокращению прерогатив верховного православного пастыря в Австрии; запрещению ему подвергать опале священнослужителей, принявших унию; повышению контроля за всей православной иерархией снизу доверху. Говоря о привилегиях, прелат писал: "Если эти привилегии уже нельзя изменить или сократить, то пусть они будут подтверждены в таких двусмысленных выражениях, что, в зависимости от ситуации, их можно было бы трактовать по-разному". И далее — показательный пассаж: "Для пользы императора следует так оттягивать выборы каждого нового православного владыки, после смерти старого, чтобы такой порядок со временем вообще забылся. Так что, в конце концов, не будет никого, кто мог бы оказаться выше тех владык, которые соединятся, тем временем, с римской церковью; а они, в свою очередь, должны будут постараться перевести в унию игуменов, монахов и священников, дабы и они все постепенно слились с римской церковью. С народом же мы тогда поступим так, как того потребуют обстоятельства..."[9].

Имея в виду совсем недавно подавленное мадьярское восстание, как и всем известные воинские качества сербов, столь необходимые Вене в тех непростых внешнеполитических условиях, Иосиф I не мог, конечно, с порога отвергнуть их требования. Однако, даже подтверждая привилегии, он действовал в русле советов кардинала Колонича — в документе имелось немало "скользких" мест, да и выборы наследника патриарха Арсения, скончавшегося в октябре 1706 г., состоялись лишь спустя два года.

Во второй половине XVIII в. положение сербского народа в Австрии существенно изменилось, ибо с вступлением на престол Марии-Терезии начался процесс ликвидации средневекового сословно-федеративного устройства монархии и ее трансформации в централизованно-бюрократическое государство — с единой системой власти, судопроизводства и общими законами. Смена династической идеи на государственную означала

inslav

переход к политике подавления любого сепаратизма и выравнивания статуса различных регионов. Понятно, что новый государственный курс не мог не отразиться на положении австрийских сербов, тем более что базой для "единения" всех национальностей объявлялся католицизм.

Поначалу действовал старый, испытанный принцип — в условиях острой необходимости, т.е. когда во время войн или иных конфликтов цена на сербов-воинов поднималась, их привилегии подтверждались, чтобы затем, в момент смягчения обстановки, в ход шли разные ограничительные "интерпретации". Сербы же во время всех этих игр всегда подчеркивали, что привилегии были им даны не из милости, но как награда за услуги дому Габсбургов.

В 1743 г. Мария-Терезия в очередной раз подтвердила сербские права (признав и избрание Карловацким митрополитом Павла Ненадовича, — местные власти почти два года тянули время, стремясь вовлечь сербов в унию). Но шла война, а сербы — в частности полковник Атанасие Рашкович со своими отрядами — дрались как на германском фронте, так и в Италии... Но уже год спустя, на сербском народном соборе 1744 г., наряду с имперским комиссаром (как это всегда бывало), присутствовал один посланец Венгерской дворцовой канцелярии, чем сербы были недовольны и против чего яростно протестовали — привыкнув иметь дело непосредственно с Веной, они в самом факте дополнительного "контроля" узрели реальную опасность подпасть в недалеком будущем под юрисдикцию мадьяр, что, собственно, в конечном счете и случилось. А в 1746 г. Мария-Терезия вообще объявила, что "сербский митрополит не есть верховный глава народа, но только церкви; следовательно, жалобы и требования, касающиеся населения, должны идти мимо него"[10]. По сути дела, это был первый шаг на пути трансформации автономии сербов из народной в церковно-школьную (из политической в национально-культурную, как мы бы сказали сейчас)...

Тем временем снова резко обострилась международная обстановка — в 1756 г. в Европе началась Семилетняя война. По справедливой оценке В. Чоровича, "если бы не эта война, не австрийские неудачи в ней, не вынужденный такт в отношении к союзной России и сербским бойцам, то судьба сербов и вообще православия в Австрии была бы крайне незавидной"[11]. Действительно, Мария-Терезия, всегда желавшая жесткой централизации в своих владениях на основе католической веры, была, вслед за иезуитами, уверена, что толерантность — это отнюдь не признак широты духа, но показатель слабости. Как писала она сыну, Иосифу II, "это средство, которое все подрывает"[12].

Такой политике она и следовала по отношению к своим православным подданным, когда опасность внешних или внутренних коллизий проходила. В 1770 г. по ее приказанию председатель Иллирской дворцовой канцелярии граф Франц Колер издал "Регуламент", в котором привилегии сербов значительно урезались и был усилен контроль государства над их общественной жизнью. Данный акт вызвал со стороны сербского населения бурный протест, который был "официально" оформлен на народном соборе 1774 г. Еще два года спустя Синод сербской православной церкви в Австрии высказался за необходимость восстановления нарушенного статуса сербов. Однако все было тщетно. Новый "Регуламент", принятый в январе 1777 г., не принес исполнения их требований, что стало причиной

inslav

массовых народных выступлений (в том числе и против собственной церковной иерархии, непоследовательно — как казалось многим — боровшейся за защиту попираемых прав).

В ответ на открытое недовольство сербов, Мария-Терезия в декабре 1777 г. ликвидировала Иллирскую канцелярию, свалив всю вину за "перегибы" на нее. Но уже в следующем году она передала в управление венгров Банат, что поставило целый ряд сербских привилегий под вопрос, имея в виду резко негативное отношение к ним мадьярских властей. Наконец, в 1779 г. была издана "Декларатория", которая почти столетие (вплоть до 1869 г.) составляла правовую основу положения сербского народа и православной церкви в Австрии и Венгрии. Смысл принятого документа состоял в окончательном выхолащивании их старых прав и привилегий. И действительно, он ограничил самоуправление сербов всего лишь церковью и школой. Народная автономия, таким образом, заменялась церковно-школьной, да и то весьма куцей — как церковь, так и школа оказались под строгим надзором государственной власти.

Кроме того, в годы "просвещенного абсолютизма" Иосифа II (после смерти его матери в 1780 г.) сербы столкнулись с новым явлением — насильственной германизацией, которая, особенно в Военной границе, стала неотъемлемой частью внутренней политики Вены...

Поскольку, как уже говорилось, часть территории проживания австрийских сербов входила в состав земель короны Св. Иштвана, венгерское дворянство претендовало там на полную власть. Государственное собрание королевства длительное время отказывалось признавать права и привилегии сербов. Те же апеллировали к Габсбургам, которые весьма искусно использовали мадьяро-сербские трения, опираясь на православное население при проведении своей централистской политики. Все это проявилось в известных событиях 1790—1792 гг.

Влияние Французской революции, неудачная война с Турцией, смерть в 1790 г. Иосифа II — сторонника жесткого абсолютистского курса, привели в движение различные народы монархии, и прежде всего мадьяр. Для венского двора наступили трудные времена. И тогда, как бы в противовес венгерскому Государственному собранию, новый император Леопольд II санкционировал созыв сербского народно-церковного собора, который и состоялся в Темешваре летом—осенью 1790 г. На соборе, имевшем отчетливо политический характер, столкнулись два подхода. Один, поддержанный большинством депутатов, требовал от Вены создания территориальной автономии сербов, другой же — предполагал включение их в государственную систему Венгрии, при гарантии равноправного присутствия и участия в работе собрания.

Венские власти, однако, отказались одобрить предложения Темешварского собора, по сути ими же и инспирированного, что объясняется наметившимся к 1791 г. австро-венгерским компромиссом. Со своей стороны, Государственное собрание Венгрии уравняло сербское население в гражданских правах, признав тогда же его церковно-школьную автономию. Но декларированное равенство католиков и православных во многом оставалось чисто формальным. Добавим, что в то же самое время началось принудительное обучение сербской молодежи венгерскому языку. И впредь политика мадьяризации только усиливалась... На Пожуньском сейме 1792 г. сербы вновь были провозглашены равноправными гражда-

inslav

нами Венгрии, а Карловацкому митрополиту и православным епископам предоставили право участвовать в работе венгерского парламента.

Таким образом, согласие Леопольда II признать конституцию Венгрии, с одной стороны, и наделение сербов всеми атрибутами равноправных граждан королевства — с другой, на деле означало окончательную ликвидацию к началу 1790-х годов старинных сербских привилегий, как политико-правовых актов, которыми на протяжении столетия определялся юридический статус сербского народа в Австрийской монархии.

Модернизация административного устройства Военной границы — этого особо управляемого региона — была также направлена на ликвидацию местного самоуправления, утверждение в ней господства немецкой военной бюрократии.

Таким образом, совершенно корректно звучит вывод И.И. Лещиловской, что «нарастание государственного бюрократического давления в сочетании с "просвещенными" реформами Марии-Терезии и Иосифа II, натиск венгерского дворянства и нажим католической церкви» создавали "политический фон национального развития сербского народа под властью Габсбургов"[13].

Однако, несмотря на то что автономные права сербского населения в Австрии на протяжении XVIII в. постоянно ограничивались, его общественное развитие шло в русле прогрессивных европейских тенденций того времени. И, в частности, набирал скорость процесс расслоения. Так, узкий слой церковных деятелей и военных предводителей из сербов получил от австрийской короны дворянские титулы, чины и имения. Среди новоиспеченных сербских дворян самыми известными были Чарноевичи, Рашковичи, Монастерлии, Поповичи-Текелии, Стратимировичи.

Активно развивалось и богатело "третье сословие" (торговцы и городские мастера), постепенно, наряду с церковью, становившееся важным политическим фактором. Из него произошли и первые сербские интеллектуалы, получившие образование в Венгрии и Австрии и знавшие по нескольку европейских языков. Именно они со временем стали выразителями передовых европейских идей и стремлений, прежде всего — национальных. Прозвучавшая на Темешварском соборе идея политической автономии Сербской Воеводины в рамках Империи (по сути — требование фактического обновления сербской государственности) свидетельствовала о зрелости православной элиты...

Эти идеи обновления, как уже говорилось, оплодотворят вспыхнувшее чуть позднее в турецкой Сербии движение Карагеоргия, трансформировав его из "обычного" восстания в национальную революцию.

* * *

Несмотря на дарованные православным сербам привилегии, охранявшие их традиционный образ жизни и конфессиональную принадлежность, Ватикан, через свои территориальные структуры и иезуитов, не оставлял намерений направить прибывших в Австрию "схизматиков" на истинный путь. Давление католицизма и поощрение к принятию унии, о чем уже упоминалось, стали постоянными спутниками новых подданных Габсбургов. В этих условиях некоторые из них не выдерживали и обращались

inslav

к России, слухи о которой широко распространились в начале XVIII в. по всем сербским землям — от Черногории до Сент-Андреи.

Первый контакт сербов с русскими официальными лицами имел место в Вене в 1698 г., во время пребывания там Великого посольства фактически во главе с царем Петром. Патриарх Арсений и несостоявшийся новый сербский деспот Джордже Бранкович встретились с послом П.Б. Возницыным (представлявшим в том же году интересы России и на мирном конгрессе в Сремских Карловцах), сообщив ему о положении сербов и православия в Австрии. Насколько сам патриарх был "доволен" таким положением, свидетельствует хотя бы то, что при содействии российского посла он хотел уже было вернуться в Печ, на свой привычный патриарший престол. Возницын со всей серьезностью отнесся к сербским проблемам — отвечая не без раздражения на его демарш в защиту православных, Вена с удивлением обнаружила, что сербский вопрос перестал быть ее внутренним делом, приобретя некоторое международное звучание...

Участились в то время и поездки сербов непосредственно в Россию.

Одним из первых в 1704 г. в Москву прибыл капитан Панта Божич, дабы выяснить возможность перехода сербов в подданство России. Нам неизвестен ответ российских властей, однако сам П. Божич был принят в русскую армию, став при этом еще и "постоянным представителем и известителем царя Петра Алексеевича по сербским вопросам". По словам сербского историка Владимира Чоровича, в 1708 г. он получил даже особые полномочия в деле представления сербских интересов в России. На то его уполномочил собор, состоявшийся в монастыре Крушедол[14].

Когда же Петр Алексеевич приготовлялся к войне с Турцией, посланец сербских граничар Богдан Попович предложил ему в 1710 г. сотрудничество — "да и мы поспешим своей службой за *нашего православного царя* (выделено нами. — *Авт.*)"[15]. С таким восприятием России и ее самодержца перекликались и настроения большинства австрийских сербов, симпатии которых в той войне были полностью на стороне русских. К примеру, неизвестный сербский писарь в Сремских Карловцах просил Бога во время молитвы: "Помоги, Господи, *царю нашему*!"[16]

Государь Петр Алексеевич, считая настоятельно необходимым укрепление границ России на юге, приветствовал такие предложения "профессионалов" — их стали принимать на русскую службу. И они не ударили в грязь лицом перед "своим царем" — во время Прутского похода особо отличился отряд сербов под командованием Йована Албанеза. Ему же в 1723 г. был выдан подписанный императором патент о вербовке сербских волонтеров в гусарские полки. Акция Й. Албанеза развивалась успешно — первые сербские части участвовали уже в Персидском походе[17]. А в мае 1727 г., по указу Верховного тайного совета, из выходцев из Австрии был сформирован особый Сербский гусарский полк, в задачи которого входила охрана русских границ. Впоследствии он непрерывно находился в действующей армии, принимая участие в русско-турецкой (1736—1737), русско-шведской (1741—1743) и других войнах[18].

Процесс переселения сербов на юг России, таким образом, начался. В первые годы он коснулся десятков семей, затем на север двинулись их сотни и тысячи.

В чем же была причина новой миграции? Ведь успехи австрийского оружия в период с 1683 до 1718 г. вроде бы создали условия для определен-

inslav

ного роста симпатий сербов к Вене, как предводительнице антитурецкой борьбы. Однако ее имидж в глазах православных быстро гас под воздействием все той же откровенно прозелитской религиозной политики, о чем подробнее мы скажем ниже. И, как прямое ее следствие, чем дальше, тем больше и последовательнее, они поворачивались к "единокровным и единоверным" Москве и Петербургу. В первую очередь такая ориентация охватывала церковный клир, а за ним и весь сербский народ. И, действительно, как вспоминал позднее Симеон Пишчевич — граничарский офицер, учившийся в Вене и перешедший затем на службу в Россию, — многие австрийские сербы "оставляли свои очаги, имея достаточный материальный достаток". Но все равно уходили — "только из любви, ни на что не расчитывая и думая о том, чтобы как можно быстрее прибыть под крыло единоверных братьев..."[19].

После заключения Белградского мира 1739 г. случаи переселения сербов из Австрии в Россию заметно умножились, что объяснить нетрудно — очередную войну с Турцией Габсбурги проиграли (потеряв практически все, что добыл принц Евгений в ходе войны предыдущей, в частности Северную Сербию), в то время как позиции России на Балканах усилились. И здесь впервые обозначилось соперничество двух империй в регионе[20]. Понятно, что сербы и другие балканские христиане стали смотреть уже на Петербург, а не на Вену, как на потенциального освободителя. Среди новых подданных императрицы Анны Иоанновны особое место занимали члены знатных сербских фамилий — Йован Стоянов, Стеван Виткович, Димитрие Перич, Петар Текелия, сделавшие в России блестящую военную карьеру[21], что само по себе не могло не повлиять на настроение умов в той среде, из которой они вышли. Тем более в условиях, когда статус и привычный образ жизни сербов в Австрии оказался под угрозой.

В начале 50-х годов Мария-Терезия расформировала Потисско-Поморишскую военную границу — в результате отступления турок за Саву и Дунай ее значение как военного объекта практически свелось к нулю. Теряя соответствующие привилегии и опасаясь земельных притязаний мадьяр, под административной властью которых они оказались, многие граничары попытались устроить свою жизнь на новом месте. С этой целью в 1751—1752 гг. несколько тысяч семей во главе с офицерами Иваном Хорватом, Иваном Шевичем и Райко Прерадовичем прибыли в Россию. Под их поселение отводились обширные территории по правому берегу Днепра, получившие названия Новая Сербия и Славяносербия. Здесь из привычных к военной службе пришельцев были сформированы новые полки, прославившие сербское имя в многочисленных войнах, которые вела Россия. К примеру, в 1760 г. в числе подразделений, что победоносно вошли в Берлин под командой графа З. Чернышова, находились и сербские эскадроны.

В 1764 г. Новая Сербия и Славяносербия юридически прекратили свое существование, войдя в состав Новороссийской губернии...

Австрийская императрица пыталась нейтрализовать возросшие прорусские симпатии сербов, оказывая им время от времени нарочитое расположение. Так, посетив в 1752 г. Буду, она пожертвовала местной православной церкви 200 дукатов, а во время маневров особо наградила полковника А. Рашковича и, хваля верность своих сербских подданных, обещала им новые милости. В том же году сербский вопрос стал впервые предметом австро-русских объяснений. Не желая обострения отношений с Пе-

inslav

тербургом, Вена, тем не менее, хотела положить конец русской агитации среди сербов, которую почти неприкрыто проводил посланник России в Австрии М.П. Бестужев-Рюмин. В результате последовавших переговоров дипломат был отставлен; соответственно, и достигшая к середине XVIII в. своего пика миграция австрийских сербов "на север" постепенно пошла на убыль и до конца столетия не носила более массового характера.

И все же она имела важные социально-психологические последствия для сербов. Поступая на русскую службу, они долгое время сохраняли связи с родиной. Посредством этих связей, т.е. через весьма расширившийся поток конкретной информации, Россия приблизилась к Балканам, превратившись из полумифической северной страны в реальность. И если после великого исхода 1690 г. единственной альтернативой Австрии для сербов оставалась Турция, что вынуждало их мириться со своим неполноправным положением под властью Габсбургов, то с середины XVIII в., повторим еще раз, они обретают новую опору в лице единоверной России. Сама возможность перебраться туда и, соответственно, обрести лучшее будущее для себя и своих детей укрепляла национальное достоинство австрийских сербов, а также формировала их новое самоощущение.

Постоянное тиражирование идеи *единоверности* прибывавших в Россию сербов, сыграв, безусловно, положительную роль в том смысле, что определило максимально благожелательное к ним отношение со стороны официальных кругов, имело, как выяснилось, и негативную сторону. По точной дефиниции П.Н. Рудякова, "исповедование одной веры не позволило предводителям сербов поставить вопрос о сохранении собственной (т.е. сербской) православной церкви, что в дальнейшем отрицательно сказалось на сохранении пришельцами своей идентичности. Очень быстро и, вероятно, не задумываясь о возможных последствиях, они привыкли к единоверной русской церкви и ассимилировались, причем в рекордно короткие сроки"[22]. Уже в 1764 г., приводит историк данные статистики, сербы составляли 3,22% населения Елисаветградской провинции (одной из трех, формировавших Новороссийскую губернию), а в 1775 г. их осталось там всего 0,67%[23]. Все остальные слились с русскими и малороссами...

Немалое число выходцев из переселившихся в Россию сербов вошло и в отечественную историю. Среди них — дипломат Сава Владисавлевич Рагузинский, адмирал Балтийского флота Змаевич; генералы Милорадович, братья Депрерадовичи, Ивелич, Вуич, Шевич, Дука, Эммануэль; "галант" Екатерины II и основатель Шкловского (впоследствии знаменитого 1-го Московского) кадетского корпуса Зорич; реформатор российской системы школького образования Янкович де Мириево; революционер Кибальчич; академики Капица и Пичета; скульптор Вучетич; космонавт Попович; писатель Войнович и многие другие.

Сербы в Турции и Венеции

XVIII век вернул Балканскому полуострову значение главного театра военных действий между Турцией и ее противниками. Сербы, ранее прочно отсеченные от Европы, неожиданно оказались вблизи ее границ (а частично и за ними). И если в середине XVI в. они шли в составе османского войска завоевывать Банат, то уже два столетия спустя регулярно поддерживали христианских государей в их борьбе с Портой. Понятно, что

inslav

расправа следовала незамедлительно, по мере того как очередной австрийский "Drang nach Süden" сменялся быстрым отливом. Отсюда — и частые миграции, имевшие характер бегства.

Другим, важнейшим для турецких сербов последствием изменения балканской ситуации в XVIII в. стало то, что примерно с середины столетия Северная Сербия с Белградом становится основным местом их притяжения: стратегическое для Порты положение региона заставляло Стамбул идти на уступки здешней райе. Рядом была граница, а значит — и возможность, в случае чего, сохранить жизнь. Следствием этого стало то, что население Белградского пашалыка к концу столетия выросло в несколько раз...

Так, в течение целого века, складывались предпосылки движения, которое под предводительством Карагеоргия и Милоша Обреновича привело к возрождению сербской национальной государственности.

* * *

На протяжении столетий сербское православное население исламской Турции находилось на положении райи — подчиненного и ограниченного в правах сословия. Однако, к концу XVIII в., под влиянием геополитических итогов австро-турецких войн (окончательное закрепление границы по Саве и Дунаю), а также развития процессов внутри самого османского общества, права и привилегии сербов Белградского пашалыка значительно выросли.

Преобладающей формой экономического господства турок над сербской райей оставалась военно-ленная система. Причем турецкий спахия — держатель поместья (спахилука) — сам крайне нерегулярно занимался хозяйственной деятельностью, приезжая в свое имение из города лишь для сбора налогов. Работавшие на земле крестьяне должны были отдавать ему десятину с урожая, а также выплачивать налог на скот, использование пастбищ, помол зерна и т.д. К концу столетия, однако, укрепилась тенденция к замене множества мелких налогов (в основном натуральных) единым денежным обложением — так называемой главницей. Помимо этого, сербы платили и особый "султанский харач" (джизью).

Надо сказать, что степень зависимости сербских крестьян от спахиев-турок со временем уменьшались; они могли без разрешения покинуть свой надел и продать дом. Фактически они не были прикреплены к земле. Права же их на нее, напротив, расширялись — она переходила по наследству, продавалась и покупалась, хотя и не была полной крестьянской собственностью...

Традиционными институтами жизни сербов в Османской империи являлись сельская община и задруга (большая патриархальная семья), сыгравшая, наряду с церковью, колоссальную роль в защите и воспроизводстве сербской идентичности в условиях инонационального гнета. Она выполняла практически все функции потерянного на Косовом поле государства — экономическую, социокультурную, историческую[24].

Уходя в мир истории и традиции, сербы могли скрыться под защитной аурой своего социума, претерпевшего с момента турецкого завоевания трансформацию, которая в новых условиях оказалась наиболее оптимальной. Поскольку турки, как хозяева и господа, были весьма немногочисленны, это вынудило их ввести в среде христианского населения систему кол-

inslav

лективной ответственности. Сербы, таким образом, получили возможность образовывать самоуправляющиеся сообщества (общины и кнежины) и жить в них по своим внутренним законам, что позволяло легче справляться с наложенными на них обязанностями и повинностями, а также общаться с завоевателями *только* через своих представителей и народных вождей — кметов — на уровне общин, и кнезов в кнежинах. В полном духовном порядке они сохранили свое православие и исторические предания (о "золотом веке" державы Неманичей и гибели Сербского царства на Косовом поле), а также освещенные обычаем нормы морали и правила общественной жизни.

Во всем этом и лежала основа той патриархальной цивилизации, которую как новую, но на фундаменте старинных традиций, создал сербский народ в Турецкой империи. Опираясь на унаследованные ценности собственной истории, как и на вновь приобретенный жизненный опыт, цивилизация эта стремилась к закрытию и самоизоляции, ради защиты от всего чуждого, но вместе с тем, как указывал сербский академик Радован Самарджич, "она несла в себе — благодаря наличию демократических отношений внутри нее (полное экономическое равенство, самоуправление, выборность народных вождей), — и элементы будущего освобождения"[25]. Сама же возможность такового зависела от множества факторов.

* * *

Одним из них, как уже говорилось выше, были австро-турецкие войны. Так, успешная для австрийцев война 1714—1718 гг. завершилась переходом северной Сербии и Баната под власть Вены. Бóльшая часть сербского народа на два десятилетия оказалась под "одной крышей", что привело к более глубокому осознанию сербами своего единства — ведь де факто в Австрии тогда сложился компактный ареал их проживания. Однако в опасении, как бы, опираясь на свои привилегии, они не превратились однажды в некое "государство в государстве", Габсбурги не желали признавать наличие на своей территории этого сербского corpus nationis официально. Напротив, они настойчиво и упорно стремились атомизировать единое духовное пространство австрийских сербов, не позволяя им объединить Карловацкую (к северу от Савы и Дуная) и Белградскую (к югу от них) митрополии. Когда, в один год с Петром Великим, скончался Карловацкий митрополит Викентие Попович, сербы решили, что пробил час для объединения обеих епархий. Ведь еще в 1721 г. Печский патриарх Моисей Райович, утверждая владыку Моисея Петровича Белградским митрополитом, выразил желание, чтобы он, в случае смерти тяжело больного митрополита Викентия, объединил под своей церковной властью всех австрийских сербов. И вот момент для такого решения, казалось, наступил. Однако Вена отказалась признавать объединение. Год спустя она утвердила Моисея Петровича Карловацким митрополитом, но с приданием ему функций всего лишь администратора Белградской митрополии.

И хотя митрополит Моисей подписывался, как "смиренный архиепископ и митрополит Белградский и всего народа под властью пресветлого римского цесаря"[26], подлинного церковного (духовного) единства сербам так и не удалось добиться за все время австрийской оккупации их страны.

inslav

Кроме того, на вошедших в состав Австрийской монархии православных началось массированное наступление католической церкви. Еще до подписания Пожаревацкого мира с Турцией (1718 г.) император Карл VI приказал послать в Сербию миссионеров с целью пропаганды идеи унии, а в 1726 г. была основана сербская католическая епархия, престол которой находился в Смедерево. Особые каноники были назначены в Шабац, Ягодину, Рудник и Парачин. В Белграде же их действовало несколько. Незадолго до конца австрийского правления в Сербии оформились новые католические приходы — в Мириево, Валево, Пожаревце и Градиште. Параллельно с церковью "работала" школа, причем педагоги должны были доказывать свою квалификацию перед комиссиями, состоявшими сплошь из иезуитов. В 1726 г. в Белграде открылась латинская школа, соответствовавшая по уровню австрийской низшей гимназии, в которой также преподавали наследники Лойолы.

Столь массированное наступление католицизма в стране, где, за исключением городских торговых колоний, он никогда распространен не был, вызвало вполне предсказуемую реакцию православного духовенства: в 1721 г. митрополит Моисей обратился лично к Петру I. "Мы не ищем богатства, — писал белградский владыка, — но помощи в просвещении, которое, как оружие душ наших, должно защитить нас от тех, кто воюет с нами..."[27]. Император не остался глух к просьбам сербов и уже в мае 1722 г. распорядился оказать православным церквям в Сербии помощь книгами, а в качестве наставников отправить туда двух воспитанников Киевской духовной академии. Одним из посланцев царя Петра стал синодальный переводчик Максим Суворов. В мае 1726 г. он прибыл в Сремские Карловцы, а 1 октября начала функционировать его школа. Четыре месяца спустя он переселился в Белград, где с февраля 1727 г. продолжил свою педагогическую деятельность. Но вскоре был вынужден вернуться в Срем... С ним из России в Сербию было послано 70 экземпляров грамматики Мелетия Смотрицкого, 10 — словаря ("Лексикона треязычного") Поликарпова и 400 букварей ("Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги") Феофана Прокоповича[28].

«Эти книги, — резюмировал известный русский славист П.А. Кулаковский, — положили начало образованию языка "сербо-славенской" литературы. По ним и их перепечаткам учились поколения сербов, их правила и указания служили указаниями, как должно писать, по их образцам составлялись новые книги»[29]. В частности, букварь Прокоповича неоднократно тиражировался в кириллической типографии Рымника (в Валахии) и десятилетиями служил базовым учебником в сербских школах Габсбургской монархии[30].

Вслед за русско-славянской школой Максима Суворова подобные учебные заведения открылись в Араде (здесь учительствовал его брат Петр), Белграде, Пожаревце, Валево, Майданпеке.

Как видим, с легкой руки Суворова — этого пионера сербского просвещения, развитие школьного дела у сербов (после 1739 г., когда граница сместилась на север, понятно, что только австрийских) явно набирало ход. И в последующие десятилетия с помощью вновь прибывавших русских педагогов, а затем и с опорой на собственные кадры были открыты десятки новых сербских школ — к середине 70-х годов XVIII в., т.е. к началу великой школьной реформы Марии-Терезии, из 1651 сербского города и ме-

inslav

стечка, входивших в состав Карловацкой митрополии, уже в 518 имелись начальные школы[31].

Особое внимание развитию просвещения в среде своих соплеменников уделял митрополит Викентие Йованович (1731 – 1737). Он пригласил из России известного педагога и проповедника, иеромонаха Синесия Залуцкого, которого поставил во главе всех сербских школ. А прибывший по его инициативе со Святой горы Афон иеромонах Анатолий основал в Белграде школу церковного пения. Затем, переехав в Карловцы, владыка Викентие стал усиленно работать над открытием полной славяно-латинской гимназии о шести классах, дабы "не приходилось сербам для своих детей науку за границей искать"[32]. С этой целью он обратился к Киевскому митрополиту с просьбой прислать учителей из тамошней академии. Летом 1733 г. несколько киевских выпускников приехали в Срем. Среди них находился и Мануил (Михаил) Козачинский. Прекрасно образованный, он ввел в гимназии классическое преподавание. А, кроме того, впервые в Сербии организовал театральные постановки со своими учениками, проявив себя в этом и как драматург — его перу принадлежит "Трагедия о смерти царя Уроша".

И епископ Бачский Виссарион Павлович основал в 1737 г. в Нови Саде так называемую Петроварадинскую, в честь Рождества Пресвятой Богородицы, латинско-славянскую школу, которая, варьируя свой статус, просуществовала вплоть до 1789 г. В частности, в 1743 г. она была реорганизована в Духовную академию, по примеру Киевской, поскольку тогда ею руководил прибывший из России Дионисие Новакович, о котором речь ниже. А в 1755 – 1756 гг. это была полная гимназия с 60 – 75 учениками, среди которых находился и знаменитый реформатор российской системы образования Теодор Янкович Мириевский (де Мириево — в русской титулатуре)[33].

Эти школы — Карловацкая, митрополита Викентия, и Новосадская, епископа Виссариона, — дали первое поколение национальной интеллигенции, получившее образование непосредственно в Отечестве. И круг его знаний был значительно шире, чем у питомцев бывших славяно-сербских школ. В обеих новых школах учебный процесс шел на русском языке, с использованием русских учебников.

После отъезда Залуцкого, в 1736 г., М. Козачинский был назначен ректором всех сербских школ на территории Белградско-Карловацкой митрополии. На этой должности он оставался до лета 1738 г., когда (по причине смерти митрополита Викентия, как и из-за начала новой войны с Турцией) был вынужден покинуть сербов и отбыть на родину. Первый сербский историограф Йован Раич с горечью констатировал, что "прекрасно устроенный сербский Парнас, этот цветущий сад просвещения, был уничтожен..."[34].

Дело, однако, не заглохло и после отъезда русских. Русификацию сербских церкви и школы, которую начал митрополит Моисей, а митрополит Викентие поставил на широкую ногу, продолжил новый митрополит Павле Ненадович. Он подтвердил Монашеские (1749 г.) и Протопресвитерские (1752 г.) правила своего предшественника Викентия*, которые

---

* В 1732 г. митрополит Викентие обязал всех приходских священников иметь богослужебные книги "чистия московския штампи", а еще год спустя, в Монашеских правилах, подтвердил, что они должны быть "печатия новия московския, и да вся свящченодейства по уставу и типику московскому бивают" (см.: *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII – XIX века. Београд, 1952. С. 223).

inslav

предписывали исключительное употребление русских церковных книг. Русский же язык в сербских школах он сделал окончательно господствующим, переиздав в 1755 г. (с известными лексическими изменениями) грамматику Мелетия Смотрицкого[35].

Русификация сербской духовной жизни быстро продвигалась вперед. Уже в конце 30-х годов XVIII в. в сербских церквях Карловацкой митрополии число русских церковных книг значительно превышало число сербских, с тенденцией к дальнейшему увеличению. В 1732 г. 104 церкви Срема имели 1146 церковных книг, из которых сербских было 465, русских — 681. А в 1753 г. библиотеки 16 сремских монастырей содержали 852 русские книги и 344 сербские (из них 180 рукописных)[36].

Таким образом, посредством русских церковных книг и учебников, русских же учителей и школ, культурное влияние России среди сербов монархии уже к середине XVIII столетия становится преобладающим, а русскославянский язык превращается в язык сербской письменности. Все это способствовало усилению сопротивляемости православного духа у сербского населения, назовем это так, в период жесткого католическо-униатского прессинга. Известно, например, что в XVII — начале XVIII в. имелся целый ряд случаев, когда сербские священники и даже епископы принимали унию. Митрополиту Моисею, кстати говоря, Вена также предлагала красную кардинальскую шапку, оказывая на него "страшное давление" и напрямую связывая с согласием владыки все дальнейшее "счастье сербского народа"[37]. Так вот, с середины века такие случаи становятся реже. Сербские ряды смыкаются, консолидируясь в защите веры. И русское влияние в этом процессе несомненно.

Соответственно и обратная связь сербов с Россией укрепляется и становится глубже. Сербские юноши (сначала единицы, но с каждым годом их становилось все больше) отправляются в Киев за духовным образованием. И вот уже в 1737 г. источники фиксируют имя первого сербского выпускника Киевской академии. Им оказался Дионисие Новакович, впоследствии — епископ Будимский. Он с отличным успехом закончил весь ее 12-летний курс и привез с собой в Нови Сад конспекты лекций своих профессоров, по которым сам начал преподавать философию и теологию. А Йован Раич вывез из Киева переписанное им от руки изложение теологической системы Ф. Прокоповича. На протяжении долгих лет рукописный список Раича оставался в Карловацкой митрополии основой богословского знания[38].

Такие русские воспитанники, как и сербские ученики русских учителей в городах монархии, становятся носителями русского духа и русской культуры, их посредством также растет в сербской среде влияние России. В рукописных песенниках XVIII в. сохранилось немало русских песен, вошедших, почти без перевода, в сербскую культурную традицию и создававших в сознании сербов культ России и ее монархов. Так, "Пѣсня славнаго орла россійскаго" воспевала викторию Петра над шведами, другие — прославляли победы над турками...

Таким образом, можно смело утверждать, что уже к концу 30-х годов XVIII в. (т.е. на излете австрийского правления) вполне осознанная русофильская ориентация прочно распространилась в сербской среде, захватив не только церковные круги, но и весь народ. Россия воспринималась

inslav

как единственный оплот православия. На нее хотели опираться, на нее надеялись, от нее требовали помощь — и моральную, и материальную. В эти свои надежды сербы вкладывали не только общую веру, но и слепое доверие, фантазии, эмоции. Они всерьез полагали, что Россия непременно должна делать только то, чего они сами желают, не отдавая себе отчета в том, что, как великая держава, она идет своим путем и имеет собственные интересы[39].

Парадоксально, но такая, явно иррациональная черта в отношении сербов к России сохранится у них и в последующие века. Кое в чем ее отголоски слышны и сегодня...

Власти в Вене смотрели на все эти связи сербов с русскими с вполне понятным и растущим недоверием. Даже военные круги, ценившие православных подданных дома Габсбургов как храбрых солдат, стали серьезно сомневаться в их верности. Потому-то католическо-униатская пропаганда (в рамках политики ограничения сербских привилегий), как и прямые репрессии, со временем только усиливались, вызывая у православных новые бурные протесты. Добавим, что и сбор налогов у рациональных австрийцев был куда более жестким, чем в ставшей уже привычной Турции. Неудивительно поэтому, что зафиксированы случаи бегства сербов из Австрии на турецкую территорию. Так, жители села Дубница, что в окрестностях Парачина, в полном составе переселились в Турцию.

Активно проводили венские чиновники и политику "разбавления" компактно проживавшего сербского населения германским элементом, поощряя миграцию в Сербию (особенно в Белград) немецких колонистов. В 1736 г. в городе проживало уже 400 немецких семей. Процесс, как видим, шел быстро, в полном соответствии с провозглашенной императором Карлом VI доктриной: "В Белграде, как первом пограничном пункте и первом же рубеже христианства, германская нация должна преобладать над всеми и в силе, и в количестве"[40].

Но не долго Белграду пришлось оставаться "первым рубежом христианства"; соответственно и свой эксперимент по мирному освоению Сербии Вене пришлось прервать — очередная война с Турцией стояла на пороге.

Во время войны 1737—1739 гг., в результате которой Сава и Дунай вернули себе статус пограничных рек, сербы (в южной Сербии) вновь поднялись против турок. Но после жестокого поражения австрийцев под Гроцкой, где они потеряли только убитыми 10 генералов и 5 тыс. солдат, и заключения Белградского мира история в который уже раз повторилась. Недавние правители ушли, а сербское население осталось один на один с османами, следствием чего стала новая резня и новое же бегство в Австрию — тысячи сербов вместе с Печским патриархом Арсением IV Шакабентой переселились в Срем.

А Северная Сербия, вновь оказавшаяся под властью Порты, была превращена в особую административную единицу — Белградский пашалык...

По окончании очередного кровавого "пира победителей", на сербских землях установилось довольно длительное затишье. С одной стороны, в условиях острого австро-прусского антагонизма, Вена не могла предпринимать на Балканах каких-то шагов, грозивших столкновением с Портой.

inslav

Более того, в 1747 г. она подписала с ней "вечный мир", гарантировав тем самым свои южные границы. С другой же — и сами сербы, имея в виду трагический опыт участия в предыдущих войнах, также не спешили пускаться в новые авантюры. Да и осталось их, после всех перипетий, на местах былых баталий не так уж и много.

Но постепенно опустошенные территории северо-западной Сербии заселялись вновь. Причем турки этому процессу отнюдь не препятствовали: напротив, им было выгодно, чтобы богатая пограничная область не слишком долго оставалась пустыней — иначе с кого собирать налоги в султанскую казну. Таким образом, во второй половине XVIII в. население региона значительно возросло и практически обновилось — за счет притока в основном из Рашки, Черногории и Герцеговины. Заметим, что именно тогда в Сербию перебрались многие фамилии, украсившие столетие спустя ее историю. Среди таковых — предки Карагеоргия и Вука Караджича, Гарашанина и Блазнавца; Обреновичи, Ненадовичи, Богичевичи, Жуйовичи.

Итак, продолжительная мирная передышка оказалась чрезвычайно полезной для сербов; она способствовала регенерации населения Шумадии — приливу свежей крови в истощенный организм. Активный и динамичный ("динарский", как сказал бы Йован Цвиич) характер пришельцев нес в себе известный пассионарный заряд, который, наложившись на ряд объективных обстоятельств, укреплял ментальную стойкость народа. К последним же следует отнести, во-первых, преимущественно скотоводческий тип занятий населения, что само по себе принуждало к движению, поиску новых связей и дальних рынков. Особенно это относилось к прасолам и торговцам. Не случайно, опять-таки, что почти все ведущие деятели сербского освобождения — Коча Анджелкович, Карагеоргий, братья Ненадовичи и многие другие — гоняли в свое время гурты свиней в Австрию или торговали ими на месте. Во-вторых, наличие непроходимых дубовых лесов, где было удобно, при случае, скрыться от турок или устроить схрон для гайдуцких шаек. И, в-третьих, постоянно уменьшающийся, в результате частых войн, удельный вес собственно турецкого населения. Города, как и ранее, оставались за османами, село же превращалось в этнически чистый сербский простор. Первый историограф Сербской революции, знаменитый немецкий ученый Леопольд Ранке писал в 1829 г.: "По счастью, сама природа давала сербам возможность жить в удалении от турок. Иностранцу, который заехал бы в Сербию в конце прошлого века, с первого раза бросилась бы в глаза резкая разница между городами и селами. В городах, больших и малых, в крепостях, в сторожевых укреплениях (паланках) жили турки, в селах — сербы"[41]. О сербах-горожанах (которые иногда все-таки встречались) Вук Караджич говорил, что "народ не считает их сербами и презирает"[42].

Присовокупим ко всему этому и уже упоминавшийся фактор турецко-австрийского пограничья: с одной стороны, оно давало возможность получения скорой помощи от соплеменников "из прека", с другой же — всегда оставляло шанс скрыться самим в случае разгрома.

В 1780-е годы между тем на Балканах снова запахло порохом. Потерпев неудачу в борьбе с Пруссией и узрев в викториях Румянцева и Суворова над Портой опасный прецедент, Габсбурги в очередной раз обратили свои взоры на юг. Тем более что они четко отдавали себе отчет — екатери-

inslav

нинский Петербург становился главным соперником Вены в регионе, которым продолжала владеть слабеющая Османская империя. И это в условиях почти поголовных симпатий местного православного, и особенно славянского, населения к единоверной России. А следовательно, если нет возможности выступить против нее (случай с имперским канцлером В.А. Кауницем, заключившим в 1771 г. антироссийский союз с Турцией, — не в счет), то надо идти на турок вместе, чтобы получить право хотя бы на раздел добычи. Такова была новая формула балканской политики Иосифа II. Знаменитая встреча в Могилеве, состоявшаяся в 1780 г. между Екатериной II и австрийским императором, заложила фундамент австро-русского союза, подписанного два года спустя. А их следующий "саммит" в 1787 г. стал подлинным вызовом для Порты, которая явственно ощутила антиосманскую направленность альянса. Пытаясь сыграть на опережение, она объявила войну главному обидчику, России, — боль от потери благодатного Крыма все еще не прошла.

В 1788 г. Австрия развернула боевые действия на Балканах. Однако ее пропагандистские акции, имевшие целью получение поддержки от сербов, на которых, как и прежде, возлагались немалые надежды, начались еще раньше. В частности, осенью 1787 г. им была направлена специальная прокламация с немалыми посулами на случай победы. И снова сербы отнеслись к призывам Вены с воодушевлением, особо радуясь заключенному между ней и Петербургом союзу[43].

Последняя балканская война XVIII в. (1787—1791) привнесла в поведение сербов новые черты. К примеру, боевые действия в Сербии фактически вели только они — так называемый фрайкор (сформированные в Австрии сербские добровольческие части, подчинявшиеся главному командованию австрийцев). И вели довольно успешно: капитан Коча Анджелкович, один из предводителей фрайкора, освободил города Пожаревац, Чуприю, Парачин, Кладово, Неготин. А отряд, где воевал Джордже Петрович (будущий Карагеоргий), добрался даже до Нового Пазара. Западную Сербию освободил от турок валевский обер-кнез (и обер-лейтенант фрайкора) Алекса Ненадович. И когда австрийские союзники осаждали Белград, он с 700 воинами страховал их, встав на пути врага между Белградом и Панчево.

Особо следует остановиться на действиях К. Анджелковича — знаменитого "капитана Кочи", имя которого вошло как в историю Сербской революции, так и в народный эпос ("Капетан Коча путуje, путуje...").

Зажиточный ягодинский торговец свиньями, вывозивший их в Австрию, Коча Анджелкович накануне войны перебрался за Дунай и вступил в сербский фрайкор. Вскоре он отправился обратно в Сербию, где стал распространять австрийские прокламации и формировать повстанческие четы. С началом же регулярных военных действий, его активность достигла апогея: предводимое им движение приобрело столь широкий размах, что на левобережье Моравы, по свидетельству очевидцев, весной 1788 г. нельзя было встретить ни одного турка, ибо все они в страхе укрылись в белградской цитадели...[44].

Но успехи повстанческой войны в Шумадии оказались кратковременными. Воодушевление ее участников быстро гасло, по мере того как становилось все более ясным, что австрийцы и не собираются начинать крупное наступление в Сербии: они ожидали действий русских, предполагая,

inslav

что те оттянут на себя большую часть османских войск. Турки же, мобилизовав силы, нанесли удар со стороны Видина. В апреле турецкий военачальник Дели-Ахмед разбил четы капитана Кочи под Пожаревцем.

Вытеснив сербских повстанцев из Поморавья и сняв осаду Белграда, турки перенесли военные действия на территорию Австрии, в Банат, желая тем самым перерезать линию возможной связи австрийцев с русскими. В боях против них на стороне австрийских сил участвовали части сербского фрайкора и бежавшие из Сербии четники. Одной из таких частей и руководил капитан Коча, но, увы, недолго: его дальнейшая судьба сложилась трагически. Обороняя в сентябре 1788 г. сельцо Брзаска, он, из-за предательства и трусости валашских отрядов, был окружен и попал в плен. В назидание турки посадили его и его бойцов на кол в окрестностях Оршавы. Той же осенью воюющие стороны заключили перемирие, которое действовало до лета 1789 г.

А международная ситуация тем временем складывалась для Габсбургов не лучшим образом: старинная соперница в Европе, Пруссия, вступила в союз с Англией и Голландией. При этом их альянс носил выраженно антиавстрийский характер. В Стамбуле, разумеется, не могли не разобрать новый расклад сил... В таких условиях Вена решилась одним мощным ударом принудить Турцию к уступкам. Во главе армии был поставлен прославившийся в Семилетней войне фельдмаршал Г. Лаудон, который в сентябре 1789 г. наконец-то занял Белград и оккупировал всю Северную Сербию (остатки лаудоновских шанцев оставались достопримечательностью сербской столицы вплоть до середины XIX в.).

И дальнейшее продвижение австрийцев на юг — в долину реки Моравы — проходило успешно. Более того, все главные военные операции осуществлял сербский фрайкор во главе с полковником Михайло Михалевичем. В сочельник 1789 г. он вошел в Крушевац, где в Лазарице (церкви, в которой, по преданию, князь Лазар Хребельянович причащал своих воинов накануне Косовского боя) состоялась торжественная служба благодарения Господу.

Однако, что важно заметить, новые завоевания не были для австрийцев самоцелью: Вена лишь желала обрести аргументы для переговоров с Портой. Тем более что и в Европе ситуация накалялась с каждой минутой: в октябре 1789 г. в австрийской Бельгии вспыхнуло восстание, а во Франции уже вовсю полыхало пламя революции. Продолжала точить зубы и Пруссия. Имея в виду все эти события в собственном "тылу", Австрия никак не могла себе позволить и далее втягиваться в балканское противостояние. К тому же в феврале 1790 г. скончался Иосиф II. До последнего своего вздоха он хранил лояльность союзу с Россией, который два монарха продлили в 1789 г. еще на восемь лет. Такое же отношение к русским он завещал и своему брату и наследнику Леопольду II. Но тот, несмотря на все заверения Екатерине II в дружбе, немедленно призвал к себе британского резидента, заявив ему о желании заключить мир с Турцией и назвав союз в Россией "несчастьем"[45].

Действия австрийских войск в Поморавье стали менее агрессивными, что мгновенно почувствовали турки, перейдя в 1790 г. в контрнаступление. Ну а в августе 1791 г. в Систове между Веной и Стамбулом был подписан мирный договор по принципу status quo ante bellum. Старые границы по Саве и Дунаю подтверждались.

inslav

Этот весьма неожиданный для сербов мир уничтожил все плоды их побед — фрайкор был вынужден оставить ранее освобожденные области и отступить за Дунай, а население опять отдавалось на милость победителя. Единственное, что удалось австрийцам прописать в тексте Систовского трактата, была амнистия для сербских союзников, участвовавших в войне.

И все же война 1788—1791 гг. имела для сербов огромное национально-психологическое значение. Прежде всего в том аспекте, что они окончательно убедились в эгоизме призывов и обещаний венского двора, решавшего с их помощью исключительно свои, сугубо "имперские" задачи. И спала пелена с сербских глаз, — по словам протоиерея Матии Ненадовича, его отец Алекса, на все предложения остаться на австрийской службе, ответствовал: "Это правда, что я поклялся быть верным императору и воевать с турками за свободу своего отечества. И я никогда не давал ему повода усомниться в моей верности и не оставлял его. Это он оставил меня и весь сербский народ. Поступив так же, как и его предшественники, оставлявшие наших дедов и прадедов. Поэтому я и возвращаюсь за Саву; но, поскольку со мной нет никого, кто знал бы грамоту, то я пойду от монастыря до монастыря и буду говорить каждому монаху и священнику, чтобы во всех обителях было записано — да ни один из сербов больше никогда не верит немцу..."[46]. Следствием такого осознания явилось то, что в войне 1788—1791 гг. сербы в последний раз взялись за оружие, воюя за интересы других.

Но, видно, и впрямь нет худа без добра — "Кочина краина" стала прелюдией, своего рода генеральной репетицией, Сербской революции. Сам капитан Коча ее, как мы знаем, не дождался, но дело его не пропало даром... Более того, некоторые исследователи считают "Кочину краину" важной составной частью (началом) процесса сербского освобождения[47].

* * *

Еще одним событием, сыгравшим немалую роль в истории сербов в XVIII в., стала ликвидация турками в 1766 г. Печской патриархии.

Напомним, что под османской властью она функционировала более двух столетий — с 1557 г. Причем тогда ее обновлению способствал знаменитый великий везир Мехмет-паша Соколы (исламизированный в ранней юности серб). Его родной брат, оставшийся православным, Макарий Соколович и стал первым Печским патриархом. Специальным султанским ферманом о правах сербской православной церкви за ней фактически был признан автономный характер[48].

По оценке И.И. Лещиловской, "православие сжилось с представлением об отличии сербов от иноверного, чужеземного мира и сознанием того, что вера является цементирующей силой сербского общества..."[49]. Поэтому в условиях турецкого правления, сербские церковные владыки были не только носителями духовной власти, но и своеобразными местоблюстителями опустевшего трона светских вождей — на всех его уровнях. Печский же патриарх, согласно данной модели, кроме отправления своей главной (религиозной) функции, приобретал значение *этнарха*, становясь для всей своей паствы высшим (как духовным, так и мирским) авторитетом, — в собственной церкви сербы видели хранительницу идеи потерянного на Косовом поле государства. Не случайно поэтому, что при вы-

inslav

боре патриархов и епископов, наряду с высшим клиром, принимали участие и представители народа.

Ликвидация Печской патриархии стала следствием борьбы сербской церкви за сохранение этнического единства сербов и их национальной идентичности, что объективно способствовало усилению сопротивления завоевателям. Уже с конца XVI в. турецкие власти начали терять веру в политическую лояльность предстоятелей сербской церкви, а в начале XVIII в. — полностью разуверились в ней. Заинтересованность в обезглавливании сербской православной паствы выражали и фанариотские круги Стамбула во главе с Вселенской патриархией, становившейся носителем греческой megali idea. Как таковая она стремилась к эллинизации всего негреческого православного населения Балкан.

Первые столкновения между греками и сербами произошли на горе Афон (в том числе и в знаменитом Хиландарском монастыре), где греческие монахи, нередко в присутствии турок, обвиняли сербскую братию в ереси — причем, бывало, что и действием. Они жгли русские церковные книги, заставляя сербов использовать греческие. В XVIII в. противостояние на Святой горе, в смысле усиления агрессивности греков, достигло апогея, что нашло свое отражение и в путевых записках русских паломников[50]. Таким образом, ликвидация Печской патриархии (и Охридской архиепископии), щедро проплаченная фанариотами, стала важным этапом их глобального наступления.

В результате "турецкие" сербские епархии переводились под юрисдикцию Вселенского патриарха, что означало рост влияния греческого клира: епископы и другие иерархи теперь назначались из Фанара. Но одновременно, чем дальше — тем заметнее, углублялся раскол между новыми владыками сербской церкви и ее низшим духовенством, происходившим из народа и непосредственно с ним связанным. Все большее влияние в массах приобретали игумены известных монастырей и отдельные священники. Не случайно поэтому, что представители мирян начинают активно участвовать в избрании монастырских старейшин — так, как ранее они же выбирали епископов и патриарха. К началу освобождения в Шумадии сложился целый слой местных церковных предводителей, которые становились подлинными народными вождями. Причем не только во время мира, но и войны. Показательно в связи с этим изображение первого главы свободной сербской церкви — владыки Мелетия. Он представлен на портрете с крестом в одной руке и с саблей в другой.

И все же церковь турецких сербов была обезглавлена. Тем самым сербская райя лишалась верховного гаранта своей этнической самобытности. При таких обстоятельствах ведущую роль в духовной жизни *всего* народа стали играть сербы австрийские.

Те же, по прошествии известного времени, требовавшегося для адаптации на незнакомом месте, смогли совместить свои средневековые традиции, как источник и показатель их идентичности, с влияниями европейской культуры, с которыми они не могли не соприкоснуться. Борьба за сохранение православия в условиях католического окружения и частых попыток унии сопровождалась подспудной подготовкой идейного фундамента для обновления национальной государственности. Знаменитая "История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов" Йована Раича (изданная Стеваном Новаковичем в Вене в 1794—1795 гг.),

inslav

опиравшаяся на рациональную трактовку прошлого и заменившая былые устные предания, послужила одним из главных духовных импульсов сербского возрождения. Таким образом, к рубежу XVIII – XIX вв. сербы оказались первыми из угнетенных народов Балканского полуострова по уровню формирующегося национального сознания.

* * *

Важными факторами сербской освободительной эпопеи начала XIX в. стала международная обстановка, сложившаяся на рубеже столетий, а также тесно с ней связанные процессы внутри самой Османской империи.

Во второй половине XVIII в. в сербском селе усилился процесс почитлученья, т.е. насильственного захвата мусульманами земли в полную собственность[51]. Тем самым, рушилась старая система тимаров, так как в отношения между райей и турецким спахией, более или менее отлаженные временем и традицией, вклинивался новый хозяин (читлук-сахибия), требовавший свое, и немалое. В первую очередь таким явочным порядком на землю "оседали" янычары — мятежное и малоуправляемое к концу столетия военное сословие. В условиях постоянного ослабления внутренних скреп Турецкой империи их растущее самоуправство вызывало и у самих султанов немалую головную боль.

Сами сербы, ощутившие во время последней австро-турецкой войны свою силу, стали требовать от Порты бóльших свобод, точнее — автономии Белградского пашалыка в составе империи. Такая позиция была сформулирована их посланцами, во главе с игуменом Стеваном Йовановичем, на мирных переговорах Австрии с Турцией в Систове в 1791 г. — сербы ходатайствовали перед Веной о включении в текст трактата ряда статей, обязывающих Стамбул предоставить сербским землям, возвращавшимся под власть Турции, тот же статус, какой в Османской империи уже имели Молдавия и Валахия. Под этим подразумевалось установление единого налога во всем Белградском пашалыке; обеспечение невмешательства турецких властей в дела местного населения; передача судебной власти в руки сербов и наделение их правом выбирать себе "коменданта" с полномочиями, равными тем, которыми располагали господари Валахии. И все это с целью, "чтобы на нашей земле могли мы мирно трудиться и сами всем пользоваться"[52].

И хотя в окончательный текст Систовского мирного договора никакие статьи о положении Сербии не вошли (как уже говорилось, сербов касалась лишь статья об амнистии участников войны), турецкое правительство не могло не осознавать, что сама система управления в пограничном и страгегически важном Белградском пашалыке требует перемен.

В результате в 1793 г. султан Селим III даровал-таки провинции *известную* автономию...

Произошло это после значительного ужесточения центральной властью своей политики в отношении янычарской вольницы, тем более что и повод к тому существовал подходящий (но и опасный по возможным последствиям), — многие из янычар попросту уклонились от участия в войне с Австрией. В ответ Селим III запретил им возвращаться в Белградский пашалык и распорядился продать все их недвижимое имущество с молотка. Последовавший затем бунт янычар спровоцировал военные действия

inslav

между ними и лояльными султану войсками, в помощь которым новый белградский паша Хаджи-Мустафа (грек по происхождению) призвал сербов. За участие в подавлении бунта тем были обещаны значительные уступки.

Развязка наступила в 1793 г., когда шедшие на Белград янычарские отряды встретились при Пожаревце с правительственными силами, поддержанными сербами. Содействие последних и стало тем решающим фактором, что повлиял на исход битвы, — мятежники были разбиты.

Как бы в благодарность за помощь султан и издал свой известный ферман, где подтверждал местное самоуправление сербов в пашалыке (их кнезы и обер-кнезы признавались непосредственными властями в кнежинах и нахиях, им же передавался и сбор налогов, каковые отныне становились фиксированными); ликвидировал незаконную систему читлуков; запрещал туркам проживать среди сербов, которым позволял даже иметь военные отряды для защиты провинции от янычар[53].

Широкие автономные права и привилегии Белградского пашалыка были окончательно оформлены в 1796 г., когда сбор всех государственных налогов был полностью возложен на обер-кнезов нахий. Кроме того, Хаджи-Мустафа созвал сербское ополчение в 15 тыс. человек во главе с местными кнезами для помощи турецким регулярным войскам в борьбе с мятежными янычарами. В опыте, приобретенном в операциях против них (1797—1798), следует искать истоки той быстроты и зрелости, проявленной сербами при организации своего восстания.

Централизаторские реформы Селима III были, однако, не всем по вкусу. Они вызвали резкую оппозицию, объединившую потерявших свои привилегии янычар; других турецких вельмож, привыкших к почти безраздельной власти в своих "кормлениях"; мусульманское духовенство. Центром сопротивления стал город Видин, где власть захватил паша Пазвана-оглу и куда бежали разбитые белградские янычары. В 1798 г. султан Селим осадил Видин, но последовавшее вскоре вторжение Наполеона в Египет заставило его снять осаду и перебросить свою армию с Балкан в Африку.

Война с Францией спровоцировала резкий поворот во внутренней политике Стамбула — в январе 1799 г., в стремлении к внутритурецкому умиротворению, султан был вынужден позволить янычарам вернуться в Белградский пашалык и восстановить их права на потерянное имущество, что означало конец всех его "прогрессивных" реформ. В северо-западной Сербии вновь воцарились страх, беззаконие, убийства и грабежи. При этом янычары обрели такую силу, что в 1801 г. зарезали самого белградского пашу, отомстив за его весьма толерантное отношение к райе...

Но, как известно, войти два раза в одну и ту же реку невозможно: осенью 1803 г., при поддержке местных турок — сторонников султанских реформ, сербы начали подготовку к восстанию. Печально известная "сеча кнезов", устроенная дахиями (предводителями янычарских отрядов) в качестве превентивной меры, только ускорила развязку. В феврале 1804 г. на скупщине в Орашце народные вожди приняли решение о начале восстания, избрав его лидером Карагеоргия...

"Сербская революция", как назвал ее впоследствии Леопольд Ранке, стала переломным событием в истории *всех* сербов. С нее и началось становление новой сербской государственности.

inslav

* * *

В XV в. Венецианская республика стала крупной морской и торговой державой. С помощью золота и войн дожи смогли расширить свои владения от Истрии, через Далмацию (где большинство населения составляли сербы), до северного побережья Албании. Однако с завоеванием турками Боснии и Герцеговины, ситуация для них резко ухудшилась. Новые "соседи" теснили венецианцев, захватывая прибрежные районы. К концу XVII в. далматинские владения Венеции ужались до узкой полоски каменистой земли вдоль Адриатического побережья, всего с несколькими приморскими городами. Но, несмотря на это, Далмация не запустела. Волны беженцев из занятых турками соседних областей оседали в Приморье. Большинство переселенцев составляли сербы. Венецианские власти поощряли миграцию православных христиан, видя в них будущих воинов и предоставляя им землю.

Присутствие сербов в Далмации стало особенно заметным и значимым после заключения в 1699 г. Карловацкого мира, по которому Венеция обеспечила узкому далматинскому поясу довольно обширный hinterland. Окончательно венециано-турецкая граница сложилась в результате войны 1714—1718 гг. Причем, должно заметить, что главную ударную силу дожей в войнах с турками составляли именно сербские отряды, известные под именем гайдуков и ускоков. Этот рост значения сербов, как защитников владений Венеции на Балканах, укреплял военно-демократическую организацию их социума (а жили они "по-старинному"[54]), с чем верховная власть была вынуждена считаться. Но лишь до окончания конфликтов. Как только опасность военных столкновений с Турцией сводилась к минимуму, власть переходила в наступление — сербские привилегии ликвидировались, а порядок взимания налогов и принципы землевладения трансформировались в сторону усиления феодальной зависимости православного крестьянства.

Что касается хозяйственного развития населенных сербами земель, то оно шло в нелегких условиях. Каменистые почвы Далмации, малоплодородные сами по себе, всегда были в дефиците, что, понятно, не могло вывести сербское население из состояния перманентной бедности. Почти весь XVIII век характеризовался падением доходов населения, на что, кроме объективных причин (качество и количество земли), влиял и общий кризис экономики Венеции, ориентированной на торговлю и мореплавание. Однако к умеренности в жизни сербам было не привыкать. Как заметил один из путешественников, "они и не стараются накопить богатство, поэтому великодушны и всегда одаривают своих знакомых. Они вполне удовлетворены тем, что имеют"[55].

Когда же, в условиях явного заката былого могущества, дожи закручивали налоговый пресс слишком усердно, сербы нередко отвечали "реэмиграцией" — как обратно в Турцию, так и в Срем или Россию. Во второй половине столетия численность православных сербов в Далмации составляла примерно 40 тыс. человек — 1/4 ее совокупного населения.

Как и везде в католических странах, сербы Венеции были подвержены натиску Римской курии. Причем венецианские власти проводили в этом отношении еще более жесткую политику, так и не признав за Печской патриархией и Карловацкой митрополией права на церковную юрисдикцию

inslav

над православным населением Далмации, поскольку главной целью католической пропаганды был перевод его в унию. Но, несмотря на некоторые успехи, курии все же не удалось изменить конфессиональное сознание большинства сербов, хотя давление на них на протяжении всего XVIII в. постоянно усиливалось. Опорой сербского православия в Далмации являлись монастыри Крка, Крупа и Драгович. Крупнейший из них, что находился на острове Крка, даже подвергался разрушению со стороны воинствующих католиков, но неизменно отстраивался вновь.

Именно из церковно-православных кругов вышли первые представители сербской интеллигенции в Далмации, которые боролись за сохранение системы самоуправления у своих единоверцев. В 1754 г. в окрестностях Задара была сделана попытка открыть сербскую школу светского типа, закончившаяся неудачей: власти не разрешили, желая, чтобы сербы так навсегда и остались необразованной, чисто крестьянской массой.

В 1750 г. папский престол запретил православным священникам в Далмации отправлять службу без "утверждения" их областными католическими епископами. Им запрещалось также благословлять смешанные браки до получения соответствующего разрешения от местной курии. Эти решения фактически поставили православную церковь под контроль католического клира. Власти Венеции, до того все-таки тормозившие политику столь откровенного давления, теперь отступили, ибо войны с турками закончились и потребность государства в "сербском факторе" отпала.

Сербское духовенство ответило на действия Ватикана и его делегатуры в Далмации выбором своего епископа, которым стал Симеон Кончаревич. В 1757 г., по прямому указанию Печского патриарха, его рукоположил в сан митрополит Дабро-босанский Гавриил. В условиях все усиливающегося католического насилия епископ Симеон обратил свои взоры к России, что не могло понравиться ни властям Венеции, ни Риму. В конечном итоге, обвиненный в подстрекательстве сербов переселяться "на север", он был выдворен из Далмации, а католические священники начали осуществлять свой "контроль" над православными приходами с помощью военной силы. Таким образом, ранее принятое решение венецианского сената о свободе вероисповедания все более превращалось в пустой звук.

Сербы же, опираясь на этот юридический акт, в 1759 г. потребовали от сеньории предоставления им права самим избирать своих церковных вождей. Параллельно при русском дворе действовал и владыка Симеон. Ему удалось заинтересовать Петербург по вопросу православия сербов в Далмации — в начале следующего года правительство Елизаветы Петровны обратилось к Венеции с требованием обеспечить им свободу вероисповедания. Сеньория отказалась, и тем самым религиозный вопрос по сути превратился в национальный[56].

Сама же Венецианская республика тем временем доживала последние годы. В 1797 г. по условиям Кампо-Формийского мира, заключенного Наполеоном с Австрией, она ликвидировалась, а ее владения в Далмации и Боке Которской отходили к Габсбургам. Местные сербы (особенно в первое время) восприняли это как свою победу.

Однако очень скоро им стало ясно, что до "победы" было еще далеко. По прибытии в провинцию новых австрийских властей, сербы обратились к ним с просьбой способствовать окончательной эмансипации их право-

inslav

славной церкви в Далмации от местного католическиого клира, ссылаясь на то, что в Австрии и Венгрии сербская церковь давно признана самостоятельной. Для утверждения в качестве своего церковного главы они предложили уважаемого всем народом архимандрита Симеона Ивковича. Наместник Турн, полагая требования новых православных подданных дома Габсбургов вполне оправданными, обратился в Вену с соответствующим ходатайством, но... в дело вмешались далматинские прелаты. В результате их жесткого противодействия "затее схизматиков", равно как и вследствие немалого влияния в коридорах придворных канцелярий, Вена надолго оставила все как есть[57].

Социокультурное развитие сербского народа в XVIII в. Его духовное освобождение

Исторический перелом, который в результате нескольких крупных миграций на север пережил сербский народ в XVIII в., не мог не сказаться на его общественном развитии. В то время, как в Турецкой империи продолжался процесс деэлитизации сербов — вследствие "великого исхода", хозяйственной стагнации и ликвидации патриархии, в Габсбургской монархии, несмотря на все трудности и препятствия, складывались условия для подъема сербской элиты. Так, в рамках Карловацкой митрополии постепенно консолидировался образованный слой монахов и священников. В австрийской регулярной армии и граничарских частях росло число офицеров и генералов из сербов. Быстрыми темпами развивалось также сословие ремесленников и торговцев, начинавшее забирать в свои руки производство и торговлю уже вне зоны их компактного проживания — в Буде, Пеште, Загребе, Триесте и т.д.[58] Что, впрочем, было не так уж и сложно: мадьярское и хорватское дворянство, в силу происхождения и традиций, с нескрываемым презрением относилось к любой производительной или торговой деятельности.

Кроме церковной, военной и хозяйственной элиты, во второй половине XVIII столетия образуется немногочисленный, но влиятельный слой чиновников-сербов, находившихся на императорской службе, — с 1781 г. православным разрешалось занимать государственные должности.

Со временем представители сербской элиты начинают получать, а чаще — покупать, различные дворянские титулы; с этого момента можно, пожалуй, говорить и о запоздалом начале формирования новой сербской аристократии — ею становились Текелии, Рашковичи, Янковичи, Стратимировичи и другие фамилии...[59]

Возрождению сербской элиты в Австрийской империи способствовали и отличные — по сравнению с былыми турецкими — условия, которые пришельцы обнаружили на новой родине. Особенности жизни в Австрии (прежде всего ее правовая система, в рамках которой им и пришлось бороться за сохранение привилегий, обретенных в конце XVII в.) сделали настоятельно необходимыми систематическое образование сербского населения, знание им государственных языков: немецкого, латинского, венгерского. Грамотность, таким образом, для многих становилась практической, а затем и внутренней потребностью[60].

inslav

Подтверждением сего служит тот факт, что, наряду с растущим числом сербских основных школ и гимназий, уже в 30-е годы XVIII в. появляются и первые студенты, обучавшиеся сначала преимущественно в Киеве: кроме чисто православного, там давалось и латинское образование, необходимое для жизни в католическом окружении. Однако затем, после окрика из Вены, большинство сербских студентов было вынуждено поступать в австрийские университеты и лицеи, стараясь, правда, избежать католические, и предпочитая протестантские, каковые также имелись в Империи. В частности — в Пожуне. Но митрополиты Моисей и Викентие продолжали тайно слать своих питомцев в Россию — только в Киевской духовной академии в 1721—1762 гг. училось 28 сербских студентов; всего же в России в XVIII в. их насчитывалось 65[61]. И в результате уже в 1768 г. в Карловацкой митрополии было 53 сербских учителя, что для того времени представляло немалое число.

«Процесс социальной стратификации у австрийских сербов, — констатирует современный сербский исследователь Мирослав Йованович, — развитие их элит и складывание относительно богатого и образованного "среднего сословия" (вкупе с проникновением к ним европейских идей) вели к общей модернизации сербского общества в Габсбургской монархии. Во второй половине XVIII в. из него выделилась интеллигенция. С ее появлением, эмансипируясь от духовной культуры, стала зарождаться и сербская гражданская культура»[62].

* * *

Развитие социальных процессов на территории проживания турецких сербов носило в XVIII в. качественно иной характер, чем в Австрии. Частые переселения на север (причем самой активной и авторитетной части населения) и ликвидация Печской патриархии практически их обезглавили, что привело к консервации общественных отношений на уровне старых задружных структур в условиях статичного аграрного мира. Вследствие этого модернизации общества, с выделением из него образованной элиты и формированием гражданского сословия, в турецких землях не происходило. И даже элементарная грамотность не стала там внутренней потребностью. Зачем? Если "зафиксированная и аккумулированная в бесписьменной народной культуре, хранимая в живой памяти и передаваемая механизмами неукоснительных традиций, ограниченная совокупность знаний и навыков вполне обеспечивала хозяйственный процесс"[63].

Тем более что сам этот "хозяйственный процесс" у турецкого серба имел ряд существенных отличий от подобного же у его австрийского соплеменника. Дело в том, что длительное пребывание под властью турок и отсутствие всяких гарантий своего имущества (что особенно характерно именно для XVIII в., в свете усилившейся подозрительности османов по отношению к повторяющейся раз от раза нелояльности сербской райи) приучили его заботиться о минимуме. По свидетельству одного немецкого путешественника, даже в середине XIX в. в турецкой Боснии "сербский крестьянин не имеет никакого стимула слишком прилежно обрабатывать свою ниву, почему и работает ровно столько, сколько ему необходимо, чтобы прокормиться и выжить"[64].

inslav

Тому же способствовал и сложившийся в условиях господства турок этос сербского православия. В совокупности с идеалами косовской мифологии, он непосредственно влиял на менталитет сербов, формируя у них своеобразную модель "мирского аскетизма"[65]. Центральная идея — о выборе князем Лазаром "царства небесного" — означала выбор пути жертвенности ("за честный крест и золотую свободу") и стоического преодоления рабства, в духе христианских мучеников. Значение ценностей повседневной жизни в рамках такой модели отходило на второй план, поскольку "мирская аскеза" порождала социальную пассивность и равнодушное отношение ко всякому созидательному труду*. "Работать только для того, чтобы выжить — становилось главным принципом серба, как следствие его постоянной неуверенности, войн и переселений", — резюмирует современная сербская исследовательница Радмила Радич[66].

Таким образом, смысл всей экономической деятельности "турецкого серба" можно свести к понятию — *довольствоваться*, в отличие от сербского же мастера или торговца из Австрии, которые работали уже не только ради удовлетворения своих насущных потребностей, но и для будущего, формируя отложенный спрос. В результате они довольно быстро обогащались. В качестве примера успешного сербского предпринимателя, приведем Драго Теодоровича из Триеста, имевшего целый флот из 14 кораблей, некоторые из которых плавали в Америку и Восточную Индию[67]. Понятно, что поставить рядом с ним даже самого удачливого прасола из турецкой Сербии (ничем не отличавшегося, кстати, от взрастившей его крестьянской среды) было попросту невозможно.

Маргинализация сербской элиты в Османской империи, усилившаяся именно в XVIII в., и консервация традиционных отношений внутри аграрного социума (вкупе с постоянным отстутствием каких бы то ни было юридических гарантий жизни райи и всеми событиями бурного столетия, развивавшимися по привычному кругу — война, отступление, бегство, месть) не могли не сказаться на развитии культуры турецких сербов, которая, как и прежде, оставалась на стадии устного народного творчества. Казалось, первенство в этом процессе они добровольно отдавали своим братьям с другого берега. А потому понять культурное развитие "турецких" сербов вне их связи с теми, что жили за Савой и доминировали в общесербском процессе возрождения, невозможно.

Размышляя о культуре любого народа следует начинать с его языка. XVIII век, по оценке академика Н.И. Толстого, был "веком начала перемен для всех славянских литературных языков"[68]. Не стал исключением и язык сербов. Тем более что и культура их тогда развивалась не в статичной неподвижности, но создавалась "народом, пребывающим в движении"[69]. Потому границы сербской культурной ойкумены были чрезвычайно широки. В первой половине века — от Хеба в Чехии (где писал свои "Хроники" граф Джордже Бранкович) и Сент-Андреи в Венгрии (там работал Га-

---

* Кроме воскресений, сербы праздновали еще 170 дней в году. В праздничные дни священники запрещали народу работать. Но если в турецкой Сербии такое положение сохранялось вплоть до 30-х годов XIX в., то в Габсбургской монархии уже во второй половине XVIII в. число праздников постоянно сокращалось: сначала до 129, затем до 94, а с 1787 г. — всего до 81 (см.: *Paduh P.* Верска елита и модернизација — тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века: Зборник 3: (Улога елита. Београд, 2003. С. 157).

inslav

врил Стефанович Венцлович) на севере до Хиландара на юге; и от Сараево (здесь трудились Гаврил Тадич и Виссарион Павлович) на западе до Валахии (в Рымнике располагалась кириллическая типография) на востоке. Конец столетия еще более расширил этот ареал, протянув его на север — до Лейпцига и Галле (где свои труды завершал и печатал Досифей Обрадович); на запад — до Венеции (там находилась типография Теодосия) и Триеста (в нем существовало целое литературное объединение под покровительством сербских торговцев-меценатов); на юго-запад — до православных монастырей Далмации (здесь создавались первые труды Досифея); и на восток — до Харькова, Москвы и Петербурга (тут печатались сочинения Захарии Орфелина, Теодора Янковича Мириевского, Глигория Терлаича; писались мемуары Симеона Пишчевича, а в качестве университетских профессоров работали тот же Г. Терлаич и Атанасие Стойкович)[70].

Бурные перипетии сербского "бунташного века" и сменявшие их волны миграций не могли не отразиться на развитии языка у народа in mobile. С одной стороны, уже сама жизнь в двух различных государствах (причем по разные стороны цивилизационной границы) формировала неодинаковые потребности, требующие артикуляции, равно как и существенные различия в условиях повседневной коммуникации. С другой же — на изменение языковой ситуации влияли и конкретные культурные явления. Выше уже упоминалось, что, после получения разрешения открывать свои школы, сербы в Габсбургской монархии пригласили к себе М. Суворова (1726 г.) и М. Козачинского (1733 г.) — из страха перед католической пропагандой унии и от недостатка собственных кадров. Те привезли с собой русские учебники: десятки экземпляров букваря Феофана Прокоповича, словаря Поликарпова и грамматики Мелетия Смотрицкого, которые вместе с другими же русскими изданиями, полученными еще при Петре I, использовали в учебном процессе. Благодаря массированному проникновению русской книги в среду австрийских сербов, в их культуру постепенно входил русскославянский язык (точнее — русская редакция церковнославянского языка). И в результате двойственность языковой практики у народа, проживавшего в двух культурных ареалах, со временем становилась все явственнее.

По мнению специалистов, это функционирование русскославянского языка "на определенном этапе в качестве литературного языка сербов имело большое положительное значение"[71].

Наряду с русской редакцией церковнославянского языка австрийские сербы получили из России и гражданскую кириллицу (введенную реформой Петра), которая впервые появилась на юге в "Латинском букваре" (1766 г.), изданном в Венеции Захарией Орфелиным[72]. Вся эта духовная помощь русских сербам не была каким-то изолированным эпизодом, она являлась "частью непрерывного духовного взаимодействия в православном славянском мире (Slavia orthodoxa), установившегося в эпоху зарождения славянской грамотности"[73].

В течение XVIII в. сербские авторы создавали светские произведения как на церковнославянском, так и на русском языках, но в то же самое время писались сочинения на народном и славяносербском языке, который представлял собой довольно хаотичную комбинацию церковнославянского языка, русского языка того времени и сербского простонародного говора.

inslav

У истоков сербского просвещения стоял Захария Орфелин (1726—1785), поэт, историк, педагог, журналист, рисовальщик, гравер по металлу и даже каллиграф, и, главное — просветитель. Он — зачинатель журнального дела у сербов ("Славено-сербский магазин"), издатель нескольких учебных книг, поборник развития светской культуры, отошедший от канонов средневекового провиденционализма, уверовавший в "просвещенный разум" как движущую силу общества, а в знания как средство достижения общественного блага. Его стихотворение "Плач Сербии", первое печатное произведение на народном языке, — песнь любви и преданности родине, гимн ее славному прошлому, скорбное повествование о печальном настоящем, воспламеняло сердца соотечественников, возбуждало у них мысль о борьбе. Написанная З. Орфелином книга "Житие и славные дела... Петра Великого" свидетельствовала о прочных уже связях сербов с Россией. Отношение автора к преобразователю — восторженное, он выступил в монографии сторонником просвещенного абсолютизма.

О связях сербской элиты с Россией свидетельствовало и то обстоятельство, что четырехтомная "История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы изъятая и во свет исторический произведенная", завершенная Йованом Раичем в 1768 г. (издана в Вене в 1794 г.), была написана по-русски (с сербизмами). Название не вполне точно отражало содержание — со второго тома автор повествовал только о сербах. Обращение к великому прошлому в богато документированном письменными памятниками труде являлось и напоминанием, и призывом к современникам, и в первую очередь, к "турецким" сербам — обеспечить достойное настоящее. Пронизывавшая труд мысль о единстве сербского народа способствовала укреплению национального самосознания. Влияние на автора идей Просвещения очевидно (понятия "общей пользы", "естественного права").

Еще до В. Караджича (а особо — с момента запрещения ввоза в Австрию русских книг), церковнославянский язык выходит из употребления во всех внецерковных сферах, заменяясь славяносербским и народным сербским. А потому, хотя русский церковнославянский и русский светский язык XVIII в. составляли немалую часть интеллектуального словаря славяносербского языка, доля народноразговорных элементов в нем постоянно росла. Кроме того, и век Просвещения оставил на нем свой след, отметившись европеизацией высокого пласта сербской лексики — в основном среди образованных сербов Австрии[74]. Именно они — то самое, уже достаточно секуляризованное "среднее сословие" плебейского происхождения — финансировали и выписывали сербские газеты, журналы и книги[75], составляя значительную часть читающей публики. Поэтому неудивительно, что литературный язык сербов становился все более светским и народным еще до появления Вука Караджича в роли реформатора языка.

Соответственно возникает вопрос и о неизбежности самой его реформы. Она совсем не очевидна. "Вариант, предложенный Караджичем, — указывал Н.И. Толстой, — был не единственным из возможных решений, ибо в XVIII—XIX вв. у сербов намечалось несколько направлений в развитии литературного языка"[76]. А по дефиниции американского исследователя Бенджамина Штольца, "сербский язык вполне мог проследовать по пу-

inslav

ти, проложенному Досифеем Обрадовичем, пути, который привел бы к образованию литературного языка на народной основе с более значительным русским церковнославянским элементом в сфере интеллектуальной лексики"[77].

Этот возможный плюрализм вариантов в процессе эволюции сербского литературного языка отражал наличие двух культурных моделей, которые на протяжении XVIII в. складывались по разные стороны Дуная и Савы[78].

Крестьянская (или низовая) модель была характерна для сербов в Турецкой империи, проявившись особенно ярко в устном народном творчестве. Именно ее Вук впоследствии и реализовал, создав свою языковую систему, основанную на сборе фольклора и кодификации его языка. Система эта мало сообщалась с традициями "высокой" литературы сербского Средневековья, причиной чему стал застой в общественном развитии турецких сербов, выразившийся в их дальнейшей деэлитизации. Но, с другой стороны, сформировавшись в чисто крестьянской среде, низовая культурная модель имела свою мощную опору в разговорном языке подавляющего большинства сербского народа.

Гражданская модель культуры сложилась у сербов Габсбургской монархии ближе к концу XVIII в. При этом она содержала в себе разнородные элементы — значительно ослабевшую, но не прекращавшуюся инерцию сербской средневековой культуры; иностранные влияния, проникавшие к сербам через их студентов среднеевропейских университетов или из русскославянского языка; и, наконец, собственные традиции — как результат деятельности сербских школ и общей модернизации сербского социума в Австрии в течение XVIII в.

Выразители гражданской модели не были едины в вопросах реформы языка, выступив в поддержку двух норм — славяносербской (митрополит Стеван Стратимирович, Милован Видакович, Сава Текелия) и народной, образцом для которой послужил бы диалект, бывший в ходу в городах и селах Габсбургской монархии (Йован Хаджич, Йован Стерия Попович, Йован Стеич). Но, несмотря на эту разницу, их всех объединяла уверенность в том, что всякий сколько-нибудь серьезный разрыв с прежним литературным и языковым наследием (за что и ратовал Вук Караджич) означал бы губительный провал в культурном развитии и забвение собственных традиций, созданных не на "народном" языке.

Гражданская модель была напрямую связана с культурой довольно узкого слоя сербской элиты (прежде всего городских жителей) и во многом подпитывалась европейскими культурными и интеллектуальными влияниями. Низовая же модель, которую выражал Караджич, была основана на народной эпической поэзии и традиционной культуре сербского села, с присущими ей легендарными и мифологическими представлениями. Вследствие чего в конечном итоге она и оказалась ближе для подавляющей части тогдашнего сербского населения.

Притом было бы ошибкой полагать, что у австрийских сербов народная поэзия теряла популярность — она была любима во всех слоях общества (в том числе и у нарождающейся элиты); однако новый интеллигент, окончивший университет за границей, уже не мог удовлетворить культурные потребности только за счет возможностей устного народного творчества. С другой стороны, для крестьянина по-прежнему мало

inslav

значила культурная опция, предлагающая печать и театр, ученые труды и теологические трактаты или художественную литературу. Он и далее черпал культурное удовольствие в мире легенд и мифов, сохраненных в его фольклоре[79].

* * *

Столкновение двух подходов в вопросе развития литературного языка у сербов, завершившееся победой В. Караджича, — это реалии уже XIX в., но все социокультурные предпосылки для него сложились на исходе столетия, ему предшествовавшего, когда и произошел мощный всплеск сербской культуры. Ведь уже в 60-е годы, по словам И.И. Лещиловской, стало заметным обретение ею "черт, свойственных новому времени"[80].

Тому способствовали как свежие веяния Европы, достигавшие "медвежьих" углов континента, так и новый курс просвещенного абсолютизма, проводимый Иосифом II. При его правлении вектор государственной политики в отношении сербов изменился. Будучи (как и мать) сторонником централизма в империи, монарх объявил его основой повсеместное использование немецкого языка. С другой стороны, воспитанный в век Просвещения, он проявил себя в вопросах вероисповедания истинно толерантным правителем, подписав в 1781 г. "Патент о веротерпимости". Этот документ гарантировал всем христианам-некатоликам свободу совести; возвращал гражданские права, включая возможность занимать государственные посты. Данное обстоятельство позволило сербам вздохнуть с облегчением, "выйти из окопов" и обратиться к самим себе.

Именно в это время произошел переворот в деле образования сербов. Он был связан с радикальной школьной реформой Марии-Терезии, проводившейся в 1774—1777 гг. и затронувшей все земли Габсбургов. Она предусматривала отделение школ от церкви, превращение школ в государственные структуры под надзором светской власти, установление контроля над программой обучения и, наконец, масштабное расширение сети самих учебных заведений: в одном только Банате предполагалось открыть 373 новые школы. Реформа, вводившая, по сути дела, всеобщее начальное образование, дала мощный импульс росту грамотности и общего культурного уровня австрийских сербов[81].

Результаты такого сдвига не заставили себя ждать. В Сремских Карловцах вокруг молодого и активного митрополита Стевана Стратимировича (вступил на митрополичий престол в 1790 г.) начал складываться своего рода сербский культурный центр. И уже в 1792 г. здесь была основана первая полная сербская гимназия, учрежденная по образцу королевских гимназий в Венгрии, с весьма широкой программой. Полный ее курс состоял уже из шести классов. Два года спустя в тех же Карловцах открылась и новая духовная школа — "Карловачко клирикално училиште".

В качестве промежуточного вывода, приведем обобщающее мнение Ю.В. Костяшова: "Развитие собственной школьной системы, а также приобщение сербов к европейским стандартам образования в учебных заведениях Вены, Буды, Пешта, Пожуни и других городов империи, сделало австрийских сербов едва ли не самой передовой в культурном отношении

inslav

частью православного славянского мира"[82]. С таким заключением ученого трудно не согласиться. При этом оно органично вписывается и в более развернутую характеристику самой Австрийской монархии, которая, как оказывается, "была не тюрьмой народов, ...а скорее инкубатором, в котором и благодаря которому народы Центральной Европы могли достичь стадии культурного, социального и политического развития, свойственной их западным соседям, уже в XVIII в."[83].

Все так, заметим только, что эта в целом взвешенная оценка корректна лишь в отношении последней четверти столетия. Да и тогда, по правде говоря, попыток взять под контроль культурный процесс у православных сербов Веной было сделано немало. Так, в ходе школьной реформы государственные власти пытались заменить в сербских школах кириллицу латиницей. Лишь энергичный протест православной иерархии, к каковому присоединился и один из самых образованных сербов того времени Теодор Янкович Мириевский (оставивший, как уже упоминалось, след и в российской истории) спас ситуацию — в 1785 г. Иосиф II "милостиво разрешил" и далее использовать кириллицу не только в церковных, но и в светских книгах, включая и школьные учебники[84]. А в 1794 г. митрополит Стратимирович так и не открыл в Сремских Карловцах семинарию, хотя резолюция о том, подтвержденная самим императором, была принята на Темишварском соборе четырьмя годами ранее. Он ограничился "клирикальным училиштем", поскольку за семинариями всех исповеданий существовал строгий государственный надзор и соответственно имелась возможность проникновения униатских идей в одобренные властью церковные книги и учебники. "Училиште" же, как заведение епархиальное (рангом ниже семинарии), оставалось в ведении епископа, или подчинялось прямо митрополиту, не подпадая под пристальный взор венского двора[85].

Заметный рост среди сербов числа грамотных и образованных людей формировал устойчивый спрос на книги и другую печатную продукцию, что не могло не привести к переменам и в типографском деле.

До середины XVIII в. сербы-переселенцы печатали свои (и тиражировали русские) книги в единственной кириллической типографии в Рымнике. Но этого было явно недостаточно, особенно в условиях, когда Римская курия сама начала публиковать книги на кириллице — с целью распространения идеи унии среди православных. Сербские митрополиты и народные соборы не раз обращались в Вену с просьбой о разрешении открыть собственную типографию, подчеркивая, что та необходима им "как душа телу", "ради славы Божией и спасения души"[86]. Однако в венских коридорах власти сербам все время отказывали, объясняя, что она "абсолютно излишня", при наличии иезуитской кириллической типографии в Трнаве. В 1751 г. митрополит Павле Ненадович выпросил-таки разрешение основать сербскую типографию в Осиеке или Сремских Карловцах. Но, когда ему при этом было поставлено условие непременно печатать в ней и униатские книги, он сам не захотел им воспользоваться.

В этих обстоятельствах, когда ниша снабжения кириллической литературой православной церкви и сербской читающей публики внутри страны оставалась искусственно незаполненной, ее начали оперативно занимать русские купцы, которые целыми возами доставляли книги из России на сербские ярмарки, где успешно сбывали их. Когда же австрий-

inslav

ские власти запретили "импорт" русских книг, они стали предметом массовой контрабанды. Спрос продолжал рождать предложение.

В 1758 г. ученый грек из Янины Димитрие Теодосий — владелец греческой типографии в Венеции, купил русский шрифт и пригласил мастера из Москвы. И уже вскоре начала функционировать Новая греко-православная типография, в которой с 1761 по 1810 г. увидело свет более 70 сербских книг церковного и светского содержания, среди которых были и отдельные произведения Досифея Обрадовича, Захарии Орфелина, Йована Раича, Павла Юлинца, Павла Соларича. Особенно много Теодосий печатал богослужебных книг, но при этом ставил на переплете указание, что они напечатаны в России, поскольку австрийские сербы не доверяли кириллическим книгам, "произведенным" в других странах[87].

Неудача митрополита Ненадовича в деле организации сербской типографии не смутила сербов — они продолжали требовать разрешения на ее открытие. И, в конце концов, дело сдвинулось с мертвой точки. Желая уменьшить влияние на православных сербов русских книг, Иосиф II пришел к весьма логичной мысли, что лучшим средством для этого как раз и могло бы стать основание сербской типографии непосредственно в Австрии. Понятно, что речь не шла о передаче ее тотчас в руки самих сербов. В 1770 г. соправитель Марии-Терезии дал добро венскому книгопродавцу Иосифу Лоренцу фон Курбцеку на запуск сербского печатного станка на кириллице. При этом все обставлялось так, словно то был жест благосклонности монарха к своим православным подданным. На самом деле организация венской типографии преследовала иную цель — ослабление культурного влияния России, откуда во множестве и поступала литература для тех же подданных. Помимо этого, сербы были искусственно ориентированы на австрийскую столицу: если в 60-е годы их книги печатались преимущественно в Венеции — в той самой Греко-православной типографии Димитрия Теодосия — то начиная с 70-х годов центром сербского книгопечатания стала Вена[88].

В новой типографии Курбцека печатались в основном учебники и светская литература — сочинения З. Орфелина, Й. Раича, П. Юлинца, Алексия Везилича и Йована Мушкатировича. Но к церковным книгам, произведенным в "иноверной" Вене католиком и чужаком, они относились с крайним недоверием, постоянно требуя сохранить эту область книгопечатания за собой или отменить запрет на ввоз богослужебных книг из России.

И времена менялись. Разрешение Курбцеку было дано сроком на 20 лет. Прошло чуть больше времени, и в 1792 г. (после его смерти) типография перешла-таки в сербские руки — ее новым владельцем стал бывший секретарь Карловацкой митрополии Стеван Новакович, купивший предприятие вместе со всеми необходимыми материалами и книжным складом за 25 тыс. форинтов. За неполные четыре года он издал, помимо всего прочего, "Собрание разных нравоучительных вещей" Д. Обрадовича (1793) и знаменитую "Историю разных славянских народов" Й. Раича (1794—1795). К этому добавим, что в 1792—1794 гг. в той же типографии печатались "Славено-сербския ведомости", одна из первых сербских газет. В материальном плане, однако, дела шли не слишком удачно. Попытка составить сербское акционерное общество для выкупа типографии не увенчалась успехом. А в 1796 г. она была продана венгерской университет-

inslav

ской типографии и перевезена в Буду, где отныне и вплоть до 30-х годов XIX в. печаталось большинство сербских книг*.

Как видим, развитие национальных культурных институтов у австрийских сербов шло полным ходом. Несмотря на препятствующие ему порой немалые "объективные" трудности.

* * *

Несомненные культурные достижения австрийских сербов на исходе XVIII в. и превращение их в "самую передовую часть православного славянства" не могли не повлиять на изменение менталитета этих людей, всего лишь столетие назад пребывавших в положении бесправной турецкой райи.

В Османской империи, где сербское население по-прежнему являлось ею, у него сложилось два ментальных типа. Во-первых, это традиционный тип самой райи (являвший собой образец полного и безоговорочного подчинения любому авторитету — в политике, обществе или семье). И, во-вторых, тип гайдука — как образец бунтовщика (т.е. характерного для всякого пограничья homo militans), который борется против существующей системы, за народную свободу и т.д. и который в своей борьбе способен на самые радикальные меры и тотальный разрыв с прошлым[89]. Отцеубийство, совершенное молодым Карагеоргием, — классический пример не только наличия, но и нередкого конфликта двух этих типов[2*].

В отличие от соплеменника из Турции, у австрийского серба уже начинал формироваться менталитет гражданина, для которого характерны признание правового порядка, ощущение внутренней свободы и (когда чаще, когда реже) стремление к компромиссу. Кроме того, важной его чертой была секуляризация сознания. Не случайно, что именно в данный период сербская интеллигенция, увлеченная идеями рационализма, выступает с резкой критикой православного клерикализма, порой достигавшего немалого влияния, стремясь содействовать народу, с помощью про-

---

* Кроме Рымника, Венеции, Вены и Будапешта литература сербов (в небольшом объеме) издавалась и в Германии. Так, в Лейпциге в типографии Иоганна Брайткопфа с 1783 г. началось печатание сербских книг, среди которых были и самые значительные произведения Досифея Обрадовича "Жизнь и приключения" (1783) и "Басни" (1788). В том же городе в типографии Тейбеля Эммануил Янкович опубликовал свои сочинения "Торговцы" (1787) и "Благодарный сын" (1789). См.: *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд, 1953. С. 24.

2* В 1786 г. Карагеоргий с семьей был вынужден бежать из Сербии в Австрию. Но его отец Петр, как о том пишет один из самых авторитетных знатоков эпохи, профессор Радош Люшич, "уже в годах, пребывая в страхе от турецкой погони и неизвестности, которая их ожидала в соседней стране, в дороге передумал и предложил возвратиться в родное село. Такое решение не было чем-то неожиданным, поскольку он принадлежал к той категории людей, для которой статус райи на родине казался предпочтительнее неизвестности бегства... Он не только высказался против переселения, но и пригрозил, что выдаст беглецов туркам. Страх перед ними, все еще весьма значительный в жизни сербов, вносил сильное беспокойство в раетинскую душу Петра... Убеждения близких не помогли — Петр повернул назад. И тогда его настигла пуля, выпущенная из ружья сына" (*Љушић Р.* Вожд Карађорђе. Књига 1. Београд, 2000. С. 24—25).

inslav

свещения освободиться от предрассудков, отсталости и былого монопольного положения церковной иерархии в обществе. "Национисты", как называли себя люди, желавшие просветить народ, имели прочную опору в сербском гражданстве, которое в целом ряде городов было уже экономически продвинуто и духовно развито.

Первые симптомы духовной эмансипации городского сербского населения от чрезмерной опеки церковного клира проявились еще в 40-е годы XVIII в., и в частности в 1748 г., когда жители Буды вынудили церковные власти признать их выбор и утвердить Будимским епископом Дионисия Новаковича, известного поборника просвещения, всегда считавшего, что "нашему злополучию виновна грубая простота наша, ею же безумные спастися надеются..."[90]. Годом раньше те же будимцы отказали в доверии своим бывшим священникам, не дожидаясь вердикта патриарха.

Выступления против самовластия иерархии, ее не всегда честных денежных сборов, нетолерантности и нередких внутренних распрей со временем только усиливались, достигнув своего пика на соборе в 1769 г.[91] Вена, как говорилось, искусно использовала выплеснувшиеся на поверхность противоречия и тремя известными документами (два регуламента и декларатория) установила новый правовой порядок в отношениях сербского сообщества и государства. С одной стороны, сербы были освобождены от жесткой опеки и даже эксплуатации церковными структурами, но с другой — они сами, их церковь и школьная система подпали под полный контроль государственной власти.

Но вернемся к "дней императорских прекрасному началу".

Новый духовный подъем у сербов был напрямую связан с началом в 1783 г. публицистической деятельности Досифея Обрадовича — крупнейшего деятеля сербского Просвещения и первого, на исходе жизни, попечителя образования в повстанческом "правительстве" Карагеоргия.

В своем духовном развитии монах Досифей (в миру — Димитрие; 1742—1811) прошел несколько этапов. Сначала, находясь в монастыре Хопово, он набросился на богословскую литератутру, читая старых христианских аскетов и современных ему русских теологов. Затем перешел на чтение русских светских книг, а также сочинений по древней и новой истории, в которых открыл иной (секулярный) взгляд на мир и историю. Этот хоповский период (1757—1760) был весьма значительным для интеллектуального формирования молодого дьякона. Именно здесь он осознал недостаточность своего образования, жадно его пополнял и вошел в конфликт с братией, мало уважавшей своего поглощенного самообразованием коллегу.

Уйдя из монастыря, Досифей собрался было в Россию. Но затем отказался от этой мысли и решил изучать богословие у греческих учителей, получивших образование в Европе и всерьез увлеченных протестантскими идеями. У них он проучился три года. Знакомство с западной культурой и современной наукой (пусть и довольно поверхностное) вело — медленно, но верно — к освобождению от былых представлений и предрассудков, хотя полного разрыва его с церковью в то время еще не произошло. И только в 1771 г., по приезде в Вену, вступив в непосредственный контакт с европейской культурой и господствующими в ней идеями, он окончательно "сломался".

Долгое пребывание Досифея Обрадовича в Австрии и Германии (в Вене он провел свыше 20 лет, т.е. почти треть жизни) сыграло решающую

inslav

роль в его окончательном становлении. В столице Дунайской монархии он впитал идеи Иосифа II, горячо поддержав просветительскую политику императора, о чем и писал в своих сочинениях. Кроме того, на него сильно повлияли тогда немецкая культура и рационалистическая философия, а также английские просветители и (в меньшей степени) французские гуманисты.

Сформировавшись и перекипев в этом идейном котле, Д. Обрадович так и не стал самобытным мыслителем или создателем какой-то философской системы, что, впрочем, никогда не составляло его амбиций. Трезвый и реально мыслящий от природы, он четко осознавал меру своих способностей, а потому его вполне удовлетворяла собственная роль — знакомить земляков с идеями европейского Просвещения и популяризировать достижения тогдашней науки. Он ясно видел реальные потребности сербского народа, почему и был всегда больше практиком. Отталкиваясь от реальности, он критиковал ее и давал советы, опираясь на опыт и достижения просвещенных стран. "Будучи грамотным, — писал Досифей, — я имею возможность приобщать к моим мыслям других, и все то, что умного и хорошего я сам услышал и чему научился, другим рассказывать..."[92]. Поэтому в числе его трудов так много переводов с различных языков.

В конечном итоге он вошел в сербскую культурную историю как первый значительный философ-эклектик и самый популярный писатель-просветитель, вносивший в свой народ современные европейские идеи[93]. И, думается, что именно это ему (народу) было тогда нужнее всего*.

Основой мировоззрения и творчества Д. Обрадовича являлся рационализм с его культом "здравого смысла", верой в человеческий разум, провозглашением свободы мысли и стремлением освободиться от оков теологии. Необходимость воспитания личности и побуждала выступать против существующей церкви, как оплота духовного традиционализма, и института, консервирующего отжившие стереотипы. Потому-то план Обрадовича в сфере культуры, которой отводилась главная роль в достижении гуманистических целей, предусматривал выдвижение на первый план именно ее светской ипостаси, в качестве ведущего направления культурного развития всех сербов, что с неизбежностью предполагало ограничение сферы деятельности и реформирование православной церкви. Так, просветитель был последовательным противником монастырей и монашества, принадлежавших, по его мнению, как явления, к глубокому Средневековью[94].

В целом же, как пишет И.И. Лещиловская, "смысл культурной программы Обрадовича состоял в освобождении сербского общества от церковной опеки, развитии светской культуры, переходе ее на народный язык и ориентации на широкие слои сербского народа". Она ставила целью "создание национальной культуры нового исторического типа,

---

* Произведения Досифея Обрадовича пользовались популярностью не только в сербской среде, но и у соседей — хорватов, румын и болгар. Его рано начали переводить на румынский и болгарский языки. Таким образом, он стал первым сербским автором, который переступил границы своей культурной общности — никто из старых сербских писателей не был столь известен у соседних народов и не оказал такого влияния на их духовное развитие (см.: *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. С. 76—78).

inslav

имела общедемократическое содержание и национально-освободительные черты"[95].

Труды Досифея Обрадовича, его концепции и подходы, оказали огромное влияние на умы современников*, выразив новое самоощущение сербской элиты в условиях ослабления былого культурно-духовного доминирования России и начавшегося процесса "европеизации" сербов. Глашатаем этой более широкой, европейской ориентации и стал просветитель...

Его переезд в Белград — больным и в преклонных годах — имел не только практический, но и символический смысл. Он как бы прочерчивал засавским и задунайским сербам вектор будущего "пути домой", демонстрируя возможность возвращения на *свободную* историческую родину. Это — с одной стороны.

С другой — он наглядно иллюстрирует всю оправданность итогового вывода Ю.В. Костяшова о характере взаимодействия двух частей сербского этноса во время судьбоносных восстаний начала XIX в.: "Сербская революция 1804—1813 гг. и последующая борьба за независимость и воссоздание собственного государства вряд ли оказались бы столь масштабными и в конечном счете увенчались успехом, если бы не постоянное и многообразное влияние сербов из Воеводины. Находившиеся на несравненно более высокой ступени социально-экономического, политического и культурного развития австрийские сербы вносили в стихийное движение соотечественников в Белградском пашалыке национально-государственную идеологию, становясь активными участниками возрождения Сербского государства и формирования сербской нации..."[96].

* * *

Итак, повторимся еще раз, XVIII век стал для сербского народа временем переломным. С одной стороны, именно тогда изменился его этнический ареал. Он как бы разломился, передвинувшись на север и разделившись границами трех государств на несколько частей. И это была драма (пожалуй, самая глубокая после Косова поля). Но, с другой — нет худа без добра: пришедший в движение этнос нарушил мертвящую статику анклавного существования в глухом османском тылу, соприкоснувшись (пусть и невольно) с Европой и ее идеями. Сохранив себя в новых, весьма специфических условиях и идейно обогатившись, сербы в том же столетии создали условия для своего скорого национального подъема. Воздействие идей Просвещения на свято чтившиеся исторические традиции, патриархальная демократия, пассионарность народных вождей, плюс давний опыт вооруженной борьбы (как следствие пограничного положения) и составили ту гремучую смесь, что "рванула" в Белградском пашалыке в начале 1804 г.

---

* Вокруг него сложилась группа интеллектуалов из австрийских сербов. Среди них — собиратель и издатель сербского фольклора Йован Мушкатирович, переводчик и популяризатор естественнонаучных знаний Эммануил Янкович, писатель-классицист и ученый-физик Атанасие Стойкович, автор географических трудов и переводчик Павле Солярич... См.: *Лещиловская И.И.* Россия и духовное развитие сербского народа // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 146.

inslav

[1] *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003. С.111.
[2] *Лещиловская И.И.* Сербы под властью Турции и Австрии // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.13.
[3] Цит. по: *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд, 1953. С.10.
[4] *Станојевић Ст.* Историја српског народа. Београд, 1989. С. 286; *Костяшов Ю.В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997. С. 48—49.
[5] *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. С. 111.
[6] *Костяшов Ю.В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. С. 25.
[7] Там же. С. 26.
[8] *Чоровић В.* Историја Срба. Београд, 1993. С. 468.
[9] Там же. С. 468—469.
[10] Там же. С. 488.
[11] Там же. С. 491.
[12] Там же.
[13] *Лещиловская И.И.* Сербы под властью Австрии и Турции. С. 13.
[14] *Чоровић В.* Историја Срба. С. 477.
[15] *Ракић Л.* Сеобе Срба у Русију у XVIII в. // Историјски музеј Војводине. Годишњак. Нови Сад, 1991. С. 21.
[16] *Чоровић В.* Историја Срба. С. 477.
[17] *Ракић Л.* Сеобе Срба у Русију у XVIII в. С. 22.
[18] *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 126.
[19] *Пишчевић С.* Мемоари. Београд, 1963. С. 122.
[20] *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. С. 128.
[21] *Костић М.* Нова Србија и Славеносрбија. Нови Сад, 2001. С. 21.
[22] *Рудяков П.Н.* "В службу и вечное подданство...". Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751—1764). Киев, 2001. С. 42.
[23] Там же. С.92.
[24] *Карић В.* Србија. Опис земље, народа и државе. Београд, 1887. С. 202; *Ђорђевић Д.* Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С.193.
[25] *Самарџић Р.* Идеје за српску историју. Београд, 1989. С. 12—13.
[26] См.: *Кулаковский П.А.* Начало русской школы у сербов. СПб., 1903. С. 63.
[27] *Чоровић В.* Историја Срба. С. 478.
[28] *Кулаковский П.А.* Начало русской школы у сербов. С. 158—159.
[29] Там же. С. 159.
[30] *Дабић В.* Српско школство у Хабсбуршкој монархији у XVIII в. // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 35.
[31] Там же.
[32] *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII—XIX вв. Београд, 1952. С. 222.
[33] Там же.
[34] Цит. по: *Чоровић В.* Историја Срба. С. 480.
[35] *Костић М.* Доситеј Обрадовић... С. 226.
[36] Там же.
[37] *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске Православне Цркве. Београд, 1991.Књ. 1. С. 397.
[38] *Костић М.* Доситеј Обрадовић... С. 240.
[39] *Чоровић В.* Историја Срба. С. 481.
[40] Там же. С. 479.
[41] Цит. по: *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига, XV — начало XX в. М., 1958. С. 125.
[42] Там же.
[43] *Лещиловская И.И.* Сербский народ // Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 265.
[44] *Достян И.С.* Борьба сербского народа... С. 113.
[45] *Виноградов В.Н.* Война 1787—1791 гг. — прославленная и неизвестная // Век Екатерины II. С. 229—231.
[46] *Ненадовић М. прота.* Мемоари. Београд, 1971. С. 36.

inslav

[47] См.: *Љушић Р.* Државно-друштвена и генерацијска периодизација нововековне Србије (1804—1918) // *Љушић Р.* Србија 19. века. Београд, 1998. Књ.2. С. 9—20.
[48] *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске Православне Цркве. Књ. 1. С. 400.
[49] *Лещиловская И.И.* Взгляды Досифея Обрадовича // Славяне и Россия. М., 1972. С. 92.
[50] См.: Первое посещение Святой Афонской Горы Василия Григорьевича Барского, им самим описанное. СПб., 1884; Второе посещение Святой Афонской Горы Василия Григорьевича Барского, им самим описанное. СПб., 1887.
[51] *Лещиловская И.И.* Сербы под властью Турции и Австрии. С. 10.
[52] *Достян И.С.* Борьба сербского народа... С. 143—144.
[53] Там же.
[54] *Станојевић Г.* Далматинске крајине у XVIII вјеку. Загреб, 1987. С. 22.
[55] Там же.
[56] *Храбак Б.* Срби у Далмацији и Боки Которској од почетка XVI до краја XVIII в. // Српски народ ван граница СР Југославије од краја XV века до 1914 године. Београд, 1996. С. 81.
[57] *Бакотић Л.* Срби у Далмацији од пада Млетачке Републике до уједињења. Београд, 1991. С. 27.
[58] *Станојевић Ст.* Историја српског народа. С. 288.
[59] *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. Београд, 2002. С. 55.
[60] *Костић М.* Доситеј Обрадовић... С. 249.
[61] Там же. С. 223.
[62] *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. С. 56.
[63] *Кузьмин М.Н.* Переход от традиционного общества к гражданскому: Изменение человека // Вопр. философии. 1997. № 2. С. 60.
[64] *Раш Г.* Србија и Срби. Нови Сад, 2001. С.135—136.
[65] *Радић Р.* Верска елита и модернизација — тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). Београд, 2003. С. 157.
[66] Там же.
[67] *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. С. 65.
[68] *Толстой Н.И.* Несколько размышлений о славянских литературных языках, литературно-языковых ситуациях и концепциях // Славянские и балканские культуры XVIII—XIX вв. М., 1990. С. 33.
[69] *Павић М.* Рађање нове српске књижевности: Историја српске књижевности барока, класицизма и предромантизма. Београд, 1983. С. 22.
[70] *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. С. 46—47.
[71] *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Русско-славянский и славяно-сербский языки и проблема создания литературного языка на народной основе // *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Сербия и Россия: (Страницы истории культурных и научных взаимосвязей). СПб., 1997. С. 65. См. также: *Кулаковский П.А.* Начало русской школы у сербов. С. 88.
[72] *Гудков В.П.* Русская азбука на славянском Юге // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 230—231.
[73] *Штольц Б.* Нация и язык: Влияние русского языка на развитие сербохорватского и болгарского языков // Славянские и балканские культуры XVIII—XIX вв. С. 37.
[74] Там же. С. 38—39.
[75] Подробнее об этом см.: *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. С. 56—58.
[76] См.: *Дмитриев В.А., Сафронов Г.И.* Русско-славянский и славяно-сербский языки... С. 67.
[77] *Штольц Б.* Нация и язык. С. 39.
[78] *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. С. 78.
[79] Там же. С. 78—81.
[80] *Лещиловская И.И.* Россия в творчестве Захария Орфелина // XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 43.
[81] *Костяшов Ю.В.* Сербы в австрийской монархии в XVIII в. С. 174; *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. С. 147.
[82] *Костяшов Ю.В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. С. 176.
[83] *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. С. 150.

inslav

[84] *Дабић В.* Српско школство у Хабсбуршкој монархији у XVIII в. С. 38.
[85] *Радосављевић Н.* Школовање свештенства у Карловачкој богословији (1794 – 1820) // Образовање код Срба кроз векове... С. 43.
[86] *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. С. 20.
[87] Там же.
[88] *Лещиловская И.И.* Сербская культура XVIII в. М., 1994. С. 103.
[89] *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. С. 75.
[90] *Костић М.* Доситеј Обрадовић... С. 250.
[91] *Станојевић Ст.* Историја српског народа. С. 303.
[92] Цит. по: *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. С. 83.
[93] Там же. С. 80 – 83.
[94] *Лещиловская И.И.* Сербская культура XVIII в. С. 159 – 167.
[95] Там же. С. 170.
[96] *Костяшов Ю.В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. С. 185.

inslav

Черногория – славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства

В XVIII в. Черногория была маленькой страной, расположенной на юго-западе Балканского полуострова. Она граничила с Северной Албанией и Герцеговиной, находившимися под турецкой властью, с венецианскими, а после падения Республики Св. Марка (1797 г.) — с австрийскими владениями на Далматинском побережье.

Ранее входившие в состав Зеты (область средневекового сербского государства, которой принадлежала основная часть территории Черногории) равнины в районе Подгорицы, Никшича, Спужа были отторгнуты турками в ходе завоевания Балкан. После Пожаревацкого мира (1718 г.) отошли к Венеции, а в конце века к Австрии приморские общины Грбаль, Побори, Маине и Браичи, в результате чего Черногория лишилась выхода к Адриатическому морю. Но черногорцы продолжали считать эти земли, как и Боку Которскую (Адриатическое побережье, включающее большой залив, город и систему крепостей), своими и предпринимали попытки включить их в состав своего государства. Население этих областей Приморья поддерживало тесные и многосторонние связи с черногорцами.

В XVIII в. Черногория была одной из наиболее отсталых стран Балканского полуострова. Зажатая в горах на небольшой территории, она не имела в достаточной степени ни людских, ни материальных ресурсов для сколько-нибудь эффективного экономического развития. В Черногории не было городов, ее административным и религиозным центром являлось Цетинье — небольшое поселение, состоявшее из монастыря и нескольких десятков строений. Основная часть населения жила в маленьких селах, расположенных в речных долинах или на склонах гор.

Экономика Черногории в значительной степени зависела от внешних рынков, расположенных в венецианских и турецких владениях (Котор, Рисан, Подгорица, Шкодра, Спуж и др.). На них черногорцы продавали домашний скот (овец, коз, свиней), птицу, копченую рыбу и вяленое мясо, кожи, шерсть, сало, масло, сыр, мед и воск, капусту и фасоль. Плодородных земель все же было явно недостаточно, и крестьянам часто не хватало хлеба до нового урожая. Голод был нередким гостем в Черногории. Так, жители самой бедной Катунской нахии в неурожайные годы были вынуждены отдавать своих женщин — "жен, дочерей или снох — никшичским туркам за хлеб, чтобы избавить от голодной смерти остальную семью"[1]. По большей части именно голод, а не извечная тяга к грабежам, заставлял черногорцев добывать хлеб насущный путем угона скота из турецких, ве-

inslav

нецианских, а позднее и австрийских земель, от чего страдало мирное население и обострялись отношения с соседями. Разумеется, далеко не изжитые в черногорском обществе анархия и безначалие также являлись причиной этих грабительских набегов.

На внешних рынках черногорцы закупали изделия из металла, медь, доски, соль, рис, кофе и сахар, вина и водку, оливковое масло, холст и хлопчатобумажную материю, писчую бумагу и пр. Помимо этого черногорцы ввозили в страну оружие и боеприпасы, а в неурожайные годы — зерно, насколько позволяли скудные финансы. Внешняя торговля в Черногории развивалась значительно быстрее и эффективнее внутренней.

Промышленность в Черногории отсутствовала, ремесла были развиты слабо. Однако не торговля и ремесло определяли экономическую структуру Черногории, а сельское хозяйство, где получили развитие земледелие, скотоводство, овощеводство, виноградарство и т.д. Сельское хозяйство, наряду с рыболовством в Скадарском озере, являлось важнейшей статьей доходов для черногорцев. В XVIII в. черногорцы употребляли в пищу больше рыбы, чем хлеба и мяса.

В Черногории преобладала мелкая земельная собственность, крестьяне были лично свободными и имели в пользовании небольшие участки земли в 1—3 рала (0,18—0,5 га), обрабатывавшиеся усилиями семей. Наряду с частной (семейной) формой владения землей существовало в Черногории и общинное землепользование ("коммунице"). К общинным землям относились пастбища, леса, луга, большие водоемы. Крупным собственником, по черногорским понятиям, была церковь. Монастыри, в особенности Цетинский, различными способами (дар, ипотека, завещание) приобретали недвижимое имущество населения. На монастырских землях крестьяне выполняли различные феодальные повинности (отработочная и натуральная рента). Интенсивную скупку земель производили старейшины. Так, например, известный и влиятельный старейшина из Црмницкой нахии Марко Вукосавович за период с 1742 по 1799 г. заключил 22 сделки по покупке недвижимости. Семья губернатора Й. Радонича, кроме земельной собственности в Черногории, имела поместье в венецианских владениях и держала там зависимых крестьян[2]. Однако малочисленность населения, крайне ограниченный земельный фонд, постоянная внешняя угроза, слабость государственной власти и неразвитость социальной структуры общества — все это тормозило развитие феодализма. Черногории XVIII в. было присуще крайне слабое развитие феодальных отношений, наблюдался медленный процесс их становления.

Точных данных о численности населения страны рассматриваемого периода нет. В середине XVIII в. в ней проживало приблизительно 30—35 тыс. жителей. По австрийским данным, на начало 80-х годов в Черногории насчитывалось 4884 дома и около 40 тыс. жителей. Сами черногорцы в обращении к русскому двору (1778 г.) заявляли, что в Черногории проживает более 60 тыс. человек[3].

Территория Черногории включала четыре нахии (области): Катунскую, Риечскую, Црмницкую и Лешанскую. Это были исконные черногорские земли, так называемая Старая Черногория. Пятая нахия — Пешивачская — в 90-е годы XVIII в. объединилась с Катунской.

inslav

Катунская нахия являлась наибольшей по территории, но экономически самой бедной. Наиболее обеспеченной материальными и природными ресурсами была Риечская и Црмницкая нахии.

В каждой нахии жило по несколько племен. Черногорское племя было определенным аналогом сербской кнежины и являлось административно-территориальной единицей. Оно отличалось от классического родового связью на основе общей территории, а не кровного родства, отсутствием коллективного труда всех членов племени, наличием социального и имущественного расслоения. Во главе нахий находились сердары, а племен — воеводы и кнезы (сельские старосты). Функции сердарей и воевод были не только военного характера, они также принимали участие в рассмотрении наиболее важных судебных дел.

Внутри племен существовали тесно связанные группы с более реальным родством, к их числу относились братства. Братство включало в себя группу семей одного происхождения, которая "с точностью почти исторической знает своего предка и свое начало"[4]. Территориально братство занимало определенную часть села, в зависимости от его численности оно имело своего главу, свой сход, иногда церковь. Экономически братства были связаны между собой, имея свои угодья, каждое из них эксплуатировало и общинные земли, принадлежавшие всему племени.

С начала XVII в. по 1851 г. включительно религиозными и политическими лидерами Черногории являлись митрополиты, сумевшие постепенно сосредоточить в своих руках духовную и в значительной степени светскую власть. В XVIII в. Цетинскую митрополию возглавляли представители рода Петровичей-Негошей (Данило Шчепчевич, Василий, Савва и Петр I), исключая короткий промежуток времени (1782—1784), когда во главе митрополии находился представитель другого рода — Арсений Пламенац. Приход и утверждение митрополитов во власти объясняется их активным участием в антитурецкой борьбе, что снискало им мощную поддержку со стороны значительной части черногорского общества антитурецки настроенной.

Цетинская епархия как церковная организация входила в состав Печской патриархии, вплоть до упразднения последней турками в 1766 г., после чего Цетинская митрополия обрела бóльшую самостоятельность, формально находясь под юрисдикцией Константинопольской патриархии. Но сербские патриархи лишь могли рукоположить в сан митрополитов, которые избирались на Общечерногорском зборе (народном собрании), а позднее — скупщине. Черногорские митрополиты имели право церковной юрисдикции не только над черногорским, но и над соседним православным населением Приморья и Северной Албании, Герцеговины. Это способствовало увеличению религиозного и политического престижа Цетинской митрополии на Балканах, росту ее влияния в пограничных землях с христианским населением.

Следует заметить, что Черногория в XVI—XVII вв. находилась под верховной властью Порты, но пользовалась широкой автономией и сумела сохранить себя как политическое целое, хотя и на очень урезанной территории. В Черногории, считавшейся султанским хасом, не было владений турецких феодалов, отсутствовала османская административная и судебная системы. Единственный признак вассальной зависимости Черногории от Османской империи в XVIII в. — это довольно редкая уплата харача, соби-

inslav

раемого зачастую при помощи карательных экспедиций, который, полагаем, следует рассматривать скорее как вынужденный откуп, нежели дань. Впрочем, некоторые племена и нахии в отдельные периоды добровольно платили дань Порте. Черногорцы обладали известной долей политической самостоятельности еще с конца XVII в. Вероятно, первым из россиян это обстоятельство заметил П.А. Толстой, отмечавший в путевом дневнике (1698 г.), что вблизи Котора и Пераста "живут вольные люди, которые называются черногорцы. Те люди веры христианской, языка славянского, и есть их немалое число; никому не служат, временем войну точат с турками"[5].

Еще в XVII в. усилился нажим со стороны Порты в целях принуждения черногорцев к регулярной уплате харача и лишения их автономных привилегий. С этого времени почти постоянное военное противостояние с Османской империей станет нормой жизни для черногорцев. Поскольку собственных военных сил для борьбы явно не хватало, Черногория стала искать поддержки и предлагать свою помощь тем государствам, которые вели войны с Турцией. Таким союзником для черногорцев поначалу стала Венеция, с которой они, как с ближайшей соседкой, были тесно связаны. Во время венецианско-турецкой войны 1645 – 1669 гг. (Кандийская война) черногорцы выступили на стороне Республики Св. Марка. Аналогичным образом они поступили в ходе войны Священной лиги с Турцией (Морейская война 1684 – 1699 гг.), а также войны 1714 – 1718 гг.

В 1688 г. черногорцы нанесли поражение войскам шкодринского везира Сулеймана-паши Бушати (Северная Албания). Считая себя свободными от власти Порты, черногорцы приняли венецианский протекторат. В Цетинском монастыре был размещен отряд венецианских войск. Но продолжалось это недолго. В 1692 г. Сулейман-паша вторгся в Черногорию, разбил черногорцев, принудил их к уплате дани, а Цетинский монастырь подверг разрушению[6].

Успешные военные действия России против Турции, присоединение Азова способствовали укреплению престижа России среди южных славян. Во время мирных переговоров с турками на Карловицком конгрессе в 1698 г. русский делегат, видный дипломат П.Б. Возницын поставил на международное обсуждение вопрос о православных подданных султана, предложив внести в мирный трактат специальный пункт о гарантиях свободы вероисповедания православным подданным Османской империи и облегчения податного гнета. Возницын добился только 2-летнего перемирия, но важным было то, что ни турецкие дипломаты, ни другие участники конгресса не выразили протест против выступления русского дипломата в роли защитника православных христиан. Одновременно с этим П.Б. Возницын, не видя желания со стороны Османской империи к длительному, прочному миру, развивал в письме к Петру I идею совместного выступления южных славян против турок: "Еслиб дойти до Дуная, не только тысячи — тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают"[7].

Подписанный в январе 1699 г. Карловицкий мир стал концом целой эры в истории Османской империи, рубежом в истории Балкан. Уже никогда империя османов не будет расширяющейся державой, какой она была на протяжении более чем трех веков и которую знали и боялись христианские страны. Наоборот, постепенно начался период сокращения ее владений в Европе, в том числе и на Балканах, где в начале ее главным соперником станет Австрия, а затем Россия.

inslav

В XVIII в. и борьба черногорцев против турок вступает в новую фазу. Теперь она ведется за полное освобождение из-под власти Порты и создание самостоятельного государства. Руководящая роль в этом длительном процессе принадлежала цетинским митрополитам, и в частности Даниле Шчепчевичу (1697—1735), первому представителю рода Петровичей-Негошей на митрополичьем престоле. Это был решительный, мудрый политический и религиозный деятель, много сделавший для решения внутренних и внешних проблем Черногории.

Следует заметить, что православная религия в Черногории на протяжении столетий способствовала поддержанию и развитию национального самосознания, что было чрезвычайно важно в условиях антитурецкой борьбы. Монастыри в Черногории являлись очагами культуры. В них хранились рукописи, поддерживалась славянская письменность. Попытки распространить в среде черногорцев католицизм и ислам встречали решительный отпор. Но на рубеже XVII—XVIII вв. османская политика исламизации покоренных народов, принесшая успех в соседних Боснии и Албании, стала приносить плоды и в Черногории. Выбор чаще всего был прост: "пей шербет из чаши Магомета, иль по шее топором получишь", — писал об этих временах в поэме "Горный венец" митрополит Петр II Петрович-Негош (1830—1851), бывший к тому же великим черногорским поэтом. И в Черногории появились семьи и братства, принявшие ислам. Некоторые из них стали, другие могли стать проводниками турецкого влияния в стране. Риск был слишком велик. Поэтому, несмотря на то что некоторые черногорцы-мусульмане, когда речь шла об общих интересах, сражались бок о бок с православными черногорцами против турок, владыка Данила принял радикальное решение "в божьем стаде истребить заразу", и в 1707 г. большинство "потурченцев" в Черногории были уничтожены. Другие вновь обращены в православие, некоторым удалось спастись бегством[8]. Это был жестокий, но вынужденный акт. И дело заключалось не в повышенной религиозной нетерпимости, достаточно сказать, что черногорцы имели побратимов в соседних мусульманских землях, а в желании сохранить "малое гнездо свободы сербской", православную религию, самобытное положение своей страны. Ведь вместе с верой люди меняли образ мыслей, идеалы, обретали иные политические ориентиры. Черногория могла раствориться в окружавшем ее мусульманском мире, стать послушным орудием турецкой политики. А этого не желали ни преобладающее большинство черногорцев, ни их владыки. По народному преданию, в дальнейшем воспетому в поэме Негоша "Горный венец", это событие произошло в рождественский сочельник и было единовременным актом, наподобие Варфоломеевской ночи. На самом деле это не более как легенда. В действительности полное избавление Черногории от "потурченцев" происходило постепенно, на протяжении всего XVIII в.

Вместе с тем нельзя сказать, что религия и церковь пронизывали в Черногории все общественные и властные структуры, что народ и его духовные пастыри отличались особой религиозностью и тем более фанатизмом. Многие черногорские священники были весьма невежественны в вопросах богословия и богослужения. Они внешне мало выделялись среди народной массы, ходили вооруженными, снимали оружие лишь на время церковных проповедей, принимали участие в боевых действиях. Основная масса черногорцев была не столько религиозна, сколько невежест-

inslav

венна и суеверна: "Черногорец — этот храбрый воин, неустрашимый враг турок — дрожит как ребенок, если ему приходится проходить ночью мимо кладбища"[9]. Черногорцы боялись проклятия со стороны владыки, которое иногда было более действенным способом наказания за преступление, нежели уголовное преследование.

Православие служило символом народного единения и освободительной борьбы черногорцев. Это идеологическое оружие успешно использовалось Цетинской митрополией и ее владыками, поскольку церковь в Черногории была в большей степени политической, нежели религиозной организацией. В сознании черногорцев православие и свобода слились в единое целое. Это воплотилось и в кличе черногорцев, с которым они шли в бой: "За честный крест и свободу золотую!"

Черногория при митрополитах не являлась теократическим государством, поскольку в ней никогда не существовало определяющего влияния церкви на законодательство. Долгое время жизнь черногорского общества регулировалась нормами обычного права, а с конца XVIII в. письменным законодательством, где отсутствовали какие-либо законоположения теократического характера.

Вплоть до провозглашения Черногории княжеством (1852 г.), в стране происходило постепенное формирование института монархии. До этого, при митрополитах, на наш взгляд, существовала примитивная республиканская форма правления со значительными элементами патриархального уклада в общественной жизни[10].

Органом высшей власти в Черногории издавна являлся Общечерногорский збор, преемник средневековых сербских саборов, которые вели свое происхождение от народных собраний периода военной демократии, а затем скупщина, которая со второй половины XVIII в. становится собранием старейшин — представителей различных нахий и племен. Русский дипломат С.А. Санковский, выполнявший в Черногории и Которской области в 1805—1807 гг. различные поручения российского правительства, отмечал в донесении в МИД, что черногорский народ, собранный на "генеральный сейм... заступает лицо и имеет власть государя", и все распоряжения каких-либо иных органов правления считаются недействительными, "если оный народ их не утвердит; равно как без его согласия не могут существовать и быть постановлены законы; без его ведомства не можно также иметь с чужестранными дворами сношения, и от его решения зависит, начать войну или сделать мир"[11]. В компетенцию збора, а затем скупщины, входило разрешение всех наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешних отношений (выборы митрополитов, губернаторов, сердаров, воевод и пр.), и с конца XVIII в. народное собрание избирало правительство и выполняло законодательные функции. Черногорский митрополит Василий Петрович в 1753 г. в письме к канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину прямо указывал, что после прекращения правления династии Црноевичей (Черноевичей, правителей средневековой Зеты) Черногория стала "республикой под владением своего митрополита", оставаясь таковой и в дальнейшем. О Черногории как о республике говорилось и в одном из проектов черногорско-австрийской конвенции 1779 г.[12].

Оценивая республиканское устройство Черногории, следует отметить, что для Европы нового времени государственный строй Черногории

inslav

был явлением примитивным, архаичным. По нашему мнению, республиканский строй Черногории в определенной степени напоминал ту форму республиканского устройства, которая известна еще со времен античной Греции. Черногория при митрополитах во многом напоминала республиканскую Спарту. Кроме прочего, Спарту и Черногорию сближало и то обстоятельство, что оба эти государства в значительной мере были изолированы от внешнего мира и представляли собой военизированные общества, поскольку военный характер был присущ спартанской общине, а черногорское племя являлось не только административно-территориальной единицей, но и военно-политическим объединением. Следует также отметить, что республиканской Спарте, находившейся, как и Черногория, на раннеклассовом этапе общественного развития, были присущи значительные остатки родового строя, черты которого сохранялись и в Черногории. Причем если для Спарты (как, впрочем, и других античных республик) это было естественное состояние общества, совершавшего переход от родового строя к государству, то для Черногории родоплеменные черты общественной жизни и политического строя являлись в большей мере следствием других причин. На их реанимацию в свое время повлияло османское завоевание и исторически сложившаяся затем изолированность страны, ставшая причиной регресса общественной и хозяйственной жизни. Однако оживление патриархального уклада не привело к утрате черногорцами государственности.

Разумеется, проводить полную аналогию между Черногорией и Древней Грецией не следует. Черногория XVIII в., безусловно, отличалась от античных обществ социальной структурой; существовали и многие другие отличия, обусловленные разными временными эпохами. Архаичный республиканский строй Черногории резко отличался и от республик на тех же Балканах. Дубровник, а позже Ионическая республика находились на гораздо более высокой ступени политической организации.

Тяжелейшие экономические условия, нередко ставившие черногорцев на грань выживания, постоянное военное противостояние с Турцией — все это объективно препятствовало культурному развитию страны. В Черногории подавляющая часть населения, включая старейшин, была неграмотной. Однако это не означало, что духовная жизнь в стране замерла. В народной среде сохранились старые обычаи, язык. Культурные традиции в XVIII в. не только не были утрачены, но и развивались, творчески обогащались.

Важнейшей составляющей духовной жизни черногорского общества XVIII в., впрочем, как и ранее, был народный эпос. Носителями живой эпической традиции были певцы-гусляры, которые сами нередко являлись творцами песен. Выдающийся исследователь Черногории П.А. Ровинский отмечал: "В Черногории каждый мальчик, начиная хватать отцовское оружие, в то же время хватается и за гусли; а с гуслями, конечно, живет и эпическая песня". Можно сказать, что в рассматриваемый период все черногорское общество составляло своеобразную эпическую среду. Песни в исполнении гусляров звучали и в сельском доме, и в резиденции черногорских владык. Митрополит Петр I Петрович-Негош, о котором еще пойдет речь, сам владел гуслями и сочинял песни. В частности, он являлся автором песни "Чуприлич", повествующей об ужасающем разгроме Черногории турками в 1714 г.

inslav

Под гусли исполнялись исключительно "юнацкие песни", воспевавшие того или иного героя, то или другое историческое событие. Черногорские песни в абсолютном большинстве современны описываемым событиям. Чаще всего они создавались по горячим следам произошедшего и в среде, которая сама активно участвовала в этих событиях, была творцом черногорской истории.

Безусловно, в черногорском эпосе присутствовал поэтический вымысел, поскольку черногорская эпика — это не буквальная хроника совершившегося, а его художественное переосмысление, в котором тесно переплетались реальность и фантазия.

Обращаясь к военной тематике, которая в той или иной форме постоянно присутствовала в песнях, заметим, что черногорская эпика допускала возможность сюжетов на тему военного поражения. Если черногорцы были разбиты врагом, то народная песня не скрывала этого, и в ней присутствовали имена павших в бою храбрецов[13]. Но, безусловно, в эпических песнях преобладали сюжеты, ориентированные на воспевание полной победы, внешне достигаемой без больших усилий, демонстрирующей превосходство черногорцев в искусстве "малой войны" и в воинских доблестях: песенные юнаки разбивают турок, обращают их в повальное бегство, убивают, пленяют, захватывают большую добычу. В рамках сложившейся на протяжении XVIII в. сюжетно-композиционной структуры песен получает разработку новая эпическая тема — тема карательного или освободительного похода, организованного и направляемого из Цетинье и осуществляемого во имя решения общенародных и общегосударственных задач. В таком случае сюжет обычно построен на том, что военная экспедиция направляется по распоряжению черногорского владыки, его послания рассылаются по различным племенам и нахиям и собравшееся войско представляет собой объединенную грозную силу. Самому замыслу похода придается государственный размах. Таким образом, происходившие в Черногории на протяжении XVIII в. сложные и противоречивые процессы консолидации черногорского общества и централизации власти находили отражение и в эпосе.

Огромная заслуга в деле собирания черногорских эпических песен принадлежит С. Милутиновичу, В. Караджичу, Петру II Петровичу-Негошу, которые еще в первые десятилетия XIX в. ознакомили европейскую науку с черногорским эпосом. Только составленная Петром II Негошем песенная антология насчитывает свыше 30 произведений устного народного творчества, создание которых относится к XVIII в.

В народном эпосе XVIII в., так или иначе, зафиксированы все наиболее значимые в черногорской истории события этого столетия. В эпической песне рисуется удаль, воинская хитрость и смелость черногорских юнаков. Так, в песне "Царев Лаз" описывается, как в турецкий лагерь проникают три черногорца-лазутчика и обманным путем выведывают у турок численность их войска. Затем они уходят, кроме одного, ставшего у турок проводником: он ведет турок дорогой, о которой успел предупредить черногорцев, а те узнают о приближении врага по громкому пению проводника[14]. Те же мотивы — в песне о разгроме и гибели шкодринского (скадарского) везира Махмуда-паши Бушати (1796 г.):

Закуковала кукушка черная
Посреди твердыни Скадара, на Бояне...

inslav

Воспевание освободительной борьбы присутствует в цикле эпических песен об Арапине (Арап, Черный Арап), обобщенном образе турка, и о герое южно-славянского эпоса Марко Кралевиче. В черногорских версиях песен о Марке Кралевиче его готовность к компромиссу с турками всегда является мнимой, а его кажущееся смирение — лишь хитростью, уловкой в целях обмана врага[15]. С точки зрения черногорцев, не считавших себя покоренными турками и находившимися с ними в состоянии постоянной конфронтации, фигура Марко Кралевича воплощала героизм и силу той части сербского народа, которая, даже находясь под турецким игом, продолжала вести борьбу. А в специфических условиях этой борьбы допустимы и притворство, и компромисс.

В конце XVIII — первой четверти XIX в. особой известностью пользовался Джуро Милутинович Черногорец, слепой гусляр, неоднократно выполнявший поручения митрополита Петра I Петровича-Негоша (1784—1830). Вук Караджич записал с его слов шесть песен, среди них — "Три пленника" и "Бактич Перович", которые относятся к черногорской песенной классике[16]. В песне "Три пленника" весь сюжет построен на гибели двух попавших в албанский плен юнаков и спасении третьего. В песне все происшедшее трактуется не как игра слепого случая, а как следствие жизненных позиций пленников. Двое первых не выдерживают проверки на истинно героический характер: одному жалко молодую жену, с которой он так и не успел намиловаться, другому — старых родителей, которые после его смерти останутся без помощи. И только третий юнак — воевода Вуксан из Роваца, у которого есть и жена, и мать-старуха, — горюет только оттого, что погибает не оставив сына ("юнацкую замену"), который мог бы отомстить ненавистному врагу. Пассивная позиция двух первых пленников приводит их к закономерной, по замыслу песни, гибели от рук палача, а Вуксан, чье поведение целиком соответствует юнацкому кодексу чести, бежит из плена, уничтожая при этом десятки врагов, и он:

Прибежал домой живым-здоровым
Старой матери своей на радость
И на счастье всей дружине нашей

Песня о Батриче Перовиче, создание которой датируется самым началом XVIII в., увязана с сюжетно-тематическим циклом мести за гибель родственников. Батрич Перович, один из сыновей Перы Вучичевича, кнеза села Залюти из племени Цуце (Катунская нахия), был убит герцеговинскими мусульманами-потурченцами. За смерть Батрича мстит его брат Радул. Поймав предводителя отряда "турок" Османа Чоровича, чей род имел славянские корни, Радул не поддается на его мольбы о сохранении жизни, несмотря на то что сам Чорович непосредственным убийцей не был, а лишь отсек голову с трупа, став тем самым соучастником убийства. Для черногорца-юнака как в песне, так и в жизни, соучастие в убийстве было равносильно самому убийству. Месть является справедливой карой, и поэтому для Радула все уговоры бессмысленны:

Из-за пояса нож вынул Радул
И отсек он голову Осману

В финале песни торжествующий отец радуется, что гибель одного из его сыновей не осталась без возмездия. Честь семьи спасена, брат отомстил за брата:

inslav

И промолвил Вучичевич Перо:
"Благо мне сегодня и навеки,
Что дождался я еще при жизни,
Как мой Радул отомстил за брата!"
Попрощался и с душой расстался.
Умер он, душа его спокойна,
Бог в раю ему дал новоселье,
Остальным здоровье и веселье!

В черногорском эпосе присутствует и русская тема, поскольку история русско-черногорских отношений в XVIII в. давала певцам богатый материал для ее разработки. Так, в одной из лучших песен этого цикла "Иво Подгорица и Мехмед Арапин" традиционный для всего южно-славянского эпоса сюжет о поединке с чудовищем получил новое освещение в специфически черногорском духе. Мифологические события, описанные в песне, хронологически относятся к концу XVIII в. Специфика данной песни в том, что притеснения со стороны Арапина — чужеземного насильника — претерпевает здесь "Московия славная", которую Арапин обложил непомерной данью. По сюжету спасителем русской земли оказывается черногорский юнак Иво Подгорица, за помощью к которому обращается "русинска царица". В песни есть эпизод встречи Иво с царицей, которая, принимая его, спрашивает:

Скажи правду, заклинаю тебя твоим здоровьем:
Что за место Подгорица
И благодатная Зета?
И какова церковь в Цетинье?

Иво описывает царице красоту Черногории, рассказывает о страданиях, которые терпит его родина от турок.

В Петербурге Иво вступает в поединок с Арапином, отрубает ему голову и с щедрой наградой возвращается домой.

Исследователь черногорского эпоса Б.Н. Путилов справедливо отмечал, что для черногорцев, находившихся в состоянии постоянной борьбы с турками и получавших в этой борьбе поддержку от России, особого значения был исполнен сюжет о помощи их юнака попавшей в беду русской земле[17].

Любопытно, что этот герой черногорского эпоса имел своего реального прототипа. Согласно народному преданию, житель Подгорицы Иво убил в ссоре турка, был вынужден покинуть родину и, в конце концов, добрался до России. Там он поступил на военную службу, получил от Екатерины II награды и земли, стал графом и помещиком Харьковской губернии. Несомненно, это был переселившийся в Россию вместе с другими черногорцами в конце 50-х годов XVIII в. Иван Подгоричанин, впоследствии генерал-майор русской службы, активный участник русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Заложенная в глубокой старине, черногорская эпическая традиция на протяжении XVIII в. развивалась, крепла и творчески обогащалась. Эпическая песня стала неотъемлемой частью духовной жизни черногорского народа, частью его этнического самосознания. И в начале XX в. П.А. Ровинский замечал, что "народ по-прежнему поет свои старые, но не стареющие песни".

В Черногории устное народное творчество не ограничивалось только рамками героического эпоса. Оно проявилось и в лирических, свадебных,

inslav

колыбельных, шуточных песнях, а также в многочисленных сказках на самые разнообразные сюжеты, в пословицах, поговорках и т.п.

Внутренняя жизнь Черногории в XVIII в. представляла собой почти беспрерывную цепь междоусобиц: "Племена катун бились с племенами Реки и Цермницы, пиперы воевали с белопавличами, а белопавличи в то же время с катунянами; морачане с ровчанами, которые опять же бились с белопавличами и пиперами...", — писал выдающийся русский славинист П.А. Ровинский[18]. Кровная месть унесла в Черногории, возможно, больше людей, чем их пало в борьбе с турками, полагает югославский историк Р. Драгичевич. Постепенно становилось очевидным, что для успешного сопротивления османскому натиску необходимо единение всех внутренних сил страны. Только оно могло укротить межплеменную вражду, ускорить создание более совершенного экономического базиса для развития государства.

Церковь, в лице Цетинской митрополии, часть старейшин отдавали себе отчет в том, что успешная освободительная борьба неотделима от внутренних преобразований, направленных на ликвидацию родоплеменных пережитков. Преодоление сепаратизма и создание централизованного государства было процессом длительным и сложным у всех народов. В Черногории его спецификой являлось учреждение в первую очередь общечерногорских судебных органов.

Идя по этому пути, митрополит Данило в 1713 г. создал общечерногорский суд из 12 старейшин во главе с В. Вукашиновичем, известный в югославской историографии как "Суд владыки Данилы". Этот общегосударственный орган власти проделал полезную работу, направленную на объединение черногорских племен и пресечение межплеменной розни. На состоявшемся в 1723 г. Общечерногорском зборе было принято решение, дающее право членам суда производить конфискацию имущества преступников, применять иные суровые меры наказания.

На страже Черной Горы

Государственная деятельность Данилы неотделима от его многогранной внешнеполитической. Об этом свидетельствуют важные изменения, произошедшие в первые десятилетия XVIII в. во внешней политике Черногории. Хотя венецианское влияние в стране оставалось значительным, но постепенно среди черногорцев нарастало недовольство и разочарование политикой Венеции, поскольку воюя на стороне республики с турками, неся при этом значительные людские и материальные потери, черногорцы не получали от Венеции помощи для решения задач своей освободительной борьбы. Одновременно с этим усиливались среди черногорцев надежды на Россию, которая, вступая в войну с Османской империей, стала проявлять заинтересованность в расширении своего влияния на балканские народы, в том числе и на черногорцев.

В ноябре 1710 г. Турция объявила войну России. Начиная в 1711 г. Прутский поход, Петр I рассчитывал на антиосманское выступление балканских народов, по этой причине он обратился к балканским христианам с призывом оказывать помощь русским войскам. Черногория вдавалась клином в турецкие владения и вследствие этого могла служить важным пунктом для военных операций на Балканах, в том числе

inslav

и на Адриатическом побережье, где ей пока еще принадлежали малые владения. Таким образом, военно-стратегическое положение Черногории, воинственность ее населения, делало Черногорию ценным союзником России.

С грамотой Петра I, содержащей призыв православных вспомнить о былой славе балканских христиан и, объединив свои силы с русским войском, прогнать турок "в старое их отечество, в пески и степи аравийские", в марте 1711 г. в Черногорию были направлены полковник Михаил Милорадович и капитан Иван Лукачевич. Оба российских эмиссара были профессиональными военными и хорошо ориентировались в местной обстановке, поскольку Милорадович был герцеговинским сербом, а Лукачевич уроженцем Подгорицы.

Грамота Петра I была зачитана в доме митрополита Данилы, где одновременно состоялось совещание 24 влиятельнейших черногорских старейшин, и было принято единодушное решение: "С первой вестью о русском наступлении выступить против войск Османской империи"[19].

Кроме того, специально отобранные люди доставили грамоту Петра I (которую они называли "царевым письмом") в самые отдаленные уголки Черногории, Брды и Герцеговины, а также все монастыри.

Черногорцы сдержали свое обещание. Летом 1711 г. начали боевые действия против турок. Назначенный главнокомандующим М. Милорадович и митрополит Данило возглавили войско, насчитывающее, по их уверениям, около 30 тыс. бойцов. К черногорцам примкнули герцеговинцы и брдяне. Вначале боевые действия югославянских союзников России проходили успешно. 15 июня турецкие войска были разбиты у Гацко (Герцеговина)[20]. Однако отсутствие артиллерии, достаточного количества боеприпасов не дало возможности овладеть такими опорными и хорошо укрепленными пунктами, как Никшич, Спуж, Требинье, Грахово. Сказывалось и то, что черногорцы, как и брдяне, прекрасно воюя в горных условиях, не имели опыта осады городов и крепостей. Нехватка вооружения была вызвана и тем, что Венеция, опасаясь усиления влияния России на Балканах, не только не поддержала антитурецкие выступления югославянских народов, но и установила блокаду Далматинского побережья. Так как венецианцы контролировали весь вывоз и ввоз оружия, то они сделали все, чтобы оно не проникло в Черногорию.

Надо сказать, что венецианские власти сразу же по приезде Милорадовича в Черногорию отнеслись враждебно к готовности югославян встать на сторону России и участвовать в антитурецкой борьбе. Генеральный провидур (гражданский губернатор) Далмации К. Пизани замечал по этому поводу: "Для венецианской республики гораздо лучше граничить с мусульманской, чем с московской религией". Католическая церковь видела в этом опасность для своих интересов. Барский архиепископ В. Змаевич (родной брат сподвижника Петра I, вице-адмирала русского флота М.Х. Змаевича, уроженца г. Пераста) считал, что победа православных над турками была бы потерей для католичества. Он обратился в Рим к папе, объявляя митрополита Данилу главным виновником начавшихся боевых действий южных славян в союзе с посланцами русского царя, которые следует признать в целом успешными[21]. Укрывшиеся в городах турецкие войска были изолированы и разобщены. Однако эти военные успехи не получили дальнейшего развития из-за неудачного для России

inslav

Прутского похода и заключения мира с турками (июль, 1711 г.), ликвидировавшего результаты Азовских походов и Константинопольского договора 1700 г.

Черногорцы долго не хотели верить доходившим известиям о Прутском договоре и продолжали воевать с турками. В июле 1712 г. они разбили турецкие войска при Царевом Лазе. События на Пруте нашли отражения в черногорском эпосе. В народной песне отмечалось, что Петр I заключил мир "с турком не по воле, но по неволе", и, узнав об этом, "заплакал и мал, и велик, всяк жалел царя православного"[22].

Порта не могла простить черногорцам всего произошедшего. В том же 1712 г. 20-тысячное турецкое войско под командованием Ахмеда-паши напало на Черногорию, опустошило Цетинье и разрушило монастырь. Вскоре после этого русские эмиссары покинули Черногорию, но отношения с черногорцами и их владыками не прервались. В ноябре 1713 г. митрополит писал Петру I, прося у него решительного ответа, что делать черногорцам. "Мы с неприятелями до сих пор еще верного мира не имеем, — писал митрополит, — также и венециане озлобляют нас тайным лукавством, сносятся с турками к нашему вреду, не пропускают купцов ни своих к нам, ни наших к себе; торговля остановилась и народ живет в тесноте и скудности. Премилостивейший государь, царь непобедимый! Призри на озлобление наше, наставь нас, что нам делать! И как от врагов наших спасение получить?" С этого времени черногорский митрополит окончательно становится приверженцем России. В том же 1713 г. в письме к своему брату Раде Данило подчеркивал: "Я — Москвы, Москвы, Москвы. Говорю, говорю, говорю: чей я — того и вся земля". Отныне Россия для черногорцев стала символом веры и надежды в их освободительной борьбе, деле государственных преобразований, а культ Петра Великого навсегда утвердился в сознании черногорцев и их церковных иерархов.

В 1714 г. турки повторили карательный поход против Черногории. На сей раз 30-тысячное войско возглавил боснийский везир Нуман-паша Чуприлович, который огнем и мечем прошел по всей Черногории. Везир отдал войскам приказ сравнять без пощады с землей Черногорию, отсечь как можно больше голов и чтобы даже "камень на земле, которую покорили, сделался красным от крови черногорской". Эта карательная экспедиция стала наиболее опустошительной для страны. Тысячи людей были убиты, многие пленены, были разрушены церкви и монастыри. Вновь была захвачена резиденция митрополитов — Цетинский монастырь. Более всего от турок пострадала Катунская нахия, которая всегда была центром сопротивления врагу, символом освободительной борьбы черногорцев. Никогда черногорцы, ни до ни после, не испытывали подобного поражения. Кровавая "Нуман-паши година" надолго запала в народную память.

Ферман султана Ахмеда III предписывал взять митрополита Данилу живым и доставить в Стамбул для последующей казни. За владыкой была устроена настоящая облава. Поэтому он вынужден был бежать из Черногории и укрыться в венецианских владениях (Бока Которская), одновременно около 600 черногорцев, не пожелавших покориться туркам, нашли себе убежище в своих непреступных горах[23]. В связи с этим Порта настояла на закрытии Венецией границы, что еще более ухудшило и без того крайне тяжелое положение черногорцев.

inslav

Митрополит Данило из Боки Которской отправился в Вену, а затем в Петербург, куда он прибыл в апреле 1715 г. Черногорский владыка получил аудиенцию у Петра I и подал прошение царю. В нем митрополит ходатайствовал об установлении покровительства России над Черногорией, выделения денежной помощи пострадавшим от турецкого нашествия черногорским монастырям, богослужебных книг и церковного облачения, а также награждения особо отличившихся черногорцев, участников антитурецкого восстания. В ответ на просьбы черногорского владыки в июле 1715 г. царь издал жалованную грамоту, в которой Петр I благодарил своих южно-славянских союзников за помощь в войне с Османской империей. Российский монарх замечал, что потребовавшая больших затрат "нынешняя дологопротяжная с еретиком королем шведским война" не дает ему возможности по достоинству наградить всех. Все же черногорцы награждались 160 золотыми медалями с портретом Петра I, 5 тыс. руб. "на воспоможение разоренным людям". Кроме того, митрополит Данило получил 5 тыс. руб. на восстановление монастырей и оплату военных долгов. Поскольку Россия в то время находилась в мирных отношениях с Османской империей, Петр I призывал всех югославян, в том числе и черногорцев, соблюдать мирные отношения с турками, но быть готовыми по первому зову России вновь вступить в антитурецкую борьбу. Зная, что Черногория разорена турками и как при этом пострадал Цетинский монастырь, Петр I специальной грамотой установил постоянную субсидию Цетинскому монастырю (500 руб. каждые три года). Из России Данило увозил не только официальные награды и подношения, но и приобретенные им лично в Москве, где он остановился по пути на родину, книги. Это были антираскольническая "Скрижаль" (1655 г.), "О священстве" Иоанна Златоуста (1664 г.), а также такое раритетное издание, как оформленная гравюрами на меди по рисункам Симона Ушакова "История о Варлааме и Иосафе" Симеона Полоцкого (1680 г.), вымышленный герой которой, индийский принц Иосаф, и его духовный наставник старец Варлаам вошли в православный календарь. Любопытно заметить, что пустынник Варлаам на одной из гравюр изображен в более традиционном иконном стиле, а Иосафу преданы черты царя Федора Алексеевича. Таким образом, рождалась ассоциация с наставлениями Симеона Полоцкого юному царю, учителем которого он был[24].

Со времени поездки Данилы в Россию и черногорцы, и их владыки стали считать, что Черногория находится под покровительством единоверной и единокровной России. Политические отношения между Черногорией и Россией на протяжении XVIII в. развивались, крепли, особенно в периоды русско-турецких войн. Разумеется, Россия, содействуя косвенно или прямо освобождению балканских народов от османского порабощения, решала в первую очередь свои задачи, связанные с обеспечением безопасности южных границ, изменением в свою пользу режима Черноморских проливов, вопрос о которых впервые был поднят русской дипломатией еще на Карловицком конгрессе. Вместе с тем постоянно возрастающее в XVIII в. влияние России на Балканах вело к ослаблению Османской империи, способствовало развитию освободительного движения балканских народов, в том числе и черногорцев.

Установление политических связей между Россией и Черногорией оживило и церковные взаимоотношения между Цетинской митрополией

inslav

и русским Синодом. Черногорская церковь стала получать из России церковное облачение для священников, в том числе и владык, церковные книги и пр. Россию стали посещать не только митрополиты, но и другие священнослужители. Черногорскому духовенству разрешалось собирать пожертвования в русских храмах.

Возвращаясь на родину через Вену, митрополит Данило встретился с принцем Евгением Савойским. Во время их беседы обсуждался план привлечения Черногории к антитурецкой борьбе в условиях уже начавшейся войны Австрии и Венеции против Османской империи[25]. Эта встреча митрополита со знаменитым австрийским полководцем положила начало установлению связей Черногории и Австрии.

Прорусская ориентация Черногории не препятствовала сохранению довольно тесных отношений с Венецией. К этому обязывало близкое соседство, а также зависимость Черногории от рынков венецианского Приморья. Кроме того, когда Венеция вступала в войну с Турцией, этим извечным врагом Черногории, черногорцы забывали прежние обиды и проявляли готовность воевать против общего неприятеля.

Во время войны 1714—1718 гг. решением збора (1717 г.) Черногория вновь встала под политическую защиту Республики Св. Марка и оказала значительную помощь венецианцам в военных операциях в Далмации, что в конечном итоге имело для Черногории сугубо отрицательный результат. Как уже отмечалось, после победы Австрии и Венеции над Османской империей по Пожаревацкому миру (1718 г.) Черногория потеряла выход к Адриатическому морю. Как ни парадоксально, но тогда для Черногории объективно было выгоднее не ввязываться в эту войну, или чтобы Турция, этот главный враг Черногории, одержала в ней верх. В таком случае для Черногории сохранялся статус-кво, а перешедшие под власть Венеции приморские общины остались бы в составе Черногории. Новые хозяева черногорского Приморья ничем не компенсировали Черногории важнейшие для ее экономики и народонаселения территориальные потери. Кроме того, венецианцы в конечном итоге оказались далеко не лучшими соседями. Их власти поощряли междоусобицы и сепаратизм в Черногории, тайно провоцировали пограничные конфликты своих подданных и черногорцев, оставаясь при этом в тени. Венеции не была нужна сплоченная и сильная Черногория, в этом случае она могла стать ее серьезным соперником, способным повести за собой значительную часть славянского населения венецианских владений. Нестабильная, раздираемая внутренней враждой Черногория была более приемлема для венецианцев. Помощь, которую Черногория оказала Венеции, вызвала в Турции на нее озлобление, что сулило черногорцам новые конфликты с Османской империей.

В 1717 г. по предложению Венеции черногорцы ввели светскую должность губернатора (гувернадура), функции которого вначале ограничивались внешней политикой, но в дальнейшем губернаторы стали небезуспешно претендовать на светскую власть, и их роль в народных собраниях иногда была определяющей. Первоначально должность закрепилась за семейством Вукотичей, а затем перешла к Радоничам, которые вступят в политическое соперничество с митрополитами. Губернатору и ряду племенных старейшин власти Венеции установили денежную плату, что делало их проводниками венецианской политики. Впрочем, губернаторы не все-

inslav

гда придерживались сугубо провенецианской ориентации в политике. В дальнейшем, при удобном случае, они проявляли готовность сотрудничать и с Россией, не порывая при этом тесных связей с Венецией, а затем и Австрией.

Митрополит Данило никогда не испытывал каких-либо особых симпатий к Венеции, но под влиянием обстоятельств вынужден был сотрудничать с сеньорией. Еще в 1707 г. генеральный провидур Далмации сообщал сенату, что владыка Данило является "большим недругом Венецианской республики". При Даниле отношения между Черногорией и Венецией не были искренними с обеих сторон: каждая сторона преследовала свои цели. Черногория рассчитывала при помощи Венеции добиться успехов в освободительной борьбе. В свою очередь, Венеции черногорцы были нужны только как активная и хорошо подготовленная военная сила. В конечном итоге в выигрыше оказалась Венеция, по-своему "отблагодарившая" черногорцев. Пожаревацкий мир положил конец тесному сотрудничеству Черногории с Венецией. С этого времени большинство черногорцев рассматривало Республику Св. Марка как ненадежного партнера, с которым вынужденно, под давлением обстоятельств, приходится взаимодействовать. Понимали изменившуюся ситуацию и венецианцы. В июле 1729 г. власти Далмации предупреждали дожа, что митрополит Данило, "поощряемый русским золотом, внушил черногорцам преданность царю в ущерб Венеции".

После смерти Данилы в 1735 г. его преемником на митрополичьем престоле стал Савва (1735 – 1781), проявивший себя безвольным и слабым политиком. С его приходом к власти "племена вновь вскочили одно на другое, кровавая месть заступила место решения судом, всюду начались воровство и грабежи, никто не чувствовал себя безопасным", – писал П.А. Ровинский[26]. Следует заметить, что в Черногории племенная мораль наиболее тяжкими преступлениями считала те, которые были направлены против обычаев и религии. Кровная месть рассматривалась черногорцами как обычай, поэтому она не осуждалась общественным мнением. Простить убийцу могли только родственники жертвы кровной мести. Обычай также предоставлял возможность убийце откупиться деньгами за совершенный акт кровной мести. Идя на поводу у племенных обычаев, Савва, случалось, даже оправдывал кровную месть. Так, например, он весьма безхитростно аргументировал убийство черногорцем из-за кровной мести приморца из племени побори тем, что племя бедное и может рассчитаться только головой родича. При его предшественнике также существовала межплеменная рознь и кровная вражда, однако митрополит Данило не оправдывал этих пагубных влияний, наоборот, по мере сил боролся с ними.

Вместе с тем Савва проявил себя как рачительный хозяин, заботившийся о приумножении церковного имущества. Как свидетельствуют документы, Савва скупал земли у крестьян-общинников для Цетинского и других монастырей. При этом, однако, следует заметить, что некоторые черногорцы уступали свою землю с условием, что они сами и их семьи находились на содержании монастыря до смерти. Кроме того, как замечал митрополит Петр I Петрович-Негош, для многих черногорцев Цетинский монастырь являлся "домом общенародным, корчмой бесплатной". А для этого нужна была земля, урожай с которой шел не только на нужды церкви.

inslav

Во внешней политике митрополит Савва попеременно придерживался то прорусской, то провенецианской симпатий. В 1729 г. генеральный провидур Далмации Д. Дольфини сообщал республике, что владыка Савва искренне предан России "по вере и по завещанию своего дяди", и считал его человеком опасным для Венеции. Несколько позже другой провидур — Ф. Гримани — замечал, что у Саввы "в сердце укреплена преданность Венеции"[27]. В дальнейшем провенецианская ориентация Саввы усилилась. Немалую роль в этом играли губернаторы, действующие на слабохарактерного митрополита.

Во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. черногорцы поначалу не проявили какой-либо военной активности. За это сербский патриарх Арсений IV упрекал черногорцев: "Удивляет меня Черногория, когда государства живут в мире, тогда вы воюете против врагов христианства, а сейчас сидите тихо и не подаете голоса". Словно устыдившись этого укора, черногорские четы в 1737 г. совершили много боевых рейдов в Герцеговину.

После окончания русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Порта вновь инспирировала карательные экспедиции против Черногории. Об этом русского резидента в Константинополе А.А. Вешнякова в сентябре 1742 г. обстоятельно проинформировали черногорские старейшины. В своем обращении они сообщали, что турки, "воздвигнув неукротимый гнев", атаковали Черногорию с трех сторон: из Боснии, Северной Албании и из турецких владений в Приморье (Ульцин, Бар). Кроме ставших уже привычными для черногорцев опустошений пограничных сел, грабежей и массовых убийств, разграблений и разрушений церквей, мусульмане из Подгорицы захватили принадлежавшие Цетинской митрополии пахотные земли, виноградники, водоемы и рыбные места на Скадарском озере. Одновременно с этим, информировали старейшины, венецианцы "на нас мерзят, москвитами зовут и турок на нас острят". Возлагая все надежды только на Россию (ибо "боитсе турски султан царства Московского яко же заец великого орла"), черногорские "поглавари" просили: 1) чтобы турки никогда впредь на Черногорию не нападали, а Черногория не платила туркам дань; 2) чтобы императрица написала в Венецию, и венецианцы перестали "злотворения чинить Черной Горе"; 3) добиться у султана возвращения земель, принадлежащих церкви Св. Троицы в Горичанах и Св. Богородицы в Коме.

Для реализации всего этого старейшины считали необходимым приезд в Подгорицу специального турецкого посланника от султана в целях установления мира между турками и черногорцами. По мнению Г. Становевича, идея о свободной Черногории, которую привнес в черногорские племена владыка Данило, "получила сильный импульс в обращении черногорских старейшин: опираясь на Россию добиться своей независимости". Кроме прочего, черногорские старейшины в письме к Вешнякову излагали свое видение освобождения сербского народа от турецкого ига. Они увязывали это с войной России против Турции и вступлением русских войск в "сербскую землю, на поле Косово". Тогда бы все христианство было "едино и заодно" и возникла бы мощная христианская держава "от моря и до моря". Таким образом, черногорское руководство проявляло заинтересованность не только в окончательном освобождении своей родины из-под власти Порты, но и стремилось при помощи России осво-

inslav

бодить всех сербов от османского ига (черногорцы в XVIII – XIX вв. не отделяли себя от сербов, хотя и осознавали свою специфику).

В ответных письмах к митрополиту Савве и черногорскому збору А.А. Вешняков советовал проводить сдержанную политику в отношении Турции и жить в мире с турками и венецианцами. Эта позиция объясняется нежеланием русского правительства обострять отношения с Турцией. Слабевшая Османская империя могла еще продемонстрировать Европе умение ожесточенно сопротивляться. Даже гром побед над Азовом, Яссами и Ставучанами в войне 1735 – 1739 гг. не может оправдать тяжелейшие потери в ходе русско-турецкой войны, которая унесла около 100 тыс. человеческих жизней и стоила России многих миллионов рублей. И в Петербурге помнили об этом. Поэтому не только в отношении Черногории, но и Балкан в целом Россия проводила осторожную политику, не желая раздражать Порту, ревниво относящуюся к возраставшему влиянию России на балканские народы[28].

Все же Вешняков, объясняя Савве, как трудно заступаться российскому дипломату за черногорцев, преследуемых за преданность России, обещал "тайно и издалека и посторонним образом, хотя малую им помощь подать". Одновременно он обещал митрополиту содействовать переселению особо гонимых черногорцев в Россию. Информируя Петербург о том, что черногорцы действительно претерпевают "великое гонение с обеих сторон" (т.е. Турции и Венеции) А.А. Вешняков, отмечая "необузданную храбрость" черногорцев, предлагал их поселить "по линии к Крыму... для всяких впредь случаев". Императрица не возражала против переселения партии черногорцев в Россию, хотя и опасалась, что Порта будет добиваться их выдачи. Одновременно Елизавету Петровну волновало и то, что переселение черногорцев создает прецедент для "переманивания" в Турцию татар и калмыков. Предупреждая своего резидента от "излишних обнадеживаний", она вместе с тем предписывала Вешнякову при случае помогать черногорцам при дворе султана. И в дальнейшем российский резидент, по мере возможности, оказывал помощь черногорцам.

Когда Елизавета Петровна инструктировала Вешнякова, в Петербурге уже находился митрополит Савва, куда он прибыл в апреле 1743 г. Во время отсутствия Саввы его замещал племянник, архимандрит Василий Петрович, сыгравший в дальнейшем значительную роль в истории Черногории, развитии русско-черногорских связей.

Сразу же по прибытии в русскую столицу митрополит Савва направил письменные обращения в Коллегию иностранных дел и Елизавете Петровне. В представлении на имя императрицы черногорский владыка перечислял те жертвы, какие понесла его родина, выступив по призыву Петра I в 1711 г. на борьбу с турками. Савва просил ликвидировать задолженность по субсидии Цетинскому монастырю и выражал надежду на ее регулярную выплату в дальнейшем[29].

Удовлетворить просьбы митрополита не составляло труда, поскольку они не касались политических проблем, которые могли бы поставить русское правительство в затруднительное положение, обострив отношения России с Турцией. По указу императрицы задолженность Цетинскому монастырю за 21 год (1722 – 1743) по линии Синода в сумме 3 тыс. 500 руб. была выплачена. Было также выдано 3 тыс. руб. на "вознаграждение народа" и на восстановление церквей и монастырей, а также 1 тыс. руб. ком-

inslav

пенсации путевых издержек митрополита и его свиты. Помимо этого Синод выделил два патриарших облачения, архиерейскую шапку и церковные книги на сумму в 350 руб. Получив все, что было положено, и проведя зиму в Петербурге, осенью 1744 г. митрополит Савва вернулся на родину.

Несмотря на то что официально миссия Саввы Петровича не носила политического характера, она, несомненно, способствовала дальнейшему развитию русско-черногорских контактов, установлению регулярных отношений между Черногорией и Россией.

Между тем внутреннее и внешнее положение Черногории оставалось крайне сложным. В стране по-прежнему господствовала межплеменная разобщенность, кровная вражда и сепаратизм, мешавшие объединению усилий всего народа на борьбу с Турцией, античерногорской политикой Венецианской республики. Збор каждого племени и даже села мог принимать самостоятельные решения и искать связи с внешним миром. Представители различных племен, ориентируясь, кто на султанскую Турцию, кто на Венецию, случалось, посылали туда своих старейшин, что не отвечало общечерногорским интересам, поскольку ни Турция, ни Венеция не были заинтересованы в создании органов сильной централизованной власти в Черногории, способной навести порядок в стране. В этом случае Черногория могла бы достичь больших успехов в антитурецкой освободительной борьбе, успешно противостоять интригам Венеции, которая в отношении Черногории руководствовалась своим старым принципом "разделяй и властвуй". Обострение отношений с Венецией, начавшееся после Пожаревацкого мира, достигло апогея в начале 40-х годов, когда провидуром Котора (главой администрации) стал Марко Кверин, а комендантом порта — Никола Болица. Венецианский сенат нанес чувствительный удар по экономике Черногории, запретив доступ черногорцам на приморские базары, лишив их возможности приобретать необходимые товары, продовольствие и порох. После отъезда митрополита Саввы в Россию произошло еще несколько инцидентов. Особое возмущение черногорцев вызвал арест в г. Которе (1743 г.) и последовавший затем суд над несколькими влиятельными старейшинами. Сенат Венеции не только одобрил этот арест, но и, бряцая оружием, заявлял о возможности отправления флота в Которский залив для устрашения черногорцев[30]. И хотя этот инцидент был вскоре улажен, напряженность в черногорско-венецианских отношениях сохранялась.

Критическая ситуация, возникшая в черногорско-венецианских отношениях, заставила замещавшего Савву Василия Петровича в апреле 1744 г. прибыть в Венецию. Василий Петрович в специальной Записке сенату республики, напоминая о заслугах черногорцев перед Венецией, сумел добиться отрешения от должности ненавистного черногорцам Н. Болицы, а также настоял на открытии для черногорцев рынка в Которе.

Успешная миссия Василия Петровича в Венецию способствовала росту его авторитета и влияния на значительную часть черногорского общества. По возвращении из России Савва, ревнуя Василия Петровича к его возросшему влиянию, предпринял энергичные меры для его нейтрализации. Савва, именуя Василия Петровича фальсификатором и интриганом, всячески старался продемонстрировать венецианским властям свои симпатии к республике. Он утверждал, что Н. Болица оклеветан, заявлял о приверженности черногорцев Венеции и пр. Савва предложил венециан-

inslav

ским властям послать на службу в их владения батальон из 300 черногорцев. На состоявшейся в сентябре 1745 г. встрече митрополита Саввы и черногорских старейшин с провидуром Котора остававшиеся черногорско-венецианские споры были улажены, что отвечало черногорским интересам. Однако в результате интриг митрополита Саввы, Черногория оказалась поделена на две партии. Одна ратовала за старого владыку, знаменем другой стал Василий Петрович. Безусловно, это разъединение являлось злом для Черногории, но было на руку Венеции. Острота конфликта между двумя родственниками и высшими церковными иерархами Черногории со временем притупилась, неприязнь между ними сохранялась до самой смерти Василия Петровича.

Если во взаимоотношениях Черногории и Венеции, несмотря на все расхождения, дело все же не доходило до вооруженных столкновений, то совершенно иначе складывалась ситуация на границах с османскими владениями. Здесь жесткое военное противостояние было нормой для черногорцев. Жизнь складывалась по формуле "или черногорцев режут, или черногорцы режут". В письме от 15/26 июля 1743 г. к А.А. Вешнякову Василий Петрович сообщал, что против Черногории ополчилась вся Босния, ближайшая Герцеговина, Шкодра (Северная Албания), Бар и Ульцин (турецкое Приморье), Призрен и Джаковица (Косово), которые с "нашими никогда не хотят мира иметь". Во время вооруженного конфликта с герцеговинскими мусульманами, попытавшимися в октябре 1742 г. угнать принадлежавший черногорцам скот, дело закончилось обильным кровопролитием. Отправившиеся затем для переговоров в Герцеговину 12 черногорцев, вопреки достигнутым ранее договоренностям, были вначале задержаны, а затем всем им отсекли головы, которые были развешены на стенах герцеговинских городов. За что черногорцы немедленно учинили "немалое отмщение, бьющее, секущее и пленящее"[31]. Это только один пример, но ежегодно происходили десятки конфликтов.

С начала 40-х годов черногорское руководство поддерживало контакты с русским резидентом в Константинополе А.А. Вешняковым, сторонником активной политики России на Балканах и оказания поддержки и покровительства балканским христианам. В 1745 г. в отчете своему двору Вешняков, анализируя состояние европейских дел, указывал на их общий разлад и, кроме прочего, на слабость Османской империи, расстройство ее внутренних дел. Следуя своим взглядам на политику, он писал: "От Вашего Императорского Величества зависит без крайних усилий сие злоехидное сонмище разорить и крест восстановить: кажется, все к тому промысел божий предустроил и приуготовил. Все бедные православные христиане ждут избавления от Вашего Императорского Величества; стоит только нынешнею осенью явиться врасплох российской армии к Дунаю с запасным оружием, то она в короткое время удесятерится; Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия, Славония, Далмация, Черногорцы, Албания, вся Греция, острова и сам Константинополь в одно время возьмут крест и побегут на помощь Вашему Императорскому Величеству". В том же 1745 г. Вешняков направил письмо канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, где, среди прочего, обосновывал план разрушения Османской империи и создания на ее месте христианской державы, которая, как полагал российский дипломат, "без погибели своей не могла бы отстать от России по единству интересов и отдаленности границ".

inslav

Несомненно, А.А. Вешняков в своих планах заходил слишком далеко, недооценивал военный потенциал Османской империи и преувеличивал реальные возможности и перспективы освободительной борьбы балканских народов. Однако он верно подмечал конечную общность политических интересов России и балканских народов.

Обращения А.А. Вешнякова к императрице и канцлеру были, по сути дела, его завещанием, поскольку в июле 1745 г. он умер. Его преемником стал А.И. Неплюев (сын бывшего резидента в Константинополе), а в 1751 г. на смену ему пришел выдающийся русский дипломат А.М. Обресков.

Приступив к исполнению служебных обязанностей, Обресков практически сразу же столкнулся с проблемами, которые волновали и которые хотело решить черногорское руководство. В мае 1751 г. с просьбой защитить от нападений османских пашей к нему обратились черногорские старейшины. Особо возмущало старейшин то обстоятельство, что когда в результате неспровоцированного нападения на черногорцев было убито при обороне несколько турок, с турецкой стороны последовала жалоба султану на черногорцев с просьбой покарать их.

У митрополита Саввы были свои проблемы. Он просил Обрескова ходатайствовать перед Портой о возвращении захваченных турками, после Прутского похода Петра I, церковных земель. По словам Саввы, турки объясняли захват тем, что "султан дал им эти земли в наказание черногорцам за их верность русскому двору". В ответном письме Обресков заверял владыку, что имеет повеление императрицы стараться защитить интересы единоверцев перед Портой, но "только теперь надобно потерпеть"[32]. Кроме того, Савву взволновало назначение митрополитом Далмации и венецианской Албании (Боки Которской) "одного мирского попа". По мнению Саввы, это приводило к исключению из-под его церковной юрисдикции не только Приморья, но и Герцеговины. Савва полагал, что происходящее делается с целью подчинить Черногорию Венеции, включить ее в состав Далмации, а также ввести унию. В конце своего письма к Обрескову он извещал резидента, что посылает в Россию "своего наследника Василия Петровича".

В 1750 г. Василий Петрович был рукоположен в сан митрополита Печским патриархом Афанасием II. Его церковный статус вырос, а также возросло влияние в Черногории, где многие были недовольны слабой и пассивной политикой Саввы. В 1751 г. Василий Петрович отправился в Вену, где, помимо прочего, направил императрице Марии-Терезии обширный меморандум. В нем он обосновывал тезис о многовековой независимости Черногории, этой "чистой девицы, одной особой республики" под управлением митрополитов из рода Петровичей. Василий Петрович просил венский двор взять под покровительство Черногорию и предлагал заключить союз между Австрией и Черногорией ради освобождения балканских земель из-под власти Турции. В Вене в то время мало что знали о Черногории, но Василий Петрович был известен как человек непредсказуемый, склонный к вымыслам. Поэтому его предложения были оставлены без внимания. Кроме прочего, тогда Василий Петрович весьма слабо разбирался в большой европейской политике, иначе он бы знал, что в то время Австрия не вынашивала каких-либо аннексионных планов на Балканах.

Убедившись в бесперспективности надежд заинтересовать венский двор Черногорией, Василий Петрович полностью переориентировался на

inslav

Россию, и с большим успехом старался воплотить в жизнь те идеи, какие оказались неприемлемыми для австрийской империи.

В Петербург Василий Петрович прибыл в середине сентября 1752 г. Цель его визита заключалась в получении материальной помощи и политической поддержки со стороны России. Практически сразу митрополит направил Синоду письмо с просьбой о ликвидации задолженности по субсидии Цетинскому монастырю с 1743 по 1752 г., а также просил снабдить церковными книгами, выдать 100 букварей и "10 историй Александра Македонского". Желание митрополита получить книги о великом полководце Древней Греции, вероятно, связано с тем, что еще в упоминавшемся меморандуме на имя Марии-Терезии Василий Петрович вел отсчет черногорской истории именно со времен Александра Македонского, что, конечно, не соответствовало истине. Забегая вперед, заметим, что эти книги он так и не получил[33].

Следует сказать, что одной из важнейших своих жизненных задач митрополит Василий Петрович считал просвещение черногорского народа. Даже многие кнезы были тогда неграмотны. Обычно родители обучали детей грамоте тогда, когда желали видеть их в дальнейшем священниками. Они посылали своих сыновей в качестве причетников в монастырь, где их обучали чтению и азам счета, изредка письму. Чтение ограничивалось церковными и богослужебными книгами. Если в селе был священник, то обычно со своими детьми он обучал и детей своих родственников. О качестве обучения говорить не приходится, поскольку подавляющее большинство монахов и священников, кроме высших церковных иерархов, сами были людьми малограмотными. Понимая, что создание более совершенных органов управления и суда требует людей образованных, Василий Петрович в своем обращении к русской императрице просил о помощи в устройстве славянских малых школ в Черногории, учеников которых по окончании он намеревался направлять для продолжения образования в Россию.

В Москве, куда Василий Петрович прибыл в январе 1753 г., он развернул активную деятельность. Митрополит установил связи с видными политическими деятелями, писал многочисленные письма в Синод, Коллегию иностранных дел, русским сановникам, желая заинтересовать церковные круги, российское руководство проблемами Черногории, ее народа. В феврале 1753 г. Василий Петрович обратился в Коллегию иностранных дел с посланием, в котором он излагал историю черногорско-турецкого военного противостояния с 1712 по 1739 г., а затем послал туда "Краткое географическое описание Черногории". Василий Петрович включал в состав черногорских земель не только собственно Черногорию с ее четырьмя нахиями, но и часть территории Приморья, Герцеговины, все брдские племена, а также североалбанских католиков (Хоти, Климентн, Кастрати). Делал он это вполне преднамеренно, поскольку понимал, что раздираемая внутренней анархией, маленькая, оторванная от моря Черногория не способна вызвать сколько-нибудь значительный интерес у русского двора. Находясь в России, он действовал как политический деятель, упорно настаивая на том, что Черногория никому не подчинена, достаточно обширна и могущественна, способна объединить балканские народы и стать центром освободительной борьбы от османского ига. Преследуя эти цели, Василий Петрович в апреле 1753 г. направил письмо канцлеру А.П. Бесту-

inslav

жеву-Рюмину, где утверждал, что Черногория никогда не была завоевана Турцией и всегда оставалась республикой во главе с митрополитом. Он также предлагал установить протекторат России над Черногорией и заверял канцлера, что в случае русско-турецкой войны "все окрестные славяно-сербские народы присовокупились, и отдали б себя под протекцию всероссийскую"[34].

Заслугой Василия Петровича является и то, что он был первым черногорским историографом. Мысли, высказанные им в обращениях к российскому руководству, нашли развитие в изданной в 1754 г. типографией Петербургской академии наук книги Василия Петровича "История о Черной Горы". В ней он развивал идеи, возникшие ранее у Юрия Крижанича и Георгия Бранковича, о славянской общности, о создании в Юго-Восточной Европе обширного славянского государства, прототипом которого, должна была стать средневековая сербская держава в период ее расцвета. Впоследствии его идеи нашли продолжателей среди сербских государственных и общественных деятелей. Вместе с тем книга содержит неточности, преувеличивает роль Черногории (которая представлена автором как большое и мощное государство) в антитурецкой борьбе. Книга Василия Петровича довольно успешно расходилась на российском рынке. Так, например, в Московской книжной лавке (с 1749 по 1763 г.) не осталось ни одного из 100 экземпляров, продававшихся по цене 12 коп., что было хорошим показателем по тем временам.

Василий Петрович значительно преуспел в решении задач своей миссии. Издание книги "История о Черной Горы", общение митрополита с русскими государственными деятелями способствовали формированию у правительства и просвещенной российской общественности представления о Черногории как о неподвластном Порте государстве.

Весной 1754 г. Василий Петрович из Москвы отправился на родину. Он увозил с собой субсидию Цетинскому монастырю за 1743—1753 гг. (1 тыс. 666 руб. 66 коп.). Кроме того, русское правительство выделило на восстановление черногорских церквей 5 тыс. руб., и лично Василию Петровичу 3 тыс. руб. в качестве вознаграждения за путевые издержки. Митрополит получил из Синода полное архиерейское облачение — украшенную бриллиантами панагию, а также книги. Помимо церковных книг (евангелие, библии, катехизисы, требники и др.) владыка получил также 100 букварей[35].

Однако школы в Черногории так и не были открыты, поскольку Синод потребовал от Коллегии иностранных дел выяснить, сколько и в каких местах требуется школ, а также выделить средства на их содержание. Только после этого Синод брался за подготовку учителей для черногорских школ. Коллегия иностранных дел с этим решением Синода согласилась, заметив, что для положительного решения этого вопроса требуется время и дополнительная информация из Черногории. Поэтому по-прежнему единственными очагами образования в Черногории оставались монастыри, где обучалось малое количество детей. Также отказано было Василию Петровичу и в установлении протектората России над Черногорией до тех пор, пока не прояснится, как представляют себе черногорцы степень зависимости от России и пока не поступит "формальное от сего народа прошение". И хотя такое прошение впоследствии было направлено[36], положительной реакции русского двора оно так и не вызвало. Вероятно,

inslav

здесь, помимо прочего, свою роль сыграла информация, полученная из Константинополя от А.М. Обрескова, который считал невозможным принятие черногорцев под "явную протекцию" России. Министр-резидент был убежден, что такое решение только озлобит Порту, поскольку она увидит в этом опасный прецедент для других православных подданных султана, и вследствие этого "только беды черногорцам отовсюду будут". Зато российское руководство и сама Елизавета Петровна, без доли сомнения, отнеслись к заверениям Василия Петровича в том, что Черногория независима. Когда в 1754 г. встал вопрос о переселении партии черногорцев в Россию, посол в Вене Г.К. Кейзерлинг получил от Елизаветы Петровны рескрипт следующего содержания: "Хотя черногорцы многими другими народами, находящимися под турецким владычеством окружены, однако сами они, по надежным известиям, вольные люди, которые не только не признают верховной власти Порты и не платят ей дани, но находятся в постоянной борьбе с турками для своей защиты. Хотя в договоре между Портою и Венециею черногорцы и уступлены Порте, но договор остается безо всякой силы, потому что вольного народа нельзя уступать без его согласия".

Из этих слов императрицы, безусловно возникших на почве суждений о Черногории Василия Петровича, верным было то, что черногорцы находились в постоянной вражде с турками (под турками черногорцы подразумевали всех мусульман, вне зависимости от их национальной принадлежности), а также, что ранее принадлежавшие Черногории приморские земли были уступлены без согласия черногорцев. Впрочем, в соответствии с нормами международного права этого согласия и не требовалось, поскольку формально Черногория являлась составной частью Османской империи.

В Черногорию Василий Петрович вернулся в сентябре 1754 г. Полученные в России деньги позволили превратить монастырь Станевичи (одна из резиденций митрополита Саввы) в "рассадник русской агитации"; сюда стекался народ не только из Черногории, но и из Приморья и Брды. Василий Петрович наделял прибывших деньгами, израсходовав при этом большую часть денежных средств, полученных в России[37]. Благодаря этой акции резко возрос его авторитет не только среди черногорцев, но и приморцев и брдян, поскольку они увидели, что за владыкой стоит могущественная Россия. Среди черногорцев распространилось устойчивое мнение, что царица Елизавета Петровна "ударит по Турции, если та нападет на Черногорию".

Воодушевленный результатами поездки в Россию, Василий Петрович начинает активизировать политику в отношении Турции и Венеции, что означало отход от политики митрополита Саввы, направленной на поддержание мирных отношений с турками и венецианцами. Вскоре после возвращения из России на народном собрании в Цетинье Василий Петрович призвал "свободный и независимый народ" навсегда отказаться от уплаты харача туркам, что с воодушевлением было воспринято собравшимися. Генеральный провидур Далмации Ф. Гримани точно определил главные направления политики Василия Петровича в сложившейся ситуации: "Освободиться от власти Порты, добиться доверия народа, укрепить свое влияние". Одновременно Василий Петрович открыто и закулисно сопротивлялся политике Венеции в отношении Черногории, видя в ней препятствие

inslav

той роли, какую он отводил Черногории на Балканах. Демонстративный отказ от уплаты дани не мог безнаказанно сойти с рук черногорцам. Это понимал не только Василий Петрович, но и венецианские власти. Правящие круги Венеции считали, что черногорский владыка не решился бы на подобный шаг, если бы не рассчитывал на поддержку России. Это настораживало Венецию, где в связи с обострившейся ситуацией в черногорско-турецких отношениях существовали различные точки зрения по поводу венецианской политики относительно Черногории. Так, Ф. Гримани считал черногорцев неприятными соседями, но, по его мнению, для Венеции было бы гораздо хуже, если бы турки истребили черногорцев, а Черногорию заселили албанцами и другими мусульманами. Поэтому, полагал Гримани, для Венеции было бы выгодно нанять черногорцев на военную службу с обязательством не нападать на венецианскую территорию, предложив им защиту Венеции[38]. Однако возобладала иная точка зрения. Которский провидур Ю. Болди следующим образом оценивал сложившуюся обстановку: "Еще в 1754 г. племена майны, поборы, браичи сбросили власть Венеции. Василий стремится заполучить на свою сторону всех православных в Боке и преуспевает в этом. Если не пресечь его деятельность — это будет иметь тяжелые политические последствия". Венецианский чиновник несколько сгущал краски, оценивая ситуацию в Приморье, но то, что, оставаясь формально подданными Венеции, православное население приморских общин явно тяготело к Черногории, несомненно. По наущению властей венецианские инквизиторы трижды пытались отравить Василия Петровича, мотивируя это "государственными интересами".

Понимая серьезность ситуации, когда черногорцы каждодневно ожидали нападения войск боснийского везира Хаджи-Мехмед-паши, Василий Петрович стремился не только объединить внутренние силы, но и заручиться поддержкой России в борьбе против надвигающейся агрессии. В этих целях он вел обширную переписку с А.М. Обресковым, канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, вице-канцлером М.И. Воронцовым, а также императрицей Елизаветой Петровной.

В сентябре 1755 г. оба черногорских владыки, Савва и Василий Петрович, сообщали А.М. Обрескову о концентрации многочисленных турецких сил из Боснии и Румелии на черногорских границах, а также о фермане султана, которым предписывалось: "Нас архиреев поймать и живых на кол посадить, а вельмож наших повесить на виселицах, народ попленить и в работу взять и переселить в Косово Поле, в нашей Цетинской резиденции крепость себе построить... а церкви и монастыри разорить"[39]. В заключение владыки сообщали, что они проинформировали австрийского посланника в Константинополе о черногорских проблемах и, проявляя определенную политическую близорукость и наивность, просили дипломатов союзных держав пристыдить султана за то, что он "призрев... христианские империи, на малую горсть людей черногорских такое множество войск посылает". Надо сказать, что в 50—60-е годы Порта стала обращать основное внимание на события внутренней жизни, и прежде всего прилагала усилия для сохранения контроля над провинциями, борьбу с мятежниками и иными выражениями недовольства политикой центрального правительства. И эта политика давала себя знать на Балканах.

В письме М.И. Воронцову (январь 1756 г.) Василий Петрович, предупреждая, какие трагические последствия будет иметь поражение Чер-

inslav

ногории для балканских народов, замечал: "Плачет бедная Сербия, Болгария, Македония, рыдает Албания в страхе, чтоб не пала Черная Гора; уже Далмация пала и благочестия лишается, будучи напоена униатством; Герцеговина стонет под ногами турецкими. Если Черная Гора будет освобождена, то все к нам пристанут; если же турки Черною Горою завладеют, то христианство во всех упомянутых землях исчезнет". В это время Россия была занята активной подготовкой к войне с Пруссией, поэтому любое осложнение отношений с Портой было крайне нежелательно. Однако Елизавета Петровна в секретном рескрипте предписала Обрескову: "...чтоб не привести черногорцев в отчаяние, надобно вам, хотя стороною, сделать все возможное в их пользу; наперед посоветовавшись с переводчиком Порты как с единоверным, постарайтесь исходатайствовать облегчение этому единоверному и усердному к нам народу и давайте знать им тайно обо всем, что будет делаться относительно их при Порте, чтоб они не были застигнуты врасплох. У венецианского посла настойте, чтоб он писал своему правительству о прекращении обид черногорцам".

Исполняя повеление императрицы, А.М. Обресков посетил посланника Республики Св. Марка при Порте и потребовал от имени русской императрицы оградить Черногорию от венецианского вмешательства. Одновременно с этим он имел доверительную беседу с драгоманом Порты, греком по национальности[40]. Тот отсоветовал российскому дипломату обращаться с демаршем в защиту черногорцев, поскольку это "ускорит гибель не только черногорцев, но и всех православных, находящихся под игом турецким". Драгоман считал, что "ничто не может быть для Порты чувствительнее, а для бедных православных опаснее, как если русская императрица явится покровительницею последних. Этим турка, как заснувшего льва, можно разбудить". Обресков, находя суждения драгомана резонными, отписал в Петербург, что, избегая открытого заступничества в пользу черногорцев перед Портой, он будет действовать тайно, чтобы "не открылось мое за них заступничество".

Готовясь к отражению турецкого нападения, Василий Петрович обратился за помощью к православному населению Приморья и Брды, но все призывы поддержать черногорцев в предстоящей борьбе оказались безрезультатными. Среди бокельцев только жители общин Маине, Побори и Браичи склонялись к тому, чтобы вступиться за черногорцев. Однако власти Далмации запретили своим подданным под страхом смертной казни каким-либо образом помогать черногорцам и, в случае поражения Черногории, даже укрывать беглецов. Поступая подобным образом, Венеция хотела продемонстрировать свою лояльность Османской империи, забывая прежние заслуги черногорцев перед республикой.

Еще в сентябре 1755 г. кучский воевода Илия Дрекалович, разочарованный в венецианской политике по отношению к Черногории, писал от имени всех брдян владыкам Савве и Василию Петровичу следующее: "Мы возлагали надежду на принципала венецианского, что нам протянут руку помощи, а, как слышали, не допускают никакого вспомоществования... Ах, ах, эти шелудивые козлы, разве они не знают: если б не было нас черногорцев и брдян, до самой Венеции все бы турки отняли... Если Бог даст счастья, мы ждем турок весело и надеемся на Божью помощь и на великое счастье нашей христианской великой императрицы Московской, что это

inslav

будет на великое счастье всему христианству, и потому начнись война — мы возьмем Царьград, но сейчас ее начали не мы, а Турция. Держитесь весело, и Бог нам поможет, и оттуда, откуда надеемся"[41].

Но турки, предвидя возможность объединения военных сил Черногории и Брды, взяли заложников из различных племен, не дав тем самым брдянам прийти на помощь Черногории. Таким образом, черногорцы оказались один на один с турками.

5 ноября 1756 г. новый боснийский везир Ахмед-паша известил губернатора С. Радонича и "все черногорское общество", что он с войском идет на Черногорию. Однако везир дал черногорцам еще один шанс закончить дело миром, предложив направить в Гацко (Герцеговина) для мирных переговоров делегацию, но с непременным условием — "чтобы вы все поклонились Порте, и харач дали". Черногорцы соглашались пойти на мирные переговоры, но что касается "до поклонения и до харача Порте, то онаго ни по каким кондициям принято быть не может". На экстренном зборе С. Радонич с пылом призывал соотечественников: "Любезные братия черногорцы, возложивши на Бога всю надежду и с помощью его пойдем за честный крест и за веру христианскую; за вольность и свободу, за честь и отечество наше; против нашедшего на нас общему всему христианству неприятеля". Речь губернатора была с воодушевлением воспринята собравшимися, и участники збора все единогласно провозгласили, что "лучше всем умереть, нежели вольность свою потерять". Это решение народного собрания было триумфом политической концепции Василия Петровича, но оно же делало неизбежным военное столкновение с турками, тем более что ферман султана Османа III о наказании мятежных черногорцев был уже издан.

Готовясь к войне, Савва и Василий Петрович предприняли еще одну, последнюю, попытку заручиться русской поддержкой. В начале ноября 1756 г. митрополиты приняли решение направить в Россию "епископа Зетского" Владимира. В выписанном на его имя паспорте было указано, что он отправляется для сбора милостыни на нужды своей разоренной епархии, но, кроме того, он должен был обратиться с просьбой к императрице о защите черногорцев "в их бедствиях, претерпеваемых от злосчастных агарян".

В самый канун нападения турок произошло еще одно событие, взбудоражившее всю Черногорию. 11 ноября 1756 г., ночью, Василий Петрович вместе с игуменом Феодосием (Теодосием) Мркоевичем, оставив за себя губернатора С. Радонича, тайно покинул Черногорию и укрылся в австрийских владениях, в Риеке. Историки склонны по-разному оценивать этот поступок владыки. Г. Станоевич считает его оправданным, поскольку было ясно, что в предстоящих боевых действиях между турками и черногорцами последние не могли добиться победы, а в ходе последующих мирных переговоров турки обязательно потребовали бы выдачи владыки, своего главного врага Василия Петровича, для неминуемой расправы. С этим суждением югославского историка можно согласиться, памятуя о том, что военачальником Василий Петрович, в отличие от, скажем, митрополита Данилы, не был. В то время, когда все должно было решаться на поле брани, присутствие Василия Петровича в Черногории мало что значило и было бы лишь дополнительным раздражителем для турок, и без того до крайности обозленных на черногорцев.

inslav

Во второй половине ноября 1756 г. Ахмед-паша с 20-тысячным войском вторгся в Черногорию, сметая все на своем пути. Турки уничтожали всех, кто попадался им под руку, включая детей старше восьми лет. Черногорцы ожесточенно сопротивлялись. С тем чтобы затруднить продвижение врага в глубь страны, С. Радонич приказал сжечь три приграничных села, предварительно отправив жителей "внутрь Черной Горы". Главное сражение произошло 25 ноября. Черногорские войска во главе с губернатором С. Радоничем, сердарем В. Вукотичем и воеводой И. Миличем на "месте, именуемом Бротянец" с рассвета атаковали турок, численность которых, как сообщает, явно преувеличивая, черногорский источник, доходила до 57 тыс. человек. Согласно тому же источнику, в ходе сражения турки были вынуждены ретироваться в свой лагерь, оставив, таким образом, поле боя за черногорцами. Бои продолжались и в начале декабря 1756 г., когда черногорцам удалось захватить турецкий военный лагерь, взяв при этом богатые трофеи — оружие, продовольствие и военное снаряжение.

Война проходила в сложных для черногорцев условиях. Продолжалась установленная еще летом 1755 г. блокада Черногории со стороны Венеции, и, более того, пока черногорцы сражались с турками, жители г. Рисан напали на черногорских пастухов в целях угона скота, но были отбиты, понеся при этом людские потери[42]. Несмотря на упорное сопротивление черногорцев и большие утраты в турецком войске, состоявшем в основном из башибузуков, турки все же захватили "сердце Катунской нахии" село Чево, но так и не сумели пробиться к Цетинье, главной цели их военной операции. Военные потери и осенняя распутица заставили турок отступить, что было воспринято черногорцами как моральная победа. Однако сил для дальнейшего сопротивления, в случае повторного турецкого нападения, у черногорцев не хватало. Черногорско-турецкое военное противостояние завершилось договором в Никшиче в январе 1757 г. Черногорцы обязались не заниматься четованием на турецкой территории, платить дань султану и не принимать иностранных посланцев.

Результат этой войны не удовлетворил ни одну из сторон. Турки были недовольны тем, что им не удалось нанести сокрушительное поражение черногорцам — захватить Цетинье. В свою очередь, черногорцы, для которых отказ от уплаты харача был делом принципа, вынуждены были смириться с выплатой дани.

Война закончилась, но Василий Петрович не спешил возвращаться на родину, где его ждали не только друзья, но и враги, предлагавшие в случае возвращения владыку убить, а имущество конфисковать, чтобы затем использовать его для выплаты харача. Не судят только победителей, а в глазах многих черногорцев, в том числе и самых влиятельных, митрополит был тем человеком, который наиболее резко выступал против уплаты дани туркам, являлся главным инициатором отказа от выплаты харача, но конечный результат его действий оказался неутешительным.

Находясь по-прежнему в Риеке, владыка не терял связей с Черногорией, строил грандиозные внешнеполитические планы. В январе 1757 г. он информировал губернатора С. Радонича[43] о своей встрече с полковником С. Пучковым и премьер-майором С. Петровичем (Шаровичем), которые находились в этих краях и занимались вопросами переселения партии черногорцев в Россию. Российские офицеры, сообщал митрополит, тотчас, "скорой почтой" уведомили посла в Вене Г.К. Кейзерлинга о нуждах

inslav

Черногории. Одновременно владыка выражал надежду, что врагам Черногории уготована "достойная сатисфакция", поскольку "ныне такое время, когда три великие империи: наша Российская, римская и французская в едином союзе". Проявляя осведомленность в российских придворных новостях, Василий Петрович был обрадован назначением "от нашего двора всероссийского" полномочным послом во Францию брата вице-канцлера и "нашего великого приятеля" М.П. Бестужева-Рюмина, для поддержания отношений с которым он предлагал назначить С. Пучкова "полномочным послом" от Черногории. По убеждению Василия Петровича, М.П. Бестужев-Рюмин мог оказать большую помощь Черногории как при российском, так и при французском дворе, в частности повлиять через Версаль на Венецию. Как видно из всего этого, Василий Петрович настолько сжился с мыслью о неразрывности судеб Черногории и России, что именует Российскую империю "нашей", и так он заявляет в письме ко второму лицу в Черногории, губернатору, придерживавшемуся провенецианских симпатий, но которого митрополит рассчитывал привлечь на свою сторону и сторону России.

Василий Петрович был весьма информированным политиком и имел определенные основания возлагать надежды на союзников по антипрусской коалиции в лице Австрии, Франции и России. Другое дело, что по независящим от него причинам не все надежды черногорского владыки в дальнейшем оправдались.

Военные действия 1756 г. нанесли серьезный урон и без того слабой экономически Черногории. Продолжала существовать постоянная угроза нападения со стороны соседних турецких владений, а венецианские власти Далмации сохраняли запрет черногорцам закупать порох и свинец на своих рынках. Кроме того, Василий Петрович был недоволен ходом начавшегося в 1756 г. переселения черногорцев в Россию, малочисленностью черногорских переселенцев[44]. Совокупность этих причин заставила митрополита Василия Петровича, не заезжая на родину, вновь отправиться в Россию.

В Петербурге, куда Василий Петрович прибыл в феврале 1758 г. в составе делегации из четырех человек, он развернул энергичную деятельность. Он обращался с письмами в Синод, к вице-канцлеру М.И. Воронцову, П.И. Шувалову, императрице. В этих письмах митрополит информировал российское руководство о тяжелом положении черногорцев и соседних ордских племен после турецкого нашествия 1756 г. и об их воинской доблести. Одновременно он обратился с просьбами к русскому правительству, суть которых состояла в следующем: 1) чтобы народ черногорский был принят в российское подданство; 2) чтобы из переселившихся в Россию черногорцев был сформирован полк и назван оный Черногорским; 3) чтобы для учреждения в черногорском народе доброго порядка определен был ежегодный пенсион до 15 тыс. руб. и чтобы сверх того кто-либо из России был отправлен для пребывания в их резиденции. В этот приезд Василий Петрович преподнес Синоду щедрый дар — "Псалтырь древней печати нашей резиденции Цетинской митрополии". Этот псалтырь был напечатан в Ободской типографии, основанной на Цетинье Джураджем (Юрием) Црноевичем в 1493 г. Это была первая славянская типография на Балканах, печатавшая церковные книги на кириллице. Функционировала она до 1496 г. Таким образом, российский Синод, благодаря черногорско-

inslav

му митрополиту, стал обладателем редчайшего памятника славянского книгопечатания.

Для обращения к русскому двору Василием Петровичем был выбран неподходящий момент. Продолжалась Семилетняя война, и поэтому любое обострение отношений с Портой было крайне нежелательным для России, тем более что по информации А.М. Обрескова султан Мустафа III стремился к войне с Россией.

Задача русского двора сводилась к тому, чтобы не дать повода к столкновению. 18/29 мая 1758 г. последовал указ Елизаветы Петровны Коллегии иностранных дел о награждении черногорской делегации денежными суммами и золотыми медалями. В Черногорию, для раздачи народу, Елизавета Петровна распорядилась отправить 1000 "наших золотых портретов". Делегатам выделялось 2 тыс. руб. на обратный проезд, а также Василию Петровичу "особливо" 1 тыс. руб. Кроме того, по распоряжению Синода, митрополиту была выдана субсидия Цетинскому монастырю (с 1755 по 1760 г. включительно) и "проездные, отъездные и подводные" в размере 965 руб. 69 коп., а также богослужебные книги[45].

Императрица распорядилась сформировать из черногорцев гусарский эскадрон, который должен был со временем преобразован в полк, по достижении необходимой для этого численности черногорцев-переселенцев. Что же касается вопроса о приеме черногорцев в российское подданство, то Елизавета Петровна посчитала делать это нецелесообразным, поскольку для черногорцев оно могло обернуться бедой "по великой близости окружающих их неприятелей и по толикому нашей империи отдалению". Поэтому дело откладывалось до "лучших времен". Отказывая в приеме черногорцев в подданство, российское руководство не отходило от политики покровительства Черногории. Так, в ответ на отказ Синода выдать Василию Петровичу архиерейское облачение, решением Конференции (высший совещательный орган при императрице) Синоду рекомендовалось удовлетворить просьбу митрополита, поскольку решение Синода противоречило "прежде отказанным милостям и покровительству российского двора Черногории". Следует заметить, что, оказывая фактически покровительство Черногории, русское правительство ни тогда, ни позже не заявляло об этом официально, не облекало его в международно-правовую форму, чего впоследствии будет добиваться черногорское руководство.

Императрица также согласилась удовлетворить просьбу Василия Петровича о пожаловании черногорскому народу ежегодной субсидии в 15 тыс. руб. Однако пока субсидия выделялась только на один год. Ее дальнейшая судьба зависела от того, сумеют ли черногорцы приложить старание для "учреждения между собою доброго порядка и согласия", а также способности снабдить себя "потребными воинскими орудиями" и добиться установления "нужного регулярства" и доброй дисциплины". Просьба митрополита о направлении в Черногорию постоянного дипломатического агента была отклонена Елизаветой Петровной, поскольку, как считала императрица, этого "нынешние обстоятельства совсем не дозволяют".

Для доставления субсидии в Черногорию (15 тыс. руб.) вместе с Василием Петровичем в Черногорию направился специальный эмиссар русского правительства, уже упоминавшийся полковник С. Пучков. Однако главная его задача состояла в ознакомлении с истинным положением дел в Черногории, сборе сведений о стране и ее народе.

inslav

В августе 1759 г. митрополит с сопровождавшей его свитой, а также С. Пучков прибыли в Черногорию. Вскоре по прибытии русский эмиссар объехал несколько нахий, а также посетил Цетинье. По возвращении из Черногории, в начале 1760 г., С. Пучков представил в Коллегию иностранных дел рапорт, в котором сообщал, что "черногорцы находятся в крайнем беспорядке, не имеют между собой добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междоусобии и вражде, к властям своим не имеют послушания, а власти не пекутся о их пользе". В словах С. Пучкова заключалось много горькой правды. Межплеменная и внутренняя вражда, кровная месть служили препятствием для единения черногорского общества. Достичь его было крайне трудно в стране, где, как справедливо замечал Пучков, люди в результате ссоры по самому ничтожному поводу "друг друга режут или застреливают, а потом убегают в другие провинции". Пучков рапортовал о расхищении русских денег "начальниками черногорскими" и их родственниками, о присвоении узким кругом лиц 1 тыс. золотых "жетонов", в то время как "преосвященному Савве одну только грамоту отдали"[46].

Изложив состояние черногорских дел в самых мрачных тонах, С. Пучков слишком сгустил краски, что частично объясняется и тем, что он за получением информации нередко обращался к митрополиту Савве и другим недоброжелателям Василия Петровича. Ошибочным было его обвинение в расхищении присылаемых из России денежных сумм, а также о том, что Василий Петрович тратит русские деньги не ради государственных интересов, а "по своим нуждам". В действительности эти средства, как с осуждением сообщал митрополит Савва в письме венецианскому сенату, тратились на развитие освободительного движения. Часть же русских денег была роздана на состоявшемся вскоре после отъезда Пучкова из Черногории зборе, причем не только черногорцам, но и приморцам. Василий Петрович, в отличие от Саввы, не был замечен в корыстолюбии. Пучков отмечал отсутствие в Черногории какого-либо правопорядка, так как каждый сам себе "высший властитель и судья". Такое суждение российского эмиссара представляется слишком категоричным, поскольку в стране действовали нормы обычного права, а также, хотя и слабо, но функционировал такой орган, как "суд добрых людей", состоявший из наиболее влиятельных и уважаемых старейшин. Действовал в Черногории и такой судебный орган как "кметский суд", состоявший из 24 судей и разрешавший различные споры между черногорцами[47]. Василий Петрович был "жестоким и отважным" человеком, ему удавалось "держать в страхе" беспокойных черногорцев, замечал позже другой российский эмиссар Г. Мерк. С. Пучков черногорские реалии мерил на российский аршин; для него, привыкшего у себя на родине к совершенно иным порядкам, многое, если не все, казалось странным и диким в этой стране.

В Петербурге полученная от С. Пучкова информация была воспринята с полным доверием. Поэтому черногорцам пришлось забыть о продолжении получения субсидий в размере 15 тыс. руб., однако выплата субсидии Цетинскому монастырю по линии Синода не была отменена. В первые годы царствования Екатерины II русское правительство также руководствовалось сведениями, полученными от Пучкова, и считало, что для России нет никакой пользы от черногорцев, "кроме излишних хлопот и холодности с турецким двором и венецианской республикой".

inslav

Василий Петрович, рассчитывая на то, что новая российская власть в лице императрицы Екатерины II будет проводить активную внешнюю политику, где свое место займет и Черногория, в 1765 г. прибыл в Петербург. В число задач его миссии, помимо просьбы о защите от постоянной турецкой агрессии, входило ходатайство о поддержке черногорской церкви. Однако Василию Петровичу не суждено было дождаться результатов своей миссии. В марте 1766 г. он скончался и был с почестями похоронен в Петербурге, в Александро-Невской лавре. Спустя три месяца Синод направил в Черногорию очередную денежную субсидию Цетинскому монастырю и церковную утварь. На родину также возвращались сопровождавшие Василия Петровича в поездке в Россию иеромонах Иосиф Вукичевич и иеродиакон Петр Петрович-Негош — будущий черногорский митрополит. Их сопровождал подпоручик Севского полка М. Тарасов, который должен был доставить в Черногорию грамоту Екатерины II, церковную субсидию и личные вещи Василия Петровича, оставшиеся после его смерти. М. Тарасову было также поручено выяснить "в какой склонности и усердии черногорцы к Российской империи находятся, также об их правлении, порядках и внешних делах"[48].

Во время нахождения в Черногории М. Тарасов вел ежедневные записи происходивших событий, а по возвращении представил письменный отчет Коллегии иностранных дел. Записки М. Тарасова содержат сведения о политическом, экономическом и военном положении Черногории и соседних земель, быте и нравах черногорцев. Тарасов отмечает бедственное экономическое состояние Черногории, ее изолированность, внутреннюю и внешнюю вражду. Внутреннюю нестабильность М. Тарасов объяснял отсутствием должного правления и крайней слабостью митрополита Саввы, титул которого — "черногорский правитель" — не приемлется черногорцами, почитающими его лишь за митрополичий сан, а "он виновному, кроме проклятия", сделать ничего не может, замечал Тарасов.

Вместе с тем Тарасов отмечал, что суд в Черногории все же существует, и описывал, как он происходит: "Соберутся старшины их несколько человек в архирейском доме и, севши за стол, судят винного, и суд обычно кончится при великом крике такою сентенциею: ежели есть смертное убийство, то позволяется учинить равномерное отмщение, а когда дело состоит в краже, то в семеро против цены украденного виноватый заплатить должен". Подметил он и определенное неравенство в черногорском обществе, где старейшины "не по заслугам, но по древности фамилии и по достатку" выбираются, а бедные обыкновенно "из интересу на то согласны бывают, потому что они к начальникам своим почасту прибегают занимать денег, хлеба и прочие необходимые вещи".

В дневнике Тарасова есть запись и о том, как к нему обратился подвыпивший цетинский воевода Степо с вопросом: "Для чего-де ты, москаль, не привез нам денег на свинец и на порох, чтоб-де мы имели чем от неприятеля обороняться, ибо мы заслужили оные деньги кровью, пособляя против турок государю императору Петру Великому. А о присланном-де ныне архиерею облачении в России объяви, чтоб их более нам не присылали, потому что и прежде присланные лежат-де без употребления, ибо мы своего митрополита и в 3 года одиножды в архиерейском облачении не видим".

В отличие от полковника Пучкова, подпоручик Тарасов с бóльшим пониманием относился к проблемам Черногории, сознавая, что многие беды

inslav

черногорцев обусловлены не только их порядками и нравами, но и тяжелейшими природными условиями, внешними обстоятельствами. Все же в целом в его выводах сквозит больше пессимизма, нежели оптимизма, как в оценке внутреннего положения страны, так и перспективы русско-черногорских отношений. Он заметил, что среди черногорцев невеликое число "можно найти доброжелательных и усердных к России, прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки, и паче всего деньги"[49]. Оценивая это суждение М. Тарасова, следует учесть, что разного рода пожертвования (в основном церковные) и "милостинная дача" Цетинскому монастырю (500 руб. в три года) не пополняли существенно доходы Черногории, хотя крайняя их скудость заставляла ценить любые, даже такие небольшие денежные подношения. Однако пройдет совсем немного времени и станет ясно, что "русская идея", хотя и в своеобразной форме, окажется живучей в сознании не только большинства черногорцев, но и приморцев. Она выйдет на первый план, и не только из-за сугубо прагматических расчетов.

После смерти Василия Петровича Савва вновь стал единолично распоряжаться митрополичьим престолом. Его государственная деятельность по-прежнему отличалась безынициативностью и пассивностью. Черногорцы отзывались о Савве следующим образом: "Ни с ним не лучше, ни без него не хуже".

Тем временем в Черногории по-прежнему процветало самоуправство, а кровная месть истощала и без того скудные людские ресурсы страны. Выдающийся сербский просветитель Досифей Обрадович в годы своих странствий в 1764 г. посетил Черногорию, которая произвела на него удручающее впечатление. Он писал о черногорцах следующее: "Поганы, прокляты и вечного позора достойны те обычаи, когда, свершая кровную месть за кого-то, некий изверг убивает другого, которой ни в чем вовсе не повинен. Такие жестокие, проклятые дела свершаются там, где нет ни праведных законов, ни правления... Итак, во имя Бога живого! Наведите порядок в своей среде, выберите главенствующего и ведите у себя закон добротный". И такой человек не заставил себя долго ждать: время правления в Черногории Степана Малого (1767 – 1773) явилось прорывом к авторитарной власти.

Самозванец Степан Малый и охлаждение отношений с Россией

Все началось с того, что в расположенной на Адриатике сельской общине Маине в 1766 г. появился безвестный странник, называвший себя Степаном Малым. Он нанялся в работники к богатому крестьянину Вуку Марковичу (по другим источникам – Марко Вукович), влиятельному среди местных черногорцев человеку. Вскоре он обратил на себя внимание умением врачевать, и имя Степана Малого стало популярным среди местных жителей. Однажды после свершения религиозного обряда в местном монастыре, где среди икон находился и портрет российского императора Петра III, Степан Малый потребовал от Вука Марковича, чтобы он, поочередно вглядываясь, сравнил его лицо с портретом Петра III. Сделав, как ему было сказано, Вук пришел к убеждению, что перед ним

inslav

не кто иной, как русский царь. Ошеломленный и потрясенный Вук Маркович пал на колени перед мнимым монархом. Вскоре по всему Приморью распространились слухи, что у Вука Марковича под видом батрака живет император Петр III, покинувший Россию из-за происков врагов и пожелавший обрести покой среди единоверных черногорцев. Самозванец внушал народу, что "от восставших его подданных всероссийская императрица сама его спасла и выпустила из государства, предоставя народу вместо его похожего как две капли воды на него другого, подлого и в то же время умершего человека". Бывшие в России в 50—60-е годы Марко Танович, игумен Феодосий Мркоевич и иеромонах Иосиф Вукичевич прилюдно клялись, что батрак Вука Марковича не какой-то бродяга, а русский царь Петр III. Они самым деятельным образом формировали общественное мнение в пользу самозванца. В связи с этим возникает вопрос: не мог ли кто-либо из этих людей внушить Степану Малому мысль отождествить себя с Петром III? П.А. Ровинский полагал, что к этому самым непосредственным образом причастен М. Танович, бывший, кроме прочего, родственником Вука Марковича: "Без Тановича вряд ли ему могла прийти в голову мысль объявить себя Петром III. Он и Марко Вукович (Вук Маркович. — *Авт.*) толкнули его на это и руководили им все время". По его мнению, во всей этой истории "творцами и дирижерами были люди, составившие целый комплот, а Степан Малый был только вышколенный ими актер"[50].

Во всяком случае несколько позже, во время миссии Ю.В. Долгорукова в Черногорию, Степан Малый, отвечая на вопрос князя, почему он присвоил себе имя Петра III, сказал, что "сами черногорцы выдумали это, но он их не разубеждал только потому, что иначе не имел бы возможности соединить под своей властью столько войска против турок". Степан Малый обладал величайшей способностью к мистификации и искажению фактов в нужном для себя смысле. Можно предположить, что кто-либо из названных выше лиц или еще кто-то, нам неизвестный, увидел в Степане Малом человека энергичного и одаренного, с авантюрной жилкой, уже предпринявшего попытку выдать себя за потомка средневековой сербской династии Неманичей, способного продолжить и развить мистификацию, выдав себя за Петра III. Таким человеком (кроме упоминавшихся Мркоевича, Тановича и Марковича) мог стать, например, И. Вучичевич, сопровождавший митрополита Василия Петровича в его последней поездке в Россию в 1765—1766 гг. Он вполне мог знать как о слухах, что Петр III не умер, так и о первых самозванцах, появившихся в России под личиной покойного императора. Так что все было уже опробовано, нужно было только придать происходившему черногорский колорит. Тем более и на Балканах также существовала легенда о том, что Петр III жив и укрылся в Сербии[51].

Возможен и другой вариант развития событий: Степан Малый сам пришел к мысли выдать себя за Петра III, например, как считает С.М. Соловьев, под влиянием разговоров с подпоручиком М. Тарасовым, приезжавшим в Черногорию в 1766 г. В таком случае ему были нужны авторитетные в черногорской среде люди, которые смогли бы повлиять на умонастроения народа, заставить поверить, что Степан Малый и есть перебравшийся в их края российский император. При этом вовсе необязательно, чтобы они сами верили в правдивость слов Степана Малого, а скорее

inslav

наоборот, зная, что он самозванец, действовали бы как в общих, так и в своих интересах. Заметим, что всего через шесть лет точно таким же образом будут поступать ближайшие соратники Е.И. Пугачева, знавшие, что он донской казак, но уверявшие остальных в противоположном. Что же касается упомянутых ранее сподвижников Степана Малого, то безграмотный М. Танович станет при самозванце великим канцлером, Ф. Мркоевич — личным секретарем, а И. Вучичевич за преданность Степану Малому поплатится жизнью — его казнят венецианцы. Впрочем, не стоит исключать и такой возможности: все, включая самое ближайшее окружение, искренне верили всему тому, что говорил самозванец. Но, на наш взгляд, этот вариант является самым маловероятным.

Венецианские власти Приморья не преминули обратить внимание на странного незнакомца, который еще в феврале 1767 г. через генерального провидура Далмации А. Рениера обращался к дожу с просьбой приготовиться к принятию в Которе некоего "свет-императора". Ради такого события Степан Малый просил снарядить два корабля, украшенных цветами и флагами. После такого неординарного поступка Степан Малый сразу попал под пристальное внимание венецианских тайных агентов. Кроме того, по поручению Рениера с ним встречался и беседовал полковник венецианской милиции М.А. Бубич, отмечавший, в письменном отчете: "Я внимательно рассмотрел его лицо, сравнивая с портретом русского императора Петра III, и нашел его весьма схожим. Лицо продолговатое, маленький рот, толстый немецкий подбородок, нос как на портрете, — блестящие глаза с изогнутыми дугой черными бровями. На левой щеке два рубца как на портрете. На лице признаки бедствий и следы недавней болезни. Цвет тела белый, приближающийся к оливковому. Рост обыкновенный. Пальцы длинные и хорошо сложенные. Длинные, по-турецки, волосы цвета каштанового. Усы черные... Особа, о которой идет речь, отличается быстрым и возвышенным умом. Кто бы он ни был, его физиономия весьма схожа с физиономией русского императора Петра III"[52].

Описывая эту встречу, советник посольства в Вене Г. Мерк вскрывает истинную причину симпатии Бубича к Степану Малому. По словам российского дипломата, для встречи "неможно было хуже человека найти", поскольку Бубич, это "сотник крестьян, приписанных к г. Будве", действовал по наставлениям Марко Тановича и оказывал самозванцу "возможную честь и почтение, для умножения которых еще и плясал с оным в кругу; поднес ему богатое платье и постель со всем прибором". В связи с этим следует заметить, что пресловутый портрет Петра III из Маинского монастыря, судя по описанию его Бубичем, имел мало сходства с тем, как император выглядел на самом деле, поэтому нельзя исключать и такой возможности, что вовремя всплывший портрет был ранее списан с самого Степана Малого. Венецианские власти упустили момент и не арестовали самозванца, спохватились слишком поздно, когда три общины (Маине, Побори, Браичи) уже были целиком на стороне Степана Малого и практически вышли из-под венецианского контроля.

Если власти Венеции опасались серьезного обострения отношений с Портой из-за Степана Малого, поскольку самозванец жил и действовал на их территории, и ждали открытого мятежа своих православных подданных, то владыка Савва боялся всего и всех. Он ожидал неприятностей от Венеции, Турции, России и главным образом от своих соплеменников,

inslav

которые спрашивали у митрополита, как им относиться к Степану Малому. Митрополит направил к нему старейшин, которые "с некоторым ужасом", заклиная всеми святыми, просили Степана Малого открыться, кто он таков, на что был получен следующий ответ: "Когда вы истинного Бога познаете и сделаете общее и вечное между собою примирение, так, чтобы никакого впредь не было между вами несогласия и кровопролития, тогда узнаете вы, кто таков Степан Малый". Он также потребовал довести все сказанное до народа и устроить ему встречу с митрополитом Саввой и влиятельными старейшинами. Посланный в Вену, а затем оказавшийся в Киеве, и там задержанный, эмиссар Степана Малого монах Софроний Плавкович сообщал, что во время этой встречи Степан, объявив себя Петром III, увещевал Савву и старейшин жить в согласии и "народ к тому приводить". Если этого не произойдет, то денежная помощь, идущая из России, будет прекращена, заявлял Степан Малый. Одновременно он проявил интерес к тому, как расходуются российские деньги, поскольку в Черногории "ни школы не учреждены, ни воинскому обряду не обучаются", и требовал "словесным истязанием", чтобы старейшины ему покорились. Те охотно согласились, однако некоторые из старейшин заявили, что они "заподлинно по слуху знают", что российский император умер. Это не смутило самозванца, который в свою очередь заявил сомневающимся, что "о сей тайности им разузнать не должно, но верить только, что он им сказывает"[53].

Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. В самом конце сентября — начале октября 1767 г. состоялось два Общечерногорских збора, в Цекличах и Цетинье, где в присутствии тысяч человек — черногорцев и приморцев — Степан Малый был признан не только Петром III, но и государем Черногории. Тогда же титул государя за Степаном под давлением обстоятельств был вынужден признать и митрополит Савва.

Степан Малый не присутствовал на этих народных собраниях, находясь по-прежнему в Маине, но его призыв об установлении мира в стране и прекращении кровных распрей был услышан черногорцами, заключившими на зборе в Цетинье между собой мир "на вечные времена". Одновременно кровники простили друг другу взаимные обиды. Также законом было установлено, что тот, кто "оный мир прервет", будет держать ответ не только перед обиженным, но и перед черногорским народом.

Вскоре после этих событий сардинский дипломат граф Джузеппе Ласкарис ди Кастеллар, описывая все произошедшее, с нескрываемым изумлением сообщал туринскому двору: "Трудно представить себе изумление, вызванное странным влиянием этого нового призрака, который без всякой посторонней помощи и без денег одним только простым письмом и предыдущими таинственными и иносказательными уверениями успел убедить свободный народ, не признававший никакой дисциплины, нарушить в одно мгновение их древние обычаи, которые они считали выше всякой божеской и человеческой власти, и отделаться от своей природной грубости и от своих привычек. Действительно, эти народы питают к русскому престолу такое уважение и преданность, что даже призрак может ослепить их и внушить им самые нелепые и глупые предположения, которые они считают верными и неоспоримыми, и заставить их в одну минуту изменить своим привычкам".

inslav

Степан Малый мог праздновать полную победу. Все, чего он добивался, было единодушно одобрено и принято народом, значительная часть которого устала от бессмысленного постоянного кровопролития. Он стал повелителем Черногории — в народе его называли царем.

Однако республиканское начало в стране сохранялось, ни один из предыдущих государственных институтов, в том числе и народные собрания, сохранявшие прежние функции, не был ликвидирован. Они по-прежнему принимали участие в решении всех наиболее важных дел черногорского общества, хотя безусловно и учитывали, особенно на пике власти Степана Малого, его суждения и мнения. Монархическое начало пока еще не укоренилось в массовом народном сознании. Для черногорцев Степан Малый был в первую очередь православным русским царем, служившим символом защиты и опоры в освободительной борьбе, отстаивании идеалов свободы. Именно то, что в глазах черногорцев Степан Малый был русским царем, позволило ему достичь таких высот, о которых никто из природных черногорцев XVIII в. не мог помыслить. Сам же Степан Малый, насколько это было возможно в той или иной ситуации, избегал открыто отождествлять себя с Петром III, но говорил о себе, что он — "Степан Малый, добрый с добрыми, злой со злыми, малый с малыми, и великий с великими". Впрочем, как и все самозванцы, он тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщал о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на свою принадлежность к роду правящей средневековой династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим — что он "турецкий подданный из Боснии", "родом из Янин", "из Австрии", "дезертир из Лики" и т.п.[54]

Митрополит Савва первоначально также подпал под всеобщий гипноз и склонялся к мысли, что Степан Малый действительно был Петром III. В начале октября 1767 г. он направил письмо в Константинополь А.М. Обрескову, в котором делился с посланником одолевавшими его сомнениями, считая, что если Петр III жив, то он находится в Черногории. Когда пришел ответ, разоблачавший самозванца, было уже поздно. Все призывы Саввы не верить Степану Малому воспринимались в народе как интриги, попытки удержать окончательно ускользающую власть. Степан Малый нанес ответный удар, арестовав владыку и его родню. Впрочем, вскоре они были выпущены, но престарелый митрополит с тех пор уже не играл никакой политической роли. Его место при самозванце занял бывший сербский патриарх Василий Бркич, укрывшийся в Черногории после ликвидации турками в 1766 г. Печской патриархии, что еще больше укрепило положение Степана Малого, а заодно и Цетинской митрополии как опоры православия на Балканах.

Из подконтрольной ему части Приморья в Черногорию Степан Малый окончательно перебрался только в апреле 1768 г. Причиной отъезда стала попытка венецианских властей арестовать его. Степан Малый был одинаково опасен и для турок, и для венецианцев. Венеции и Турции не нужна была сплоченная, сильная Черногория, способная увлечь за собой славянских подданных этих государств, стать маяком освободительного движения балканских народов. В связи с этим как Османская империя, так и Венецианская республика были заинтересованы в скорейшем физическом устранении Степана Малого.

inslav

Первыми нанесли удар турки. В начале сентября 1768 г. 60-тысячное турецкое войско, которому противостояло, по различным данным, от 2 до 10 тыс. черногорцев и брдян, нанесло поражение войскам Степана Малого в районе Острожских скал. Степан Малый, предвидя неминуемое поражение, бежал с поля битвы и на несколько месяцев укрылся в одном из монастырей, вероятно, в Брчельском, исчезнув на это время с политической арены. Довершить разгром Черногории помешала вначале осенняя непогода, а затем начавшаяся русско-турецкая война, потребовавшая концентрации всех вооруженных сил Османской империи на русских фронтах. Таким образом, Россия помогла Черногории. Венецианцы же не могли напасть на "турецкое место" — Черногорию. Иное дело Приморье, где все села оказались заняты их карательными отрядами. Дома наиболее активных сторонников Степана Малого были сожжены, 4 человека казнены, 23 сосланы на галеры.

События в Черногории тщательно отслеживались в Петербурге. С началом русско-турецкой войны 1768—1774 гг. у Екатерины II под влиянием находившегося тогда в Италии графа А.Г. Орлова сложился план привлечения балканских народов к войне против Турции. Она направила эмиссаров на Балканы, в том числе и в Черногорию. В 1768 г. Екатерина II, по понятным причинам крайне негативно относившаяся к Степану Малому, приказала отправить в Черногорию советника русского посольства в Вене капитана Г. Мерка с грамотой, содержавшей призыв к черногорцам "схватить онаго самозванца и отдать его праведному суду высшей власти яко злодея и возмутителя народного покоя и благоденствия". В Петербурге рассчитывали, что власти Венеции окажут всяческое содействие Г. Мерку в выполнении его миссии. Посол в Вене Д.Н. Голицын просил об этом Сенат Венецианской республики, но 14/25 апреля 1768 г. он был уведомлен венецианским послом, что Сенат был бы рад помочь, но "нежные обстоятельства сего же дела приводят его в неприятное изнеможение"[55]. В Венеции опасались, и не безосновательно, что помощь российскому дипломату будет расценена Портой как вмешательство во внутренние дела Османской империи, поэтому Г. Мерк из-за противодействия венецианских властей так и не попал в Черногорию. Он вынужден был остановиться в Которе, а затем, так и не выполнив возложенного на него поручения, вернулся в Венецию а затем в Вену, что вызвало резкое недовольство Екатерины II. Императрица написала на полях его донесения: "Если бы капитан гвардии был послан с грамотой к черногорцам, то бы письмо, несомненно, отдано было, но сей претонкий политик возвратился с ней, [ничего] не сделав, кроме преострых размышлений".

Судьба посланной с Г. Мерком "пропавшей грамоты" сложилась следующим образом: она была передана Мерком в Вене Д.Н. Голицыну, а тот через русского посланника в Венеции маркиза Ламбро Маруцци попытался переправить ее в Черногорию, но этому воспрепятствовал А.Г. Орлов, который нуждался в черногорцах и их правителе как потенциальных союзниках и полагал, что гневное послание Екатерины не послужит на пользу общему делу борьбы с турками. Разобравшись в сложившемся положении, и Екатерина II изменила свое отношение к Степану Малому. Подтверждение этому мы находим в ее письме к А.Г. Орлову, написанному в мае 1769 г. Говоря о Степане Малом, она отмечала: "Сей от нас писанным в прошлых летах публичным манифестом объявлен обманщиком, но как

inslav

его описывали там весьма сильным, то вздумали его употребить, запретя ему обман".

Возлагая надежды на балканских славян, Екатерина II направила в Черногорию князя Ю.В. Долгорукова, который вместе с членами русской миссии прибыл в Цетинье в августе 1769 г. Русская делегация доставила в Черногорию партию оружия и грамоту Екатерины с призывом к выступлению против турок, но в ней ничего не говорилось о Степане Малом. Помимо выполнения своей главной задачи — организации черногорцев и сопредельных христианских народов на антиосманскую борьбу — Ю.В. Долгоруков принялся княжить в Черногории, причем княжить по-русски, забывая, что в Черногории, где еще сильно было родовое начало, царили другие обычаи и нравы, иные ценности были мерилом жизни. К тому же князь ввязался в интриги и приказал арестовать Степана Малого, однако затем не без влияния А.Г. Орлова, а то и по прямому его приказу, он объявил Степана Малого наместником России в Черногории. Непоследовательные действия Ю.В. Долгорукова настолько запутали ситуацию, что князь, а затем и остальные члены миссии покинули Черногорию[56]. В декабре 1769 г. А.Г. Орлов информировал вице-канцлера А.М. Голицына о том, что князь Ю.В. Долгоруков "принужден был уехать из Черной Горы, по претерпении многих опасностей, со всеми офицерами, и отдать команду Степке Малому, надев на него мундир российского офицера". О том, что членам русской миссии пришлось несладко (во многом из-за высокомерия и барских замашек Ю.В. Долгорукова), свидетельствовал и участник экспедиции подполковник Ф. Герсдорф, который в беседе с венецианцами "сильно жаловался на Черногорию, и находил, что страна эта годна для обитания медведям, но вовсе не годится для людей". После похожего на бегство отъезда русской делегации Степан Малый вновь стал полновластным правителем Черногории, оставаясь таковым до самой смерти.

Академик Е.В. Тарле полагал, что миссия Долгорукова окончилась провалом. Вряд ли ее результаты следует оценивать столь сурово. По возвращении из Черногории Долгоруков получил награды. В Черногории окрепло русское влияние, через полгода после отъезда князя черногорские вожди в письме к провидуру Котора высказывались: "Знаешь ли, господин, что мы сегодня российские? Кто стоит против России — стоит против нас". Летом 1770 г., в те дни, когда русская эскадра разбила турецкий флот при Чесме и высадила десант в Греции, черногорцы во главе со Степаном Малым воспрепятствовали объединению войск боснийского, герцеговинского и албанского пашей с главными турецкими силами, что, вполне вероятно, было результатом тайных переговоров князя и Степана Малого, о чем Ю.В. Долгоруков писал в своих мемуарах. Как бы то ни было, черногорцы оказали вооруженную поддержку России.

Степан Малый предпринимал эффективные меры, направленные на наведение порядка в стране и, в частности, на искоренение кровной мести. Он ввел смертную казнь за кровную месть, учредил суд, исполнение приговоров которого контролировал специальный отряд. Приговоры отличались суровостью. "В Цермнице брат убил брата, и Степан Малый повелел отыскать нового Каина, выволочь его из укрытия, которое он для себя избрал; а то была церковь неподалеку от Подгорицы — укрытие, по тем временам священное и ненарушимое. Он же заставил отца убийцы и оставшихся в живых братьев повесить его перед дверьми родительского дома (по другой

inslav

версии, родственники вешали уже труп расстрелянного накануне убийцы), чтобы устрашить каждого, кто осмелился бы занять себя подобным преступлением". По приказу Степана Малого была построена тюрьма (именуемая в народе "Степановой темницей"), внутрь которой можно было в любой момент пустить воду. Некоторых преступников Степан Малый наказывал "по московскому обычаю": он велел закапывать их в землю по горло, оставлял в таком положении несколько дней, после чего изгонял из страны до дня Святого Георгия. Самым суровым образом карался угон скота, и это в стране, где подобное занятие считалось делом обычным; кражи, даже мелкие, жестоко наказывались. Так, у одного черногорца из Белице (Катунская нахия) был украден петух, и когда об этом сообщили Степану Малому, он велел выдать потерпевшему в качестве компенсации цехин, а старейшинам села под угрозой смерти велел отыскать вора и, когда тот попадет им в руки, повесить на дубе, а петуха привязать ему к ноге[57].

Предпринимать эти подчас жестокие меры Степан Малый был вынужден, поскольку царившую в Черногории анархию и своеволие невозможно было устранить без применения радикальных мер.

Степан Малый осуждал и старался пресечь грабительские набеги черногорцев на соседние венецианские и турецкие владения, предпринимал меры по созданию регулярного войска. Он ввел личную вооруженную охрану, установил караульные посты на горных перевалах и других стратегически важных пунктах страны, активно занимался прокладкой дорог. Последнее было важно, прежде всего в экономическом отношении, поскольку отсутствие дорог препятствовало развитию внутричерногорских связей, тормозило развитие торговли как внутри страны, так и за ее пределами. Отсутствие дорог не позволяло развиваться гужевому транспорту. Так, первая повозка появилась в Черногории лишь в 1748 г., и использовалась в хозяйстве Цетинского монастыря.

Степан Малый предпринял попытку ввести налоги, чего ранее в Черногории не было. Так, посетив Црмницкую нахию, он "обложил каждый дом податью, которую должно было внести до Петрова дня". Налог был введен только в одной нахии, но, безусловно, Степан Малый хотел распространить налогообложение на всю Черногорию. При нем началась перепись населения, которая закончилась уже после смерти Степана Малого, в 1776 г. С его именем связано открытие школы в Петровце, где монах Елисей "обучал детей веронауке и русскому языку"[58]. Обучение русскому языку было делом объяснимым: "русский царь Петр III" обязан был заботиться о распространении этого языка в черногорской среде, прививая и поощряя тем самым дружеские чувства к православной России.

Осенью 1770 г. судьба нанесла тяжкий удар Степану Малому. При проведении ремонтных дорожных работ он случайно подорвался на заложенной в скале мине и в результате этого ослеп. Помещенный в монастырь в Брчеле, он продолжал руководить страной и с нетерпением ждал прибытия русского флота в Адриатику, чтобы объединенными силами обрушиться на врага. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Подосланный шкодринским пашой наемный убийца грек Станко Клазомуня (Паликарда) заколол спящего Степана кинжалом. Произошло это в сентябре 1773 г.

После смерти Степана Малого на политическую сцену уже в третий раз вышел дряхлый митрополит Савва, и Черногория опять зажила привычной жизнью, где не было места порядку, но царили вражда и произвол.

inslav

В 70-х — начале 80-х годов главную роль в политической жизни Черногории начинает играть губернатор Йован Радонич. Усиление власти губернатора не всем пришлось по нраву, особенно семейству Петровичей-Негошей и их сторонникам, поскольку власть сосредоточилась в руках другого рода, и митрополит Савва и молодой архимандрит Петр Петрович, будущий митрополит, играли второстепенную роль.

После гибели Степана Малого черногорское руководство начинает активизировать внешнюю политику, предпринимает попытки выйти из политической изоляции, в которой оказалась страна при жизни самозванца. Кючук-Кайнарджийский мир (1774 г.) усилил позиции России на Балканах, но пока что это никак не отразилось на Черногории, хотя черногорцы по-прежнему возлагали на Россию надежды. В июле 1775 г. Й. Радонич обратился с письмом к Екатерине II, в котором просил императрицу не забывать находящуюся во враждебном окружении Черногорию. Несколько ранее он же просил содействовать переселению черногорцев в Россию.

В конце 1777 г. черногорская делегация в составе губернатора Й. Радонича, сердаря Ивана Петровича и архимандрита Петра Петровича направилась в Россию. По пути они заехали в Вену, где были приняты канцлером В.А. Кауницем, который затем проинформировал Иосифа II о том, что черногорская делегация направляется в Россию в целях порвать связи с русским двором. Вряд ли черногорские делегаты ехали в Петербург в целях конфронтации с русским двором, поскольку они не знали заранее, какая им будет оказана встреча. Однако вполне возможно, что тот же глава делегации Й. Радонич, чьи проавстрийские симпатии в скором времени стали очевидны, уже тогда, зная, что энергичное проникновение России на Балканы не нравится венскому двору, решил таким образом сформулировать перед Веной причину поездки в Петербург. Как бы то ни было, делегация проявила политическую недальновидность: русское посольство в Австрии, располагавшее надежной информацией о черногорских делах, вероятно, узнало и об этом заявлении делегации и сообщило о нем в Петербург.

В российской столице черногорские посланцы провели полгода, несколько раз встречались с Г.А. Потемкиным, но аудиенции у императрицы так и не добились. Продемонстрированные в Петербурге дипломатические качества черногорских делегатов оставляли желать лучшего. Вместо того чтобы действовать неоднократно проверенным способом, а именно со смиренным видом просить российское руководство оказать всемерную помощь Черногории, делегаты вели себя напористо, без соблюдения должного дипломатического такта. Они заявляли, что в 1769 г. Ю.В. Долгоруков был с радостью принят в Черногории, а затем "к немалому удивлению и прискорбию от нас ретировался", обвиняли князя в том, что он якобы оклеветал черногорцев перед А.Г. Орловым, заявляя, что они хотели его выдать туркам, — "в нашем отечестве неслыханный поступок, варварам одним только приличный, а не христианам". При этом делегаты "забыли", что во время миссии Ю.В. Долгорукова в разделенной на партии Черногории действительно находились желающие передать туркам князя, за голову которого была назначена цена в 5 тыс. дукатов, причем не только его одного. Так, после поражения Степана Малого под Острогом турки назначили плату за его голову и голову экс-патриарха В. Бркича. Среди черногорских охотников за головами быстро

inslav

сыскались желающие получить эти деньги, и только случай спас Степана Малого и В. Бркича. Делегаты вспоминали о заслугах черногорцев в русско-турецкую войну 1768—1774 гг., сковавших силы Боснии, Герцеговины и Албании, напоминали невыполненное обещание графа А.Г. Орлова учесть интересы Черногории при заключении мира с Османской империей, сетовали, что, поверив Орлову, черногорцы отказались от "весьма для нас авантажного мира" с турками. Делегаты просили русский двор за свою верную службу не оставлять черногорцев "на жертву и поругание врагам". Они заявляли, что весь славяносербский народ, живущий в Австрии и Венеции и насчитывающий 200 тыс. воинов, "немало огорчен" политикой этих держав и готов вместе с черногорцами выступить не только против Турции, но и других "завистливых дворов, противных российскому интересу"[59]. Таким образом, черногорцы открещивались от всех, в том числе и от Австрии, декларируя свою преданность исключительно России. Поступали они так, возможно, узнав, что их действия в Вене стали достоянием российского двора.

В Петербурге не поверили делегатам, сочли, что посланцы явно преувеличивают заслуги своей родины перед Россией, заверяя в преданности черногорцев русским интересам, поскольку "сие общество помрачило в последнее время чистоту и ясность оных уверений". В российском руководстве полагали, что действия черногорцев во время русско-турецкой войны не соответствовали конечным интересам русского двора, а бóльшая часть черногорского общества "в буйстве и невежестве своем применясь к некоему презрительному самозванцу и бродяге, всячески учинило себя недостойным высочайшего покровительства государыни императрицы". Черногорию — в лице ее представителей — ставили на место, поясняя, что "положение землицы их в углу турецких владений" зависит от того, как складываются дела при здешнем дворе, при этом черногорцам предлагалось "не мечтать, чтоб российские интересы могли располагаемы быть по их прихотям и временным пользам", а руководствоваться для собственного блага впредь делами и интересами Российской империи. Чтобы хоть как-то подсластить пилюлю, давалось согласие на переселение черногорцев в Россию, где каждый "благосклонно принимам будет и по званию своему пристрояем будет".

Черногорская делегация для визита в Петербург выбрала неудачное время, когда в правящих кругах России еще были свежи воспоминания о потрясшем всю Россию восстании Е.И. Пугачева, поэтому раздосадованность и гнев Екатерины II на черногорцев, принявших самозванного Петра III, вполне объяснимы. Помимо этого, возможно, в Петербурге были осведомлены не только об уже упоминавшемся заявлении в Вене черногорских делегатов, что целью их поездки в Россию являлся разрыв отношений с нею, но и о контактах некоторых черногорских старейшин с венским двором, являвшихся следствием авантюрных планов 1777—1778 гг. о переселении части черногорцев в австрийские владения (Банат и Буковина) с последующим принятием их на военную службу[60].

Глобальные планы о совместном выступлении не только черногорцев, но и югославян, живущих в австрийских и венецианских владениях, против любого врага России, также не вызвали в Петербурге интереса, поскольку в России не задумывались о новой войне, а старались построить мирные отношения с той же Портой на основе выгодных условий Кючук-

inslav

Кайнарджийского мирного договора. Следует констатировать, что Черногория была нужна России в годы войны, в мирное же время интерес к ней ослабевал. (Впрочем, нового всплеска заинтересованности русского правительства в черногорцах не пришлось ждать слишком долго.)

Разочарованные делегаты по пути домой вновь остановились в австрийской столице, где обратились к венскому двору с предложением об установлении тесных союзнических отношений между Черногорией и австрийской империей. В Вене тогда находился бывший сподвижник Степана Малого, уроженец Боки Которской Петр Беладинович, человек авантюрного склада. Он выступил главным инициатором и, вероятно, был соавтором письменного обращения губернатора Й. Радонича и его спутников в апреле 1779 г. к императрице Марии-Терезии с проектом конвенции из 14 статей, которую предполагалось "открыто или тайно" заключить между Черногорией и Австрией. В преамбуле конвенции излагалась история русско-черногорских отношений, начиная с Петра Великого. Раздосадованные неудачей в Петербурге, делегаты заявляли, что они устали смотреть, как черногорский народ "служит игрушкой иллюзиям России", объявляли о формальном разрыве отношений с российским двором и от имени народа изъявляли готовность Черногории стать под защиту венского двора. Согласно предлагаемой конвенции, союзники Австрии автоматически становились союзниками Черногории, а неприятели венского двора — ее неприятелями. В случае войны Австрии против Турции черногорцы обязывались воевать с турками не только в своих пределах, но и повсюду, куда их "счастье австрийского оружия поведет". Черногория брала на себя обязательства не вступать ни с кем в войну без одобрения венского двора, исключая вынужденную оборону от турецкой агрессии. В этом случае Австрия должна была прийти на помощь черногорцам. Если в ходе предполагаемой войны с Турцией Австрия вновь займет Сербию, Боснию и направит свои войска против Албании, то, по условиям конвенции, к Черногории должна была отойти Зетская равнина со Скадарским озером, т.е. территория с городами Подгорица, Спуж и Жабляк, утраченная Черногорией в ходе османского завоевания Балкан. В случае заключения мира между Османской империей и Австрией по его условиям венский двор должен был настоять на признании Портой независимости Черногории. Конвенция не исключала варианта, при котором Австрия, расширяя свою территорию, могла бы поглотить и Черногорию. В таком случае черногорцы желали сохранить за собой православную религию, возможность самим решать общегражданские, правовые и экономические вопросы общественной жизни. Одновременно с широкой автономией, согласно конвенции, Черногория резервировала сохранение "свободы и независимости, которая нашим предкам стоила столько крови". Как намеревались черногорцы сочетать на практике автономию со свободой и независимостью и как бы к этому отнесся венский двор, трудно представить.

Конвенция предусматривала финансирование австрийской стороной отряда из 150 черногорцев для наведения правопорядка в стране, а также выплату ежегодного денежного жалованья губернатору, митрополиту и старейшинам. Последствий обращение не имело.

Понимая всю пагубность безграмотности народа, черногорское руководство, начиная с Василия Петровича, стремилось с помощью иностранных держав ввести в стране хотя бы элементарное школьное образование.

inslav

Василий Петрович искал в этом деле помощи у русского правительства, а делегаты просили венский двор выделять 2 тыс. флоринов ежегодно на создание и поддержание школы в Черногории. В случае осуществления этих планов, черногорцы также рассчитывали, что из Австрии к ним будет прислан учитель, поскольку своих в Черногории не было (за исключением полуграмотных священников). Делегаты также хотели, чтобы в Черногорию за счет австрийской стороны был прислан специалист по горному делу для поиска полезных ископаемых. Эта просьба, возможно, объяснялась не только желанием черногорцев произвести геологическую разведку в своих горах, но и в случае удачи вызвать у австрийского правительства интерес к Черногории не только в военном, но и экономическом отношении. Забегая вперед, отметим, что посланный в 1838 г. на поиски золота в Черногорию русский горный инженер Е.П. Ковалевский такового не обнаружил, найдя лишь небольшие запасы железного колчедана.

Предложенная венскому двору конвенция предусматривала взятие Австрией на себя серьезных обязательств перед Черногорией, затрагивавших военные, политические, территориальные и финансовые аспекты. Представления о Черногории в Вене в то время были достаточно смутными, поэтому было принято решение отправить черногорскую делегацию домой под тем предлогом, что ведение переговоров в Вене может вызвать подозрение Порты. Одновременно было дано обещание направить в Черногорию австрийскую делегацию для изучения ситуации в стране и ведения дальнейших переговоров. Это оказалось единственным результатом, достигнутым черногорской делегацией при австрийском дворе, хотя по возвращении в Черногорию Й. Радонич и его спутники заверяли народ в успехе своей миссии в Вену. В дальнейшем ни черногорская, ни австрийская стороны больше не поднимали вопрос об этой конвенции.

Тем не менее Вена сдержала свое обещание и в 1781 г. направила в Черногорию делегацию из трех офицеров во главе с полковником Пауличем. По окончании миссии Паулич письменно доложил Иосифу II, что черногорцы преданы венскому двору, но вновь повернутся лицом к России, если их не взять под покровительство Австрии. Вместе с тем сам Паулич полагал, что осуществление этого в настоящее время было невозможно, поскольку австрийское покровительство навлекло бы на черногорцев гнев Турции и Венеции. Он предполагал, что в случае войны с турками черногорцы, как храбрые воины, более бесстрашные, чем "греки и другие народы Румелии", могли бы оказать существенную помощь австрийской армии. Однако Иосиф II счел, что никакой особой пользы Австрии Черногория не принесет ни в мирное, ни в военное время. Он распорядился выдать черногорским старейшинам единовременно 2 тыс. 200 дукатов, а также разрешил черногорцам, желающим поступить на австрийскую военную службу, переселиться в его владения[61]. По сути дела, император поступил с черногорцами так же, как и Екатерина II в 1778 г., но только более деликатно, без грубых одергиваний и наставлений.

Таким образом, каких-либо значимых положительных результатов от австро-черногорского сближения так и не последовало, что нанесло тяжелый удар по губернатору Й. Радоничу и его сторонникам: их авторитет оказался подорван, а Черногория оказалась в полной изоляции.

В феврале 1781 г., дожив до глубокой старости, скончался митрополит Савва. Его преемником стал многолетний помощник Саввы Арсений Пла-

inslav

менац, после смерти которого в 1784 г. митрополичий престол занял выдающийся государственный деятель Черногории Петр I Петрович-Негош (1784—1830). Новый митрополит, в отличие от подавляющего большинства своих соотечественников, был широко эрудированным человеком. В 1764—1766 гг. он обучался в Александро-Невской лавре. Благодаря его стараниям библиотека Цетинского монастыря, располагавшая богатой коллекцией рукописей и книг, в том числе и изданных в России, постоянно пополнялась не только религиозными книгами, но и произведениями античных авторов, а также современной европейской литературой. Петр I Петрович-Негош знал несколько языков, сочинял стихи, его послания к народу являются образцом не только политической мысли, но и литературного творчества. Митрополит также работал над написанием истории Черногории; часть его исторических исследований была в 1835 г. опубликована в черногорском альманахе "Грлица".

В сан митрополита Негоша посвятил Карловицкий митрополит Моисей Путник, чья митрополия находилась в австрийских владениях. Во время последовавшей затем аудиенции у императора Иосифа II митрополит попытался договориться о получении от Австрии помощи боеприпасами, в которых так нуждалась Черногория. В безвозмездной помощи ему было отказано, но предложено купить порох и свинец. На это черногорский владыка не без язвительности заметил императору, что, имея деньги, он купил бы порох у самого албанского паши.

Понимая всю пагубность отсутствия даже начального образования в Черногории, первое — что сделал Негош, став митрополитом, — это его попытка открыть школу для детей. В ноябре 1784 г. он обратился с просьбой к митрополиту Петербургскому и Новгородскому Гавриилу с просьбой о содействии в устройстве школы при Цетинском монастыре. Однако ответа из России не последовало, и митрополит своими усилиями организовал при монастыре небольшую группу учеников, обучая их чтению богослужебных книг[62].

В 1785 г. Петр I Негош из Вены отправился в Россию. По дороги он остановился в Шклове, в имении генерала русской службы, выходца из Сербии и бывшего фаворита Екатерины II С. Зорича, но, не застав хозяина, продолжил свою поездку и в начале ноября прибыл в Петербург. Там он провел несколько дней, но не был удостоен официального приема и выслан из Петербурга по предписанию обер-полицмейстера, за спиной которого стоял истинный инициатор высылки — князь Г.А. Потемкин. Официально Петру Негошу было предъявлено обвинение в том, что он стал митрополитом без согласия Синода. В письме, адресованном в Коллегию иностранных дел, Негош выразил негодование по поводу поведения князя Потемкина и несогласие с таким обвинением. "Странно слышать такое, как это мне, человеку свободному, не быть архиереем без согласия Синода, — писал он. — Разве они не знают, что власть русского Синода не выходит за пределы русского государства...". Раздосадованный и разгневанный митрополит также заявил, что покуда он жив, его ноги не будет в России. Надо сказать, что слово свое он сдержал, хотя вся его дальнейшая жизнь и политика будут тесно связаны именно с Россией.

В литературе нет единого мнения по поводу этого поступка русских властей в отношении черногорского митрополита. Некоторые авторы считают, что причиной высылки владыки послужил его визит к Зоричу, с

inslav

которым Петр I Негош состоял в переписке и к которому Потемкин испытывал личную неприязнь. Другие видят во всем этом происки выдававшего себя за потомка князей Юговичей Сафрония Юговича-Марковича, который служил секретарем у князя Потемкина и интриговал против митрополита. Кроме того, в сербской литературе как прошлого века, так и новейшей, существует устойчивая точка зрения, что истинная причина изгнания Негоша из России заключалась в том, что согласно Греческому проекту, одним из творцов которого был князь Потемкин, Черногория попадала в сферу влияния Австрии. Каждая из этих версий имеет под собой основание. Но на практике правительство Екатерины II не отказывалось от активной политики в Черногории, проявляло заинтересованность в поддержании там своего влияния. Это наглядно проявлялось в годы русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Так, например, командующей русской армией Г.А. Потемкин пытался склонить губернатора Й. Радонича придерживаться прорусской ориентации, а тот в свою очередь обещал ему не отступать в дальнейшем от преданности петербургскому двору[63].

В феврале 1791 г. В.С. Томара сообщал из Вены о встрече с черногорской делегацией, прибывшей туда из-за слухов о заключении мира между Турцией и Австрией. В.С. Томара писал: "Они (черногорцы. — *Авт.*) просили в рассуждении некоторых раздоров между ними послать к ним начальника, в чем я им отказал, а обещал... послать человека, которого они могут принять как друга и брата". Далее Томара просил черногорцев информировать его о своих делах и обещал поддерживать "с сим народом сообщение". Можно полагать, что такой опытный дипломат, как В.С. Томара, не рискнул бы вести переговоры с черногорцами и тем более давать им обнадеживающие обещания, если бы не был уверен, что его переговоры будут восприняты положительно российским двором или князем Потемкиным, которому и было адресовано это письмо.

Пока митрополит находился в России, Черногория подверглась нападению со стороны Северной Албании. Она была атакована войсками шкодринского паши Махмуда Бушати (Бушатлия), который причислял себя к потомкам принявшего ислам сына владетеля средневековой Зеты Ивана Црноевича (1465—1490) и на этом основании претендовал на черногорскую территорию. Черногория долгое время, с согласия Порты, административно относилась к Шкодринскому пашалыку, который уже с 60-х годов XVIII в. лишь номинально подчинялся империи, а фактически им управлял род Бушати. Появление сепаратистских тенденций было обусловлено ослаблением центральной власти, разложением военно-ленной системы, что подрывало экономическое положение Порты. Почти по всей империи происходили выступления мятежных пашей и янычар. Балканский полуостров в этом плане не был исключением, а скорее являл собой пример. Наместником султана в Южной Албании и Эпире был Али-паша Янинский, чья зависимость от султана была весьма эфемерной. "Али-паша помощию албанцев сделался независим, он повинуется султану только тогда, когда хочет, и задавил уже несколько добрых чаушей, которые приносили к нему золотой шнурок Повелителя Правоверных". Подобным властителем был и Махмуд-паша Бушати, правитель Северной Албании. Это был типичный восточный деспот, для которого собственная воля — закон. Махмуд-паша пришел к власти в 1775 г. после смерти отца, отравленного по тайному приказу Порты, и вначале султан, опасаясь оконча-

inslav

тельно потерять свое влияние в Северной Албании, не хотел оставлять Шкодринский пашалык за семьей Бушати, но, в конце концов, должен был смириться с этим. Махмуд Бушати сумел завоевать авторитет и популярность среди населения. Он энергично, со стороны османской администрации при сборах налогов, закрыл границы Шкодринского пашалыка для султанских сборщиков харача и преследовал их в соседних пашалыках.

Утвердившись у власти, Махмуд Бушати начал активизировать агрессивную политику по отношению к Черногории. В июне 1785 г. он предпринял военный поход против Черногории. Он потребовал уплаты черногорцами дани за прошедшие 15 лет и выдачи заложников, но получил отказ. Войска Бушати насчитывали 18 тыс. человек, а черногорцы смогли выставить 2,5 тыс., их возглавлял губернатор Й. Радонич[64]. И без того критическую ситуацию усугубило и то обстоятельство, что часть черногорцев, среди которых были старейшины Риечской и Лешанской нахий, а также брдяне, заранее запуганные и подкупленные Бушати, перешли на его сторону. Вполне понятно, что черногорцы не сумели оказать противнику должного отпора. Войска Бушати захватили Цетинье, разграбили и сожгли монастырь. Черногорцы вынуждены были подчиниться паше, согласиться на выплату ему дани, в том числе и за прошедшие годы, которая не пошла в Стамбул и осела в его казне, а часть черногорцев, в качестве наемников, поступили к Бушати на службу с обязательством воевать на его стороне.

Таким образом, на смену в значительной степени формальной зависимости Черногории от Порты приходила более реальная зависимость от ее непокорного вассала. Опасность заключалась и в том, что Стамбул был далеко от Черногории, а Шкодра рядом. Предпринимая поход против Черногории, Махмуд-паша пытался представить его карательной акцией, предпринятой по повелению султана, однако Порта заявила о своей непричастности к нападению Бушати на Черногорию, объясняя все происшедшее "личным желанием" паши.

Черногорцы были подавлены этими событиями. К консулу в Далмации А. Палладоклису тайно приходили сердарь И. Петрович и его племянник с жалобой на своих соотечественников, покорившихся шкодринскому паше, и просили российского дипломата оказать содействие в переселении в Крым. А. Палладоклис встречался также с губернатором Й. Радоничем, который просил уведомить Петербург, что если Россия захочет использовать черногорцев в возможной войне против Порты, то черногорцы согласны принять в ней участие. Он только просил снабдить их заблаговременно оружием и боеприпасами. Если обстоятельства не позволят осуществить задуманное, то Й. Радонич с другими черногорцами хотел бы переселиться в Россию[65].

Поражение 1785 г. подорвало и без того слабое единство среди черногорцев, но вместе с тем показало, что только общими усилиями, объединив все племена и нахии, можно избавиться от столь грозного врага.

Вернувшись из России в 1786 г., Петр I Негош застал разоренную Цетинскую обитель. Кроме того, в Черногории выдался неурожайный год, и голодная смерть унесла около 700 жизней. На состоявшемся вскоре Общечерногорском зборе митрополит, обращаясь к черногорцам, с гневом говорил: "Ваши споры, ваша вражда, ваша зависть и ненависть, ваше самолюбие и мщение погубили вас. Посмотрите: всюду разорение, сожжен-

inslav

ные дома, церкви и монастыри — древние памятники ваших славных предков".

Победа над черногорцами усилила влияние Махмуда Бушати в соседних областях. Спеша воспользоваться ее плодами, он задумал подчинить себе Среднюю и Южную Албанию, но здесь его интересы вошли в противоречие с интересами Порты, не желавшей усиления непокорного паши. В конце 1785 г. султан объявил Бушати вне закона и предписал румелийскому беглербею (номинально в состав Румелийского беглербейства входили почти все балканские земли) схватить мятежного пашу и отправить в Стамбул. Вражда между шкодринским везиром и Портой объективно была на руку черногорцам, и хотя пограничные нахии опасались Махмуда Бушати, другие (например, Катунская) — занимали более воинственную позицию.

Вооруженная борьба между султаном и Махмудом-пашой достигла критической точки в 1787 г. Русский посланник в Костантинополе Я.И. Булгаков сообщал, что Порта в своих ферманах, отправляемых на Балканы, именует шкодринского пашу "бунтовщиком Махмудом"[66]. Осенью 1787 г. войска султана осадили последний его оплот — шкодринский замок Розафат. Казалось, Махмуду Бушати не избежать смерти или плена, однако вспыхнувшее из-за грабежей и бесчинств турок в конце ноября 1787 г. восстание, в котором главную роль играли горожане Шкодры (в их числе было немало христиан), в корне изменило обстановку. Осаждающие войска были разбиты. Имеются сведения об активном участии черногорцев в этом восстании, о чем писал русский консул в Триесте С. Варука. Консул на Корфу Л. Бенаки подтверждал эти сведения, что Махмуд Бушати победил осаждающие его войска при помощи черногорцев, "кои забыв вражду и прежние раздоры ему очень пособили"[67].

В конце 80-х годов XVIII в. в Европе произошли важные события, получившие отклик и на Балканах. Вспыхнула русско-турецкая война 1787—1791 гг., в 1788 г. к России присоединилась Австрия. В условиях начавшейся войны русское правительство было заинтересовано в привлечении на свою сторону объединенных боевых сил Черногории и Северной Албании. Возможно, эта мысль оформилась под влиянием А. Палладоклиса, предлагавшего осуществить этот вариант еще во время своего пребывания в России. Вероятность такого союза допускал и генерал-майор русской службы, выходец из Сербии, Д.Г. Неранчич. Черногорско-албанский альянс мог дать до 60 тыс. опытных воинов, готовых вступить в бой против Османской империи. Вице-канцлер И.А. Остерман поручил посланнику в Венеции А.С. Мордвинову установить связь с албанским пашой в целях активизации борьбы против Порты и привлечения на свою сторону черногорцев. Для ведения переговоров было решено использовать российского дипломата И. (Дж.) Оливьери, который весной 1788 г. отбыл из Венеции в Черногорию, имея при себе письма Мордвинова к черногорскому владыке и шкодринскому паше, в которых давались гарантии военной помощи со стороны России в случае вступления в войну против турок.

Проезжая через Далмацию, Оливьери познакомился с доверенным лицом шкодринского паши монахом-францисканцем Эразмом Франкини ди Баньо и под строжайшим секретом открыл ему свое поручение, прося проинформировать обо всем Махмуда-пашу. И паша принял предложение русского правительства, хотя для этого ему пришлось расправиться с

inslav

противниками союза с христианскими державами в Шкодре. Восточный деспот, он приказал "отрубить головы двенадцати скутарским приматам, между которыми находились его ближайшие родственники".

Черногорцы были в курсе всех дел. В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Негош лично встречался с пашой, и переговоры о союзе прошли удачно. Но неожиданное трагическое событие разрушило планы русской и австрийской дипломатии. Посланная в июне 1788 г. Иосифом II для переговоров с Бушати австрийская делегация во главе с представителем императора де Броньяром на обратном пути подверглась неожиданному нападению албанцев, и все австрийцы были убиты. Остается неясным, произошло ли это убийство с ведения Бушати или явилось следствием заговора протурецкой группировки Шкодринского пашалыка. Среди российских дипломатов мнения по этому поводу расходились.

Вскоре черногорцы по инициативе находившейся в стране австрийской военной миссии во главе с майором Ф. Вукасовичем напали на владения шкодринского паши, но военные действия австро-черногорских войск не принесли успеха. В эти дни в Черногорию прибыла русская военная миссия во главе с подполковником М.К. Ивеличем. Российские эмиссары критиковали австрийцев и Петра Негоша за преждевременное выступление против Шкодры. После военных неудач австрийцы тайно бежали из Черногории. Затем и русская военная миссия по настоянию Австрии, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию.

Все попытки России помочь Черногории (отправить эскадру в Средиземное море, направить к "Адриатическому морю и Черным Горам" сухопутные войска) были сорваны в силу разного рода международных обстоятельств[68].

Оставшись одна, Черногория продолжала борьбу с Северной Албанией, а прощенный Портой Махмуд Бушати вновь восстал против султана и грозил, что пойдет на Адрианополь. Османская империя оказалась бессильной перед мятежным пашой, и то, что не сумела сделать она, удалось маленькой Черногории. В результате двух блестящих побед при Мартиничах и Крусах (1796 г.) над многократно превосходящими силами противника Черногория, объединившись с населением Брды, укрепила свою политическую самостоятельность и избавилась от опаснейшего врага — Махмуда Бушати. Если в первом сражении шкодринский паша был ранен и, как писал участник боя архимандрит С. Вукотич, "в большом сумнительстве жизни тогда от ран находился", то во второй битве Махмуд Бушати с жизнью распрощался. Его голова была доставлена в Цетинье и выставлена на всеобщее обозрение. О победе митрополит известил российские власти, и в ответном письме вице-канцлера П.А. Зубова отмечалось, что русский двор "с удовольствием и радостью" узнал о "знаменитой победе", одержанной черногорцами. По общепринятому сербской, черногорской, советской и современной российской историографии мнению, именно 1796 г. является рубежом фактической независимости Черногории. Специфика процесса ее обретения заключается в том, что в сражениях 1796 г. были разбиты не турецкие, а североалбанские войска Махмуда Бушати, который, действительно, мог завоевать Черногорию, но сам он практически не подчинялся Порте, был злейшим ее врагом. Поэтому в Стамбуле были крайне обрадованы, что черногорцы избавили Порту от

inslav

"самого беспокойного неприятеля", угрожавшего устоям Османской империи[69]. Порта по-прежнему считала Черногорию составной частью Османской империи, но именно считала, ибо реально утвердить свою власть не могла.

Тогда же к Черногории присоединилась часть Брды (Пипери, Белопавличи), но окончательное объединение Черногории и Брды произошло лишь в 20—40-е годы XIX в.

Фактическое утверждение независимости

Военные победы 1796 г., укрепление фактической независимости страны создали в Черногории условия для централизации государственной власти. Важным шагом в этом направлении являлось принятие Законника общего черногорского и брдского (известного в югославской исторической и правовой науке как "Законник Петра I, владыки черногорского"), который утвердила 18 октября 1798 г. скупщина в Станевичах. Тогда же было сформировано правительство суда черногорского и брдского, или кулук[70] — общечерногорский орган власти. Сведений о его составе не сохранилось, но имеются данные о следующем правительстве суда, которое было реорганизовано из предыдущего в сентябре 1799 г. и включало 50 чиновников из числа старейшин. Заметим, что для обществ со слабым развитием феодализма свойственна неотделенность суда от администрации, те органы и должностные лица, которые осуществляют законодательную власть и управление, в той же мере выполняют и судебные функции. Это относится как к высшим эшелонам власти, так и к местным: и в монархиях, и в республиках. Правительство суда черногорского и брдского было институтом центральной власти, но еще слабой и недостаточно концентрированной. В связи с этим уместно вспомнить справедливые слова Ф. Энгельса, что публичная власть "может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоположностями и в отдельных областях...". Анализ же социального состава правительства позволяет обнаружить фактическое закрепление принципа имущественного неравенства, что "характеризует низшую ступень государственного развития"[71].

При правительстве имелась Народная канцелярия, возглавляемая народным секретарем, в ее штат входили еще несколько секретарей. Через этих служащих Народная канцелярия объявляла решения о созыве скупщин, мобилизации на войну, ее чиновники имели право решать маловажные судебные дела, занимались разбором конфликтов, возникавших между черногорцами и австрийскими подданными. Народная канцелярия поддерживала внешнеполитические контакты и наделяла полномочиями черногорских представителей, отправлявшихся в другие государства.

Законник общий черногорский и брдский включал 16 статей, а позже, в 1803 г., был дополнен еще 17 статьями и насчитывал всего 33 статьи. Законник базировался на нормах обычного права, некоторые исследователи прослеживают в нем византийское влияние. Его автором был Петр I Петрович-Негош.

Цель основной статьи Законника — разрушение остатков родоплеменных обычаев, пресечение кровной мести. "Если черногорец убьет бра-

inslav

та своего черногорца или брдянина без всякой вины, то он подвергается смертной казни" (статья 2). Отсюда проистекает начало, противное ранее существовавшему родоплеменному обычаю, дававшему убийце возможность откупиться. Если преступник, повинный в кровной мести, скрывался за пределами Черногории и не мог быть пойман, то его имущество подлежало конфискации, часть — в пользу семьи погибшего, другая — в государственную казну (статья 3). Поймавший убийцу мог убить его, и за это не нес ответственности перед законом (статья 5).

Власти понимали, что архаичные представления о чести и морали, глубоко укоренившиеся в сознании черногорцев, будут мешать отправлению правосудия. Эту возможность должна была пресечь статья Законника, по которой укрыватель убийцы "подлежал одинаковому с ним наказанию", т.е. смертной казни. По-иному трактовалось неумышленное убийство и убийство в целях обороны (статья 10). За такое преступление полагалось менее суровое наказание. В судебных материалах содержится дело, по которому за убийство в целях обороны был взыскан крупный денежный штраф. За нанесение раны во время ссоры на виновного накладывался денежный штраф.

Защита интересов в первую очередь зажиточной части населения, выражавшаяся в охране частной собственности, предопределила суровость мер, направленных на пресечение грабежей и воровства (статьи 13, 14, 16, 17). Необходимо учитывать, что эти законы вводились в стране, где такое преступление, как угон чужого скота, считалось своеобразным героическим поступком, проявлением "юначества". Не нес уголовного наказания и человек, убивший или ранивший вора, застав его на месте преступления (статья 13). (Аналогичная статья содержится в "Русской правде".) Здесь подтверждается правило, установленное обычаем, — право убить вора на месте преступления, которое встречается в законодательстве обществ, находящихся на раннеклассовой стадии развития.

Купля-продажа недвижимого имущества представляла преимущественное право на покупку родственникам и ближайшим соседям владельца (статья 15). Примечательно, что право покупки недвижимой собственности (племенщины) закреплялось и Полицким статутом, но распространялось только на близких родственников, которые обладали правом выкупа племенщины. Черногорский законник не содержал подобной оговорки, однако на практике суд предоставлял такую возможность, руководствуясь уже нормами обычного права.

В Законнике имелась статья, которая должна была способствовать улучшению условий торговой деятельности, в чем был особенно заинтересован старейшинский слой — беспорядки на базаре приравнивались по силе вины к беспорядкам в церкви (статья 19). Не были обойдены и международно-правовые отношения, касающиеся, в частности, австрийского Приморья. Черногорцы обязывались "держать с приморцами добрососедский мир и тишину, какая приносит обеим сторонам взаимную пользу" (статья 18). В последующих статьях упорядочивалась система судопроизводства, предусматривались тяжкие наказания судьям за взятки и злоупотребления. Причем наказанию подлежал и взяткодатель. Закон предписывал каждому черногорцу и брдянину "подчиняться, уважать и любить судей ими же выбранных" (статья 26). Менее значительные гражданские дела должны были решаться местными судьями. Правительство и сам Петр I

inslav

Петрович-Негош наказывали судей за следование патриархальным обычаям в судебной практике. Однако если встречались дела, не подпадавшие под действие норм Законника, судьи могли рассматривать их и выносить приговор по "обычаям и по своей совести"[72].

Для того чтобы государственные органы могли функционировать, необходимо было их финансировать. На содержание правительства и суда шли суммы из денег, попадавших в казну в качестве штрафов. Но главным источником финансирования были субсидии России, рассматриваемые митрополитом Негошем как необходимое средство для поддержания государственной организации в Черногории. В сентябре 1799 г. митрополит сообщал черногорскому посланцу Н. Черноевичу-Давидовичу (Чирковичу) в Петербург: "Определяемая в ежегодное течение по 1000 червонцев сумма денег имеет быть здесь употребляема во общую пользу для содержания в судах достойно определенных старшин"[73]. Причем наряду с денежными суммами, получаемыми непосредственно от русского правительства, существовала еще такая форма дотации, как денежные пожертвования Цетинскому монастырю русским Синодом. Однако необходимо было найти свой постоянный источник содержания аппарата власти, и Законником впервые вводится налог с каждого дома. Необходимость этой меры обосновывалась Петром Негошем ярко и убедительно: "Ни один народ не может быть уважаемым и счастливым, не имея законного суда и хорошего правительства, а ни одно правительство без помощи народа существовать не может. Поэтому все народы на свете ежегодно платят общий налог, сколько в каком месте и государстве установлено, платят его не для других, а для самих себя, чтобы на эти деньги содержать правительство, суды и войска, которые их будут защищать от нападения неприятелей и охранять от всякого злого и дурного человека, чтобы народ мог мирно и без всякого страха заниматься своим делом и жить спокойно и мирно. А это и нам очень нужно, и потому постановляем, чтобы всякий дом платил ежегодный налог в 60 динаров" (статья 20).

Не все статьи Законника удалось сразу и легко воплотить в жизнь. Например, во времена Петра I Негоша так и не был налажен регулярный сбор упомянутого выше налога, но не вызывает сомнения весьма широкое применение Законника в судебной практике[74].

Некоторые историки представляли митрополита Петра I Негоша как смиренного духовного пастыря, который, видя зло, царящее вокруг, лишь по-отечески увещевал враждующих. Безусловно, Негош в борьбе за искоренение беззаконий использовал свой авторитет главы церкви, но в случае необходимости возглавляемое им правительство суда черногорского и брдского не останавливалось и перед наказаниями, вплоть до смертной казни.

Появление юридического кодекса объяснялось глубокими социально-экономическими сдвигами, происходившими в черногорских землях в конце XVIII — начале XIX в., когда примитивные формы жизни тормозили формирование государственных институтов, вступали в противоречие с интересами старейшинского слоя, выделявшегося в господствующую социальную группу. Законник привел к определенной централизации власти. Благодаря мерам, направленным на пресечение кровной мести, охрану частной собственности и упорядочение торговли, он сыграл положительную роль в создании основ государственной организации и соответст-

inslav

вующего потребностям времени правопорядка. Подтверждением тому является включение этого юридического документа в свод законов первого светского правителя Черногории князя Данилы в 1855 г.

Обращаясь к внешней политике Черногории конца XVIII в., следует сказать, что со вступлением на престол Павла I открылась новая страница в истории русско-черногорских отношений. Павел I отошел от осторожной политики своей матери; начался длительный период войн с Наполеоном. Заинтересованность России в Восточном Средиземноморье, Балканах резко возросла, что положительно сказалось на русско-черногорских отношениях.

Началом русско-черногорских взаимоотношений в этот период послужила афера Николая Чирковича-Давидовича, выдававшего себя за "графа", черногорского "обер-воеводу" и "бывшего полковника венецианской службы" Черноевича-Давидовича. Она была раскрыта русскими властями уже при Александре I в 1802—1803 гг. благодаря информации, полученной от главы своеобразного "землячества" живущих в России черногорцев Ф. Марошевича и майора И. Парапановича.

Судя по описанию, жизненный путь "графа" и "обер-воеводы" был весьма извилистым и богатым авантюрами. Родился он в Подгорице, затем перебрался с отцом в Котор, и тогда носил еще фамилию Чиркович. Прихоти судьбы заносили Чирковича в Триест, в Пешт и Германию. В 1791 г. он был зачислен в шкловское училище графа С. Зорича, где обучался до 1794 г. уже под фамилией Давидович. Затем Н. Чиркович-Давидович прибыл в Петербург, имея при себе подложный патент капитана венецианской службы, и предпринял попытку поступить на российскую военную службу, но отказался от предложенного ему чина прапорщика. В столице поначалу жизнь Н. Чирковича-Давидовича протекала несладко. Он питался "подаяниями" людей добрых и еле пристроился в дом русского вельможи Л.А. Нарышкина, который принял его "из подвига милосердия" и содержал вместе с другими бедняками.

Вскоре Чирковичу-Давидовичу удалось узнать о нахождении в Петербурге родственника митрополита Негоша А. Филотича, у которого имелись документы, данные ему "обществом черногорским". Н. Чиркович-Давидович сумел войти в доверие к тяжело болевшему А. Филотичу и после его смерти в конце 1797 г. завладел хранившимися у него документами. Затем, как сообщали Ф. Марошевич и И. Парапанович, Н. Чиркович-Давидович изготовил себе подложные свидетельства, в коих он значился полковником Венецианской республики и обер-воеводою черногорцев, хотя чин обер-воеводы не существовал и не существует вовсе между черногорцами. Вслед за этим Н. Чиркович-Давидович от имени черногорских старейшин, якобы уполномочивших его поздравить с восшествием на престол Павла I, объявился при дворе. Павел I, считая "мнимого посланца за настоящего", принял эти поздравления.

Следствием этих авантюрных поступков Н. Чирковича-Давидовича стали вполне конкретные действия русского императора, положительно повлиявшие на развитие русско-черногорских отношений. Первым шагом в этом направлении была грамота Павла I черногорским старейшинам с подтверждением покровительства России Черногории. Павел I также именным указом наградил черногорского митрополита орденом Александра Невского. Кроме того, по списку, представленнному Н. Чирковичем-

inslav

Давидовичем, 15 золотыми медалями награждались черногорские и брдские старейшины, а также пожаловано было "сверх того 4 медали серебряных для чиновников". Сам Н. Чиркович-Давидович также получил медаль. С грамотой Павла I, медалями и орденами для митрополита герой отбыл в Черногорию. По прибытии туда, писали Марошевич и Парапанович, Н. Чиркович-Давидович встретился с митрополитом, который до того не подозревал о его существовании. Однако, получив из рук Чирковича-Давидовича конкретные подтверждения возросшего интереса и внимания России к Черногории, был "пленен оными до восхищения".

Н. Чиркович-Давидович, получив соответствующие официальные полномочия от митрополита, отбыл в Россию. Негошу, чтобы не навлечь подозрений на Н. Чирковича-Давидовича со стороны русского правительства, пришлось признать за ним нелепый для Черногории титул графа и звание обер-воеводы.

Оценивая роль Н. Чирковича-Давидовича в развитии русско-черногорских связей конца XVIII — начала XIX в., следует отметить ее двойственность. Он был не первым уроженцем Балкан, который из сербского или черногорского "кнеза" переименовал себя в венецианских владениях в "конта", а прибыв в Россию, называл себя графом или князем. Он принадлежал к авантюристам, которыми так богат XVIII в. Безусловно ловкий и видавший виды человек, он был и достаточно образован. Шкловское училище, позднее переведенное в Москву и преобразованное в первый кадетский корпус, и в те годы славилось системой обучения. Здесь учились многие балканские славяне[75]. Н. Чиркович-Давидович, как и многие его соплеменники, жившие в России, желал избавить Черногорию от угрозы османского порабощения, добиться расширения ее границ и внес посильную лепту в это дело.

В конце XVIII в. происходили важные изменения на границах Черногории. В 1797 г. Венецианская республика под ударами французов прекратила свое существование. В то же время Наполеон нанес поражение австрийцам, и между Францией и Австрией в октябре 1797 г. был подписан Кампоформийский мир, условия которого были продиктованы Бонапартом. В соответствии со статьями мирного договора владения Венецианской республики были поделены между Францией, Австрией и Цизальпийской республикой (Швейцарией). Австрия получила Истрию, Далмацию и Боку Которскую, что открывало венскому двору путь для дальнейшего проникновения на Балканы.

Население Боки Которской (состоявшее на 2/3 из православных, остальные — католики) еще до заключения мира между Францией и Австрией в основной своей массе склонялось к мысли об объединении с Черногорией. Но Петр I Негош тогда предложил бокельцам принять покровительство Австрии, и австрийский флот занял Боку Которскую. Когда находившийся в районе Дубровника (Рагузы) французский флот стал угрожать Боке Которской и французы потребовали удаления оттуда австрийцев, граф Турн, будущий австрийский комиссар Далмации, призвал владыку и черногорцев оказать помощь Австрии в борьбе "против общего врага, разрушителя веры и самых священных социальных уз". Черногорцы выразили полную готовность поддержать австрийцев, и, узнав об этом, французы вынуждены были ретироваться, отказавшись от замысла завладеть Бокой Которской.

inslav

Петр I Негош оказывал в то время поддержку австрийцам, поскольку он помнил, что Австрия и Россия были союзниками в русско-турецкую войну 1787 — 1791 гг., к тому же его настораживала и пугала резко антиклерикальная политика Директории. В то время заслуги черногорцев перед Австрией признавались венским двором, и император Франц II в знак благодарности послал Петру I Негошу "отменной величины крест и перстень бриллиантовый в шесть тысяч червонных". Однако, когда австрийцы после Кампоформийского мира прочно утвердились в Далмации и Боке Которской, черногорско-австрийские отношения стали резко ухудшаться. Австрийские власти Боки Которской, и особенно комендант генерал Ф.М. Бради, под тем предлогом, что черногорские монастыри Станевичи и Маине находятся на венецианской территории, стали обосновывать на них свои претензии. Кроме того, австрийцы хотели изъять свои новоприобретенные земли из-под церковной власти черногорского владыки и поставить в них послушного им православного архиерея. Население Боки Которской также было недовольно порядками, установленными австрийцами, а жители Будвы проявляли явную склонность к России, сообщал Директории в июле 1798 г. французский консул в Дубровнике.

Действия австрийцев находили поддержку у губернатора Й. Радонича, который еще в декабре 1797 г. в письме к императору Францу II высказывал свою радость в связи с тем, что Австрия стала соседкой Черногории, и выражал надежду, что венский двор примет Черногорию под свое покровительство[76]. В отличие от губернатора, в сложившейся ситуации митрополит возлагал надежды исключительно на Россию. На майской скупщине 1797 г. было решено направить в Петербург архимандрита С. Вукотича, который по прибытии в российскую столицу представил в Коллегию иностранных дел прошение черногорского народа Павлу I. В этом документе содержалась просьба о покровительстве России Черногории и даче правил духовных, военных и гражданских; о заведении училищ и об отдании распоряжений касательно таможенных сборов и отыскании металлов, а также о присылке в Черногорию специального уполномоченного от русского двора "для вящего обозрения в совершенной верности".

Русское правительство, учитывая военно-стратегическое значение Черногории, ведшей борьбу с Турцией, было заинтересовано в поддержании единства черногорских племен, в укреплении власти митрополита. В ответ на просьбу Петра I Негоша Павел I установил в 1799 г. ежегодную субсидию в размере 1 тыс. червонных (3 тыс. руб.). По поводу этой субсидии указывалось, что она учреждается "на общенародныя надобности, а наипаче на всякия полезныя заведения, кои, утверждая в народе христианския добродетели и доставляя оному просвещение, споспешествовать будут неминуемо благосостоянию земли". Вскоре по предписанию Павла I адмирал Ф.Ф. Ушаков, командовавший объединенной русско-турецкой эскадрой в Средиземном море, отправил в Черногорию капитан-лейтенанта Х.И. Клопакиса. Прибытие русского офицера уверило черногорцев в том, что все начинания Негоша поддерживаются русским правительством, и оживило надежду на "официальное покровительство" России. Это сложившееся мнение мог подтвердить и С. Вукотич: возвращаясь на родину через Константинополь, он встречался с русским посланником В.С. Томарой. Последнему еще в январе 1799 г. Павел I повелел защищать интересы черногорцев перед Портой[77].

inslav

Русское правительство в то время было крайне обеспокоено захватами Наполеона в Средиземноморье, угрожавшим превращением Средиземного моря во "французское озеро", и нависшей в связи с этим опасностью Балканам и рубежам России. В свое время, еще в 1796 г., Петр I Негош в письме к Екатерине II предсказывал и предупреждал, что французы, продолжая наступательное движение, "намереваются принять шествие к Молдавии и далее, даже к прежде бывшим польским границам и пределам Российской империи".

В конце 1798 — начале 1799 г. складывается вторая коалиция против Франции. Главными ее участниками были Англия, Россия, Австрия и королевство Неаполитанское. Естественно, что в создавшемся положении русскому двору было нежелательно обострять отношения с Австрией из-за Черногории. Но все же Павел I предписал послу в Вене А.К. Разумовскому "употреблять дружеское ходатайство, основывая оное на единоверии нашем с тем народом (черногорцами. — *Авт.*)". Решительно, по-флотски, действовал в поддержку черногорцев адмирал Ф.Ф. Ушаков. В письме к коменданту Боки Которской Ф.М. Бради, продолжавшему интриговать против черногорцев и митрополита, он резко одернул австрийского чиновника и потребовал оставить "напрасные затеи и замыслы" против "народов и мест", находящихся под "протекцией и покровительством" российского императора. Это письмо русского адмирала отрезвляюще подействовало на Бради и в какой-то степени умерило его пыл, хотя и ненадолго. Австрийское правительство, власти Далмации и Боки Которской небезосновательно опасались российского влияния на своих новых славянских подданных, а прорусски настроенные черногорцы и их владыка служили его проводниками. Проавстрийская политика губернатора Й. Радонича и его окружения привела к тому, что он постепенно утратил доверие народа. Этому способствовало и то, что он предпринимал внешние акции по отношению к венскому двору без санкции Общечерногорского збора[78]. Такая политика не могла остаться без последствий, и в марте 1798 г. митрополит информировал Константинопольскую патриархию о том, что губернатор Радонич "между нами почтенен именем, а не властью". Сам же Петр I Негош на одной из скупщин в 1799 г. объявил себя "явным неприятелем Австрийского дома, преданным по смерть России". На той же скупщине народ едва не расправился с губернатором и его сторонниками, но митрополит, успокаивая черногорцев, довольствовался тем, что "сии главари формально и письменно отказались иметь наималейшее сношение и согласие с австрийцами".

В начале 1800 г. в звании полномочного черногорского посланника в Петербург прибыл Н. Черноевич-Давидович (Чиркович). Ему были даны обширные инструкции, предписывалось обратить внимание русского двора на тот факт, что ранее Черногория имела выход к морю, но приморские территории были отторгнуты у нее венецианцами, а затем перешли в руки Австрии, в то время как население этих земель готово воссоединиться с Черногорией. Черногорский посланец информировал о том, что в случае войны России с Турцией славяне могут оттянуть на себя значительные военные силы. Но международная обстановка в Европе шла вразрез с такого рода предложениями, ибо Россия в союзе с Османской империей и другими государствами вела войну с Францией. Учитывая это обстоятельство, Черноевич-Давидович предложил подтвердить покровительство

inslav

России черногорскому народу и "учредить при митрополите одну особу в российском чине".

В октябре 1800 г. Н. Черноевич-Давидович обратился с прошением к Павлу I, где, среди прочего, зондировался вопрос о содействии России в присоединении к Черногории Боки Которской[79]. Его благоприятное разрешение, казалось бы, стало возможным ввиду резкого обострения русско-австрийских отношений после Швейцарского похода А.В. Суворова[80]. Однако для реализации этого плана не представилось возможности. Дело в том, что международная обстановка на рубеже XVIII и XIX столетий менялась почти мгновенно, вчерашние союзники становились противниками, и наоборот. Важные события происходили в Восточном Средиземноморье. Британский флот блокировал о. Мальту и в сентябре 1800 г. вынудил капитулировать французский гарнизон. Англичане, в нарушение ранее принятых обязательств, решили не допускать русский военный гарнизон на остров. Захват Мальты, игравшей важную роль во внешнеполитических планах Павла I, вызвал разрыв русско-английских отношений (1800 г.) и положил начало русско-французскому сближению. Это, в свою очередь, вызвало недовольство англофильской группировки в России. Против императора был организован заговор. После убийства в марте 1801 г. Павла I и вступления на престол Александра I начинается новая, наполненная героическими и драматическими событиями страница истории Черногории и русско-черногорских отношений.

XVIII в. был для Черногории трудным, но обнадеживающим временем. Он начинался с межплеменной разобщенности черногорского общества, анархии и кровной вражды, а заканчивался если не победой над этим злом, то значительным его смягчением. В стране, где долгое время царило беззаконие, начал действовать кодекс законов и стало функционировать правительство. Международное положение Черногории также улучшилось. Благодаря победам в 1796 г. над правителем Северной Албании Махмудом-пашой Черногория укрепила фактическую самостоятельность и в дальнейшем уже никогда не платила дани ни Порте, ни ее мятежным вассалам. Русско-черногорские отношения, несмотря на известные осложнения, связанные с правлением в Черногории выдававшего себя за Петра III самозванца Степана Малого, в целом складывались благополучно. Россия оказывала дипломатическую и материальную поддержку Черногории. Особенно эти отношения улучшились во время правления Павла I.

[1] *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем: География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т. I. С. 559.

[2] *Стојановић П.* Неки проблеми положаја и улоге цркве и црквене организације у Црној Гори: Осврти на стање у XVIII, XIX и на почетку XX вијека // Историјски записи. (Далее: ИЗ). Титоград, 1973. Књ. XXX, св. 3/4. С. 300; Црногорске исправе XVI–XIX вијека. Цетиње, 1964. Док. 46, 47, 50 и др.; *Никчевић Т.* Прилог дискусии уз чланак "пет година историски записка" // ИЗ. Цетиње, 1957. Књ XIII, св. 1/2. С. 357.

[3] *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе. 1711–1918. Подгорица; Београд, 1996. С. 23. *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII вијеку. Београд, 1912. С. 42; *Александров Г.Н.* Исторические сведения о сношениях России с Черногорией // Русский архив. 1876. № 7. С. 260.

[4] *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1905. Т. II, ч. I. С. 142. Члены братства не могли вступить в брак до седьмой степени родства по нисходящей линии, по-

inslav

этому семейные браки внутри братства были исключительно редкими. См.: *Медаковић М.* Живот и обичаи Црногораца. Нови Сад, 1860. С. 78.

[5] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 19.

[6] История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 220.

[7] *Богоявленский С.К.* Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв. // Славянский сборник. М., 1947. С. 246—247.

[8] *Миловић Ј.М.* Зборник докумената из историје Црне Горе (1685—1782). Цетиње, 1956. С. 17—18; *Петровић Р.В.* Владика Данило и владика Сава (1697—1781). Београд, 1997. С. 279, 313.

[9] *Аншукова Т.* Черногория. М., 1910. С. 50.

[10] Подробнее о республиканском устройстве Черногории см.: *Александров А.И.* "Нова Коола" од Николе I // Учен. зап. имп. Казан. ун-та. Разд. Критика и библиография. 1897. Кн. 3. С. 8—26; *Аншаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798—1856 гг.). М., 1998. С. 58—67.

[11] *Достян И.С.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 298.

[12] Политические и культурные отношения... С. 185; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. I. С. 747; *Дашић М.* Огледи из историје Црне Горе: (Студије о догађајима од краја XVIII вијека до 1918). Подгорица, 2000. С. 50.

[13] *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... СПб., 1905. Т. II, ч. III. С. 24; СПб., 1901. Т. II, ч. II. С. 38.

[14] См. об этом: *Путилов Б.Н.* Героический эпос черногорцев. Л., 1982. С. 141—151; С. 91—92; Неколике пиеснице старе, нове, преведене и сочинене С.М. Сарайлиом. Лайпциг, 1826; Певаннія цергогорска и херцеговичка. Ч. 1. Будим, 1833; Народне српске пјесме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Липиска, 1824. Књ. 1; 1825. Књ. 4. *Његош П.П.* Огледало српско. [Б.м.], 1845; *Његош П.П.* Огледало српско // Цјелокупна дјела П.П. Његоша. Београд, 1951. Књ. 5. С. 40—46.

[15] Марко Кралевич — турецкий вассал, ставший владетелем небольшого удела с центром в городе Прилеп (Вардарская Македония) после гибели в битве с турками (1371 гг.) его отца Вукашина. Вероятно, М. Кралевич получил от турок какие-то привилегии, облегчавшие положение населения его владений по сравнению с соседними землями. Если песни о Марко Кралевиче были всегда популярны в народной среде, то иное отношение к этому историческому и эпическому лицу наблюдалось в высшем черногорском руководстве, считавшем его предателем. См.: *Путилов Б.Н.* Героический эпос... С. 64.

[16] Во время Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Джуро Милутинович доставлял письма владыки в повстанческую Сербию, спрятав их в палке или гуслях. См. текст песен в кн.: Песни южных славян. М., 1976. С. 279—281, 306—309.

[17] См. текст песни: *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. II, ч. III. С. 457—462. Литературный анализ этой песни и русской темы в целом см.: *Путилов Б.Н.* Героический эпос... С. 40—41, 168—169; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. II, ч. III. С. 462—463; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 138—139; Политические и культурные отношения... С. 295.

[18] *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. II, ч. III. С. 58; Т. II, ч. II, III; Т. I. С. 634.

[19] *Драгићевић Р.* Митрополит Петар I и мирење крвне освете // Записи. 1935. Књ. XIV, св. 7. С. 260; *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. Београд, 1955. С. 42. Политические и культурные отношения... С. 29—30; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 60.

[20] Брда, примыкающая к Черногории горная область, состоящая из семи племен, которые, за редким исключением, поддерживали черногорцев в освободительной борьбе; *Петровић Р.В.* Владика Данило... С. 52; Политические и культурные отношения... С. 40.

[21] Историја Црне Горе. Титоград, 1975. Књ. 3, т. 1. С. 254: *Петровић Р.В.* Владика Данило... С. 54.

[22] *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом... Т. I. С. 517; См. также главу "Трагедия на реке Прут".

inslav

[23] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. VIII. С. 397; *Миловић Ј.М.* Зборник документата... С. 29; *Петровић Р.В.* Владика Данило... С. 58; Историја Црне Горе. С. 264.

[24] Политические и культурные отношения... С. 53; С. 51 – 52; *Шубарич А.П.* Русско-сербо-черногорские книжные связи в первой половине XVIII в. // Филевские чтения. М., 1994. Вып. VI. С. 110; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1979. Ч. II. С. 165.

[25] Историја Црне Горе. С. 269 – 270.

[26] *Достян И.С.* Описание Черногории... С. 302; *Петрович Р.В.* Степан Малый – загадка истории. Белград, 1996. С. 30; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. I. С. 539, 545.

[27] *Станојевић Г.* Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740 – 1766). Београд, 1978. С. 31; Црногорске исправе... Док. 35, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 45 и др.; *Милаковић Д.* Кратка историја Црне Горе: Грлица. Календар Цернегорски. Црна Гора, 1835. С. 66; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. I. С. 547, 549.

[28] Историја народа Југославије. Књ. 2. Од почетка XVI до краја XVIII в. Београд, 1960. С. 1180; Политические и культурные отношения... С. 113 – 115; *Станојњић Г.* Митрополит Василије... С. 68.

[29] Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией. 1746 г. Д. 5. Л. 8 об. – 10; 1 об., 13, 14. *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе... С. 41.

[30] *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские связи в XVIII в. (церковные и культурные) // XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 11; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 71 – 72, 69; Политические и культурные отношения... С. 129; *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 76.

[31] Историја Црне Горе. С. 305; *Станојвић Г.* Митрополит Василије... С. 79 – 80; Историја Црне Горе. С. 307 – 308; Политические и культурные отношения... С. 118; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 70.

[32] *Соловьев С.М.* Указ. соч. М., 1993. Кн. XI. С. 374; *Теплов В.* Русские представители в Царьграде, 1496 – 1891. СПб., 1891. С. 28; Политические и культурные отношения... С. 142 – 143; *Соловьев С.М.* Указ. соч. М., 1993. Кн. XII. С. 140 – 141.

[33] Российский государственный исторический архив (Далее: РГИА). Ф. 796. Д. 197. 1752 – 1762 гг. Л. 981 – 983; *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 98. После приезда в Россию митроплита Саввы в 1743 г. за деньгами никто не приезжал, поэтому и образовалась задолженность, см.: РГИА. Ф. 796. Д. 197. 1752 – 1762 гг. Л. 28 об. – 29; Политические и культурные отношения... С. 179.

[34] *Костич М.* Школа и жизнь в Черногории // Славянский ежегодник. Киев, 1877. С. 192; Политические и культурные отношения... С. 163 – 164, 185 – 186, 187 – 190; *Станојевић Г.* Митропоолит Василије... С. 102 – 103; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 73.

[35] *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 73 – 74; *Шубарич А.П.* Русско-сербо-черногорские... С. 117; *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские... С. 14.

[36] РГИА. Ф. 796. Д. 197. 1752 – 1762. Л. 39 – 39 об.; Политические и культурные отношения... С. 196, 197, 200.

[37] АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1752 – 1756 гг. Д. 7. Л. 105 – 106; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XII. С. 205. *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 116.

[38] Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 19; *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 115, 122; *Историја* Црне Горе. С. 335; Политические и культурные отношения... С. 206.

[39] *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 77; Политические и культурные отношения... С. 204 – 209; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1751 – 1755 гг. Д. 6. Л. 25.

[40] См. об этом: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 154 – 171; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XII. С. 357 – 358; Политические и культурные отношения... С. 209; Историја Црне Горе. С. 339. Вопросами внешних сношений ведал реис-эфенди, управляющий канцелярией султанского правительства, его помощником и советчиком был главный драгоман.

[41] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XII. С. 358, 359; Историја Црне Горе. С. 341; Цит. по: *Петровић Р.В.* Племе Кучи, 1684 – 1796. Београд, 2001. С. 198.

inslav

[42] АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1756—1757 гг. Д. 2. Л. 150, 151; *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 137, 138; АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. Оп. 86/1. 1756—1757 гг. Д. 2. Л. 152, 154—155/

[43] Историја Црне Горе. С. 345, 347; ОР РНБ. Ф. 1179 (А.И. Александрова). Ед. хр. 224. Л. 1—2.

[44] По официальным данным, с 1756 по 1759 г. в Россию из Черногории переселилось 1499 человек. Однако точную цифру черногорцев-переселенцев трудно определить, поскольку под видом черногорцев прибывали также переселенцы из других югославянских земель. Василий Петрович сам инспирировал этот процесс, объявив "как природным черногорцам, так и окружным христианам", что желающие поступить в русскую службу могут переселиться в Россию, назвав себя черногорцами. "И многие идут, прикрывшись черногорским именем", — замечал Василий Петрович. См.: РГИА. Ф. 1329. 1758. Оп. 2. Д. 127. Л. 465—465 об. Так, например, часть переселенцев, первоначально поселеннных в Самаре, где они "великие предерзости и обиды здешним жителям показывать начали", были переведены в Москву, где они заявили, что они не черногорцы, а австрийские подданные (см.: Там же. Л. 460—461). Вместе с черногорскими переселенцами прибывали и их дети; некоторые из них были зачислены для обучения в Киевскую духовную академию, а в следующем году переведены в сухопутный кадетский корпус в Петербурге (см.: *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 195; *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские... С. 13). В 1758 г. список черногорских "дворянских детей", определенных в кадетский корпус, насчитывал 13 человек (см.: Политические и культурные отношения... С.ч 220). Из-за отсутствия надлежащей подготовки они не смогли закончить кадетский корпус и вернулись на родину, но один из них (Фома Марошевич) все же осядет в России и сыграет заметную роль в истории русско-черногорских взаимоотношений конца XVIII — начала XIX в.

[45] Политические и культурные отношения... С. 225, 291; РГИА. Ф. 796. 1752—1762. Д. 197. Л. 126 об.; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XII. С. 464; Политические и культурные отношения... С. 221; РГИА. Ф. 796. Д. 197. Л. 159.

[46] Политические и культурные отношения... С. 221, 234; РГИА. Ф. 796. Д. 197. Л. 146—146 об.; Российский государственный военно-исторический архив. (Далее: РГВИА). Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Ч. I. Д. 248. Ч. 6. С. 181, 181 об., 180.

[47] *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 83; *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 165; Црногорске исправе... Док. 67, 74, 72, 75. Следуя по пути митрополита Данилы, Василий Петрович еще в 1751 г. учредил верховный судебный орган из 12 влиятельных старейшин (сердары, воеводы, кнезы), но он через некоторое время прекратил свое существование. См.: *Ражнатовић Н.* Церногорско-приморска митрополија и настанак државе Црне Горе // ИЗ. Подгорица, 2000. Бр. 1/2. С. 63.

[48] Донесение Г. Мерка, 6/17 сентября 1768 г., Вена // РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 67 об.; РГВИА. Ф. 52. Ч. I. Д. 248. Ч. 6. Л. 184; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 84, 85; *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские... С. 17.

[49] См.: Журнал М. Тарасова и Приложение к нему // Црногорско-руски односи, 1711—1918: Черногорски-русские отношения, 1711—1918. Подгорица; М., 1992. Књ. I. С. 48—64, 62, 58, 64.

[50] *Петрович Р.В.* Степан Малый... С. 80; РГАДА. Ф. 149. Ед. хр. 78. Л. 69; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. I. С. 586, 592.

[51] Цит. по: *Мыльников А.С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 263, 244—245; *Драговић М.* Документи о Шћепану Маломе. Споменик Српске Академије. Београд, 1893. Т. XXII. С. 29; *Яцимирский А.И.* Лже-Петр III у черногорцев // Исторический вестник. СПб., 1907. Т. 109. С. 520; *Соловьев С.М.* Указ. соч. М., 1994. Кн. XIV. С. 295.

[52] *Яцимирский А.И.* Лже-Петр III... С. 520; *Макушев В.* Самозванец Степан Малый // Русский вестник. 1869. Т. 82. С. 23—24; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 94; *Мыльников А.С.* Петр III. С. 248; и др.

[53] РГАДА. Ф. 149. Ед. хр. 78. Л. 71—72 об.; 15—15 об.; *Драговић М.* Документи о Шћепану Маломе... С. 30.

[54] См. об этом: *Фрейденберг М.М.* Степан Малый из Черногории // Вопр. истории. 1975. № 10. С. 120 и след.; РГАДА. Ф. 149. Ед. хр. 78. Л. 69, 75—75 об.; Самозванец Петр III в Далмации в 1768 г. // Русская старина. 1883. № 9. С. 585; *Бажова А.П.* Руско-югославян-

inslav

ские отношения... С. 93, 97. Настоящее имя и происхождение самозванца до сих пор не выяснены. А.П. Бажова полагает, что эту роль мог сыграть кто-либо из югославян, переселившихся в Россию в 50-х годах XVIII в. Однако ее предположение, что под именем Степана Малого мог скрываться один из организаторов переселения черногорцев в России С. Петрович, является ошибочным, поскольку, как доносила рижская пограничная канцелярия в декабре 1777 г. — июне 1778 г., С.П. Петрович уже в чине полковника совершил поездку в Вену с женой и служителем (см.: *Строев А.Ф.* "Те, кто поправляет Фортуну": Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 277). Существует и другая версия, связывающая Степана Малого с Россией. По ней он мог попасть в Россию как младший церковнослужитель в свите кого-либо из представителей югославянского православного духовенства, посещавших Россию для получения денежных пособий и церковной утвари. Наслушавшись в России о смерти Петра III и самозванцах, он решил разыграть роль императора в Черногории.

55 *Драговић М.* Документи о Шћепану Маломе... С. 5—6, 26; *Фрейденберг М.М.* Степан Малый... С. 123; АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 130. Л. 20; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1768 г. Д. 16. Ч. II. Л. 55—56.

56 *Драговић М.* Споменици о Шћепану Малом... С. 34; АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. 1785 г. Д. 130. Л. 14—15 об.; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. I. С. 16; Подробнее о миссии Ю.В. Долгорукова см.: *Фрейденберг М.М.* Степан Малый... С. 124—128; *Петрович Р.В.* Степан Малый... С. 181—195.

57 *Рачинский А.В.* К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1876. № 7. С. 277, 284. Алексей Орлов, согласно рескрипту Екатерины II, имел право "тамошним знатным людям" присваивать офицерские чины до капитана включительно; *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг // Сочинения. М., 1957. Т. 10.С. 34; *Миловић Ј.М.* Зборник документа... С. 321; *Петрович Р.В.* Степан Малый... С. 45, 80, 220, 45—46.

58 *Мыльников А.С.* Петр III. С. 262; *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 6; *Макушев В.* Самозванец Степан Малый // Русский вестник. 1869. Т. 83. С. 6; *Фрейденберг М.М.* Степан Малый... С. 126; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 99.

59 Историја Црне Горе. С. 399; *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе, 1773—1796. Београд, 1962. С. 32; *Александров Г.Н.* Исторические сведения о сношениях России с Черногорией // Русский архив. 1876. № 7. С. 258—259, 261; *Петрович Р.М.* Степан Малый... С. 164—165.

60 *Александров Г.Н.* Исторические сведения... С. 269, 270; *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784—1830). Цетиње, 1950. С. 37—42; *Станојевић Г.* Црна Гора... С. 31—33.

61 См. текст конвенции: *Лекић Д.* Спољна политика... С. 45—50; *Лучић Ч.М.* Митрополит Петар Први Петрович. Титоград, 1991. С. 166; *Станојевић Г.* Црна Гора... С. 44, 71—73.

62 *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские... С. 20; *Достян И.С.* Описание Черногории... С. 311; Политические и культурные отношения... С. 330—331; *Костич М.* Школа и жизнь... С. 193.

63 *Драговић М.* Русија и Црна Гора од 1780 до 1790 // Гласник Спрског ученог друштва. Београд, 1891. Књ. 72. С. 225—226, 228—230; *Лучић Ч.* Митрополит Петар Први Петровић. С. 29—30 и др. Архив Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 265. Оп. 2. 1787 г. Д. 3825. Л. 3, 5.

64 Российский Государственный архив Военно-морского флота (Далее: РГА ВМФ). Ф. 197. Д. 70. Л. 137 об.; *Броневский В.В.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1836. Ч. II. С. 83; *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1863. С. 85; *Станојевић Г.* Црна Гора... С. 96, 97; *Павићевић Б.* Стварање црногорске... С. 75—76; *Петровић Р.В.* Племе Кучи... С. 272—274. Р. Петрович считает, что войско паши на 2/3 было укомплектовано христианами. Русский консул в Далмации А. Палладоклис сообщал, что 5/6 войска Махмуда-паши составляли христиане — "жители Подгорицы, Кучи, Пипери, Клименти" (РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. 1784—1785 гг. Д. 217. Л. 2 об.).

65 Историја Црне Горе. С. 425; *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе... С. 119—120; АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. 1785 г. Д. 402. Л. 7—8 об.

inslav

[66] *Јовановић Ј.* Стварање црногорске државе и развој црногорске националности // Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1818 године. Цетиње, 1947. С. 143; *Попович Л.* Черногорский владыка Петр I. Киев, 1897. С. 99; *Станојевић Г.* Црна Гора... С. 112; АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1787 г. Д. 689. Л. 43 об.

[67] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С. 108; АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. 1788 г. Д. 335. Л. 59; 1787 г. Д. 404. Л. 86—87 об.; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения... С. 273—274.

[68] АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. 1788 г. Д. 169. Л. 21; *Аншаков Ю.П.* Из истории русско-черногорских отношений в конце XVIII — начале XIX в. // Россия и Балканы: Из истории общественно-политичеких и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 129—131. В России и в 90-х годах XVIII в. не исчез интерес к использованию боевых сил черногорцев и албанцев. А.В. Суворов, разрабатывая план будущих баталий против Турции (ноябрь 1793 г.), считал реальным привлечение сил Махмуда Бушати, Али-паши Янинского и черногорцев. См.: Наука побеждать: Век XVIII: (История Отечества в романах, повестях, документах). М., 1984. С. 547.

[69] РГИА. Ф. 797. Ед. хр. 4154. Л. 4 об.; АВПРИ.Ф. Сношения России с Черногорией. 1796 г. Д. 27. Л. 1—2; Сношения России с Турцией. 1796 г. Д. 833. Л. 15—15 об.

[70] Первое время правительство исполняло свои обязанности бесплатно, отсюда и возникло его название "кулук" (барщина).

[71] *Павићевић Б.* Стварање црногорске... С. 110—112; Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 17—18; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 171—172.

[72] Первым секретарем канцелярии был русский дьякон Алексей; ее архив велся по русскому образцу. *Павићевић Б.* Стварање црногорске... С. 145; См. текст Законника в кн.: Петар I Петровић: Фреске на камену. Титоград, 1965. С. 475—494. В АВПРИ (Ф. ГА. II-25. 1803—1807 гг. Д. 1. Л. 26—31) находится рукопись Законника 1798—1803 гг., написанного рукою С.А. Санковского и обнаруженного И.С. Достян (см.: *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. Вып. IV. С. 31); Црногорске исправе... Док. 137; Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. С. 80; *Греков Б.Д.* Полица: Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVI вв. М., 1951. С. 283; *Петровић Р.* Законник Петра I, владике Црногорског: Историско-правна расправа // Записи. Цетиње, 1929. Књ. IV. С. 232.

[73] АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1799—1800 гг. Д. 31. Л. 7.

[74] Большой материал относительно применения Законника содержат документы, опубликованные Б. Павичевичем и Т. Никчевичем (Црногорске исправе...); *Чизмовић М.* Богишићево мишљење о примјени Законика митрополита Петра Првог и Законика књаза Данила // ИЗ. 1992. Св. 1/4. С. 81—99.

[75] Политические и культурные отношения... С. 377; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1796—1800 гг. Л. 38; *Корсаков А.* С.Г. Зорич-Черноевич и основанное им шкловское благородное училище // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1850. Т. 87, № 347.С. 358—377. В Шкловском училище обучался сын губернатора Й. Радонича Вук Радонич, который после смерти своего отца в 1802 г. стал губернатором Черногории.

[76] *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом... Т. I. С. 612; *Достян И.С.* Описание Черногории... С. 316; *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 319—320; *Лекић Д.* Спољна политика... С. 122, 120—121.

[77] Политические и культурные отношения... С. 370—382, 386; *Павићевић Б.* Политика цара Павла I према Црној Горе // Гласник Цетињских музеја. Цетиње, 1970. Бр. 3. С. 35; Политические и культурные отношения... С. 387.

[78] *Драгоевич Ж.* Черногория и ее отношения к России в царствование императора Павла I // Русская старина. 1882. Август, т. XXXV. С. 369; Т. XXVIII. С. 440, 422; Политические и культурные отношения... С. 387; *Станојевић Г.* Црна Гора... С. 299—300.

[79] АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1792—1799 гг. Д. 24. Л. 17; *Достян И.С.* Описание Черногории... С. 316—317; Русская старина. 1882. Февраль, т. XXXIII. С. 428; Политические и культурные отношения... С. 393.

[80] См. настоящее издание. С. 172.

inslav

Край трех религий – Босния и Герцеговина

Босния и Герцеговина — край, располагавшийся в Средние века на большой дороге османских завоевательных походов, становившийся ближайшим тылом войск султана будь то во время войн Сулеймана Великолепного в XVI столетии или Кара-Мустафы полтора века спустя, в конце XVII. Показательно, что вскоре после турецкого завоевания край получил статус эялета, высшей административной единицы в державе. Эялет в XVI—XVIII вв. состоял из четырех санджаков — Босния, Герцеговина, Зворник и Клиш, которые, в свою очередь, делились на нахии. Внимание о поддержании в стратегически важном регионе безопасности побуждало власти проявлять особую заботу об исламизации населения. Местная феодальная верхушка практически полностью приняла магометанство и влилась в ряды тимариотов-спахиев. В отношении населения, в основном крестьянского, это частично удалось. Хотя приобщение к господствующей религии приносило немалые земные преимущества, подавляющее большинство христиан сохранили приверженность старой вере. К концу XVIII столетия приблизительно 1/3 населения придерживалась ислама, значительная же часть — православия и католицизма (в соотношении 2:1). Изначально единое славянское население распалось на три этноконфессиональные группы — православные сербы, католики-хорваты и мусульмане, причем у последних религиозная принадлежность стала восприниматься как этническая общность.

Босния и Герцеговина превратились в самую исламизированную европейскую провинцию Турции. Это обстоятельство наложило глубокий отпечаток на развитие прежде славянской страны, определяющим образом повлияло на всю ее дальнейшую историю.

В XVIII столетии Босния и Герцеговина, ранее служившие тылом победоносной армии полумесяца, превратились в поле сражений. Век целиком, от начала до конца, заполнен ратоборством между империями османов и Габсбургов. Начался он сразу после завершения большой австро-турецкой войны и закончился такой же, но исторически, быть может, менее впечатляющей по масштабам войной, которую империя Иосифа II Габсбург-Лотарингского вела против Османской империи в союзе с екатерининской Россией. Карловацкий мир 1699 г. подвел черту долгому австро-турецкому противостоянию, начало которому было положено катастрофически неудачной осадой Вены в 1683 г. армией султана. Стратегическое поражение войска великого везира Кара-Мустафы под Веной навсегда ус-

inslav

транило для Центральной Европы угрозу османского нашествия. В результате ухода османов почти со всей территории королевства Венгрия граница между двумя империями вплотную подошла к пределам Боснии. Провинция превратилась в форпост султанской державы в Средней Европе, рубеж ее обороны от наступающих армий австрийских Габсбургов со всеми вытекающими последствиями для боснийцев.

Серия войн, которые велись в XVIII столетии на Балканском полуострове, явилась главной причиной масштабных этноконфессиональных сдвигов в структуре боснийского населения. Тысячи и десятки тысяч людей снимались с родных мест не только тогда, когда военные действия происходили на их земле, но и во времена, когда война обходила их стороной. Христиане бежали в Сербию, в австрийские и венецианские владения; случалось, они возвращались, если удача осеняла австрийское оружие. Мусульманское население в случае угрозы для жизни и имущества искало убежище в глубине турецких владений.

Значительное перемещение населения из Боснии произошло в войну 1716—1718 гг., когда масса, в основном православных сербов, хлынула в освобожденную австрийскими армиями Сербию[1].

На начальном этапе войны 1737—1739 гг. окрыленные успехами цесарских войск, боснийские сербы бежали в контролируемые теми области Сербии; затем, когда счастье изменило австрийцам, вместе с тамошними сербами вынуждены были спасаться во владениях Габсбургов, и прежде всего в Венгрии. По данным сербской церковной статистики от 1768 г., после Белградского мира, по которому Габсбурги уступили султану значительную часть освобожденных ранее сербских земель, на территорию королевства Венгрия перебралось свыше 125 тыс. сербов[2].

Венская администрация селила сербов на территории Военной Границы, пояса полувоенных поселений, созданной ею для защиты (первоначально!) границ с юго-востока от северо-восточного побережья Адриатики до юго-западных отрогов Карпат. Сербы и хорваты, бежавшие из Османской империи, вливались в состав шести полков, образованных на территории Венгрии, Хорватии и Славонии, получая не только приют и защиту от мести османов, но и значительные привилегии, которых не имели коренные местные жители. Надо сказать, что они были желанными пришельцами не только для Габсбургского генералитета, но и для венгерских и хорватских феодалов, которые, пользуясь их трудом, возвращали к нормальной жизнедеятельности опустошенные и обезлюдевшие в ходе двухвековых войн земли. Самое интересное во всей этой истории с организованными переселениями сербов и хорватов в XVIII в. заключается в том, что то же самое делали турки, создавая в порубежье поселения южных славян. Порта сооружала таким путем заслон, оборонительный щит для сдерживания наступления с севера, используя их как базу для своих операций против Австрии. Подобные поселения были созданы османами на территории Боснии по периметру ее границ с габсбургскими владениями. Переселялись сюда сербы частично, добровольно, по контракту, а иногда и по принуждению, во время больших и малых войн или обычных пограничных стычек, каких случалось бесчисленное множество в ходе противостояния христианского и мусульманского мира на его балкано-среднеевропейском участке. И сербы, таким образом, оказавшись по обе стороны линии христианско-европейского и мусульманско-восточного фронта, с

inslav

одинаковой отвагой сражались как за императора, осеняемые христианским крестом, так и за султана-халифа, на боевых стягах которого красовался полумесяц на зеленом знамени.

Во время австро-турецкой войны 1787 — 1791 гг. на юг Венгрии потянулась 29-тысячная организованная масса православных боснийских сербов из Боснии, во главе с 29 священниками и 17 монахами из монастырей Рмня на Уне и Моштаница в Поуни.

После окончания русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг. и заключения Ясского мира, происходило переселение православного населения из Черногории и Восточной Герцеговины в северо-западные районы Боснии. Они селились в горных районах вдоль границ с Хорватией, и потому их в меньшей мере поразили частые в те времена эпидемии, чем мусульман и католиков.

Точно проследить за хаотическими перемещениями населения по Боснии, в Боснию и из нее в периоды войн весьма затруднительно. Более или менее устойчивые и поддающиеся учету и анализу были сами географические направления миграции, обусловленные этноконфессиональными характеристиками мигрантов. Сербы в случае опасности, как правило, уходили в Сербию и Черногорию, а также в Венгрию. Беженцы из Сербии и Черногории находили пристанище в Боснии и Герцеговине. Они селились в северо-восточных районах Боснии — в Сребренице, Зворнике, Тузле, Брчко и других городах или создавали новые собственные поселения, такие как Козлук, Брезово, Доня Азизия (Орашйе), Орахово, Босанска Градишка. Селились они и в глубинных районах страны — Босанска Костайница, Босанска Дубица, Босански Нови, откуда они вытесняли купцов и торговцев мусульман. Не в последнюю очередь вследствие миграций, чему не в малой степени способствовала поощрительная политика Стамбула — мигранты из Сербии на 10 лет освобождались от всех поборов, и на 25 лет от несения военной службы, — сербы к концу османской эпохи составили около $^2/_3$ всего городского населения эялета.

Католики-хорваты уходили в Венгрию, либо в Венецию, сербы — в Венгрию, Хорватию, Венецию и в район бухты Каттаро (Котор)[3].

Мусульманам ничего другого не оставалось, как выселиться в глубь османских владений. При всей хаотичности миграционных процессов и переменчивости их направления в XVIII в. четко обозначилась тенденция к концентрации сербско-православного элемента в пределах боснийского эялета. К 1789 г. сербы, насчитывавшие немногим больше четверти миллиона, стали самой многочисленной этноконфессиональной общиной страны — свыше 42% всего населения.

Восточные районы Боснии были заселены влахами-скотоводами, избежавшими каким-то чудом массовой исламизации, кочевья которых охватывали весь северо-запад и запад Боснии. Влахи, миграции которых в Боснию поощрялась османской властью, пользуясь благосклонностью государства, внесли свой вклад в утверждение православной веры в этой стране. Исследователи считают вторым по значению, после исламизации, крупным фактором эволюции этноконфессиональной структуры Боснии появление в период османского господства влашского этноса в качестве оседлого населения. Влахи-скотоводы первоначально, до прихода турок-османов, кочевали в основном в Герцеговине, в Нови Пазаре, а также в Черногории. В османский период началось их передвижение на север и

inslav

северо-запад Боснии, на обезлюдевшие вследствие войн области, в частности на земли, расположенные между реками Дрина и Босна вплоть до Савы на севере Боснии. Полувоенные отряды влахов — войници, как их называли сербы (или дербенджие — мусульмане, мартолоцы — мадьяры), быстро и плавно интегрировались в османские военные структурные. Влахами были основаны православные монастыри и церкви еще до того, как был учрежден патриархат в Ипеке (1557 г.).

Наиболее значительным социально-демографическим результатом развития страны в XVI—XVII вв. явились повсеместная, на всей территории эялета, чересполосица поселений различных этносов, мозаичность этноконфессионального его облика. Чрезвычайно интенсивное смешение населения привело к тому, что уже в XVIII в. в стране почти не осталось округов с гомогенным этноконфессиональным составом населения. Можно говорить лишь об относительном численном преобладании того или иного этноса в отдельных регионах, и только изредка об абсолютном. Таким большинством обладали православные сербы в округе Баня Лука и в Бихаче. В нахие и Сараево они составляли более половины населения. Значительным было мусульманское население в Зворнике (почти половина жителей) и Травнике (более трети). Католики, занимавшие третью строку в этноконфессиональной структуре страны, составляли менее трети населения в Зворнике и Мостаре.

На рубеже XVII—XVIII вв. большой, непоправимый урон понесли католики вследствие эвакуации, после заключения мира, армии блистательного австрийского полководца принца Евгения Савойского за Дунай. В ходе балканской операции ему удалось штурмом взять в 1697 г. Сараево, освободить всю Сербию, дойти до сердца Балкан, города Ниша. Но, получив приказ венского хофкригсрата (придворного военного совета), он вынужден был вывести армию в Венгрию. Перед отступлением генерал, как и положено, сжег город. Опасаясь неминуемого османского возмездия, Сараево и окрестности покинули 40 тыс. католиков. Из них небольшая часть укрылась в горах, большая же часть ушла вместе с армией в Венгрию. После великого переселения австро-турецкой войны конца XVII в. католиков в Боснии осталось всего около 25 тыс. В XVIII столетии, несмотря на все бури и волнения, население эялета росло, и к концу века численность жителей католиков превысила 90 тыс.

С отживанием военно-феодального режима и введением гражданского правления, а также заменой полувоенных формирований постоянной армией, рекрутируемой по европейскому образцу, в принципе исчезло классическое деление общества на воинов (аскер) и райю. Но не утратилось неравенство социальных групп и деноминаций. Последнее определялось тем, что империя султана являлась для мусульман теократическим государством, а для христиан страной, в которой доминировала одна религия — ислам, находившийся под покровительством государства и его органов. Неизбежным следствием подобного соединения государственной власти с конфессией было замедление общественного развития, закрепление элементов традиционализма в различных структурах и слабая динамика процессов модернизации.

Хронология истории Боснии, в которой системообразующим фактором не раз становились чисто внешние обстоятельства, заметно отличается от общеевропейской. Это отчетливо отражается, естественно, и на пе-

inslav

риодизации ее истории. В предлагаемой боснийским историком Мустафой Имамовичем периодизации, история Боснии делится, по существу, на два основных этапа — этап до 1878 г., в котором выделены два периода — 1) существование феодального боснийского государства и 2) османское завоевание. Соответственно современная история страны датируется 1878 г. (т.е. Берлинским конгрессом, санкционировавшим австро-венгерскую оккупацию края), когда "после 400 лет Босния-Герцеговина была возвращена в круг европейских стран", причем этот этап продолжается и по сей день[4]. На рубеже нового тысячелетия боснийская историческая наука стремится по-новому осмыслить всю историю родной страны, понять суть и смысл исторического процесса, пытаясь при этом подчеркнуть "европейскость" Боснии, органическую принадлежность ее к европейской цивилизации, несмотря почти на 500-летнее пребывание в орбите османско-исламского цивилизационного круга. Эта тенденция находит свое яркое выражение в тезисе мусульманских историков "боснийцы — европейские мусульмане", акцентирующим принадлежность их к Европе, и одновременно подчеркивающим особость, отличие боснийских мусульман от мусульман Азии и других частей света.

Однако сознание очевидной недостаточности как европоцентризма, так и формационной теории, поскольку последняя также не дает удовлетворительного ответа на все актуальные вопросы "боснийской загадки", обязывает Мустафу Имамовича, Фахрутдина Новалича и других современных историков Боснии вновь и вновь обращаться к османскому прошлому страны, пытаясь установить преемственность всего исторического процесса в целом, не противопоставляя средневековую историю страны современному этапу модернизации, начало которому было положено фактическим присоединением Боснии и Герцеговины к империи Габсбургов в 1878 г. Историки призывают не поддаваться искушению подходить к боснийской истории с европейскими мерками, не пытаться объяснять отсталость (либо прогресс) Боснии основными тенденциями европейской истории и сравнивать темпы развития Боснии с Европой и соотносить периодизацию европейской истории с периодизацией развития Боснии.

XVIII век не внес никаких революционных изменений в социальные отношения и отношения собственности, установленные в Боснии и Герцеговине после их вхождения в Османскую империю. В основе аграрных отношений и опиравшейся на них социальной пирамиды лежала, как и прежде, военно-ленная система, хотя и клонившаяся к упадку и сдававшая одну позицию за другой. Началось становление чифтликского (частновладельческого) землевладения. Среди владельцев (сахибие) читлуков (чифтликов) и тимаров становилось все больше чиновников, купцов, богатых ремесленников и военных. Общая численность землевладельцев разных типов и категорий (тимары, читлуки, зеаметы) в Боснии превышала 4 тыс., в Герцеговине не достигала и 1 тыс. Обладатели тимаров и читлуков, независимо от происхождения, автоматически причислялись к "людям меча" и получали титул "ага".

При всей очевидности несовершенства османских законов и чрезвычайной замедленности экономических процессов и застойности хозяйственной жизни империи, стоило бы отметить одну характерную особенность социальной структуры боснийского общества, резко отличающую

inslav

ее от привычного строения социума европейского феодализма. Это отсутствие трудно преодолимых социальных перегородок между различными по имуществу и социальному статусу группами населения, хрупкость социальных границ, слабая дифференцированность социальной структуры сообщала боснийскому обществу высокую степень социальной мобильности. Наиболее надежным путем-пропуском в высшее сословие было владение землей (точнее документ), подтверждавшее право называться землевладельцем.

На протяжении XVIII в. наблюдался неуклонный рост той части населения, которая потеряла право на наследственное владение землей и арендовала ее у землевладельцев-мусульман. На положении арендаторов, обрабатывавших чужую землю, и находилось подавляющее большинство мелких крестьян и свободных крестьян. Среди последних (свободных крестьян) было, по данным Юкича, много мусульман и очень незначительное число христиан. Они обязаны были отдавать хозяину надела — спахии — лишь десятину. В категорию свободных крестьян входили также обедневшие, "деклассированные" спахи и влахи-скотоводы, уволенные из армии солдаты гарнизонов и крепостей. Бóльшая часть христиан являлась мелкими арендаторами.

Городская жизнь в Боснии и Герцеговине развивалась достаточно интенсивно и в эпоху османского Средневековья. К концу XVIII в. в стране насчитывалось 50 поселений городского типа, преимущественно небольших по площади и числу жителей. Самым большим из них была столица — Сараево. Тюркское слово "сарай" (или серай) означает дворец, так называлась столица Золотой Орды. Можно по ассоциации вспомнить также близкий нам по литературе, личным воспоминаниям и по учебникам русской литературы и истории крымский Бахчисарай. В Сараево проживало около 20 тыс. человек, в Мостаре и Баня Лука — менее 10 тыс. Травнике, Тузле, Фока, Градишке, Дервенте — от 1 до 3 тыс., в остальных еще меньше[5].

Города в Боснии были типично восточными и населены в основном мусульманами, христиане и иудеи составляли меньшинство жителей. Признаком отсталости боснийского города в сравнении с европейским, было то, что здесь очень медленно происходила дифференциация ремесла и торговли — ремесленник обычно выступал и продавцом своих изделий. Городской магазин-дюкан, скорее лавчонка в нашем понимании, служил одновременно и мастерской. В более значительных городах дюканы насчитывались сотнями[6]. Деловой квартал — чаршия — являлся центром и хозяйственной и общественной жизни одновременно. Население ряда городов (Фойница, Вареш, Крешево) в центральной части края занималось и жило в основном за счет обработки железа. Значительную часть городского населения составляли работники, поденщики, слуги и прочий городской плебс. На каждого мастера приходилось от одного до трех подмастерьев и учеников[7]. Более многочисленной, чем в ремесле, была прослойка рабочих в горнодобывающей и железоделательной отраслях и в лесном хозяйстве. Но здесь квалифицированная рабочая сила была представлена в основном иностранцами, в первую очередь, австрийцами, словенцами и северными итальянцами[8].

Важное место в городской структуре занимали чиновники разных рангов, хотя в Боснии бюрократия была невелика. Во времена османского вла-

inslav

дычества государство не поощряло чрезмерного разрастания аппарата и органов власти[9]. Не стремилась Высокая Порта также рассаживать "своих людей" из Стамбула по теплым местечкам в завоеванных странах, как это зачастую происходит в некоторых хорошо нам знакомых государствах.

Боснийское чиновничество рекрутировалось главным образом из представителей военно-феодальной местной знати, помещиков и военных. Исключение составляли лишь самые высокие должности — вали или везир (генерал-губернатор элаята), верховный судья (мудда, кади), окружные начальники (каймакамы, мюдиры), которых присылали из Стамбула или других областей империи, в подавляющем большинстве случаев не знавших местного языка, не ведавших ничего в жизни, быте, обычаях населения. Христиане, разумеется, высоких постов не занимали. Непропорционально мало (к численности горожан православных и католиков) было их и в рядах низшего чиновничества.

Расцвет мусульманской культуры, просвещения и зодчества в Боснии и Герцеговине приходился на период с середины XVI в. до первой половины XVII в., т.е. на то время, когда после распада Венгерского королевства линия османско-габсбургского военного противостояния откатилась от границ Боснии на север и северо-запад, и продолжался до возобновления крупных военных действий (повседневные мелкие стычки в счет не шли) на австрийском фронте. Тогда в этой части европейского континента установился своего рода Pax ottomana, "османский мир", обеспечивший Боснии достаточно длительную передышку, а боснийцам возможность резкого повышения своей социальной мобильности и просто обогащения за счет населения оккупированных стран Среднего Подунавья. Доминирующая позиция боснийских мусульман в подвластных султану землях Венгрии, Хорватии, Венеции, где они держались самоуверенно, вели себя как могущественные господа и полновластные хозяева покоренных земель, как указывают исследователи, имела величайшее значение для духовной жизни балканских славян.

На этой почве у части боснийского населения, в первую очередь мусульманского вероисповедания, складывался своеобразный локальный боснийский патриотизм, представлявший собой причудливую комбинацию сугубо местных интересов и представлений с идеями исламского универсализма и османского имперского самосознания. Однако тесная привязанность к исламскому религиозному началу лишала боснийский патриотизм шансов распространения на боснийских же христиан и обрекала его на самоизоляцию, поскольку ислам накладывал свой отпечаток не только на политические идеи, но даже на чисто культурные, придавая им религиозную окраску. Эти негативные явления еще более усугубились в эпоху разложения и упадка османского режима, несмотря на то что именно в это время произошел разрыв между боснийским локальным патриотизмом, с одной стороны, и имперско-османским — с другой. Более того, с течением времени изменился вектор локального патриотизма. Острием своим в XIX в. он стал разворачиваться фронтом против Порты, причем как раз в тот момент, когда последняя начала делать первые робкие шаги в сторону реформ. Политический разлад со Стамбулом из-за активного сопротивления курсу реформ создал почву для роста антитурецких настроений среди боснийских мусульман с ярко выраженным этническим от-

inslav

тенком: за турками и их сторонниками закрепляется презрительный этноним "turkuša" — производное от турецкого слова "türk ušagı", т.е. турецкий сброд.

Примечательной чертой процесса этноконфессиональной эволюции края было — помимо массовых миграций — своеобразное соревнование конфессий, причем каждая из них утверждала свое присутствие и увеличивала численность своей паствы за счет другой: католическая — за счет богомильства, исламская — за счет христианских церквей, православие — за счет католиков. Общим для всех трех основных конфессий было то, что во всех случаях их преуспеванию существенно способствовало мощное воздействие государственной власти: на ранних этапах христианизации — византийская, а затем сербская деспотия (у сербов), Венгерское королевство, активно поддерживавшее миссионерскую деятельность ордена Св. Франциска, начиная с XII в., а в период османского завоевания — Порта. И во всех трех случаях, если не формально, то каждая из названных церквей являлась в Боснии по существу государственной.

Римско-католическая церковь к концу XVIII в., непосредственно подчиненная "Конгрегации пропаганды веры" в Риме и руководству ордена францисканцев, имела к концу XVIII в. в Боснии и Герцеговине 31 епархию. Католики получали большую финансовую помощь из Австрии, Венгрии, Италии, а также из Франции, предназначавшуюся главным образом на строительство церквей и монастырей. Католические священнослужители получали образование, как правило, в Венгрии, Хорватии и Австрии. Клирики из Герцеговины предпочитали учиться в Италии. Объяснялось это тем, что францисканцы Боснии и Герцеговины вплоть до середины XIX в. не располагали собственными учебными заведениями[10].

На сербскую часть населения существенное влияние оказывала национальная идеология, источником которой была Сербия. Доступ к сердцам и умам боснийских сербов находили идеи выдающегося просветителя Досифея Обрадовича (1742—1810). Общим идеалом было возрождение "Душанова царства", которое включило бы в себя обе провинции с многоконфессиональным составом населения, где сербы не обладали абсолютным большинством. Православный монах Досифей причислял к "великому сербославянскому племени" (или "славосербам") не только сербов "греческой веры", но также и тех, кто принадлежал латинской церкви, и даже "тюркских босняков и герцеговинцев"[11].

Национальное самосознание сложилось у боснийских сербов раньше и было на порядок выше, чем у хорватов, не говоря уже о мусульманах. Выдающуюся роль в национальном развитии сыграло православие, являвшееся подлинно национальной церковью. "Национальную работу" Печский патриархат делал сознательно и системно, и великосербская идея составляла органическую часть церковной идеологии. Ведь не случайно ее глава с достоинством носил гордый титул "патриарха всех сербов, болгар и греков". С середины XVIII в. был дополнен приставкой "*сербских земель* Боснии и Сербии"[12]. Этот симбиоз церкви и нации был у сербов "само собой разумеющимся, и никому в голову не приходила мысль отделить их друг от друга"[13].

inslav

Церковная автономия, которой пользовалась сербская народность в Османской империи, как и империи Габсбургов, в известной мере выполняла функции национальной автономии. И в обоих случаях вполне успешно. При этом теснейшее сращивание сербской православной церкви с нацией нисколько не мешало ей проявлять готовность заключить в свои объятия инаковерующих — хорватов и мусульман.

Первые попытки реформы и обновления, если и не подрывали архаичной восточной деспотии, были предприняты в конце XVIII в. султаном Селимом III. Увлекаемый идеями европейского рационализма и европейского Просвещения Селим провозгласил в империи "новый порядок", острием своим этот "новый порядок" был направлен против янычарской системы, долгое время хорошо служившей Османской империи, но в "век Просвещения" ставшей главным препятствием необходимым стране реформам. "Новый порядок" в армии — это первое движение за реформы, внушенное европейскими институтами, конечной целью которого была модернизация устаревшего внутреннего устройства державы по европейским образцам.

XVIII век, несмотря на то что он был весь заполнен войнами и связанными с ними передвижениями больших групп населения, которые существенно тормозили стабилизацию и налаживание условий нормального развития, тем не менее, был временем постепенной модернизации общества. Важная роль в развитии хозяйственных связей между отдельными регионами Боснии и Герцеговины, а также между ними и соседними странами, принадлежала торговле и торгово-ремесленному сословию. Пальму первенства в этой сфере жизни провинций держало сербское торговое сословие. Сербские купцы торговали изделиями из кожи, дерева, серебра, золота, меди и бронзы мастеров-ремесленников Мостара, Сараево, Травника не только на территории самого пашалыка, но и постоянно вывозили их в портовые города Адриатики, а через Триест и Фиуме (Риек) и на европейские рынки. В исторической литературе вполне справедливо отмечается его важное место в процессе модернизации Боснии[14]. Вместе с греческими (македонскими) и влашскими купцами они вели посредническую торговлю между Балканами и Средней Европой. Объем торговли был достаточно значителен, ассортимент широк. Он включал множество различных видов товаров, нужных и не очень, от зерна и крупного рогатого скота до изящных венских кружев и восточных пряностей, а также диковинный для европейца тогда кофе. Честь открытия первой кофейни в Вене (а следовательно, и во всей цивилизованной Европе) принадлежит предприимчивому купцу, не то македонцу, не то сербу, добравшемуся до стен Вены в обозе армии султана в 1683 г. Среди трофеев, захваченных у османов, оказался мешок с кофейными зернами. Это важное в истории культуры Европы событие, приобщение к питию кофе, произошло в самые первые годы XVIII в. Не менее важным было распространение в Боснии и других балканских странах книги и книгопечатания, которым Европейская Турция также обязана посреднической торговле балканских купцов.

К концу XVIII в. в экономической политике Вены стала заметна тенденция к стабильности и равновесию торгового баланса с Османской империей. Начался постепенный демонтаж налоговых привилегий, предоставлявшихся османским православным подданным, поддержка соб-

inslav

ственных подданных. Поэтому гибкие и прагматичные ортодоксы — купцы, банкиры, ремесленники — начали переходить в австрийское подданство и селиться с семьями во владениях Габсбургов. Способствовали этому и русско-турецкие войны (1774—1776, 1787—1792 гг.), когда целые семьи бежали из Эпира, Македонии, Сербии, Фессалии. Сербы селились преимущественно в Славонии, в городах Венгрии по обоим берегам Дуная вверх по его течению. Влахи, помимо Трансильвании и Баната, обосновались в XVIII в. в 30 городах Венгрии: Пешт, Дебрецен, Кечкемет, Мишкольц, Окай, Сегед, Эгер, Дьёндьёш, Сентеш, Эралу, Рааб, Сентэндре и др.[15]

Возникновение партикуляристских по отношению к Османской империи настроений, о чем упоминалось выше, связано было и с неудачами султанских армий в войнах с европейскими державами и вынужденным, под давлением тех же держав, началом политической и социальной модернизации Османской империи. Местная мусульманская элита встретила в штыки реформистские устремления Порты. Начался отход боснийского мусульманства от метрополии, что имело определенное значение в осознании им своей этнонациональной идентичности. Процесс многократно ускорился в XIX в. в ходе восстаний, вызванных султанскими реформами европейского образца[16].

Указанный процесс размежевания между боснийским мусульманством и империей проходил в условиях углублявшегося отчуждения между консервативной в своих социально-идеологических установках мусульманской общиной Боснии и постепенно склонявшимся к европейским преобразованиям османским государством. В крае мусульмане продолжали удерживать свои доминирующие позиции. И всеми своими успехами они были обязаны Порте и особому положению страны в системе европейских владений империи, которое было закреплено уже в 1521 г. султанским ферманом о выделении Боснии из состава Румелии в качестве самостоятельного санджака, позднее (1583 г.) — эялета. С тех пор Босния перестала подчиняться румелийскому беглербеку — правителю европейских владений империи, и управлялась непосредственно султаном. Благами этой своеобразной автономии пользовались в первую очередь мусульмане. Их "естественный" патриотизм, так ярко проявившийся в ходе австро-венгерского вторжения (любовь к родной земле, защита очага, веры отцов, чести семьи т.д.), подкреплялся сугубо прозаическими мотивами. Боснийским мусульманам было, как говорится, за что бороться.

Огромная по территории империя османов, простиравшаяся от Индийского океана до Атлантики и Адриатики, отличалась необычайной расовой, языково-этнической пестротой и конфессиональным разнообразием. Ни в одной из крупных стран Европы в описываемое время не было той относительной свободы вероисповедания, которой пользовались порабощенные османами разнозычные народы. Веротерпимость османского образца (османская разновидность) имела, разумеется, свои особенности. Господствующей в империи была, несомненно, одна религия — ислам, которая являлась государственной религией и формально. Хотя верховный правитель — султан, будучи одновременно и халифом, воплощал в своем лице власть светскую и духовную. Эта власть не проявляла особой агрессивности по отношению к другим немусульманским вероучениям. Не отличалась она и миссионерским рвением и не предпринимала чрез-

inslav

мерных усилий к обращению в истинную веру многочисленных "инаковерующих" подданных султана.

Господство государственной религии — ислама, однако, не обязательно влекло за собой жесткое подчинение ему других конфессий и церквей. Наоборот, в противоположность религиозной практике европейских государств, неисламские церкви пользовались здесь определенными правами и ограниченной автономией. Католицизм, православие, христианские деноминации различного толка, не говоря уже об иудейской, в османских владениях обладали мерой свободы и самоуправления, достаточной для того, чтобы самостоятельно, без вмешательства со стороны государственной власти организовать свою внутреннюю жизнь. Законы шариата и нормы адата на немусульманских подданных не распространялись. Но зато на них не распространялись права и привилегии, которые имели мусульмане, в том числе и вновь обращенные.

С присоединением Боснии и Герцеговины к империи и образованием элаята, который практически управлялся самими боснийцами-мусульманами, для последних открылись невиданные до того возможности и перспективы социальной мобильности в сферах государственного управления и военной службы вплоть до самых высочайших ступеней власти. Достаточно сказать, что за все время вхождения страны в империю Босния дала империи 20 великих везиров. В качестве наместников боснийские выходцы представляли султана в Сирии, Египте, Йемене, Судане и других подвластных ему странах. Особенно много выходцев из Боснии служило в сопредельной с ней Венгрии, в тех частях этой страны, которые оказались под османским игом. Любопытные подробности их деяний в Венгрии приводит в своей монографии крупнейший венгерский тюрколог-ориенталист Лайош Фекете. «Поскольку, — пишет он, — "первыми пашами в Буде были лица балканского происхождения — боснийцы и другие — они раздавали посты и привилегии своим родственникам, знакомым, землякам; мухаммеданы, босняки, албанцы, ортодоксальные рацы (православные сербы. — *Авт.*) в жизни одного поколения, за несколько лет, изменили социальный состав и структуру всей провинции, и создали новое общество, которое обычно называлось "турецким миром"». Верой и правдой, не жалея жизни своей, они служили султану на военном поприще. Боснийцы сражались на всех фронтах трех континентов, куда их бросала воля падишаха. Делом чести каждой семьи считалось право отдать в элитную школу янычаров хотя бы одного из сыновей.

Близость к государственной власти представителей боснийско-мусульманской элиты, их участие в управлении Боснией и Герцеговиной позволило им позаботиться о процветании своей собственной страны. Немало благородных дел, полезных и интересных для Боснии и Герцеговины в области народного просвещения, архитектуры, здравоохранения начинаний связано с именем Гази Хусрев-бега, наиболее прославленного из правителей вилайета. В Сараево, Мостаре, Травнике и других городах при нем было воздвигнуто множество мечетей, мектебов (школ), библиотек, больниц, так называемых турецких (общественных) бань, мостов, бассейнов, фонтанов, колодцев, столовых для бедняков и т.д. Самым гениальным его деянием было, пожалуй, создание института вакфов. Вакуф — это нечто вроде общественного благотворительного фонда в современном понимании, и создан он был за счет добровольных пожертвований состоятель-

inslav

ных горожан и богатых феодалов. Причем одним из фундаментальных принципов, обеспечивших надолго его жизнеспособность было беспрекословное соблюдение воли пожертвователя, подлежащее неукоснительному исполнению. Состоятельные правоверные охотно отказывались от своих сбережений в пользу бедняков и общества в целом, глубоко убежденные, что тем самым они заслуживают милость аллаха. Обычно и чаще всего это происходило в дни праздника жертвоприношения — Курбан-байрам, когда в вакуфы помимо всего прочего отдавалась и недвижимость, жилые дома, торговые и промышленные предприятия, лавки и мастерские. Управлялись они согласно законам шариата и в соответствии с волей пожертвователя. Имущество вакуфов, т.е. их основной капитал, было неотчуждаемо, оно не могло быть продано, заложено, передано кому-либо в собственность. Использовались лишь доходы с этого основного имущества, т.е. проценты с капитала. Именно указанные ограничительные положения и придали этому оригинальному полуконфессиональному институту устойчивость, стабильность и жизнестойкость. Еще одна важная особенность деятельности вакуфов состояла в том, что их имущество и средства использовались не только в интересах мусульман. Сербские купцы, например, имели доступ к средствам фонда и широко этим пользовались[17].

Большинство упомянутых общественных сооружений в Сараево, Мостаре, Травнике и других городских центрах Боснии и Герцеговины было построено на средства вакуфов, они же финансировали школы, больницы и т.д.

Важные изменения в османский период произошли в языковой сфере; они касались существа языковой культуры. В отличие от своих сербских и хорватских собратьев, язык, которым веками пользовались жители страны, мусульмане называли не сербским, хорватским или сербо-хорватским, а "боснийским" (по-турецки *bošnaqča*), что также должно было подчеркнуть их языковую обособленность. С середины XVI в. вплоть до самой середины XIX в., т.е. в течение трех веков, языком письменности боснийским мусульманам служила архаичная *bosančica*. Переход мусульман в Боснии на кириллицу и латиницу (латынь) начался во второй половине XIX в.[18]

Язык, на котором говорили боснийцы всех трех вероисповеданий, представлял собой некую причудливую смесь хорватского и сербского диалектов (или вариантов одного по происхождению языка) в сочетании с турецкой лексикой и выражениями, идиомами. Последними преимущественно и чаще всего пользовались,конечно, мусульмане. Многовековое османское присутствие, разнообразные и повседневные тесные контакты боснийских мусульман с османской метрополией и государственными и духовными учреждениями не могли не оказать сильнейшего воздействия на лингвистический процесс.

Это обособление языка происходило по существу, ибо его словарный запас пополнялся у боснийских мусульман заимствованиями из турецкого, но отчасти также из арабского и фарси, являвшимися языками образованности на всем мусульманском Востоке, от Магриба до Индии и Китая. Боснийские интеллектуалы излагали свои сочинения, письма и т.д. на арабском, фарси и турецком языках. Таким образом, разделявшие три народа-этноса конфессиональные различия дополнялись и усиливались

inslav

языковыми и культурными. Тем не менее в XVII—XVIII вв. имели место отдельные попытки устранить этот барьер. Предпринимались они с хорватской стороны, а также боснийскими францисканцами (еще в XVII в.). Хорватский ученый-литератор П. Витезович в начале XVIII в. и далматинец Андрия Миошич в середине того же века выступили с предложением сделать боснийский литературным языком хорватов, имея в виду в перспективе распространить его на всех югославян Боснии, Герцеговины, Хорватии — Славонии, а также южных комитетов Венгрии, которые до конца XVII в. находились под османским господством. Инициативу энергично поддержала католическая церковь в лице хорошо организованного, дисциплинированного, грамотно работавшего и эффективно функционировавшего ордена францисканцев, ударной силы Ватикана на Балканах. Трезво оценивая могущество и влияние боснийского мусульманства во всем регионе, католическая церковь преследовала собственные цели, намереваясь выиграть острое соперничество с ортодоксией опираясь на эту мощь. Орден и монахи-миссионеры много усилий приложили к тому, чтобы сделать боснийский язык "общепонятным и полезным средством коммуникации", ибо без такого средства общения сама церковь не могла рассчитывать на понимание со стороны славянского населения.

* * *

XVIII век принес боснийцам всех трех вероисповеданий бесконечные страдания — войны, карательные экспедиции, поборы и откровенный грабеж, в котором христианское воинство соперничало с османской солдатней, сожженные города, разоренные села, заброшенные поля, масштабные миграции населения, сочетавшиеся с беспорядочным бегством жителей, хозяйничанье гайдуков на дорогах, и в довершение всего — эпидемия чумы. Ни о какой стабильности в регионе не могло быть и речи. В перерывах между войнами коррумпированной османской администрации (тем же местным бегам) установить порядок не удавалось. Они мздоимствовали. Десятилетие — 1747—1756 гг. — известно как время анархии. Будущее не обещало ничего хорошего. В конце XVIII столетия некогда грозное янычарское войско деградировало и превратилось в элемент беспокойства и тревог, активно участвуя в дворцовых интригах и переворотах. Правительство стало выводить янычарские части из столицы в провинции, в том числе в Боснию. Янычарские аги вступили в борьбу с местными феодалами за землю, власть и влияние, и век XIX начался в пламени янычарских мятежей.

[1] *Дабић В.* Банска крајина, 1688—1751. Београд; Загреб, 1984. С. 52—55.

[2] *Гавриловић С.* Миграције Срба из босанског пашалука у Горњу Крајину (од друге половине XV до краја XVIII в.) // Босна и Херцеговина от средњег века до новијег времена. С. 208—209.

[3] *Roksandić D.* Srbi u Hrvatskoj. Zagreb, 1991. S. 20—22.

[4] Povodom prvotiska: Historije bosnjaka Mustafe Imamovica. Preporod; Sarajevo, 1997. См. также: *Tepić I.* Bosna i Herzegovina u ruskim izvorima (1856—1878). Beograd, 1955.

[5] *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase u BiHi njen razvoj do 1914. Sarajevo, 1980. S. 43—44.

inslav

[6] Ibid. S. 45—50.

[7] *Kapidžić H.* Prilozi za istoriju u Bosne i Hercegovine u XIX stoljecu // Naučno društvo NR BiH. Grada. Sarajevo, 1956. Knj. III. S. 36; *Sainte-Marie E.* L 'ètude geographue, historique et statistique. Paris, 1875. P. 140.

[8] *Sainte-Marie E.* L'ètude geographue, historique et statistique. Paris, 1875. P. 140.

[9] *Haselsteiner H., Heuberger V.* Einleitung. Projekt: Die ethnische und konfessionelle Struktur Bosnien-Herzegovinas, 1850—1918. Wien, 1987. S. 27. (Рукопись проекта монографии "Этническая и конфессиональная структура Боснии-Герцеговины, 1850—1918", подготовленной группой сотрудников Института Восточной и Юго-Восточной Европы Венского университета).

[10] *Papić M.* Hrvatsko školstvo u Bosni i Hercegovini do 1918. godine. Sarajevo, 1982.

[11] См.: *V.S.K.* Srbi svi i svuda // Kovčežić za istoriju, jezik i običaje Srba sva tri zakona. Wien, 1849; *Simunivić P.* Načertanije: Tajni spis srpske nacionalne i vanjske politike. Zagreb, 1944.

[12] *Džaja M. Srečko.* Der bosnische Konfessionalismus — ein Fenomen der weltgescichtlichen Peripherie // Saeculum. 1984. Bd. 35. S. 285—286.

[13] См.: *Ivanišević A.* Bosnien-Hercegovina, 1910—1918. Wien, 2001. S. 58 (рукопись, раздел проекта "Этническая и конфессиональная структура Боснии-Герцеговины, 1850—1918").

[14] *Берић Д.* Српско грађанство у Босни и Херцеговины до 1918 године // Босна и Херцеговина от средњег века до новијег времена. С. 208—209, 317—320.

[15] *Katsiardi-Hering O.* Das Habsburgerreich: Anlaufpunkt für Griechen und andere Balkanvölker im 17. und 19. Jahrhundert // Österreichische Osthefte. 1996. H. 2. S. 172—188, 173.

[16] *Babuna A.* Die nationale Entwicklung deer bosnischen Muslime. Frankfürt a.M., 1996. S. 24—25.

[17] *Sainte-Marie E.* L'ètude geographue, historique et statistique. Paris, 1875. P. 140. Другой венгерский исследователь Юлиус Немет, подтверждая выводы своего соотечественника, подчеркивает ведущую роль боснийских мусульман в оккупированных областях Венгрии в XV в. См.: *Nemeth J.* Die turkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Amsterdam, 1970. S. 10—12; *Begović M.* Vakufi u Jugoslaviji // SANU. Posebna izdanja. Beograd, 1965. Knj. CCCLXI. S. 74—80; *Hauptmann F.* Die Mohamedaner im Bosnier—Herzegowina // Die Habsburgermonarchie, 1848—1918. Wien, 1985. Bd. IV. S. 687—688; Islam i Muslimani: Starješinstvo islamske zajednice u SR Bocni i Herzegovini. Sarajevo, 1977. S. 65.

[18] *Babuna A.* Op. cit. S. 33.

inslav

Греция: Аристократия, жители континента, островитяне и диаспора

В XVIII в. вся Греция находилась под иностранным владычеством. Власть над ней делили, хотя и в неравной мере, Османская империя и Венеция. Еще в XV в. бóльшая часть Греции была захвачена османами. Последующие века наполнены венециано-турецкими войнами, в ходе которых почти все принадлежавшие венецианцам греческие острова и опорные пункты на континенте перешли к османам. Крупным успехом для Блистательной Порты стало завоевание в 1669 г., после длительной и упорной войны, самого большого греческого острова — Крита. В результате к началу XVIII в. в руках Республики Св. Марка оставались лишь Ионические острова и несколько прибрежных городов Эпира. Правда, венецианцы, примкнув в 1684 г. к мощной антиосманской коалиции — Священной лиге, овладели в 1687 г. Мореей (Пелопоннес), но смогли его удерживать на протяжении только 28 лет. Социально-экономические и политические условия в греческих землях, контролируемых османами и венецианцами, сильно разнились.

Османские завоеватели распространили на Грецию свою военно-ленную систему. Наиболее плодородные земли были поделены между военными ленниками, мусульманскими религиозными учреждениями, султаном, его родственниками и приближенными. Население страны было обложено различными налогами и повинностями. Однако эта система османского землевладения, установленная в Греции завоевателями, к середине XVIII в. в значительной степени была нарушена*. Повсеместным явлением в Европейской Турции в XVII—XVIII вв. было превращение государственных земель в частнофеодальные поместья — чифтлики. Процесс этот распространился и на Грецию. В результате значительно ухудшилось правовое и материальное положение непосредственного производителя. Крестьяне, бывшие по нормам военно-ленной системы наследственными владельцами земли, становились теперь безземельными арендаторами, вынужденными отдавать бóльшую долю произведенного продукта. Возделыватель в изменившихся условиях, помимо уплаты основных налогов — *ушра* (десятины) и *хараджа* (подушного налога, взимавшегося с немусульман), должен был теперь от трети до половины из оставшейся продукции отдавать собственнику чифтлика.

---

* Подробнее о военно-ленной системе и ее распаде см. в главе "Кризис османской военно-ленной системы".

inslav

Помимо *хараджа*, ряд других налогов также взимался только с *райи* или же взимался со всех, но с нее — в повышенном размере. Дискриминационный характер налогообложения является только одним штрихом, характеризующим бесправное положение греческого народа под турецким господством. Греки, как и другие христиане, считались в Османской империи подданными второго сорта. Они были неравноправны с турками в юридическом отношении, испытывали унизительные ограничения своей личной свободы. Тяжелые налоги и повинности, правовое бесправие усугублялись злоупотреблениями турецких должностных лиц, принявшими особый размах в XVII—XVIII вв., в период прогрессировавшего упадка Османской империи.

Переход от государственно-феодального к частнофеодальному землевладению не был обусловлен какими-то качественными изменениями в производительных силах. Правда, в Греции, как и в других балканских землях, имело место освоение новых земель, получили распространение новые сельскохозяйственные культуры (кукуруза, хлопок). Но нет каких-либо данных об изменениях в технике производства, о повышении производительности труда. Между тем Греция и другие балканские провинции Османской империи все более активно вовлекались в орбиту европейского рынка, где им была уготована роль поставщиков сельскохозяйственного сырья для стран Западной и Центральной Европы. Благодаря усилению нажима на непосредственного производителя, новые феодальные землевладельцы смогли сосредоточить в своих руках большие объемы рыночной продукции. Значительно возросла товарность греческого сельского хозяйства. В Греции оживляется городская жизнь. Широкий размах приобретает торговля, особенно внешняя. Здесь немаловажную роль играло географическое положение Греции как моста между Европой и Азией. Через Македонию шли в Австрию и Германию многочисленные караваны не только с греческим сельскохозяйственным сырьем, но и с ремесленными изделиями малоазиатских мастеров.

Сухопутную торговлю со странами Центральной Европы вели греческие купцы. Морская же торговля принадлежала в основном французам и венецианцам. Но уже с начала XVIII в. начинает развиваться греческое судоходство, центрами которого становятся три небольших острова — Идра, Спецце и Псарра. Еще в середине XVII в. эти острова были почти не населены. Немногочисленные жители Идры и Спецце существовали за счет рыболовства. Псарра же была в это время одним из пиратских гнезд Архипелага[1]. В последующие десятилетия население островов увеличилось за счет православных албанцев и греков — переселенцев из Пелопоннеса и Центральной Греции, спасавшихся от набегов отрядов албанских беев, насилий и произвола турецких властей. Увеличившееся население островов искало дополнительные источники к существованию. Островитяне стали строить небольшие корабли, совершали плавания между островами Эгейского моря и близлежащими берегами греческого континента Малой Азии, Египта. Собственники кораблей, являвшиеся одновременно и купцами, сбывали продукцию Архипелага — вина, фрукты, и доставляли на острова зерно и другие продукты, в которых островитяне испытывали острую нужду. Но пора настоящего расцвета греческого судоходства наступила позднее, уже после Кючук-Кайнарджийского мира.

inslav

Изменения в формах феодального землевладения отразились и на социальной структуре греческого общества. Появился значительный слой греческих землевладельцев — коджабаши*, которым турки передоверили функции местного управления, в первую очередь — сбор налогов. Коджабаши приобрели значительную земельную собственность и пользовались большим политическим влиянием. Особенно значительным было политическое воздействие некоторых наиболее богатых и родовитых семей коджабаши — джакья[2*]. Эти наследственные семьи землевладельцев фактически вершили делами своих провинций, которыми номинально управляли турецкие паши. Так, в Пелопоннесе власть и влияние делили Бенакисы, Заимисы, Делияннисы и другие могущественные семьи коджабаши.

Коджабаши были феодальными эксплуататорами, нередко даже более жестокими и беспощадными, чем турки. В политическом плане они являлись инструментом турецкой власти. Но между коджабаши и завоевателями существовали противоречия, недооценивать которые было бы неправильно. Выпестованные турецким правлением, коджабаши со второй половины XVIII в. приобретают все большую экономическую мощь, тесня турецкое землевладение. Представляя новый слой феодального класса, более тесно связанный с рынком, коджабаши были заинтересованы в определенных политических преобразованиях в Османском государстве: прежде всего в установлении определенных гарантий для жизни и собственности, отсутствовавших в деспотическом Османском государстве. Но жизнь показывала беспочвенность надежд на подобные преобразования, а сами коджабаши зачастую становились жертвами жестокости и произвола турецких пашей. Эти обстоятельства не могли не повлиять на позицию коджабаши в ходе тех внутренних и внешних кризисов, которые сотрясали Грецию в XVIII в.

Хотя в Греции, как уже говорилось, в XVIII в. заметно оживилась торговля, условий для формирования значительного местного купеческого класса не существовало. Главным препятствием было отсутствие в османских владениях элементарных гарантий сохранности товаров и доходов купца, а также и самой его жизни. Чтобы как-то обезопасить себя от алчности и вожделений "своих" чиновников, купцы искали покровительства у иностранных консулов. Тогда возник институт так называемых баратеров. Купцы и вообще состоятельные люди покупали у какого-либо иностранного посольства в Стамбуле берат[3*], дававший им право на покровительство и защиту со стороны консулов соответствующей державы во владениях султана. Баратеры представляли собой что-то вроде внутренних эмигрантов. В XVIII в. большой размах приняла в Греции и настоящая эмиграция.

Греческие купцы, совершая поездки по торговым делам в города Западной и Центральной Европы, подолгу жили в этих городах, обзаводились здесь домами. Часто временное пребывание превращалось в постоянное. Греческие торговые колонии возникли в Вене, Пеште, Лейпциге, Амстердаме, Ливорно, Триесте и других городах. В России центром греческой эмиграции с середины XVII в. становится Нежин. Сложившейся

---

* Коджабаши (тур.) — староста.

2* От тур. осак — очаг, род, семья.

3* Берат (тур.) — султанская грамота, патент.

inslav

здесь греческой общине, состоявшей главным образом из жителей Эпира и Македонии, правительство России предоставило большие привилегии. В целом греческие торговые колонии, существовавшие в более развитых, чем сама Греция, странах, становятся позднее базами национально-просветительской и освободительной деятельности.

Говоря о стратификации греческого общества в XVIII в., следует упомянуть еще два его слоя — высшее духовенство и фанариотов. Территориально они были связаны с Константинополем, который и после падения Византии оставался важным греческим центром. Здесь находилась резиденция константинопольского патриарха. Константинопольская патриархия получила от султанов такие права и привилегии, каких она никогда не имела при византийских императорах. Греческий константинопольский патриарх являлся главой греко-православного миллета, в который входили, помимо греков, валахи, молдаване, болгары, сербы, православные албанцы. С них всех греческий патриарх и греческие прелаты собирали церковные подати, они же выступали в качестве представителей всех православных перед турецкими властями. Обязанная туркам своим материальным благосостоянием, Константинопольская патриархия полностью поставила им на службу свое духовное влияние. Разумеется, среди патриархов и митрополитов имелись и патриоты, и просветители. Но это было не правилом, а исключением.

С Константинопольской патриархией были тесно связаны и фанариоты, получившие свое название от квартала Фанар в Стамбуле, где находилась и резиденция патриарха. Эта греческая аристократия вела свое происхождение от купцов и банкиров, поселившихся в столице империи в XVI—XVII вв. Политическая ловкость фанариотов, их обширные связи, знание европейских языков позволили им сблизиться с правящей верхушкой Османской империи и стать для нее полезными. Со второй половины XVII в. грекам-фанариотам принадлежала должность великого драгомана Порты. В условиях расширения связей османской державы с христианскими государствами должность эта приобрела большое значение. Великие драгоманы присутствовали на встречах великого везира с иностранными послами, посещали европейские дворы с дипломатической миссией от султана, участвовали в длительных и сложных мирных переговорах с внешними противниками Османской империи, когда перед ними стояла задача смягчить последствия — в XVIII в., как правило, неблагоприятные — ее войн. При этом они не забывали и собственные интересы. Помимо своего жалованья, они смогли добиться от Порты различных привилегий. Так, великие драгоманы и их свита освобождались от всех налогов, не подлежали ничьему суду, кроме суда великого везира; в отличие от простой райи, они могли ездить верхом, отпускать бороду и носить такую же одежду, какую носили турки.

В 1701 г. в высшей системе управления империей была учреждена должность драгомана флота, обладателями которой также становились исключительно фанариоты. Каждое лето капитан-паша (главнокомандующий турецким флотом) направлялся со своей эскадрой в Архипелаг для сбора налогов с местных жителей. Драгоман флота и в этом, и во всех других случаях представлял официальную промежуточную инстанцию в сношениях между турецким адмиралом, в ведении которого находились острова Архипелага, и их жителями. С течением времени полномочия драго-

inslav

мана флота значительно расширились. Он стал заниматься сбором и распределением налогов, контролировать деятельность должностных лиц на островах. Он получил также право налагать денежные штрафы, наказывать битьем палками и тюремным заключением, задерживать суда и конфисковывать их груз. В общем, драгоману флота стала фактически принадлежать гражданская и судебная власть на островах Эгейского моря[2].

Но наиболее престижными и доходными для фанариотов были должности господарей в Дунайских княжествах. С 1711 г. начинается фанариотский период в истории Валахии и Молдавии*: Порта, стремясь урезать автономию княжеств и усилить контроль над ними, начала назначать господарей из числа греков Фанара. За обладание этими выгодными должностями шла ожесточенная борьба между фанариотскими фамилиями. Как правило, они доставались пяти наиболее влиятельным и богатым семьям Фанара — Маврокордато, Суццо, Ипсиланти, Мурузи, Караджа. Среди фанариотских правителей Дунайских княжеств имелись, несомненно, люди просвещенные, с благими намерениями, стремившиеся помогать своим соотечественникам и управлять в духе модных тогда в Европе принципов просвещенного абсолютизма. Но Порта, предоставив фанариотам место в высшей администрации империи, преследовала совсем другие цели, главной из которых было — держать в подчинении значительную часть христианского населения Османской империи. И соучастие фанариотов в системе власти, созданной завоевателями, содействовало в целом выполнению этой задачи.

Феодальные слои греческого общества вросли в систему османского господства. Основной же силой народного сопротивления чужеземному владычеству было крестьянство. Именно из крестьян, бежавших от национального и социального гнета в леса и горы, возникли отряды так называемых клефтов[2*]. Горы Пелопоннеса, Пинд, Олимп служили их основными базами. Численность клефтов изменялась в зависимости от положения в стране: возрастание экономического нажима на греческое население и усиление национальных и религиозных преследований приводили соответственно к увеличению числа клефтов. Статус различных отрядов клефтов был неодинаков. Будучи не в состоянии справиться с клефтами, которые своими набегами наносили большой ущерб турецким феодалам в Греции, Порта была вынуждена легализовать некоторые из их отрядов, "поручив" им охрану порядка в тех районах, где они действовали. Эти отряды, как бы состоявшие на службе у правительства, стали называться арматолами[3*]. Однако грань между арматолами и "чистыми" клефтами была весьма подвижной и условной. Некоторые отряды арматолов, вступив в конфликт с турецкими властями, снова превращались в клефтов. Имели место и обратные случаи. Командиры отрядов клефтов и арматолов, называвшиеся капитанами, с течением времени стали важными фигурами в политической жизни страны. Но отряды клефтов и арматолов были не единственными боевыми контингентами, которые при определенных об-

---

* См. главы о Дунайских княжествах.

2* Клефт (греч.) — вор. Дискредитирующая характеристика носителей вооруженного сопротивления турецкой власти исходила, естественно, от нее самой и от ее приверженцев.

3* От итал. Armato — "вооруженный".

inslav

стоятельствах могли стать опорой освободительного восстания. В трех горных областях туркам так и не удалось утвердить свою власть: Мани (Пелопоннес), Сули (Эпир), Сфакья (Крит).

В социально-экономическом отношении это были наиболее отсталые районы Греции. Здесь сохранялись еще сильнейшие пережитки патриархально-родовых отношений. Консервации их способствовал недостаток природных ресурсов, слабое развитие производительных сил, изолированность от остальной Греции. Управляли ими капитаны. К концу XVIII в. капитанские должности стали наследственной прерогативой наиболее богатых семей. В Мани, наиболее обширном и населенном из этих мест, окружными капитанами избирался ее верховный правитель — бей, утверждавшийся Портой. Все мужское население полунезависимых горных областей было вооружено. Закаленные трудными условиями существования, приобретши боевые навыки в постоянных войнах с турками и набегах на окружающие районы, к которым их побуждал недостаток средств к существованию, горцы представляли серьезную боевую силу. Во второй половине XVIII в. численность воинов-сулиотов составляла, по различным данным, 1 тыс. 500 человек[3], а сфакиотов — не менее 2 тыс.[4] Наиболее же значительный вооруженный контингент — до 14 тыс. человек — могли выставить маниоты[5].

В особых социально-экономических и политических условиях жило население Ионических островов, которые Венеция сумела удержать в руках до последних дней своего существования[6]. Острова эти узкой цепочкой протянулись вдоль западного побережья Греции. К числу наиболее крупных относятся семь островов этой группы (перечисляются в порядке их расположения, в направлении с севера на юг): Корфу (Керкира), Пакси (Паксос), Лефкада (Левкас, Св. Мавра), Итаки (Итака), Кефаллиния (Кефаллония), Закинтос (Закинф, Занте), Китира (Цериго)*.

Население шести Ионических островов (по небольшому острову Пакси данных не имеется) составляло в 1766 г., по некоторым данным, 111 тыс., из них 44 тыс. жили на Корфу — главным острове Архипелага, центре венецианской администрации[7]. Основным занятием островитян было сельское хозяйство, хотя и городская жизнь получила довольно значительное развитие — на больших островах в городах проживало около 1/4 всего населения. Из отраслей сельского хозяйства наибольшее развитие получили садоводство и виноградарство. Земледелие же и скотоводство на островах были развиты слабо, что создавало проблемы с обеспечением островитян продовольствием. Так, согласно донесению венецианского губернатора Корфу Ф. Гримани от 1760 г., собственного зерна жителям острова хватало лишь на три месяца[8].

Существовавшие отрасли сельского хозяйства имели товарный характер и были в основном нацелены на внешний рынок. Главными продуктами, которые острова предлагали для товарообмена, были оливковое масло, коринка, вина.

Корфу, являющийся и поныне одним из самых зеленых островов Греции, в начале XVIII в. был сплошь покрыт оливковыми рощами. В 1716 г. здесь было насчитано 1 млн 873 тыс. 730 оливковых деревьев[9]. Произведенное на островах оливковое масло вполне отвечало требованиям евро-

* В названиях островов, кроме Корфу, на первом месте даются их современные греческие названия, в скобках — другие варианты этих названий.

inslav

пейского рынка, приближаясь по качеству к прованскому. Наиболее популярным в Европе ионическим товаром была коринка (изюм без косточек). Помимо Венеции, ее покупали в Англии, Голландии и Швеции. Особенно славилась коринка Закинтоса. Многие ее тонны потребляла Англия на изготовление традиционного рождественского пудинга.

Несмотря на вполне товарный характер экономики Ионических островов, на пути развития местного купеческого сословия стояли серьезные препятствия, созданные политикой венецианских властей. В соответствии с заведенным господствующей державой порядком, произведенное на островах оливковое масло сначала должно было поставляться в метрополию и лишь затем могло быть реэкспортировано в другие европейские страны. При этом взималась двойная пошлина — ввозная и вывозная. Только венецианские купцы могли вывозить с островов товары, минуя таможню Венеции. Таким образом, Венецианская республика препятствовала участию во внешней торговле ионийцев, стремясь отдать вся выгоды от нее своим купцам.

В XVII—XVIII вв. ионические порты были важными базами торгового судоходства в Средиземном море. Их посещали французские, английские, голландские суда. Англия и Франция держали в этих портах своих консулов. Английское консульство было учреждено на Закинтосе в 1628 г., а Франция открыла свои консульства на Китире и Закинтосе в 1715 г.

В XVIII в. активно участвуют в средиземноморском судоходстве и жители Кефаллинии. Остров имел свой флот, насчитывающий к концу века приблизительно 200 судов и 5 тыс. лодок. Кефаллиниоты выходили на своих кораблях в Атлантический океан, доплывали до берегов Америки и Индии.

В последний век венецианского господства на Ионических островах возникают и небольшие мануфактуры, специализирующиеся на обработке сельскохозяйственной продукции: маслобойни, мыловарни, винные заводики. В целом экономика островов была более развитой в сравнении с экономикой соседних балканских регионов.

Социальная структура ионического общества имела многие характерные черты позднего западноевропейского феодализма. Крестьяне пользовались личной свободой. Земля же находилась в основном в руках потомственного дворянства. Крестьяне обрабатывали ее на условиях аренды, обычно продолжительностью на год. Особенно обременительной была эта аренда на Кефаллинии, где эксплуататором выступало само венецианское государство. Здесь с крестьянина-арендатора взималась десятина, составлявшая 20—30% произведенного продукта.

Характерной чертой ионического общества XVIII в. был его сословный характер. Население островов делилось на сословия, которые в источниках называются "разрядами" или "классами". К первому классу принадлежало наследственное дворянство (нобилитет). Остальная часть городского населения относилась ко второму классу. Этот "класс" не был однороден: верхушку его составляли купцы, судовладельцы торговых заведений и мануфактур, лица свободных профессий. Ремесленники же, приказчики, матросы, работники и остальной городской плебс — все они принадлежали к так называемому нижнему народу. Особый разряд, отделенный от горожан, составляло крестьянство.

Ионические нобили представляли собой замкнутый сословный корпус, формировавший Большой, или Генеральный совет. Они отстаивали

inslav

свою обособленность, всеми способами препятствуя проникновению в свою среду "чужаков". В XVI в. на Корфу, а затем и на других островах была заведена так называемая Золотая книга, в которую записывались потомственные дворянские семьи. Аристократической спесью и тщеславием, выражавшимися в страсти приписывать себе происхождение от древних римских и греческих фамилий, особенно славились нобили Корфу. По ироническому замечанию одного наблюдателя, на острове собралась целая толпа "потомков" византийских императоров[10].

Сильно итальянизировавшиеся ионические нобили (итальянский язык являлся на островах государственным) были главной опорой господства венецианцев. Им принадлежало исключительное право участия в местном самоуправлении. Однако на должности высших чиновников на островах — генерал-губернатора (или "генерального интенданта Леванта", как он официально назывался), губернаторов отдельных островов — назначались венецианские патриции. Экономически мощная верхушка второго класса в политическом отношении была бесправна. Крестьянство страдало от полуфеодальной эксплуатации. В результате на Ионических островах, в отличие от подвластной османам остальной Греции, на первый план вышли социальные противоречия.

На протяжении нескольких веков на островах шла упорная борьба между первым и вторым классами. Причем второй класс — ионическое "третье сословие", в отличие от настоящего третьего сословия Франции, добивался не равенства с дворянством и ликвидации дворянских привилегий, а своего включения в первый класс со всеми сопутствующими последствиями. По мнению некоторых наблюдателей, распри между "первоклассными" и "второклассными" Венеция разжигала намеренно в целях упрочения своей власти на островах[11]. Непримиримой была вражда крестьянства с дворянскими собственниками земли. Хотя для XVIII в. нет данных об открытых антифеодальных выступлениях ионических крестьян, известно, что они повсеместно задерживали арендную плату, отказывались от выполнения повинностей и другими способами боролись против феодальных землевладельцев. Венецианское господство не было популярно на Ионических островах. Раздражение большинства островитян вызывало то явное предпочтение, которое республика дожей оказывала нобилитету, а также дискриминация ионических купцов и произвол венецианских чиновников.

В то же время объективности ради следует упомянуть о некоторых сторонах венецианского господства, выгодно отличавших его от османского. Прежде всего отметим, что существовавшая на островах венецианская правовая система, при всех ее недостатках, давала такие гарантии безопасности личности и сохранности собственности, которые не существовали для подданных Порты. Значительно разнообразнее и раскованнее была и духовная жизнь ионического общества во всех ее проявлениях. В ионических городах, в отличие от городов порабощенной османами Греции, сложилась интеллигентская прослойка — врачи, юристы, писатели. Умственные интересы ионических интеллигентов выходили за рамки чисто профессиональной деятельности. Например, на Корфу в 1650—1716 гг. существовала так называемая Академия — фактически это было общество людей, обсуждавших на своих научных собраниях проблемы медицины, права, литературы, богословия. Дорогое сердцу и уму греков название *Академия*, напоминавшее им о славе и величии их родины в

inslav

древности, получило и основанное в 1791 г. на Кефаллинии аналогичное общество, занимавшееся сельскохозяйственными науками[12].

Большим влиянием на островах пользовалось православное духовенство. Хотя его глава, митрополит Керкиры, формально и зависел от константинопольского патриарха, фактически он пользовался полной автономией. Для ионической православной епархии был характерен антитурецкий настрой, что было связано с захватническими притязаниями Порты на Ионические острова. Приверженность православию ионийцев, находившихся под игом католической державы, способствовала сохранению их национального самосознания и культуры, создавала чувство общности с их соотечественниками на противоположном побережье Ионического моря.

В условиях почти полного отсутствия образовательных заведений в греческих землях под иностранным господством, греческая молодежь стремилась для получения образования в итальянские университеты. Особой популярностью пользовался знаменитый университет в Падуе, находившейся на территории Венецианской республики. Здесь также получали свое образование и юноши из аристократических и зажиточных семей Ионических островов. О значительном числе молодых ионийцев, прошедших через Падуанский университет, свидетельствуют следующие данные: из 899 греков, учившихся в период с 1634 по 1782 г. на медицинском факультете университета, 373 человека были ионического происхождения, а из 105 греков, окончивших за период с 1659 по 1699 г. юридический факультет, ионийцев было 75[13]. Профессии врача и юриста были наиболее популярны в образованной среде ионийцев. Однако среди видных греческих ученых XVIII в., выходцев с Ионических островов, были также химики и фармакологи, филологи и палеографы, философы и теологи.

Ионическое общество, несомненно, являлось в XVIII в. наиболее образованной частью греческого мира. Ионические ученые и просветители первыми восприняли и распространили в греческой среде передовые идеи европейского Просвещения. Характерно, что основоположниками новогреческого Просвещения, которое развивалось под влиянием прогрессивных философских течений Запада, были Евгений Вулгарис (Булгари) и Никифор Теотокис — оба ионийцы.

Оформление греческой национально-освободительной идеологии относится ко второй половине XVIII в. Но уже в первые века османского господства для массового самосознания греков были характерны ненависть к поработителям и надежды на освобождение. Говоря о духовных факторах, способствовавших в мрачные времена иноземного господства сохранению греческой национальности и ее стремления к освобождению, нельзя не отметить роль православной религии. В Греции исламизация не приняла массового масштаба. Сохранение традиционной религии большинством населения способствовало сохранению его национальной идентичности. Общая религия в критические моменты объединяла различные социальные слои греческого общества. В результате этого в представлениях и призывах борцов за национальное освобождение "вера" и "отечество" являлись нерасторжимым единством. Православная вера тесней связывала греков с Россией, единственной единоверной с ними европейской державой, на которую греки возлагали основные надежды в освобождении своей родины. В Средние века эти чаяния народа отражались в различных мистических прорицаниях и пророчествах о "белокуром племени", кото-

inslav

рое освободит греков от рабства, получивших новую пищу после выхода в XVIII в. России на мировую арену. Около середины XVIII в. монах Т. Полиидис собрал эти пророчества в книге "Видение Агафангела". Книга эта приобрела исключительную популярность. В рукописном или печатном виде (впервые она была напечатана в Вене около 1790—1791 гг.) ее можно было найти во многих городских и деревенских домах Греции и в самых отдаленных уголках греческой диаспоры[14].

Тяга греков и других православных народов Балкан к России не была движением в одну сторону. Ко времени выхода России при Петре I на мировую арену относится первая попытка российской дипломатии взять под свое покровительство балканских христиан православного вероисповедания — так, как этого добилась Франция по отношению к католикам.

Среди пунктов, предложенных полномочным представителем России на Карловицком мирном конгрессе 1698—1699 гг. П.Б. Возницыным для того, чтобы быть с "Салтановым Величеством турским в дружбе и в миру", был следующий: "Церквам Божиим и монастырем, греческую веру имеющим, везде во владении его Салтанова Вел-ва сущим, также и разных народов людем Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоеж веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякаго отягчения и лишних податей, а новонакладные дани да отимутся от них, и впредь к тому принуждаемы не будут"[15]. Однако турецкие представители, естественно, не согласились с предложением дьяка.

Несмотря на неудачу демарша Возницына, Россия в первые годы XVIII в. укрепляла свои связи с греками. Большим успехом внешней политики Петра I в этом плане было признание Портой по Константинопольскому договору 1700 г. права России иметь своего постоянного представителя в Константинополе. Это была вынужденная уступка, и правящая верхушка османского государства была обеспокоена появившейся у России возможностью вступить в прямые политические контакты с его греческими подданными. Прибывший в 1701 г. в Константинополь российский представитель П.А. Толстой сообщал в одном из своих первых донесений: "Есть в турках такое мнение, что я, живучи у них, буду рассевать в христиан слова, подвигая их против бусурман, для того крепкий заказ грекам учинили, чтоб со мною не видались, и страх учинили всем христианам, под игом их пребывающим, такой, что близко дому, в котором я стою, христиане ходить не смеют"[16].

Трудно сказать, в какой мере первый постоянный представитель России в Османской империи "оправдал" эти опасения Порты. Во всяком случае известно, что он успешно проводил вербовку жителей Адриатического и Ионического побережья — итальянцев, греков и славян — для службы в российском флоте[17]. Среди завербованных был далматинский грек И. Боцис, ставший в России контр-адмиралом, начальником галерного флота. Одновременно образованные греки охотно принимаются в России и получают важные должности. Петр I оказывает покровительство и грекам Нежина. Остановимся на этом несколько подробнее.

Нежинская греческая община со времени своего образования в середине XVII в. пользовалась значительными льготами и привилегиями. Обычно они давались и подтверждались гетманами Украины, в управлении которых находился Нежин. В универсале гетмана И.И. Скоропадского от 17/28 октября 1709 г. были обозначены следующие привилегии нежинских греков:

inslav

1) они имели право держать при своей церкви собственного священника, который подчинялся только киевскому митрополиту; 2) все споры, конфликты и дела гражданского характера, исключая уголовные, находились в компетенции греческой общины, и ни нежинский полковник, ни местный магистрат не должны были вмешиваться в эти дела; 3) не позволялось — ни для каких городских потребностей — сгонять греков с их дворов и забирать у них подводы.

Однако власти Нежина, мало считаясь с этими и другими гетманскими универсалами, нарушали исключительные права греков, что побудило последних "бить челом" царю, прося его подтвердить их преимущеста. Просьба греческих жителей Нежина была удовлетворена. В своей жалованной грамоте от 11/22 марта 1711 г. Петр I указал: "Повелеваем им Грекам в Нежине жить и церковь свою Греческую имети, и права и волности содержати во всем против того, как в том подданого нашего Гетмана Ивана Ильича Скоропадского универсале изображено, непременно"[18].

В результате всех этих акций Петра I росли симпатии к нему греческого общества. Большой энтузиазм греков вызвала Полтавская победа. Многие увидели в ней пролог к освобождению Греции после успешного исхода войны со шведами.

Мнение, что час этот пробил, выразил в своем хвалебном слове Петру, произнесенном на Рождество 1709 г., монах Анастасиос — греческий ученый, живший в Москве. На следующий год он опубликовал текст в Амстердаме под заглавием "Царский театр". В этом своем слове Анастасиос заявлял, что великие подвиги царя "филэллина" известны всей Вселенной и нет ни одного жителя, даже в самых отдаленных ее уголках, который не слышал бы о них и не признал, что они вполне сопоставимы с подвигами великого Александра Македонского[19].

После начала в 1710 г. русско-турецкой войны Петр I предпринимает большие усилия для того, чтобы поднять балканских христиан на борьбу против общего врага. Как уже говорилось, в воззваниях, направленных Петром I накануне Прутского похода к христианским народам Балкан, подчеркивалось, что одной из основных целей его войны с турками является освобождение христиан от мусульманского ига. «Мы, — провозглашалось в его "Манифесте Молдавии и Валахии и всем христианским народам" от 8/19 мая 1711 г., — призвав Бога на помощь и уповая на правость свою и приняв сие за звание Божие для освобождения ис под ига варварского христиан страждущих, смотрением Его, Всевышнаго, сочиненное, вознамерились со всеми нашими войски не токмо для отпору неприятелю наступающему, но и наступательно на того самого вероломнаго христианского имени супостата и искаренителя воевать, и для того войском нашим в Турецкую область и провинции, неправедно от христиан пред многими леты отторгнутые, вступили и будем против оных врагов, елико Всевышний поможет, всеми силами действовать». Царский манифест содержал также обращение к "единоверной нашей братии... [чтобы] при сем вступлении войска нашего в границы турецкие все совокуплялись и приходили к войскам нашим и совокупно на неприятеля Креста Господня воевали за отечество, за честь и за превращение древних свобод и вольностей своих и наследников ваших ис под ярма поганского..."[20].

Наряду с манифестами и воззваниями, имевшими самый широкий адрес, Петр I обратился и лично к некоторым греческим церковным иерар-

inslav

хам, в том числе — к янинскому митрополиту Клименту. Хотя эти грамоты царя до нас не дошли, очевидно, речь в них шла о том, чтобы церковные руководители побуждали свою паству поднять оружие против турок. О реакции, в целом положительной, митрополита Климента на это обращение можно судить по его письму от 8/19 июля 1711 г. к российскому торговому консулу в Венеции Д. Боцису[21].

Д. Боцис, назначенный на этот пост в марте 1711 г., сам грек по национальности, брат названного уже контр-адмирала русской службы И. Боциса, имел среди главных своих задач установление связей с влиятельными людьми Греции для подготовки вооруженного антитурецкого выступления. На этот предмет консул установил связи не только с некоторыми греческими архиереями, но и с несколькими капитанами, в том числе с находившимися в епархии митрополита Климента, т.е. в Эпире.

Весной 1711 г. в Центральной Греции и Македонии проявились некоторые признаки брожения. Здесь появились отряды клефтов численностью около 400—500 человек, состоявшие из христиан и мусульман и нападавшие главным образом на турок[22]. Однако в отличие от северо-западных провинций Османской империи, где воззвания Петра I и деятельность его агентов привели к широкому антитурецкому восстанию, в Греции такого рода массовые выступления не имели места. Причины, объясняющие такую "пассивность", следует искать в самом положении греческих земель. Расположенные в центре османских владений в Европе, отрезанные от внешнего мира, они были особенно уязвимы в случае карательных действий турецких властей. Восстание здесь, при отсутствии какой-либо внешней поддержки, могло привести только к поражению, которое было бы чревато тяжелыми последствиями для населения. Несомненно, это сознавали предводители вооруженных отрядов и другие влиятельные люди Греции. Настроения эти наверняка изменились бы при продвижении русской армии в глубь турецких владений в Европе. Как писал в своем донесении Петру I от 8/29 августа 1711 г. Боцис, "ежели крепкия ваши войска чрез Дунай пройдут, то учинятся во всей Румелии, Македонии и в Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общаго врага христианов"[23].

Деятельность Петра I оживила надежды греков на скорое освобождение. В Греции складывается культ русского царя как спасителя страны от гнета османов: в богослужениях в греческих церквях отдаленных районов упоминается его имя, распространяется выгравированный в Амстердаме портрет Петра с характерной надписью под ним: *Petrus Primus Russograecorum Monarcha**. Ожидания близкого освобождения русской армией под предводительством Петра I воплотились и в народной песне, сложенной, по-видимому, в первые годы XVIII в.

Уже этой весной,
Райя, райя,
Уже этим летом,
Бедная Румелия,
Придет Мосховит,
Райя, райя,
И войско приведет
В Морею и Румелию[24]

* Петр Первый, русско-греческий монарх (лат.).

inslav

Поэтому велико было разочарование и огорчение греков и других балканских народов в связи с поражением Петра I на Пруте. Однако предсказания и пророчества о "белокуром племени", которое подаст руку помощи Греции, глубоко укоренились в душах греков, и мечта о грядущем освобождении не угасла на всем греческом пространстве. Любопытно в этом плане свидетельство, принадлежащее иезуитам, которые занимались прозелитизмом в Салониках. Они отмечали, что греки города были убеждены в том, что придет время, когда царь освободит их от ига турок[25]. Следует заметить, что свидетельство западных монахов относится к 1714 г., когда прошло всего лишь три года после неудачной для России войны с Турцией. В этом же году начинается новая венециано-турецкая война, главной ареной которой стала Греция.

Как уже говорилось, в ходе войны с турками венецианцы в 1687 г. овладели Пелопоннесом, который был закреплен за ними Карловицким мирным договором. Венецианцы за время своего правления в этой греческой провинции внесли определенные изменения в систему отношений с подвластным населением. Они ввели новую налоговую систему, не столь обременительную для жителей, как прежняя. Принимались также протекционистские меры для содействия сельскохозяйственному производству. Свой след в истории сельского хозяйства Пелопоннеса оставили меры венецианцев в сфере виноградарства. Ввозилась виноградная лоза из Италии и Франции, в результате чего Пелопоннес стал, наряду с Закинтосом и Кефаллинией, одним из главных производителей коринки. Меры эти сочетались с прямым вмешательством венецианского государства во внешнеторговые операции. Так, все вывозимые товары, прежде чем они поступят на внешний рынок, должны были привозиться в Венецию, что, разумеется, препятствовало развитию местного купеческого сословия.

Господство венецианцев в Морее, как назывался в османский период Пелопоннес, было недолговечно. Порта, воодушевленная упехом в войне с Россией в 1711 г., в декабре 1714 г. объявила войну Венеции, главной целью которой было отвоевание Мореи. В июне 1715 г. 70-тысячная армия османов под предводительством великого везира Али-паши пересекла Коринфский перешеек и вторглась в Морею. Венецианцы могли противопоставить этой внушительной военной силе лишь около 5 тыс. наемников, разбросанных по различным крепостям. В результате османы за три месяца овладели всеми этими крепостями. Успеху турецкой операции в Морее содействовали греческие круги Константинополя, убеждавшие своих соотечественников не препятствовать восстановлению османского господства на полуострове. Сыграли свою роль и обещания великого везира уважать жизнь, собственность и автономные права тех жителей Мореи, которые будут содействовать ему в изгнании венецианцев[26].

Успешно завершив свой "блицкриг" в Пелопоннесе, османы начали свои операции против Ионических островов. Но здесь они натолкнулись на более серьезное сопротивление. Многие греки, жители островов, добровольно присоединялись к военным отрядам венецианцев, вносили пожертвования на ремонт крепостных сооружений, за свой счет снаряжали военные корабли. Тем не менее туркам удалось овладеть Китирой и Лефкадой, а в конце июля 1716 г. подошедший к Корфу с эскадрой, после не-

* См. главу "Таинственная Албания".

inslav

удачной попытки покорения Химары, капитан-паша Джанум Ходжа высадил на остров 10-тысячный корпус. Военные действия, продолжавшиеся 45 дней, велись главным образом у стен крепости Корфу. Обороной ее руководил хладнокровный и энергичный саксонский граф И. Шулембург, соратник знаменитого австрийского полководца Евгения Савойского. Гарнизон крепости состоял примерно из 3 тыс. солдат, треть которых, наряду с иностранными наемниками, составляли ионические греки. 9/20 августа 1716 г. над Корфу разразилась страшная буря, с молниями и громом, сильнейшим ветром и ливневым дождем. А 11/22 августа турки начали поспешно грузиться на свои корабли, побросав военное снаряжение, палатки, лошадей и тяжелые орудия. Жители Корфу приписывали свое нежданное избавление от врагов вмешательству покровителя острова Св. Спиридона, наславшего на них бурю[27]. Однако поспешное снятие османами осады Корфу объясняется и вполне земными причинами. К этому времени на помощь защитникам крепости подошли военные суда ряда южно-европейских государств. По некоторым сведениям, Испания прислала шесть кораблей, Неаполь — три корабля, Мальтийский орден — четыре корабля, папа — шесть кораблей. Кроме того, на подходе уже находилась португальская эскадра из семи кораблей[28]. Это подкрепление значительно усилило венецианские морские силы и создало угрозу для эскадры Джанум Ходжи. Еще большее значение имело вступление в войну против Османской империи Австрии. 5 августа 1716 г. Евгений Савойский нанес тяжелое поражение османам в битве при Петервардейне, в результате чего Порта нуждалась в дополнительных силах, для того чтобы остановить дальнейшее продвижение австрийцев на Балканы.

Заключенный в итоге этой войны 21 июля 1718 г. в местечке Пожаревац, вблизи Белграда, мирный договор зафиксировал потерю Венецией Мореи. За ней сохранились Ионические острова и некоторые прибрежные пункты в Далмации, Албании и Эпире. Венециано-турецкая война 1714—1718 гг. была последней войной между этими государствами. Она продемонстрировала продолжавшийся упадок Республики Св. Марка и окончательно развеяла надежды греков на какую-либо помощь с ее стороны в деле своего освобождения от османского ига.

[1] Βακαλοπουλου Α. Ιστορια του Νεου Ελληνισμου. Θεσσαλονικη, 1964. Τ.Β[1]. Σ. 113, 117.
[2] Στο ιδιο. 1973. Τ. Δ'. Σ. 236—244.
[3] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. С. 130.
[4] *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 74.
[5] Описание области Мани // АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 5644. Л. 118.
[6] Очерк последнего периода венецианского господства на Ионических островах дан в работе: *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976. С. 22—48. См. также: Ιστορια του Ελληνικου Έθνους. Αθηναι, 1975. Τ. 1Α'. Σ. 212—218.
[7] Ιστορια... Σ. 213.
[8] Στο ιδιο. Σ. 217.
[9] Στο ιδιο. Σ. 216.
[10] *Станиславская А.М.* Указ. соч. С. 34.
[11] Там же. С. 47.
[12] Там же. С. 43.
[13] Ιστορια... Τ. Ι Α'. Σ. 218.

inslav

[14] См.: *Nicolopoulos J.* From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the Emergence of Modern Greek nationalism // Balkan Sutides. Thessaloniki, 1985. Vol. 26, N 1. P. 45–57.
[15] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. IX. С. 207.
[16] *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1993. Кн. VIII. С. 60.
[17] *Sumner B.* Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949. P. 19.
[18] ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV, № 2260. С. 481.
[19] Ιστορια...Τ. 1 Α΄. Σ. 571.
[20] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. XI, вып. 1. С. 226.
[21] Там же. С. 424.
[22] Βακαλοπουλου Α. Ιστορια... Τ. Δ'. Σ. 73.
[23] Письма и бумаги... Т. XI, вып. 1. С. 423.
[24] Ιστορια...Τ. 1 Α΄. Σ. 56–57.
[25] Βακαλοπουλου Α. Ιστορια... Τ. Δ'. Σ. 74.
[26] Ιστορια...Τ. 1 Α΄. Σ. 42.
[27] Βακαλοπουλου Α. Ιστορια... Τ. Δ'. Σ. 84.
[28] *Крылова Г.К.* Россия и Венеция на рубеже XVII–XVIII вв. // Учен. зап. Ленингр. Гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1939. Т. 19. С. 61.

inslav

Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768–1774 гг. Восстание в Морее

В XVIII в. греческая земля неоднократно становилась ареной военных действий. В 1715 г. Морея подверглась нашествию османских войск, положивших здесь конец венецианскому господству. В 1770 г. этот полуостров охватило освободительное восстание, поддержанное российским флотом, который продолжал операции в греческих водах до 1774 г. В период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в Эгейском море действовала греко-российская флотилия Ламброса Кацониса. В 1798–1799 гг. шли сражения на Ионических островах и на побережье Эпира между русско-турецкими силами и французами. Наиболее длительный мирный интервал — 55 лет — приходится на 1715–1770 гг.

Этот сравнительно благополучный период османского господства в Греции способствовал росту сельскохозяйственного производства в стране. Продолжала расти и товарность аграрного сектора. На продукцию греческого сельского хозяйства — зерно, хлопок, табак, шелк-сырец, коринку, воск, меха, шкуры — стабильный и растущий спрос предъявляли промышленно развитые страны Западной и Центральной Европы. По некоторым данным во второй половине XVIII в. Македония и Фессалия экспортировали 40% производимого зерна и свыше половины табака и хлопка[1]. Значительная часть произведенной в Греции продукции вывозилась морским путем. В первой половине XVIII в. значительными морскими портами оттоманской Греции были Месолонги, Галаксиди, Арта, Патры, Корони, Метони, Наварин, а в венецианских владениях — Керкира (Корфу) и Превеза. Сырьевой характер тогдашней греческой экономики, обслуживавшей промышленно развитый Запад, проявлялся в значительном преобладании вывоза над ввозом. Так, почти на всем протяжении XVIII в. стоимость вывоза Салоник, крупнейшего греческого и балканского порта, превышала стоимость ввоза[2].

Система отношений собственности в сельском хозяйстве порабощенной Греции в первой половине XVIII в. не претерпела каких-либо существенных изменений. Можно только сказать, что возвращение Пелопоннеса туркам не только не приостановило распад военно-ленной системы, но ускорило его. Характерным явлением для Пелопоннеса было то, что после 1715 г. и вплоть до 1770 г. здесь интенсивно шел процесс складывания слоя крупных греческих землевладельцев. Тут просматривается стремление верхушки греческого общества, используя распад военно-ленной системы — феодальной основы Османской империи, обеспечить себе прочные

inslav

экономические позиции. Подобная же тенденция наблюдается и в сфере торговых отношений. Правда, в этой области соперниками греков были не турки, а иностранные купцы.

Торговля греческими сельскохозяйственными продуктами была весьма прибыльной, и борьба за сырьевой рынок Греции между купцами различных держав была достаточно острой. В XVIII в. продолжался процесс вытеснения Венеции из левантийской торговли. Первенствующее положение здесь до начала Французской революции принадлежало Франции. Так, лишившись Пелопоннеса, венецианцы утратили тогда и свои торговые позиции, которые перешли в руки французов. Как говорится в анонимном французском описании Мореи, относящемся к началу XIX в., до 1770 г. "французы одни эксплуатировали всю торговлю Мореи, и никогда не видели там другого флага кроме французского"[3].

Для шелкоткацких и мыловаренных мануфактур Франции греческое сырье имело весьма существенное значение. Так, французские купцы покупали в Морее оливковое масло низкого качества, которое шло на выработку мыла. В то же время французские купцы и консулы всячески препятствовали тому, чтобы греки создавали собственные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, в частности мыловарни[4].

Хотя преобладающее положение Франции во внешней торговле Греции почти на всем протяжении XVIII в. несомненно, но конкуренцию со стороны других держав она ощущала. Венецианцы, опираясь на свои владения в Ионическом море, претендовали на свою долю в греческой внешней торговле. В Греции в области торговли ощущался и столь характерный для всего XVIII в. острый англо-французский антагонизм. Англичане особенно были заинтересованы в таких греческих продуктах, как оливковое масло и коринка. Английской торговле в Греции содействовали консулы этой державы, обосновавшиеся в различных центрах греческой торговли, в том числе и в таких отдаленных от побережья, как Янина и Лариса. Товары ввозились и вывозились из Греции на кораблях Левантийской компании, основанной в Лондоне в 1583 г. В Восточном Средиземноморье английскую торговлю обслуживали также рагузинцы, мальтийцы, генуезцы, каталонцы, плававшие под флагом этой державы.

Для Франции, Англии и Венеции греческие земли были не только сырьевой базой, но и выгодным рынком для их промышленности. В середине XVIII в. серьезным конкурентом Венеции в снабжении Греции промышленными товарами становится Триест, объявленный в 1719 г. австрийским императором Карлом VI свободным портом. Через него в Грецию начали ввозиться произведения германских земель, прежде всего изделия из хрусталя и железа, стоившие дешевле итальянских[5].

Соперничество иностранных купцов в Греции было на руку нарождавшемуся национальному купеческому капиталу. Выступая вначале лишь как контрагенты своих зарубежных партнеров, греческие купцы по мере возрастания своего опыта и капиталов приобретали все бóльшую независимость. Наряду с торговлей появляется еще одно важное направление самостоятельной экономической деятельности греков. На XVIII в. приходится становление, точнее говоря — возрождение греческого судоходства. В начале века внешняя торговля Греции обслуживалась иностранными кораблями, главным образом венецианскими и французскими. Из греческих островов свой флот имела лишь находившаяся под венеци-

inslav

анским господством Кефаллония. Однако к середине XVIII в. ситуация коренным образом изменилась. Два порта в Коринфском заливе — Месолонги и Галаксиди — стали важными базами греческого судоходства. Особо впечатляющим был прогресс Месолонги.

В конце XVII в. Месолонги были небольшой рыбацкой деревней, жители которой занимались также прибрежным судоходством. В 1715 г. этот населенный пункт был разрушен турками во время их экспедиции в Морею, но вскоре восстановлен. С 30-х годов XVIII в. основным занятием жителей становится торговое судоходство. Количество и водоизмещение их кораблей постоянно растут. Наряду с каботажным плаванием, они начинают посещать большие порты Средиземноморья: Салоники, Геную, Неаполь, Марсель. Для этих дальних рейсов требовались не только искусство кораблевождения, но и немалая смелость, так как на морских дорогах свирепствовали пираты и корсары северо-африканских кантонов, а также Испании, Савойи, Монако. Купцы Янины и другие греческие купцы предпочитали использовать для перевозки своих товаров корабли Месолонги, а не Венеции или Франции. Это объясняется не только патриотическими мотивами, но и тем, что судовладельцы Месолонги предлагали более низкий размер фрахта, чем их конкуренты. Достигалось это тем, что если судовладельцы Венеции и Франции должны были обеспечивать команды своих судов хорошей пищей и зарплатой, то их коллеги из Месолонги предоставляли нанятым ими морякам лишь весьма скромное питание.

Флот Месолонги, насчитывавший к 1758 г. по некоторым данным 50 больших кораблей, сильно потеснил венецианцев во внешней торговле Греции. В то же время позиции греческого торгового капитала в этой сфере значительно окрепли. Современный греческий историк А. Вакалопулос, автор фундаментальной "Истории нового эллинизма", пишет о сдвиге, происшедшем в экономике континентальной Греции к середине XVIII в.: "С середины XVIII столетия и в дальнейшем большая часть внутренней торговли и перевозок в Македонии, Эпире, Фессалии и западном побережье Центральной Греции начинает переходить в руки греков и к концу этого столетия фактически находится под их контролем... В результате торгово-мореходных операций, все более и более значительного масштаба, около середины XVIII в. создаются первые серьезные греческие капиталы, которые начинают конкурировать с иностранными не только на рынках Леванта, но и за их пределами, претендуя на преимущественное положение в осуществлении внешней торговли"[6].

Следует заметить, что исходные позиции для греческого торгового капитала в этой конкурентной борьбе были невыгодными. Действовавший в Османской империи режим капитуляций являлся дискриминационным по отношению к местным купцам. Так, таможенная пошлина на ввоз и вывоз составляла для иностранцев 3%, а для подданных султана — 5%. Кроме того, если иностранцы, сгрузив свой товар в каком-либо порту и уплатив там таможенную пошлину, могли после этого беспошлинно перевозить этот товар сушей или морем в любое место султанских владений, то местные жители при перевозке товаров были обязаны снова платить таможенную пошлину в каждом порту, который они посещали[7].

Рост торговли и судоходства наблюдается и на островах Эгейского моря, которые обозначаются в современных документах как Архипелаг. Эти острова, благодаря своим природным условиям, были и остаются "садом"

inslav

Средиземного моря. В больших количествах здесь выращивались апельсины, лимоны, виноград, оливки. На некоторых островах производились вина. На всю Европу славились вина Санторина (Тира). На некоторых островах существовало и шелководство. Центром его был Хиос — самый населенный остров Архипелага. Население его в 30-х годах XVIII в. составляло 100 тыс., из них 5 тыс. турок[8]. Помимо собственного шелка-сырца, его привозили с других островов Архипелага, а также из Пелопоннеса и Загоры (Фессалия). На этом сырье работали мастерские Хиоса, вырабатывавшие различные виды шелковых тканей, в том числе дамассе, составлявшую конкуренцию аналогичному венецианскому товару. Купцы Хиоса, имевшие компаньонов в Смирне (Измир) и Константинополе, проявляли большую активность на рынках Леванта. Торговлю Архипелага обслуживал зарождавшийся флот трех мореходных островов — Идры, Спецце и Псарры. Но фактором общегреческого и европейского значения судоходство Архипелага становится уже после Кючук-Кайнарджийского мира.

Важная роль во внешней торговле Греции принадлежала Криту. С конца XVII в., после перехода Крита в руки османов, он стал торговой вотчиной Франции. Ко времени сбора урожая в портах Крита собиралось 30—40 кораблей, нагружавшихся оливковым маслом, сыром, воском, шелком-сырцом. Почти весь этот товар шел во Францию[9]. Французский торговый капитал сохранял контроль над внешней торговлей этого самого большого греческого острова до 80-х годов XVIII в.

Развитие торговли и ремесла способствовало оживлению городской жизни Греции в XVIII в. Наиболее значительными городами Греции в эту эпоху были Салоники и Янина. Салоники в середине века насчитывали около 40 тыс. жителей, делившихся на три национальные и одновременно конфессиональные группы: 10 тыс. турок, 8—9 тыс. греков и болгар, 18—20 тыс. евреев[10]. Каждая из общин имела свои органы самоуправления. Совет из шести аянов*, состоявший исключительно из беев, возглавлял мусульманскую общину города. Двадцать проестосов (нотаблей) стояли во главе греческой общины. Духовным главой салоникских христиан был архиепископ, занимавший исключительное место в православной иерархии и носивший, как и константинопольский патриарх, титул "святейшества". Высшими органами самоуправления еврейской общины был совет, состоявший из трех раввинов, и комитет из семи мирян. Духовной властью над всем еврейским населением Салоник пользовался великий раввин.

Главной задачей руководящих органов общин было доводить распоряжения властей до всех своих членов, распределять среди них налоги и обеспечивать выполнение различных повинностей, налагаемых государством. С течением времени эти органы получили также право обращаться от имени своих общин с различными просьбами к представителям власти и принимать меры для защиты соответствующих групп населения от чрезмерных требований и давления со стороны государственной администарции[11].

Салоники были одним из самых развитых торгово-ремесленных центров Османской империи. Здесь в 1664 г. была основана суконная мануфактура — первая известная мануфактура в Османской империи[12]. В го-

* Аяны — наиболее влиятельные представители местной мусульманской знати.

inslav

роде существовало развитое ремесленное производство. Двадцать четыре эснафа* объединяли ремесленников различных профессий. Некоторые из ремесленных корпораций были построены по национальному принципу. Например, важный цех меховщиков состоял только из греков, производителями же муслина были только турки. Но существовали и смешанные по национальному составу цеха.

Через Салоники шел и самый значительный поток морской и сухопутной торговли Балкан. Три национальные группы населения Салоник обеспечивали в различных формах эту интенсивную деловую активность.

Турки, хотя и участвовали в ремесленном производстве, предпочитали заниматься торговыми операциями. В 1768 г. французский консул в Салониках д'Эван отмечал:

"Турки, будучи не очень склонны к промышленности, ограничиваются покупкой иностранных товаров, некоторое количество которых они затем перепродают в розницу в своих лавках, а большую часть сбывают на ярмарках, которые происходят в Македонии. В то же время иные из них покупают на ярмарках пушнину и отправляют ее в Сирию. Кроме того, они посылают в Египет табак, а оттуда привозят моккский кофе, индийские ткани, полотно, рис, и все это продается с выгодой"[13]. Следует заметить, что бóльшая часть турок Салоник числилась в расквартированных в городе янычарских частях, что освобождало их от уплаты налогов.

Если операции турецких купцов были связаны в основном с Азиатской Турцией, то купцы-греки занимались торговлей, и в гораздо больших масштабах, в Европейской Турции. Они обслуживали также торговлю европейских владений султана со стороны Габсбургской империи, где был большой спрос на товары Македонии, прежде всего шерсть, хлопок, пряжу, табак. Македонский же потребитель предъявлял спрос на войлок, стеклянную посуду, изделия из железа, мебель и украшения. Этот товарообмен осуществлялся посредством снаряженных греческими купцами караванов.

Первое появление евреев в Салониках в османскую эпоху относится к концу XV в. Значительную часть их составляли беженцы из Испании, спасавшиеся от преследований инквизиции. На новой родине они и их потомки занимались торговлей и ремеслом. Большинство из них были искусные ремесленники: кузнецы, плотники, прядильщики, портные, красильщики, мельники, пекари, сыровары, гончары и т.п. Особым мастерством славились евреи-ткачи. Производимая ими грубошерстная ткань аба, прочная и водонепроницаемая, подходила для одежды солдат, моряков, пастухов. Порта закупала эту ткань в большом количестве для нужд армии.

Для полного демографического описания Салоник в XVIII в. следует сказать несколько слов и об европейской колонии города. Коммерческий интерес привлекал в эту большую средиземноморскую гавань людей с разных концов Европы. В XVII в. единственными иностранными купцами здесь были венецианцы. В конце этого века сюда прибыли первые французы, в 1718 г. появились первые англичане; позднее начали поселяться жители различных итальянских городов, в особенности Генуи и Королевства обеих Сицилий, рагузинцы, голландцы, датчане, шведы, австрийцы, швейцарцы, а после Кючук-Кайнарджийского мира — русские. Между тем число французов в городе продолжало расти, в 1771 г. у них уже было

* Эснаф — цеховая организация ремесленников или торговцев.

inslav

11 купеческих фирм, и они составляли самую большую торговую колонию Салоник[14].

Другим торгово-ремесленным центром Греции была Янина. Если для Салоник в XVIII в. были характерны черты османского мегаполиса, то в облике столицы Эпира ощутимо чувствовалась греческая национальная струя. Хотя данных о национальном составе населения Янины в XVIII в. нет, но преобладание в городе греческого элемента не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют, в частности, данные, относящиеся к первым годам XIX в. Тогда постоянное население Янины составляло, по некоторым данным, 23 300 человек, в том числе 17 100 христиан, 5 тыс. мусульман, 1 тыс. 200 евреев[15]. Следует иметь в виду, что в число мусульман наряду с турками входили и албанцы — собственники земельных поместий в Эпире.

Своим возвышением город был обязан прежде всего торговле. Расцвету торговли Янины, имевшей репутацию "эпирского Марселя", способствовало ее выгодное положение узла 11 главных дорог, которые вели к побережью Ионического и Адриатического морей и во внутренние районы Эпира, Македонии, Фессалии и Албании. По этим дорогам янинские купцы уже с середины XVIII в. со своими караванами из мулов и лошадей объезжали северные греческие земли и примыкающие области Европейской Турции, закупая различные продукты, на которые был спрос за рубежом: шелк-сырец, табак, шкуры, пряжу. Сырье это затем через Сагиаду и Керкиру доставлялось в Венецию. В обмен из Адриатической республики в Грецию доставлялись различные товары, в том числе шелковые ткани, шляпы, зеркала, изделия из железа, книги, бумага. Местные товары и товары, привезенные из Венеции и других европейских городов, можно было приобрести на ежегодно проходившей в Янине ярмарке, продолжавшейся 15 дней — с 15 по 30 августа. На янинских базарах и на ярмарке продавались также изделия местных ремесленников.

В столице Эпира ремесленное производство получило большое развитие. В XVIII в. в городе имелось свыше 30 ремесленных цехов, в которых было представлено около 100 профессий. Особенно процветали такие ремесла, как скорняжное, кожевенное, свечное, ювелирное, позументное[16].

Доходы от торговли и ремесла обогащали верхушку нарождавшегося третьего сословия. В Янине это сказывалось и на внешнем облике города. Со второй половины XVII в. появляются принадлежащие зажиточным горожанам дома традиционной архитектуры усадебного типа, так называемая архондика*. Помимо просторных жилых комнат в такой усадьбе имелись и подсобные помещения — кухня, баня, конюшня, склады.

Дома типа архондика получили в XVIII в. распространение в северных греческих городах. Однако это явление следует рассматривать не только с точки зрения истории архитектуры. В Османской империи купечество, особенно немусульманское, не имело каких-либо гарантий сохранности своего имущества и личности. Купцы должны были скрывать свои богатства, особенно денежные, от пашей, кади, мулл и других представителей оккупационной власти. В этих условиях приобретение недвижимости, прежде всего обзаведение собственным большим домом, было для богато-

* От греч. архондас — знатное лицо, богач.

inslav

го купца одним из немногих способов спасения нажитых капиталов от хищных лап сатрапов султана. Греческие купцы, посещавшие по торговым делам европейские страны, ощущали контраст между своим бесправным положением и условиями жизни и предпринимательской деятельности своих собратьев в этих странах. Хотя в феодально-монархической Европе до Французской революции существовало сословное неравенство, правовая система этих государств предоставляла определенные гарантии защиты жизни и собственности.

Стремление жить в условиях бóльшей безопасности и пользоваться определенными гражданскими правами было одним из важнейших стимулов эмиграции из Греции. Эмиграция эта шла на протяжении всего османского периода. В XVIII в. она была непосредственно связана с расширением торговых обменов Греции, и миграционные движения в отдельных греческих регионах в основном совпадали с направлениями их внешнеторговых связей.

В результате австро-турецких войн конца XVII — начала XVIII в. значительно изменилась политическая карта Балкан. Австрии удалось не только освободить от ига Порты Венгрию и Трансильванию, но и значительно продвинуться на Балканы. Экономическим итогом этих изменений было значительное расширение объема торговли между австрийскими и османскими владениями. Появился большой сухопутный путь, соединявший области Европейской Турции со странами Центральной Европы. По нему двигались караваны, насчитывавшие до 100 телег. Начальные пункты этого большого караванного пути находились в Македонии. Путешествие из Салоник в Вену длилось долго — 72 дня, половина из которых приходилась на пребывание в карантинах на границе.

Эту большую торговую артерию обслуживали главным образом жители Македонии. Некоторые купцы и их агенты оставались на постоянное жительство в городах, где сбывались греческие товары и закупались промышленные изделия для отправки в Македонию. Постепенно число таких купцов росло, они поселились во многих городах Австрии и Венгрии, образовав в этих странах в первой половине XVIII в. греческие колонии. Переселенцы стали активным фактором экономической жизни австрийских земель. Они не только играли главенствующую роль во внешней торговле с Османской империей, но и вместе с сербами, армянами и евреями прибрали к рукам внутреннюю торговлю Венгрии, Воеводины, Хорватии, Славонии и части Трансильвании и Моравии. Обеспокоенные этим обстоятельством, австрийские власти издали ряд декретов, по которым розничная торговля в австрийских владениях разрешалась только габсбургским подданным[17].

Географическое положение Эпира определяло его тесные торговые контакты с итальянскими государствами, особенно с Венецией. Несмотря на сильнейшую конкуренцию со стороны Англии и Франции, Венеция продолжала играть значительную роль в торговле греческих земель — Эпира, Македонии, Фессалии, Фракии. Опорными пунктами этой торговли были эпирский порт Сагиада и Керкира — главный склад венецианских товаров на греко-албанском пространстве. Эпирские купцы и судовладельцы делили с венецианцами доходы от этой прибыльной торговли, и сложившаяся еще в византийские времена греческая колония Венеции продолжала пополняться за счет эпиротов.

inslav

Одним из традиционных мест, куда мигрировали эпироты и македонцы, был южно-русский город Нежин. Промежуточной станцией на этом долгом и сложном пути были Дунайские княжества. Здесь нередко вели совместные торговые дела купцы из Греции и греки, уже переехавшие в Нежин.

Переселение это началось не позже середины XVII в. В 1696 г. нежинские греки создали свою самостоятельную корпорацию "Нежинское греческое купеческое братство", имевшее собственные церковь и суд. Члены братства — или, как они тогда назывались, братчики — пользовались большими привилегиями, начало которым положили грамоты Богдана Хмельницкого и Петра I. Преемники царя — филэллины — подтверждали и расширяли привилегии нежинской греческой общины.

Большое внимание грекам Нежина уделила Екатерина II, в правление которой было издано шесть грамот и постановлений, значительно расширивших преимущества этого греческого центра России. Особую важность имел ее указ от 1/12 сентября 1785 г., которым она освободила нежинских греков от налогов. Одновременно в Нежине утверждался греческий магистрат с широкими полномочиями. В решении некоторых вопросов ему были даны права государственной власти. Греческий магистрат получил, в частности, право выдачи заграничных паспортов нежинским грекам и паспортов на въезд во внутренние губернии России иностранным грекам, приезжавшим в Нежин.

Исключительные права, которыми пользовались греческие жители Нежина, привлекали в город все новых и новых переселенцев. В 1782 г. число проживавших в Нежине греков достигло 765 человек. Они составляли 7% от общей численности горожан[18]. Эта небольшая привилегированная община вместе с многочисленными греками, приезжими из-за рубежа, вдохнула новую жизнь в тихий украинский городок, сделала его самым торговым пунктом Малороссии. О размахе, который приобрела эта торговля к середине XVIII в., историк греческой общины Нежина пишет:

"Со всех в то время известных торговых рынков стекались сюда купцы с товарами: сюда высылали Турция и Архипелаг бакалейные товары, вино и табак, Смирна — красную бумагу, Венеция — свой бархат, Гданьск, Лейпциг, Бреславль — сукно, материю и галантерейные вещи, Венгрия — вино, Москва и Сибирь — пушной товар, Астрахань и Таврида — соль и рыбу"[19].

Греков влекли в Нежин и вообще в Россию не только торговые дела. Они видели и находили в России убежище от притеснений османских завоевателей. В единоверной стране греки не подвергались какой-либо дискриминации, перед ними был открыт путь к военной и дипломатической карьере, к занятиям наукой и литературой. Есть немало примеров, когда приехавшие в Россию греки занимали видное положение в государственной и научной жизни.

В XVIII в. численность и благосостояние греческих заграничных колоний постоянно росли. Становление и официальное оформление греческих общин в европейских городах начиналось обычно со строительства церкви, становившейся центром греческого церковно-приходского братства. Затем обычно открывалась школа для детей греческих поселенцев. К поселившимся уже в Буде, Вене, Лейпциге, Нежине, Москве грекам присоединялись их родственники с родины. Каких-либо данных об обратном

inslav

движении не имеется. Однако присутствие греческих зарубежных общин в порабощенной Греции было весьма ощутимо. Речь идет прежде всего о социальной стороне жизни греческого народа.

Оккупационный османский режим, естественно, не проявлял ни малейшего внимания к условиям повседневной жизни своих немусульманских подданных, к их здоровью и образованию. Константинопольская патриархия, возглавлявшая православный миллет Османской империи, не имела ни возможностей, ни особого желания заниматься этими вопросами. Заботу о том, чтобы сделать жизнь людей в условиях чужеземного господства более сносной, помочь им в решении житейских проблем, в основном взяла на себя греческая диаспора.

В трудные времена туркократии (турецкого господства) сложилась традиция благотворительства. Разбогатев на занятиях торговлей, некоторые греки-эмигранты выделяли часть нажитого капитала, а иногда и весь, на удовлетворение жизненных потребностей своих соотечественников. Этот добровольный социальный налог шел на самые насущные общественные нужды: материальную помощь малоимущим, обеспечение бедных девушек приданым, поддержание больниц, богаделен и приютов, содержание и освобождение заключенных, ремонт и строительство церковных зданий и т.п. Огромен был вклад "национальных благотворителей", как их называют в Греции, в дело греческого образования.

Османское завоевание Греции стало причиной ее культурного регресса. Прекратили существование культурные центры, действовавшие с античных и византийских времен, почти все ученые и преподаватели эмигрировали. В первые века османского господства в Греции существовали лишь немногочисленные училища, так называемые грамматические школы, где обучали только чтению текстов из Святого Писания. Школьные дела в стране находились тогда в руках Константинопольской патриархии, ее митрополитов и епископов. Но, как установил греческий историк и просветитель начала XIX в. К. Кумас, большинство митрополитов Ларисы (Фессалия) XVII — начала XVIII в. сами были малограмотны[20].

Но с конца XVII в. сеть учебных заведений в Греции расширяется, повышается их образовательный уровень. Связано это было с оживлением экономики, ростом внешней торговли. Как уже говорилось, одним из наиболее важных новых экономических центров становится Янина, главный город Эпира. Именно при материальной поддержке купцов-эпиротов, обогатившихся за счет торговли с Италией и Центральной Европой, в Янине возникают училища, которые можно отнести к категории средних учебных заведений.

Первое такое училище, основанное на деньги богатого купца Венеции, уроженца Янины Епифаньоса Игуменоса, открылось в этом городе в 1658 г. В 1679 г. в Янине начало функционировать второе училище, основателем которого стал также богатый венецианский купец-грек М. Гъонмас. Важным новшеством стало введение в этом училище практики предоставления учащимся бесплатного питания, одежды, книг и других учебных пособий.

В 1742 г. основание нового училища в Янине взял на себя другой купец-эпирот из Венеции С. Маруцис, и училище стало носить имя этой семьи. В 1797 г. Венеция пала, и французы-завоеватели конфисковали завещанные вклады в венецианских банках, в том числе и вклад семьи Маруцисов, за

inslav

счет которого содержалось училище в Янине. Но это и другие училища в Греции не остались без материальной поддержки: эстафету приняли богатые купцы-эпироты, обосновавшиеся в России.

В 1797 г. жившие в Москве и Нежине братья Зосима взяли на свое содержание училища Баланосов* у себя на родине, в Янине. Эти купцы, самые знаменитые из "национальных благотворителей", участвовали и в основании других греческих учебных заведений, снабжали их учебным оборудованием, платили жалованье учителям, содержали за свой счет бедных учеников.

Большой вклад в развитие образования в Греции внес и живший в Москве земляк братьев Зосима Зоис Капланис. Он пожертвовал 183 тыс. руб. — весь свой нажитый за многие годы занятий торговлей в России капитал — на содержание школ и больниц и на благотворительные дела в Греции. Из этих денег он положил "навечно" 100 тыс. руб. в банк Москвы на содержание училища Маруцисов. За счет Капланиса училище было реорганизовано: оно получило новое просторное здание, хорошую библиотеку, научные инструменты — и стало называться именем мецената. О вкладе этого богатого купца-эпирота в дело просвещения Греции его биографы образно писали: "Фалес, Платон, Евфорв и Пифагор принесли богатство мудрости в Грецию, Капланис же, извлекая богатство из Севера, приносит божественную мудрость в отечество"[21].

В середине XVII в., помимо Янины, училища начали создаваться и в других районах Греции. К середине следующего столетия учебные заведения среднего профиля имелись в Афинах; в Димицане, в центре Пелопоннеса; в Аграфе, области в горах Пинда; на островах Хиос и Патмос, на Афоне.

Греческие училища возникли и в ряде областей Османской империи, где присутствовал греческий элемент. Еще в середине XVI в. в столице империи при Константинопольской патриархии было создано "Великое училище нации". В первой половине XVIII в. возникли господарские академии Ясс и Бухареста, "Евангелическая школа" Смирны (Измир), "Новая Академия" в Воскопое (Южная Албания)[22]. Эти очаги греческого образования и культуры в негреческих землях османского государства способствовали здесь процессу эллинизации.

Идейное направление возникших в Греции и в других местах греческих национальных училищ находилось под контролем Константинопольской патриархии. Она старалась сохранить в новых учебных заведениях схоластический дух старой школы, ее византийско-церковные традиции. Преподавали в этих училищах в основном духовные лица. Но далеко не все из них были склонны следовать этому ретроградному направлению. Прогрессивно настроенные преподаватели, получившие образование в европейских университетах, вводили в программу греческих училищ естественные науки, знакомили учащихся с новыми философскими течениями Европы, использовали в обучении вместо традиционного древнегреческого новогреческий язык.

В начале XVIII в. в училищах Янины и других городов Греции преподавал иеромонах Мефодиос Антракитис, получивший образование в Вене-

---

* Такое название училище, основанное М. Гъонмасом, получило по имени династии педагогов, руководивших училищем в течение века (1723—1821).

inslav

ции. Приверженец философии Декарта, он стремился соединить науку с религией. В своих усилиях внедрить европейское образование и поднять образовательный уровень своих соотечественников, он впервые в Греции приступил к систематическому преподаванию геометрии, алгебры и тригонометрии.

Передовые по тому времени философские воззрения этого педагога в монашеском облачении, его широкая образовательная программа сделали его объектом яростных нападок со стороны церковных мракобесов, считавших само преподавание математики смертным грехом. Антракитиса обвинили в "безбожии", и в 1723 г. его судил синод Константинопольской патриархии. Свободомыслящего педагога привлекали к суду по всем канонам инквизиции: он должен был письменно подтвердить свою приверженность православному вероучению, его заставили отречься от своих взглядов, а его рабочие тетради были преданы огню[23].

Нелегкой была судьба и другого видного педагога и просветителя Евгениоса Вулгариса (Евгений Булгари). Он, как и многие молодые корфиоты, учился в Падуанском университете и, приняв постриг в 1742 г., стал преподавать в Греции. Свою преподавательскую деятельность он начал в Янине, в училище Маруцисов, и продолжил ее в Козани и на Афоне. Педагог-монах много сделал для того, чтобы освободить греческую школу от пут схоластики и средневекового мышления. Среди преподаваемых им предметов важное место принадлежало математике, физике и философии. Вулгарис перевел и впервые сделал достоянием своих соотечественников труды Локка, Лейбница и других корифеев европейского Просвещения. Типографии в Греции тогда отсутствовали, и переводы эти распространялись в списках. Преподавательская деятельность этого выдающегося ученого и просветителя вызвала большой интерес в Греции. Хотя Вулгарис пользовался в преподавании трудным для большинства учащихся древнегреческим языком, его учебные классы наполняли собравшиеся отовсюду юноши, число которых росло с каждым годом.

Успехи просветительской деятельности Вулгариса сделали его объектом нападок со стороны обскурантов. В Янине, в училище Маруцисов, враги его распространяли слухи о том, что "в новой школе преподается еретическое учение, что главный наставник ея, Булгарис, еретик и безбожник"[24]. Заметим, что в действительности Вулгарис до конца своих дней оставался искренне верующим человеком.

Сопротивление реакционных сил сильно препятствовало просветительской деятельности Вулгариса. Да и в целом обстановка в Османской империи мало благоприятствовала деятельности в сфере образования и просвещения, в особенности если просветитель был горячим патриотом Греции и врагом ее поработителей. Именно таким был Вулгарис, и он не всегда мог скрыть свои чувства. И.И. Мартынов, друг и первый русский биограф выдающегося греческого просветителя, приводит такой эпизод: Вулгарис однажды, "читая в церкви псалом, в коем сказано: разторгнем узы и отринем иго их, вышед из себя, бросил книгу на пол и облился слезами"[25].

В 1763 г. Вулгарис покинул османские владения и переселился в Германию. В 1766 г. он выпустил в свет "Логику" — сборник текстов древних и новых философов. Труд этот занял видное место в литературе новогреческого Просвещения — общественно-культурного движения, ставшего идеологической увертюрой к борьбе за национальное освобождение Гре-

inslav

ции. В 1771 г. греческий просветитель переселился в Россию по приглашению Екатерины II, которая возвела его в сан архиепископа. Покинув через некоторое время этот высокий церковный пост, Вулгарис до конца своих дней (он умер в 1806 г.) продолжал плодотворно трудиться на ниве новогреческого Просвещения.

То, что Греция с конца XVII в. начала выходить из духовного мрака, — большая заслуга Янины. Школьные заведения, естественно, возникли и в других городах Греции. Среди них, как уже говорилось, были и Афины. Но прежняя культурная столица греческого мира не могла соперничать с Яниной. Афины, низведенные во времена османского господства до поселения полугородского типа с населением, не превышавшим 10 тыс. человек, никак не могли быть сопоставимы с Яниной — одним из важнейших экономических центров не только Греции, но и всей европейской Турции, городом со знаменитыми училищами, в которых преподавали выдающиеся педагоги и просветители, и с "национальными благотворителями", содержавшими училища не только у себя на родине, но и в других греческих городах. Вне сомнения, именно Янина являлась в XVIII в. и вплоть до 1821 г. культурной столицей Греции. Такого мнения придерживался, в частности, Байрон, совершивший в первые годы XIX в. свое "паломничество" в Грецию[26].

Определенно, что начавшееся в конце XVII в. в Греции образовательное и просветительное движение, способствовавшее росту национального самосознания и патриотических настроений, особенно среди молодежи, служило делу освобождения страны. Однако греческому народу пришлось пройти долгий и тернистый путь к национальному освобождению. В середине XVIII в. Османская империя, несмотря на поразивший ее внутренний кризис и на внешние неудачи, являлась мощной державой, цепко державшей в своей власти балканские народы, в том числе греческий.

Этой цели служила созданная в первые века существования османского государства система управления завоеванными землями, базировавшаяся на военно-ленной системе. Самой крупной военно-административной единицей Османской империи был эялет, которым управлял бейлербей (бей над беями). Составной частью эялета были санджаки во главе с санджакбеями.

В XVII в. большая часть территории Греции входила в эялет Румелия. Однако ко второй половине XVIII в. эта система провинциального управления в Османской империи претерпела существенные изменения. В результате развала военно-ленной системы санджаки перестали быть подразделениями централизованной системы власти, а превратились в губернии, отдававшиеся на "кормление", обычно на короткий срок, высшим сановникам империи — пашам, а управляемые последними области получили название пашалыков. Назовем важнейшие из греческих пашалыков.

В Янинский пашалык входил Эпир, в Триккальский — Фессалия. Пашалыки Салоник и Каваллы (он обычно отдавался в управление салоникскому паше) включали в себя значительную часть Македонии. В юрисдикцию паши Негропонта (Эвбея), по данным российского консула П. Кревaты на острове (1786 г.), помимо самого Негропонта, входила прибрежная часть материковой Греции от Волоса до Салоны (Амфисса). Она распространялась и на Афины[27]. После отвоевания Мореи в 1715 г. Порта выдели-

inslav

ла ее из эялета Румелия в отдельный пашалык. Эгейские острова составляли особый эялет, которым управлял капитан-паша.

В центре пашалыка восседал паша или мютесселим (заместитель паши), кади (судья), мулла (мусульманский священник), янычар-ага (командир янычар), субаши (начальник полиции) и другие представители османской администрации. Эти должностные лица, получавшие свои должности, как правило, на короткий срок и посредством взяток, стремились компенсировать свои расходы и как можно быстрее обогатиться за счет населения, не останавливаясь перед поборами, произволом и прямым насилием.

Никакое дело для османского подданного не могло быть решено без дачи взяток. Чиновники считали эти "подарки" своим законным доходом. Даже иностранные консулы не были избавлены от такой дани. Как, в частности, сообщал в своем донесении от 4/15 марта 1786 г. генеральный консул России в Салониках Д. Мельников, "муселлим, мулла и янычар-ага почти ежедневно о вышесказанных подарках мне докучают, да уже без всякого стыда и требовать начинают, а между тем слышу, что говорят, когда-де российскому консулу какое-либо дело случится, то всеконечно решению оного конца не будет"[28]. Если объектом наглых домогательств османских чиновников стал консул великой державы, то можно себе представить, как мало они церемонились с бесправной и беззащитной райей.

Как уже говорилось, османским завоевателям не удалось утвердить свою власть в некоторых горных районах Греции, и эти последние являлись оплотами сопротивления иноземным поработителям. Самое важное место в непрекращавшихся на протяжении веков попытках греков сбросить чужеземное иго принадлежит горной области Пелопоннеса Мани. В связи с назреванием новой русско-турецкой войны в Петербурге проявляли большой интерес к положению в этом греческом крае. В канун войны царскому правительству было представлено несколько записок со сведениями о Мани и маньятах*. Такую записку представил, в частности, в 1765 г. в Коллегию иностранных дел грек И. Палатино. Однако автором ее был не он, а маньят, капитан Н. Мунгакис, что придает ей особую достоверность[29]. Согласно записке, население Мани составляло тогда 60 тыс. человек обоего пола, из них 14 тыс. было вооружено. Число находившихся здесь населенных пунктов доходило до 100. Власть над краем делили капитаны — А. Кумундуракис, П. Христакис, Я. Кавальеракис, Г. Мавромихалис и капитанша, вдова Д. Григоракиса.

О взаимоотношениях этих капитанов и их отношениях с турецкой властью в записке говорится: "Вышепомянутые начальники, по не имению над собою государя для укрощения их, також в разсуждении тесности земель их и скудости, находятся в безпрестанном междуусобии и ссорах, которые, хотя и щитаются турецкими подданными и стоят в списках тамошняго государства, однако туркам не покорны и дани никакой не платят".

Фактическая независимость Мани от Порты делали ее желанным убежищем для своевольных людей различных национальностей и базой для вооруженных грабителей, особенно тех, кто промышлял пиратством. По словам автора записки, "многие из турков и греков в случае нещастия и гонения турецкой власти уходят в Манию, где места для войск неприступные и неудобопроходимые. По случаю их вольности и неподчинения ни-

* В терминологии того времени: Майна, майноты.

inslav

какому государю допущают к себе мальтийских корсар и бандитов и всякой нации разбойников, а иногда и сами выходят в море для добычи, где, ограбив турков, берут в полон, а иных и умерщвляют, что случается иногда и над християнами разных наций".

Несмотря на своевольство и неуправляемость этой горской вольницы, она, по утверждению автора записки, готова была признать власть какого-либо христианского государя, подразумевая в данном случае российскую императрицу. "Помянутые маниаты, — сообщалось в записке, — ревностно желают быть в подданстве христианского государя, токмо б была некоторая небольшая помощь, которою б удобнее сию область приусмирить и в подданство привесть, естли Всевышняго будет воля, чтоб поразить главу змея, а наипаче в такое время, когда турок с каким государством воевать станет, и чрез то не в состоянии будет посылать войска в Морею".

Еще до получения записки Палатино в правящих кругах России знали о горцах Мани, сохранивших и в порабощенной Греции свою свободу и готовых отстаивать ее с оружием в руках. В 1763 г. фаворит Екатерины II генерал-фельдцейхместер (главнокомандующий артиллерией) Г.Г. Орлов отправил в Грецию двух эмиссаров — греческого купца из Петербурга М. Саро и поручика артиллерии Г. Папазоли, для того чтобы прощупать настроения маньятов и других греков, на случай возможной войны с Османской империей. О миссии этих русских эмиссаров писали все историки, начиная с С.М. Соловьева, занимавшиеся историей Архипелагской экспедиции русского флота[30]. При этом они основывались на единственном источнике — записке М. Саро от мая 1765 г. об этой миссии, хранящейся ныне в фондах Российского государственного архива древних актов[31]. Неизвестный документ — записка И. Палатино, представленная в конце 1768 г. "первоприсутствующему" в Коллегии иностранных дел Н.И. Панину, дополняет важными подробностями сведения о деятельности российских эмиссаров в Греции накануне войны 1768—1774 гг.[32]

И. Палатино, купец с острова Кефаллония, рассказывает, что в конце 1763 г. он оказался по торговым делам в Италии. Здесь он встретился с прибывшими из России Г. Папазоли и М. Саро. Папазоли открыл Палатино цель своей поездки и показал ему грамоту (на греческом языке) Екатерины II, обращенную к жителям горных краев Балкан — Мани, Химары и Черногории. В изложении Палатино, в грамоте говорилось, что "Ея Императорское Величество, ревнуя о благочестии, желает стенящий под игом варварским православный народ избавить, посылает от себя ево, Папазола, чтоб уверил о всевысочайшей к ним милости и покровительстве, а притом изведал бы о желании и состоянии сих народов". Высочайший манифест произвел на Палатино большое впечатление, и он решил оказать поддержку Папазоли в осуществлении его миссии, о чем русский эмиссар очень его просил. Палатино весьма эмоционально описывает принятое им решение и его мотивы: "Имевшие хотя малое с греками обхождение довольно ведают, с какою ревностию, усердием и любовью сей народ стремится к всероссийской империи. Следовательно, и ему Палатину, слыша толь приятные выражения, не оставалось другого, как токмо пренебречь все, которые только можно было вообразить опасности, и приступить к тому всеохотно".

Опасности же Палатино и его новых товарищей ожидали весьма серьезные. На пути в Грецию судно их подверглось нападению двух триполи-

inslav

танских корсаров. По совету Палатино Папазоли выбросил тогда в море все имевшиеся у него бумаги. Папазоли также попросил Палатино отдать ему свой австрийский паспорт, который обеспечил бы его безопасность. "Жалость и предстоящая погибель, в которую Папазол себя ввергнул, — вспоминал Палатино, — убедили исполнить плачевную его прозьбу тем паче, что естьли бы варвары дознались, что он российской офицер и намерение поездки его открыли, произвело бы не токмо великое смятение, но нанесло б неповинно многим из его Палатина одноземцов пагубу".

Отдав свой паспорт, Палатино таким образом спас жизнь Папазоли и Саро, представлявшемуся его слугой, и дал им возможность приступить к своей миссии. Сам же Палатино, сделавшись, по его словам, "пленником безчеловечных варваров, лишился всего до последней рубахи и, заключенный в оковы, увезен в Триполи".

Ксеромеро, область на западном побережье Греции, была одним из первых мест, которое посетили российские эмиссары. Здесь властью в значительной мере пользовалась, по выражению М. Саро, "старшая капитания": Стафа, Букувало, Макрипульо, Жудро. Российские эмиссары без труда нашли общий язык с этими предводителями клефтоарматолов, как они называются в греческой историографии[33]. "Оные, — как писал Саро, — никогда в подданстве турок по своему православию быть не хотят, и против их с великою радостию пойдут и к себе могут пригласить великое множество и других греков, тамо живущих".

Папазоли и Саро также совместно посетили горный край Южной Албании Химару. Отношения химариотов с турецкой властью были аналогичны отношениям с ней греческих горцев. "Турку они никогда не покорялись, — говорилось в записке Саро, — закону православного греческого, и они также против турка воевать в состоянии с немалою силою"*.

После посещения этих мест эмиссары разделились: Саро направился в Мани, важнейшую цель их миссии, а Папазоли вернулся в Венецию. Вскоре туда прибыл и Палатино, который, пройдя все мытарства плена в логове триполитанских пиратов, был через три месяца выкуплен своими земляками. Папазоли, не надеясь, как утверждал Палатино, что Саро справится со своей миссией в Мани, попросил его также отправиться туда. Как пишет Палатино, зная, "какие по сему делу от неосторожности Папазола и товарища его разсеялись в тамошних народах опасные слухи", он предпринял все меры для того, чтобы скрыть подлинные цели своей поездки. В Венеции он, накупив различных товаров, отправился с ними в Морею и распродал их в различных городах. Здесь он сумел подружиться с некоторыми знатными турками, заверив их, что он направляется в Мани для закупки шелка и оливкового масла. Один из этих турок, воевода Каламаты (Каламе) Мемиси-ага, дал ему для охраны четырех турок, а также письмо к видному капитану Мани Г. Мавромихалису, которого он назвал своим "другом и приятелем".

Как далее повествует Палатино, по прибытии в Мани и после того как были отправлены обратно сопровождавшие его турки, "повел он капитана Мавромихайла в церковь и, обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего, который при ответствовании похва-

* Подробно о контактах российских эмиссаров с видными лицами Химары см. в разделе работы об Албании.

inslav

лял его поступок и поведение...". В то же время "старший из тамошних капитанов" Мавромихалис, как называет его Палатино, сетовал на конфликты между капитанами Мани, что мешало дать согласованный ответ правительству России. Тогда этот добровольный российский эмиссар решил во что бы то ни стало восстановить согласие между видными маньятами.

"Достигнув сего с великим трудом, — писал Палатино, — открыл в собрании тамошних начальников или капитанов намерение свое, для которого к ним приехал. Что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они, по единоверию и отличной к Ея Императорскому Величеству равности, готовы жертвовать кровию и животом для славы ея империи и спасения правоверного народа от ига варварского, обещаясь при том послать от себя поверенных ко всероссийскому императорскому двору для принесения всеподданического повиновения и преданности".

О встрече с капитанами Мани, которую он назвал "великим собранием", пишет в своем отчете и Саро. Он сообщает и важную деталь, что во встрече принял участие и крупнейший землевладелец Пелопоннеса, важная политическая фигура Панайотис Бенакис. По его словам, "в том собрании один грек Бинакий, весьма богатый и почтенный дворянин, так собъяснялся, что он и самих подданных туркам греков лакедемонов*, всех против турок подымет; только б были под покровительством Всемилостивейшей Государыни".

В конце 1764 г. М. Саро покинул Мани и в мае 1765 г. вернулся в Петербург. Тогда же он представил и свой отчет, ставший для нас одним из двух главных источников для освещения миссии Папазоли — Саро. В заключении отчета было высказано важное предложение о том, как можно поднять греков на восстание против Оттоманской Порты:

"По моему усердию, смею представить и о том, чтоб отправить в Средиземное море (Архипелоус тоже) против турок десять российских военных кораблей, и на них нагрузить пушек довольное число. Где, коль скоро бы завидели греки толь великое множество, сообщились с российскими греческия немалые суда. Только б удовольствованы были пушками, ибо они теми недостаточны. Об них же можно сказать, что они народ смелой и храброй"[34].

Любопытно, что предложение М. Саро стало как бы сценарием предпринятой через четыре года Архипелагской экспедиции.

После отъезда Саро, Палатино в начале 1765 г. перебрался в местечко вблизи Мани, где намеревался ждать прибытия оттуда делегации, которая должна была отправиться в Россию. Но вскоре его известили, что маньяты отложили посылку своих представителей, по крайней мере до того момента, когда умолкнут распространившиеся по всей Морее толки о том, что Мани приняла подданство Российской империи. После этого Палатино вернулся в Венецию и сообщил Папазоли о решении маньятов. Тот же, по утверждению Палатино, предложил ему самому поехать в Россию вместе с некоторыми другими лицами под видом представителей Мани и даже дал ему подложные письма якобы от имени жителей этой горской общины к руководству России, где говорилось, что "все общество Мании предает себя в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества, как верные рабы и подданные".

---

* Речь идет здесь о жителях южной и центральной части Пелопоннеса.

inslav

Однако Палатино, по его словам, не захотел участвовать в этом обмане и, прибыв в Петербург в 1766 г., передал сочиненные артиллерийским поручиком письма маньятов статс-секретарю Екатерины II А.В. Олсуфьеву. Но, судя по всему, в Петербурге не стали разбираться с обвинениями этого своего добровольного эмиссара. Здесь считали — и правильно считали, — что надо использовать энергию, знания, энтузиазм всех греков — добровольных помощников России. По некоторым данным, Палатино вплоть до начала русско-турецкой войны вел агитацию в Пелопоннесе в пользу России: совершил поездку в Мани, поддерживал контакты с П. Бенакисом[35].

Деятельность Г. Папазоли, М. Саро, И. Палатино и других российских эмиссаров позволила выявить слабые пункты османского господства на Балканах, в частности в Греции. В то же время сообщения этих эмиссаров, как правило — греков, руководствовавшихся благими соображениями, создавали преувеличенное представление о силе народного сопротивления иноземным поработителям, что отрицательно сказалось на подготовке Архипелагской экспедиции российского флота.

В ноябре 1768 г. началась русско-турецкая война, и тогда же Екатерина II приняла решение об экспедиции в Средиземное море, руководство которой было поручено А.Г. Орлову. Ее военная цель состояла, по выражению царицы, в "учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции"[36].

У Екатерины II в те годы еще не было каких-либо планов политического переустройства Балкан в результате их освобождения от османского ига[37]. Сама же идея освобождения присутствует в обращениях царицы к грекам и другим балканским народам уже с первых лет ее царствования. Естественно, что в период русско-турецкой войны освободительные устремления Екатерины II стали гораздо более конкретными. Так, в царском манифесте от 19/30 января 1769 г. говорилось: "Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость, для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат"[38].

В грамоте же Екатерины II от 29 января/9 февраля 1769 г. уточнялось, какого "подвига" она ожидает от "благочестивых греческих и славенских народов": "Ударяйте уже на общаго нашего врага согласными сердцами и совокупными силами, — призывала императрица, — продолжая и простирая ополчение и победы ваши даже до самого Константинополя... Изжените оттуда остатки агарян со всем их злочестием и возобновите православие в сем ему посвященном граде! ...Настал к тому час удобный, ибо вся громада неверных будет в удалении в нашей стороне и там совершенно упражняема дарованными нам от Бога силами. Кроме того, что число благочестивых обывателей как на твердой земле, так и на островах Архипелага несравненно везде превосходит число неверных и что они, без сомнения, с охотою и радостию к подвигу вашему приобщаясь, силы ваши собою и имуществом своим гораздо умножать будут, обещаем мы вам всем всякое от нас по дальности мест возможное подкрепление и вспомоществование..."[39]

inslav

Эти призывы и обещания, получавшие, как обычно это бывает, еще бо́льшую определенность в устной пропаганде, содействовали созданию в Греции атмосферы революционного возбуждения.

В конце июля 1769 г. эскадра под командованием вице-адмирала Г.А. Спиридова вышла из Кронштадта. Она состояла тогда из 15 кораблей, в том числе семи линейных. За время похода вокруг Европы некоторые корабли были повреждены или отстали, и когда 18 февраля/1 марта 1770 г. эскадра подошла к порту Витула (Итило) на побережье Мани, то в составе ее было три линейных корабля и два небольших судна, на борту которых находилось немногим более 2 тыс. 500 человек[40]. Несмотря на малочисленность русских сил, появление их в Морее вызвало большой энтузиазм у местного населения. К базе русского флота стали стекаться добровольцы. Из них были сформированы два легиона: западный и восточный. Западный легион, которым командовал генерал-майор князь Ю.В. Долгорукий, и восточный под командованием капитана Баркова[41]. Западный легион овладел Каламе, Аркадией и очистил от турок всю Мессинию. 10/21 апреля 1770 г. объединенными силами западного легиона и морского отряда под командованием деда А.С. Пушкина бригадира И.А. Ганнибала был взят Наварин. Успешно действовал и восточный легион. 8/19 марта 1770 г. Баркову сдалась Мистра (Лакония), гарнизон которой состоял из 2 тыс. человек. После одержанной победы к Баркову присоединились многие предводители клефтов со своими отрядами, и численность восточного легиона возросла до 8 тыс. человек[42].

Первые успехи греко-русских отрядов имели большой резонанс в Морее и по всей Греции. В различных районах Мореи началось восстание, которое возглавили коджабаши и епископы. На помощь мореотам прибыли отряды добровольцев с Ионических островов, осадившие Патры. Очаги восстания возникли и в других областях Греции. В руках повстанцев оказался портовый город западного побережья Месолонги. Это восстание докатилось до Крита, где выступили против турок горцы Сфакьи (Крит)[43].

Но первоначальные успехи не были сколько-нибудь прочными. Повстанцы, несмотря на их многочисленность, были слабо организованы и плохо вооружены. Главнокомандующий морскими и сухопутными силами на Средиземном море А.Г. Орлов, прибывший в Морею из Ливорно 14/25 апреля 1770 г., чтобы воодушевить греков, в своем воззвании обещал им в награду "царство небесное", если они будут сражаться "за свою веру, отечество и свободу"[44]. Но греки нуждались не в увещеваниях русского генерала, а в оружии, боеприпасах, опытных инструкторах и контингентах регулярных русских войск. Но почти ничего из этого они не получили. Да и имевшиеся небольшие по численности десантные войска использовались неправильно. Вместо того чтобы подкрепить греческие силы, действовавшие во внутренних районах Мореи, они, вместе с наиболее боеспособными из греков — маньятами, — безуспешно осаждали турецкие крепости на юге Мореи. Как позднее признавал сам А.Г. Орлов, "нужно было начать с того, чтобы утвердиться во внутренности Мореи; береговые крепости пали бы тогда сами собою, ибо русский флот преграждал бы им сообщение с морем, а турецкий флот не был еще снаряжен и находился в Константинополе и Дарданеллах"[45].

Между тем значительная турецкая группировка концентрировалась в центре полуострова. Порта направила в помощь ей отряды албанских бе-

inslav

ев, численностью 15 тыс. человек. Корпус Баркова, состоявший в основном из иррегулярных греческих отрядов, 29 марта/9 апреля 1770 г. был разбит турками под Триполицей (Триполис). 4/15 мая 1770 г. 2 тыс. янычар атаковали отряд генерал-майора князя Ю. Долгорукого, осаждавший Модон (Метони). Лишившись в бою большей части своих людей и всей артиллерии, Долгорукий с остатками своего отряда вернулся на кораблях в Наварин, последний опорный пункт в Морее, остававшийся в руках русских[46]. В этих тяжелых боях греческие ополченцы не проявили должной стойкости. Оставляя нередко свои позиции без приказа, они ставили под удар сражавшихся вместе с ними немногочисленных русских солдат. 26 мая/7 июня 1770 г. русские силы, предварительно взорвав крепостные сооружения Наварина, покинули его. Эскадра Г.А. Спиридова, соединившись с вновь прибывшей эскадрой Дж. Эльфинстона, направилась навстречу турецкому флоту в Эгейское море.

Всю вину за провал операции в Морее А.Г. Орлов пытался взвалить на греков. Он писал Екатерине II из Мореи перед оставлением ее русскими силами: "Здешние народы льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки, трусливы, лакомы к деньгам и добыче, так что ничто удержать не может их к сему стремлению. Легковерие и ветренность, трепет от имени турок суть не из последних также качеств наших единоверцев"[47].

С подачи А.Г. Орлова и Екатерина сочла греков виновниками поражения в Морее. Своим рескриптом от 3/14 сентября 1770 г. А.Г. Орлову она полностью одобрила его решение покинуть этот греческий полуостров: "Когда морейские греки столь худо подражали примеру храбрости, мужества и твердости, коим вы обще руководствовались, и не хотели извлечь себя из-под ига порабощения, их собственным духом робости, неверности и обмана над ними сохраняемого; то вы весьма благоразумно и прозорливо сделали, что, оставя их собственному жребию, обратили соединенные наши морские силы на преследование морем неприятеля"[48].

Однако авторитетные российские историки критически отнеслись к объяснению А.Г. Орловым причины неудачи его действий в Морее. С.М. Соловьев отвергает прозвучавшее из уст графа обвинение греков в трусости: "Греки, с которыми имел дело Орлов, не были трусами, но при условиях своего быта они не были способны к наступательному движению, к битвам в чистом поле; они были храбры, неодолимы в войне оборонительной, при защите искусственных или природных укреплений"[49]. По словам же В.А. Уляницкого, для Екатерины II греки являлись только орудием ее военных планов, и "вся экспедиция была, в сущности, результатом увлечения"[50].

К этому следует добавить, что Екатерина II, А.Г. Орлов и другие участники Архипелагской экспедиции вполне искренне были увлечены замыслом освобождения Греции от османского ига. Их серьезный просчет состоял в том, что они переоценивали силы греков и недооценивали мощь их противников. Фактически Грецию можно было освободить только в результате уничтожения всей той военной структуры, которая обеспечивала османам господство над ней. Решить эту задачу только своими силами греки были не в состоянии. Лишь сокрушительное поражение Османской империи в войне с внешним противником могло привести к подобному результату. Перенесемся на полвека вперед, к периоду греческой войны за независимость (1821—1829). По сравнению с 1770 г. Греция обладала

inslav

тогда значительно бо́льшими ресурсами для национально-освободительной борьбы. И, тем не менее, только уничтожение турецкого флота в Наваринской битве и разгром главных сил турецкой армии в русско-турецкой войне вынудили Порту признать независимость Греции.

Поражение восстания 1770 г. в Морее имело тяжкие последствия для ее населения. Эта богатая греческая провинция подверглась опустошению, многие ее жители стали жертвами насилий и террора. Были разрушены и разграблены многие города, сожжены тысячи оливковых и тутовых деревьев, остались необработанными поля. Спасая свою жизнь, тысячи мореотов укрылись в горах, бежали на острова и даже в Малую Азию. В целом, по подсчетам греческого исследователя М. Сакелляриоса, было убито, продано в рабство или покинуло страну 40 тыс. человек — или около 15% всего тогдашнего греческого населения Мореи[51].

Действия русских сил на море были более успешными. В результате победоносного Чесменского сражения — 24—26 июня/5—7 июля 1770 г., — в котором активно участвовали и греки, русский флот добился господства в Восточном Средиземноморье. После этого более 20 островов Архипелага отложились от Порты и приняли подданство России[52].

Базой русского флота, подкрепленного еще тремя прибывшими из России небольшими эскадрами, стал остров Парос. Более трех лет русские корабли осуществляли блокаду Дарданелл, вели успешные операции на побережье Малой Азии, Греции, Сирии и Ливана. Во всех боевых операциях русской архипелагской эскадры активно участвовали многочисленные греческие добровольцы. Их влекло под русские знамена желание содействовать освобождению своей родины.

В воззвании адмирала Г.А. Спиридова от 12/23 марта 1771 г., обращенного к балканским народам, говорилось, что "наступило время последний туркам удар зделать и тем всех христиан освободить и из-под ига агарянского и от изругательства нашего христианского закона и гонения". Адмирал призывал "к сему славному делу храбрых всегда в военных делах християнского закона славян, греков, македонцев, албанцев и румелитов, которые сребро и злато за малое дело ставят, а предпочитают больше всего военную свою славу и вольность"[53]. Призыв этот нашел большой отклик в Греции и в других балканских странах. Уже к 1771 г. число добровольцев, воевавших вместе с русскими, достигло 4 тыс.[54] Из них были сформированы специальные подразделения*. Кроме того, свыше 50 греческих каперских судов действовали против турок на море[55].

10/21 июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, завершивший русско-турецкую войну. 23 мая/4 июня 1775 г. последние русские корабли оставили свою базу в Архипелаге и отплыли в Кронштадт[56].

Попытка освобождения своей родины, которую греки предприняли, воспользовавшись русско-турецкой войной 1768—1774 гг., оказалась, таким образом, безрезультатной. Тем не менее и это восстание, и сама русско-турецкая война 1768—1774 гг. явились важной вехой в истории борьбы Греции за свое освобождение.

---

* О балканских добровольческих подразделениях, т.н. Албанском войске, подробнее см. в главе "Албания: Рост сепаратизма местных властителей".

inslav

Война 1768 – 1774 гг. серьезно ослабила Османскую империю и тем самым создала более благоприятные предпосылки для освободительной борьбы порабощенных ею народов. Успешные боевые операции русских войск, в которых греки приняли непосредственное участие, нанесли сокрушительный удар по мифу о непобедимости Османской империи. У греков возросла вера в собственные силы, в возможность успешной борьбы против османского ига.

Русско-турецкая война способствовала и созданию некоторых материальных предпосылок для подготовки национально-освободительного восстания в Греции. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира Порта была вынуждена предоставить амнистию всем грекам, участвовавшим в войне на стороне России.

Греческие добровольческие части в полном составе, вместе с семьями после окончания войны переселились в Россию. Получив от русского правительства значительные привилегии, греческие переселенцы обосновались в прибрежных районах Крыма и Северного Причерноморья. Так было положено начало новым греческим заграничным колониям, ставшим впоследствии основной базой национально-освободительного движения[57].

Огромное значение имел Кючук-Кайнарджийский мир и для социально-экономического развития Греции. По нему русские торговые корабли получили право свободного прохода из Черного в Средиземное море. Главными посредниками и агентами морской торговли Южной России стали греки.

Тесные связи между приморскими греческими колониями России и островами Архипелага позволили греческим морякам широко использовать русский флаг. "Артикул седьмой на десять" Кючук-Кайнарджийского договора специально был посвящен островам Архипелага, находившимся во время войны под властью России. Острова эти возвращались Порте с условием, что жители их в течение двух лет будут освобождены от всех налогов и что "христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению".

Таким образом, острова Архипелага ставились под особое покровительство России. В целом все это создало благоприятные предпосылки для быстрого развития греческого флота, сыгравшего огромную роль в борьбе Греции за независимость.

[1] *Stoianovich T.* The conquering Balkan orthodox merchant // J. Econ. Hist. N.Y. 1960. N 2. P. 260.
[2] *Svoronos N.* Le commerce de Salonique au XVIII-e siècle. P., 1956. P. 329 – 337.
[3] Etat Politique de la Morée // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 250. Д. 205. Л. 35.
[4] Βακαλοπούλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1973. Τ. Δ΄. Σ. 173 – 174.
[5] Στο ίδιο. Σ. 178.
[6] Στο ίδιο. Σ. 172.
[7] Etat Politique... P. 9.
[8] Βακαλοπούλου Α. Ιστορία... Τ. Δ΄. Σ 193.
[9] Στο ίδιο. Σ. 201.
[10] Στο ίδιο. Σ. 180.
[11] Macedonia, 4000 years of Greek history and civilisation. Athens, 1983. P. 364 – 368.
[12] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 47.

inslav

[13] Там же. С. 59–60.
[14] Macedonia... P. 379.
[15] Βακαλοπούλου Κ. Ιστορία του Βόρειου. Ελληνισμού. Ήπειρος; Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 347.
[16] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963. С. 127.
[17] *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 64.
[18] См.: *Пятигорский Г.М.* Александровское греческое училище в Нежине // Греческая культура в России, XVII–XX вв. М., 1999. С. 52.
[19] *Сторожевский Н.К.* Нежинские греки. Киев, 1863. С. 6.
[20] См.: *Арш Г.Л.* Евгений Булгари // Вопр. истории. 1987. № 4. С. 103–104.
[21] *Арш Г.Л.* Этеристское движение... С. 151.
[22] Χατζόπουλος Κ. Ελληνικά σχολεία στην περίοδο της Οθωμανικής κυριαρχίας (1453–1821). Θεσσαλονίκη, 1991. Σ. 60–167, 193–223.
[23] Βακαλοπούλου Κ. Ιστορία... Τ. Δ΄. Σ. 324.
[24] *Арш Г.Л.* Евгений Булгари. С. 104.
[25] Там же.
[26] См.: *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С. 270.
[27] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1382. Л. 5.
[28] *Арш Г.Л.* Этеристское движение... С. 56.
[29] См.: Описание области Мании, какое дал ему Палатину тамошний капитан Николай Мунгакис // АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 5644. Л. 117–119.
[30] См.: *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1994. Кн. XIV: История России с древнейших времен, т. 28. С. 272.
[31] См.: РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 10–11.
[32] См.: АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1776–1795 гг. Д. 5644. Л. 105–114.
[33] Клефты – вооруженные отряды, сопротивлявшиеся власти завоевателей. Арматолы – некоторые из отрядов клефтов, легализованные турецкими властями и выполнявшие функции по охране общественного порядка. Статус этих отрядов был неустойчив, и нередко происходил переход из одного состояния в другое. Подробнее см.: *Арш Г.Л.* Этеристское движение... С. 73–74.
[34] РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 11. У С.М. Соловьева (Указ. соч. Т. 28. С. 272) цитата эта приведена неточно.
[35] Βακαλοπούλου Κ. Ιστορία... Τ. Δ΄. Σ. 378–380.
[36] Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 358.
[37] См.: *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. С. 109–113.
[38] *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. С. 106. Такой же смысл имело и письмо руководителя Коллегии иностранных дел Н.И. Панина от 22 января/2 февраля 1769 г. к одному из вождей маньятов Мавромихалису. См.: *Сафонов С.* Остатки греческих легионов в России // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 206.
[39] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 292.
[40] *Головачев В.Ф.* Чесма: Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.; Л., 1944. С. 14, 28.
[41] Σακελλαρίου Μ.Η. Πελοποννησος κατά την δευτέραν Τουρκοκρατίαν. Αθήναι, 1939. Σ. 168.
[42] Στο ίδιο. Σ. 178.
[43] Κορδάτου Γ. Ιστορία της νέώτερης Ελλάδας. Αθήναι, 1957. Τ. 1. Σ. 239.
[44] Στο ίδιο. Σ. 235.
[45] *Петров А.* Указ. соч. Т. 1. С. 371.
[46] Там же. С. 371–373.
[47] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 360.
[48] Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского // Сборник Русского Исторического общества. (Далее: Сборник РИО). СПб., 1867. Т. 1. С. 51.
[49] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 361.

inslav

[50] *Уляницкий В.А.* Указ. соч. С. 111, 122.
[51] Σακελλαρίου Μ. Ό.π. Σ. 282–283.
[52] История русской армии и флота. М., 1912. Вып. 8. С. 72.
[53] Политические и культурные отношения... С. 300.
[54] *Петров А.* Указ. соч. Т. 3. С. 281.
[55] Бумаги князя Николая Васильевича Репнина // Сборник РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 432.
[56] Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 301.
[57] Подробнее см.: *Арш Г.Л.* Греческие колонии Новороссии и их роль в национальном освобождении Греции // Греция: Национальная идея, общество, государство, XVII–XX вв. М., 2002.

inslav

Греция после Кючук-Кайнарджийского мира

Как уже говорилось, Пелопоннес, в ходе жестокого подавления турками вспыхнувшего здесь в 1770 г. освободительного восстания, подвергся разорению и опустошению. И после окончания русско-турецкой войны бедствия жителей этого многострадального края не закончились. Албанские беи, отряды которых помогли Порте расправиться с греческими повстанцами, остались в Пелопоннесе и фактически в течение девяти лет (1770—1779) осуществляли власть в этой провинции. В этот период, названный в греческой историографии по аналогии с туркократией (турецким господством) арванитократией (албанским господством), на полуострове отсутствовали какие-либо элементы права и законности, кроме права сильнейшего. В массовых масштабах шло ограбление греческого населения. Посредством насилия албанцы принуждали жителей давать долговые расписки на большие суммы, а в случае неуплаты долга в срок забирали их имущество или обращали должников в рабов. По оценкам греческих историков, за годы арванитократии около 20 тыс. жителей Пелопоннеса было продано в рабство на невольничьих рынках Северной Африки[1]. Не ограничившись греками, албанцы начали притеснять и видных турок, требуя от них погасить имевшуюся якобы большую задолженность по их жалованью.

Многочисленные обращения из Пелопоннеса побудили султана Абдул Хамида I направить для изгнания оттуда албанцев армию и флот под командованием капитан-паши Хасана Джезаирли Мантаоглу. О численности албанцев, находившихся тогда в Пелопоннесе, существуют противоречивые данные: от 7 до 20 тыс. Бóльшая часть их была уничтожена капитан-пашой в июле 1779 г. в ходе боев в районе Триполицы (Триполис). Лишь немногим албанцам удалось вернуться на родину. В ознаменование своей победы Хасан-паша приказал по "восточному" обычаю соорудить у входа в Триполицу пирамиду из голов убитых албанцев.

После этого капитан-паша еще два года оставался в Пелопоннесе, направив все свои усилия на упрочение власти Порты в этой важнейшей греческой провинции, особенно в полунезависимой горной области Мани. С этой целью последняя была выделена в особую административную единицу, непосредственно подчинявшуюся капитан-паше. Была учреждена должность бея (правителя) Мани, который избирался капитанами и другими видными маньятами, чей выбор подлежал утверждению Порты.

Хотя капитаны клефтов действовали совместно с Хасан-пашой в его кампании против албанцев, некоторые из них отказались выразить ему

inslav

свою покорность. Два знаменитых капитана, Панайотарас Венеценакис и Константинос Колокотронис, в июле 1780 г. вместе с тремя сотнями своих приверженцев были осаждены большими силами капитан-паши в замках Кастаньи (Мани). 19/30 июля 1780 г. осажденные предприняли вылазку. Однако немногим удалось вырваться. Среди них был 10-летний сын К. Колокотрониса Теодорос, в период войны за независимость 1821—1829 гг. главнокомандующий греческими войсками. Венеценакис же и его сыновья попали в руки капитан-паши, учинившего над ними чудовищную по жестокости расправу. Как писал в своем донесении Екатерине II от 5/16 ноября 1780 г. российский посланник в Константинополе А.С. Стахиев, "поминаемой капитан-паша в бытность свою в Майне, достав в свои руки одного из тамошних старшин шестидесятилетняго старика Венецианаки называемого, казнил следующим образом: сперва показал ему отрубленныя головы трех его сыновей, а потом, отрубя самому руки и ноги, оставил издохнуть между сыновьими головами"[2].

После 1780 г. экономическая жизнь Пелопоннеса стала постепенно налаживаться; начали залечиваться причиненные этому греческому краю тяжелые ранения. В некоторых районах были высажены новые плодовые деревья — вместо вырубленных и сожженных. Возобновился экспорт сельскохозяйственной продукции. Из Пелопоннеса на европейский рынок поступали два основных продукта — оливковое масло и коринка. Потребителем первого продукта в основном была Франция, второго — Англия. Сугубо аграрный и отсталый характер экономики Пелопоннеса и других греческих областей проявлялся в том, что вывозилась сельскохозяйственная продукция в необработанном виде. Однако в Пелопоннесе появились небольшие заведения по первичной обработке сельскохозяйственного сырья: мыловарни, дубильни, ткацкие мастерские.

Единственным местом в Греции, где существовало в конце XVIII в. мануфактурное производство, работавшее на местном сырье и связанное с внешним рынком, было фессалийское местечко Амбелакья. Здешние ремесленники специализировались на производстве окрашенной пряжи. Годичное производство ее составляло 2 тыс. 500 тюков, каждый весом в 200 окк.* Этот высокого качества товар находил сбыт везде в Европе, от Пешта и Вены до Кенигсберга и Петербурга. Население Амбелакьи постоянно росло, составив в 1803 г. 6 тыс. человек. Среди них не было турок, местечко пользовалось самоуправлением и, по впечатлениям путешественников, больше напоминало торгово-ремесленный центр Германии или Голландии, чем турецкую деревню[3]. Несомненно, что отсутствие турецких должностных лиц способствовало преуспеванию этого затерявшегося в горах Фессалии поселения. То же самое можно сказать и о некоторых островах Архипелага.

В административном отношении острова Эгейского архипелага входили в так называемый эялет моря, являвшийся хассом[2*] капитан-паши и находившийся под его непосредственным управлением. Эту функцию осуществляли на некоторых островах воеводы и кади, на других — органы местного самоуправления. К числу последних относились Идра и Спецце.

---

* Окка — мера веса, равная 1,282 кг.

2* Хасс — условное земельное пожалование, предоставлявшееся высшим сановникам империи.

inslav

Постоянных представителей турецких властей на этих островах не существовало. Раз в год чауши (чиновники по особым поручениям) капитан-паши посещали острова для сбора налогов. Поэтому жители этих островов, по крайней мере, не испытывали тех повседневных притеснений, насилий и произвола, от которых страдали жители районов, управлявшихся непосредственно турецкими чиновниками. Капитан-паши, хотя и не оказывали содействия развитию судоходства Эгейских островов, но и не чинили ему до поры до времени каких-либо помех.

Архипелаг и Пелопоннес были основными зонами военных действий в Греции в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Но последствия войны для населения обоих регионов были неодинаковы. Хотя Порта по Кючук-Кайнарджийскому договору была вынуждена предоставить амнистию участникам Пелопоннесского восстания 1770 г., власть ее над этой провинцией осталась ничем не ограниченной. Иначе обстояло дело с Архипелагом. В течение пяти лет почти все острова находились во власти России, и, возвращая их Порте, она выговорила для их жителей ряд существенных привилегий. "Артикул седьмой на десять" Кючук-Кайнарджийского договора был специально посвящен островам Архипелага. Острова эти возвращались Порте с условием, что жители их в течение двух лет будут освобождены от всех налогов и что там "христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению". Статья эта фактически ставила Архипелагские острова под особое покровительство России, что способствовало их быстрому экономическому развитию.

После Кючук-Кайнарджийского мира греческий флот Архипелага начинает превращаться в серьезный фактор торговли и судоходства не только Леванта, но и всего Средиземноморья. Моряки Архипелага стали принимать активное участие в весьма прибыльной торговле оливковым маслом, создав серьезную конкуренцию французским купцам. Суда островитян, используя русский флаг, начали заходить и в черноморские порты России. Размер и грузоподъемность этих судов, строительство которых развернулось здесь же, на греческих островах, увеличились. Каждое судно было вооружено пушками для защиты от свирепствовавших на Средиземном море пиратов. Недаром на греческих островах говорили тогда: "Для того чтобы хорошо торговать, каждый должен быть воином". Опасности, с которыми было связано торговое судоходство в XVIII в., способствовали превращению умелых мореходов в храбрых воинов.

К началу русско-турецкой войны 1787—1791 гг. греческий флот представлял уже весьма серьезную силу. Г. Турнавити, российский консул на Родосе, в одном из своих донесений 1788 г. приводил следующие данные о состоянии греческого судоходства. Остров Касос имел 30 судов грузоподъемностью от 3 до 16 тыс. пудов, остров Миконос — 20 судов грузоподъемностью от 12 до 24 тыс. пудов. На острове Кастельроссо (Кастелоризон) строились в это время две 44-пушечные шебеки. Флот Месолонги насчитывал тогда 45 судов, грузоподъемностью от 5 до 16 тыс. пудов. Но основной базой греческого судоходства стала Идра, имевшая 180 шебек грузоподъемностью от 2 до 12 тыс. пудов.

Идриоты славились своим навигационным искусством и отвагой. "Сей остров, — писал об Идре в 1783 г. генеральный консул России в Архипелаге И. Войнович, — производит отважнейших из всего Леванта мореходцев, кои также и храбрые воины". Суда идриотов — "лучшие парусники,

inslav

и они сами — лучшие моряки Архипелага", — писал в это же время российский консул в Морее Х. Комнин.

В последующие годы греческое судоходство продолжало быстро развиваться. В годы Французской революции и наполеоновских войн греческие корабли занимались перевозками зерна с Балкан и России во Францию. Нередко во время этих рейсов им приходилось прорываться сквозь строй английских крейсеров, блокировавших французское побережье.

На этой опасной торговле судовладельцы Идры, Спецце, Псарры составили целые состояния. Часть нажитых богатств они употребили на постройку новых кораблей. Перед восстанием 1821 г. греческий флот насчитывал около 500 судов дальнего плавания[4].

В немалой степени росту благосостояния судовладельцев Архипелага способствовали установившиеся у них тесные экономические связи с греческими торговыми колониями, возникшими во второй половине XVIII в. в Северном Причерноморье России. Эти колонии стали главными опорными пунктами морской торговли, завязавшейся между Россией и Грецией после Кючук-Кайнарджийского мира.

"С самого заключения мира с Портою Оттоманскою, — доносил русский консул, — производится торг российских подданных в острове Сандорине и год от года умножается и распространяется". Согласно его сообщению, в 1785 г., несмотря на плохой здесь урожай винограда, остров Санторин (Тира) посетили девять кораблей под русским флагом. В 1786 г. восемь русских кораблей прибыли в порты Крита. В этом же году судно под русским флагом побывало и в Пелопоннесе. Особенно большого размаха достигла русская торговля с греческими островами, расположенными на крайнем востоке Средиземноморья. Так, остров Самос в 80-е годы XVIII в., ежегодно посещали 30—40 кораблей под российским флагом. 72 русских корабля в 1786 г. причалили к Хиосу. Из Херсона, Таганрога и других русских портов в Грецию привозилось зерно, шерсть, сальные свечи, воск, вяленая рыба, коровье масло. Наиболее важными предметами греческого экспорта в Россию являлись фрукты, коринка, вино. Особой популярностью в России пользовалось санторинское вино[5].

Важной особенностью русско-греческой торговли было то, что вели ее греки, причем не только со стороны Греции, но и со стороны России. По свидетельству российского генерального консула в Архипелаге И. Войновича, "капитаны и экипажи судов, приходящих [в Архипелаг. — *Авт.*] под нашим флагом, являются, большей частью, греками"[6].

После Кючук-Кайнарджийского мира в Россию переселилось много греков, особенно из числа жителей Архипелага. Поселившись на юге России, они занялись торговлей и судоходством. Команды судов, прибывавших в Грецию под русским флагом, в основном состояли из этих переселенцев, а их груз принадлежал греческим купцам — русским подданным. Прочные местные связи, хорошее знание условий рынка ставили греков-купцов, торговавших от имени России, в выгодное положение. От такого рода торговли пользу извлекали и купцы самой Греции. Действуя за спиной своих соотечественников — русских подданных, они не так страдали от поборов и злоупотреблений турецких чиновников и получали возможность пользоваться льготным таможенным тарифом для русских товаров. Характерен такой пример. На Санторине в 80-х годах XVIII в. цены на вино поднялись с 10—15 пиастров до 30 пиастров за бочку. По словам мест-

inslav

ного русского консула, "причиною сему есть коварный вывоз оного в Россию здешними жителями, которые подкупливают в Константинополе российских купцов и, учиня между ими тайные договоры, под именем последних туда провозят и сим выигрывают, по малой мере, сто на сто, когда и сего не более"[7].

Особое внимание в России к Архипелагу, причем не только в сфере экономики, проявилось в 1783—1786 гг., когда впервые в Греции начали учреждаться российские консульства. Всего было открыто тогда 13 консульств, в том числе 4 в материковой Греции, 3 на принадлежавших венецианцам Ионических островах, 1 на Крите и 5 — на островах Архипелага. Никогда в последующем Россия не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в екатерининскую эпоху.

Следует отметить еще одну важную деталь, касающуюся учреждения в 80-х годах XVIII в. российских консульств в османских владениях. Почти все они были учреждены в городах и на островах Греции. Кроме того, было открыто генеральное консульство России в Дунайских княжествах. Вспомним, что, согласно известному Греческому проекту Екатерины II, предусматривавшему создание, главным образом из греческих земель, так называемой Греческой империи во главе с ее внуком — Константином, намечалось и основание независимого государства "Дакия", куда вошли бы Молдавия, Валахия и Бессарабия. Поэтому возникает предположение о связи между расположением российских консульств в Европейской Турции и планами реализации Греческого проекта. Хотя в 1783 г. императрица перестала заниматься греческим проектом как конкретной политической целью, но как дальняя стратегическая перспектива он не был снят с повестки дня[8].

Появление — впервые в истории — русских консульств в Греции было событием большого политического значения. На Россию, связанную с Грецией общностью религии и давними историческими связями, греки издавна возлагали основные надежды в деле избавления своей страны от иноземного господства. Но географическая отдаленность России, ее недостаточно активная политика в Леванте и на Балканах приводили к тому, что упования эти долгое время проявлялись в туманной и мистической форме легенд, предсказаний, апокалиптических пророчеств. Пятилетнее пребывание русской эскадры в Архипелаге (1770—1775) облекло, можно сказать, эти чаяния в плоть и кровь, а появление консульств России в различных уголках Греции дало им новую пищу. В то же время прибытие русских консулов в Грецию вызвало недовольство у влиятельных и богатых турок, боявшихся, что теперь они уже не смогут столь безнаказанно, как раньше, угнетать и унижать греческое население. Местные власти, несмотря на то что русские консулы были снабжены ферманами Порты, нередко препятствовали открытию русских консульств.

На Крите же события приняли еще более серьезный оборот. Прибытие 20 апреля/1 мая 1785 г. в Канею (Ханья) судна с русским консулом на борту вызвало мятеж турецкой черни. Русскому консулу К.О. Шпалькгаберу не позволили высадиться на берег и принудили его вернуться в Стамбул. Мятежники обрушились и на греческое население Канеи. По словам Шпалькгабера, "греки этого города были обвинены в том, что они просили у императрицы назначения к ним русского консула, для того чтобы их защищать, и что под этим предлогом их всех принудили 26 апреля поки-

inslav

нуть город и не возвращаться туда до тех пор, пока они не заплатят 2000 пиастров"[9]. Лишь через несколько месяцев, благодаря энергичному демаршу русского посланника Я.И. Булгакова перед Портой, Шпалькгабер смог обосноваться на Крите.

В ряде случаев и греческие коджабаши, видевшие в российских консульствах угрозу своей бесконтрольной власти, препятствовали учреждению последних. Так, в 1785 г. Бензело Руссос и Роди Канакарис, фактически управлявшие Патрами — важнейшим торгово-ремесленным центром Пелопоннеса, пытались помешать обоснованию здесь российского консула, грека по национальности[10].

Сопротивление, оказанное учреждению русских консульств в Греции, в значительной степени объяснялось и происками французов, увидевших в этом факте угрозу своему торговому преобладанию и политическому влиянию в Греции. Как отмечал Я.И. Булгаков, "французы не могут доброжелательно наблюдать за обоснованием наших консулов и особенно в местах, где только они получали всю выгоду от торговли. Всюду они стараются интриговать и возбудить население против наших консулов"[11]. Так, на Крите французский консул приложил свою руку к беспорядкам, вызванным прибытием на остров консула России. Этот французский консул признался одному местному аге, что "он охотно отдал бы из своего кармана 500 пиастров, лишь бы установление консула России не имело места"[12].

Перед русскими консулами в балканских странах царское правительство ставило важные политические цели. Они должны были содействовать усилению престижа и влияния России среди местных жителей, собирать сведения об их настроениях, об экономическом и политическом положении во владениях Порты. Одной из важных задач консулов было содействие развитию торговли России со странами Балкан и Леванта[13]. "Артикул первый на десять" Кючук-Кайнарджийского договора предоставил торговым судам под русским флагом право свободного прохода через проливы и распространил на русских купцов, торговавших в Османской империи, те преимущества и привилегии, которыми пользовались английские и французские купцы. Возрождавшаяся в тот период в балканских странах, особенно в Греции, буржуазия использовала это положение мирного договора в своих интересах. Балканские купцы и предприниматели, которым приходилось действовать в феодальной Османской империи, с ее жестоким гнетом и произволом, искали защиты своей жизни и имущества у иностранных государств. После Кючук-Кайнарджийского мира у них возникла огромная тяга к русскому "покровительству". Объяснялось это прежде всего давними традиционными узами, связывавшими православное население Балкан с Россией.

Институт иностранного "покровительства" местному населению получил в Османской империи широкое распространение во второй половине XVIII в. В условиях ослабления центральной власти и разгула феодальной анархии в провинциях многие подданные Порты для обеспечения безопасности своей жизни и имущества искали защиты у иностранных дипломатов. После Кючук-Кайнарджийского мира на Балканах, особенно в Греции, быстро растет число лиц, пользовавшихся русским покровительством (так называемых protégés russes). К ним относились жители Балкан и члены их семей, находившиеся в свое время на русской военной службе. Поскольку греки активно участвовали в русско-турецких войнах второй

inslav

половины XVIII в., то категория эта в Греции постоянно росла. Консулы России помогали protégés russes в их трудных делах, защищали их перед местными властями. Эту свою функцию они выполняли весьма энергично, чему способствовал их состав: почти все они сами были греками и участниками войны 1768—1774 гг. Нередко консулы выходили за рамки своих прямых обязанностей, спасая греческое население от произвола и поборов турецких должностных лиц.

Деятельность екатерининских консулов в Греции, их энергичные шаги в защиту угнетенной райи получили должную оценку у греческих современников. Так, известный греческий просветитель Адамантиос Кораис, бóльшую часть жизни проведший во Франции и отнюдь не принадлежавший к апологетам Екатерины II, писал в 1803 г.: "Русские консулы, по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя, будто они вступили в подданство или служили под начальством русских"[14].

Пребывание консулов России в Греции накануне войны 1787—1791 гг. стало одной из ярких, хотя и малоизвестных страниц в многовековой истории русско-греческих связей. После завершения этой войны ни один из них не вернулся в Грецию. Но эту эпоху широкого присутствия екатерининских консулов в Греции сохранили для истории их донесения, хранящиеся в российских архивах. В комплексе эти донесения дают уникальную картину жизни греческого народа в 1783—1787 гг.: занятий и быта греков, их надежд и чаяний, характера власти, в условиях которой они жили. Все они проникнуты горячим сочувствием к греческому населению, испытывавшему тяжкий гнет и жестокости со стороны пашей, воевод, янычар-ага, кади и других турецких начальников, а нередко и со стороны простых турок, поселившихся в Греции после османского завоевания.

Так, российский консул на Негропонте (Эвбея) капитан П. Кревата сообщал о положении населения главного города этого острова: "Оные греки весьма в превеликом от турков притеснении находятся, так что убивают их без всякой пощады за самые малейшие вины и иногда и безвинно, ибо таковых, кои были бы более обитателей из турков здешняго города наполнены зверством, злостию, суровостию и развратностию, нигде во всем турецком владении обрести нельзя"[15].

Согласно донесению консула в Патрасе (Патры) Х. Комнина, относящемуся к тому же времени, жители Пелопоннеса "отягощены и задавлены обременительными налогами, не оставляющими им хлеба на прокормление их семей. Было бы ужасно вступать в подробности того, что переносят бедные крестьяне здешних мест, и почти невероятно, как они все это выдерживают"[16].

И с Крита К.О. Шпалькгабер также писал о тяжести турецкого ига и о надеждах греков на избавление, которое принесет им Россия:

"Хотя бедныя сии христиане страдают в сем пространном государстве от тиранства турок, но смело подтверждаю, что нигде столь худо с ними не поступают и не чувствуют они столь сильно бремени наложенного на них страшного ига, как в сей пространной провинции, что доказывает случившиеся мне недавно приключение, которое привело меня в великое смятение и которое намерен здесь разсказать для доказательства.

inslav

Прогуливаясь верхом с драгоманом и двумя яничарами, две гречанки остановили меня, желая знать, кто я таков, и, узнав о мне, спросили меня, когда освободите нас от сих варваров? Можно судить о моем смущении, так как сие произошло в присутствии яничаров, то и удалился я в скорости, ничего не отвечая"[17].

В августе 1787 г. вспыхнула новая русско-турецкая война. И на сей раз Екатерина II решила отправить в Средиземное море эскадру под командованием участника первой Архипелагской экспедиции адмирала С.К. Грейга. В этой экспедиции должны были участвовать и сухопутные войска, которые частично предполагалось сформировать из добровольцев, набранных в Черногории, Албании и Греции. Руководство военно-политическими операциями, которые должны были подготовить почву для появления у балканского побережья российской эскадры, императрица возложила на генерал-поручика И.А. Заборовского, обосновавшегося в 1788 г. в Италии. В инструкции генерал-поручику, подписанной Екатериной II 7/18 марта 1788 г., среди агентов, которые должны были непосредственно заниматься вербовкой добровольцев на Балканах, были названы грек, майор Л. Сотири, и албанец, подполковник П. Бицилли, поступившие на российскую службу во время предыдущей русско-турецкой войны.

Они должны были набрать для эскадры Грейга тысячу добровольцев в Албании и Греции. "Оба они, — говорилось также в инструкции, — сверх того послужить могут к возбуждению химариотов, эпиротов и других на действия против неприятеля"[18].

Бицилли и Сотири, выполняя указания Екатерины II, занимались вербовкой добровольцев, а также установили связи с видными лицами христианских общин, капитанами, епископами Греции и Южной Албании и распространяли среди них манифест от 17/28 февраля 1788 г. императрицы к грекам. Здесь, наряду с обычным в таких воззваниях призывом подняться в "защиту благочестивой церкви... и веры православной", российская самодержица обращалась к "преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благородным и нам любезно-верным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов" с патетическим призывом: "Нещастные потомки великих героев! Помяните дни древние Ваших царств, славу воительности и Вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных Ваших предков. Примите от безсмертного их духа добродетель разтерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным Вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще изтребить в сердцах Ваших наследных свойств любить свободу и мужество. Ополчитесь единодушно возстановить падший Ваш жребий: к содействию на то приходят к Вам *наши* морские силы"[19].

Разумеется, все эти сентенции российской самодержицы о "любви к свободе", "ниспровержении власти тиранов" могли озвучиваться только до Французской революции. И дело было не только в повороте к открытой реакции, без какого-либо просветительского камуфляжа, происшедшем в политике Екатерины II после начала революции. В 1797 г., когда Ионические острова перешли под власть Франции, генералы Директории в своих воззваниях к грекам также прибегали к освободительной фразеологии, напоминая им об Афинах, Спарте, былой славе их предков[20]. Эти антич-

inslav

ные реминисценции в идеологическом арсенале Франции служили ее оружием в борьбе с Россией за умы и души греков и вели к росту у них республиканских, антимонархических настроений. Но в 1788 г. у России еще не было серьезных соперников, которые могли бы оспорить ее влияние в Греции. Был велик и личный престиж Екатерины II в греческом обществе. В Греции, конечно, не забыли морейскую трагедию 1770 г. Но особое внимание и покровительство, которое правительница России оказывала грекам, ее Греческий проект, который стал известен в Греции, наконец, план новой Архипелагской экспедиции, появившийся в 1787 г., после начала новой войны России с Турцией, и упоминавшийся в манифесте Екатерины, поддерживали надежды греков на то, что императрица поможет им избавиться от тяжкого иноземного ига.

Авторитет российской самодержицы оставался непоколебленным и благодаря присущему народно-монархическому сознанию, причем не только греческому, известного постулата гласящего: "царь хорош, да плохи бояре". Французский купец и дипломат Ж. Лазаль, находившийся в Греции в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг., отмечал, что греки во всех своих бедах обвиняют русских генералов, которые ими командовали, а Екатерину II считают своей защитницей и покровительницей: "Они говорят постоянно, что если бы Ее Величество императрица не любила греков и не имела бы благоприятных для них планов, то она не назвала бы своего внука Константином, не дала бы ему греческую кормилицу и не желала бы, чтобы он изучил ее язык"[21].

Еще до того, как зажигательные манифесты Екатерины II дошли до Греции, известие о начале русско-турецкой войны вызвало здесь сильное волнение и возбудило большие надежды у греков. Об этих ожиданиях сообщали некоторые русские консулы в Греции, перебравшиеся после начала войны на венецианские острова в Ионическом море. Так, Х. Комнин, бывший консул в Патрасе, встретился на острове Св. Мавра (Левкас) с видными капитанами греческих гор. "Я нашел у них, — писал консул в своем донесении, — величайший энтузиазм и готовность сделать последние усилия ради свободы Греции"[22]. Другой консул, П. Фериери, совершивший также в начале 1788 г. поездку по Ионическим островам, встретил на острове Занте (Закинф) некоторых капитанов Мани, сообщивших о подготовке ими антитурецкого восстания. "Все они, — писал Фериери, — меня заверяли, давая при этом самую торжественную клятву, что они уже собрали свыше 5000 человек, которые по первому сигналу увлекут за собой остальных своих соотечественников и побудят их действовать против турок, своих непримиримых врагов, если им будет оказана помощь и поддержка со стороны русских"[23]. Помощи от России ждали и жители Архипелага, от которых Порта требовала людей и кораблей для участия в своей войне. Реакцией островитян, по словам Х. Комнина, было то, что "весь Архипелаг ждет прибытия русского флота"[24].

Разумеется, настроения ее греческой райи не оставались секретом и для Порты, и она принимала свои меры. Как сообщалось в донесении Х. Комнина от 1/12 сентября 1787 г., "по обнародовании войны в Морее, тамошний муселим*, призвавши всех морейских начальников-греков друг за друга обязал поруками, чтобы они не принимались за оружие против

* Муселим (мютесселим — тур.) — заместитель правителя пашалыка.

inslav

турков, ежели придет в Архипелаг российский флот, а турки обещались их защищать и ни в чем не безпокоить". Консул выражал сомнение, что эта система коллективного поручительства коджабаши перед турецкими властями Мореи за "примерное" поведение населения даст результат: "Начальники-греки для своих интересов, может быть, и будут наблюдать сие поручительство, но мелкий народ, как я уверен, с нетерпеливостью ожидает прибытия сюда флота"[25].

Сама Порта, видимо, не очень надеясь на то, что коджабаши смогут удержать народ от восстания, готовилась подавить его силой. Комнин сообщал в своем донесении от 20 октября/1 ноября 1787 г., что Порта формирует две эскадры. Одна с базой в Наварине (Пилос) должна будет держать в повиновении Морею и Румелию (Центральная Греция), другая, с базой на острове Парос, — Архипелаг. В случае же, если русский флот пройдет через Гибралтар, им надлежало соединиться и двинуться ему навстречу[26].

Но летом 1788 г. началась русско-шведская война, и Екатерина II вынуждена была отказаться от плана новой экспедиции в Архипелаг. После этого русские агенты распустили часть набранных ими людей, а остальных — около 800 человек — отправили на начавшие действовать к этому времени против турок на Средиземном море добровольческие флотилии Г. Лоренци и Л. Кацониса[27].

Отмена похода эскадры С.К. Грейга в Средиземное море не приостановила деятельности русских агентов в Греции. Центром ее стал Эпир. Действовавшие здесь эмиссары России стремились вызвать беспорядки и волнения в этой важной греческой провинции и помешать отправке отсюда подкреплений на русско-турецкий фронт. Сложившаяся здесь обстановка благоприятствовала этим акциям.

В 1787 г. власть в Эпире захватил албанский феодал Али-паша Тепелена, стремившийся уничтожить самостоятельность горных районов и урезать права различных капитанов. Но планы его натолкнулись на сильную оппозицию. Оплотом всех недовольных стала пользовавшаяся фактической независимостью горная община Сули. В феврале 1789 г. возник военный конфликт между Али-пашой и сулиотами, продолжавшийся четыре месяца. В борьбу против Али-паши вступили также враждебные ему беи Южной Албании. К этому времени Порте удалось "умиротворить" мятежного правителя Северной Албании Махмуд-пашу, но эта война снова осложнила для нее ситуацию в ее западно-балканских владениях. Действовавшие здесь агенты России стремились воспользоваться осложнениями Порты на пользу воевавшей с ней русской армии. Однако относительно способов их использования у них возникли разногласия.

Генеральный консул на Корфу Л.П. Бенаки, российский представитель самого высокого ранга в этом регионе, заметив у Али-паши стремление к независимости, считал, что необходимо сделать упор на привлечение его на сторону России. Начатые им в середине 1789 г. с этой целью переговоры с пашой продолжались с перерывами и в разном составе около двух лет. Они завершились летом 1791 г. в ставке Г.А. Потемкина. К этому времени война между Россией и Турцией была фактически уже завершена, и главнокомандующий русской армией обещал янинскому паше взять его под покровительство России в мирное время перед Портой*.

---

* Подробнее см. в главе "Албания: Махмуд Бушати и Али-паша Тепелена".

inslav

Л. Сотири же, обосновавшийся в принадлежавшем венецианцам прибрежном эпирском городе Превеза, завязал тесные связи с сулиотами, всячески поощряя их на борьбу с Али-пашой. Хотя подоплекой этого конфликта была острая политическая борьба, развернувшаяся в то время в Эпире, Сотири в своих донесениях представлял его как диверсию, специально подготовленную им в интересах России.

Между тем в июне 1789 г. сулиоты заключили мир с Али-пашой. Сотири остался без дела, к тому же над ним висело обвинение в растрате казенных денег. Тогда, как сообщает Бенаки, майор, для того чтобы реабилитироваться перед правительством, решил организовать поездку делегации Сули в Петербург. По утверждению Бенаки, он экипировал предполагаемых депутатов — жителя Янины П. Дзираса и сулиота Х. Лакиотиса — на албанский манер (сулиоты были этническими албанцами, позднее эллинизировавшимися). Как утверждал также консул, печати на их бумагах как представителей Сули были сфабрикованы в Превезе[28].

Эта закулисная сторона поездки делегации Сули представляется вполне достоверной. Но является фактом, что вожди сулиотов и связанные с ними капитаны Эпира и других греческих областей были заинтересованы в получении от России помощи оружием и снаряжением в их борьбе с Али-пашой. Кроме того, греческие вожди вообще хотели выяснить намерения русского правительства относительно Греции, особенно в связи с отменой похода российского флота в Средиземное море. В середине декабря 1789 г. депутаты Сули вместе с майором Сотири прибыли в Петербург.

В своей петиции Екатерине II от 8/19 декабря 1789 г. депутаты просили военной помощи для Сули в ее борьбе с Али-пашой, принятия области, после заключения мира, под русское покровительство, а также оказания поддержки семьям добровольцев, сражавшихся на русских флотилиях на Средиземном море[29].

Депутаты не получили никакого ответа на эту свою петицию, и все их попытки встретиться с царицей в течение трех месяцев были безуспешны. Лишь в апреле 1790 г., с помощью тогдашнего фаворита Екатерины П.А. Зубова, греческие делегаты, наконец, попали в царский дворец и представили новое прошение. После представления первого ходатайства депутаты порвали с Сотири, убедившись, что он стремится использовать греческую делегацию в своих личных интересах. В Петербурге легитимность делегации не вызвала какого-либо сомнения. Более того, когда в состав делегации вошел Н. Пангалос, прибывший в российскую столицу по делам греческой добровольческой флотилии на Средиземном море, она приобрела характер национального представительства и смогла выступить с более широкой политической программой.

В своей апрельской петиции 1790 г. депутаты подчеркивали, что их движение носит самостоятельный характер, и опровергали утверждения Сотири и других правительственных агентов о якобы оказанной им значительной материальной помощи. "Никто из Ваших офицеров, посланных к нам, — говорилось в петиции, — не дал нам ни одного рубля". Делегаты заявляли, что грекам нужны не деньги, а порох, пули и руководители. Они высказывали надежду, что при поддержке России смогут "избавить потомков афинян и спартанцев от деспотического ига". В заключение делегаты просили царицу дать грекам в качестве государя ее внука Константина.

inslav

Екатерина II благосклонно приняла прошение. Делегаты были представлены Константину, которому они на греческом языке изложили цель своей миссии. Тот — также на их родном языке — пожелал депутатам успеха в осуществлении их планов.

Делегаты, получив от Екатерины II по 1 тыс. дукатов на путевые издержки, 13/24 мая 1790 г. выехали из Петербурга в Яссы в ставку главнокомандующего русской армией[30]. Здесь они, по-видимому, обсуждали конкретные планы вооруженного восстания в Греции. Но русско-турецкая война уже близилась к концу, и на греческом континенте восстание до ее конца так и не началось. На море же греки вели настоящую войну против турок еще с 1788 г. Руководил морскими операциями горячий греческий патриот и отважный моряк Ламброс Кацонис, известный в России как Ламбро Качони[31].

Кацонис родился около 1752 г. в Ливадии, в Центральной Греции. В числе тысяч других греческих добровольцев он участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. После оставления русскими Архипелага Кацонис служил офицером Греческого полка в Крыму.

Первые месяцы русско-турецкой войны 1787—1791 гг. капитан Кацонис провоевал на Черном море, командуя корсарским судном "Князь Григорий Потемкин-Таврический"[32]. В начале 1788 г. Кацонис, уже майор, был отправлен Г.А. Потемкиным на Средиземное море для организации каперских операций против турок. Прибыв в Триест, он на деньги местной греческой общины купил и снарядил 28-пушечное судно, названное им "Северная Минерва". Набрав среди местных греков матросов, Кацонис вышел в море и начал совершать нападения на турецкие суда. Захваченные корабли он вооружал, сажал на них команды из добровольцев, набранных в Греции и Албании русскими агентами, и использовал для боевых операций. К лету 1788 г. в Восточном Средиземноморье действовала уже целая каперская флотилия из девяти кораблей. Она дезорганизовала турецкое судоходство в этих водах и подвергла опустошению некоторые прибрежные районы. Встревоженная Порта выслала против флотилии Кацониса большую эскадру. В своем донесении Потемкину о кампании 1788 г. Кацонис писал: "Смею доложить В. С., что я, производя курс мой с 9-ю вооруженными судами, совершенно воспрепятствовал Порте обратить военные силы из островов Архипелажских в Черное море, и столько произвел в Леванте военного шума, что Порта Оттоманская принуждена была вооружить и отправить из Константинополя в Архипелаг против меня 18 великих и малых военных судов и оттого понесла немалые убытки". Восемь кораблей этой турецкой эскадры Кацонис встретил 20/31 августа 1788 г. Располагая тремя кораблями, он смело атаковал их и после упорного боя обратил в бегство[33].

Кампания 1789 г. была для флотилии Кацониса не менее успешной. Она одержала верх над несколькими турецкими эскадрами, которые вынуждены были с уроном ретироваться.

В результате всех этих побед флотилия Кацониса завоевала господство на Эгейском море. Корабли флотилии подплывали к самым фортам Дарданелл, так что гарнизонным солдатам был виден развивавшийся на них русский флаг. Так на Средиземном море, несмотря на отмену похода эскадры Грейга, возник второй морской фронт русско-турецкой войны. Существенную часть расходов на содержание флотилии Кацониса несли

inslav

на себе заграничные греческие общины[34]. Лишь в последний год войны царское правительство начало участвовать в финансировании флотилии.

Туркам же действия греческих каперов нанесли существенный урон. Были нарушены важнейшие коммуникации, связывавшие европейские, азиатские и африканские владения Порты. Она вынуждена была направить против Кацониса значительные силы. В результате этого был ослаблен турецкий флот на основном, черноморском театре морской войны. Трудное положение, в которое поставил Порту своими смелыми и энергичными действиями Кацонис, побудило ее предпринять чрезвычайные меры для уничтожения его эскадры.

Сведения об этом содержались в донесении П. Фериери, бывшего генерального консула в Смирне (Измир), в Коллегию иностранных дел от 15/26 марта 1790 г.:

"В ярости оттого, что маленькая русская эскадра майора Ламбро господствует в Архипелаге, причиняя большой ущерб и перехватив прямо на виду Дарданелл несколько судов, груженых хлебом для столицы, султан срочно отправил в Средиземное море четыре линейных корабля, шесть фрегатов и шесть кирлангичей. Он угрожает турецким командирам снять их головы, если они не уничтожат целиком эскадру Ламбро и не доставят ему голову этого майора"[35].

Сведения, сообщенные российскому дипломату его информаторами из Константинополя, оказались достаточно точными. 6/17 мая 1790 г. эскадре Кацониса, направлявшейся в очередную кампанию в Архипелаг, в проливе между островами Эвбея и Андрос преградил путь турецкий флот. Последовала битва, самая упорная и кровопролитная за всю историю операций Кацониса на Средиземном море. Свидетельствуют греческие участники сражения:

"Наша флотилия, состоявшая из 9 судов, оказавшись совсем в одиночестве между островами Андрос и Каводорос, была атакована 6 мая турецким флотом из 19 судов, часть которых составляли линейные корабли и фрегаты. На протяжении жестокого боя, когда мы были уже близки к блестящей победе над столь превосходящим по силе противником, неожиданно появились еще 13 больших алжирских кораблей. На нас со всех сторон обрушился огонь страшной силы с 32 больших кораблей, против которых мы сражались двое с половиной суток с яростью отчаяния. Несколько этих кораблей было нами уничтожено или сильно повреждено. Но, испытывая недостаток в боеприпасах на четырех самых больших наших кораблях, совершенно разрушенных и неспособных сражаться дальше, мы, чтобы они не попали в руки турок, сами их подожгли и взорвали, так что у нас осталось только пять небольших кораблей. И с ними, заставив очень дорого заплатить за кровь наших ран и жизнь большого числа наших храбрых товарищей, которые с оружием в руках пали с доблестью и славой в этой знаменательной битве, мы отступили с нашим храбрым командиром Ламбро, опасно раненным, к острову Цериго [Китира]"[36].

Огромное мужество, проявленное греческими моряками в этой неравной битве, произвело большое впечатление на современников. Екатерина II, получив донесения о битве при Андросе, наградила Кацониса орденом Св. Георгия IV степени и произвела его в полковники.

Успехи флотилии Кацониса создавали впечатление у некоторых российских дипломатов, что Греция близка к революции, которая произой-

inslav

дет, если русский двор окажет ей существенную поддержку. Как уже говорилось, греческие депутаты, побывавшие в столице, в мае 1790 г. отправились в Яссы, в ставку Г.А. Потемкина, в сопровождении П. Фериери. Еще до отъезда из Петербурга он представил в Коллегию иностранных дел записку о мерах, необходимых, с его точки зрения, для подготовки восстания в Греции. Эти меры включали в себя посылку в Грецию военного снаряжения, покупку для действия в греческих морях кораблей, в том числе покупку шести линейных кораблей в Англии. Эти корабли, соединившись с флотилией Кацониса и другими кораблями, которые греки отдадут под российские знамена, составили бы, по словам Фериери, грозную морскую силу из "превосходных моряков и решительных воинов". Фериери предлагал, чтобы императорский двор назначил своего комиссара к грекам. Этот комиссар должен будет иметь в своем распоряжении офицерские патенты на чины от поручика до майора и медали для награждения отличившихся. Фериери дал и эскиз такой медали. На ней он предлагал изобразить Екатерину II, представляющую грекам своего внука Константина. На обратной же стороне следовало выгравировать текст:

ΊΔΟΥ Ο ΚΩΝΣΤΑΝΤΊΝΟΣ
ΒΑΖΙΛΕΥΣ ΤΩΝ
ΈΛΊΝΩΝ*

По мнению Фериери, если бы такая медаль была выпущена, то каждый грек стремился бы ее получить и претворить в жизнь запись на ней[37].

Нет данных о том, чтобы предложения Фериери, которые, несомненно, обсуждались в ставке Г.А. Потемкина, привели к каким-либо решениям. Единственным известным решением фельдмаршала было послать в Грецию в качестве своего представителя генерал-майора В.С. Томару, в распоряжение которого был назначен П. Фериери.

О целях этой миссии существуют различные сведения. "Генерал-Майору Томаре препоручил я подать мне обстоятельные сведения о точном состоянии морских сил в Средиземном море и Архипелаге, под флагом Российским находящихся, дабы потом мог я учредить все тамошние предприятия", — сообщал сам Г.А. Потемкин в письме А.А. Безбородко от 3/14 августа 1790 г.[38] Между тем сам П. Фериери в своем донесении в Коллегию иностранных дел, датированном 13/24 августа 1790 г., утверждал, что целью миссии Томары и его помощника Фериери являлась подготовка восстания в Греции[39]. Противоречивость этих сведений очевидно свидетельствует о неопределенности планов самого Потемкина и о нерешительности его действий, касавшихся Греции. Об этом говорит также и большой разрыв в сроках поездки обоих эмиссаров: если Фериери прибыл в Вену 7/18 августа 1790 г. и должен был вскоре вместе с Томарой отправиться к месту назначения, то поездка последнего по неизвестным причинам была надолго отложена. Тем временем в Вену прибыли Л. Кацонис и некоторые офицеры его флотилии; в течение нескольких месяцев они напрасно ожидали здесь Томару.

Неясность намерений российского правительства побудила офицеров флотилии обратиться 18/29 сентября 1790 г. непосредственно к Екатери-

* Вот Константин, король Эллинов (новогреч., текст с грамматическими ошибками).

inslav

не II. В своем прошении они напоминали, что Кацонис был послан в начале войны с манифестами императрицы и с приказанием Потемкина побудить греков поднять оружие против общего врага, в надежде, что пришел час освободить "нас от османского ига и возродить блеск Греции". Греческие моряки излагали историю своей действительно героической, неравной борьбы, которую они вели ради достижения этой великой цели.

"На протяжении всей этой войны, руководимые отважным и смелым командиром Ламбро, с маленькой и жалкой флотилией мы осуществили сильнейшую диверсию против Порты, вынудив ее уменьшить ее большой флот на Черном море, так как она должна была послать против нас в Архипелаг эскадры, сильно превосходившие нас числом, силой и размерами, поскольку их один корабль мог сражаться против всей нашей маленькой и очень слабой флотилии. Несмотря на все это, мы имели смелость противоборствовать им, сражаться с ними и одержать славные победы. Мы сумели вызвать недостаток съестных припасов в Константинополе в течение шести месяцев, закрыв дорогу и захватывая все суда с продовольствием и военные корабли. Ваше императорское знамя победоносно реяло над всем Архипелагом. Все это причинило величайший страх нашему общему врагу, наряду с весьма значительным ущербом и позором".

Греческие офицеры выражали готовность продолжать борьбу и сражаться в будущих боях — по-прежнему во главе "с нашим блестящим командиром Ламбро, который своими героическими действиями, своим хорошим поведением и своей человечностью завоевал любовь и доброжелательство всех греков". Они просили Екатерину II подождать с заключением мира с оттоманами до следующей кампании и давали торжественное обещание: "Обещаем и клянемся Вам нашей святой религией, что греки уже будут иметь к тому времени королем Константина"[40].

Какой-либо реакции на это обращение не последовало. Есть основание предполагать, что, столкнувшись с упорным сопротивлением турок и враждебными действиями ряда европейских держав, Екатерина II уже думала не о греческом троне для своего внука, а о скорейшем завершении войны. Об этом, в частности, говорит ее реакция на обращение Н. Пангалоса примерно в это же время непосредственно к великому князю Константину. "Первый греческий депутат", как называли Пангалоса, обращаясь к внуку, но, несомненно, имея в виду его бабушку, убеждал, что пришел час решительных действий России для освобождения Греции: "Теперь предстоит наиспособнейшее время к истреблению врага православия и мучителя человечества и к возвышению на престол Константина Великого, тебя, кротчайшего государя нашего". Екатерина сделала на письме характерную помету: "Содержание сего письма есть еще рановременное"[41].

Контакты в Вене с представителями Греции и письма, приходившие из их страны, создали у Фериери впечатление, что греки ждут только первого сигнала для того, чтобы начать восстание. В этом отношении бездеятельность петербургского двора и Потемкина вызывали у них глубокое разочарование. До русского эмиссара дошло, что в своей среде они горько упрекали себя за то, что слишком доверчиво отнеслись к воззваниям императрицы, а также за то, что чересчур опрометчиво позволили себя увлечь обещаниями представителей России. Фериери также сообщал в Петербург, что офицеры Кацониса заявили ему, что греки твердо решили начать свою революцию, с поддержкой России или без нее[42].

inslav

Но следует заметить, что отнюдь не все греки разделяли эти настроения. По свидетельству очевидца событий Ж. Лазаля, идриоты, обладатели самого большого флота Греции, во время войны 1787 – 1791 гг. "ревностно служили туркам и проявили себя врагами греко-русских"[43].

Весной 1791 г. генерал Томара, назначенный Потемкиным командующим российскими средиземноморскими флотилиями (помимо флотилий Кацониса, на Средиземном море действовала флотилия под командованием Г. Лоренци, мальтийского капера), прибыл наконец к месту своего назначения. Местопребыванием себе он избрал венецианский остров Каламос, у побережья Акарнании. Рядом, на острове Итака, родине легендарного Одиссея, сосредоточилась эскадра Кацониса.

Стоит отметить, что вскоре после битвы при Андросе, в результате прибытия новых добровольцев на собственных судах, захвата в море турецких судов и покупки нескольких кораблей в Триесте, боевая мощь греческой флотилии была не только полностью восстановлена, но и еще более возросла.

К лету 1791 г. у острова Итака собралось под командованием Кацониса 24 корабля. С этой своей эскадрой Кацонис предполагал значительно расширить масштабы морской войны на Средиземном море. Он надеялся не только разгромить турецкий флот, но и форсировать Дарданеллы. Но выйти в море Кацонис не успел, так как пришел приказ от главнокомандующего русской армией князя Н.В. Репнина о прекращении военных действий в связи с подписанием 31 июля/11 августа 1791 г. прелиминарного мира с турками.

Ясский мирный договор вызвал глубокое разочарование в Греции. Сотни греков-добровольцев геройски сражались и гибли на кораблях под командованием Кацониса. Их надежды на освобождение не сбылись. Многие греческие патриоты, служившие во флотилии Кацониса, пришли к заключению, что нужно своими силами продолжать борьбу за освобождение родины. Командующий флотилией был полностью согласен со своими товарищами по оружию.

Получив от генерала В.С. Томары приказ отвести свои корабли в Триест и разоружить их, Кацонис отказался его выполнить. В мае же 1792 г. Кацонис опубликовал манифест, в котором выразил недовольство и возмущение греков тем, что царское правительство пожертвовало их интересами.

В манифесте подробно говорилось о действиях флотилии Кацониса, отвлекших крупные турецкие силы с черноморского театра войны, о больших усилиях греческого народа в русско-турецкой войне и понесенных им жертвах. По словам Кацониса, греки надеялись, "что в мирном соглашении будет сделано кое-что и для греческого народа: он будет иметь небольшую свободную область и получит вознаграждение за те усилия, которые он предпринял и еще собирался предпринять. Но ничего этого сделано не было". Остались без прикрытия и помощи жены и вдовы греков, которые погибли "во славу России". Кацонис со своим войском, говорилось в манифесте, решил взять их под свою защиту и отомстить за павших. Греки будут продолжать войну до тех пор, "пока не получат права, которые им принадлежат"[44].

Наряду с этим манифестом Кацонис, по некоторым сведениям, распространил воззвание к греческой нации, в котором как "король Спарты"

inslav

призвал греков поддержать его борьбу против Турции[45]. Все эти действия Кацониса открыли новый этап в греческом освободительном движении периода русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Греческий патриот, находившийся на службе русского правительства, порвал с ним, убедившись в его своекорыстной политике. Отныне находившиеся под командованием Кацониса греческие вооруженные силы должны были действовать не в соответствии с военными планами иностранной державы, а исключительно в национальных интересах Греции.

Весной 1792 г. Кацонис с 11 кораблями[46] покинул Итаку и направился к берегам Мани. На кораблях находился со своим отрядом известный клефт Андруцос, давно уже участвовавший в операциях греческой флотилии. В Мани Кацонис сделал своей базой Порто-Кайо (мыс Матапан). Для прикрытия узкого входа в бухту моряки Кацониса построили пять батарей.

Кацонис рассчитывал на помощь воинственных и свободолюбивых горцев мани. Но расчеты эти не оправдались.

В памяти маньятов, так же как и других пелопоннесцев, еще живы были воспоминания о катастрофе, постигшей полуостров в 1770 г. Кроме того, Порта, узнав о действиях Кацониса, предприняла сильнейший нажим на маньятскую верхушку. Капитан-паша, под юрисдикцией которого находилась Мани, арестовал в Стамбуле 40 видных маньятов, заявив, что все они будут казнены, если ему не выдадут Кацониса — живого или мертвого. Порта потребовала также от константинопольского патриарха, чтобы он пригрозил жителям Мани отлучением от церкви в случае, если они поддержат Кацониса[47].

В начале июня 1792 г. в Эгейское море вошла турецкая эскадра под командованием капитан-паши Хюсейна в составе 12 линейных кораблей, 6 фрегатов и 2 небольших судов. На кораблях находился сильный десантный отряд. Неблагоразумные действия моряков Кацониса, совершивших нападения на торговые суда ряда стран, в том числе Франции, привели к тому, что к турецким кораблям присоединились еще два французских фрегата.

5/16 июня 1792 г. турецко-французская эскадра начала операции против Порто-Кайо. В течение трех дней моряки Кацониса и клефты Андруцоса стойко отбивали атаки врага. Положение защитников Порто-Кайо сильно осложнилось в результате враждебных действий бея Мани Дзанетоса Григоракиса, подступившего с суши с 7-тысячным корпусом к опорной базе повстанцев. Кацонис вынужден был прекратить борьбу.

Темной ночью на быстроходном судне он незаметно прошел между кораблями турецко-французской эскадры и благополучно добрался до принадлежавшего венецианцам острова Цериго. Моряки и солдаты его флотилии, рассеявшись по побережью, также — кто как мог — добрались до венецианских владений. Позднее венецианские власти арестовали некоторых сподвижников Кацониса[48], а некоторых — выдали Порте. В их числе был Андруцос, кончивший свои дни в стамбульской тюрьме. Судьба же самого Кацониса сложилась более счастливо. После долгих ходатайств он был прощен Екатериной II, в конце 1794 г. или в начале 1795 г. вернулся в Россию и в 1795 г. снова служил в Черноморском флоте[49]. Умер этот отважный воин и замечательный патриот Греции в 1805 г.[50]

Освободительное движение греков в период второй русско-турецкой войны екатерининского царствования было, несомненно, более зрелым,

inslav

чем аналогичное движение в период первой русско-турецкой войны. Оно продемонстрировало рост национального самосознания и политической активности греческого народа, его возросшие материальные ресурсы. В годы русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг. впервые проявилась активная роль греческих заграничных колоний в организации освободительной борьбы в самой Греции. Всего через несколько лет эти колонии стали базой национально-освободительного движения, возглавленного Ригасом Велестинлисом. Идейное оружие этому движению дала Великая французская революция.

Первые три года Французской революции (1789 — 1792) внимание Греции было поглощено событиями русско-турецкой войны, и в особенности освободительными действиями Ламброса Кацониса. Но в последующие годы события во Франции стали вызывать у греков все больший интерес. В первую очередь это относилось к образованной части греческого общества.

Еще до Французской революции греческая интеллигенция была знакома с произведениями мыслителей и философов Франции XVIII в. После 1789 г. интерес к литературе французского Просвещения усилился и охватил более широкие круги. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные брошюры и памфлеты 90-х годов XVIII в., инспирированные Константинопольской патриархией, которая вела ожесточенную борьбу против распространения "французского" духа. Авторы их яростно нападали на Вольтера и других французских мыслителей, сетовали на их "пагубное" влияние на молодежь[51].

Проникновению идей Французской революции в Грецию способствовали греко-французские экономические связи. Суда Эгейских островов часто посещали Марсель и другие порты республики, привозя зерно.

На греческих моряков, побывавших в революционной Франции, все виденное и слышанное там оказывало большое воздействие. По образному выражению немецкого историка Мендельсона-Бартольди, они продавали пшеницу в обмен на принципы свободы[52].

Вначале, правда, православные подданные султана, несмотря на распространение освободительных принципов Французской революции, не связывали свои надежды на избавление от османского ига с политикой революционной державы: Французская Республика не только не помышляла о разрушении Османской империи, но была ее фактическим союзником. Но затем победы республиканской Франции в войнах с контрреволюционной Европой пробуждают на Балканах, в особенности в Греции, большие надежды. Глубокое впечатление на демократические слои греческого общества произвела кампания генерала Бонапарта в Италии в 1796 — 1797 гг. Уничтожение феодальных институтов, ликвидация абсолютистских режимов и создание на их руинах "республик-сестер", воззвания генерала, в которых он обещал итальянскому народу "национальное возрождение", рассматривались в Греции, да и в других балканских странах, как практическое осуществление обещаний революционной Франции помочь всем народам освободиться от тирании и деспотов. Надежды эти приобрели новую почву после появления победоносных войск Французской республики на греческой земле.

18/29 июня 1797 г. на Корфу, принадлежавшем до того, как и остальные Ионические острова, Венеции, высадились французские войска. Прибытие французских республиканцев в греческие области, находив-

inslav

шиеся под иноземным господством и феодальным гнетом, вызвало большой энтузиазм у местного населения.

Начавшиеся на Ионических островах события сильно напоминали первые годы революции во Франции. На центральных площадях островов сажали деревья Свободы, возникали народные общества; на Корфу, на главной площади, была сожжена "Золотая книга", в которую в течение нескольких веков записывались фамилии наиболее родовитых дворянских семей[53].

Переход Ионических островов под господство Французской республики имел серьезные последствия для всей Греции. "Санитарный кордон", который образовали при венецианцах тянувшиеся вдоль западного побережья Греции Ионические острова, был разрушен, и освободительные идеи Французской революции "вторглись" на османский континент. Надежды греков подогревались активной революционной пропагандой, которую развернули в их стране французские агенты. Посланные Бонапартом во второй половине 1797 г. в Морею французские эмиссары Димос и Николаос Стефанополисы убеждали маньятов — жителей горной области, с оружием в руках поддерживавших свою самостоятельность, в том, что на помощь им придет французская армия во главе с Бонапартом[54].

Основной базой французской пропаганды в Греции стал Корфу. Прибывший сюда в июне 1797 г. генерал Жантили, "командир дивизии Леванта", привез с собой отпечатанное в Венеции обращение к жителям острова. Это весьма любопытный документ, образец той фразеологии, которой пользовались французские агенты для того, чтобы завоевать симпатии греков. Обращение открывал несколько измененный — на календаре был 1797, а не 1793 г. — девиз Французской революции: "Свобода, Человечность, Равенство". В обращении содержался патетический призыв к корфиотским грекам: "Потомки первого народа, прославившегося своими республиканскими учреждениями, вернитесь к добродетелям ваших предков, возвратите греческому имени его первоначальный блеск, проявите снова свойственную вам во времена античности энергию". В заключение французский командующий обещал грекам различные блага "именем генерала Бонапарта и волею Французской республики, естественной союзницы всех свободных народов"[55]. Это воззвание (и, вероятно, подобные ему) широко циркулировали не только на Ионических островах, но и в подвластных Порте греческих областях. Воспринимались они как призыв к освобождению от иноземного ига. "В пограничных оттоманских провинциях, — сообщал в октябре 1797 г. из Мореи российский консул, — распространяются манифесты на трех языках — греческом, итальянском и французском. Эти воззвания, напоминая грекам о их подвигах в античную эпоху, побуждают их стряхнуть свои нынешние цепи и восстановить свою свободу, будучи уверенными, что их возьмут под защиту французские войска"[56].

Активизировалась и республиканская, антимонархическая пропаганда французских консулов в различных местах османских владений. Например, в Бухаресте французский консул раздавал трехцветные кокарды жителям Ионических островов и, как утверждал местный российский консул, заставил их поклясться "в ненависти ко всем государям, всякой королевской власти и всякой монархии"[57]. Усиление пропагандистской активности Франции в Греции и на Балканах в целом явно свидетельство-

inslav

вало о том, что Директория отнюдь не была заинтересована — в той мере, в какой в этом был заинтересован Конвент, — в поддержании хороших отношений с Портой. В то же время вполне можно предположить, что Бонапарт и его помощники, разжигая освободительные стремления греков, вышли за рамки официальной политики. У будущего императора уже созревали грандиозные завоевательные планы, и высокие принципы Французской революции должны были способствовать их реализации. Но тогда ознакомившиеся с призывами греки еще не сомневались в том, что республиканская Франция и ее прославленный полководец искренне стремятся помочь им освободиться от чужеземного ига.

Проявлением глубокого воздействия идей Великой французской революции на передовую часть греческого общества стало революционное движение Ригаса Велестинлиса. Основатель и руководитель движения разработал его идеологию, основанную на демократических принципах Великой французской революции. Основными ее элементами были: национальное освобождение силами самого греческого народа, тесный союз в освободительной борьбе с другими балканскими народами, установление демократического строя в освобожденной Греции. Для реализации своих освободительных планов греческий революционер, обосновавшийся в Вене, создал в 1796—1797 гг. тайное общество, вошедшее в историю как первая Этерия. Однако эта попытка освобождения Греции окончилась неудачей. Габсбургская монархия, инициатор и участник войны против революционной Франции, жестоко расправлялась и с носителями любых свободолюбивых проявлений внутри страны. Австрийская полиция раскрыла национально-освободительную деятельность Ригаса Велестинлиса; он и его сподвижники были выданы Порте и казнены в 1798 г.[58]

Несмотря на разгром движения Ригаса Велестинлиса, восприятие образованным греческим обществом демократических принципов Французской революции стало реальностью, с которой вынуждено было считаться и царское правительство. Для того чтобы сохранить свое влияние на греков, оно должно было искать к ним новые политические подходы. Этим в значительной мере объясняется создание на Ионических островах, после изгнания оттуда в 1799 г. французов*, греческого автономного конституционного государства под протекторатом России — Республики семи соединенных островов[59].

XVIII век, принесший греческому народу столько несчастий, страданий и несбывшихся надежд, уходил в Лету при благоприятных предзнаменованиях. Над древней землей Эллады поднималась заря национального освобождения. До него оставалось три десятилетия нового века.

[1] Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1975. Τ. 1 Α΄. Σ. 82.
[2] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 559. Л. 44.
[3] Βακαλοπούλου Α. Ιστορία του Νέον Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1973. Τ. Δ΄. Σ. 538—539.
[4] См.: *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 57—58.
[5] Там же. С. 36.
[6] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1782 г. Д. 1002. Л. 53.
[7] АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1787 г. Д. 1012. Л. 18—19.

* О разочаровании на островах французским правлением см. главу «"Восточный роман" генерала Бонапарта и балканские грезы императора Павла».

inslav

[8] См.: *Арш Г.Л.* Некоторые соображения по поводу "Греческого проекта" // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 78—79.
[9] *Арш Г.Л.* О русской системе "покровительства" и о некоторых ее социально-экономических и политических последствиях для населения Балкан (конец XVIII — начало XIX в.) // Etudes balkaniques. Sofia, 1975. № 2. P. 109. (Один пиастр в конце XVIII в. равнялся 60 коп.)
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] См., например, инструкцию Коллегии иностранных дел консулу на Крите К.О. Шпалькгаберу от 29 апреля (10 мая) 1784 г.: *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границею в XVIII в. М., 1899. Ч. 2. Прил. 129.
[14] *Корай А.* О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25. Пер.: *Coray A.* Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce. [S.l.], 1803.
[15] П. Кревата в Коллегию иностранных дел, 28 июля (8 августа) 1786 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786 г. Д. 1382. Л. 5.
[16] Х. Комнин — А. Я. Булгакову, 14 (25) августа 1786 г. // АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785—1787 гг. Д. 991. Л. 74.
[17] К.О. Шпалькгабер в Коллегию иностранных дел, 14 (25) декабря 1785 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1784 г. Д. 1073. Л. 106—107.
[18] Инструкция генерал-поручику Заборовскому при отправлении его в Средиземное море // Русский архив. М., 1866. С. 1379.
[19] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 11342. Л. 73. Русский текст манифеста. Публикацию греческого текста манифеста см.: Πρωτοψάλτη Ε. Ἡ Επανατατική κίνησις των Ἑλλήνων κατά τόν δεύτερον 'επί Αικατερίνης Β' ρώυοτουρκικόν πόλεμον (1787—1792). Αθηναι, 1959. Σ. 111—113.
[20] См.: *Арш Г.Л.* Великая Французская революция и Балканы: (Новые архивные данные) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 49.
[21] АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792 г. Д. 1080. Л. 6.
[22] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1788 г. Д. 1370. Л. 8.
[23] Там же. Д. 1621. Л. 26.
[24] Там же. Д. 1366. Л. 37.
[25] Там же. Л. 34.
[26] Там же. Л. 37.
[27] См.: *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. С. 141.
[28] Л.П. Бенаки — командующему средиземноморскими флотилиями В.С. Томаре, 16 (27) сентября 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1792 г. Д.342. Л.20.
[29] Πρωτοψάλτη Ε. Ἡ Επαναστατική κίνησις... Σ. 91.
[30] *Eton W.* Tableau historique, politique et moderne de L'Empire Ottoman. P., 1798. T. 1. P. 91—95 (в конце XVIII в. один дукат равнялся трем рублям).
[31] К сожалению, действия Л. Кацониса на Средиземном море, являющиеся не только эпизодом борьбы Греции за национальное освобождение, но и важной страницей русской военно-морской истории, не получили какого-либо освещения в отечественной историографии. В греческих же работах о Кацонисе, довольно многочисленных, не использованы материалы российских архивов, имеющие первостепенное значение для освещения данной темы.
[32] См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 54, 74, 76.
[33] Материалы... Ч. XIII. С. 395; Κόλια Γ. Οἱ Ἕλληνες κατά τόν ρωσσοτουρκικόν πόλεμον (1787-1792). Αθηναι, 1940. Σ. 49—50.
[34] Помимо греческой общины Триеста, значительные пожертвования на содержание флотилии Кацониса сделали греки Венеции, см.: Κόλια Γ. Οἱ Ἕλληνες... Σ. 72.
[35] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1790 г. Д. 1628. Л. 2.
[36] Там же. Л. 47.
[37] Там же. Л. 9—13.
[38] Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка, 1769—1791 гг. / Изд. подгот. В.С. Лопатин. М., 1997. Л. 938.

inslav

[39] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1790 г. Д. 1628. Л. 18.
[40] Там же. Л. 46—50.
[41] Русский архив. М., 1884. № 7—8. С. 978.
[42] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1790 г. Д. 1628. Л. 75, 79.
[43] АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792 г. Д. 1080. Л. 5.
[44] Там же. Оп. 90/1. 1792—1793 гг. Д. 1044. Л. 162—165.
[45] Πρωτοψάλτη Ἑ. Συμβολή εἰς τήν ιστορίαν του Λάμπρου Κατσώνη // Αθήνα. Εν Ἀθηναι. 1958. ΤΞΒ΄. Σ. 62.
[46] В связи с трудностями со снабжением генерал Томара еще до заключения мира отправился с наиболее крупными кораблями флотилии в Мессину (Сицилия).
[47] Πρωτοψάλτη Ἑ. Νέαι έρευναι περί του Λάμπρου Κατσώνη καί 'οπαδῶν του // Δελτίον Ἱστορικῆς Ἑθνολογικῆς Ἑταιρείας. Εν Αθῆναι, 1960. Τ. 15. Σ. 84.
[48] В дальнейшем арестованные, среди которых находилась и семья Кацониса, были освобождены — благодаря вмешательству русской дипломатии. — См.: Πρωτοψάλτη Ἑ. Συμβολή... Σ. 78.
[49] См.: Материалы... Ч. XV. С. 491.
[50] Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 241..
[51] Κορδάτου Γ. Ἱστορία της νεώτερης Ἑλλάδας. Ἀθήνα, 1957. Τ. 1. Σ. 307—311.
[52] *Mendelsohn-Bartoldy K.* Geschichte Griechenlands von der Eroberung Konstantinoples durch die Türken in Jahre 1453 bis auf unsere Tage. Leipzig, 1870. Bd. 1. S. 72.
[53] *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции, 1798—1800. М., 1983. С. 32—34.
[54] Там же. С. 49—50.
[55] *Арш Г.Л.* Великая Французская революция... С. 49.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] В разных странах опубликованы исследования о жизни и деятельности первого греческого революционера-демократа. Последнее исследование, где приведена и основная литература о Ригасе Велестинлисе, принадлежит английскому историку К. Вудхаузу (*Woodhouse C.M.* Rhigas Velestinlis: The proto-martyr of the Greek Revolution. Limni; Evia, 1995). См. также: *Арш Г.Л.* Великая Французская революция... С. 52—53.
[59] Этой важной странице внешней политики России и русско-греческих взаимоотношений посвящены фундаментальные исследования: *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.: Политика России в Ионической республике, 1798—1807 гг. М., 1976; *Она же.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции.

inslav

Таинственная Албания

Героическая борьба албанцев в XV в. во главе с их легендарным воином Скандербегом против османских завоевателей привлекла к ним внимание всей Европы. Их сопротивление остановило на побережье Адриатики волну османской экспансии на юг Европы. Сама же Албания стала на несколько веков глухой провинцией Османской империи и пасынком европейской истории. Между тем в этой горной стране происходили в XVII—XVIII вв. важные процессы, в результате которых она к концу XVIII в. снова стала объектом внимания европейской политики и дипломатии. Процессы эти были связаны с общими изменениями в экономической и социальной системе Османской империи, но имели свою специфику в албанских землях. Начнем с явления, общего для всей Османской империи XVII—XVIII вв. — распада ее военно-ленной системы[1].

В первые века существования империи военно-ленная (сипахийская) система являлась важнейшим элементом ее общественного устройства. Суть ее состояла в том, что военные ленники (сипахи), делившиеся по размеру получаемых доходов на тимариотов и заимов, получали в условное владение земельные владения. Им давалось право сбора в свою пользу части налогов с их населения, за что они были обязаны "конно и оружно" участвовать в военных походах османских султанов. Вначале военно-ленная система действовала достаточно эффективно. В XV—XVI вв. османская экспансия шла успешно. Османская империя превратилась в мощную державу, охватывавшую три континента — Азию, Африку и Европу. Правда, и в XVI в., в эпоху наивысшего расцвета и могущества Османской империи, она испытывала военные неудачи: безуспешной была осада Вены в 1529 г.; в 1571 г. турецкий флот потерпел поражение в битве при Лепанто. Однако неудачи эти носили эпизодический характер, и их можно объяснить переменчивостью военного счастья. Однако в следующем столетии войны, которые османская держава вела в Европе — против Австрии и Венеции, и в Азии — против Ирана, приняли затяжной характер и нередко заканчивались неудачно для нее. В 1683 г. 200-тысячная армия великого везира Кара Мустафа-паши была разгромлена под Веной. Последовавшая длительная кровопролитная война со Священной лигой закончилась в 1699 г. тяжелым для Османской империи Карловицким миром, по которому она вынуждена была впервые отдать ряд завоеванных областей в Центральной Европе и на Балканах. Поражения эти были результатом не только возросшей мощи противников Османской империи, но и глубо-

inslav

кого кризиса, поразившего военно-ленную систему — основу ее военной организации.

В результате превращения завоевательных экспедиций султанов в долгие изнурительные войны участие в них становится для военных ленников делом не только опасным, но и неприбыльным, и теперь они всячески стараются от него уклониться. Для того чтобы компенсировать сокращение доходов, вызванное изменением характера войн Османской империи, "мужи меча" начинают проявлять все больший интерес к хозяйственной эксплуатации своих условных земельных держаний. Интерес этот стимулировался и расширением зоны товарно-денежных отношений в османских владениях, вовлечением их в сферу мировых торговых связей. В результате в азиатских и европейских провинциях Османской империи со второй половины XVI в. начался процесс превращения условных земельных держаний в частнофеодальные владения — чифтлики, а к концу XVII в. он принял широкий размах. Наибольшие возможности для приобретения чифтликов имели крупные феодалы, правители военно-административных единиц — эялетов и санджаков, а также правительственные чиновники и придворные чины.

Распаду военно-ленной системы способствовала и расширявшаяся практика сдачи на откуп сбора доходов с различных видов государственной собственности, в том числе и с сипахийских земель. Нуждаясь в быстром получении финансовых средств, Порта с конца XVII в. обратилась к практике пожизненных откупов — маликяне. Такой пожизненный откуп делал его обладателя фактическим собственником тех земель, с которых он собирал налоги. И чифтлик, и маликяне несли сельским жителям двойной гнет: помимо государственных налогов, размер которых постоянно рос, новые собственники присваивали значительную часть оставшегося у райята* урожая. Хотя формально ликвидация военно-ленной системы произошла лишь в 30-е годы XIX в.[2], к концу XVIII в. она уже находилась в состоянии полного распада. Свою особую историю военно-ленная система имела в Албании. Кратко остановимся на ней[3].

Укрепив свое господство над Албанией, османские завоеватели с середины XVI в. разделили населенные албанцами земли на шесть санджаков: Шкодра, Дукагин, Эльбасан, Охрид, Влёра, Дельвина, ставших частью эялета Румелия. В состав некоторых из них вошли и неалбанские районы.

Класс военных феодалов в Албании, в отличие от других балканских стран, оказался в значительной мере албанским по происхождению. Несмотря на то что завоеватели вначале предоставили тимары и зеаметы также и христианам, многие албанские феодальные семьи, для того чтобы прочнее закрепить за собой свои земли и власть, еще в процессе борьбы против османского завоевания или вскоре после ее завершения приняли мусульманство. Кроме того, в Албании широко практиковалась насильственная вербовка детей из христианских семей для пополнения янычарского корпуса (система девширме). Некоторое количество военных держаний получили в Албании и прибывшие из Малой Азии турки-османы, с течением времени "албанизировавшиеся". В результате в XVI—XVII вв. сформировался довольно значительный слой албанских феодалов-му-

* Райят — ед.ч. от райя. В XVIII в. этим термином обозначалось податное немусульманское (христианское) население империи.

inslav

сульман, руками которых османские завоеватели управляли Албанией. Слой этот стал органической частью османского феодального класса. Албанские феодалы нередко получали высокие должности в правительственных органах Османской империи. Немало албанцев было среди великих визирей.

Военно-ленная система продолжала существовать в Албании на протяжении всего XVIII и начала XIX в. Однако по сравнению с ранним периодом османского господства она претерпела существенные изменения. Военные лены из условных держаний, предоставлявшихся леннику за личную военную службу, постепенно превращались в наследственные владения. Наследственными фактически становились не только лены (тимары и зеаметы), но и военно-административные должности. Уже с начала XVI в. посты санджак-беев Влёры и Дельвины стали монополией рода Синан-паши. В Северной Албании санджак-беями Шкодры и Дукагина почти неизменно были представители феодальных семей Беголы и Бушати. В XVIII в. передача административных должностей по наследству приобрела всеобщий характер. По словам современника, албанцы "сами назначают бóльшую часть государственных чинов, как, например, пашей, беев, спаг [сипахи], тимариотов, и они не только не зависят от капризов Порты, но места, занимаемые отцами, без труда и вопреки системе султанов переходят к сыновьям по праву наследства"[4]. Тимары и зеаметы рассматривались теперь как безусловные владения и стали объектом купли-продажи, что подрывало устои сипахийской системы, основанной на принципе условного держания. В результате Порте становилось все труднее собирать и отправлять сипахи Берата, Влёры, Шкодры куда-нибудь на Придунайскую равнину или в горы Закавказья, где Османская империя вела затяжные кровопролитные войны. Это особенно относится к XVIII в., когда в Албании, как и в других провинциях Османской империи, полным ходом шел процесс присвоения мирийских (государственных) земель и превращения их в частнофеодальные поместья — чифтлики.

Этот процесс происходил в обстановке известного оживления экономической жизни и роста товарно-денежных отношений в европейских провинциях Турции. После разрухи и опустошения, причиненного османским завоеванием, балканские города стали постепенно восстанавливаться, росли ремесленное производство и торговля. Увеличивались возможности и для сбыта сельскохозяйственной продукции, тем более, что растущий спрос на сельскохозяйственное сырье предъявляли экономически развитые страны Западной Европы.

Значительное место в городской экономике заняли феодалы, выступавшие теперь как ростовщики, владельцы лавок, торговых кораблей, откупщики налогов. Впервые откупная система появилась в Албании в начале XVII в. В дальнейшем она охватила почти все государственные сборы как в городе, так и в деревне. Откупная система с ее многочисленными злоупотреблениями, широкое распространение реквизиций и чрезвычайных налогов, ростовщическая кабала — все это тяжело отразилось на положении крестьян, и многие из них, уступая нажиму феодалов, были вынуждены отказаться от владельческих прав на землю; феодалы же превращали эту землю в чифтлики.

Образование феодальных чифтликов началось в Албании в первой половине XVII в. Вначале они имели сравнительно небольшие размеры и

inslav

принадлежали многочисленным собственникам, но затем, особенно в XVIII в., мелкие чифтлики стали концентрироваться в руках небольшой горстки крупных феодалов. Хотя по времени оба процесса — лишение крестьян владельческих прав на землю и концентрация чифтликской собственности — тесно переплетались один с другим, все же наиболее крупные чифтлики сложились только во второй половине XVIII в., когда экспроприации подверглись уже не отдельные крестьяне, а целые деревни.

Формирование крупной частнофеодальной собственности сопровождалось ожесточенной борьбой между мелкими и крупными служилыми феодалами, поскольку крупные феодалы — санджак-беи, пользуясь своей административной властью, сумели захватить львиную долю мирийских земель в ущерб мелким и средним феодалам — тимариотам и заимам. Феодалы вели ожесточенную борьбу за выгодные должности, аренды, откупы.

Переход к системе чифтликов резко ухудшил положение крестьянства. Намного вырос размер феодальной ренты. По-прежнему с крестьян взималась десятина. Но теперь крестьянин был вынужден отдавать владельцу чифтлика от 1/4 до 1/2 остававшегося урожая. Кроме того, он был обязан поставлять ему съестные припасы, делать "подарки", выполнять безвозмездно для него различные работы. Иногда феодалы принуждали крестьян участвовать в своих междоусобных войнах. Усиливая меры внеэкономического принуждения, стремясь удержать крестьян в своем чифтлике и заставить их отдавать бо́льшую, чем прежде, долю произведенных продуктов, частный собственник добивался фактического закрепощения крестьян, лишения их какой-либо свободы и гражданских прав. В результате социальные отношения в албанской деревне все более приближались к форме отношений между помещиком и крепостными крестьянами.

Перестройка феодальных отношений в земледелии повлияла и на скотоводство. В отличие от прежних времен новые феодальные господа стали облагать пастухов поборами на право прохода через их земли, за пользование пастбищами. Некоторые владельцы чифтликов сами стали собственниками крупных стад скота.

Результатом эволюции аграрных отношений стал рост товарности сельскохозяйственного производства. Для увеличения объема продукции феодалы населяли свои поместья спустившимися с гор крестьянами, вводили новые сельскохозяйственные культуры. В XVII—XVIII вв. в Албании получили распространение кукуруза, рис, хлопок, табак. Беспощадный нажим на крестьянство давал толчок развитию производства внутренней и внешней торговли, приводил к росту товарно-денежных отношений.

Развитие внутренней торговли шло прежде всего путем становления и расширения сети местных рынков. В городах и торговых местечках, служивших хозяйственными центрами для более или менее значительных районов, в базарные дни царило большое оживление. Горцы привозили сюда шерсть, шкуры, меняя их на продукцию равнин. Ремесленники в обмен на свои товары приобретали продовольствие и сырье. Купцы заключали сделки на закупку пшеницы, кукурузы, шерсти, воска, кожи для вывоза за границу и сбывали иностранные товары.

Наиболее важными статьями экспорта Албании в XVII—XVIII вв. были зерно, оливковое масло, корабельный лес, битум, воск, табак, шкуры,

inslav

кожи, скот, шерсть, домотканные ткани. Ввоз состоял из сукон, одежды, оружия, скобяного товара, изделий из стекла, сахара, кофе.

Основная доля в албанской внешней торговле принадлежала венецианцам. Они использовали Албанию также для ввоза сукон, шелковых тканей и других товаров в глубь европейских владений султана. Главным портом этой транзитной торговли был Дуррес (Дураццо), занявший в начале XVIII в. среди портов европейской Турции второе, после Стамбула, место по торговле с западноевропейскими странами. О торговом значении Дурреса свидетельствует тот факт, что здесь с конца XVII в. держали своих консулов Англия, Франция, Венеция, Голландия, Неаполь.

Наряду с иностранцами значительную активность во внешней торговле проявляли и албанские купцы. В первой половине XVIII в. большого расцвета достиг торгово-ремесленный город Воскопоя (Мосхополис) в Южной Албании с немалым по тем временам числом жителей — 15—20 тыс. Купцы Воскопои специализировались на обслуживании морской торговли с Венецией и сухопутной — с Австрией. В Османской империи купцы, особенно христиане, страдали от произвола властей и своевольных феодалов. Своеобразной охранной грамотой от поползновений местных феодальных властителей для православной Воскопои являлось особое покровительство, оказываемое городу султаншей-валиде (матерью султана), в пользу которой шли городские доходы[5].

Важным торговым центром на севере страны была Шкодра. Шкодринские купцы к середине XVIII в. сосредоточили в своих руках значительную часть торговли Албании и распространили свои операции и на другие районы Балканского полуострова.

Купцы Шкодры имели перед другими албанскими купцами то преимущество, что могли пользоваться собственными торговыми кораблями и, кроме того, были тесно связаны с агами Улциня (Дульциньо), владельцами многочисленных судов, активно участвовавшими в морской торговле на Адриатике.

В целом размах операций албанских купцов был впечатляющим. Они разъезжали по городам Европейской и Азиатской Турции, посещали Италию, Австрию, Германию, основывали там свои лавки и конторы, в течение длительного времени проживали в этих странах. В Венеции существовала, например, улица, целиком населенная албанцами.

Экономическая роль этого нового социального слоя, появившегося в Албании в результате расширения сферы товарно-денежного обращения, была значительной. Но ему не принадлежало сколько-нибудь важной ниши в системе общественных отношений и, более того, само его существование в условиях Албании того времени не было устойчивым.

В этом отношении характерна история купечества Воскопои. Многие жители южно-албанского города, посещая по торговым делам Центральную Европу, зачастую оставались там, особенно в Вене, на постоянное жительство. Их привлекало то, что и правовая система, и общие условия жизни здесь были более благоприятны для занятий коммерцией, чем в Османской империи. В результате в середине XVIII в. начался экономический упадок Воскопои[6].

К началу XVIII в. не только произошли серьезные перемены в социально-экономической жизни Албании, но и, в результате далеко зашедшего процесса исламизации страны, существенно изменился религиоз-

inslav

ный состав ее населения. Сразу после установления османского господства Албания сохраняла еще облик христианской страны, разделенной на две конфессии — православную и католическую. Так, по данным османских источников, относящихся к 1520—1535 гг., доля христианских хозяйств в Эльбасанском санджаке составляла тогда 94,5%, а мусульманских — 5,5%. Примерно такое же соотношение между христианскими и мусульманскими хозяйствами существовало в тот период и в Шкодринском санджаке. В подавляющем своем большинстве оставались верны старой религии и горожане. Так, в Берате в первые десятилетия после османского завоевания христиане составляли свыше 90% жителей, а в Гирокастре, Дельвине, Пермете мусульман вообще еще не было[7]. В мусульманство, как уже говорилось, перешли главным образом феодальные семьи, стремившиеся таким способом сохранить и упрочить свои имущественные права и привилегии.

Процесс исламизации, начавший набирать темпы со второй половины XVI в., принял особенно широкий размах в XVII в. Османскими правителями предпринимались тогда целенаправленные действия для распространения мусульманской религии среди албанцев, чтобы таким образом духовно поработить этот непокорный народ и прочно привязать его к судьбам империи. В Стамбуле придавали особое значение "умиротворению" Албании, поскольку это была пограничная провинция Османского государства, часто становившаяся ареной его войн с Венецией. Исламизация должна была в значительной степени заменить османскую колонизацию Албании, которую не удалось осуществить в широких масштабах.

Главной фигурой кампании по исламизации был не столько мулла, сколько сборщик налогов. В начале XVII в. Порта значительно увеличила в албанских санджаках ставку джизье — подушного налога, взимавшегося только с христиан. На севере Албании джизье взимался не с отдельного дома, а с деревни. Это обстоятельство также было использовано османскими правителями в их политике исламизации. Ввиду того что семьи, принявшие мусульманство, освобождались от уплаты джизье, а общая сумма налога с деревни оставалась неизменной, то тем самым увеличивалось налогообложение христианских семей. Усилившееся налоговое бремя заставляло их переходить в мусульманскую веру.

В XVII в. исламизация затронула главным образом Северную Албанию, а в первой половине XVIII в. она распространилась и на юг страны. К началу XIX в. не менее половины албанцев уже были мусульманами. Оставшиеся христианами делились почти поровну на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, где туркам до конца своего господства так и не удалось утвердиться, а православная церковь господствовала среди христиан Южной Албании.

Помимо причин материального порядка принятию многими албанцами мусульманства способствовала и слабость позиций в стране обеих христианских конфессий. Еще в доосманскую эпоху через Албанию проходила линия разграничения между западной и восточной церквями, и происходившие между ними ожесточенные столкновения не способствовали упрочению религиозного сознания у албанцев. Османское завоевание тяжело отразилось на положении обеих христианских церквей в Албании. Упала церковная дисциплина, уменьшилось количество священников, уровень теологической подготовки немногих оставшихся служителей

inslav

культа был крайне низким. Из-за недостатка священников богослужения во многих деревнях не совершались целыми десятилетиями.

Последствия массовой исламизации были для албанского народа значительными, хотя и неоднозначными. С одной стороны, исламизация, несомненно, осложнила отношения албанцев с другими балканскими народами и затруднила их контакты с Россией — начиная с XVIII в. признанной покровительницей православия на Балканах. В то же время у Порты появились широкие возможности для привлечения албанцев к участию во внешних войнах и к подавлению освободительных восстаний внутри империи. С другой стороны, отделение части албанцев, перешедших в мусульманство, от их православных соседей имело и некоторые положительные моменты.

В дореформенной Османской империи никакие национальности не признавались. Все население империи было разделено на религиозные общины — миллеты. Православные албанцы были включены в греко-православный миллет, находившийся под духовной и отчасти светской юрисдикцией греческой Константинопольской патриархии. Греческая струя доминировала не только в церковной жизни, но и в культурном развитии православных балканских народов. Греческий язык являлся тогда языком межнационального общения на Балканах. Вся образовательная система в епархиях Константинопольской патриархии была греческой. В результате термины "православный" и "грек" в ту эпоху часто употреблялись как синонимы, и реально существовала проблема сохранения балканскими народами (негреками) своего национального лица.

Проблема эта была достаточно серьезной, если не для всего албанского этноса, то для его части. Следует иметь в виду, что в ходе тяжелой борьбы с османским нашествием Албания лишилась большей части своего культурного достояния, и албанская культура в условиях иноземного ига переживала трудные времена. Албанский язык, единственный из балканских языков, до начала XX в. не имел своего единого национального алфавита. Албанские религиозные и светские тексты, создававшиеся с использованием латинской, греческой или арабской графики, были недоступны для основной массы населения. Не существовало практически и албанских национальных школ. Все это создавало предпосылки для эллинизации православных албанцев. Есть основания предполагать, что процесс этот уже шел в XVIII в., особенно на юге Албании и в Эпире, в пограничной зоне албанского и греческого ареалов. Переход же части жителей Южной Албании в мусульманство создал ему определенную преграду.

Распространение мусульманства в Албании не привело, как это имело место с некоторыми другими группами балканского населения, к потере албанцами-мусульманами своей национальности. Нет каких-либо данных и о возникновении розни между албанцами, принявшими мусульманство, и теми, кто сохранил прежнюю веру. Многие из новообращенных оставались тайными христианами и наряду с мусульманским именем сохраняли свое прежнее, христианское. Так же они праздновали вместе с христианами Пасху и другие церковные праздники. Широко были распространены смешанные браки. Если албанская феодальная верхушка в определенной мере приобщилась к "ориентальным" нравам, то основная масса албанцев-мусульман сохранила свой язык, национальный характер и исторические традиции.

inslav

Видный албанский историк Алекс Буда объясняет феномен сохранения своей национальности народом, разделенным между тремя религиями, тем, что "социально-экономические и семейные связи между албанцами — связи, основанные на общности языка, культурных традиций, обычаев и институтов обычного права, мифологии, поэтическом и музыкальном творчестве, — были сильнее разделявших их конфессиональных различий"[8]. К этому справедливому суждению следовало бы лишь добавить, что для духовной консолидации албанцев большое значение имело преклонение их всех — православных, католиков, мусульман — перед образом Скандербега. Культ великого воина Албании, зародившийся в османскую эпоху и сделавшийся важным элементом национального самосознания, способствовал сохранению албанцами своей самобытности и спасению от грозившей им ассимиляции.

Социально-экономические и политические перемены XVII—XVIII вв. затронули в основном города и равнинные районы Албании. Ни чифтлики, ни мусульманство не проникли в наиболее труднодоступные горные районы. В большинстве горных местностей сохранялись — а возможно, и возрождались — родоплеменные отношения. Основой этих отношений был так называемый фис (род), основанный на кровно-родственных связях. В фис, как правило, входило несколько десятков семей, которые вели свое происхождение от общего предка. Пахотная земля, пастбища, леса и водоемы являлись неотчуждаемой собственностью всего фиса, тогда как усадьбы, скот, сельскохозяйственный инвентарь — собственностью каждой семьи.

Высшим органом фиса являлся кувенд — собрание глав всех семей, объединенных фисом. Помимо того, был и наследственный глава фиса, значение которого с течением времени стало возрастать. Все члены фиса, способные носить оружие, составляли его ополчение, во главе которого стоял военный предводитель. Важной функцией фиса была охрана жизни и имущества всех его членов. За убийство мстила не только семья убитого, но и другие семьи фиса; обычай кровной мести получил в горах Албании самое широкое распространение.

Семейные и общественные отношения албанских горцев регулировались так называемыми канунами, представлявшими собой неписаные законы, правила, обычаи, переходившие от поколения к поколению и изменявшиеся в связи с эволюцией социально-экономических условий. Действие каждого из канунов, носившего в большинстве случаев имя того или иного легендарного законодателя, распространялось на определенную территорию.

Значительные перемены в жизни албанского общества в XVII — первой половине XVIII в. привели к откату волны антиосманских выступлений в стране. Но жители албанских гор продолжали с оружием в руках отстаивать свою свободу, часто действуя заодно с внешними противниками Османской империи. Наибольшее беспокойство доставляли Порте горные районы: на севере — Великая Мальсия* и Мирдита, на юге — Химара.

Великую Мальсию — высокогорную область к северу и северо-востоку от Шкодры — населял сплоченный блок преимущественно католических фисов. Живя рядом с черногорцами, они зачастую участвовали в антиосманских акциях своих соседей.

---

* Великая Мальсия (Malësia e Madhe) — буквально: "великие горы".

inslav

Католическую религию сохранили и горцы Мирдиты. В XVIII—XIX вв. эта область пользовалась самоуправлением и фактически не зависела от турецких властей. С начала XVIII в. Мирдитой управляли наследственные правители из рода Марка Гъони, носившие титул капитана или пренка (князя). Правители эти имели большой вес в Северной Албании, определявшийся находившейся в их распоряжении военной силой. Мирдиты, как назывались жители области, считались хорошими солдатами и могли в случае необходимости выставить до 10 тыс. вооруженных людей[9].

Большая роль в политических событиях XVIII в. в Албании принадлежала другой горной общине — Химаре. Лежащая в южной части албанской Адриатики, на ближних подступах к Италии, область эта привлекала особое внимание правителей Османской империи. На протяжении XVI—XVIII вв. османы большими военными силами неоднократно вторгались в Химару, но утвердить там свое господство они так и не смогли. В эпизодических платежах дани заключалась вся зависимость этой южноалбанской области от Порты.

В общественных отношениях Химары начала XVIII в. ощущались пережитки родового строя. Низшей ячейкой общественной организации химариотов являлась семья. Отдельные семьи были объединены в основанный на экзогамии союз семей. Однако внешние формы семейно-родовых отношений скрывали далеко зашедшую в этом небольшом адриатическом сообществе имущественную дифференциацию.

Главами союза семей являлись, как правило, крупные собственники земли и скота. Влияние видных людей Химары определялось и тем, что они были посредниками по вербовке своих земляков на военную службу за рубежом и получали за это от иностранных правительств пенсии. Знатные люди всех деревень составляли генеральный совет Химары, созывавшийся в случае возникновения важных для всей области вопросов.

Дикая, суровая природа этого края — недаром древние греки называли горы Химары Акрокеравнскими, т.е. "громовыми", — в сочетании с примитивными формами хозяйствования делала жизненные условия его обитателей весьма трудными. Неприкрашенную картину лишений, с которыми жителям Химары приходилось сталкиваться повседневно, дают донесения монахов-базилиан, посланных Римской курией к православным химариотам, для того чтобы склонить их к принятию унии. Так, в донесении миссионера де Камиллиса от 1673 г. говорилось: "Этот край настолько бесплоден, что производимых здесь продуктов не хватает им даже на полгода. Не изобилует он и другими продуктами, обменивая которые, они могли бы обеспечить себе сносное существование. Поэтому все питаются только хлебом и водой, а многие, не имея и этого, в течение многих дней едят только одни целебные травы, без какой-либо приправы..." "Эта крайняя нужда во всем необходимом для поддержания жизни, — продолжал католический миссионер, — является в здешних местах большим препятствием для успешной работы миссии, потому что те из них, которые достигли уже возраста, достаточного для того, чтобы добывать в том или ином количестве необходимые припасы для себя или своей семьи, занимаются: кто обработкой этой скалистой земли, кто пасет стада, кто промыслами, — и если, с большой натяжкой, принять, что они отмечают праздники, то у них мало или совсем не остается времени для того, чтобы заниматься грамотой или думать о спасении души"[10].

inslav

Для многих семей Химары источником существования стало ремесло наемных солдат. Монархи Испании, Франции, короли обеих Сицилий, венецианские дожи охотно принимали на свою службу этих албанских горцев, закаленных в постоянных битвах с турками. В Королевстве обеих Сицилий существовал в XVIII в. Королевский македонский полк, в котором служили главным образом химариоты. Венецианцы, владевшие островом Корфу, отделенным узким проливом от Албании, также имели химариотский полк, активно участвовавший в защите их владений от османов.

Не только горькая нужда гнала горцев Химары под знамена христианских государей Южной Европы. Эти государи часто воевали с султаном, и химариоты храбро сражались в этих войнах. Они гордились своим участием в "славной морской Лепантской победе" в 1571 г., в "Кандийской войне" 1645—1669 гг., которая велась между Венецией и Османской империей из-за обладания Критом. В 1684 г. Венеция вновь вступила в войну с султанской державой, примкнув к Священной лиге — антиосманской коалиции некоторых европейских держав, к которой позднее присоединилась и Россия. Полем сражения этой войны стали и горы Южной Албании. О тогдашних событиях химариоты рассказывали в историческом очерке своей провинции, составленном в 1759 г. для российского правительства: "В 1686-м по причине объявления себя соучастниками венецианам, бывшим тогда в согласии с императором, Россиею и Польшею, подвержены были ужасным притеснениям румелийского беглербея, который в половине зимы с многочисленным войском на них для истребления ударил, но напоследок с уроном отступить принужден был"[11]. Через четыре года отряды химариотов осадили с суши Влёру и крепость Канину, в то время как с моря против них действовал венецианский флот. Совместными усилиями химариоты и венецианцы овладели этими важными пунктами Южной Албании и удерживали их шесть месяцев, до весны 1691 г.[12]

Через 20 лет военные действия, связанные с внешней войной Османской империи, вновь затронули Албанию, на сей раз ее север. Речь идет о русско-турецкой войне 1710—1711 гг., первой из серии войн между двумя империями, сотрясавшими весь XVIII в. Во всех своих войнах с Османской империей Россия стремилась использовать силы балканских народов. Впервые попытку создать "второй фронт" на Балканах против султанской державы предпринял Петр I.

Накануне Прутского похода царь обратился с воззваниями к балканским христианам с призывом поддержать Россию в ее войне с Османским государством. Из этих воззваний до нас дошли "Грамота черногорскому народу" от 3/14 марта 1711 г., "Грамота христианским народам, подвластным Турции" от 23 марта/3 апреля 1711 г. (на греческом языке) и "Манифест Молдавии и Валахии и всем христианским народам" от 8/19 мая 1711 г.[13] В воззваниях подчеркивалось, что целью Петра I в войне является не только отпор агрессии турок, но и освобождение балканских народов: "Намерение имеем, дабы не токмо возмощи нам противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и силным оружием в средину владетелства его входити и утесненных православных християн, аще Бог допустит, от поганского его ига освобождать". Царь призывал самих балканских христиан "союзився с нашими силами и единокупно на неприятеля вооружився, воевать за веру и отечество, за честь и славу вашу, за свободу и волность вашу и наследников ваших"[14].

inslav

В воззваниях Петра I, в числе прочих балканских христиан, фигурируют и албанцы. В греческом тексте "Грамоты христианским народам..." они именуются арнаутами (᾽αρνάουτιδες), а в русском тексте "Манифеста Молдавии и Валахии..." — албанезами. Итак, албанцы появились — вероятно, впервые — в российском политическом лексиконе. В связи с этим следует упомянуть интересный факт. В варианте "Грамоты черногорскому народу", опубликованном известным биографом Петра I И.И. Голиковым, в качестве примера для подражания балканским христианам в их борьбе против османских завоевателей называется "Георгий Кастриот, сиречь Скандербег", который "на шестидесяти трех главных баталиях неприятеля на голову побил"[15].

Албания присутствует и в "Мнении" — проекте, представленном Петру I в ходе подготовки к войне с Турцией. Здесь предлагалось писать "в Албанию и Македонию, к християнам, владыкам грецкого и римского законов, увещевая к вооружению, понеже ныне пришло время избавления их от подданства туранского, обнадеживая их превеликими силами царского величества"[16].

Считается, что автором проекта и инициатором обращений к балканским христианам был уроженец Герцеговины С.Л. Владиславич-Рагузинский, поступивший на русскую службу и являвшийся, по всем данным, главным советником царя по балканским делам[17]. Он же был автором инструкции от 4/15 марта 1711 г. полковнику М. Милорадовичу, посланному с грамотами Петра I в Сербию, Черногорию и Албанию для организации там антитурецкого восстания. В первую очередь он должен был обратиться к черногорцам и североалбанским горцам, призывая их, "дабы собрав воевали на турков"[18]. Тогда же в Венецию был назначен русский торговый консул Д. Боцис, которому помимо занятий торговлей поручалось поддерживать связи с черногорцами, герцеговинцами и албанцами[19].

Принятые русским правительством меры дали свои результаты. Появление на западе Европейской Турции русских эмиссаров с зажигательными грамотами Петра I способствовало возникновению здесь очагов антитурецкого восстания. Об успехах и трудностях повстанцев Милорадович сообщал в феврале 1712 г. Петру I: "В Албании и Эрцоговине многия городы осадили и турков в кунфузию привели, так что оне собираться и коммуникацию междо собою иметь не могли. Но городы от платежя салдатам, без пушек, пороху и ядер взять не можно. Мы не имеем денег, сколько на салдат потребно"[20].

В этом вооруженном восстании активное участие приняли общины североалбанских горцев — Хоти, Кастрати, Кельменди, действовавшие в союзе с их соседями — черногорцами[21]. Волнения распространились и на Южную Албанию. Французский и венецианский консулы в Дурресе сообщают в своих донесениях об энтузиазме, с которым порабощенное население приветствовало войну русских, и о карательных мерах турецких властей. Несмотря на эти меры, волнения принимали все более широкий размах[22].

Но действия повстанцев Герцеговины, Черногории и Албании натолкнулись на сильное противодействие, причем не только турецких войск. Венецианцы, обеспокоенные усилением влияния России на Балканах, отказывались продавать повстанцам порох и ядра и установили блокаду Дал-

inslav

матинского побережья, препятствуя оказанию какой-либо помощи Черногории[23].

Но главной причиной неудачного исхода восстания в западно-балканских провинциях Османской империи стали события на восточных ее границах. В июле 1711 г., после поражения на реке Прут, Петр I был вынужден отказаться от похода на Балканы и заключить мир с турками. Порта же, успешно завершив войну с Россией, смогла направить большие силы для подавления восстания. Особенно сильному опустошению подверглись Черногория и некоторые соседние районы Северной Албании в 1714 г., во время нападения турецкой армии под командованием Нуман-паши[24]. Через два года грозная опасность нависла и над южно-албанской областью Химарой.

В 1699 г., по Карловицкому миру, Османская империя была вынуждена уступить Венеции Морею (Пелопоннес). Стремясь взять реванш, Порта в 1714 г. начала новую войну с Венецией, на сторону которой встала Австрия. В этой войне, как и в предыдущих, наемные отряды химариотов участвовали в составе венецианского флота во многих битвах с турками.

На сей раз военные действия развертывались неблагоприятно для Венеции. Отвоевав в короткое время Морею, Порта вознамерилась отобрать у Республики Св. Марка Ионические острова — последние греческие земли, остававшиеся в ее власти. Летом 1716 г. в Ионическое море вошла турецкая эскадра с многочисленным войском на борту. Командовавший экспедицией капитан-паша (главнокомандующий турецким флотом) Джанум Ходжа решил, до атаки крепости Корфу — главной цитадели венецианцев, расправиться со свободолюбивыми горцами Химары, не признававшими власть султана и постоянно помогавшими его внешним противникам.

Как говорилось в упоминавшемся уже обзоре истории Химары, турецкий адмирал "за полезно разсудил, выгрузясь из судов, отмездие над чимариотами взять, почему 24 июня почти с 3000-ми человек Дримадес [Дермиу] атаковал, и напоследок по жестоком и ужасном сражении отступить и, войско свое с потерею паки на суда посадя, к Корфу следовать принужден был"[25].

Хотя Венеции и удалось отстоять Корфу, эта война подтвердила ее прогрессирующий упадок. Дряхлеющая республика дожей, охотно использовавшая в своих войнах албанских горцев, храбрых и выносливых воинов, не могла, да и не хотела помочь Албании освободиться от османского ига.

Между тем на севере Европы возникла мощная единоверная православным албанцам держава — Россия. И они, как и другие балканские христиане, стали возлагать на нее большие надежды в деле освобождения.

Несмотря на неудачу России, русско-турецкая война 1710—1711 гг. показала наметившийся поворот во внешнеполитической ориентации балканских народов, в том числе и албанцев. Теперь они все больше смотрят не в сторону Венеции и Вены, как прежде, а в сторону Петербурга. Сама Порта начинает сознавать для себя угрозу от установления связей между Россией и порабощенным населением Балкан. Характерно, что в числе требований, предъявленных турецкой стороной в ходе русско-турецких мирных переговоров 1711—1713 гг., был и такой пункт: "Впредь

inslav

русские никоим образом не вмешиваются в дела турецких подданных (реайи)"[26]. Однако попытки османских властей приостановить процесс укрепления связей России с балканскими народами не имели успеха. Что же касается албанцев, то с середины XVIII в. они — уже по собственной инициативе — стремятся установить политические контакты с петербургским двором.

[1] См.: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 16—31.
[2] *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1966. Т. 2, ч. 1. С. 225—233.
[3] Подробнее см.: *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. С. 30—32, 39—49; Historia e Shqipërisë. Tiranë, 1959. Vëll. 1. F. 333—343, 389—397.
[4] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С. 40.
[5] *Peyfuss M.D.* Die Druckerei von Moschopolis, 1731—1769. Wien — Köln. 1989. S. 30—31.
[6] Ibid. S. 30.
[7] *Желязкова А.* Разпространение на исляма в западнобалканските земи под османската власт. (XV—XVIII в.). София, 1990. С. 90, 188—189.
[8] *Buda A.* Shkrime historike. Tiranë, 1986. T. 1. F. 80.
[9] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С. 33.
[10] *Borgia N.* I monaci basiliani d'Italia in Albania // Studi Albanesi. Roma, 1936. Vol. 2. P. 151—152.
[11] Известие о состоянии, силах и местоположении Чимарской провинции // АВПРИ. Ф. 95. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1759 г. Д. 35. Л. 7.
[12] Historia e Shqipërisë. Vëll. 1. F. 400.
[13] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. XI, вып. 1. С. 117—119, 151—153, 225—227.
[14] Там же. С. 118.
[15] Там же.
[16] Там же. С. 338—339.
[17] См.: *Лещиловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопр. истории. 2001. № 2. С. 50—51.
[18] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 31.
[19] *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 105.
[20] Политические и культурные отношения... С. 40.
[21] Там же. С. 32, 51—52.
[22] *Буда А.* Традиции дружбы между албанским и русским народами // Доклады и сообщения Института истории. М., 1955. Вып. 5. С. 80.
[23] Политические и культурные отношения... С. 41.
[24] Там же. С. 51—53.
[25] Известие... Л. 7.
[26] *Орешкова С.Ф.* Указ. соч. С. 128.

inslav

Албания: Рост сепаратизма местных властителей

В обстановке продолжавшегося упадка Османской империи и ослабления центральной власти феодальная междоусобица в Албании, которая определялась кризисом спахийской системы и формированием чифтликской собственности, в первой половине XVIII в. вылилась в настоящие войны. Местные крупные феодальные роды — оджаки* — с оружием в руках оспаривали власть друг у друга. В Шкодре в течение нескольких десятилетий боролись за власть оджаки Бушати и Чаушолы, в Тиране — оджаки Баргини и Топтани, в Дельвине — семьи Кока и Каплан-паши, во Влёрском санджаке развернулась борьба между семьей Влёра, с одной стороны, и правителями Берата Исмаил-пашой Велябишти и его преемником Ахметом Курт-пашой — с другой.

Османская административная система в Албании была к этому времени фактически дезорганизована. На развалинах системы санджаков сформировались под названием пашалыков крупные наследственные владения местных феодалов. Из Влёрского санджака, например, выделилось два пашалыка — Влёрский и Бератский. Круя, прежде входившая в Охридский санджак, стала центром самостоятельного пашалыка во главе с феодальным родом Топтани.

Внутри пашалыков существовали более мелкие феодальные владения. В Кардики, относившемуся к Дельвинскому пашалыку, правили беи из рода Достов. В другом небольшом городке Дельвинского пашалыка Конисполи власть делили два бея — Ибрахим Деми и Махмуд Дальяни. Гирокастра тоже управлялась своими беями.

Своевольные беи столь же мало зависели от паши, сколько он сам — от стамбульских властей. За пределами собственных чифтликов и управляемых им лично или через родственников городов власть паши была почти номинальной.

Нескончаемые войны между феодалами превращали обширные районы в зону военных действий. От таких войн жестоко страдало мирное население: жителей городов и сел уводили в плен, имущество их разграблялось, оставленные дома предавались огню.

Феодалы вовлекали в свои распри и другие слои населения. В феодальных войнах участвовали отряды горцев. Города раскололись на враждую-

* Оджак (тур.) — очаг, род, семья. В османские времена — также военная единица.

inslav

щие партии — тарафы*. В Шкодре ожесточенная борьба развернулась между тарафом кожевников и тарафом портных. Они возникли в свое время как союзы нескольких эснафов, но во второй половине XVIII в. этими названиями обозначали два городских района, находившихся в состоянии почти постоянной войны. Их разделяла демаркационная линия, переходить которую без оружия было опасно. Тараф кожевников был более сильным и многочисленным. Его район примыкал к шкодринской цитадели Розафат. Здесь жило много богатых беев, которым и принадлежала руководящая роль в тарафе.

Многие мелкие феодалы, добиваясь земли и власти, формировали из разорившихся крестьян вооруженные отряды и занимались разбоем. От их набегов страдала не только Албания, но и соседние области.

Во второй половине XVIII в. феодальная борьба в Албании вступила в новый этап. Наиболее могущественные из местных феодалов, распространив свое господство на значительную часть страны, фактически вышли из-под власти Порты.

Для Северной Албании этот поворот наметился еще в 50-е годы XVIII в. В 1756 г., когда феодальная анархия в Шкодре достигла кульминационного момента, власть в городе захватил Мехмет-бей Бушати. Семья Бушати являлась одной из наиболее богатых и родовитых феодальных семей Северной Албании. По некоторым данным, она вела свое происхождение от известной феодальной семьи Дукагини, перешедшей в мусульманство вскоре после завоевания Шкодры турками. Будучи богатыми чифтлигарами, тесно связанными с рынком, Бушати проявляли заинтересованность в установлении внутренней безопасности и создании нормальных условий для развития торговли.

Порте пришлось признать происшедший в Шкодре переворот и утвердить с 1757 г. Мехмет-бея в звании паши и шкодринского мутасаррыфа (губернатора). Так образовался Шкодринский пашалык, автономное государственное образование, в течение 75 лет управлявшееся наследственными правителями из семьи Бушати.

Мехмет-паша Бушати, получивший в албанской историографии имя Мехмет-паши Старого, сумел обуздать своевольных феодалов Шкодры и окружающих районов, прекратить феодальную анархию и установить на территории пашалыка относительное спокойствие. Большое внимание правитель Шкодры уделял созданию более безопасных условий для торговли и судоходства. Он принял энергичные меры для прекращения пиратства, которое практиковали жители Дульциньо (Улцинь), портового города Шкодринского пашалыка, в сотрудничестве с пиратами Северной Африки. Мехмет-паша сжигал попавшие в его руки пиратские суда и предпринимал другие шаги, для того чтобы превратить Дульциньо из гнезда пиратов в центр торговли и судоходства на Адриатике.

Эти и другие меры нового паши Шкодры способствовали росту торговли местных купцов с Венецией и другими итальянскими портами. В накладе не остался и сам Мехмет-паша, активно участвовавший во внешнеторговых операциях. Как отмечал в феврале 1769 г. венецианский консул в Дурресе Л. Фонтана, паша имеет свою долю в большей части ввозимых и вывозимых из Шкодры товаров. В том же донесении венецианский кон-

* Тараф (тур.) — сторона, группа, партия.

inslav

сул сообщал о строительстве в Дульциньо большого корабля за счет Мехмет-паши, добавляя, что тот имеет интерес в других судах различного типа, принадлежащих горожанам[1].

Торгово-ремесленные круги Шкодры поддерживали политику Мехмет-паши. На его стороне был тараф кожевников, который, как уже говорилось, не только объединял несколько наиболее крупных эснафов, но и контролировал важную часть территории города. К этому времени процесс исламизации Северной Албании зашел далеко, и купцы и ремесленники ее столицы в большинстве своем были мусульманами. Так, по некоторым данным, 83% купцов Шкодры, торговавших в середине XVIII в. с Венецией, составляли мусульмане[2]. Но если Шкодра стала по преимуществу мусульманским городом, то горцы окрестных районов сохраняли в основном верность христианству.

Мехмет-паша проводил политику сближения с христианами свободных гор Северной Албании. Она проявлялась в уважении обычаев и законов горцев, признании привилегий, завоеванных ими за прошедшие века. Особенно он ухаживал за их военными предводителями. Ему удалось привлечь на свою сторону капитана мирдитов Гъона Марку, узаконив права его рода на наследственное правление этой горной областью, которая в случае надобности могла выставить большое ополчение. Проводившуюся первым представителем пришедшей к власти в Шкодре феодальной семьи Бушати политику религиозной терпимости продолжили и его преемники. В результате правители Бушати получили возможность формировать свои военные силы прежде всего за счет горцев-христиан Северной Албании, практиковавших наемничество.

Меры Мехмет-паши по установлению спокойствия и прекращению междоусобиц на территории пашалыка принесли свои плоды уже в первые годы его правления. Они способствовали росту сельскохозяйственного производства и расширению внутренних и внешних торговых обменов. Крупные купцы и другие богатые собственники, которые вели за собой широкие народные массы, оказывали растущую поддержку новому паше, представителю местной старинной фамилии. Поддержка эта помогла Мехмет-паше сохранить свою власть, когда в октябре 1762 г. Порта попыталась сместить его, назначив на его место некоего Омер-пашу. Когда новоиспеченный губернатор прислал в Шкодру своего каймакама (заместителя), горожане прогнали его. В результате Порта была вынуждена подтвердить Мехмет-пашу в его должности. Но и в дальнейшем она не оставляла попыток подорвать власть Мехмет-паши. Его феодальные противники получали поддержку и поощрение со стороны лиц из султанского окружения. Однако конфликт между Стамбулом и Шкодрой на некоторое время был отложен ввиду начала новой русско-турецкой войны: правящие круги Османской империи нуждались в военных силах Албании, которые мог мобилизовать Мехмет-паша.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. вызвала в Албании гораздо более широкий отклик, чем предшествующие войны между двумя империями. Но реакция на эту войну в албанском обществе была не только неодинаковой, но и противоположной; и в ходе этой войны албанцы оказались по разные стороны баррикад. Большую поддержку военная акция России получила на юге Албании — среди исповедовавших православие горцев Химары.

inslav

У химариотов издавна, как и у других православных жителей Балкан, было тяготение к единоверной стране — России. Но политические связи в XVI—XVIII вв. жители Химары поддерживали, как уже говорилось, с Испанией и Венецией. Они нанимались на военную службу к этим державам, рассчитывая получить от них помощь в избавлении от ига османов. Однако и Испания, и Венеция в XVIII в. превратились во второстепенные государства, между тем как Россия стала европейской державой первого ранга. Все бо́льшую активность проявлял Петербург и на Балканах. Так, с 1758 г. Россия начала выплачивать Черногории ежегодную субсидию в размере 15 тыс. руб. В России были созданы специальные военные подразделения из черногорцев и других балканских выходцев. Об установленных черногорцами тесных связях с православной державой стало известно химариотам, и они решили последовать их примеру. О предпринятой в этом плане вождями Химары акции российский резидент в Константинополе А.М. Обресков сообщал в апреле 1760 г. в своей реляции Елизавете Петровне:

"Счастливые и славные успехи победоноснаго Вашего Императорскаго Величества оружия и учиненное в прошлом году черногорцам щедрое награждение начали возбуждать в сердцах православных, под турецким игом стонущих народов желание искать удостоиться быть Вашего Императорскаго Величества подданными, из которых один, называемый чимариоты, прислал ко мне в минувшем феврале месяце двух депутатов, земляков их, архимандрита Анфимия Василико и капитана Пано Спиро Бичила, которые, увидясь со мною втайне и сообща подлинник принятой в Генеральном совете провинции их резолюции, данной им от всего общества полной мочи, объяснения о местоположении и обширности провинции их да челобитныя на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имя; просили об отправлении самих их к Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору, для исполнения врученной им комисии. Но как поездка их иногда могла бы огласиться, а к тому же и зная, что такое приезжие иного Высочайшему Вашему Императорскаго Величества двору не доставляют, как токмо нарочитые издержки, того ради я предъявил им столько затруднений, что они без огорчения оное намерение оставили, и удовольствовались поручить мне для посылки к Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору вверенные им от старшин их пиесы"[3].

Важнейшей из этих "пиес" было принятое в октябре 1759 г. решение первых лиц Химары предложить петербургскому кабинету "набор одного или двух национальных наших полков, каковые ныне служат нынешнему монарху гишпанскому, королю обеих Сицилий, и Венецкой республике, с теми, сходствующими с дальним разстоянием российской области кондициями, коих предложение и постановление в волю их предается". Делегаты должны были также довести до сведения российских министров информацию о готовности химариотов произвести, "в случае с Оттоманскою Портою разрыва, возможную диверсию в соседних с нами оттоманских областях, по примеру равных нам как в вере, так и в правлении черногорцев"[4]. Делегаты Химары не получили тогда положительного ответа на свои предложения. Как сообщал сам Обресков в упомянутой реляции Елизавете Петровне, "я, по благодарению за оказанное народом их к Вашему Императорскому Величеству усердие, дал им уразуметь, что будучи они турецкие подданные, то в продолжении настоящаго мира Ваше Импе-

inslav

раторское Величество в высочайшую Вашу протекцию отнюдь [их] не примете, но во время войны услуги их со особливым признанием приниманы будут, и при возстановлении мира о выгодных для их кондициях особливое старание приложится"[5].

Таким образом, хотя предложения химариотов и не были приняты, двери для дальнейших их контактов с Россией не закрывались. Российское правительство полностью одобрило такую позицию своего представителя. Рескриптом Елизаветы Петровны от 8/19 июня 1760 г. ему было предписано в случае обращения к нему депутатов Химары за определенным ответом их "обнадежить всегдашнею благосклонностью" и заверить, что в случае войны с турками их предложения будут приняты "и о пользе их старание приложено будет"[6].

В 1759 г., еще до встречи химариотов с российским министром в Константинополе, в Петербург прибыл из Северной Албании Яков Сума, принадлежавший к видной католической семье Шкодры. В петиции, поданной в июля 1759 г. Елизавете Петровне, этот "депутат Албании", как он сам себя называл, утверждал, что в "Скендери* и Албании", "в случае войны с турками на своем собственном коште против неприятеля числом до шестидесяти тысяч всегда в готовности находятца в поле выступить с оружием, ежели только на то от Вашего Императорского Величества воспоследует высочайшее соизволение, и следовательно неприятелю знатную диверсию в состоянии учинить". Сума предлагал также сформировать из албанцев гусарский полк на российской службе и отправить для обучения в Россию некоторое число албанских юношей из знатных семей[7]. Но и здесь, как и в случае с химариотами, петербургский кабинет не счел целесообразным вступить в мирное время во взаимоотношения, которые могли бы скомпрометировать его перед Портой. Вероятно, также, что русское правительство, имевшее в этом регионе давних и надежных союзников в лице черногорцев, настороженно относилось к другим политическим силам, от имени которых выступал Сума. Самому же Суме, первому албанцу, когда-либо побывавшему с политической миссией в России, не довелось вернуться на родину: он умер 19/30 апреля 1764 г. в Москве[8].

В это время правила уже Екатерина II, при которой российская политика на балканском направлении значительно активизировалась. В 1763 г. для подготовки антитурецких выступлений в ходе надвигавшейся русско-турецкой войны в Грецию были посланы Э. Саро и Г. Папазоли. В ходе своей миссии[2*] российские эмиссары обратили внимание и на Химару как на важный фактор сопротивления османской власти на Балканах.

Ценные сведения о контактах албанцев-химариотов с агентами России и с самим А.Г. Орловым, руководителем первой Архипелагской экспедиции российского флота, содержатся в прошениях и записках химариотов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи. Так, Дж. Бицилли, член одной из самых влиятельных семей Химары, брат П. Бицилли, депутата Химары, встречавшегося с А.М. Обресковым, в прошении на имя Екатерины II от 20/31 июля 1779 г., сообщал, что Г. Папазо-

---

* Скендери (Скандария, Скендерия) — историческая область, охватывавшая смежные районы Северной Албании и Черногории.

2* Подробно о ней см. в главе "Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768—1774 гг. Восстание в Морее".

inslav

ли убеждал его в 1764 г. помочь в осуществлении плана подготовки восстания на Балканах в преддверии русско-турецкой войны: "Среди различных перспектив, он искусно рисовал замысел распространения св. христианской религии, августейшее покровительство Вашего Императорского Величества и самые прекрасные ожидания постоянного благополучия для того, кто встал бы под российское знамя и взялся бы за оружие в нужный момент". Аргументы эти не оставили равнодушным видного химариота. Он отказался от звания капитана венецианской службы и связанного с ним хорошего жалованья, пенсии для себя и своей семьи и посвятил себя подготовке антитурецких выступлений, в которых должна была участвовать не только Химара, но и прилегающие греческие области. По словам Бицилли, "он проехал по различным местам Греции для того, чтобы побудить главных приматов и более надежных жителей-христиан сформировать группы в пользу оружия Вашего Императорского Величества. Ему это удалось сделать посредством этих тайных ходов с 1764 по 1768 гг., после бесконечного числа попыток, опасностей, тягот, издержек, обязательств и ручательств". Бывший венецианский офицер ставил себе в заслугу также и то, что, действуя через этих приматов, он смог убедить многих молодых людей отправиться в Архипелаг на русский флот, где они проявили в сражениях исключительную храбрость, а также то, что сформированные в различных провинциях вооруженные отряды из христиан, в которые входили, однако, также и мусульмане, нападали на турок и производили большие опустошения[9].

В 1769 г. А.Г. Орлов прислал в Химару и соседние провинции В. Папаламбро и А. Адамопуло. Они и другие посланцы Орлова распространяли среди албанцев и греков манифест Екатерины II от 29 января/9 февраля 1769 г. с призывом к балканским христианам сбросить османское иго, обещая "подать всем вам, благочестивые греческие и славенские народы, руку сильной помощи"[10].

Помимо Дж. Бицилли и его брата П. Бицилли, активным помощником русских эмиссаров стал один из приматов Химары граф Антон Джика, живший в Дримадесе (Дермиу). Он, как говорилось в аттестате, данном ему в 1777 г. А.Г. Орловым, "принимал оных людей с опасностию живота своего. А потом, созвав других приматов, объявил им оных людей и манифест и уговаривал их к присяге в верности всемилостивейшей нашей государыне и сам первой оную учинил, чему последовали и многие другие ево примеру, чтоб все способы употребить против общаго врага христианского"[11].

После высадки русских сил в Морее контакты химариотов с представителями России активизировались. А.Г. Орлова в его ставке посетила депутация Химары во главе с П. Бицилли. К сожалению, мы не знаем подробностей этой встречи. Но известно, что А.Г. Орлов 10/21 мая 1770 г. обратился со специальным воззванием к химариотам. Главнокомандующий русскими силами на Средиземном море призвал южно-албанских горцев, которых, по его словам, венецианцы и неаполитанцы использовали без какой-либо пользы для них самих и их детей, послужить Екатерине II и, таким образом, — "нашей святой вере и вашей отчизне"[12].

Видимо, воззвание это сообщил своим землякам П. Бицилли, вернувшийся из Мореи. Известно, что он доставил из Мореи предназначенное для Химары оружие и военное снаряжение. Можно предполагать, что в

inslav

штабе А.Г. Орлова рассчитывали на проведение химариотами диверсии против Порты, как они в свое время обещали А.М. Обрескову. Однако вооруженное выступление этих свободолюбивых горцев против Порты не состоялось. Можно полагать, что химариоты воздержались от вторжения в турецкие владения, так как вскоре обнаружился провал освободительного восстания в Морее. Тем не менее активность русских агентов в Химаре, превращение ее в своего рода российский арсенал вызвали большую тревогу в соседних провинциях Албании. В результате, как отмечал А.Г. Орлов, "нашлись турецкие албанцы принужденными оставаться при своих местах для защищения своих домов, чрез что многое число войска отвлечено от других мест, куда они могли себя употребить противу российских войск"[13].

После ухода русских сил из Мореи война для многих химариотов только началась. Командующий российской эскадрой в Архипелаге адмирал Г.А. Спиридов 12/23 марта 1771 г. обратился с воззванием к христианским народам Балканского полуострова, где говорилось, что "наступило время последний туркам удар сделать и тем всех христиан освободить и из-под ига агарянского, и от изругательства нашего христианского закона и гонения". Адмирал призывал "к сему славному делу храбрых всегда в военных делах християнского закона славян, греков, македонцев, албанцев и румелитов, которые сребро и злато за малое дело ставят, а предпочитают больше всего военную славу и вольность"[14]. Призыв этот нашел широкий отклик на Балканах. Уже в 1771 г. число добровольцев, воевавших вместе с российским флотом, достигло 4 тыс.[15] Общее же число балканских выходцев, участвовавших в 1770 — 1774 гг. в морской войне в Архипелаге, составило, по некоторым данным, 6 тыс. 413 человек[16].

Из этих добровольцев было сформировано 11 батальонов, каждый из которых насчитывал по штату 670 человек. Хотя батальоны эти назывались в официальных донесениях албанскими или албанским войском, но они вовсе не состояли из одних албанцев. Как известно, албанцы в эпоху турецкого господства широко практиковали ремесло наемных солдат, и термин "албанец", или "арнаут", стал нарицательным для обозначения наемного солдата иррегулярных пехотных войск. Но и настоящих албанцев среди волонтеров балканских подразделений на кораблях русской эскадры в Эгейском море было немало. Следует обратить здесь внимание на то, что командирами двух из этих "албанских" батальонов были химариоты — братья Пано и Джика Бицилли, бывшие венецианские офицеры (обычно командиры батальонов подбирались в соответствии с их национальным составом). Албанцы-химариоты в течение четырех лет с честью участвовали во многих операциях российского флота, которые шли не только на островах Архипелага, но распространялись и на прибрежные области Анатолии, Египта, Сирии и Ливана. Немало химариотов, так же как и других балканских добровольцев, погибло в ходе этих упорных и кровопролитных сражений.

Помимо участия в военных операциях, химариоты оказывали России и другие важные услуги в ее военных усилиях. Так, Дж. Бицилли совершил поездку в Черногорию к ее правителю Степану Малому, для того чтобы, по его словам, "договориться там об очень значительных делах". Оттуда он прибыл в Пизу, где находился тогда А.Г. Орлов, привезя с собой важные письма. Во время кампании в Архипелаге Дж. Бицилли, после коман-

inslav

дования батальоном албанцев, исполнял по поручению Г.А. Спиридова должность коменданта острова Санторин[17]. Известный уже нам другой химариот, граф А. Джика, успешно занимался вербовкой албанцев на российскую службу. Затем он прибыл в Ливорно и служил в канцелярии находившегося там А.Г. Орлова. Тот дал такой отзыв о деятельности Джики: "По знанию ево как греческого, так и других языков употреблен он был к письменным делам, которую должность он с полным усердием и с отменным искусством исполнял". После отъезда А.Г. Орлова из Италии А. Джика находился при генерал-майоре И.А. Ганнибале, занимаясь разбором жалоб различных правительств на действия кораблей под российским флагом в Средиземном море. И. Ганнибал "неоднократно одобрял ево поведение, знание в делах и усердие к службе"[18]. Став на службу России, Джика полностью лишился своего имущества в Албании.

Возникает вопрос, что побудило видных химариотов отказаться от престижных и высокооплачиваемых должностей на венецианской и неаполитанской службе, лишиться всего своего состояния и броситься в горнило опасной и тяжелой войны. Один из этих химариотов, Гика Кока Челко, оставивший свою службу капитана в Королевском македонском полку в Королевстве обеих Сицилий и лишившийся большой суммы, которую ему было должно неаполитанское правительство за вербовку албанцев в этот полк, писал доверенному советнику Екатерины II А.А. Безбородко о своей службе тем же чином в "албанском корпусе", в составе российских морских сил в Архипелаге: "Я на собственном моем коште служил с сыном моим и лишился другого, тоже ранен семью ранами; сии раны я претерпевал за веру и от ревности к славе и чести моей фамилии и отечества, причем многие из моих земляков, бывших под моей командой, жизнь свою потеряли"[19].

Следует здесь заметить, что среди мотивов своего участия в войне против Турции на стороне русских Гика Кока Челко называет "ревность к славе и чести отечества". Но под отечеством здесь подразумевается не вся Албания, а ее обособленная область Химара. Однако при всех региональных, конфессиональных, этнографических различиях, характерных для албанцев XVIII в., существовали и факторы, соединявшие их в один народ. Речь идет не только об общности языка, культурных традиций, нравов и обычаев, но и о реминисценциях доосманской эпохи. В центре их стоял идеализированный образ Скандербега, мудрого правителя и выдающегося полководца, успешно боровшегося с османским нашествием. Недаром руководители больших народных движений, имевших антиосманскую направленность, старались вызвать дух великого воина Албании, чтобы объединить и воодушевить албанцев. В период же русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. дух этот сам возник в образе реального лица, потомка Скандербега Феликса Кастриото.

В своем обращении к Екатерине II, направленном Ф. Кастриото 29 июля/ 9 августа 1770 г. из Лейдена (Нидерланды), этот потомок "государей Албании", как он себя называл, утверждал, что распространение в Албании сообщения о его существовании поможет привлечь ее жителей на сторону России:

"Та любовь и почитание, с которыми албанцы хранят память о Скандербеге, должны пробудить всю их смелость при имени Кастриото, если Ваше Императорское Величество захочет распространить среди них [из-

inslav

вестие], что существует потомок их законных государей, который горит желанием посвятить свои дни их счастью. Надежда, что ими будет править потомок их обожаемого государя, побудит их повернуть, ради дела их свободы, оружие, которое сейчас они используют вопреки себе. Они сделают последнее усилие, для того чтобы сбросить иго, которое их терзает; и таким образом они помогут осуществлению планов Вашего Императорского Величества, относящихся ко всей Греции"*.

В случае, если при помощи российской императрицы он будет восстановлен в правах своих предков, Кастриото обязывался стать верным вассалом российской короны. "Обязательство, — продолжал претендент на албанский трон, — которое как узы признательности перейдет к моим потомкам и свяжет Албанию с Российской империей более прочно, чем если бы она держала ее под своим прямым господством"[20].

Перед нами неизвестный проект освобождения Албании посредством восстановления владетельных прав далекого потомка Скандербега. Это был не первый проект подобного рода, выдвинутый в османскую эпоху. От других подобных проектов его отличало то, что представитель видного албанского католического рода обращался за помощью не к папе, дожу или испанскому королю, а к российской императрице. Это очевидное свидетельство большого роста престижа России на Балканах в результате одержанных ею побед в войне с Турцией.

Архивные документы не позволяют установить, какова была реакция Екатерины II на любопытное предложение Ф. Кастриото. Но можно полагать, что императрица не восприняла всерьез инициативу отпрыска знаменитой албанской фамилии. В России, как, впрочем, и во всей Европе, об Албании знали тогда мало, хотя и осознавали, что горная страна сильно изменилась со времен Скандербега. Поднять албанцев на восстание ради восстановления династических прав их христианского государя XV в. в XVIII в., когда половина их уже перешла в мусульманство, было нереально. Доминирующей политической силой в Албании стали уже мусульманские феодалы. В войне 1768 — 1774 гг. они были на стороне Порты и оказали ей существенную поддержку.

Еще до начала войны с Россией, Порта решила предпринять превентивную карательную экспедицию против черногорцев, которые в ходе русско-турецких войн неизменно поднимали восстания против турок. Султан Мустафа III возложил руководство экспедицией на визиря Боснии и бейлербея Румелии. Армия последнего составилась из отрядов семи пашей, в том числе Мехмет-паши Бушати. В августе 1768 г. османские войска с трех сторон вторглись в Черногорию. Поход имел целью не только подчинение Черногории, но и захват тогдашнего ее правителя Степана Малого, принимавшего меры для объединения черногорцев в освободительной борьбе. Однако, натолкнувшись на решительное сопротивление черногорцев, османские силы вынуждены были отступить не добившись ни подчинения этого свободолюбивого народа, ни пленения Степана Малого.

В сентябре 1768 г. Мустафа III объявил войну России, и по всей империи был объявлен сбор солдат. Началась мобилизация человеческих ресурсов и в Албании. В декабре 1768 г. паши Албании и Косово получили

* В данном тексте термин "Греция" употреблен в значении: ареал Балкан, населенный народами "греческого" (православного) исповедания.

inslav

султанские ферманы с приказом набрать и направить в лагерь великого везира на Дунае большую партию наемников — всего 11 тыс. человек. На содержание этого войска была послана из Стамбула значительная сумма из расчета 100 кошельков* на каждую тысячу человек. Меры эти дали свои результаты — в начале 1769 г. из Северной Албании выступил на фронт правитель санджака Дукагин Кахреман-паша с отрядом в 3 тыс. человек и Мустафа-бей, старший сын Мехмет-паши, сумевший набрать 2—2,5 тыс. человек[21].

Между тем, после прибытия в феврале 1770 г. русской эскадры к берегам Мореи, здесь вспыхнуло восстание. Встревоженная возникновением нового фронта в глубине своих владений, Порта настоятельно требует от Мехмет-паши направить своих албанцев на борьбу с греко-русскими отрядами в Морее. Вторжение в Грецию большого североалбанского корпуса численностью до 20 тыс. человек под командованием одного из сыновей Мехмет-паши сыграло важную, может быть, решающую роль в поражении освободительного восстания греков. Албанцы-мусульмане и другие каратели учинили жестокую расправу над жителями Мореи. Как пишет историк Новой Греции, "албанцы-наемники, многие турки Македонии и Фессалии обрушились как саранча на богатый Пелопоннес, центр революционного движения: города разграбляются, провинции опустошаются, значительный ущерб был нанесен большей части церквей и монастырей; и многие, главным образом — богатые купцы (баратеры) и архонды, теряют свое имущество и саму жизнь"[22].

Мехмет-паша не преминул воспользоваться участием своих войск в подавлении Морейского восстания, для того чтобы добиться от Порты упрочения и расширения своей власти в Албании. Для этого существовали благоприятные предпосылки. После гибели своего флота в Чесменской бухте османское руководство снова остро нуждалось в услугах албанского правителя. Наряду с лихорадочным строительством новых кораблей на верфях Стамбула, Порта решила привлечь для участия в морской войне в Архипелаге дульциниотов, располагавших большим флотом. Мехмет-паша получил приказание султана сформировать "морскую армию" из 30 дульциниотских кораблей и 6-тысячного десантного корпуса[23].

В награду за его прошлые и будущие заслуги Порта в соответствии с требованиями паши решила в начале 1772 г. предоставить ему и членам его семьи новые должности и титулы. Мехмет-паша получил третий бунчук и стал, таким образом, везирем — османским сановником высшего ранга. Одновременно он был назначен главнокомандующим "морским войском" и получил в управление Охридский санджак. Высокие должности получили также оба его сына: Мустафе-паше был отдан Эльбасанский санджак, Махмуд-бей был произведен в паши и стал заместителем правителя Шкодры. Таким образом, вся Северная и Центральная Албания и часть Македонии оказались во власти Мехмет-паши. "Является фактом, — констатировал в своем донесении от 18/29 марта 1772 г. венецианский консул в Дурресе А. Пенсо, — что он стал столь могущественным, что от венецианских границ до Манастира власть его абсолютна, и все его боятся"[24]. Усилению Мехмет-паши способствовало и то, что, используя свой мощный "административный ресурс", он смог установить контроль над

* Кошелек (кесе) — мера денежного счета, равная 500 пиастров (курушей).

inslav

сбором государственных налогов и пошлин на значительной территории Албании.

В Османской империи XVIII в. — наряду с деформированной, но еще существовавшей военно-административной системой управления — параллельно действовали другие органы власти, созданные для обслуживания фискальных потребностей государства. В конце XVII в. Порта приступила к реформе откупной системы, введя пожизненные откупы — маликяне. Внеся определенный задаток и платя ежегодные взносы или получив маликяне в дар (это, как правило, относилось к родственникам султана), владелец этой пожизненной аренды приобретал право полного распоряжения источником доходов, в частности, мог уступать его другим лицам в форме краткосрочной субаренды — мукатаа. В XVIII в. мукатаа получила широкое распространение. В реальном плане это была определенная территориальная единица, где откупщик не только собирал государственные налоги, но и был ее фактическим правителем[25].

Эти формы откупной системы получили распространение и в Албании. В середине XVIII в. обширный район Центральной Албании вокруг Дурреса принадлежал в форме маликяне сестре султана Зенепе. Сбор государственных налогов в своем феоде она отдавала ежегодно в аренду, т.е. использовала систему мукатаа. Мукатаа Дурреса, включившая в себя бóльшую часть прибрежной полосы Албании, была лакомым кусочком для албанских феодалов, и они вели ожесточенную борьбу за нее. Чтобы получить ее, использовались связи при стамбульском дворе, заключались семейные союзы, не останавливались и перед физическим устранением соперников. Мехмет-паша активно включился в эту борьбу. Он выдал свою дочь замуж за держателя мукатаа, правителя Каваи Ибрахим-пашу. В 1772 г. Ибрахим-паша умер, и его наследником стал его брат Сулейман-бей, женившийся на вдове брата. Таким образом правитель Шкодры сохранил и упрочил свой контроль над мукатаа Дурреса[26]. В результате под господством Мехмет-паши оказался Дуррес, являвшийся в XVIII в. не только самым крупным портом Албании, но и третьим по значению — после Константинополя и Салоник — портом Европейской Турции.

Пока первый правитель из династии Бушати предпринимал все усилия для укрепления своей власти, Порта настойчиво требовала от него включения в морскую войну в Архипелаге. И Мехмет-паша должен был подчиниться этим требованиям. Его "морская армия", хотя и не в том размере, какой планировала Порта, наконец двинулась в путь. Венецианский вице-консул в Дурресе А. Альбергети сообщал в своем донесении от 25 сентября/6 октября 1772 г.: "В воскресенье, 27го числа прошлого месяца, прибыл на этот рейд Муста Паша, сын визиря Скутари, с десятью рагузинскими кораблями и двенадцатью дульциниотскими. Пробыв здесь пять дней для погрузки груза сухарей и ста человек из Кавайи и Дураццо, он отплыл в Валону, где также предполагается принятие на борт рекрутов, набранных здесь"[27].

В ноябре 1772 г. в Албании распространился слух, что Мустафа-паша потерял в сражении с русскими 12 кораблей и сам был убит[28]. О том, что произошло в действительности, говорят русские источники, так как эскадра Мустафа-паши, выйдя из зоны наблюдения венецианских консулов, стала объектом не менее пристального внимания со стороны русских военных моряков.

inslav

Дело в том, что осенью 1772 г. Порта, воспользовавшись мирными переговорами, шедшими в Бухаресте, и заключенным по этому поводу перемирием на 40 дней (с 10 сентября по 20 октября), решила уничтожить российскую эскадру в Архипелаге. В соответствии с разработанным планом, капитан-паша собирался со всеми имевшимися в Мраморном море кораблями выйти из Дарданелл и напасть на главные силы русского флота на его базе на острове Парос. Важная роль в этой операции предназначалась дульциниотской эскадре под командованием Мустафа-паши. Эта эскадра с десантным корпусом на борту, который планировалось еще усилить за счет албанцев, находившихся в морейских крепостях, соединившись с тунисской эскадрой, должна была одновременно с капитан-пашой атаковать русские корабли на Паросе. А.Г. Орлов, имевший, очевидно, надежный источник информации в канцеляриях Высокой Порты, был заблаговременно извещен об этом коварном замысле и принял свои меры. Как говорилось в его донесении Екатерине II от 7/18 ноября 1772 г., он решил отправить в разные места эскадры, "а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами"[29].

Для наблюдения за дульциниотами главнокомандующий направил в Ионическое море небольшую эскадру под командованием майора И. Войновича. Прибыв со своими кораблями в начале октября 1772 г. в Ионическое море, Войнович нашел здесь семь фрегатов и шебек* из эскадры Мустафа-паши, которые крейсировали между островами Св. Мавра (Левкас) и Паксос, "ожидая тамо соединения всех своих сил". Чтобы узнать намерения дульциниотов, командир российской эскадры прибег к военной хитрости. По донесению самого Войновича, он, "подняв неутральный флаг" (здесь не говорится, о флаге какого государства идет речь), подошел к дульциниотским кораблям и пригласил их капитанов на свой борт. Дульциниоты, посчитав Войновича "славонским капитаном", были с ним весьма откровенны и признались, что целью их эскадры является нападение на Парос. На вопрос Войновича, известно ли им, что между Россией и Портой продолжается перемирие, они ответили, "что не только ни о каком перемирии им не сообщено, но напротив того строго принуждаемо было к скорейшему вооружению эскадры и к выходу в море". Тогда Войнович открыл им, "что находятся они на российском фрегате, где по справедливости могли бы задержаны быть пленниками, однако ж он в разсуждении добровольнаго их к нему приезда и признания, а притом и продолжающегося перемирия оставляет им совершенную свободу возвратиться на их суда; с тем, чтобы немедленно удалясь оттуда, поспешили они объявить Мустафе-паше, дабы он удержался от своих предприятий, а в противном случае принудит он российский флаг к сражению". Но появившийся вскоре сам Мустафа-паша с основными своими силами, не реагируя на предостережение российского командира, продолжил свой путь в сторону Архипелага. Тогда Войнович, оторвавшись от дульциниотов, направился на соединение с отрядом из двух кораблей под командованием капитана 1-го ранга М.Т. Коняева, крейсировавшим между Критом и островом Цериго (Китира)[30].

Как сообщал Екатерине II А.Г. Орлов в своем донесении от 25 ноября/6 декабря 1772 г., он дал М.Т. Коняеву "письменный ордер" "в такой

* Шебека — длинное остроконечное трехмачтовое судно.

inslav

силе, дабы он, теми кораблями подкрепя небольшую графа Войновича эскадру, немедленно следовал на встречу дульциниотов, стараясь не допустить их к соединению с тунисцами и к проходу в Архипелаг, и буде найдет в главнокомандующем паше упрямую дерзость в предприятии, то в таком случае противился бы силою оружия"[31]. Двигаясь вдоль морейских берегов, Коняев узнал, что Мустафа-паша находится уже со своей эскадрой в Патрасском (Патрском) заливе и, ожидая подкреплений, надеется силой пробить себе дорогу в Архипелаг. Коняев, узнав также о разрыве перемирия между Россией и Турцией, решил, что настало время выполнить "ордер" главнокомандующего.

25 октября/5 ноября 1772 г. в полдень российская эскадра подошла ко входу в Патрский залив. В ее составе было семь кораблей: линейные корабли "Граф Орлов" — 64 пушки и "Чесьма" — 74 пушки, фрегаты "Св. Николай" — 26 пушек и "Слава" — 16 пушек, и еще три мелких судна. Всего на эскадре было 222 пушки. В эскадру Мустафа-паши входило 24 корабля: 9 фрегатов по 30 пушек и 15 шебек — на одних по 30, на других по 20 пушек[32]. Если добавить к этим пушкам еще береговую артиллерию трех крепостей — Патраса (Патры) и двух крепостей на противоположных берегах, прикрывавших вход в Лепантский (Коринфский) залив, то количественное преобладание артиллерии османов станет несомненно, чего, однако, нельзя сказать о качественной стороне. В морском бою, завязавшемся 26 октября/6 ноября и продолжавшемся три дня, российская эскадра одержала решительную победу. Она была обеспечена мужеством и решительностью матросов и офицеров, умелым маневрированием Коняева и — не в последнюю очередь — мастерством артиллеристов. Если в Чесменском бою русские победили благодаря брандерам, то в Патрасском сражении решающую роль сыграла корабельная артиллерия. Мустафа-паша, в расчете на свое количественное превосходство действовавший наступательно, ничего не мог противопоставить мощи и меткости огня российских кораблей.

Решающим днем сражения был третий, 28 октября/7 ноября. Утром этого дня, говорится в сделанном А.Г. Орловым описании боя, Мустафа-паша "изготовился к новой атаке, которую и действительно в начале 12го часа пред полуднем учинил он с отчаянною наглостию". Для отражения атаки Коняев приказал своим крупным кораблям стать на якорь, и они обрушили на противника шквал прицельного огня. Автор описания продолжает: "Как скоро только открылись из кораблей и фрегатов батареи с ядрами, книпелями, картечами и брандскугелями... оный [неприятель] не мог выдержать столь жестокого поражения и, будучи разбит, побежал в исходе 12го часа со всею эскадрою к берегам, где, поставя на мель суда, бросился в море, не взирая на сильную картечами пальбу по плавающим туркам, коих не малое число при сем случае побито и потонуло".

Общие итоги Патрасского сражения были катастрофичны для дульциниотов. Из 24 их кораблей уцелело только 7, отбуксированных в Лепантский залив. Велик был и их человеческий урон. Считалось, что не менее 200 солдат и матросов из дульциниотской эскадры было убито и большое число ранено. Много было также сгоревших и утонувших. Хотя в российских донесениях погибшие и раненые с неприятельской стороны называются "турками", но, несомненно, что на самом деле в большинстве своем это были албанцы.

inslav

Среди немногих уцелевших был и командующий дульциниотской эскадрой Мустафа-паша[33]. По некоторым данным, сильно поврежденный флагманский фрегат был подтянут под защиту береговых пушек крепости Рион, прикрывавшей с южной стороны вход в Лепантский залив. Корабль вскоре затонул, а самому Мустафе-паше удалось перебраться на сушу[34].

Российская эскадра не потеряла в бою ни одного корабля. Человеческие же потери составили: один убитый и четверо раненых[35].

Разгром дульциниотской эскадры сорвал замыслы Порты по уничтожению российского флота в Архипелаге. Капитан-паша, вместе со всем турецким флотом и алжирской эскадрой стоявший в полной готовности в Мраморном море, не осмелился после этого выйти из Дарданелл. До конца войны господство россиян в Архипелаге было обеспечено. Как констатировал А.Г. Орлов в донесении Екатерине II от 25 ноября/6 декабря 1772 г., русский флот в Архипелаге, "по истреблении дульциниотов, на коих Отоманская Порта всю свою полагала надежду, ласкаясь в предприятиях успехом, находится ныне в таком состоянии, что не мало не опасны уже оному неприятельския покушения"[36].

После разгрома так называемой морской армии, ядро которой составляли албанцы, Порта продолжала требовать от албанских пашей отправки новых подкреплений в главную турецкую армию на Дунае. В Шкодру был послан султанский ферман с приказанием Мехмет-паше выступить на борьбу с русскими с 10-тысячной армией. Однако албанский везир уклонялся от выполнения распоряжений Порты, ссылаясь на угрозу для него, исходившую из Черногории[37].

Невыполнение распоряжений султана создало растущую напряженность между Стамбулом и Шкодрой. В Европейской Турции, которую и так уже раздирали анархия и сепаратизм, появился новый непокорный властитель. Однако избавиться от него, как того хотели в османском руководстве, было не так просто. Маленький провинциальный паша, каким являлся Мехмет-паша до начала русско-турецкой войны 1768—1774 гг., использовав заинтересованность Порты в военных ресурсах Албании, стал могущественным правителем, распространившим свою власть не только на значительную часть ее территории, но и на прилежащие области Косово и Македонии. Хотя везир Шкодры и не стал на путь открытого неповиновения султану, но он ставил на первое место собственные интересы и выполнял только те распоряжения центральной власти, которые им не противоречили.

Мехмет-паша Старый, первый представитель правившей в Шкодре до 1831 г. албанской феодальной династии Бушати, скончался 3/14 июля 1775 г. Вскоре после его смерти распространились слухи, что он был отравлен по приказу Порты. Версия эта повторяется и в ряде трудов по истории Албании[38]. Но албанский историк С. Начи, автор единственной существующей монографии о Шкодринском пашалыке, убедительно доказывает, что Мехмет-паша не был отравлен, а скончался после непродолжительной болезни. Албанский исследователь при этом справедливо замечает, что само распространение слухов об отравлении Мехмет-паши свидетельствует о том, какую политическую опасность стал представлять для Порты этот могущественный албанский феодал[39].

Процесс концентрации политической власти, начавшийся на севере Албании, распространился и на юг страны. Здесь с 1764 г. правил Ахмет Курт-

inslav

паша, сочетавший должность мутасаррыфа Влёрского санджака с положением дербенджи-паши — начальника дорожной стражи западных районов Европейской Турции. С момента обоснования своего в Берате, ставшего столицей его санджака, он использовал находившиеся под его командованием военные отряды для подчинения соседних пашей. Как и Мехмет-паша, Ахмет Курт-паша старался извлечь выгоды из своего положения, выступая как партнер в торговых операциях бератских купцов. Таким образом, после русско-турецкой войны 1768—1774 гг. в Албании сложилось два центра политической власти — Шкодра и Берат. Порта после окончания войны стала ориентироваться на Ахмета Курт-пашу, выступавшего как послушный султану губернатор. В начале 1775 г. была отнята у Мехмет-паши и передана Ахмету Курт-паше мукатаа Дурреса. В результате этот лакомый кусок доходов и власти стал предметом ожесточенных столкновений между правителями Шкодры и Берата, которые выливались в настоящие войны.

Политика "разделяй и властвуй" помогала Порте до времени сохранять в своем подчинении, хотя бы номинально, воинственное и свободолюбивое население Албании. И после русско-турецкой войны роль самостоятельного политического фактора Албании продолжала играть Химара. Правда, влияние ее в Южной Албании уменьшилось в результате политики Ахмет Курт-паши, стремившегося устранить или ограничить других держателей власти в регионе. В то же время в результате русско-турецкой войны дальнейшее развитие получили связи этой южно-албанской области с Россией. Многие из химариотов, сражавшихся в ходе войны в составе "албанских батальонов", после ее окончания переселились с семьями в Россию. Они обосновались в прибрежных черноморских областях, отошедших к России по Кючук-Кайнарджийскому миру. Некоторые из переселенцев продолжили военную службу в России в составе "Албанского войска" ("Греческого полка") — подразделений, сформированных из балканских волонтеров в причерноморских районах России. Офицерские должности в этих подразделениях также занимали химариоты. Выходцы из влиятельных семей Химары, они, особенно в первые годы своего пребывания в России, выступали и как представители своего автономного албанского края перед российскими властями. Большую активность в этом плане проявлял Пано Бицилли, который, как уже говорилось, впервые представлял Химару перед российским резидентом в Константинополе А.М. Обресковым еще в 1760 г.[40]

В 1775 г., по словам самого Бицилли, он был послан А.Г. Орловым в Петербург "в звании депутата от своей нации". О целях этой миссии можно судить по записке видного химариота, представленной правительству России, в 1777 г. Он просил, чтобы российскому министру в Константинополе было дано указание добиваться издания султанского фермана пашам Южной Албании о "прощении" химариотам предпринятых ими в ходе минувшей войны действий в пользу России. "Капитан Пано Бицилли, депутат, — говорилось в заключение в записке, — всесильно просит, дабы помянутая провинция всегда под российскою протекциею была"[41]. Мы не располагаем сведениями, был ли предпринят соответствующий демарш российским посланником в Константинополе, но определенно, что отношения между Россией и химариотами продолжали укрепляться.

Химариоты, владевшие, как правило, греческим и итальянским языками — международными языками Балкан и Леванта в XVIII в. — и хорошо

inslav

знавшие обстановку в западной части Балкан, использовались российским правительством и для консульской службы в этом регионе. В 1783 г. брат Пано Бицилли Джика был назначен генеральным консулом России на Кефаллонии (Кефаллиния). Сам П. Бицилли в 1785 г. получил консульскую должность с характерным титулом: "Генеральный консул России в Албании и Химаре". Другому химариоту, графу Антону Джике, в том же году был доверен важный пост генерального российского консула в Рагузе (Дубровник).

В конце XVIII – XIX в. химариоты продолжали участвовать в военно-политических акциях России на Балканах. В российских правящих кругах к ним относились как к дружественному народу и по возможности оказывали им покровительство.

Судьба же албанцев, которые помогли Порте подавить освободительное восстание в Морее, была незавидной. После окончания русско-турецкой войны отряды мусульманских беев, главным образом из Южной Албании, остались в Морее. Теперь Порта уже не нуждалась в их услугах, тем более что они начали проявлять свое недовольство. В 1779 г. в Морею прибыл капитан-паша Хасан с армией и флотом, учинивший кровавую резню албанцев. События в Морее усилили антитурецкие настроения в Албании. А Махмуд-паша, сын Мехмет-паши, взявший в 1776 г. в свои руки власть в Шкодре, встал на путь открытого мятежа.

[1] *Naçi S.* Pashalleku i Shkodrës nën sundimin e Bushatllive në gjusmën e dytë te shekullit XVIII (1757 – 1796). Tirane, 1964. F. 77.
[2] Ibid. F. 43.
[3] Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1760 г. Д. 3. Л. 112 – 113.
[4] АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1759 г. Д. 35. Л. 1 – 2.
[5] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1760 г. Д. 3. Л. 113.
[6] См.: *Лавров П.А.* Петр II Петрович Негош. М., 1887. С. 9 – 10.
[7] Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 130. Л. 73 – 74.
[8] АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 3464. Л. 2.
[9] АВПРИ. Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. Д. В-119. Л. 2 – 3.
[10] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 291.
[11] АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1777 – 1800 гг. Д. 1531. Л. 2.
[12] См.: Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 155.
[13] АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1777 – 1800 гг. Д. 1531. Л. 2.
[14] Политические и культурные отношения... С. 300.
[15] *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами, 1769 – 1774 гг. СПб., 1874. Т. 3. С. 281.
[16] *Боев Р.* Военно-политическое сотрудничество между балканскими народами и Россией в ходе русско-турецкой войны // Etudes balkaniques. Sofia, 1975. N 2. P. 124; *Pappas N.* Greeks in Russian Military Service in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Thessaloniki, 1991. P. 74.
[17] АВПРИ. Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. 1779 г. Д. В-119. Л. 2 – 3.
[18] АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1777 – 1800 гг. Д. 1531. Л. 2.
[19] Там же. Д. 5031. Л. 34.
[20] АВПРИ. Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. Д. С-47. Л. 1 – 2.
[21] *Naçi S.* Op. cit. F. 94.

inslav

[22] Βακαλοπούου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1973. Τ. Δ΄. Σ. 395.
[23] *Naçi S.* Op. cit. F. 96—97.
[24] Ibid. F. 264.
[25] См.: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 75, 157.
[26] *Naçi S.*Op. cit. F. 98—100.
[27] Ibid. F. 269.
[28] Ibid. F. 103.
[29] Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 28.
[30] Там же. С.31—32.
[31] Там же. С. 32.
[32] *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг // Избранные произведения академика Е.В. Тарле. Ростов-н/Д, 1994. Т. IV. С. 86.
[33] Академик Е.В. Тарле пишет, что в Патрасском сражении дульцьниотами командовал капитан-паша... (*Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 86). Это неожиданное суждение возникло из-за элементарной ошибки М.Т. Коняева, принявшего адмиральский флаг Мустафа-паши, поднятый на грот-стеньге его корабля, за флаг капитан-паши. См. донесение М.Т. Коняева контр-адмиралу А.О. Елманову от 18 (29) ноября 1772 (Материалы... Ч. XII. С. 28.)
[34] Материалы... Ч. XII. С. 30.
[35] Там же. С. 34.
[36] Там же. С. 35.
[37] *Naçi S.* Op. cit. F. 103.
[38] Такой версии придерживался ранее и автор данного текста. См.: Краткая история Албании. М., 1992. С. 85.
[39] *Naçi S.* Op. cit. F. 110—111.
[40] АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп.2/6. 1798 г. Д. 1656. Л. 13.
[41] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1777 г. Д. 126. Л. 6.

inslav

Албания: Махмуд Бушати и Али-паша Тепелена

Двадцатилетнее правление Махмуд-паши Бушати ознаменовалось постоянными конфликтами и войнами. "Человек молодой, храбрый и предприимчивый", по словам российского посланника в Константинополе Я.И. Булгакова[1], Махмуд-паша повел энергичную борьбу за расширение своего пашалыка.

В июне 1785 г. Махмуд-паша с 20-тысячной армией вторгся в Черногорию и вскоре занял Цетинье. Завоеванные районы были обложены данью. Однако Махмуду Бушати, как и его предшественникам, не удалось покорить Черногорию. Через короткое время свободолюбивые горцы восстановили свою независимость.

По возвращении из Черногории Махмуд-паша предпринял поход против правителя Бератского пашалыка Ахмета Курт-паши. Разбив его войска, он присоединил к своим владениям крупный торгово-ремесленный город Эльбасан.

В последующие годы Махмуд-паша продолжал расширять границы пашалыка и укреплять свою власть, изгоняя назначенных Портой чиновников и заменяя их своими людьми. Это вызвало наконец решение султана Абдул-Хамида I объявить шкодринского пашу мятежником. В марте — апреле 1787 г. паши Европейской Турции получили султанские ферманы, в которых правитель Шкодры объявлялся "главарем бунтовщиков", а пашам предписывалось немедленно выступить против него в поход.

Несмотря на громы и молнии, которые султан метал против "мятежника", не только в Албании, но и далеко за ее пределами были распространены настроения сочувствия и симпатии по отношению к последнему. Об этом писали в своих донесениях российские консулы, находившиеся в разных районах султанских владений в Европе. Так, согласно сообщению, сделанному в апреле 1787 г. П. Бицилли, генеральным консулом в Албании и Химаре, о Махмуд-паше говорили, что "он очень хорошо управляет своим государством, справедлив ко всем — как к богатым, так и к бедным, относится к Порте как нужно, но не хочет, чтобы другие господа получали обычные подарки. По этой причине его изображают мятежником"[2].

Для военных операций против Махмуд-паши Порта сформировала две армии. Первая из них, численностью около 40 тыс. человек под командованием бейлербея (генерал-губернатора) Румелии Мехмед-паши Айдослы, должна была действовать против Шкодринского пашалыка с востока и с юга. Второй армии, численностью в 16 — 17 тыс. во главе с губернатором

inslav

Боснии Селим-пашой, предписывалось наступать на Шкодру с севера. К берегам Албании отплыла и турецкая эскадра под флагом Хасан-паши в составе двух линейных кораблей, пяти фрегатов и нескольких мелких судов.

Махмуд-паша со своей стороны тщательно готовился к войне с султаном. Стремясь заручиться поддержкой широких слоев населения, он использовал традиции борьбы албанцев против османского нашествия и всегда популярное в Албании имя ее руководителя Скандербега. В апреле 1787 г. российский консул в Далмации А. Палладоклис сообщал в Петербург, что Махмуд-паша "кует на свое имя деньги, называя себя потомственным наследником славного Георгия Кастриота Скандербея, собирает всеми силами войска под предводительством Гасан Ота"[3].

Начало военных действий ознаменовалось успехами Махмуд-паши, нанесшего в мае 1787 г. поражение войскам бейлербея в районе Скопье. Но затем военная ситуация изменилась. Помимо численного перевеса султанской армии, решающую роль сыграл переход большинства мусульманских феодалов на сторону султана. К концу августа вся территория Шкодринского пашалыка была оккупирована султанскими войсками. Правда, им не удалось захватить самого пашу, успевшего укрыться с 2—3 сотнями верных бойцов в шкодринской цитадели Розафат. Современникам положение Махмуд-паши казалось безнадежным. Но проходили недели, а Розафат продолжал держаться. Безрезультатность этой осады, возникшие в турецком лагере перебои с продовольствием и боеприпасами и, в довершение всего, поступившие известия о начале русско-турецкой войны вызвали среди осаждающих замешательство, а у осажденных — воодушевление. К тому же симпатии шкодринцев и окрестных жителей были всецело на стороне Махмуд-паши, а осаждающая армия сумела за короткое время настроить против себя местное население. Султанские войска разоряли сады, разрушали дома, грабили села, поджигали церкви и монастыри. Торговцы и ремесленники страдали от застоя в делах, а все горожане — от дороговизны. Всеобщая ненависть к оккупантам вскоре вылилась в антитурецкое восстание, охватившее Северную Албанию.

Восстание началось в Шкодре в ночь на 14/25 ноября 1787 г. Жители квартала кожевников напали на войска бейлербея. Одновременно по туркам ударил гарнизон Розафата во главе с Махмуд-пашой. Застигнутая врасплох турецкая армия была разбита и в беспорядке бросилась бежать к реке Дрин. Однако переправиться через Дрин удалось немногим. Отряды горцев во главе с капитаном Мирдиты, заняв заранее переправы, довершили разгром султанской армии. Потери турок только убитыми составили около 6 тыс. человек. В результате понесенного поражения армия бейлербея совершенно распалась. Самого бейлербея посланные Портой в действующую армию чауши* с трудом разыскали где-то в Румелии. С ним было всего семь человек. Победе албанцев способствовал разлад в самом турецком лагере. Боснийский паша не участвовал в сражении: по одним сведениям, он еще до начала боя покинул со своим войском лагерь осаждающих; по другим же — хотя и находился там, но лишь в качестве праздного наблюдателя, и после развязки без каких-либо помех со стороны Махмуд-паши вернулся в Боснию[4].

---

* Чауш (тур.) — военно-административный чин в Османской империи. Чауши часто использовались в качестве чиновников по особым поручениям.

inslav

Значение разгрома армии бейлербея вышло далеко за рамки конфликта между султаном и его непокорным вассалом. Со времени Скандербега османские завоеватели еще не терпели такого поражения в Албании. Сила полученного ими удара определялась совместным участием в борьбе широких слоев населения — горцев и горожан, крестьян и ремесленников, мусульман и христиан.

Победа, одержанная Махмуд-пашой, имела и международный резонанс. Особое внимание события в Северной Албании привлекли в Петербурге. В правительственных кругах России сочли целесообразным, в обстановке все более разгоравшейся войны с Османской империей, установление политических контактов с пашой Шкодры, не только лишившим Порту весьма важных для нее военных ресурсов Северной Албании, но и отвлекшим своим мятежом значительные турецкие силы с берегов Дуная.

В инструкции, направленной посланнику 24 декабря 1787 г. /4 января 1788 г. по этому поводу вице-канцлером И.А. Остерманом в Венеции А.С. Мордвинову, говорилось: "По поводу разных Ваших донесений о паше скутарском, Ея Императорское Величество указать мне изволила препоручить Вашему Превосходительству, чтоб приложили Вы всевозможное старание открыть с ним надежное сообщение для ободрения его на дальнейшее и неослабное противуборствование туркам"[5].

Со своей стороны Махмуд-паша был также непрочь завязать внешнеполитические связи, в частности, с Россией. Нет серьезных оснований считать, что правитель Шкодринского пашалыка хотел вести дело к полному разрыву с Портой и созданию независимого албанского государства. Влиятельные общественные круги Северной Албании выступали за сохранение зависимости от Османской империи и примирение с султаном, и Махмуд-паша, хотел он того или не хотел, должен был считаться с их позицией. Но шкодринский правитель стремился обеспечить для себя лазейку и на тот случай, если Порта не пойдет на примирение и будет упорствовать в стремлении уничтожить его власть.

В мае 1788 г. в Шкодре побывал российский эмиссар майор С. Миркович. По его впечатлениям, политическая обстановка в Северной Албании была в то время острой и сложной. Противники каких-либо контактов Махмуд-паши с христианскими державами настороженно следили за его действиями. В этих условиях переговоры между российским представителем и Махмуд-пашой должны были вестись в глубокой тайне. Паша поручил их ведение одному из своих приближенных, Мурат-аге Аджеми. В них участвовали также доверенные люди шкодринского правителя: монах-францисканец Э. Франкини ди Баньо и член влиятельной католической семьи Шкодры Я. Сума, выполнявший в городе функции венецианского консула, но действовавший в данном случае без какого-либо ведома венецианских властей[6].

Результаты переговоров были зафиксированы в форме письма от имени Махмуд-паши российскому министру в Венеции А.С. Мордвинову. Здесь были изложены условия военного сотрудничества североалбанского правителя с Россией: после предполагавшегося прибытия русского флота на Средиземное море надлежало выделить для поддержки его с моря шесть линейных кораблей и несколько фрегатов и выдать ему субсидию в размере 60 тыс. дукатов для привлечения на его сторону соседних пашей*.

---

* В конце XVIII в. один дукат приблизительно равнялся трем рублям.

inslav

Махмуд-паша со своей стороны брал обязательство: "Я же обязуюсь, получа помянутую сумму денег и корабли, собрать тотчас мои сухопутные войска, овладеть всею Албаниею и Македониею и внесть мое оружие в самой Салоник и Монастырь, и тем самым открыть удобный путь войскам российским в Константинополь".

Паша оговаривал также политический статус земель, которые он подчинит своей власти: "Земли, завоеванныя моим войском, после замирения должны быть под покровительством Вашей Императрицы, но с тем, чтоб позволено было в оных вольное отправление нашей веры, сооружение мечетов и всего, что принадлежит к нашим обычаям и обрядам, как то позволено в Крыму и других провинциях российских"[7].

По сведениям Мирковича, Махмуд-паша придавал большую важность заключению союза с Россией: "В надежде такой он находится, что говорит: когда соединен буду с Россиею, тогда целый свет пусть на нас идет, бояться не будем, и просит только Бога, чтоб российский флот сюда приехал скорее"[8]. В июне 1788 г., в связи с началом русско-шведской войны, поход российского флота на Средиземное море был отменен. Но происшедшие еще до этого драматические события в Шкодре сделали сотрудничество России с албанским пашой невозможным.

В январе 1788 г. в войну против Османской империи вступила Австрия. Габсбургская монархия создала себе прочные позиции на Балканах в результате успешных войн с Османской империей в XVII—XVIII вв. Считая Северную Албанию своей сферой влияния, австрийское правительство было недовольно контактами русских агентов с Махмуд-пашой. Австрийский император Иосиф II направил в июне 1788 г. в Шкодру своего личного представителя де Броньяра с поручением убедить Махмуд-пашу предпринять наступательные операции в направлении Боснии, для того чтобы помочь воевавшей там с турками австрийской армии. Посланец венского двора прибыл в столицу Северной Албании в разгар шедшей здесь острой борьбы между приверженцами Порты и сторонниками соглашения с христианскими державами. Тем не менее переговоры, продолжавшиеся неделю, закончились вполне благополучно. Махмуд-паша обещал выступить против турок и действовать вместе с черногорцами и присланными в Черногорию австрийскими войсками. Иосиф II же выразил намерение, в случае полной победы в войне, взять Албанию под свое покровительство, а при нерешительном ее исходе — добиться для мятежного паши амнистии и признания его пожизненным правителем Северной Албании. Австрийцы выдали Махмуд-паше 50 тыс. дукатов на военные издержки[9].

Соглашение, однако, не было реализовано. Де Броньяр и его спутники, закончив переговоры с Махмуд-пашой, вечером 10/21 июня выехали в Черногорию, но не успели они отъехать от Шкодры, как на них напала сопровождавшая их охрана. Де Броньяр и два австрийских офицера были убиты. До сих пор неизвестно, пали ли австрийцы жертвой вероломства Махмуд-паши или же это была провокация со стороны тех феодальных кругов Шкодры, которые любой ценой стремились сорвать переговоры шкодринского правителя с Россией и Австрией и добиться примирения с султаном. Так или иначе, но после убийства посланцев австрийского императора Россия и Австрия прекратили всякие сношения с Махмуд-пашой. Вслед за тем австрийские агенты организовали нападение черногорцев на его владения.

inslav

Когда дела приняли такой оборот, Порта, нуждавшаяся в военных ресурсах Албании, проявила склонность "простить" Махмуд-пашу при условии, что тот примет участие в военных действиях. Махмуд-паша принял это условие. В августе 1789 г. недавний мятежник был подтвержден в своей должности шкодринского паши и получил третий бунчук* и звание сераскера (главнокомандующего) Албании.

В годы, когда из-за мятежа Махмуд-паши Порта фактически утратила контроль над Северной Албанией, в Южной Албании в ходе внутрифеодальной борьбы усилился Али-паша Тепелена, также создавший из подвластных ему районов полунезависимый пашалык.

Али-паша Тепелена, или Али-паша Янинский, приобрел благодаря Байрону и Дюма широкую, но полулегендарную известность. Опубликованные с тех пор документальные материалы и исследования позволяют воссоздать более достоверную историю его возвышения и деятельности.

Родился он около 1750 г. в семье беев, наследственных правителей небольшого южно-албанского городка Тепелена. Его отец, Вели-паша, некоторое время управлял и Дельвинским санджаком. После смерти Вели-паши для его семьи наступили трудные дни. Другие беи захватили власть в Тепелене. Али, называвшийся тогда еще Али-беем, занялся разбоем и, разбогатев таким путем, набрал большой военный отряд и с его помощью восстановил власть своей семьи в Тепелене. В начале 80-х годов XVIII в. в Южной Албании царило большое возбуждение, вызванное истреблением албанцев в Морее. На борьбу с правительственными войсками выступило несколько отрядов, в том числе отряд Али-бея численностью около 8 тыс. человек. Али-бей летом 1782 г. вел в районе Янины успешные бои с войсками Ахмета Курт-паши — наместника султана в Южной Албании. Отвага и военный талант, проявленные Али-беем в этих боях, сделали его имя весьма популярным в Северной Албании.

Порта пыталась приручить Али-бея. В начале 1784 г. он был произведен в паши и принят со своим отрядом в турецкую армию. Через два года, в 1786 г., Порта назначила его на пост правителя Триккальского санджака (Фессалия), а в следующем, 1787 г., после смерти Ахмета Курт-паши, — и на пост дербенджи-паши.

Благосклонность Порты к Али-паше объяснялась тем, что в Стамбуле рассчитывали использовать его для борьбы с Махмуд-пашой. Однако Али-паша заботился прежде всего о своих собственных интересах. Во время похода армии бейлербея на Шкодру он вступил в тайные сношения с Махмуд-пашой, а к моменту военной развязки его и вовсе не оказалось в турецком лагере под Шкодрой.

Более того, воспользовавшись тем, что силы и внимание Порты были отвлечены борьбой с Махмуд-пашой и начавшейся войной с Россией, Али-паша в том же 1787 г. подчинил своему господству столицу Эпира — крупный торгово-ремесленный город Янину — и сделал ее центром своего нового пашалыка, включившего в себя Фессалию, Эпир и часть Южной Албании.

Следует заметить, что по своей национальной структуре Янинский пашалык существенно отличался от Шкодринского. Если население Шкодринского пашалыка в основном составляли албанцы, то в Янинском паша-

* Трехбунчужный паша — высший чин в турецкой военно-феодальной иерархии.

inslav

лыке преобладали греки. Положение греков и албанцев в общественном устройстве пашалыка было неодинаково: греки представляли собой основную массу податного населения; из албанцев же состояла армия Али-паши, главным образом албанские беи занимали военные и административные должности.

В самой Албании Али-паше в начале его правления принадлежала лишь небольшая часть ее территории. После смерти Ахмета Курт-паши власть в Южной Албании захватил его зять Ибрахим-паша, разделивший ее со своим братом Джаффер-пашой. Главным и почти единственным владением Али-паши здесь была его родина Тепелена.

Этот южно-албанский городок стал второй резиденцией янинского правителя, где он в случае надобности собирал войска, принимал иностранных дипломатов и именитых гостей (в 1809 г. — великого поэта Байрона).

Но в 1787 г. позиции его были еще весьма шаткими, причем не только в Южной Албании, но и в Эпире, который Порта передала ему в управление. В прибрежной области Эпира, населенного тогда чамами, одной из групп албанского этноса, правили своевольные и воинственные мусульманские феодалы, мало считавшиеся с янинским пашой.

Еще большей самостоятельностью пользовалась небольшая горная страна Сули, расположенная к северо-востоку от Парги. Она представляла собой самоуправляющуюся общину православных албанцев, позднее эллинизировавшихся, насчитывавшую 11 деревень с населением в 10—11 тыс. Его основным занятием было скотоводство. Сулиоты, среди которых было примерно 1 тыс. 500 человек, хорошо владевших оружием, сумели не только отразить нападение окружающих их турецких пашей, но и взять под свое "покровительство" 66 соседних деревень, взимая с них дань как продуктами, так и деньгами[10].

Али-паша, стремившийся установить эффективный контроль над всей территорией своего пашалыка, вскоре после прихода к власти начал борьбу за подчинение Сули. Первым актом этой упорной и долгой борьбы, продолжавшейся 14 лет, была война с сулиотами, начавшаяся в феврале 1789 г. Поначалу она складывалась неудачно для Али-паши. Положение усугубило выступление против него коалиции албанских феодалов, встревоженных его усилением, в которую вошли правитель Берата Ибрахим-паша, его брат — правитель Влёры Джаффер-паша, правитель Дельвины Мустафа-паша, беи Гирокастры. За их спиной, по-видимому, стояла Порта, пытавшаяся таким способом ликвидировать новый полунезависимый пашалык. Союзники захватили находившуюся под властью Али-паши Корчу и стали продвигаться к Янине. Али-паша спешно заключил мир с сулиотами и направил все свои силы против коалиции. Жестокая война шла все лето. В конце концов Али-паша, внеся разлад в лагерь противника, смог одержать верх и снова овладел Корчей. Победа над феодальной лигой привела к упрочению власти янинского правителя, что благоприятно отразилось на положении многих тысяч его "подданных".

Внутренняя политика Али-паши способствовала упрочению управления, установлению безопасности, улучшению положения христианского населения. В условиях хаоса и феодальной анархии, царивших в Османской империи в конце XVIII в., эта политика имела положительное значение и нашла благоприятный отклик у современников. Например, выходившая в Вене греческая газета "Эфемерис", ссылаясь на "письма из мно-

inslav

гих мест Румелии", писала 30 декабря 1791 г. о "благоденствии райи" под властью Али-паши и о том, что он обеспечил в своих владениях "совершенное спокойствие для христиан"[11].

С момента создания своего пашалыка Али-паша стремится завязать связи с европейскими державами и заручиться поддержкой какой-либо из них. Искать иностранного покровительства янинского правителя побуждала постоянная угроза со стороны Порты, а также желание обеспечить свои интересы на случай представлявшегося тогда вполне вероятным распада Османской империи. Несомненное влияние России на судьбы Османской империи, тяготение к ней православного населения Албании и Греции придавали в глазах Али-паши расположению этой державы особое значение. Попытки заручиться покровительством России неоднократно предпринимались Али-пашой на протяжении 35 лет его правления (1787 – 1822). Первая из них была предпринята в ходе русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг.

В июне 1791 г. на остров Каламос, в Ионическом море, где находилась ставка главнокомандующего военно-морскими силами России на Средиземном море генерала В.С. Томары, прибыла делегация от Али-паши. Делегаты привезли с собой проект союзного договора между янинским правителем и Россией. "Али-паша, – говорилось в преамбуле договора, – предлагает готовность свою предаться России и сделать в пользу оной в своих местах купно с греками диверсию". Договор предусматривал признание Али-паши в качестве "владетельного государя" под покровительством России. Из других статей договора явствовало, что осторожный паша не спешил с открытым выступлением против Порты: он соглашался начать его лишь в случае предоставления российским правительством значительной военной и финансовой помощи. Скорее всего основной смысл договора для янинского правителя состоял в его 9-й статье, которая гласила: "Если бы сие дело по заключении договора и не возымело совершенного успеха, Россия обязана будет всегда взирать на Али-пашу как на союзника, от нее зависящего, и употреблять в мирное время влияние свое при Порте Оттоманской для защищения его, равно же и помогать ему под рукой, если бы султан употребил во вред его военные силы"[12].

Переговоры между представителями России и Али-паши, начавшиеся на острове, в Ионическом море, были продолжены на берегах Дуная, где Али-паша со своим отрядом находился в составе армии великого визиря. В ставке Г.А. Потемкина в августе 1791 г. произошла его встреча с доверенным лицом Али-паши Мехмед-эфенди Бульчи. Так как военные действия уже прекратились и был подписан прелиминарный мирный договор, то главнокомандующий российской армией обещал Али-паше, что после заключения мира при нем будет находиться российский консул, а российский посланник в Константинополе будет отстаивать его интересы перед Портой. В личном письме от 24 августа/4 сентября 1791 г. Потемкин заверил эпирского правителя в своем желании продолжать связи с ним и выполнить взятые на себя обязательства: "Все, что сообщило мне Ваше доверенное лицо, доставило мне истинное удовольствие, и Вы увидите в дальнейшем, как я буду постоянно стараться доказать Вам на деле свои чувства"[13]. Но через полтора месяца Потемкин скончался, и данные им обещания не были выполнены. Да и, по большому счету, интерес России к Балканам упал в связи с началом Французской революции.

inslav

Сам же Али-паша надеялся на восстановление связей с Россией, важных для его политического существования. Усиление могущества и самостоятельности еще одного албанского владетеля вызвало беспокойство Порты, которая не прекращала попытки подорвать власть Али-паши. Однако наибольшую опасность в Албании для нее по-прежнему представлял Махмуд-паша.

После окончания войны с Австрией и Россией Порта решила окончательно свести счеты с Махмуд-пашой. В конце 1792 г. шкодринский правитель снова был объявлен "ферманлы"*. Военную экспедицию возглавил бейлербей Румелии Бекир-паша. Военные действия начались летом 1793 г.

В середине августа 1793 г. Махмуд-паша с отрядом в 10 тыс. человек занял позиции у Лежи, чтобы воспрепятствовать переправе войск бейлербея через Дрин. Узнав, однако, что другая часть турецких войск под командованием Караман-паши продвигается со стороны Косово, и боясь оказаться между двух огней, Махмуд-паша спешно вернулся в Шкодру и заперся в Розафате с 4 сотнями наиболее храбрых и преданных ему людей.

Турецкая армия, осадившая Розафат, насчитывала 30—35 тыс. человек, но с первых же дней выяснилась ее слабость: у нее не имелось достаточного количества осадных орудий, не хватало продовольствия и боеприпасов, а главное — отсутствовала какая-либо дисциплина. Занимаясь грабежами, турецкие войска, как и в предшествующую осаду Розафата, озлобили против себя местное население. Махмуд-паша умело использовал создавшуюся ситуацию. Опираясь на поддержку шкодринских горожан и горцев, он в ночь на 19/30 ноября 1793 г. совершил со своим небольшим отрядом смелую вылазку и наголову разбил застигнутые врасплох войска бейлербея. Оставив на поле боя много убитых и большие трофеи, турецкая армия обратилась в бегство, во время которого понесла большой урон от нападений отрядов крестьян и горцев. Когда бейлербей через две недели добрался до Эльбасана, он привел с собой меньше половины своей прежней армии[14].

М.И. Кутузов, тогда посол в Турции, следующими словами характеризовал сокрушительное поражение султанских войск под Шкодрой: "Румелийский бейлербей был разбит по всем швам Махмудом-пашой из Скутари"[15].

Таким образом, Порта за шесть лет потерпела два сокрушительных поражения в борьбе со шкодринским мятежником. Не имея никакой уверенности в том, что дальнейшие попытки будут более успешными, она решила еще раз "простить" Махмуд-пашу. После длительных переговоров, тянувшихся до марта 1795 г., султан Селим III подтвердил Махмуд-пашу в звании трехбунчужного паши и сераскера Албании. Со своей стороны Махмуд-паша должен был внести в казну задолженность по налогам за предшествовавшие годы и разрешить султанским сборщикам собирать в его владениях новые налоги, введенные в Османской империи в соответствии с низам-и-джедидом[2*].

Махмуд-паша и не думал выполнять эти обязательства. Шкодринский пашалык стал фактически независимым от Порты. Все административные

---

* Ферманлы — лицо, объявленное в султанском фермане мятежником, приговоренное заочно к смертной казни.

2* Низам-и-джедид (тур.) — букв. "новый порядок" — цикл реформ, проводившихся султаном Селимом III в сфере управления.

inslav

посты в своих владениях Махмуд-паша замещал членами своей семьи или другими албанскими феодалами из числа своих приверженцев. Когда Порта однажды назначила племянника Али-паши Тепелены мютесселимом (вице-губернатором) Дурреса, Махмуд-паша написал янинскому правителю, что исключительно из уважения к нему будет каждый год высылать его племяннику причитающееся по этой должности жалованье, но пусть тот и не думает ехать в Дуррес, "поскольку он никогда не допустит, чтобы в его провинции были какие-либо иные губернаторы, кроме его албанцев, которых он сам подбирает, вводит в должность и на которых он может положиться"[16].

Махмуд-паша имел собственную армию и военно-морскую флотилию, он сам собирал налоги в своих владениях и лишь небольшую часть их пересылал в Стамбул. По свидетельству современников, прекращение усобиц и раздоров в Шкодре содействовало росту ремесла и торговли. Учитывая влияние католической церкви и роль горцев-католиков в борьбе против султана, Махмуд-паша позволял католикам ремонтировать церкви и монастыри, свободно отправлять религиозные обряды. Шкодра снова стала резиденцией католических архиепископов, которые прежде, во время исламизации Северной Албании, вынуждены были прятаться в горах. В общем население Шкодринского пашалыка выиграло от того экономического и политического подъема, который принесло с собой правление Махмуд-паши. Но наибольшие выгоды получил сам паша и его ближайшее окружение. После каждой торговой поездки купцы Шкодры должны были являться к нему с подарками. Большую прибыль приносили его собственные торговые операции и обширные земли, в частности в плодородной долине Задримы. Налоги, которые вводил Махмуд-паша, шли исключительно в его пользу. Государственная власть была для Махмуд-паши постоянным источником обогащения, и он постоянно стремился расширить ее пределы.

Бóльшую часть своей жизни правитель Шкодры провел в сражениях и походах. Характеристика, данная ему в одном из донесений российским консулом в Рагузе А. Джикой, представляет нам образ сурового и энергичного феодального властителя: "В нем незаметна ни утонченность, ни апатичность, ни какая-либо роскошь и восточная пышность, характерная для других пашей, и особенно для сераскеров и губернаторов провинций, таких, как он. Он живет довольно просто, на албанский манер, одевается почти всегда одинаково, ходит с покрытой головой, не нося тюрбана, и в больших туфлях на босу ногу". Когда же паша появлялся публично, он имел при себе два огромных пистолета, большой кинжал за поясом и ружье. В таких случаях его сопровождал импозантный кортеж из нескольких сот человек, также вооруженных до зубов[17].

Осенью 1794 г. Махмуд-паша подчинил Эльбасанский и Охридский санджаки, хотя Али-паша Тепелена и пытался ему противодействовать. Через год, осенью 1795 г., Махмуд-паша полностью овладел Косово, разгромив объединенные силы местных пашей и беев.

Вынашивая другие завоевательные замыслы и на случай новой враждебной акции со стороны Порты, албанский владетель ищет себе внешнюю опору. Захватнические устремления Махмуд-паши в сторону Черногории и Венецианской Далмации обострили его отношения с Австрией и Венецией. На почве борьбы с этими общими врагами завязываются поли-

inslav

тические связи между феодальным правителем Северной Албании и республиканской Францией. В мае 1796 г. прибыли в Шкодру для обучения войск Махмуд-паши семь французских инструкторов[18]. Помощь от французов Махмуд-паша использовал для осуществления своего давнишнего замысла — покорения Черногории. С армией в 20 тыс., а по другим сведениям — в 30 тыс. человек, состоявшей из его собственных войск и отрядов его вассалов, он летом 1796 г. вторгся в Черногорию. Первое сражение закончилось для него неудачей, а второе — настоящей катастрофой: его армия была разгромлена, а сам паша был убит 22 сентября/3 октября 1796 г.

Гибель своего заклятого врага черногорцы отметили весьма торжественно, в духе нравов Средневековья. Как сообщалось в донесении А. Джики от 6/17 октября 1796 г., они "отрубили ему голову, воткнули ее на острие пики, с триумфом носили ее по всей Черногории и поместили ее в качестве трофея на стены Цетиньского монастыря, где она еще сейчас выставлена"[19].

Преемником Махмуд-паши немедленно объявил себя его брат Ибрахим-паша. Порта была вынуждена смириться с этим и утвердить Ибрахим-пашу в должности шкодринского мутасаррыфа и в звании визиря.

Катастрофа в Черногории и гибель Махмуд-паши серьезно ослабили род Бушати. Шкодринский пашалык стал терять свое прежнее значение важнейшего политического центра Албании. Правление Ибрахим-паши продолжалось 13 лет, до 1809 г. В делах внутреннего управления он был столь же самовластен, как и его брат, но по отношению к султану вел себя лояльно.

В Южной же Албании продолжало расти влияние Али-паши, проявлявшего все признаки самостоятельности в своей политике, в частности в сфере внешних связей. Пользуясь прогрессирующей слабостью султанской власти, он энергично осуществлял политику расширения и консолидации своего пашалыка. Территориальные захваты проводились им в различных направлениях, однако наиболее систематически и активно янинский правитель вел борьбу за подчинение своей власти Албании.

Объяснялось это следующими причинами. Албания была удалена от центра и не управлялась непосредственно Портой, тогда как захват санджаков, находившихся во власти назначенных из Стамбула губернаторов, привел бы Али-пашу к военному конфликту с султаном, чего он хотел избежать. В то же время полное подчинение Албании обещало значительно увеличить военную мощь Янинского пашалыка и ограничить возможность действий Порты против него.

Албанское происхождение Али-паши и обширные политические связи во всех районах страны благоприятствовали его планам. Опору себе он нашел в лице мелких албанских феодалов, из которых состояла большая часть его приближенных, а также военных и административных чинов.

Али-паша стремился использовать для своих целей и албанских крестьян-мусульман, которым служба в войсках янинского паши давала постоянный заработок. Нередки были случаи, когда Али-паша селил албанских горцев в стратегически важных пунктах своих владений, наделяя их землей.

Для осуществления своих замыслов Али-паша продолжал также попытки наладить прямые политические связи с европейскими державами. Все более активную роль в албанских делах начинает играть в последние годы XVIII в. Франция. В июне 1797 г., после крушения Венеции, на принадле-

inslav

жавших венецианцам Ионических островах высадились французские войска. Под контроль Франции перешла и так называемая Венецианская Албания — Бутринт, Парга, Превеза и Воница на побережье Южной Албании и Эпира. Эти важные политические перемены не застали врасплох Али-пашу. Еще до появления французов на Ионических островах он послал своих агентов в Италию к генералу Наполеону Бонапарту, главнокомандующему победоносной французской армией, с предложением своих услуг и с просьбой о покровительстве. Будущий император, увидевший в албанском паше возможного помощника в осуществлении своих грандиозных завоевательных планов на Востоке, отнесся благоприятно к его авансам. В инструкции, которую Бонапарт 10 ноября 1797 г. направил французскому главнокомандующему на Ионических островах генералу Жантили указывалось, что "в интересах Республики, чтобы этот паша значительно усилился, побил своих врагов, с тем чтобы он сделался князем настолько могущественным, чтобы быть в состоянии оказывать услуги Республике"[20]. Покровительство французских властей на Ионических островах Али-паша использовал для новых завоеваний в Южной Албании: в 1797 г. он провел свои суда через пролив Корфу (на что венецианцы не давали разрешения) и захватил часть Химары, включая Порто-Палермо и Саранду.

Бонапарт, готовя экспедицию в Египет, рассчитывал, что в благодарность за оказанную помощь Али-паша, если не выступит против султана, то по крайней мере займет по отношению к Франции позицию благожелательного нейтралитета. Уже на пути в Египет, с Мальты, французский полководец послал на Корфу своего адъютанта Лаваллета. Он должен был отправиться в Янину и конфиденциально передать Али-паше, что Бонапарт на него рассчитывает и может, в свою очередь, "содействовать его славе и судьбе". Но развитие событий сделало поездку Лаваллета в Янину беспредметной.

Али-паша, хотя и поддерживал тесные связи с французскими представителями, стремился не связывать себя и действовал, руководствуясь лишь собственными интересами и расчетами. Известный русский флотоводец адмирал Ф.Ф. Ушаков, которому довелось несколько лет поддерживать политические сношения с янинским правителем, характеризовал его политику следующим образом: "Нельзя почесть, чтобы Али-паша совсем предан был французам: он человек хитрый и безмерно обманчивый, старается отделить себя от всякой зависимости или, так сказать, быть владетелем; заметно из его поступков, что он держит и держать будет ту сторону, которая сильнее"[21]. Военная же и политическая ситуация после начала египетского похода Бонапарта стала складываться отнюдь не в пользу Франции. Разгром Нельсоном французского флота при Абукире и, что еще важнее, присоединение России ко второй антифранцузской коалиции и возникновение русско-турецкого союза создали новое соотношение сил в Восточном Средиземноморье. Оценив обстановку, Али-паша счел для себя выгодным действовать как "верный вассал" Порты в начавшейся в сентябре 1798 г. франко-турецкой войне. Такая позиция открывала ему путь для захвата бывшей Венецианской Албании — давнего предмета вожделений паши.

Вероятно, феодального пашу беспокоило и то, что эти прибрежные города Южной Албании и Эпира стали опорными пунктами французской революционной пропаганды на Западных Балканах. Есть свидетельства,

inslav

что демократические, антимонархические идеи Великой французской революции оказывали воздействие на определенные слои албанского и греческого населения, жившего во владениях Али-паши и тяготившегося его деспотической властью. Так, в одном из сообщений российского консульства в Бухаресте в августе 1797 г. говорилось: "Здесь уже несколько дней циркулируют новости, содержащиеся в сообщениях из Румелии и письмах из Албании, Аргирокастро и страны арнаутов, о том, что турки, евреи и греки* вместе со всякого рода бродягами, приверженцами и эмиссарами французов, собравшись числом до 150 человек, подняли трехцветную кокарду и соорудили дерево Свободы"[22].

Осенью 1798 г. войска Али-паши, сломив сопротивление небольших французских гарнизонов, овладели Бутринтом, Превезой и Воницей. При этом многие их жители, обвиненные в сотрудничестве с французами, были казнены. Парга же осталась непокоренной, так как жители ее отдались под покровительство прибывшего на Ионическое море с эскадрой адмирала Ушакова. После изгнания русско-турецкими силами под командованием Ушакова французов с Ионических островов здесь было образовано греческое автономное государство — Республика Семи Соединенных островов под протекторатом России. С 1802 по 1807 г. Ионические острова являлись операционной базой в Средиземном море русских военных и военно-морских сил. На острова претендовали также Франция и Великобритания, и в эпоху наполеоновских войн здесь находился один из важных узлов международных противоречий.

Янинский правитель поддерживал отношения со всеми этими державами, умело используя их противоречия в борьбе за господство над Албанией. К 1812 г. ему удалось подчинить себе Южную Албанию. То обстоятельство, что в 1806—1812 гг. Порта была занята войной с Россией, помогло янинскому паше беспрепятственно провести свои операции в Южной Албании.

На севере же Албании в 1812 г. утвердилась власть Мустафа-паши, внучатого племянника Махмуд-паши Бушати и четвертого — последнего — представителя этой албанской феодальной династии. Таким образом, впервые после завоевания страны османами она вся оказалась под властью двух автономных албанских правителей.

Хотя эпоха больших полунезависимых албанских пашалыков уже близилась к концу (в результате военных экспедиций султана Махмуда II Янинский пашалык был ликвидирован в 1822 г., а Шкодринский — в 1831 г.), она оставила глубокий след в истории Албании. Впервые за три века османского господства слово "Албания" перестало быть только географическим понятием и вошло в европейский дипломатический лексикон. Существование таких пашалыков способствовало росту самосознания албанского народа. Этому благоприятствовали и культурные процессы в Албании, ставшие в XVIII в. весьма интенсивными.

В результате османского завоевания Албания лишилась большой части своего культурного достояния. Некоторые средневековые города, экономические и культурные центры, были стерты с лица земли. Многие монастыри, являвшиеся в доосманской Албании очагами образованности,

* В современных документах этнонимы — "греки", "турки" — часто употреблялись как синонимы понятий "православные", "мусульмане".

inslav

были разрушены. Оживление культурной жизни Албании после удара, нанесенного ей османским нашествием, началось лишь в XVIII в.

В этом веке, как уже говорилось, наблюдался подъем экономики Албании. Значительное развитие получили торговля и ремесло. Албанские ремесленники достигли большого мастерства в некоторых видах ремесел. Для их изделий характерна национальная специфика, они ориентированы на удовлетворение повседневных потребностей широких слоев населения. В частности, это относится к искусству изготовления одежды.

Сложившиеся на протяжении веков традиционные костюмы албанцев весьма разнообразны по покрою и украшениям. Основа их — белые хлопчатобумажные ткани и ткани шерстяные, черные и белые (цвета овечьей шерсти), дополненные в женских костюмах шерстяными же ткаными фартуками ярких цветов с преобладанием красного, множеством серебряных подвесок и сложными, украшенными серебром головными уборами. Албанские мужчины, так же, как и жители других балканских стран, носили облегающие белые штаны и жилеты, украшенные черными шнурами, темные куртки или же оригинальный костюм, состоящий из пышной хлопчатобумажной юбочки, белой рубахи и яркого жилета.

Рост торговли и ремесла способствовал развитию сельского и городского строительства. Архитектура жилых домов зависела от ландшафта местности и, следовательно, была разнообразной. В городах и селах горных районов преобладали каменные или же комбинированные из камня и дерева двухэтажные дома с внешней лестницей и открытыми балконами под стрехой крыши. Самым примечательным жилищем в албанских землях той эпохи была *кула* — укрепленный дом-башня. Кулы строились под каменными крышами, обычно в три этажа, с маленькими окнами и отверстиями для боя. На верхних этажах устраивали навесные бойницы. Дома-крепости строили на возвышенных местах, на расстоянии ружейного выстрела от других домов, с тем чтобы держать под наблюдением окружающую местность. В горных районах Северной Албании кулы воздвигали крестьянские общины, сильные родственные объединения или люди из круга феодализирующейся социальной верхушки. В Центральной Албании ими, как правило, обладали богатые землевладельцы. Как тип городского дома кула получила распространение в Гирокастре (Южная Албания). Развиваясь на протяжении столетий, дом-крепость в Гирокастре достиг наиболее законченной формы в конце XVIII в., что было связано с постоянными распрями и усобицами среди беев в тот период. Эти укрепленные жилища буквально отвечали поговорке: мой дом — моя крепость.

Оживление городской жизни, особенно затронувшее Южную Албанию, дало толчок развитию образования и культуры. Первые школы начали открываться в Южной Албании во второй половине XVII в. В первой половине XVIII в. школьная сеть расширилась, охватив Корчу, Берат, Эльбасан и другие города Южной и Центральной Албании. В школах для православного населения все преподавание велось на греческом языке. В программу начального образования, помимо закона Божьего, также входили арифметика и география. Обучение было приспособлено к потребностям торгово-ремесленных слоев, за счет которых содержались эти начальные училища. Особенно отличались своими щедрыми пожертвованиями на дело образования и культуры купцы и ремесленники Воскопои.

inslav

В Южной Албании, к западу от Корчи, высоко в горах (на высоте 1200 м над уровнем моря) и по сей день существует населенный пункт Воскопоя. Это небольшое село, насчитывающее около 100 домов. Сохранившиеся здесь пять церквей, украшенные фресками и иконами знаменитых мастеров, напоминают об иных временах в истории южно-албанского села, когда Воскопоя (Мосхополис) была крупным — по албанским меркам — городом, важным торгово-ремесленным и культурным центром не только Албании, но и всей Европейской Турции.

В городе уже в начале XVIII в. существовала средняя школа. В 1744 г. она была преобразована в "Новую Академию". Это было учебное заведение, приближавшееся по содержанию обучения к европейским лицеям. Наряду с теологическими предметами, здесь преподавалась логика, физика и математика. Для преподавания в академии содержавшие ее воскопойские эснафы (цеха) приглашали видных педагогов того времени. Наиболее известен из них Теодор Кавалиоти, с 1750 г. — ректор "Новой Академии". Энциклопедически образованный человек, Кавалиоти испытал влияние новоевропейской философии, в частности рационалистических идей Лейбница. Он был поборником философии и защитником ее против тех "ненавистных людей", религиозных обскурантов, которые отрицали право этой науки на существование. Деятельность Кавалиоти и других педагогов "Новой Академии" вносила дух обновления в традиционно направлявшуюся церковью систему образования в Албании и других балканских странах.

Помимо "Новой Академии", в Воскопое с 30-х годов XVIII в. существовала типография. С 1731 по 1769 г. здесь было напечатано 21 название книг религиозного и дидактического содержания. Работавшая в глубине гор Албании воскопойская типография была единственной во всем западнобалканском регионе. Воскопоя славилась и своей библиотекой. Кроме трудов греческих и римских классиков, здесь была представлена и новая западноевропейская литература, в том числе произведения Монтескье, Вольтера, Расина и Корнеля.

Преподавание в "Новой Академии" Воскопои велось на греческом языке. На этом же языке печатались и книги в воскопойской типографии. Греческий язык в XVIII в. являлся общим языком православного общебалканского сообщества, включавшего в себя, наряду с православными албанцами, греков, влахов, болгар и других жителей Балканского полуострова. Серьезным препятствием для развития национальной культуры Албании было то, что албанский язык не имел собственного алфавита. Но во второй половине XVIII в. усиливаются попытки такой алфавит создать. И немалая роль в этих условиях принадлежала группе учителей и воспитанников "Новой Академии".

Опубликованный Т. Кавалиоти в 1770 г. в Венеции греческий букварь содержал трехъязычный словарь — греко-влахо-албанский, который должен был помочь в начальном образовании албанским и влашским учащимся "Новой Академии" (в Воскопое имелось значительное влашское население). Албанская часть словаря состояла примерно из 1200 слов, наиболее распространенных в разговорной речи. С конца XVIII — начала XIX в. дошли до нас пять оригинальных албанских алфавитов, из которых три — непосредственно связаны с Воскопоей. Алфавиты эти имели в основе греческую азбуку, которая, чтобы подчеркнуть национальную самобытность албанцев, стилизовалась под славянскую глаголицу.

inslav

Влияние Воскопои, несомненно, содействовало развитию самобытной струи в албанской культуре. Процесс этот стал подготовительной стадией при возникновении культуры албанского национального возрождения.

Расцвет же самой Воскопои продолжался недолго. В условиях охватившей страну во второй половине XVIII в. феодальной анархии богатый город трижды подвергся нападению вооруженных банд: в 1769, 1774 и 1788 гг. "Новая Академия" и типография прекратили свое существование. Большинство жителей Воскопои покинуло ее, и цветущий торгово-ремесленный город и важнейший культурный центр Албании XVIII в. утратил свое значение.

Широкое распространение мусульманства в Албании в XVII – XVIII вв. привело к серьезным изменениям в материальной и духовной культуре албанского общества. Серьезная роль в ее развитии принадлежит городам. Образ жизни горожан, их культурный уровень наиболее полно отражали тот своеобразный тип культуры, который складывался после османского завоевания в покоренных балканских странах, особенно в центральных зонах полуострова. Внешний облик городов приобрел "восточные" черты: мечети с их характерными округлыми силуэтами, стройные минареты рядом с ними, башни с часами, крутые арки мостов.

Центром деловой жизни города той эпохи был торгово-ремесленный квартал, где сосредоточивались лавки — мастерские ремесленников, которые сами и продавали свою продукцию, кофейни и харчевни — место времяпрепровождения мужчин всех социальных рангов. Жилая застройка делилась на кварталы, в каждом жили представители определенной конфессии, ибо религиозная, а не национальная принадлежность определяла положение человека в обществе, его право заниматься той или иной ремесленной деятельностью.

Жилые дома располагались обычно внутри закрытых дворов. Примерно с XVI в. начал складываться тип дома, характерный для городов центральной части Балканского полуострова, западных областей полуострова Малая Азия и некоторых островов Эгейского моря. Главная примета такого дома — закрытый балкон-эркер верхнего этажа, выступающий за стены дома. Обычно нижний этаж, использовавшийся как хозяйственное помещение, складывали из камня, а второй был дощатым или же представлял собой рамную конструкцию, заполненную различными материалами. На второй этаж вела внутренняя лестница. Там располагалась парадная комната. В богатых домах потолки, внутренние перегородки и дверцы стенных шкафов отделывали резным деревом, диваны и полы покрывали коврами, расставляли медную утварь, украшенную тонким орнаментом: жаровни для обогрева комнат, кувшины, огромные подносы для подачи пищи.

"Восточная" мода преобразила одежду горожан (отнюдь не только мусульман, но и некоторых из христиан): женщины и мужчины стали носить шальвары очень широкого покроя, традиционная изящная многоцветная вышивка дополнилась новым для албанцев золотым шитьем. Аристократы носили верхнюю одежду из темного сукна или бархата, покрытую крупным золотошвейным узором, такие же жилеты и ноговицы.

В Албании создается система мусульманского религиозного образования, возникает албанская мусульманская литература. Важнейшим центром мусульманской культуры в Албании стал Берат — старинный город на

inslav

юге страны. Посетивший Берат в 1670 г. известный турецкий путешественник Эвлия Челеби нашел здесь пять медресе, много красивых мечетей, общественных и частных бань. По рассказу Челеби, местные поэты и ученые собирались и вели беседы в кофейнях на берегу реки.

Появившиеся среди образованных албанцев-мусульман поэты первоначально писали на турецком, арабском или персидском языках. Однако мало кто из албанцев хорошо знал эти языки, и поэты-мусульмане в начале XVIII в. стали писать и на родном языке, используя арабскую графику. Так возникла литература "бейтеджи" (тур. — "стихотворец"), распространявшаяся в рукописных списках. Бейтеджи пользовались стихотворной формой албанской поэзии, но широкое использование ими турецкой и арабской лексики затрудняло восприятие их стихов. Помимо Берата, это направление албанской литературы развивалось также в Эльбасане и Шкодре.

Наиболее известным из поэтов-бейтеджи был Хасан Зюко Камбери из местечка Старья (Южная Албания), живший во второй половине XVIII в. и принадлежавший, по-видимому, к сословию военных ленников. Он первым написал на албанском языке "Мевлюд" (жизнеописание Магомета), а также около 60 стихотворений на религиозные, любовные и социальные темы. Стихи его широко распространялись, в устной и письменной форме, вплоть до начала XX в. Популярность поэзии Камбери объяснялась сравнительно чистым албанским языком, не перегруженным турецкими и арабскими заимствованиями, живостью поэтической формы, близостью тематики к народной жизни. Так, в стихотворении "Брачная ночь" он осуждает обычай выдачи девушек замуж без их согласия. В другом стихотворении поэт критикует современное ему общество, в котором масса бедняков вынуждена восемь месяцев в году питаться одной мучной похлебкой. Камбери использовал и жанр политической сатиры. В стихотворении "Деньги" поэт направляет стрелы своей сатиры против высших должностных лиц Османской империи, включая самого султана. По словам стихотворца, ради денег они готовы объявить войну и продать свою душу дьяволу.

До конца XVIII в. литература бейтеджи носила преимущественно светский характер; в первой же половине XIX в. она все более приобретает религиозно-морализирующую окраску. Албанский язык проникает в стены учреждений мусульманского религиозного культа. Так, в 1811 г. в обители бекташей* в Залы (район Гирокастры) были переведены на народный албанский язык отрывки из мусульманской поэмы "Хадикайя".

Два наиболее значительных феномена культурной жизни Албании XVIII — первой половины XIX в. — культурное движение, связанное с Воскопоей, и албанская литература на арабском алфавите — имели опору в разных социальных слоях. Они были связаны соответственно с православной и мусульманской религиями, которые враждовали между собой. И тем не менее, эти два самостоятельных культурных потока объединяла общая тенденция к "албанизации" церковной жизни и культуры. В конце XVIII — начале XIX в. этой тенденции благоприятствовало существование полунезависимых албанских пашалыков.

Мусульманские правители Шкодринского и Янинского пашалыков поощряли национальные проявления в области культуры. Прежде всего

* Бекташи — члены мусульманского религиозного ордена.

inslav

это относилось к употреблению албанского языка. Во владениях Али-паши греческий язык фактически являлся официальным языком администрации. Но некоторые распоряжения правителя были написаны по-албански, с использованием греческого алфавита. Есть также основания предполагать, что в годы правления Али-паши в православных школах Южной Албании началось преподавание албанского языка. Некоторые албанские юноши смогли при содействии Али-паши продолжить свое образование за границей. Одним из них был Вангель Мекси, православный албанец из Гирокастры, получивший медицинское образование в Неаполе. Он составил албанскую грамматику и перевел на албанский язык Евангелие. В 1824 г. перевод был опубликован на греческом алфавите на Корфу.

Достойная восхищения деятельность образованных албанцев-патриотов привела к тому, что не имевший собственного алфавита албанский язык на протяжении веков османского господства сохранил письменную традицию. Но круг этих подвижников албанской культуры был узок: основная масса населения оставалась неграмотной. Однако именно народные массы, прежде всего крестьянские, были носителями албанской самобытности, проявлявшейся в языке, обычаях, музыкальном и песенном творчестве.

Могучей силой, способствовавшей сохранению единства и народной самобытности албанцев, был фольклор. Иностранцев поражала страстная любовь народа к музыке и песне. Французский дипломат Ф. Пукевиль, служивший при дворе Али-паши, пишет, что редко можно было увидеть даже небольшую группу албанских солдат без мандолины и своего певца или рассказчика. Среди горцев Северной Албании были особенно популярны песни эпического цикла о деяниях братьев-богатырей Муйо и Халиля и их дружины. Повсеместно звучали песни лирические и обрядовые (свадебные или же сопровождавшие календарные обряды). Главным персонажем исторических легенд и песен был Скандербег. Народ наделил своего любимого героя чертами святого и одновременно богатыря сверхъестественной силы. Подобно библейскому Моисею, Скандербег разрубает мечом гору, чтобы напоить водой свое войско; на своем волшебном коне он скачет с берега на берег, с горы на гору.

Слагавшиеся безвестными певцами и рассказчиками и передававшиеся из уст в уста песни и легенды увековечивали в памяти народа картину борьбы многих поколений за свободу, вселяли надежду на лучшее будущее[23].

[1] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1789 г. Д. 655. Л. 96.
[2] АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1786—1787 гг. Д. 1013. Л. 26.
[3] АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1787 г. Д. 404. Л. 10.
[4] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. С. 108—109.
[5] АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1787 г. Д. 159. Л. 14.
[6] Там же. Л. 23—31.
[7] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1788 г. Д. 2072. Л. 42, 45. Перевод письма Махмуд-паши с итальянского, современный подлиннику.
[8] Там же. Л. 29.
[9] О миссии де Броньяра см.: *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С. 117-118; *Bartl P.* Albanien in Russisch-Österreichischen Türkenkrieg, 1787—1792 // Albanien in Vergangenheit und Gegenwart. München, 1991. S. 55—60.
[10] См.: *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С. 128—131.
[11] Там же. С. 158.

inslav

[12] Там же. С. 154 – 156.
[13] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1791 г. Д. 1809. Л. 1.
[14] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир... С. 168 – 169.
[15] *Кутузов М.И.* Документы. М., 1950. Т. 1. С. 294.
[16] АВПРИ. Ф. Сношения России с Рагузой. Оп. 59/1. 1796 г. Д. 16. Л. 4.
[17] Там же. 1794 г. Д. 1. Л. 20.
[18] См.: *Драгович Ж.* Черногория и ея отношения к России в царствование императора Павла // Русская старина. СПб., 1882. Т. 35. № 8. С. 369.
[19] АВПРИ. Ф. Сношения России с Рагузой. Оп. 59/1. 1796 г. Д. 16. Л. 15.
[20] *Ворре А.* L'Albanie et Napoléon. P., 1914. P. 9.
[21] Адмирал Ушаков. М., 1952. Т. 2. С. 487.
[22] *Арш Г.Л.* Великая Французская революция и Балканы (Новые архивные данные) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 48.
[23] Подробнее об албанской культуре XVIII в. см.: Краткая история Албании. М., 1992. С. 120 – 134.

inslav

Последний век некогда славной Дубровницкой республики

XVIII столетие — время заката знаменитой в Средние века торговой республики Дубровник (Рагуза). Вся ее экономическая жизнь зиждилась на коммерции: урожая зерновых, собираемого на каменистой почве, хватало едва на месяц. Довольно развитое ремесленное производство в самом Дубровнике и окружающих городках (судостроение, обработка камня и кожи, ювелирное дело) не определяло хозяйственного строя страны. Всеми делами управления в республике ведали несколько патрицианских семей (нобили, или, по-славянски, властели), ревниво оберегавшие свои прерогативы. Только они входили в Великое вече (Большой совет), занимавшееся законодательной деятельностью, и Сенат, осуществлявший исполнительную власть. Кастовость доходила до того, что браки заключались в замкнутом патрицианском кругу. От невест требовалось большое приданое, в результате чего многие девицы становились старыми девами, а мужчины — оставались холостяками. Фамилии нобилей в буквальном смысле слова вымирали. В свою среду они принимали богатых купцов и судовладельцев с большим разбором и поодиночке, после длительной процедуры. К концу XVIII в. сохранился лишь 21 аристократический род. Состоятельная городская верхушка именовалась гражданами, но прав не имела, противоречие "знатность—незнатность" раскалывало верхи дубровницкого общества и вело к ослаблению и загниванию власти.

Контраст между Дубровником и окружавшими его славянскими землями был громаден. Горожане заняли некую нишу благополучия в османских владениях. Высокая Порта, в обмен на большую дань, отказалась от всякого вмешательства во внутренние дела и внешнеторговые связи республики, не облагала на внутреннем рынке ее товары пошлинами, а при вывозе удовлетворялась скромными 2%. Тонкий наблюдатель П.А. Толстой свидетельствовал: "Купцы рагузские во стране Оттоманской во всем многие привилегии имеют, а особливо в пошлинах, что платят с товаров своих менше иных народов и суть правы их пошлины по статьям по два со ста". По деньгам Дубровнику оказывалась и честь, его посланец принимался в Стамбуле с почетом: "...Аще перед иными тот министр и невелик, но турки принимали его честно за древность той республики и того ради, что приносил к ним денги" (май 1703 г.)[1].

XVIII в. принял от своего предшественника тяжелое наследство. Страшное землетрясение 1667 г. стерло город с лица земли, человеческие жертвы насчитывались тысячами, 50 уцелевших нобилей с трудом навели

inslav

порядок; в ходе войны Священной лиги (1683—1699) республика едва не стала добычей Венеции. Изощренной дипломатии дубровчан, умело лавируя между державами на Карловацком конгрессе, заручившись поддержкой Турции и Австрии, удалось избежать смертельной опасности*. XVIII столетие принесло новые заботы. В другой войне, торговой, успех сопутствовал Республике Св. Марка. Венецианцы в противовес Дубровнику построили порт в Сплите и перетянули к нему значительную часть коммерции. На турецком рынке началось победоносное наступление Франции, марсельские купцы одолели конкурентов. В 1760 г. на их долю приходилось 60% товарооборота Османской империи, на долю англичан — 20%, и столько же — на голландцев, венецианцев и дубровчан[2].

На сухом пути торговля страдала в лихое время войн, а в мирные годы обнаружилось, что в балканских провинциях империи народилось собственное купечество, в источниках его часто именуют турецким, но на самом деле это были в большинстве случаев турецкоподданные православные, армяне и иудеи, вступившие с дубровчанами в жестокую борьбу. В 1707 г. в Сараево состоялась "антидубровницкая демонстрация": собравшаяся толпа кричала, что не желает видеть в городе "ни дубровницких церквей, ни домов, ни купцов... пусть убираются и не вырывают у них куска хлеба изо рта". В республике наступила хозяйственная стагнация, представлявшаяся беспросветной. Привилегированное положение Дубровника в составе султанской державы вызывало зависть соседей, неприязнь обострялась конфессиональными различиями (православные сербы и черногорцы — католики хорваты-дубровчане). Вражда бедной деревни к богатому городу принимала религиозную форму. Земли республики страдали от буйства гайдуков, нападавших на торговые караваны, угонявших скот, отбиравших имущество у крестьян, и вторжений чет — более крупных отрядов, состоявших из соплеменников-черногорцев, наносивших еще более значительный ущерб.

Как ни странно, но луч света прорезался во время войны за Австрийское наследство (1740—1748), когда французская торговля в Восточном Средиземноморье сошла почти на нет, и коммерсанты поневоле обратили внимание на суда под нейтральным дубровницким флагом. Воюющие их не трогали, оставалось "только" отбиваться от алжирских и тунисских пиратов.

Рагузинская дипломатия слыла и опытной, и осторожной, но стремительный рост влияния России в регионе она прозевала. Самодержавие благосклонности к республике не проявляло — в Петербург поступали жалобы на то, что "паписты" преследуют святую православную церковь с большей свирепостью, нежели неверные турки. Война 1768—1774 г., едва не привела к столкновению двух сторон: эскадра А.Г. Орлова—Г.А. Спиридова установила контроль над судоходством в Восточном Средиземноморье и приступила к захвату дубровницких кораблей, перевозивших турецкие войска (всего — 50), несмотря на то что Сенат заблаговременно запретил заниматься военной контрабандой[3]. У корысти ведь свои законы! Орлов потребовал, чтобы республика взяла на содержание несколько российских кораблей и заломил притом невообразимую сумму (и выговорил немалую ее часть в свою пользу). Сенат в страхе снарядил в Петербург своего посланца Ф. Ранину. Рагуза, по словам Екатерины II, отрекается от

* См. главу "Последний крестовый поход христианской Европы".

inslav

османского подданства и "стороною забегала уже ко двору нашему с просьбой, чтобы ее навигация от неприятельской ограничена была"[4].

За три года пребывания в России (1771 – 1774) Ранине добиться аудиенции у царицы не удалось, он лишь целовал ее руку во время общего приема дипломатического корпуса, но и тому был рад: открытые военные действия удалось предотвратить, финансовый спор уладить, российская сторона предала забвению враждебные действия дубровчан, в городе появился консул, представлявший интересы петербургского двора.

Война 1787 – 1791 г. обошлась без подобных неприятностей. Флот под андреевским флагом в Средиземном море не появлялся. Рагузяне опять играли на два фронта: заявляли, что являются самостоятельным государством, снаряжение и продовольствие для турецких войск перевозили, но извещали российское командование, что делают это по принуждению. К удивлению царского консула, албанца А. Джики (Гики), население сочувственно относилось к победам российских войск: Сенат прислал императрице поздравление после взятия Очакова, по рукам в списках даже ходила ода по случаю знаменательного события. Часть жителей проявляла симпатии к славянскому делу.

Но дни республики были сочтены. В 1797 г. по миру в Кампо-Формио, заключенному Наполеоном Бонапартом, тогда – генералом Французской республики, венецианские владения, включая Далматинское побережье, перешли к Австрии. Владычество здесь Габсбургов продолжалось недолго. После новой схватки с Наполеоном, уже императором, по Пресбургскому миру 1805 г. далматинская жемчужина перешла к королю Италии, каковым состоял тот же Наполеон. Терпеть рядом крошечный анклав в виде Рагузинской республики было не в обычаях завоевателя. Воспользовавшись войной с Россией, французы коварно заняли Дубровник 28 мая 1806 г., попросив предоставить им на одни сутки ночлег, пищу и вино для войск. Город они не покинули. Отряду российских войск под командованием князя Вяземского, черногорцам и бокельцам (жителям Боки Которской – Катарро) во главе с митрополитом Петром I Негошем взять Дубровник не удалось. Осада обошлась ему дорого. Вековая вражда крестьян к богатому городу, противостояние православного мира и католической республики вылилось в опустошение его окрестностей – черногорцы и бокельцы предавали огню и мечу виллы богачей, сельские хаты и католические монастыри, разоряли поля и виноградники. В начале июля 1807 г. адмирал Д.Н. Сенявин, желая прекратить дальнейшее кровопролитие, снял осаду. 31 января 1808 г. представитель французского командования зачитал на заседании Большого совета распоряжение, которым "правительство и Сенат Рагузы" распускались[5]. Мнения членов совета не спросили, они в страхе молчали. Тысячелетнее Дубровницкое государство прекратило существование.

[1] Русский посол в Стамбуле: П.А. Толстой и его описание Османской империи нач. XVIII в. М., 1985. С. 93, 92.
[2] *Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984. С. 238, 234.
[3] *Лещиловская И.И.* Дубровник и Россия // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 262.
[4] Там же. С. 261.
[5] *Фрейденберг М.М.* Указ. соч. С. 254 – 258.

inslav

Русские подданные турецкого султана

XVIII век приумножил многоязычную армию подданных турецкого султана переселенцами из России. В течение сравнительно небольшого исторического отрезка времени убежища на территории Османской империи попросили сразу несколько больших групп православных выходцев с территории северного соседа — сначала старообрядцев, затем запорожских казаков. Кроме того, за Дунаем традиционно обретали себе приют те, кто находился не в ладах с законом у себя на родине — от беглых крепостных и сектантов до откровенно уголовного элемента. В результате в малонаселенных областях Добруджи и на северо-востоке Болгарии возникли крупные обособленные поселения русских.

Первыми убежища на турецкой земле в середине XVIII в. попросили так называемые некрасовцы — донские казаки-старообрядцы. История этого переселения тесно связана с событиями Булавинского бунта, вспыхнувшего на Дону в 1707 г. После гибели самого Кондрата Булавина один из его ближайших сподвижников атаман Есауловского городка Игнатий Федорович Некрасов увел несколько тысяч казаков с семьями (в песнях говорится о 40 тыс.) на Кубань, бывшую тогда во владении крымских ханов. Беглецы поселились в районе современной Анапы, принесли хану присягу и в течение многих лет составляли одну из наиболее боеспособных единиц его армии.

Вплоть до своей смерти в 1737 г. Игнат Некрасов стоял во главе своего казачьего войска. Авторитет его был непререкаем. В память о нем потомки ушедших с ним казаков и стали называться игнат-казаками или некрасовцами. По преданиям именно он, этот мудрец с "двойным рядом зубов во рту", создал не только организацию Кубанского войска, сохранившуюся в основных чертах и после переселения казаков в Османскую империю, но составил ревностно чтимый его последователями свод правил жизни и нравственности — так называемую Игнатову книгу. По свидетельствам очевидцев, эту книгу видели в одной из турецких казачьих станиц и в XX в.[1]

Но на Кубани некрасовцы задержались недолго. Продвижение русских войск теснило их все дальше на юг. Когда войска Анны Иоанновны взяли Анапу, казаки были вынуждены начать переселение в Османскую империю. Происходило оно в 1740—1760-е годы через территорию Малой Азии, откуда игнат-казаки постепенно перемещались на северо-восток Балкан. По преданиям переход в подданство турецкого султана сопровождался дра-

inslav

матическими событиями. Первоначально их просьба была отклонена, несмотря на уверения в ненависти к царю-москалю и на практике подтвержденную готовность воевать с ним. Ситуация изменилась только после принесения страшной с точки зрения конфессионального сознания клятвы. Казаки решились стрелять в четвероконечный крест — эмблему не только православия, но и православной Руси, засвидетельствовав тем самым полный разрыв с ней[2]. Только после этого им было разрешено поселиться на землях империи с обязательством участия в военных кампаниях в качестве отдельного кавалерийского отряда в составе турецкой армии.

К последней четверти XVIII в. некрасовцы практически уже в полном составе осели в Добрудже, в устье Дуная и на берегу лимана Разельм. Самыми старыми старообрядческими селами здесь считались Дунавец и Сарикиой. По мере роста населения и переселения в Добруджу все новых партий казаков была основана Журиловка и Слава, в 70—80-е годы XVIII в. Татарица, недалеко от Силистрии, затем села Камень или Каркаликиой (Мачинско), Новенькое или Кыздырегити и Гиздар-Кийо (Гирсово)[3].

Однако новые партии старообрядцев, прибывающие в Добруджу далеко не всегда были игнат-казаками. Есть информация, что значительную часть их составляли так называемые слобожане, т.е. жители стародубских слобод Черниговской, Харьковской и Орловской губерний[4]. В отличие от некрасовцев, считавших себя потомками древних новгородцев и питавших к царю-москалю ненависть не только на почве церковного раскола, но и политических претензий, это были простые русские мужики, не желавшие изменять старой вере и одновременно терпеть гонения за нее. Они влились в казачьи поселения и невольно повлияли на их состав. Возможно, со временем это обстоятельство сыграло не последнюю роль и в изменении названия (но не самоназвания) некрасовцев в среде местного населения. Для многоязычных обитателей Добруджи и северо-восточной Болгарии все жители старообрядческих селений превратились к XIX в. в так называемых липован.

Этимология этого термина не вполне ясна. Существует версия, что он был принесен в этот регион из Буковины вместе с очередной переселенческой волной староверов[5]. По преданиям, именно такое наименование получили от местных жителей первые русские старообрядцы, поселившиеся в 1724 г. в обширном липовом лесу на берегу р. Сучавы. Таким образом, нельзя исключать, что местный топоним превратился со временем в наименование для целой этноконфессиональной группы. Но скорее всего термин "липоване" мог оказаться производным от "филиппоны" (филипповское согласие) — названия одного из старообрядческих толков, чьи последователи первыми расселились по территории Румынии, а затем и Добруджи, дав имя всем последовавшим за ними староверам[6].

Главным занятием игнат-казаков на новом месте стал обычный для них рыбный промысел и охота. Земледелием также занимались, но оно носило вначале подсобный характер. Вид основной хозяйственной деятельности был обусловлен прежде всего исторической традицией, ведущей свое начало с времен донской казачьей вольницы. Ему казаки оставались верны и на Кубани, и в Малой Азии. В Добрудже рыболовецкий промысел приносил хороший доход, и некрасовцы стремились сосредоточить его в своих руках. Тем более, что местное население было в целом склонно к скотоводству и земледелию.

inslav

Компактное проживание всей колонии игнат-казаков в одном регионе продолжалось до 1811 г., когда напуганная приближением русских войск, значительная их часть переселилась в Малую Азию на берег озера Майнос и в Македонию на берег Эносского залива. В Малой Азии они разместились первоначально в пяти станицах, где более или менее благополучно прожили вплоть до начала XX в., когда началось обратное движение на северо-восток Балкан. Колония в Македонии просуществовала недолго. Возможно, это также было связано с приходом в регион русских военных отрядов, а возможно, и с просьбой майносцев, чьи поселения в Малой Азии понесли большие человеческие потери в результате постигшей их чумы.

При основании поселений колонисты получали от османских властей льготы, немыслимые для их исторической родины. Заинтересованное в заселении малолюдных регионов, правительство раздавало в них земли на основании так называемых колонизационных патентов. Участки земли, размер которых в Добрудже зачастую ограничивался лишь возможностью освоения, раздавались бесплатно, освобождаясь при этом на шесть лет от поземельных платежей в казну. Через 20 лет они переходили в полную собственность (за исключением сенокосов, пастбищ и лесов, которые находились в бесплатном пользовании при сохранении статуса государственной собственности). Кроме того, казаки имели особую налоговую льготу, ставившую их в особое положение по отношению к рядовой христианской райе. В связи с тем, что они служили в военное время в турецкой армии, они были освобождены от обязательного для немусульман подушного налога джизие, являвшегося отчасти платой за освобождение от воинской повинности. Эту льготу игнат-казаки сохраняли вплоть до 1864 г. Возникшее после Крымской войны намерение властей превратить их эпизодическую воинскую обязанность в регулярную повинность привело к официальному отказу некрасовских общин от казачьего статуса. Несмотря на нежелание Порты, некрасовцам удалось настоять на своем и добиться перевода в категорию "обычной" христианской райи (соответственно без права несения воинской службы).

Что касается социального устройства казачьей общины, то в Османской империи переселенцы получили возможность сохранить практически в полном объеме порядки, принятые в Кубанском войске. Это касалось прежде всего внутреннего самоуправления, включая институт судебно-административной автономии. Кроме того, старообрядцы могли свободно и беспрепятственно культивировать все свои религиозные и культурные обычаи.

Основой внутренней жизни их общин в Добрудже стали порядки, введенные в их среде еще Игнатом Некрасовым. Во всяком случае так было вплоть до переселения части некрасовцев на территорию Малой Азии. Судя по некоторым сведениям, там эти порядки продолжали сохраняться и в дальнейшем, в то время как на Балканах подверглись постепенной эрозии[7]. Все общественно значимые дела принято было решать на кругу, куда был обязан являться каждый казак. Здесь происходил выбор атамана и есаулов, проверялись общественные доходы и расходы, происходил суд. Допрос провинившихся осуществлялся атаманом и старейшинами, но приговор выносил круг. Вот, к примеру, список казачьих наказаний за провинности: за прелюбодеяние — плети, за сквернословие — плети, за неумышленное убийство — выдача родственникам пострадавшего (на их милость или немилость), за умышленное — расстрел, за измену войску —

inslav

закапывание живым по плечи в землю, за богохульство — расстрел, за брак с иноверцами — смерть[8].

Говоря об административной и судебной автономии, которой пользовались некрасовские поселения, необходимо отметить, что сам факт ее возникновения не был связан с их появлением. Более того, даже привлечение христиан к воинской повинности в обмен на налоговые льготы для Османской империи не было новостью (пример тому — так называемая привилегированная райя — войнуки, дервентджии, доганджии, мартолосы). Столь комфортное устройство быта игнат-казаков на новом месте находилось всего лишь в соответствии с османским законодательством и определялось основополагающими принципами построения всей государственной социально-административной системы, ведущей свое начало с XV в.

Созданная османами система конфессионально-юридической автономии реально способствовала усилению внутренней замкнутости общин, консервации традиционного быта и культуры, т.е. выполняла, по существу, этнозащитные функции. В тех же случаях, когда размеры территориально-церковной общины совпадали с границами этнической, как это чаще всего было в поселениях русских, происходило оформление крайне замкнутого социума, члены которого могли при желании жить в условиях практически полной изоляции от внешнего мира. А это была именно та цель, к которой стремились русские староверы. Возникал своеобразный паритет: старообрядцам в соответствии с их обычаями было разрешено общаться с турками только через специально выделенного общиной представителя, а османская администрация именно на этом и настаивала. То есть условия, предоставляемые местным законодательством, были для некрасовцев настолько оптимальны, что создается впечатление о неслучайности переселения игнат-казаков именно на земли Османской империи. И надо отдать должное этому выбору — он не стал ошибочным. Судя по некоторым свидетельствам, прожив в иноконфессиональном и иноэтничном государстве около полутора столетий, старообрядцы очень позитивно оценивали свое пребывание в нем. Так, в конце XIX в. на вопрос о турецких притеснениях старики однозначно отвечали, что таковых не было. "Турок честный человек, хоть и не в нашего Бога верует... обиды никакой от него не было... десятину свою возьмет, а больше пальцем не тронет" — говорили они[9]. Парадоксально, но для поборников старой православной русской веры именно государство, жившее по законам шариата, оказалось местом, наиболее полно отвечающим решению стоящих перед ними идейных задач.

Главная же из них состояла в спасении от воцарившегося на родине антихриста. В турецких владениях нашли себе приют старообрядцы различных толков. Первоначально это были некрасовцы поповского согласия, но с течением времени в Добрудже расселились и многочисленные группы различных беспоповцев. Независимо от имевшихся между ними различий, учение о приходе и воцарении антихриста было краеугольным камнем староверческого мировоззрения. Исторически оно складывалось постепенно: от простой персонификации антихриста в лице Петра I к сложной системе восприятия его пришествия в плане духовном. В России сопротивление антихристовым порядкам вызывало жесточайшие гонения. В Османской империи это ровным счетом никого не касалось. Старообрядцы вполне законно получили автономный от греческих архиереев

inslav

статус, исправно платили причитающиеся налоги и могли в остальном строить внутреннюю жизнь своих общин так, как считали необходимым.

В соответствии с разделением на поповцев и беспоповцев отчасти различались и порядки, принятые в их среде. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют сколь-либо определенно проследить распространение даже этих двух основных согласий на территории империи. Вполне достоверно известно, что собственно некрасовцы вначале все были поповцами, а следовательно, это относится и к наиболее старым русским поселениям на северо-востоке Балкан. Поповцами вплоть до настоящего времени остались и потомки игнат-казаков в с. Татарица[10]. Однако большинство староверов, оставшихся в Добрудже после переселения из нее основной части собственно некрасовцев, да и сами игнат-казаки на территории Малой Азии священство утратили. Ситуация начала меняться лишь в середине XIX в. после образования Белокриницкой иерархии.

Поповцы принимали по необходимости священников, переходящих (бегствующих) от господствующей церкви. Основным требованием было перекрещивание от ереси и согласие соблюдать старые обряды.

Принято считать, что вплоть до середины XVIII в. в своей основной массе староверы воспринимали отсутствие духовенства как временное вынужденное и тяжкое испытание. Однако постепенно все большее распространение начала получать точка зрения, что с воцарением антихриста истинное священство на земле искоренено, а потому лучше обходиться совсем без оного. В результате количество беспоповцев все более увеличивалось. В их среде из церковных таинств сохранялся лишь необходимый для спасения минимум — крещение и исповедь, которые по канонам в исключительных случаях можно было совершать и при отсутствии священника. Необходимо сразу отметить, что на бытовом уровне вынужденный отказ от церковных таинств приводил прежде всего к расшатыванию института брака. В условиях господства полусредневекового конфессионального мышления неосвящение этого важнейшего для общества акта нередко вело к нестабильности брачных связей и возникновению сложностей в процедуре наследования имущества. Поэтому многие беспоповские общины относили обряд бракосочетания к разряду таинств, разрешенных к исполнению при отсутствии священника.

К сожалению, практически отсутствует информация, которая позволила бы характеризовать отношения, складывавшиеся между турецкими старообрядцами различных согласий. Имеющийся в распоряжении этнографов собственно русский полевой материал (т.е. собранный в различных регионах России) свидетельствует, что неприязненный и даже враждебный характер отношений между общинами разных толков — явление достаточно распространенное. Однако даже намеков на нечто похожее в среде липован обнаружить не удалось. Скорее наоборот: браки между представителями разных толков, осуществляемые после процедуры перекрещивания одного из брачующихся среди липован были явлением общераспространенным[11]. Вероятно, внутренняя веротерпимость была в Добрудже необходимой мерой выживания, так как поиски брачного партнера в иноэтничной среде были весьма проблематичны.

Что касается быта турецких старообрядцев, то подобно всем своим собратьям, особенно тем, кто оказался на чужбине, они на протяжении столетий продолжали сохранять в чистоте родной язык, самобытный этно-

inslav

графический облик, обычаи и обряды. Исследователи отмечают, что даже в настоящее время они в основном продолжают говорить на достаточно чистом южно-великорусском диалекте[12]. Не утрачен и фольклорный багаж переселенцев. Изучение современными болгарскими исследователями песен и обычаев некрасовских сел Татарица (Силистринско) и Казашко (Варненско) показывает их не только типологическое сходство, но зачастую и буквальное совпадение с фольклором донского, а шире южнорусского типа[13]. Небезынтересно также отметить, что из многочисленных русских переселенцев, хлынувших в XIX в. на территорию Османской империи, только липоване смогли сохранить вплоть до конца столетия во всей первозданной чистоте отечественный костюм, в то время как все другие (запорожцы, так называемые руснаки, молокане, скопцы и др.) его частично или полностью утратили[14].

История жизни запорожцев на Дунае не столь продолжительна и драматична, как история старообрядцев. Однако она оказалась тесно переплетена с судьбой последних и сильно повлияла на дальнейшее существование местных русских колоний.

Запорожским казакам (по преданиям около 5 тыс.[15]) было разрешено обосноваться в Османской империи на тех же условиях, что и некрасовцам, — предоставление налоговых льгот в обмен на службу в составе самостоятельного отряда османского войска в период военных действий. Произошло переселение сразу после окончательного разорения Запорожской Сечи в 1775 г. Первоначально казаки пытались расселиться в дельте Дуная, но, столкнувшись с сопротивлением некрасовцев, были вынуждены в 1785 г. передвинуться вверх по Дунаю на Военную Границу. Однако скоро вновь возвратились в Добруджу, осев в с. Сеймены (между Гирсово и Силистрией). С этого момента и вплоть до 1811 г. начинается их постоянная полулегальная война с некрасовцами за контроль над рыбной ловлей в этом регионе. После нескольких лет страшной резни, легенды о которой сохранялись среди старожилов Добруджи вплоть до последних десятилетий XIX в., запорожцы неожиданно оказались полными победителями. Опасаясь мести со стороны наступающих русских войск, игнат-казаки переселились в Малую Азию, уступив пришельцам контроль над территорией. Воспользовавшись этим обстоятельством, запорожцы перенесли в 1814 г. свой кош из Сеймен в бывшую некрасовскую станицу Дунавец, которая с этого времени стала центром мелких запорожских поселков, разбросанных в дельте Дуная.

Хозяйственная деятельность отныне уже задунайских казаков ограничивалась исключительно рыболовством, охотой, а в периоды военных кампаний воинской службой. Все остальное считалось ниже их достоинства. Благодаря действовавшему в Османской империи законодательству, они так же как и некрасовцы получили полное внутреннее самоуправление, юрисдикцию и могли организовывать свою жизнь, ориентируясь на традиции Запорожской Сечи.

Их поселения образовывали как бы федерацию замкнутых от внешнего мира самоуправляемых и абсолютно самостоятельных в административном и хозяйственном отношении рыболовецких общин, объединенных в казачье войско. Во главе каждой общины (курня) стоял выборный куренной атаман. Курень являлся одновременно и первой судебной инстанцией. Второй инстанцией была союзная кошевая администрация, а

inslav

последней — Сечевая рада, т.е. общее собрание всех казаков. Одновременно рада была и носителем всей высшей власти в Сечи. В отношении духовенства на всем протяжении своего существования Сечь сохраняла полную независимость. Священников выбирали исключительно из своей среды, отсылая их затем для рукоположения к молдавским архиереям.

Необходимые сношения с османскими властями производились исключительно через кошевую администрацию, чьим представителем обычно выступал войсковой старшина. Эта же администрация распоряжалась деятельностью, связанной со службой в турецком войске, — деньгами, провиантом и внутренним военным распорядком. В ее обязанности входил и контроль за общесечевыми доходами и расходами.

Однако история собственно Задунайской Сечи оказалась недолгой и неожиданно закончилась в начале XIX в. В 1828 г. после тайных переговоров с русским командованием на родину вернулась группа казаков (приблизительно 500 человек) во главе с сечевым кошевым О. Гладким. Оставшиеся в империи запорожцы были подвергнуты репрессиям. Все они были обезоружены и переведены на положение рядовой христианской райи. Двести казаков были арестованы, и отправлены в константинопольскую тюрьму, но спустя некоторое время освобождены[16]. Однако главным итогом стало полное и окончательное уничтожение Задунайской Сечи.

Что касается характера взаимоотношений переселенцев из России со своей исторической родиной, то их можно вполне определенно назвать сложными. Положение сечевых казаков всегда оставалось несколько двойственным. На всем протяжении своей жизни за Дунаем запорожцы неизменно оставались в лоне ортодоксальной православной церкви. Однако, находясь на службе у султана, они регулярно воевали против своих единоверцев, не питая к ним при этом вражды идеологического или личного характера. Для сильно конфессионализированного сознания той эпохи это было непростым испытанием. Некоторые источники свидетельствуют, что казаки действительно ощущали по этому поводу значительный душевный дискомфорт. Прежде всего это отразилось в фольклоре. В их песнях можно обнаружить осознание фальшивости своего положения, когда из-за присяги султану они вынуждены выступать на стороне магометан против своих единоверцев и единоплеменников — "на веру", "брат на брата бити"[17]. Сохранилось также местное предание, что при обороне Рущука во время войны 1806—1812 гг. казаки якобы вошли в сношение с русским командованием и по взаимной договоренности стреляли холостыми патронами[18].

При этом на родину они особенно не стремились. Несмотря на определенную активность русских властей, истории так и не суждено было стать свидетелем массового исхода сечевиков в Россию. Известны всего лишь два случая возвращения их относительно крупных групп. Оба они произошли перед началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Сначала афонскому митрополиту Филарету удалось уговорить возвратиться 800 казаков, которые на 28 лодках и высадились в Одессе. Затем увенчались успехом тайные переговоры с сечевиками градоначальника г. Измаила генерал-майора С. Тучкова. Итогом их и стал уход в Россию отряда казаков во главе с кошевым О. Гладким, ставший причиной уничтожения Сечи. Однако и в данном случае большинство запорожцев предпочли принять на себя гнев турок, но не возвращаться. Более того, имеется информация о последовавшей вскоре обратной волне переселений в Турцию. По свиде-

inslav

тельству одного из участников событий тех лет старого казака Марко Глухого, многие из ушедших, успевшие уже отвыкнуть от порядков, царивших на родине, возвратились довольно быстро — "пошли, да как солдатчиной запахло, так они и вернулись"[19].

Но подобную реакцию вряд ли можно связывать с антагонизмом, она имела скорее бытовой характер. Истинной непримиримостью в отношении России отличались, пожалуй, только некрасовцы. Крайняя идеологизированность спасала их от двойственности сознания. На протяжении всей своей истории они находились во враждебных отношениях со старой родиной. Сначала их военную доблесть на этом поприще имел возможность оценить крымский хан. Затем они стали бесстрашными героями буквально всех русско-турецких военных кампаний, получая за службу от султана высокие воинские награды, которые затем бережно хранили в церквах. Особенно прогремели подвиги некрасовской кавалерии уже в XIX в. — в войне 1828—1829 гг. — под предводительством атамана Ивана Солтана и в составе корпуса Садык-паши в период Крымской войны. Однако и в XVIII в., а именно в период пребывания на службе у крымского хана, их "слава" среди жителей русского приграничья была достаточно громкой. Русское командование бывало не раз вынуждаемо устраивать против них специальные рейды, а правительство времен правления Петра I и Анны Иоанновны требовать на высочайшем уровне их выдачи — но все безрезультатно. Игнат-казаки упорно продолжали бескомпромиссную войну с воцарившимся антихристом.

При этом отношение России к некрасовцам однозначным назвать все же нельзя. Оно было откровенно двойственным. С одной стороны, Россия устраивала гонения на старообрядцев, делая, кажется, все возможное, чтобы подтолкнуть их к вынужденной эмиграции, а с другой — добившись вроде бы своего, проявляла завидное постоянство, пытаясь амнистией и льготами привлечь их обратно. Во всяком случае, история контактов русских властей с некрасовцами выглядит в целом именно таким образом. После того как во времена правления Петра I, а затем Анны Иоанновны попытки добиться их выдачи потерпели провал, началась тактика заигрываний.

Одним из первых актов на этом пути стал указ Екатерины II от 15 апреля 1784 г., обращенный к некрасовцам, проживавшим в Малой Азии. И хотя он сулил в случае возвращения царские милости и прощение, однако услышан не был. Не дала результатов и прокламация генерала Михельсона, направленная за Дунай в 1806 г. Наибольших успехов на данном поприще дважды удалось добиться генералу С. Тучкову. В 1811 г. и в 1828—1830 гг. он смог склонить к переселению в Бессарабию (исключительно в нее и обязательно вблизи границы) две группы игнат-казаков. От имени императора им были обещаны все мыслимые милости: амнистия, льготы по податям и повинностям; свобода вероисповедания, беспрепятственное построение своей церкви и ведение богослужения по старому обряду; избрание рода жизни и состояния, какие пожелают; отвод земли под усадьбы в достаточном количестве; освобождение от рекрутской повинности; вступление в казачье ведомство, если желают считать себя казаками[20]. На столь льготные условия после длительных переговоров и торгов согласилось в 1811 г. 100 семей, а в 1828—1830 гг. 1 тыс. 42 человека[21]. Под Измаилом переселенцы основали две станицы — Старую и Новую Некрасовку, но на этом вплоть до начала XX в. миграция закончилась.

inslav

Возвращаясь в заключение еще раз к феномену довольно массового обращения в XVIII в. русских в турецкое подданство, хотелось бы подчеркнуть, что в своей основе оно носило исторически обусловленный, вынужденный характер. Отсталая с точки зрения европейцев средневековая Османская империя оказалась для тех из них, кто стремился к консервации своей идеологии и патриархального жизненного уклада, своеобразной, но почти идеальной резервацией, законы которой фактически стояли на страже общинно-конфессионального изоляционизма и традиционализма. Однако в своем "классическом" виде империя доживала в XVIII в. уже последние дни. По мере же прихода на Балканы эпохи реформ жизнь русских колоний постепенно становилась все менее соответствующей желаемому идеалу, соответственно постепенно приближаясь к своему логическому концу.

[1] *Критска-Иванова Е.Ф.* Типология и эволюция свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 218.

[2] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. СПб., 1875. Т. 1. С. 608.

[3] Там же. С. 609; *Кирилэ Ф.* Русская липованская община в Румынии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 270; *Штайнке К.* Старообрядцы в Болгарии // Там же. С. 253—257; *Липинская В.А.* Названия селений старообрядцев в Румынии // Старообрядчество: История, культура, современность. М.,1995. Вып. 3. С. 31—32.

[4] Очерк... С. 609.

[5] *Кирилэ Ф.* Указ. соч. С. 269—271.

[6] *Сайко М.Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70—80-е. годы XVIII в. — XIX в.) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 1994. Вып. 1. С. 32.

[7] Очерк.... С. 608.

[8] *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 183—184; Очерк... С. 607—608.

[9] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 2. С. 334—335.

[10] *Штайнке К.* Указ. соч. С. 254—256; *Критска-Иванова Е.Ф.* Указ. соч. С. 218.

[11] *Кирилэ Ф.* Указ. соч. С. 272.

[12] Там же; *Леонидова М.* Один восточно-славянский диалект в южнославянском окружении // Славистични изследвания. София, 1973. Т. 3. С. 224—230.

[13] *Романска Ц.* Фолклор на русите некрасовци от с.Казашко, Варненско, София 1959; *Критска-Иванова Е.Ф.* Указ. соч.; *Кауфман Н.* Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963, № 5. С. 35—40.

[14] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже. С. 327—328.

[15] *Кондратович Ф.* Задунайская сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. 1883. № 1. С. 27.

[16] *Лупулеску И.* Сведения о задунайских запорожцах // Там же. 1891. № 11. С. 295.

[17] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже. // Там же. 1889. С. 692.

[18] *Кондратович Ф.* Задунайская сечь... С. 272—273.

[19] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 1. С. 135.

[20] *Короленко П.П.* Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 2. С. 54—55.

[21] Там же. С. 54—55, 59—60. Полный текст статьи опубликован в журнале "Славяноведение", 2003, № 1.

inslav

Заключение

Лишь в XVIII в., ближе к его концу, пишет М. Тодорова, в Европе перестали рассматривать Балканы только как часть Османской империи, пространство, которое путешественник должен был пересечь, чтобы добраться до Стамбула, в прошлом — арену античной истории, в настоящем — место для археологических раскопок, а как "отдельный географический и культурный феномен", сумевший отстоять свою христианскую идентичность[1]. XVIII век — время "возвращения" Балкан в Европу, приобщения ее народов к европейской истории.

XVIII столетие явилось для Балкан своего рода прологом к судьбоносному XIX, веку освобождения. Оно подвело регион к эпохе массовых народных восстаний — Первому и Второму сербскому (1804—1813, 1815—1817), Валашскому (1821) и Греческой революции (1821—1829). А ведь в 1697 г. Посольский приказ отправил капитана Г.Г. Островского на поиски таинственной Шклявонии, настолько туманными были представления о том, что творилось в глубине региона.

Османская империя никогда не являлась унитарным хозяйственным и политическим организмом и стать им не могла. Отдельные ее части жили и развивались обособленно. Христианские области продолжали руководствоваться заветами Евангелия, местным неписанным правом и веками сложившимися традициями. Империя не развивалась по единому шаблону. Общий ее кризис не означал деградации всего и вся. Обнаружилось растущее отставание мусульманских районов и опережающее развитие христианских, чему способствовали крепнувшие связи с Европой. Углублялась пропасть отчуждения, отделявшая их от мира ислама. К розни религиозной добавлялись соображения иного плана: почему они, проявившие, несмотря на все препоны, способность лучше хозяйствовать, нежели приверженцы Магомета, пребывают в состоянии бесправной райи (стада)?

На все стороны жизни экономической, социальной, культурной, духовной накладывали свой отпечаток усилившиеся связи с Европой. Шесть войн сотрясали Юго-Восточную Европу в XVIII столетии, на ее землях на годы располагались армии Австрии и России, на греческих островах базировались эскадры А.Г. Орлова, Г.А. Спиридова и Ф.Ф. Ушакова. В 1719—1739 гг. немалая часть сербских и валашских земель входили в состав монархии Габсбургов. И не случайно, видимо, именно Сербия, Дунайские княжества и Греция, служившие контактной зоной с христианским миром, выступили в авангарде освободительного движения.

inslav

Великий исход сербского народа во главе с патриархом Арсением Черноевичем — трагическая и вместе с тем величественная дата в его истории. На "освободившиеся" земли хлынули албанские переселенцы; само название — Старая Сербия, центр средневековой сербской государственности и духовная колыбель народа, ныне вышло из обращения, ее именуют Косовским краем, откуда изгоняются последние сербские жители. А масса переселенцев очутилась в хозяйственном и духовном ареале Центральной Европы, несравненно более развитой, чем Османская империя. Их контакты с соплеменниками за Савой никогда не прерывались. Образовалось два центра сербизма. Народ в двух странах продолжал жить единой духовной, религиозной и культурной жизнью, его распадения на две ветви, постепенно отдалявшиеся друг от друга, не произошло. И австрийская зона явилась очагом общесербского возрождения.

В ходе войны Священной лиги (1683—1699) Трансильванское княжество с его значительным румынским населением перешло к Габсбургам и включилось в центральноевропейский цивилизационный ареал. Значительное распространение в его прежде исключительно православной среде получило униатство. Связь с римским престолом, пребывание духовенства в Ватикане укрепили ранее размытые представления о принадлежности этноса к латинскому миру. Трансильванская школа просветителей (С. Мику, Г. Шинкай, П. Майор, И. Будай-Деляну) сыграла выдающуюся роль в культурном возрождении в Дунайских княжествах. Правда, в своей увлеченности латинством она полностью проигнорировала наличие значительного славянского компонента в формировании языка и культуры румынского народа. В дальнейшем, в XIX и XX вв., их утверждения о чистоте расы, о прямолинейном пути от даков и римских поселенцев использовались разного рода националистическими течениями для утверждения якобы превосходства румын над "варварами"-славянами. Но в век XVIII, когда надо было вырваться из тьмы забвения, покрывавшей происхождение и развитие народа, Трансильванская школа сыграла положительную роль в национальном пробуждении.

Греческий этнос выступал в трех видах. Представители верхнего его слоя, фанариоты и высшее духовенство, входили в состав правящей элиты Османской империи, участвовали в ее управлении, им поручалась забота о сохранении лояльности многочисленной православной общины. Торговая буржуазия и судовладельцы с островов Архипелага, занимавшиеся извозом на Средиземном и Черном морях, составляли средний слой. Они поставляли кадры для диаспоры, основавшей свои торговые дома и фактории по всей Европе от туманного Альбиона до Московии. Именно они выполняли роль контактной зоны с христианским миром зарубежья и поставляли на родину не только товары, но и почерпнутые на Западе идеи Просвещения, в их среде зарождались и вызревали планы освобождения.

Самый многочисленный слой этноса составляло феодально-зависимое крестьянство континентальной Греции, трудившееся на полях как турецких, так и местных землевладельцев-кодзабашей. Особое место среди них занимали горцы — в малодоступных и труднопроходимых местностях туркам так и не удалось установить свою власть. Население здесь жило сплоченными общинами, его покой охраняли отряды клефтов со своими капитанами, смельчаков и удальцов, не брезговавших в мирное время и

inslav

разбоем на большой дороге. Они составляли готовые кадры для будущей революционной армии.

Болгарские земли располагались вблизи жизненно важных центров империи. С одной стороны это побуждало власти следить с пристальным вниманием за ситуацией в Болгарии и жестоко пресекать здесь проявления недовольства. По этой причине болгары с известной задержкой включились в освободительные процессы. XVIII в. ушел у них на духовную подготовку к открытым массовым действиям. С другой стороны, их земли являлись поставщиками сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий для армии и Стамбула, что способствовало опережающему хозяйственному развитию провинции. Появилась значительная прослойка товаропроизводителей и богатых купцов, заинтересованных в торговле с Высокой Портой и составивших впоследствии умеренное крыло освободительного движения.

Албания в XVIII столетии оставалась отсталым сельскохозяйственным краем. Население по религиозному признаку разделялось на мусульман (наиболее многочисленных), православных и католиков. Но история Албании религиозных междоусобиц не знает: сознание этнической общности являлось доминирующим фактором. Феодальная верхушка социума органически вписалась в систему турецкой власти, поставляя кадры офицерства и чиновничества всех рангов, вплоть до самых высоких, правителей пашалыков и везиров. Рядовые же албанцы, прежде всего мусульмане, в поисках хлеба насущного служили наемными солдатами в султанском войске и армиях некоторых других стран.

Национальное пробуждение приняло в Албании особые формы, его ступенью стали полунезависимые пашалыки Али-паши Янинского и Махмуда Бушати — государственные образования со смешанным албано-греческим населением, жестким управлением властей, но отсутствием подавления по религиозному признаку и созданием, при крутом нраве правителей, условий внутренней безопасности. В пашалыках укреплялось сознание своей албанской идентичности и росли сепаратистские настроения в отношении Стамбула.

Османская империя, по своей сущности будучи страной апартеида, жизнь в которой протекала в условиях разделения населения по признаку веры на мусульман и христиан, не могла превратиться в унитарное государство. Последние ощущали себя изгоями, держава для них была не родиной, а злой мачехой, дальнейшее существование и развитие они мыслили лишь при разрыве с ней. Образы прошлого, видения Византийской империи, Сербского королевства, Болгарских царств, Молдавского и Валашского княжеств волновали умы и рождали мысли о борьбе за возрождение национальной государственности. XVIII в. знаменовал расширение и упрочение контактов с христианским миром, а прорвавшиеся на балканские земли армии сначала Австрии, а позже России указали путь к освобождению.

Обрисовалась диаметрально противоположная стратегия Вены и Петербурга в регионе. Австрия шла путем прямой аннексии завоеванных территорий, и тут балканцев ожидало разочарование: цесарский гнет оказался не слаще турецкого. Из четырех своих последних войн с Высокой Портой Габсбурги проиграли две. В 1690 г. произошел великий исход сербов с дедовских земель вслед за отступающей армией кайзера Леопольда I. В 1719—1739 гг. жители немалой части Сербии, включая Белград, и население

inslav

валашской Олтении познали тяжесть австрийских налогов, изощренность имперской администрации и поползновения католической церкви на православие. В войне 1788—1791 гг. войска Иосифа II бросили на погибель помогавшие им сербские фрайкоры. Все это способствовало изживанию веры в освободительную миссию Габсбургской монархии и переориентации сербского и румынского национального движения на Россию.

Мощным связующим фактором между ней и балканскими христианами служила православная вера. На Балканы Россию увлекал и государственный интерес. XVIII в. уже оправившаяся от бедствий Смутного времени и окрепшая страна встретила в нелепом для великой державы положении, не имея выхода к открытому морю. Часть задачи выполнил Петр I, прорвавшись на Балтику, прорубив окно в Европу в северном направлении. А на юге свирепствовало Крымское ханство, и царское правительство занималось сооружением Засечных черт, чтобы обезопасить рубежи от налетов лихих степняков. Исторически неизбежным стало движение на юг, хозяйственное освоение сказочно богатых земель Причерноморья и прорыв к открытому океану через Босфор и Дарданеллы. Весь юг и даже центр страны по линии Смоленск — Воронеж был заинтересован в экспорте через Средиземное море. Противоборство с Турцией выступало поэтому как логически обусловленное и неотвратимое.

Знакомство с бумагами Петра I и Екатерины II убеждает, что они не стремились к завоеваниям как таковым, исходили из постулата о территориальной насыщенности России. Петр свидетельствовал в манифесте 1711 г., обращенном к балканским христианам: "...Мы себе иной славы не желаем, токмо да возможем тамошныя народы християнскя от тиранства поганского избавити, православныя церквы паки украсити, животворяший крест возвысити". Екатерина II размышляла в циркулярной депеше от 13 ноября 1763 г.: "Намерения нашего никогда не было, да и нет в том нужды, чтобы стараться о расширении границ империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга"[2]. Уже Петр строил планы возрождения государственности балканских народов под покровительством своей короны. При Екатерине подобные замыслы обрели более четкие черты. Ее Греческий проект (1782 г.) предусматривал образование Дакийского (Румынского) государства и Греческой империи. Хотя он ни в малой степени не отвечал реалиям существовавшей ситуации и игнорировал славянство, что свидетельствовало об отсутствии тогда идеи славянской взаимности, он все же явился вехой в подготовительном этапе на пути возрождения государственности балканских народов. Проект "испустил дух" ввиду его полной неосуществимости и присущего ему кардинального порока: пренебрежения сложившейся в регионе этнической конфигурацией, но он дал толчок дальнейшей разработке планов освобождения как в российском дипломатическом ведомстве, так и светлым умам из балканской среды, мнение которых учитывалось при формировании политической линии. Возобладала идея о создании на южных рубежах империи цепи автономных христианских государств, в которых самодержавие рассчитывало установить свое доминирующее влияние. На самом деле по мере обретения самостоятельности народы охладевали к официальной России и устремлялись к независимости.

Австро-русское сотрудничество вошло в полосу кризиса в 70-е годы. Оно имело шансы на существование, пока шла оборона от турецкого натиска, делить же с кем-либо влияние на Балканах Вена не собиралась, — а тут Россия

inslav

вырвалась вперед в наступлении на Османскую империю и собиралась пожать плоды побед. Потерпев неудачу в попытке остановить напор и изверившись в возможности прервать прорыв России на юго-восток континента, Иосиф II изменил тактику и решил вступить с Петербургом в союз, чтобы войти в долю при дележе лавров. Он потерпел неудачу на поле боя и запутался во внутренних противоречиях, а его брат и наследник Леопольд II пошел в 1791 г. на предательство союзной России и заключение сепаратного мира с Портой без каких-либо выгод для себя. После этого естественным стал переход к антироссийской политике статус-кво, т.е. сохранению в незыблемости владений и власти Османской империи, иными словами — обереганию ее от российских поползновений, а еще проще — переход к международному варианту подражания собаке на сене. Того же принципа придерживалась Великобритания. Франция традиционно числилась в покровителях падишаха. Ориентироваться балканцам в мечтах об освобождении оставалось лишь на Россию: альтернативного выбора не существовало.

Стратегический курс самодержавия отличался завидным постоянством, но в практическом его воплощении в жизнь приливы чередовались с отливами в зависимости от ситуации в Европе, в регионе и в самой России. При Петре и Екатерине он отличался высоким динамизмом, который исчезал в безвременье бироновщины. В 20-летнее правление Елизаветы Петровны центр внимания переместился на Запад, где бушевала сперва война за Австрийское наследство, потом Семилетняя; балканское направление внешней политики на какой-то срок утеряло свое приоритетное значение. Но именно тогда укрепились связи с южными славянами и началось массовое переселение сербов и болгар в Россию. Борьба с революционной Францией, от которой благоразумно воздерживалась Екатерина II, но в которую втянулся Павел I, переросшая в серию войн с Наполеоном Бонапартом, перепутала все привычные комбинации на Балканах. Россия, Великобритания, Австрия и даже Турция выступили в 1798 г. в союзе; противоречия между ними, разумеется, не исчезли, но отодвинулись на второй план. Благоразумие заставляло считаться с интересами партнеров, избегать обострения отношений с ними и откладывать разрешение разногласий "на потом". В российской переписке с балканцами появились новые нотки: да, будем вам помогать и вас поддерживать, но — по возможности.

Задача освобождения осталась в наследие XIX в. XVIII столетие проделало подготовительную работу. Его начало застало балканские народы еще под прочной османской крышей, и стагнации, казалось, не будет конца. На исходе столетия крыша изрядно обветшала, произошли знаменательные сдвиги в экономике, развитии общественного сознания, культуре, появились явственные признаки национального возрождения. Век XIX Балканы встретили в зареве восстаний. Освободительная миссия России проявилась во всем величии. Прокатились четыре русско-турецкие войны при скрытом или открытом противодействии "Европы". Всей!

Но об этом — в следующей книге нашего повествования — "История Балкан. Век XIX — до Крымской войны".

[1] *Тодорова М.* Балкани. Балканизъм. София, 1999. С. 198.

[2] Политические и культурные связи России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 29—30; Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 230.

inslav

Терминологический словарь

Аба — грубошерстная ткань
абаджи — ремесленники, производившие абу
ага — османский почетный титул
акче — серебряная монета
аскери — военные (мужи меча), в широком смысле — неподатное сословие
арматолы — вооруженные отряды в Греции на службе османских властей, формировавшиеся из клефтов *см.*: *клефты.*

Бей, бек, бег — почетный титул
бейлербей (бей над беями) — титул правителей эялетов (*см. также вали*)
берат — султанская грамота на право занятия должности или владения землей

Вакф, вакуф — земля или другое имущество, переданное мусульманами на религиозные или благотворительные цели
вали — правитель эялета
везир, визирь — высший государственный сановник
великий везир (визирь) — глава султанского правительства
воевода (слав.) — управитель земель, входивших в состав султанского или бейлербейского хасса
Высокая Порта, Блистательная Порта — название султанского правительства

Гайдуки (слав.) — общее название участников вооруженных выступлений балканского населения Османской империи (*см. также: ускоки, клефты, харамии*)
гедик — документ на право собственности на лавку или мастерскую
гулям — юноша-невольник, слуга
гуруш — *см. куруш*
гяур (кяфир) — "неверный", кличка всех иноверцев у мусульман

Дар-уль-ислам — земля ислама
дар-уль-харб — зона войны, христианские земли
дахия — начальник янычарского подразделения
девширме — налог кровью, принудительный набор мальчиков-христиан для воспитания в исламе и службы в рядах капыкулу
дербенджи — категория райи, занимавшаяся охраной горных перевалов и водных переправ
деребеи — крупные землевладельцы, правители отдельных областей в Румелии (Европейской части Османской империи)
дервиши — приверженцы разных мусульманских сект, аскеты
джебелю — воины, которых приводили с собой сипахи
джизие, джизье — подушный налог с немусульман (*см. также харадж*)
диван — совещательный орган при султане, великом везире или местном правителе
драгоман — *см.* буквально — переводчик, фактически важная административная должность, связанная со сношением с иностранцами (драгоман Высокой Порты, драгоман флота)
дюкан — мастерская ремесленника, лавка купца

Заим — владелец зеамета
зеамет — крупное условное держание с годовым доходом в 20—100 тыс. акче
зякат — милостыня в пользу бедных

inslav

Ильтизам — краткосрочный, на 1—3 года, откуп налогов, предоставляемый частным лицам
имам — духовный глава мусульманской общины

Йерли — провинциальные воинские части из местного населения

Кади, кадий — мусульманский судья по уголовным и гражданским делам
кади-заде — ученик медресе
калфа — ремесленник, подмастерье
капудан-паша, капитан-паша — командующий флотом Османской империи
капыкулу — лица, состоявшие на дворцовой службе или записанные в реестр постоянного войска
кехайя — глава ремесленной корпорации
киле — мера сыпучих тел = 18—20 окк (приблизительно 25 кг)
клефты (в Греции) — вооруженные отряды, сопротивлявшиеся завоевателям
кнезы (слав.) — представители местной власти в сербских и болгарских землях
кметы — старейшины в сербских и болгарских селениях
коджабаши — представители греческой знати, в руках которых при османской власти находилось местное самоуправление
кошелек денег (кесе) — 500 курушей
куруш (гуруш, грош, пиастр, левк, лей) — денежная единица XVIII в. на 60% из серебра и на 40% из меди. Во второй половине XVIII в. равнялся 60—70 копейкам. Куруш = 120 акче
кырджали, кирджалии — участники феодальных мятежей и разбоев в конце XVIII в.

Люди пера, каламие — представители господствующего сословия, занимавшиеся гражданской службой
левк — русское название куруша
ляиха — докладная записка

Маликяне — пожизненный откуп
махалле — городской квартал
медресе — духовное училище
миллеты — общины, объединявшие разные религиозные группы населения
миллет-баши — глава миллета
мири — государственное имущество, доходы с которого поступали в казну
мулла — служитель мусульманского культа
мульк, мюльк — земля и другое имущество, находившееся в собственности частных лиц
муфтий — мусульманский богослов-законовед, имевший право выносить свое суждение в виде фетвы
мухтасиб, мусасиль — чиновник, контролировавший городские рынки
муэдзин — служитель мечети, призывающий к молитве
мюсселимы — средневековое конное ополчение
мютесселим — заместитель правителя пашалыка
мютеферрика — конная лейб-гвардия султана

Наиб — заместитель или представитель кади
нахие — судебно-податная административная единица из нескольких деревень
низам — порядок
низам-и джедид (новый порядок) — название реформ Селима III

Оджак — основная часть янычарского войска
окка — мера веса, 1,28 кг
орта — рота
орф, урф — обычай, традиция

Падишах, император — официальный титул главы Османской империи
пара — монета = 3 акче
паша — титул высших военных и гражданских сановников в Османской империи
пашалык — область в управлении паши
пиастр — *см. куруш*

Райя (стадо по-арабски) — податное население страны. В XVIII в. — немусульманское население
реис-эфенди — управитель канцелярии Порты, ведавший внешними делами
ренегат — европеец, принявший ислам

Санджак — административная единица, часть эялета
секбан — наемное войско
сераскер — командующий
сипахи, спахия — держатели условных пожалований, служили в конном ополчении
спахилук, спахилык — земельный надел сипахи
сура — глава в Коране

inslav

Тимар — условное земельное держание с годовым доходом до 20 тыс. акче
тимариот — держатель тимара
тапу — документ о наследственном праве крестьянина на обрабатываемую землю

Улемы — представители высшего исламского духовенства
ускоки — *см. гайдуки*

Фанариоты — представители греческих аристократических семей, занимавшие высокие посты в турецкой администрации. Жили традиционно в стамбульском квартале Фанар
ферман, фирман — султанский указ
фетва — письменное заключение по юридическим вопросам

Халиф — титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира, султана
хан — глава Крымского ханства
харадж, харач — подушная подать с немусульман в XVIII в.
харамии — *см. гайдуки*
хасс — условное земельное пожалование с годовым доходом свыше 100 тыс. акче
хатт-и шериф — священный указ

Чаршия — торговый квартал в городе
челеби — почетный титул образованных и знатных людей
чифт — крестьянский участок, который можно было обработать за день с упряжкой из двух волов
чифтлик, читлук — частное земельное владение
чифтлигар — владелец чифтлика
чорбаджи — командир роты (орты) янычар; сельский староста

Шариат — свод мусульманского права и теологических норм
шейх-уль ислам — глава улемов, главный муфтий Стамбула
шахид — павший за веру

Эснаф — корпорация торговцев или цех ремесленников
эфенди, эфендий — вежливая форма обращения к уважаемым духовным и светским лицам
эялет — наиболее крупная административная единица Османской империи, управляемая бейлербеем (вали)

Янычары — солдаты привилегированного пешего войска
яя — пешее войско султана в XIV–XV вв.

inslav

Указатель имен

Абаза Хасан-паша 29
Абди-Ага 30
Абдул-Резак 129
Абдурахман 35
Абдул-Хамид I 130, 152
Август II Сильный 38, 40, 67, 71, 75
Август III 76, 116
Адамопуло А. 486
Адольф Фридрих Гольштинский 80
Адриан (патриарх) 46
Айдос Мехмед-паша 155
Албанез Й. 63, 297
Александр VII, папа 37
Александр Македонский 352, 417
Александр I, великий князь Александр Павлович 155, 164, 165, 175, 387
Алексей Михайлович 44, 46, 74, 286
Али Дамад-паша 64, 65
Али-паша, великий везир 419
Али-паша Янинский (Тепелена), Али-бей 164, 376, 454, 455, 501—508, 513
Альбергети 490
Амвросий, епископ Вологодский 82
Анастасиос 417
Анатолий 303
Ангеларий 282
Анджелкович Коча 306—309
Андроник II 7, 9
Андроник III 7, 8
Андроник 7
Андруцос 461
Анисимов Е.В. 71, 73, 74, 76, 82
Анна Иоанновна 71, 73, 75—77, 80, 82, 85, 298, 518, 525
Анна Леопольдовна 84, 85, 88, 93
Анна Петровна 70
Анна Савойская 8
Антоний 7
Антон Ульрих Бреверн-Брауншвейгский 84, 85, 93
Антрокидис М. 431, 432
Апраксин С.В. 98—100
Арабаджиоглу 262
Аржансон Р. 92, 99
Аристотель 217
Арсений 270
Арсений IV Шакабента 255, 305, 348
Арсений Иоаннович 79
Арсений Пламенац 374
Арсений Черноевич (Црноевич) 36, 37, 48, 49, 52, 528
Арш Г.Л. 149
Афиф Ахмед-паша 118
Ахмед II 39
Ахмед III 60, 61, 180, 343
Ахмет Курт-паша 480, 493, 494, 497, 501, 502

Бажова А.П. 328
Байрон Д. 225, 433, 501, 502
Байе О. 263
Балдуин 279
Баязид Молниеносный 10, 12—14
Баланосы, семья 431
Баргини, род 480
Барер Н. 159
Барков 439, 440
Бароний Ц. 281
Баррас П. 166
Беголы, род 469
Безбородко А.А. 140, 142, 143, 149, 150, 156, 169, 458
Бейн Р.И. 86, 103
Бекария Ч. 136
Бекир-паша 504
Белодинович П. 373
Белль-Илль А.Ж. 90, 91
Бенаки, Бенакисы, семья 378, 409
Бенаки Л.П. 454, 455, 465
Бенакис П., Бинакий 437, 438
Бенедикт XIV 275
Бестужев-Рюмин А.П. 82, 87, 88, 93, 94, 97—99, 336, 350, 352, 355

inslav

Бестужев-Рюмин В. 209
Бестужев-Рюмин М.П. 299, 354
Библ В. 65
Биондо Ф. 222
Бирон Г. 82
Бирон Э.И. 82, 84
Бицилли Д. 484, 486, 495
Бицилли Пано, Бичил 452, 483—486, 494, 495, 497
Блазнавац М. 306
Богдан II Слепой 178
Богданов 256
Богичевичи, семья 306
Божур Ф. 265
Бозе Х. 46
Болди Ю. 355
Болица Н. 348
Бонапарт Наполеон, император Наполеон 70, 166, 168, 171, 173—175, 196, 264, 463, 507, 517
Бонифаций IX 14
Бонфиний 222
Боций Д.Ф. 60
Ботта д'Адорно А. 93, 94
Боцис Д. 418
Боцис И. 416, 418
Брайткопф И. 324
Брауде Б. 268
Браницкая А. 158
Броньяр 374, 500, 513
Бради Ф.М. 385, 386
Бранкович Вук 9, 13
Бродский И. 280
Бркич В. 367, 371, 372
Брынковяну Константин 56, 58, 180, 181, 187, 216, 217, 219, 223, 226
Бубич М.А. 365
Буда А. 474
Будай-Деляну И. 227, 528
Букувало 434
Булавин Кондрат 518
Булгаков Я.И. 143, 378, 430, 497
Бурбоны, династия 65, 74, 76, 97, 98
Бутурлин А.Б. 102
Буфиер 217
Бушати, род 469

Варука С. 378
Василе Лупу 43
Василе Новый 219
Васильев А. 32, 42
Василико А. 483
Вакалопулос А. 424
Везилис А. 323
Велестинлис Ригас 462, 464, 466
Велико 283
Вели-паша 80, 185, 501
Величков П. 255
Венецинакис П., Венецианаки 446
Венцлович Г.С. 317, 318
Верещиньский Ю. 43
Вержен Ш.П. 118
Вешняков А.А. 76, 82, 96, 105, 347—351
Видакович М. 320
Вильнёв А. 81, 82, 186
Виноградов В.Н. 328
Виссоватиус 225
Витезович П. 285, 405
Виткович С. 298
Владимир, епископ Зетский 357
Влад Цепеш 16
Владимир 285
Владислав II Ягелло (польский король), в Венгрии — Уласло I 16
Владиславич-Рагузинский С. (*см.* также Рагузинский) 477
Влера, семья 480
Вобан С. 30
Возницын П.Б. 49, 50, 56, 297, 416
Войнович В. 299
Войнович И. 125, 447, 448, 491, 492
Войнович М. 125
Волынский А.П. 79, 82
Вольтер (Аруэ Ф.М.) 197, 225, 462
Воронцов М.И. 355, 359
Воронцов С.Р. 156, 157
Вуич 299
Вук Маркович (Марко Вукович) 363, 364
Вукашин 8
Вукашинович В. 341
Вукотич 171, 345
Вукотич С. 379, 385
Вукосавович М. 332
Вулгарис Е., Булгари 415, 432, 433
Вулин 107
Вучетич Е.В. 299
Выгодский И.А. 43
Вэкэреску Е. 190, 223
Вэкэреску Н. 224
Вэкэреску Я. 91
Вяземский 517

Габсбурги, династия — 22, 23, 29, 31, 34, 36, 39, 40, 48, 74, 79, 89, 95, 97, 98, 112, 118, 120, 121, 126—128, 136, 141, 150, 154, 166, 180, 181, 185, 188, 296, 305, 306, 308, 314, 321
Гавриил 314
Гавриил, митрополит Московский 375
Гавриил Лесновский 279
Галилей Г. 218
Гандев Х. 237, 257
Ганнибал И.А. 439, 487
Ганнинг Р. 121
Гарашанин И. 306
Гевара А. 222

inslav

Геннадий Сколарий 16, 17, 18, 284
Генрих Прусский 119
Георг II, король Англии 90, 91, 98
Георг III, король Англии 129, 136—138
Георге Штефан 44
Георгий 255
Георгий, митрополит 218
Георгий 283
Георгий новый 271
Герсдорф Ф. 369
Герцберг Э.Ф. 151, 156, 157
Гика Г. 221
Гика Григоре II 217, 218
Гика К.Ч. 487
Гладкий О. 524
Гогенцоллерны, династия 97
Голиков И.И. 477
Голицын А.М. 119, 369
Голицын В.В. 42, 43, 45
Голицын Д.М. 120
Головкин Г.И. 53, 60, 72
Гольдбах Х. 94
Гольц В.Б. 103, 104
Гомер 217
Гомпеш 168
Гордон П. 145
Грей А. 114
Грейг С.К. 147, 149, 151, 152, 452, 454, 456
Гречану Р. 216, 220, 223
Гречану Ш. 220
Григорики 434
Григоракис Д. 461
Григоре Гика, князь Валахии 186
Григоре III Гика, князь Молдавии 191, 212
Григорас М. 224
Гримани Ф. 334, 335, 412
Грозданова Е. 238
Гудович И.В. 158
Густав III, король Швеции 124, 150, 151, 154, 156, 157
Гъонмас М. 430
Гюго В. 225

Дабижа-господарь 226
Дальон Л. 93
Дальяни Махмуд 480
Дамаскин И. 218
Дамаскин Студит 280
Данила, князь Черногории 363
Данила Петрович Негош 62
Данила Шчепчевич 335, 341, 342—346
Даниил Святогорец 283
Дапонте К. 224
Даун 101
Декарт Р. 432
Дели-Ахмед 308
Делияннисы, семья 409
Деми Ибрахим 480
Депрерадовичи, семья 299
Державин Г.Р. 162
Дертли Мехмед 262, 273
Джакович И. 290
Джанум Ходжа 420, 478
Джаффер-паша 502
Джика (Гика) А. 487, 495, 506, 517
Дзирас П. 455
Димитр 255
Дмитрий Ростовский 283
Доино Грамматик 283
Долгорукие, семья 70
Долгорукий В.И. 61
Долгорукий Г.Ф. 61
Долгоруков Ю.В. 125, 364, 369, 371, 439, 440
Дольфини Д. 347
Дорофей 270
Дорошенко П. 29
Досты, род 480
Драгичевич Р. 341
Драгоши, братья 9
Друганеску П. 185
Дуглас М. 98
Дука 299
Дусман-паша 107
Дю Канж 218
Дюма А. 501

Евфимий Дамианович 78, 79
Евфимий Тырновский 278
Евгений IV 15, 16
Евгений Савойский 36, 38, 40, 65, 66, 79, 89, 92, 289, 345, 396, 420
Екатерина I, Екатерина Алексеевна, Марта Скавронская 53, 59, 70, 71, 73, 74
Екатерина II, Екатерина Алексеевна, принцесса Ангальт-Цербстская, София Августа Фредерика 86, 94, 104, 112—122, 124—129, 131, 132, 135—137, 140—146, 152—159, 168, 169, 175, 187, 188, 193, 197, 307, 308, 340, 361, 362, 368—372, 374, 376, 429, 433, 435, 438, 440, 446, 451—453, 455—458, 484, 487, 488, 491, 493, 516, 525, 530
Екатерина Иоанновна, царевна 67—69
Елавич Б. 19, 20
Елена Волошанка 178
Елизавета Петровна, царевна Елизавета 84—88, 92, 94, 95, 97, 98, 100, 102, 108, 112, 348, 354, 356, 360, 433, 434, 531
Елисей 370
Елисеева О.И. 141, 143
Елманов А.О. 496
Евфор, Эфор 431

Жантили А. 463
Жигмонд 10, 14

inslav

Жудро 436
Жуйовичи, семья 306

Заборовский И.А. 149, 452
Заимисы, семья 409
Залуцкий С. 303
Запольяи Я. 22, 23
Зейдлиц Ф.В. 101
Змаевич В. 342
Змаевич М. 299, 342
Зорич С. 299, 375, 376, 383
Зосима, братья 431
Зотов З. 156
Зриньи И. 30
Зриньи Миклош (Зринский Николай) 23
Зубов П.А. 153, 157, 165, 379, 455

Ибрахим-паша Бератский 502
Ибрахим-паша, правитель Каваи 490
Ибрахим-паша Бушати 506 (*см.* также Бушати)
Иван Александр Шишман 9, 12, 14
Иван III Васильевич 178
Иван IV Грозный 21
Иван Иванович Молодой 178
Иван Рильский 278, 279
Иван Солтан 525
Иван Страцимир 9, 14
Иван Шишман 281
Ивелич М.К. 299, 379
Ивиряну А. 216, 218, 219, 220, 221
Ивкович С. 315
Игуменос Епифанос 430
Иероним Агафангел 284
Измаил 284
Имамович М. 397
Иннокентий XI 31,34, 37
Иоанн 8
Иоанн VII 18
Иоанн (Иван) Алексеевич 45
Иоанн Антонович 84, 85, 103
Иоанн Златоуст 220
Иоанн VI Кантакузин 11
Иоанн V Палеолог 9, 11
Иоанн Поливотский 278
Иоасаф 9
Иоасаф 255
Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская 94, 95
Иосиф I, австрийский император 58, 293
Иосиф II, эрцгерцог, австрийский император 90, 115, 121, 122, 135, 136, 137—146, 151—153, 186, 188, 192, 194, 292, 294, 295, 296, 307, 308, 321, 322, 323, 326, 371, 374, 375, 379, 393, 500, 531
Иосиф Брадатый 280
Ипсиланти А. 189, 191, 192, 212, 263
Исидор 16
Исламов Т.М. 49, 79
Исмаил-паша Велябишти 480

Йованович В. 303, 304, 316
Йованович М. 316
Йованович С. 311
Йорга Н. 18, 190,
Йорки, фамилия 21

Кавалиоти Т. 510
Кавальеракис Я. 434
Кадыр-бей А. 169
Калигула 193
Камбери Хасан Зюко 512
Камиллис 475
Кантемир Антиох, князь Молдавии 180
Кантемир Антиох, русский поэт 182
Кантемир Димитрий 57, 58, 180, 181, 185, 216, 222—226
Кантемир К. 224
Капица П.Л. 299
Кантакузино Г. 184
Кантакузино К. 261, 222, 223
Кантакузино П. 182
Кантакузино Т. 182
Каплан, семья 480
Капланис З. 431
Кара Фейзи 262
Карагеоргий (Георгий Петрович) 296, 300, 306, 307, 312, 324
Караджа В. 338, 339
Караджа Н. 192
Каразин Н. 188, 256
Караман-паша 504
Кара-Мустафа 30—34, 39, 42, 393, 467
Караффа Э. 95
Карл VI Австрийский 65—68, 73, 76—80, 89, 302—305, 430
Карл XI Шведский 52, 53
Карл XII Шведский 52, 55, 59, 61, 87, 88
Карл Август Гольштинский 88
Карл Альбрехт Баварский 89, 90—92
Карл Великий 31
Карл Леопольд Мекленбургский 67, 68
Карл Лотарингский 31, 32, 35, 91, 92
Карл Фридрих Гольштинский 70, 71
Карлсон Э. 96
Кастриот Г. *см.* Скандербег
Кастриот Г. 56, 180, 182
Качич-Милошич А. 286
Кастриото Ф. 487, 488
Кауниц В.А. 97, 121, 127, 143, 188, 191, 307, 371
Караман-паша 489
Кацонис Ламброс (Ламбро Качони) 422, 454, 456—462, 465
Кацонис, семья 466
Катиб Челеби 30

inslav

Кверин М. 349
Кейзерлинг Г.К. 76, 106, 354, 358
Кел Давуд 282
Кёпрюлю, семья великих везиров 21, 29, 31
Кера Тамара 9
Кесарий Рымникский 223
Кесарийский П. 222
Кетлер 71
Кибальчич Н. 299
Кинский 152
Кинский Ф. 40, 47, 48, 91
Климент, митрополит 418
Клазомуня (Паликарда) С. 370
Клопакис Х.И. 385
Ключевский В.О. 55, 67—70, 114
Кобенцль Л. 139, 142, 166
Кобург-Саксен И.Ф. 152,153
Ковалевский Е.П. 374
Когэлничану М. 181
Козачинский М. 303, 318
Козма, иеромонах 219
Кока, семья 460
Колер Ф. 294
Колокотронис Т. 446
Колонич Л. 293
Колычев С.А. 175
Комнин Х. 448, 451, 453
Конде Л. 31
Константин XI 16
Константин Павлович, великий князь 140, 164, 165, 455, 456, 458, 459
Кончаревич С. 314
Коняев М.Т. 491, 492, 496
Коперник Н. 218
Кораис А. 451
Костин М. 222
Костин Н. 222
Костич М. 303
Костюшко Т. 164
Костяшов Ю.В. 291, 321, 327
Кулаковский П.А. 302, 328
Кревата П. 433, 451
Крижанич Ю. 353
Крюйс К. 51
Кумас К. 430
Курбцек И.Л. 323
Кутузов, Голенищев-Кутузов М.И. 158, 160, 504
Кьяро М.А. 216

Лавалетт 507
Лазаль Ж. 453, 460
Лазари 13
Лайош II 22
Лакиотис Х. 455
Ланчинский Л. 78, 81, 94
Ландос 219
Ланкастер, английский род 21
Ласкарис де Кастела Д. 366
Ласси П.П. 71, 76 78—81, 87, 89, 92, 96, 101
Ласси И.Ф. 101, 151
Лашкарев 194
Лаштенан Ф.Д. 93
Лаудон Г.Э. 100—102, 104, 308
Лебрен П. 159
Левашов П.А. 133
Левевольд Р. 82
Левенгаупт К.Э. 87, 88
Лейбниц Г.В. 432, 510
Леонтьев 70
Леопольд I, император Австрии 31—34, 35—37, 39, 47, 48, 50, 290—293
Леопольд II, эрцгерцог, император Австрии — 142, 153, 154, 194, 531
Лещиловская И.И. 290, 296, 309, 321, 326—330
Лещинская М. 75
Лещинский Станислав 53, 75, 76
Либрас 82
Ликург 171
Лиотар 217
Лойола Игнатий 302
Локк Д. 432
Ломоносов М.В. 104
Лопатин В.В. 113
Лопухина Н. 93, 95
Лоренци Г. 454, 460
Лукачевич И. 342
Луиза Ульрика Гогенцоллерн 88
Людвиг Баварский 37
Людовик XIV 31, 32, 37, 38, 47, 50, 65, 89, 218
Людовик XV 75, 81, 87, 88, 91, 95, 98, 99, 102, 103, 119, 129, 136, 159, 186
Людовик XVI 132
Люшич Р. 324, 329

Маврокордат А. 33, 40, 50—52
Маврокордат К. 205—208, 217, 219, 222, 226
Мавромихалис Г. 434, 436, 437
Макропуло 436
Мазарини Д. 38, 40
Майор П. 227, 228, 528
Маколей Г. 47
Макарий 217
Макс Эммануил Баварский 35, 37
Мануил 9
Мануил II 19
Манчини О. 38
Мара 16
Мардефельд А. 94, 95
Мария Терезия, эрцгерцогиня, королева-императрица 66, 73, 77, 80, 89, 90—97,

inslav

100, 102, 104—108, 120, 121, 130, 136, 139, 293—296, 298, 302, 321, 323, 351, 373
Марк Гьони, род 475
Марко 9
Марко Глухой 255
Маркова О.П. 142
Марлианус А. 221
Марсильи 40
Мартынов И.И. 432
Маруцисы, семья 430—432
Маруцис С. 430
Маруцци Л. 368
Матвей Грамматик 271
Махмуд-бей Бушати 489
Махмуд-паша Бушати 376—379, 387, 454, 495, 497—501, 504—506, 508, 513
Мейер М.С. 234, 246, 248, 259, 264
Мекси Вангель 513
Мелетий 310
Мельников Д. 434
Мелиси-ага 436
Менгден Ю. 85, 86
Мендельсон-Бартольди К. 462
Меншиков А.Д. 55, 69, 70—72
Мерк Г. 361, 365, 368
Мефодий 279, 282, 283
Мехмед I Челеби 15
Мехмед II Завоеватель 12, 17,18, 28
Мехмед III 12
Мехмед IV 30, 31
Мехмед-паша Айдослы 497
Мехмед Балтаджи-паша 58, 59, 60, 181, 182
Мехмед-паша Кёпрюлю 29, 31
Мехмед-паша Соколлы (Соколович) 309
Мехмед-эфенди Бульчи 503
Мехмед-паша Бушати (Старый) 481—482, 488—490, 493
Мику С. 227, 228, 528
Мило М. 217
Милорадович М. 58, 60, 67, 477
Милорадович М.А. 299
Миних Б.Х. 77, 80, 81, 84—87, 185
Миошич А. 405
Миркович С. 499, 500
Михаил Федорович 42, 44, 171
Михаил Шишман 7
Михайлович Константин 7
Мирча Старый 4, 14, 178
Михельсон И.И. 525
Михнева Р. 95
Мовилэ П. 220
Моисей Путник 375
Молчанов Н.Н. 55—57
Монотропос Ф.Ф. 220
Монс А. 69
Монс В. 69
Мордвинов А.С. 378, 499
Мориц Саксонский 71, 81, 84—87, 185
Морозини Ф. 35, 39, 64
Морузи А. 212
Мкроевич Ф. 365
Мунгакис Н. 434
Мурад I 9, 10, 13
Мурад II 15, 16
Мурад IV 20
Мурад-ага Аджели 499
Муса 15
Мустафа 15
Мустафа II 289
Мустафа III 300, 488
Мустафа Кёпрюлю 37
Мустафа-паша 602
Мустафа-паша Бушати 508
Мустафа-паша Бушати, сын Мехмеда 489—493, 496
Мутафчиева В. 259, 260, 265
Мушкатирович Й. 323, 327

Надир Шах 96
Наполеон, император (*см.* также Бонапарт Наполеон) 312, 314
Нарышкин А.А. 383
Нассау-Зиген К. 152, 154
Наталия Алексеевна, царевна 143, 164
Наум 279, 282
Начи С. 493
Некульче И. 216, 226, 227
Некрасов Г.А. 72, 102
Некрасов И.Ф. 518, 520
Нельсон Т. 170, 507
Неманичи, королевский род Сербии 301
Ненадович А. 307, 309
Ненадович М. 309, 328
Ненадович П. 294, 304, 322, 323
Неплюев И.И. 76, 96
Неплюев А.И. 351
Неранчич Д. 149, 378
Никитин А.В. 43, 47
Никифор Рильский 282
Николай Софийский 271
Николев 162
Новакович Д. 303, 304, 325
Новакович С. 310, 323
Новалич Ф. 397
Новиков Н.И. 164
Нолькен Э.М. 85, 86
Нуман-наша Чуприлович 60, 343
Ньютон И. 218
Нягое 221

Обилич Милош 13
Обрадович Досифей 43, 63, 303, 318, 320, 323—326, 400

inslav

Обресков А.М. 107, 118, 122—126, 128, 130, 132, 188, 351, 354—356, 360, 367, 371, 372,483, 484, 486, 494
Обренович Милош 300
Обреновичи, сербская династия 306
Огинские, польский род 70
Оливьери Ч. 378
Олсуфьев А.В. 438
Омер-паша 482
Оппенгеймер С. 36
Орбини М. 281
Орешкова С.Ф. 28
Орлов А.Г. 120, 127, 147, 354—356, 360, 366, 371, 372, 438, 439, 484—487, 491—494
Орлов Г.Г. 123, 126, 149, 188, 435
Орловы 86
Орлов-Денисов В.П. 175
Ортайлы К. 30
Орфелин Захария 318, 319, 323
Орхан 8—10
Осман 28
Осман-паша 122
Осман III 357
Османы, династия 10
Остейн 79
Остерман А.И. 72—74, 76, 84, 86, 87, 96
Остерман И.А. 157, 378, 499
Островский Г. 46
От Гасан 498

Павел I, Павел Петрович 112, 160, 162—166, 168, 170—175, 197, 383—387
Павич М. 329
Павленко Н.И. 58, 63, 75
Павлович В. 303, 318
Пазванд-оглу О. 195, 235, 260—264, 312
Паисий Хилендарский 271, 272, 276, 281—284
Палатино И. 434—438
Палеолог И. 218
Палладоклис А. 498
Памбург П. 57
Панайот Р. 180
Пангалос Н. 455, 459
Панин Н.И. 114—116, 121, 122, 125, 127, 128, 135, 140, 187, 188, 435, 531
Панин Н.П. 173
Папазоли Г. 435—438, 489
Папаламбро В. 485
Парапанович И. 383, 384
Парфений Павлович 105
Паткуль И.О. 49
Паулич 374
Пахомий, епископ 219
Пейо 271
Песо А. 489
Переньи П. 22
Перич Д. 298
Песталоцци И.Г. 191
Петр I, Петр Алексеевич 4, 45—49, 52, 53, 57, 62, 67, 70, 72, 74, 75, 85, 88, 102, 114—117, 174, 180, 181, 187, 192, 193, 221, 224, 242, 285, 297, 301, 302, 304, 318, 319, 334, 341—344, 362, 373, 521, 525, 530, 531, 416—419, 429, 476—478
Петр II, Петр Алексеевич 70, 73
Петр III, Петр Федорович, Карл Петер Ульрих Гольштинский 88, 95, 100, 102—104, 112, 113, 125, 164, 363—367, 370, 372, 387
Петр Петрович 68, 371
Петр I Петрович Негош 170, 171, 337, 339, 341, 362, 371, 375, 377, 379—382, 384—386, 517
Петр II Петрович Негош 335, 338
Петраки И. 192
Петрович И. 371, 377
Петрович М. 301—304, 326
Петрович (Шароевич) 354
Петру Арон 178
Пизани К. 342
Пиндар 217
Питт В. 156, 157
Пифагор 431
Пишчевич С. 298, 318, 328
Пичета В.И. 299
Плавкович Е. 366
Пламенац Арсений 333
Плантагенеты, английская династия 27
Платон 431
Плутарх 220
Поликарпов 302, 318
Платонов В.Ф. 114
Подгоричанин И.М. 124, 340
Помеидис Т. 416
Полоцкий Симеон 344
Понятовский С. 61
Попович А. 282
Попович Б. 297
Попович В. 301
Попович П. 299
Поповичи-Текелии, семья 296, 315
Потемкин-Таврический Г.А. 140—143, 146, 150—153, 155, 157, 158, 165, 194, 218, 256, 371, 375, 376, 454, 456, 458—460, 503
Прасковья, царица 68
Прерадович Р. 107
Прерадович Р. 298
Прокопович Феофан 217, 302, 304, 318
Прохор Пщинский 279
Пугачев Е.И. 365, 372
Пукевиль Ф. 513
Пунчо 284
Путилов Б.Н. 340

inslav

Путнянул Я. 219
Пушкин А.С. 439
Пыршковяну Шт. 189

Рагузинский Савва Владиславич 56
Радзивиллы, литовско-польский род 76
Радич Р. 317, 329
Радищев А.Н. 164
Радович Г. 220
Радонич Й. 332,335, 371, 373, 374, 376, 377, 385, 386
Радонич С. 356—358
Радославлевич Н. 330
Разумовский А.К. 386
Райович М. 301
Райич Й. 303, 304, 310, 319, 323
Ракич Л. 328
Раковица Константин 205
Раковица Михаил 18, 205, 221, 222, 226
Ранина Ф. 516
Ранке Л. 306, 312
Рашкович А. 294, 298
Рашковичи, семья 296, 315
Репнин Н.В. 130, 135, 155, 157, 158, 191, 460
Римский-Корсаков А.М. 172
Риффен П. 169
Ровинский П.А. 306, 340, 341, 348, 364
Ростовский Д. 219
Ростопчин Ф.В. 173—175
Рудяков П.Н. 299, 328
Румянцев П.А. 99, 101, 102, 118—123, 127, 128, 129, 146, 151, 152, 158, 186, 191, 194, 256, 306
Руссо Ж.Ж. 195
Руццони 40

Сабо Ф. 138
Савва Петрович, митрополит 105, 108, 126, 346—351, 354—357, 360, 362, 363, 365—367, 370, 374
Садык-паша 525
Сакелляриос М. 441
Салих Байрактар 262
Самарджич Р. 301, 328
Салтыков П.С. 100—102
Самойлович И. 46
Санджи Челеби 9
Сапеги, польско-литовский род 76
Саро Э. 435—438, 484
Селим III 24, 130, 152, 158, 167, 169, 195,196, 311,312, 504
Селим-паша 498
Семенова Л.Е. 189, 190
Симеон Гордый 8
Синап Мехмед 262, 273
Симонвиль 159
Синан-паша 469
Скавронская Марта, *см.* Екатерина I
Скандербег (Георгий Кастриот) 16, 21, 467, 474, 477, 487—488, 513
Скерлич Й. 324, 326
Скоропадский И.И. 416
Смотрицкий Мелетий 217, 302, 304, 318
Солярич П. 323, 327
Соколович Макарий, митрополит 309
Соловьев С.М. 81, 86, 104, 114, 364, 435, 440
Сотири Л. 452, 455
Сотирович Д. 218
София Доротея 98
Софокл 217
Софья Алексеевна, царевна 46
Софроний Врачанский 282
Спиридов Г.А. 120, 125, 147, 439—441, 486, 487, 516
Спиридон 283, 284
Стамати К. 196
Станислав-Август Понятовский, король Польский 116, 150
Станоевич Г. 347, 357
Станоевич С. 328—330
Стафа 436
Стахиев А.С. 446
Стегний П.В. 140—142, 156
Стеич Й. 320
Степан Малый 126, 147, 363—372, 387, 486, 488
Стерич-Попович Й. 320
Стефан Дечанский 7
Стефан Душан 7
Стефан Лазаревич 13, 14
Стефан Тврткo 12
Стефан IV Урош 11
Стефанополис Д. 463
Стефанополис Н. 463
Стойко 255
Стойкович А. 318, 327
Стоян Кованлышский 282
Стоянов Й. 298
Страбон 222
Стратимирович С. 320, 321, 322
Стратимировичи, семья 296, 315
Стренгпортен Г.М. 173
Стрешневы, род 72
Суворов А.В. 128, 129, 146, 150, 155, 160, 162, 170—173, 194, 256, 257, 306, 387
Суворов В.И. 107
Суворов М. 302, 318
Сулейман 15
Сулейман 35
Сулейман 393
Сулейман-бей 490
Сулейман-паша Бушати 334
Сулейман Великолепный 22, 23, 28
Сума Я. 484, 499

inslav

Тадич Г. 318
Талейран-Перигор Ш.М. 173, 175
Талочи 16
Танович М. 364, 365
Тапье В. 36
Тарасов М. 362—364
Теодосий Д. 318, 323
Тарле Е.В. 115, 117, 364, 496
Тейбель 324
Текелия П. 298
Текелия С. 320
Теодорович Д. 317
Теотокис Н. 415
Терлаич Г. 318
Тимур 14, 15
Тодоров Н. 243
Тодорова М. 527
Толстой А.Н. 45
Толстой П.А. 46,52, 53, 61, 68, 70, 180, 181, 284, 334, 416, 515
Толстой Н.И. 317, 319, 329
Томара В.С. 168, 171, 374, 385, 458, 460, 465, 466, 503
Топтани, род 480
Трачевский А.С. 172
Траян, император 222
Тристениклиоглу 260, 262, 264
Тугут И. 122
Турн 315, 384
Турнавити Г. 447
Тучков С. 524, 525
Тюренн А. 31

Углеша 9
Украинцев Е.И. 51
Уласло I, король Венгрии (он же — Владислав II Ягелло, король Польши) 16
Уляницкий В.А. 440
Урикару А. 222
Ушаков С. 344
Ушаков У. 94
Ушаков Ф.Ф. 146, 155, 158, 169—171, 385, 386, 507—508
Ушурма (шах Мансур) 158

Фазыл Ахмед Кёпрюлю 311
Фалес 431
Федор Алексеевич 45
Фейто Ф. 138
Фекете Л. 403
Феодора 8
Феодосий (Теодосий) Маркович 357, 364
Фердинанд I, эрцгерцог, император 22, 23, 34
Фердинанд Неаполитанский 176
Ференц I Ракоци 29
Ференц II Ракоци 293
Фермор В.В. 100
Фериери П. 453, 457—469
Филимон 255
Филотич А. 383
Финкенштейн К. 101, 107
Флёри А.Е. 89, 91
Фокс Ч. 157
Фолкнер (Фальконер) 157
Фонвизин Д.И. 121
Фонтана Л. 481
Франц II, император 172
Франц Стефан Лотарингский, император 92, 95
Франц Лотарингский 78
Франциск I 23, 159
Фридрих II Прусский 88, 89, 91, 92, 94, 95, 97, 98—103, 112—114, 118—121, 133, 135, 137—139, 146, 164
Фридрих Август Саксонский (король Польши Август II) 38
Фридрих Вильгельм Курляндский 71
Фридрих Вильгельм I Прусский 89
Фридрих Вильгельм II Прусский 151, 152, 154, 156, 159

Хаджи Манаф 262
Хаджи Мехмед-паша 355
Хаджи Мустафа 312
Хаджич Й. 320
Халил-паша 60
Хасан Джезаирли Монтаоглу 445, 495
Хасан-паша 498
Хмельницкий Богдан 156, 168, 429
Хорват И. 105—107
Хотинул А. 217
Храбак Б. 329
Храповицкий А.В. 154, 156
Хребельянович Л. 308
Хрисанф, патриарх 56
Христакис П. 434
Христиан Август Ангальт-Цербстский 45
Хусейн Хасарфени 30
Хюсейн, капитан паша 481
Хуньяди Янош (Янку Хунедоарский) 11, 15, 16
Худ 170
Хусрев-бег 103

Цветкова Б. 236, 252, 253, 254
Цвийич Й. 306
Цегелин А. 123, 129
Цесарь Юлий 166
Цицерон 226
Црноевич Д. 359
Црноевич И. 376

Чарторыйские, род 116
Чаушолы, род 480

inslav

Чарноевич А. 291, 297
Чарноевичи, Черноевичи, Црноевичи 296, 330
Черноевич-Давидович (Чиркович) Н. 382—384, 386, 387
Чередеев И. 51
Черкасский А.М. 82
Чернышев З.Г. 101, 298
Чернышев И.Г. 115, 144
Чичагов В.Я. 152, 154
Чорович В. 294, 297, 328
Чокан 254

Шарлотта Вольфенбютельская 6,68
Шафиров П.П. 59—61, 79
Шафирова П. 60
Шафирова М. 60
Шахрух 15
Шашкина А.И. 102
Шевич И. 106, 107, 298
Шевич Ив.103
Шевич 299
Шеремет В.И. 169
Шереметев Б.П. 53, 58, 59, 181
Шереметев М.Б. 60, 61
Шетарди И.Ж. 74, 85—88, 94, 96
Шильдер Н.К. 168
Шинкай Г. 227, 228, 528
Шпалькгабер К.О. 451, 465
Штаремберг Р. 32, 33
Штефан, митрополит Валахии 185
Штефан III Великий 4, 21, 178, 191
Штефанеску Шт. 190, 193
Штольц Б. 319, 329
Шуазель А. 120
Шугар П.18, 25
Шулембург И. 420
Шульце-Вессел М. 75

Эван 426
Эвлия Челеби 512
Эврипид 27
Элеонора Аквитанская 11
Эльфинстон Д. 440
Эммануэль 299
Энгельс Ф. 380
Эразм 282

Югович-Маркович С.376
Юлинац П. 323
Юсуф-паша 15

Якуб 12
Янкович де Мириево Т., Мириевский 299, 303, 318, 322
Янковичи, семья 315
Янкович Э. 324, 327
Ян Собесский 31—36, 290

inslav

Содержание

Предисловие (*В.Н. Виноградов*) 3
Османская империя: от величия к упадку (*В.Н. Виноградов*) 7

Часть первая
ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАНОРАМА

Последний крестовый поход христианской Европы (*В.Н. Виноградов*) 28
Тернистый путь России к Черному морю (*В.Н. Виноградов*) 42
Трагедия на реке Прут (*В.Н. Виноградов*) 55
Принц Евгений Савойский на вершине славы (*В.Н. Виноградов*) 64
Балканский вопрос при ближайших преемниках Петра (*В.Н. Виноградов*) 70
Елизавета Петровна и Мария-Терезия на крутых виражах европейской политики (*В.Н. Виноградов*) 84
Екатерина II и прорыв России на Балканы (*В.Н. Виноградов*) 112
Екатерина и Иосиф II: от противоборства к сотрудничеству (*В.Н. Виноградов*) 136
Война 1787 – 1791 гг. и утверждение России на Балканах (*В.Н. Виноградов*) 146
"Восточный роман" генерала Бонапарта и балканские грезы императора Павла (*В.Н. Виноградов*) 162

Часть вторая
БАЛКАНСКАЯ ПАНОРАМА

Дунайские княжества – автономные, но под двойным гнетом (*В.Н. Виноградов*) ... 178
Социально-экономическое развитие Валашского и Молдавского княжеств в XVIII веке (*Л.Е. Семенова*) 199
Культура Дунайских княжеств (*М.В. Фридман*) 216
Кризис османской военно-ленной системы (социально-экономическое развитие болгарских земель в XVIII веке (*И.Ф. Макарова*) 230
На пути к феодальной анархии (болгары под властью турецкого султана) (*И.Ф. Макарова*) 248
У истоков духовного возрождения (болгары под властью Константинопольского патриарха) (*И.Ф. Макарова*) 267
Сербы в условиях разлома сербского этнического пространства (*А.Л. Шемякин*) ... 289

inslav

Черногория — славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства (*Ю.П. Аншаков*) 331
Край трех религий — Босния и Герцеговина (*Е.К. Вяземская*) 393
Греция: Аристократия, жители континента, островитяне и диаспора (*Г.Л. Арш*) ... 407
Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768—1774 гг. Восстание в Морее (*Г.Л. Арш*) 422
Греция после Кючук-Кайнарджийского мира (*Г.Л. Арш*) 445
Таинственная Албания (*Г.Л. Арш*) 467
Албания: Рост сепаратизма местных властителей (*Г.Л. Арш*) 480
Албания: Махмуд Бушати и Али-паша Тепелена (*Г.Л. Арш*) 497
Последний век некогда славной Дубровницкой республики (*В.Н. Виноградов*) 515
Русские подданные турецкого султана (*И.Ф. Макарова*) 518
Заключение (*В.Н. Виноградов*) 527
Терминологический словарь 532
Указатель имен 535

inslav

Научное издание

ИСТОРИЯ БАЛКАН
Век восемнадцатый

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.В. Абрамова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева,*
Г.В. Дубовицкая, М.Д. Шерстенникова

inslav

Подписано к печати 13.10.2004
Формат 70 × 100$^{1}/_{16}$. Гарнитура Балтика
Печать офсетная. Усл.печ.л. 44,9 + 1,3 вкл.
Усл.кр.-отт. 46,9. Уч.-изд.л. 45,7
Тираж 700 экз. Тип. зак. 3679.

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

inslav

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

Общественная мысль в контексте истории культуры: Сборник в честь Альфреда Энгельбертовича Штекли / Отв. ред. О.В. Кудрявцев; Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 2004. — 23 л. — ISBN 5-02-009876-0 (в пер.).

В сборник, посвященный юбилею Альфреда Энгельбертовича Штекли, крупнейшего специалиста по истории общественной мысли и культуры, вошли материалы известных исследователей в области интеллектуальной истории, освещающие широкий спектр социокультурных проблем от древности до наших дней. В центре внимания публикуемых работ типы общественного сознания различных исторических эпох, отразившиеся в их идеологии, в характерных чертах восприятия мира, человека, социума — в учениях схоластов о собственности и труде, в самосознании гуманистов Возрождения, в историографических и политических исканиях XVI—XVII вв., моделях поведения века Просвещения, социальной физике XIX в., геостратегической рефлексии ушедшего столетия.

Для историков, социологов, культурологов и широкой читательской аудитории.

inslav

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины "Академкнига" с указанием "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3433)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru;
akadkniga@nm.ru; http://akadkniga.nm.ru
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой");
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

inslav

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru
akadkniga@voxnet.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

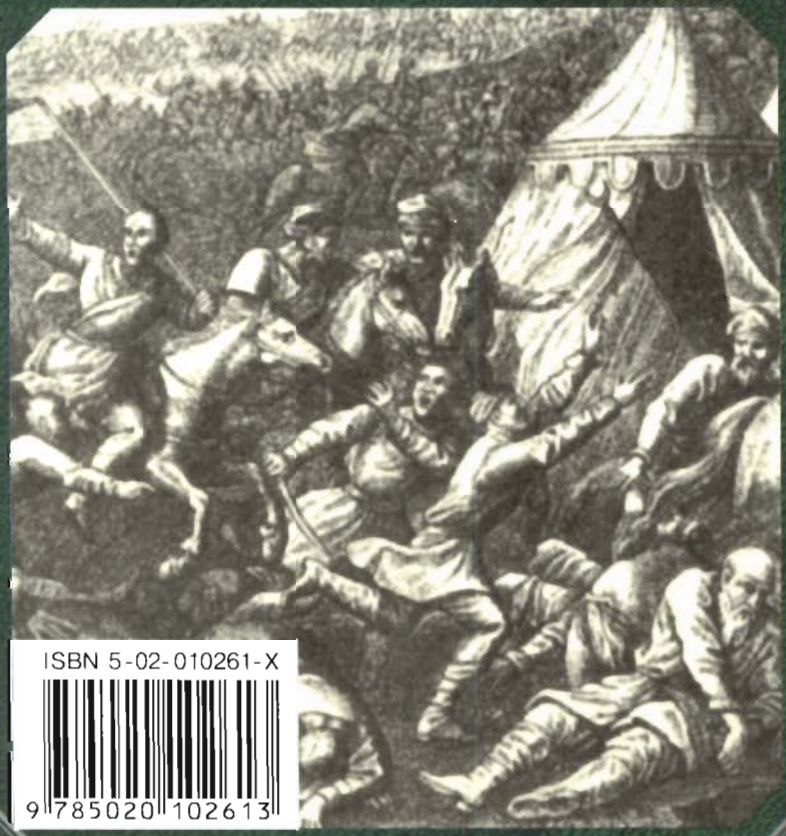
inslav

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

inslav

История Балкан

Век восемнадцатый



ISBN 5-02-010261-X
9 785020 102613

НАУКА

История Балкан
Век восемнадцатый

inslav